

Г. ШУРЦ

ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

1

Основы культуры •
Общество •
Хозяйство •

Генрих ШУРЦ

(1863–1903)

Шурц Г. История первобытной культуры. Т.1: Основы культуры

этнограф. Родился в Цвиккау (Саксония). Учился в Лейпцигском

университете; ученик выдающегося немецкого географа, основателя антропогеографии и геополитики Фридриха Ратцеля. С 1893 г. возглавлял этнографический отдел Бременского музея естественной истории. Исследовал этнографию Северной Африки, Испании, Малой Азии. Занимался вопросами общей этнографии (происхождение денег, одежды, пищевых запретов, орнамента и др.). Ввел в науку проблему роли мужских союзов в родоплеменном обществе. В книге «Возрастные классы и мужские союзы» (1902), опираясь на обширный эмпирический материал из жизни нескольких африканских, одного индийского и четырех североамериканских народов, пришел к выводу, что возрастные классы — древнейший тип социальной организации, основанный, с одной стороны, на общности возрастных переживаний и антагонизме поколений, а с другой — на противоположности полов. Но наибольшую известность имела его книга «История первобытной культуры» (1900), ставшая одним из самых популярных исследований по этнографии в России.

Наше издательство предлагает следующие книги:

9108 ID 114948

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16

Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

Heinrich Schurtz
URGESCHICHTE DER KULTUR

Г. Шурц

**ИСТОРИЯ
ПЕРВОБЫТНОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Том 1

**Основы культуры.
Общество. Хозяйство**

Перевод с немецкого
Э. К. Пименовой и М. П. Негрескул

Издание второе

URSS
МОСКВА

Шурц Генрих

История первобытной культуры. Т. 1: Основы культуры. Общество. Хозяйство. Пер. с нем. Изд. 2-е. — М.: КРАСАНД, 2010. — 424 с.
(Академия фундаментальных исследований: этнология.)

Вниманию читателя предлагается книга известного немецкого этнографа Генриха Шурца (1863–1903), ставшая одним из самых популярных исследований по этнографии в России. Автор детально изучает основные стороны духовной и материальной культуры человечества, уделяя особое внимание этническому своеобразию конкретных культурных типов. Сложные общечеловеческие и этнические процессы и явления иллюстрируются интересными примерами из жизни народов, освоивших различные уголки мира и находящихся на самых разных уровнях развития.

В настоящем издании, представляющем собой первый том книги, поднимаются серьезные проблемы, связанные с основами человеческой культуры, — пространственно-временные отношения, прогресс и регресс, различия между первобытными и культурными народами; исследуются роль зарождения государства в общественном развитии, задачи и формы хозяйства. Второй том книги, посвященный эволюции материальной и духовной культуры, выходит одновременно с первым в нашем издательстве.

Книга написана ярким, доступным языком и содержит большое количество иллюстраций. Она будет интересна этнографам, историкам, культурологам, обществоведам, а также широкому кругу читателей.

Издательство «КРАСАНД».
121096, Москва, ул. 2-я Филевская, 7, корп. 6.
Формат 60×90/16. Печ. л. 26,5. Зах. № 3744.
Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-396-00234-0

© КРАСАНД, оформление, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловіе	IV
Введеніе	3
I. Основы культуры.	
1. Условія времени и пространства	33
2. Прогрессъ культуры	62
3. Дикіе и культурные народы	86
4. Движеніе назадъ и упадокъ	108
II. Общество.	
1. Начало общества	131
2. Соціальныя наслоенія	190
3. Начатки государства	237
4. Нравы и обычаи.	255
III. Хозяйство.	
1. Начатки и задачи челоѳческаго хозяйства	291
2. Хозяйственныя формы	324
3. Культурныя растенія и домашнія животныя	353
4. Ремесла и торговля	377

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете:
<http://URSS.ru>
Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

9108 ID 114948

9 785396 002340

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Человѣчество, какъ своеобразная группа живыхъ существъ, населяющихъ землю въ продолженіе тысячелѣтій, немислимо безъ духовнаго наслѣдія, собраннаго безчисленными поколѣніями и проявляющагося въ каждомъ изъ насъ,— оно немислимо безъ *культуры*. Благодаря культурѣ которая должна считаться результатомъ умственной работы, человѣкъ выдѣляется изъ ряда остальныхъ существъ: онъ отвѣчаетъ на вліяніе окружающей обстановки и на опасности существованія уже не безсознательнымъ измѣненіемъ и приспособленіемъ своего тѣла, а оружіемъ, орудіями и утварью, которыя онъ изобрѣтаетъ, нравами и обычаями, которые можно разсматривать, какъ ставшее уже механическимъ реагированіе общественнаго организма,—наконецъ, опытомъ и знаніями, которые мало-по-малу накаплиются въ неизмѣримыя сокровища познанія. Можно сказать, что для человѣка законы подбора и приспособленія существуютъ почти только еще въ умственной области. Мало того, самая работа культуры положила предѣлы измѣненіямъ въ организаціи и строеніи тѣла. Различія расъ еще теперь указываютъ на то, какъ значительны были когда-то эти измѣненія основнаго типа. Но съ возникновеніемъ того, что мы называемъ культурой, измѣненія эти прекратились, и новыя расы образуются въ настоящее время только путемъ смѣшенія существующихъ типовъ, которые въ общемъ почти не теряютъ своихъ главныхъ чертъ. Что-же касается небольшихъ, вызванныхъ климатическими вліяніями, измѣненій, то они почти не имѣютъ значенія. Кто хочетъ изучить исторію той

или другой породы животныхъ, долженъ прослѣдить ея органическія измѣненія; кто-же стремится понять человѣчество, долженъ прежде всего обратить вниманіе на развитіе культуры.

Во всѣхъ главныхъ отрасляхъ науки замѣчается одно и то же явленіе: сначала разрабатываются отдѣльныя части, на которыя, большей частью изъ практическихъ соображеній, и обращается наибольшее вниманіе; затѣмъ, постепенно, это вниманіе распространяется и на другія части, и лишь горадо позже, могутъ съ надеждой на успѣхъ быть начаты попытки собрать все въ одно большое и гармоническое цѣлое. И наука о человѣкѣ, поскольку она пытается объять умственную и нравственную сторону его существа, другими словами, изученіе культуры, должно было идти тѣмъ же путемъ. Законы и правовыя нормы появились задолго до того, какъ стали размышлять о сущности права, или впервые положили основаніе охватывающей все человѣчество наукѣ о правѣ; теологія существовала, когда еще и рѣчи не было о сравнительномъ изученіи религій, а по эстетикѣ были изданы многочисленныя сочиненія раньше, чѣмъ стали считать достойными вниманія начатки искусства, о которыхъ свидѣтельствуютъ доисторическія находки и произведенія первобытныхъ народовъ. Мы во многихъ отношеніяхъ находимся еще въ стадіи такого перехода отъ цѣнныхъ, но одностороннихъ единичныхъ изслѣдованій къ всевязующей наукѣ о культурѣ, мы окружены еще развалинами стараго и лѣсами воздвигающихся новыхъ зданій. Всюду замѣчается стремленіе найти болѣе широкое основаніе для отдѣльнымъ отраслей знанія, основаніе, которое имъ можетъ дать только изученіе, съ одной стороны, древнихъ культуръ и доисторическихъ остатковъ, съ другой стороны—*всего* живущаго человѣчества. На ряду съ вопросомъ, прежде стоявшимъ на первомъ мѣстѣ во всѣхъ умозрительныхъ наукахъ: „какъ это должно быть?“ теперь все настоятельнѣе требуетъ отвѣта другой вопросъ: „какъ это произошло?“ Естественныя науки давно доказали, какое безчисленное множество новыхъ перспективъ открывается, если серьезно подойти къ вопросу о *развитіи* и его движущихъ силахъ. Умозрительныя науки лишь медленно и нерѣшительно слѣдовали этому образцу и, быть можетъ, благодаря ихъ слишкомъ осторожному дви-

женію впередъ, естественно-научная работа способствовала временной побѣдѣ безотраднaго механическаго воззрѣнія на міръ. Правда, воззрѣніе это не обладало особенной жизне-способностью. Естественныя науки все таки должны быть восполнены столь же цѣннымъ изученіемъ человѣческаго духа; безъ того онѣ рискуютъ стать излишне-трезвыми. Съ другой стороны, изученіе духовной жизни человѣчества, отъ которой зависятъ, конечно и всѣ плоды матеріальной культуры, отнынѣ немислимо безъ естественно-научнаго метода. Исторія первобытной культуры, стремящаяся разрѣшить свою задачу въ этомъ двойномъ смыслѣ, есть требованіе нашего времени.

Предлагаемый трудъ стремится дать картину, охватывающую всѣ начатки культуры и не пренебрегающую, ни одной стороной культурной жизни въ пользу другихъ. Отдѣльныя части этого труда, конечно, не могутъ быть, равноцѣнны, ибо, въ то время, какъ нѣкоторыя отрасли знанія уже прекрасно разработаны, въ другихъ приходится все строить почти съ самаго основанія, рискуя тѣмъ самымъ впасть въ односторонность, такъ какъ въ такихъ случаяхъ недостаетъ данныхъ для крайне необходимаго согласованія взглядовъ и теорій. Можно спорить и о названіи книги; не легко найти короткое и мѣткое опредѣленіе для науки собирательницы, выступающей впервые.

Генрихъ Шурцъ.

Бремень, декабрь 1900 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ древнихъ временъ уже люди признаютъ, что культура составляетъ ихъ высшее сокровище; обладаніе которымъ ставятъ ихъ отдѣльно отъ прочихъ живыхъ существъ на землѣ. Даже среди человѣчества ничто такъ не отдѣляетъ народы и сословія другъ отъ друга, какъ степень и особенности ихъ цивилизаціи. Не одни только древніе греки считали себя высшими существами по отношенію къ варварамъ, но даже весьма нетребовательные береговые жители меланезійскихъ острововъ, и тѣ съ пренебреженіемъ взираютъ на грубыхъ дикарей, обитающихъ внутри страны. Однако, гордое самосознаніе не всегда служитъ источникомъ правильныхъ понятій. Большинство людей обладающихъ высшею культурой, равнодушно смотритъ на это преимущество, какъ на вполне заслуженное и естественное. Между тѣмъ мыслители, на которыхъ лежитъ обязанность руководить на пути познанія, давно уже обращаютъ свои взоры на небольшую область цѣлесообразно измѣненныхъ богатствъ природы, которыми окружаетъ себя въ своей неустанной дѣятельности каждая человѣческая община. Кантъ первый высказалъ смѣлую мысль, что культура составляетъ конечную цѣль самой природы, поскольку она выражаетъ свои законы въ человѣческомъ родѣ. Современная наука охотно избѣгаетъ заводить рѣчь о конечныхъ цѣляхъ, но и она не можетъ отрицать, что, изъ всѣхъ живыхъ существъ, именно человѣкъ достигъ высшихъ ступеней развитія и его дѣятельность, если она прогрессируетъ, заключается въ созиданіи культуры.

Но что такое въ сущности культура? Откуда берется это понятіе, которое мы такъ охотно повторяемъ? Отъ какихъ причинъ зависитъ существованіе культуры, ея ростъ и исчезновеніе? Европеецъ, который можетъ похвастаться, что его окружаетъ самая высо-

Уважаемые читатели! По техническимъ причинамъ далее въ настоящемъ изданіи пагинація книги приводится со страницы 3.

кая культура, которая только существует на землѣ въ настоящее время, конечно не затруднится отвѣтомъ на эти вопросы. Въ самомъ дѣлѣ ему стоить только оглянуться, чтобы узрѣть воочию все великолѣпнѣе культуры, выступающей въ осязательной формѣ передъ его глазами. Онъ видитъ дома, дворцы и соборы, хлѣбныя поля, онъ слышитъ грохотъ экипажей и пыхтѣнье паровыхъ машинъ, а великолѣпныя магазины и лавки привлекаютъ его взоры выставленными на показъ безчисленными товарами, предметами, которыми человекъ украшаетъ свое жилище и себя самого, всевозможными пищевыми припасами и лакомствами, которые доставляются ему изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, и разными орудіями, нужными ему для работы. Тутъ онъ какъ будто можетъ осязать руками самую сущность культуры, познать ее своими чувствами.

Но какъ только человекъ перестаетъ смотрѣть и начинаетъ думать, то эта блестящая картина перестаетъ удовлетворять его стремленія къ истинному познанію вещей, съ нимъ происходитъ то же, что и съ материалистомъ, который съ наивною радостью считывалъ найти въ матеріи основу всѣхъ вещей и затѣмъ, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, увидѣлъ, что это, повидимому, столь стойкое, вещество, какъ бы расплывается подъ его руками, превращаясь въ цѣлую систему силъ. Такъ точно и культура въ дѣйствительности заключается не въ матеріальныхъ фактахъ и результатахъ, а въ тѣхъ силахъ, которыя вызываютъ эти результаты. Доказать это не трудно. Представимъ себѣ, что какое-нибудь грозное явленіе природы вдругъ совершенно уничтожило культурное государство, хотя бы, на примѣръ, Германію, но жителямъ ея удалось спастись. Конечно, мы скоро увидимъ, что на томъ же самомъ мѣстѣ или близости его начинаютъ строиться дома и въ самомъ непродолжительномъ времени выросъ таеъ городъ со всѣми культурными приобретениями, похожій на тотъ, который исчезъ, но, можетъ быть, еще красивѣе и лучше прежняго. Теперь представимъ себѣ другое: что городъ уплывъ со всѣмъ, что въ немъ было, только все население его вымерло и на мѣсто его прежнихъ жителей явилась орда австраійскихъ негровъ. Само собою разумѣется, что вслѣдствіе такой замѣны дома мало-помалу превратятся въ развалины, орудія и машины, которыми никто не умѣлъ пользоваться, заржавѣютъ и подвергнутся постепенному разрушенію и, такимъ образомъ, выстѣтъ съ людьми, отъ которыхъ она исходила, исчезнетъ и культура, оставивъ послѣ себя только слабое воспоминаніе въ видѣ развалинъ и смутныхъ преданій. Вѣдь, даже тамъ, гдѣ сосѣдство высокой культуры дѣйствуетъ на первобытный народъ какъ живой примѣръ и вызываетъ у него подражаніе, это подража-

Монета Филиппа II Македонскаго.

нѣ выражается большею частью въ карикатурахъ; напр., монеты, приготовленныя по образцу древнихъ классическихъ и современныхъ монетъ, превращаются въ рукахъ варваровъ въ настоящіе карикатурныя изображенія. Мы видимъ, слѣдовательно, что культура неразрывно связана съ людьми, съ культурными народами, создавшими ее.

Но культура создается не отдѣльными личностями, а представляетъ работу общества. Подъ этимъ обществомъ мы должны понимать не только тѣхъ, которые живутъ и работаютъ въ данный моментъ, а его безчисленныя поколѣнія въ прошломъ и будущемъ, такъ какъ каждый членъ общества въ настоящемъ пользуется результатами трудовъ и мыслей всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній и въ то-же время самъ, сознательно или безсознательно, прокладываетъ пути для грядущихъ поколѣній. Наслѣдіе знаній передается изъ устъ въ уста, сохраняется въ книгахъ и писаніяхъ и воплощается въ остаткахъ древнихъ временъ. Безъ этого наслѣдія человекъ ничего не значить. Но и это великое наслѣдіе остается мертвымъ и бездѣйствующимъ, если оно не оживаетъ въ современныхъ поколѣніяхъ и не побуждаетъ ихъ къ новой созидательной дѣятельности. Культура можетъ пребывать въ дремлющемъ состояніи въ произведеніяхъ древнихъ временъ, но она лишь тогда становится настоящею культурой, когда живетъ и прогрессируетъ.

Древняя британская золотая монета.

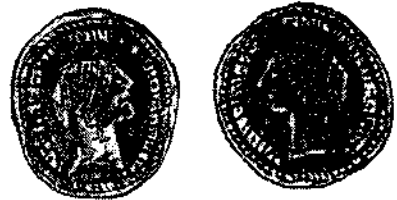
Къ этому мы должны еще прибавить, что было бы большимъ заблужденіемъ, еслибъ мы искали наслѣдіе прошлаго только въ одной передачѣ знаній и опыта. Возьмемъ, напр., молодого негра изъ центральной Африки или бразильскаго краснокожаго; если мы поселимъ его въ нашей культурной общинѣ, то намъ не трудно будетъ придать этому дикарю внѣшній лоскъ цивилизации и снабдить его извѣстною степенью образованія, но врядъ-ли этотъ сынъ природы, искусственнымъ образомъ превращенный въ культурнаго человека, въ состояніи будетъ сдѣлаться настоящимъ членомъ нашего общества, т. е. дѣятельнымъ участникомъ неустанной культурной работы въ Европѣ. Скорѣе можно ожидать, что онъ будетъ окончательно подавленъ предъявленными къ нему требованіями, не соответствующими его природѣ, и погибнетъ. Это должно служить для насъ доказательствомъ, что трудъ нашихъ предковъ, въ которомъ его предки не принимали никакого участія, произвелъ кромѣ того и внутреннія перемѣны въ нашей расѣ, и вслѣдствіе этихъ внутреннихъ измѣненій мы можемъ легко исполнять ту работу, которая сопряжена для негра съ такими затрудненіями или даже совершенно для него не выполнима. Не только члены нашего тѣла укрѣпляются и становятся гибкими отъ постоянныхъ упражненій, но этотъ же самый

небольшой текстъ, который находится вверху страницы, является продолжением текста с предыдущей страницы и описывает процесс передачи культуры и влияния общества на индивида.

законъ примѣнимъ и къ общественному организму; способности ума составляютъ важнѣйшую часть наслѣдія культурныхъ народовъ.

Все сказанное мы можемъ резюмировать слѣдующимъ образомъ: культура есть наслѣдіе труда предшествовавшихъ поколѣній, насколько оно выражается въ учрежденіяхъ, сознаніи, работѣ и результатахъ работы каждаго живущаго поколѣнія. Всѣ результаты матеріальной культуры являются лишь внѣшнимъ выраженіемъ внутреннихъ процессовъ, къ которымъ они относятся такъ же, какъ вѣчно мѣняющіеся атомы тѣлъ къ той живой силѣ, которая ихъ создаетъ и поддерживаетъ. Исторію культуры мы можемъ назвать, слѣдовательно, исторіей человѣческаго ума.

Однако, не отдѣляемъ-ли мы такимъ образомъ человѣка отъ великаго процесса эволюціи, открытіе котораго составляетъ величайшую заслугу современной науки? Вездѣ въ органической природѣ мы встречаемъ преобразованія въ строеніи организмовъ и если даже законъ Дарвина о приспособленіи и подборѣ и подлежатъ нѣкоторымъ возраженіямъ, тѣмъ не менѣе постоянныя измѣненія физическаго

Подражаніе англійскимъ монетамъ. Работа южноафриканскихъ туземцевъ.

строенія животныхъ и прогрессъ въ отношеніи все болѣе и болѣе совершеннаго дифференцированія органовъ, представляютъ факты, не подлежащіе сомнѣнію. Законы природы относятся также и къ человѣку. Если культура не что иное какъ продолженіе естественнаго развитія, то прежде всего организмъ человѣка дол-

женъ былъ бы постольно приспособляться къ новымъ и болѣе труднымъ задачамъ, которыя предстоятъ ему, и культурный человѣкъ долженъ былъ бы поэтому отличаться отъ первобытнаго дикаря большимъ числомъ и болѣею пригодностью своихъ членовъ. Но ничего подобнаго нѣтъ. Физическое строеніе австралійца или огнеземельца лишь незначительнымъ образомъ отличается отъ физическаго строенія аріійцевъ и китайцевъ. Исследуя кости и строеніе скелета до-историческаго человѣка, мы приходимъ къ заключенію, что эти до-историческіе предки мало отличались внѣшнимъ образомъ отъ своихъ потомковъ. Однако, мы замѣчаемъ все-таки большія различія между человѣческими расами, какъ относительно роста, цвѣта кожи, волосъ, глазъ и формы черепа, такъ и относительно выраженія лица, которое является отраженіемъ умственной жизни человѣка. Но тѣ части тѣла и органы, которые служатъ человѣку для передвиженія и работы и при помощи которыхъ онъ трудится для преуспѣянія внѣшней культуры, весьма мало отличаются своимъ строеніемъ и дѣятельностью у различныхъ народовъ. То, что у насъ, европейцевъ, потеряна подвижность боль-

шихъ пальцевъ ногъ, которые у многихъ тропическихъ племенъ являются вспомогательнымъ органомъ при различной промышленной работѣ, объясняется постояннымъ ношеніемъ узкой обуви и подвижность эта можетъ быть восстановлена при надлежащемъ упражненіи.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что человѣкъ, послѣ того какъ его тѣлосложеніе, развиваясь отъ низшихъ ступеней, достигло своего теперешняго состоянія, болѣе уже не подвергается измѣненіямъ въ этомъ отношеніи и вмѣсто дальнѣйшаго дифференцированія тѣлесныхъ органовъ у него начинается другой процессъ—развитіе мозга и заключающихся въ немъ силъ, слѣдовательно, образованіе ума. Въ мѣрѣ животныхъ мы также можемъ наблюдать постепенное развитіе сознанія отъ низшихъ до высшихъ ступеней и въ этомъ отношеніи между человѣкомъ и остальными живыми существами на землѣ не существуетъ непроходимой преграды, но у животныхъ процессы развитія ума и дифференцированія физическихъ органовъ идутъ болѣею частью параллельно, у человѣка же это дифференцированіе совершенно прекращается и уступаетъ мѣсто умственному прогрессу.

Человѣчество, въ своемъ первобытномъ состояніи, не люитъ, по-видимому, ничего выходящаго за предѣлы установившихся формъ и старается, поэтому, искусственнымъ образомъ поддерживать или восстановить случайныя или же возникшія влѣдствіе извѣстнаго рода дѣятельности, измѣненія въ своемъ тѣлосложеніи, которыя прилились ему по вкусу, если наслѣдственная передача этихъ пріобрѣтенныхъ измѣненій не совершается надлежащимъ образомъ. На этомъ основаніи уплощаются или вытягиваются искусственнымъ образомъ черепа, заостриваются остроконечно зубы, ноги изувѣчиваются или же кожа украшается неизгладимыми рубцами и рисунками. Въ другихъ случаяхъ люди слѣдуютъ самымъ неслыханнымъ прихотямъ моды, короче говоря, склонность къ варіированію основнаго человѣческаго типа выражается у людей самымъ разнообразнымъ образомъ. Но всѣмъ этимъ прихотямъ человѣческаго вкуса ставятъ непреодолимыя преграды тѣ таинственныя силы, которыя создаютъ человѣческій организмъ и вызываютъ его размноженіе изъ рода въ родъ. Находясь въ лонѣ матери, ребенокъ, еще не родившійся на свѣтъ, представляетъ чистый и неискаженный человѣческій типъ, хотя бы мать его и изуродовала свое тѣло самымъ удивительнымъ образомъ, въ увѣренности, что это служитъ къ его украшенію.

Подпиливаніе зубовъ у дьяковъ Борнео.

Но какъ можетъ человѣкъ,—по удачному выраженію Флиндерса Петри — „развивать структуру своего мозга посредствомъ внутреннихъ измѣненій, подобно тому какъ другія живыя существа на землѣ развиваютъ свои кости и мускулы, вызывая въ нихъ внѣшнія измѣненія“? Отвѣтъ на этотъ вопросъ давно найденъ. Послѣ

того какъ человекъ изобрѣлъ различныя орудія для работы, которыя явились на помощь его рукамъ, то въ дальнѣйшихъ измѣненіяхъ его органовъ уже не представлялось больше надобности. Въ настоящее время дальнѣйшимъ измѣненіямъ и развитію подвергаются только орудія труда, изобрѣтеніе которыхъ уже не вызывается больше смутнымъ стремленіемъ человекъ облегчить себѣ работу, а представляетъ продуктъ сознательной дѣятельности человѣческаго ума. Такимъ образомъ, при изслѣдованіи культуры, мы все болѣе отходимъ отъ матеріальной стороны нашего существованія и переходимъ въ область дѣятельности человѣческаго ума, создающаго и поддерживающаго культуру.

Сознаніе, составляющее основу умственной жизни человекъ, естественнымъ образомъ считается всѣми людьми важнѣйшимъ свойствомъ человѣческой природы. Благодаря сознанію, человекъ можетъ управлять своими физическими силами и, при ихъ помощи, не только поддерживать и защищать свое тѣло отъ внѣшнихъ вліяній, но и измѣнять внѣшній міръ такимъ образомъ, чтобы онъ могъ служить ему. Тотъ, кто теряетъ сознаніе, можетъ продолжать жить, но жизнь эта будетъ прозябаніемъ и онъ не можетъ больше оставаться въ человѣческомъ обществѣ.

Но если мы ближе изслѣдуемъ сознаніе, руководящее, повидимому, всѣмъ человѣческимъ развитіемъ, то увидимъ, что бываютъ такія состоянія, когда сознаніе совершенно покидаетъ человекъ, хотя дѣятельность его организма и не прекращается. Во время сна свѣточъ ума почти гаснетъ, но тѣмъ не менѣе сердце продолжаетъ работать и гнать кровь по кровеноснымъ сосудамъ, легкія по прежнему вдыхаютъ и выдыхаютъ воздухъ и пищевареніе идетъ своимъ чередомъ. При этомъ, если тѣлу будутъ нанесены какія-нибудь поврежденія, то человекъ приметъ мѣры къ своей защитѣ раньше, чѣмъ это дойдетъ до его сознанія. Гдѣ же пребывало гордое сознаніе человекъ въ то время, когда изъ зародышевой кѣтки развивалось его тѣло со всѣми своими костями, мускулами и нервами и своими, въ высшей степени цѣлесообразно устроенными, органами? Какими ничтожными могутъ показаться притязанія человѣческаго ума передъ тѣми слѣпыми, но увѣренными въ своихъ цѣляхъ и средствахъ, силами, которыя дѣйствовали раньше, чѣмъ умъ оказался въ состояніи распознать ихъ и которыя совершили весь процессъ эволюціи на землѣ, прежде чѣмъ первый лучъ сознанія осветилъ смутныя и неясныя побужденія живыхъ организмовъ! Громадное царство растений до сихъ поръ лишено свѣта духовной жизни, но это не мѣшаетъ деревьямъ расти и развиваться, цвѣтамъ цвѣсти и плодамъ зрѣть, а сѣмена продолжаютъ далѣе распространять новую жизнь.

Первые проблески сознанія должны были появиться именно у

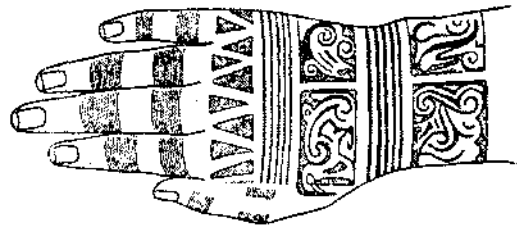
низшихъ животныхъ. Труденъ и длиненъ былъ путь развитія, пока, наконецъ, умъ человекъ не превратился въ превосходное орудіе въ борьбѣ за существованіе, какимъ оно остается и до сихъ поръ. Основнымъ признакомъ ума всегда признавалась способность выбора между различными побужденіями, отданіе преимуществъ тѣмъ, которыя полезны или выгодны организму, и предотвращеніе или избѣжаніе того, что для него вредно. Созиданіе и разрушеніе, эти вѣчно смѣняющія другъ друга явленія природы, выражаются теперь уже любовью и ненавистью, т. е. тѣми основными силами, къ которымъ Эмпедоклъ сводитъ все существованіе міра. Сознаніе создаетъ новыя условія существованія, дѣйствуя попеременно съ другими, приобрѣтенными живымъ существомъ, свойствами, но оно нисколько не устраняетъ дѣятельности этихъ производительныхъ силъ, которымъ, по выраженію Негели «не придается почти никакого значенія, хотя онѣ и остаются тайной, но которыя все-таки управляютъ міромъ, такъ ощутительно и явственно для всѣхъ». Эти силы продолжаютъ столь же неутомимо дѣйствовать далѣе, и сознаніе, рассматриваемое съ этой стороны, представляется лишь органомъ, созданнымъ этими силами для цѣлей дальнѣйшаго и болѣе совершеннаго дифференцированія.

Татуировка рубцами у племени Бангала, государство Конго.

Но въ развитіи ума мы можемъ замѣтить такое явленіе, которое не наблюдается въ другихъ процессахъ развитія живого міра. Умъ противопоставляетъ безсознательной цѣлесообразности силу природы, которой онъ обязанъ своимъ существованіемъ, сознательное стремленіе къ цѣли, заставляющее его иногда вступать въ противорѣчіе съ природой и обѣщающее поднять его надъ слѣпыми безсознательными стремленіями природы, на новую, до сихъ поръ еще не достигнутую, высоту. Быть можетъ, ни въ чемъ это противорѣчіе не выступаетъ съ такою ясностью, какъ въ искусствѣ врачеванія. Мы уже говорили о томъ, какъ эти самыя силы созидаютъ тѣла, помимо какого-либо вліянія разсудка; они могутъ также вылѣчивать и поврежденія, нанесенныя тѣлу, и посредствомъ повышенія его температуры дѣйствовать противъ тѣхъ безконечно малыхъ живыхъ существъ, которыя проникаютъ въ его кровь, отравляютъ и разла-

гаютъ ее, какъ чужеродныя и вредныя для организма постороннія существа. Врачъ долженъ вообще полагаться на эту самопомощь организма. Но бываютъ все таки случаи, когда его вмѣшательство идетъ наперекоръ силамъ природы, задерживая ея охранительную дѣятельность, напр., тогда, когда температура тѣла повышается до опасныхъ для жизни предѣловъ или когда природа старается путемъ нагноенія удалить постороннее тѣло, проникшее въ слѣпую кишку. Конечно, по сравненію съ внутренними дѣятельными силами организма, эти успѣхи врачебнаго искусства весьма незначительны, но все-таки они представляютъ побѣду яснаго сознанія надъ слѣпыми силами и указываютъ намъ путь, по которому съ самаго начала шло развитіе ума и по которому оно должно слѣдовать и дальше. Вундтъ именно этотъ путь имѣетъ въ виду, когда говоритъ: „Пылливый умъ долженъ видѣть свою высшую задачу въ превращеніи инстинктивнаго познанаія чувствъ въ ясное познанаіе разсудка“. Такое же развитіе ума, само собою разумѣется, совпадаетъ съ развитіемъ культуры. Но было бы роковою ошибкою думать, что умъ можетъ существовать безъ этой темной стороны жизненной дѣятельности и что прогрессъ культуры зависитъ только отъ одухотворенія человѣческаго рода. Въ дѣй-

Татуированная рука даяка, Борнео.

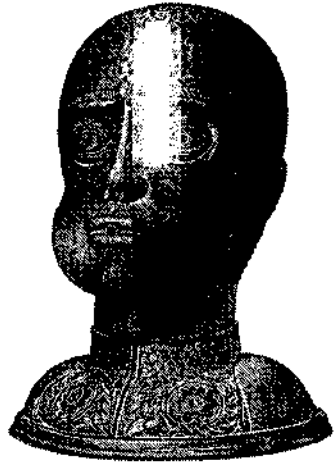
ствительности, бессознательное по прежнему составляетъ основу личности и развивается вмѣстѣ съ сознаніемъ и посредствомъ сознанія. И то и другое дополняютъ другъ друга

и одно безъ другого немислимы. Спящій, поворожденный ребенокъ, идіотъ, могутъ существовать безъ участія разсудка, но человеческое общество, какъ таковое, немислимо безъ этого. Съ другой стороны, и умъ не можетъ существовать самъ по себѣ, это ясно вытекаетъ изъ всего процесса его развитія и поэтому-то, какъ разумные, такъ и инстинктивные поступки, одинаково необходимы человѣку. Слово „инстинктъ“ указываетъ намъ путь, на которомъ мы лучше всего можемъ распознать эту временно дополняющую дѣятельность человеческой природы „день и ночь“ человеческого существованія какъ это называетъ Фехнеръ, — и вмѣстѣ съ этимъ позволяетъ намъ заглянуть въ самый процессъ развитія духовной культуры. Наблюденіе надъ міромъ животныхъ указываетъ намъ, что существуетъ два различныхъ рода инстинкта: одинъ образуется безъ всякаго участія сознанія и такого рода инстинкты называются первичными, такъ какъ они безусловно были самыми первоначальными. Они

передаются далѣе, изъ рода въ родъ, путемъ наслѣдственности, но при этомъ не подвергаются измѣненіямъ. Руководимая этимъ первичнымъ инстинктомъ, гусеница шелкопряда съ большимъ искусствомъ устраиваетъ свое жилище, пчела выдѣлываетъ ячейки, паукъ плететъ свою опасную сѣть. Однако этотъ первичный инстинктъ не остается все-таки безъ всякаго вліянія сознанія и часто бываетъ, что инстинктивная дѣятельность приспособляется къ измѣнившимся условіямъ и въ концѣ-концовъ совершенно измѣняется сама. Вспомнимъ птицъ, свивающихъ гнѣзда, напр., американскихъ ласточекъ, на которыхъ въ этой работѣ несомнѣнно имѣли вліяніе постройка зданій, служащихъ жилищемъ человѣку, — или собаку, у которой природные инстинкты совершенно измѣнились, подъ вліяніемъ другихъ, привитыхъ ей воспитаніемъ. Такія перемены, безъ сомнѣнія, должны происходить при участіи сознанія, но сознаніе, кромѣ того, можетъ также создавать инстинктивные стремленія и даже можно сказать, что дѣятельность мозга прежде всего состоитъ въ развитіи цѣлаго ряда „вторичныхъ инстинктовъ“ и автоматическихъ дѣйствій, которыя тотчасъ же обнаруживаются подъ вліяніемъ соответствующаго раздраженія. Этотъ процессъ всего яснѣе выражается въ тѣхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ ребенка, которыя вначалѣ такъ затруднительны для него, но впоследствии, превратившись въ автоматическія дѣйствія, выполняются имъ съ большою легкостью, напр., хожденіе, прыганіе, ѣзда, разговоръ, писаніе, и т. п. Еслибы взрослый человѣкъ захотѣлъ при каждомъ своемъ шагѣ обдумывать предварительно всѣ отдѣльныя движенія мускуловъ, составляющія вмѣстѣ актъ хожденія, или же ему вѣдумалось бы, во время писанія, стараться ясно представить себѣ каждую отдѣльную букву, составляющую слово, то его дѣйствія превратились бы въ нерѣшительныя движенія маленькаго ребенка. Всякое обученіе прежде всего имѣетъ цѣлью превратить большую часть извѣстной работы въ автоматическія дѣйствія и освободить такимъ образомъ умъ для того, чтобы онъ могъ извлекать пользу изъ разныхъ неожиданныхъ случайностей или предупреждать неправильныя дѣйствія, могущія принести вредъ.

Если автоматическая дѣятельность заключается въ томъ, что цѣлый рядъ представленій связывается привычнымъ образомъ вмѣстѣ и вызываетъ соответствующія дѣйствія, при чемъ сознанію достаточно только подать сигналъ къ тому, чтобы вызвать эти представленія и соответствующія дѣйствія, то, разумѣется, будетъ отдано предпочтеніе такому уму, который обладаетъ наибольшимъ запасомъ подобныхъ представленій и можетъ большую часть своихъ дѣйствій производить механически, не участвуя въ этихъ дѣйствіяхъ и оставаясь свободнымъ, чтобы реагировать на всѣ внѣшнія раздраженія. Такой умъ напоминаетъ хорошо обученнаго солдата, который быстро производитъ всѣ необходимыя движенія, заряжаетъ ружье и стрѣляетъ, не выпуская въ

то же время изъ вида своего противника, тогда какъ неопытный солдатъ не справится ни со своимъ ружьемъ, ни со своими движениями и, несмотря на все свое рвеніе, не выполнитъ требуемой задачи. Привычные пути представлений, образовавшіеся въ сознаниі и обуславливающіе возможность чисто-механическихъ дѣйствій, можно сравнить съ тропинками, проложенными въ густой чащѣ лесного кустарника. Некультуривированный умъ обладаетъ лишь весьма незначительнымъ числомъ такихъ тропинокъ и поэтому, когда онъ преслѣдуетъ какую-нибудь новую идею, то непременно попадетъ на старые пути и отвлекается отъ истинной цѣли. Культурный же умъ, обладающій множествомъ такихъ путей, скорѣе можетъ найти истинное направленіе и притомъ, вслѣдствіе множества тропинокъ, проложенныхъ въ чащѣ, она уже не такъ густа и легче

Мѣдный царовой свистокъ. Итальянская работа 15-го вѣка.

образовать въ ней новыя сообщенія и проложить новыя пути. Другими словами: у культурнаго человѣка процессъ мышленія совершается съ гораздо большею легкостью, быстротой и спокойствіемъ, нежели у какого-нибудь дикаря. Результаты мышленія и опыта предковъ образуютъ наслѣдіе культурнаго человѣка, и превратившись до нѣкоторой степени во „вторичный инстинктъ“, не отягощаютъ его сознаниа, которое не можетъ одновременно вмѣстить такую массу представлений. Но если у него существуетъ стремленіе къ изобрѣтательности, то онъ можетъ свободно пользоваться этими представленіями для какого-нибудь изобрѣтенія, которое составитъ огромный шагъ на пути прогресса. Иногда это бываетъ простая забава, но и такая забава можетъ привести къ серьезному рѣшенію какой-нибудь важной проблемы, вспомнимъ, напр., что сила пара примѣнялась съ цѣлью забавы гораздо раньше, чѣмъ люди научились пользоваться ею для цѣлей культуры.

Такимъ образомъ, мы снова возвращаемся къ уже высказанному нами положенію, что то наслѣдіе, обладаніе которымъ отличаетъ культурныхъ людей отъ народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія, и въ то же время отдѣляетъ все человѣчество отъ остального животнаго міра, выражается не въ одной только внѣшности и точно также заключается не въ однихъ только устныхъ и письменныхъ преданіяхъ, а въ способностяхъ ума. Сущность культурной работы

ясна: цѣль ея—замѣнить бессознательно-цѣлесообразное, побужденія и первичныя инстинкты, правильнымъ распознаваніемъ причинъ и слѣдствій и, такимъ образомъ, дать толчекъ къ сознательно-цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ. Это возможно однако лишь въ томъ случаѣ, если пріобрѣтенное такимъ путемъ также превратится въ цѣпь механическихъ слѣдующихъ другъ за другомъ представлений, которымъ соответствуетъ рядъ такихъ же автоматическихъ дѣйствій. Умъ въ данномъ случаѣ сохраняетъ возможность контролировать до нѣкоторой степени эти представленія и дѣйствія и по своему произволу открывать рядъ этихъ дѣйствій или превращать ихъ, что и составляетъ разницу между вторичными инстинктами и дѣйствіями и первичными. Такая способность ума составляетъ главную часть сокровища, полученнаго культурными народами въ наслѣдіе отъ своихъ предковъ, такъ какъ безъ этого простая передача накопленнаго опыта и знанія была бы мертвымъ звукомъ и мертвою буквой.

Преданія составляютъ однако не что иное какъ частицу памяти человѣчества, слѣдовательно и всѣ пріобрѣтенныя инстинкты также образуютъ часть памяти и притомъ самую необходимую и важную. Въдѣ и первичныя инстинкты представляютъ до нѣкоторой степени воспоминаніе о бессознательныхъ силахъ. Только съ уже существующими въ мозгу готовыми рядами представлений могутъ быть легко связаны соответствующія дѣйствія, тогда какъ при отсутствіи этихъ представлений самыя разумныя взгляды и поученія преданій не могутъ выразиться въ дѣйствіяхъ и остаются безплодными. Кто не испыталъ этого на себѣ и не наблюдалъ на другихъ, преимущественно въ нравственной области? „Тотъ хорошій проповѣдникъ, который слѣдуетъ самъ своимъ собственнымъ наставленіямъ, говорить Шекспиръ устами умной Порции. Я скорѣе могу поучать двадцать человѣкъ, какъ надо поступать, чѣмъ быть однимъ изъ этихъ двадцати и слѣдовать своимъ собственнымъ поученіямъ“.

Но совершенно съ иною силою выражаются дѣйствія, которыя связываются съ унаслѣдованными или же систематически замечательными въ дѣтствѣ представленіями, хотя бы эти представленія и были самаго нелѣпаго свойства. Подчиняющійся этимъ инстинктамъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ беспощадную силу, которая не всегда однако ведетъ ко благу человѣчества. Въ исторіи мы видимъ множество примѣровъ этому, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не признавать того, что все-таки огромное число вторичныхъ инстинктовъ составляетъ основу прогресса культуры. Образованный человѣкъ отличается отъ простаго грубаго высочки не только суммою своихъ знаній, но, главнымъ образомъ, своею способностью отражать въ своихъ дѣйствіяхъ извѣстные возвышенныя взгляды безъ всякой натяжки и самымъ естественнымъ образомъ. Но нѣкоторые историческіе примѣры указываютъ намъ, что одностороннее развитіе поня-

тей, могущих служить побужденіемъ къ поступкамъ, все-таки заключаютъ въ себѣ опасности.

Вторичные инстинкты хотя и образуютъ важнѣйшій родъ памяти человечества, но не составляютъ ея единственнаго состоянія. Величайшими вспомогательными средствами для передачи служатъ у человека языкъ и письменность. Возможна, конечно, передача и посредствомъ примѣра, это даже единственный способъ, который намъ приходится наблюдать у высшихъ животныхъ. Врожденный инстинктъ обезьянъ отыскивать наиболѣе вкусные плоды, но примѣръ взрослыхъ облегчаетъ юному поколѣнію усвоиваніе необходимыхъ познаній, т. е., вѣрнѣе, пробуждаетъ у нихъ дремлющій инстинктъ. У людей языкъ отодвигаетъ на задній планъ всѣ другіе способы обученія и объясненія и, принуждая умъ къ образованію болѣе ясныхъ понятій, доставляетъ въ то же время и матеріалъ для этихъ понятій, вызывая, такимъ образомъ, огромныя перемены въ его внутренней жизни. Изъ первоначальнаго мышленія образами и представленіями, ограниченнаго сферою чувственныхъ воспріятій, вызывается мышленіе словами и абстракціями. Но такъ какъ языкъ мыслимъ только внутри общества и такъ какъ онъ дѣлаетъ возможнымъ распространеніе приобретенныхъ понятій на всѣхъ членовъ этого общества, то само собою разумѣется, что прогрессъ языка и ума въ то же время доставляетъ и прогрессъ культуры. Далѣе, языкъ, дающій возможность передачи знаній и опыта изъ поколѣнія въ поколѣніе, помогаетъ образованію новой прочной памяти человечества, дополняющей богатство его инстинктивной памяти. Такимъ путемъ умъ человѣческій освобо-

Бирка восточныхъ якутовъ для охотничьей добычи. Сибирь.

ждается еще отъ одного груза, такъ какъ сохраненіе преданій распределяется между различными личностями и кромѣ того это служитъ къ лучшему обезпеченію сокровищъ человѣческой памяти, не связанныхъ болѣе съ отдѣльною личностью, а легко передаваемыхъ отъ одного къ другому и даже могущихъ совершать дальнѣйшія странствованія отъ одного народа къ другому.

Дикіе народы не пошли далѣе языка и нѣкоторыхъ примитивныхъ знаковъ воспоминанія, но высшая культура немислима безъ письменности, которая создаетъ человечеству искусственную память съ безграничною вмѣстительною способностью. Если-накакаянибудь область знанія, случайно или вслѣдствіе перемены настроенія, останется въ небреженіи и если даже прогрессъ культуры повидимому совершенно уничтожитъ ее изъ памяти человечества, то все же достигнутое въ этомъ отношеніи не будетъ потеряно, если сохранятся

письменные замѣтки объ этомъ предметѣ. Философы и поэты Греціи продолжаютъ и теперь говорить съ нами, не смотря на мутныя волны человѣческаго потока, излившіяся на Европу во времена великихъ переселеній, а неутомимыя старанія изслѣдователей заставили снова заговорить египетскіе іероглифы и письмена вавилонской библиотеки. Изобрѣтеніе книгопечатанія доставило возможность распространенія въ самыя отдаленныя уголки земного шара приобретенной культуры; тотъ же, кто имѣетъ что-нибудь сказать, можетъ, посредствомъ этого изобрѣтенія, заставить услышать свой голосъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Кромѣ того печатаніе произведеній въ самомъ большомъ количествѣ экземпляровъ уменьшаетъ опасность окончательнаго исчезновенія какого-нибудь труда. Между тѣмъ какъ извѣстные факты и понятія становятся доступными всѣмъ членамъ культурнаго міра, образуется, благодаря этому, общее основаніе мышленія и знанія и возникаетъ связь между миллионами и миллионами людей. У бесписьменныхъ народовъ болѣе или менѣе тѣсная связь поддерживается только личными сношеніями, да устными обмѣнами взглядовъ.

Когда образованіе вторичныхъ инстинктовъ, языкъ и письменность, освободятъ умъ культурнаго человека отъ излишней, стѣсняющей его свободу, работы, то онъ можетъ всѣ свои силы посвящать еще нерѣшеннымъ и сомнительнымъ вопросамъ существованія и своему собственному прогрессу. Однако даже среди народовъ, достигшихъ высокой степени культуры, лишь немногіе въ состояніи посвятить себя такой работѣ, но на нихъ-то и зиждется дальнѣйшій прогрессъ культуры.

Противъ этого послѣдняго взгляда высказываются все-таки возраженія, далеко не всякій согласенъ признать, что на долю отдѣльной единицы въ человѣческомъ обществѣ выпадаетъ такая огромная задача. Такой взглядъ считается даже нѣкоторыми остатками дѣтскихъ воззрѣній, когда каждая отдѣльная личность казалась самой себѣ центромъ всего бытія, свободнымъ и самодовлѣющимъ существомъ. Дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на то, въ какой зависимости находится человѣческая личность отъ силъ, создавшихъ ее, какъ мало власти она имѣетъ надъ своимъ разсудкомъ, въ какой мѣрѣ она воплощаетъ въ своихъ стремленіяхъ и учрежденіяхъ дѣятельность предшествовавшихъ поколѣній, какъ много она черпаетъ изъ сокровищницы древнихъ временъ и какъ вліяютъ на ея поступки и стремленія примѣръ и сужденіе окружающаго міра, то она сама представляетъ намъ такимъ ничтожествомъ, что мы готовы будемъ усомниться въ ея сущности. Въ самомъ дѣлѣ, не мало было сдѣлано попытокъ лишить человѣческую личность и послѣдней самостоятельности и все, что ей приписывалось до сихъ поръ, разсматривать какъ функцію общества, къ которому отдѣльная личность

стоитъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ клетка въ организму. Самымъ рѣшительнымъ образомъ формулировалъ эти взгляды Гумпловичъ, говоря: „Вѣдчайшимъ заблужденіемъ индивидуалистической психологіи было предположеніе, что человѣкъ мыслитъ... То, что мыслить въ человѣкѣ, это не онъ самъ, а его социальное общество. Источникъ его мышленія лежитъ не въ немъ, а въ социальной средѣ, въ которой онъ живетъ, въ социальной сферѣ, въ которой онъ дышетъ, и онъ не можетъ мыслить иначе, чѣмъ это слѣдуетъ изъ тѣхъ вліяній окружающей его среды, которыя концентрируются въ его мозгу».

Это все звучитъ очень научно, но вѣрно-ли это? Тутъ идетъ рѣчь не о наследственныхъ свойствахъ расы или рода, не о механической цѣли представленій и дѣйствій, а о томъ, что группа индивидовъ, составляющихъ въ данный моментъ общество, обладаетъ чѣмъ-то вродѣ общаго сознанія, которое проявляется въ отдѣльныхъ личностяхъ, но исходитъ не отъ нихъ. Однако, тутъ совершенно упускается изъ виду, что взрослый человѣкъ отлично можетъ жить, мыслить и дѣйствовать безъ всякаго общества. Не зачѣмъ даже извлекать изъ могилы многострадальную тѣнь Робинзона, чтобы доказать это. Кающіеся индусы и христіанскіе анахореты, удалившіеся отъ человѣческаго общества и избѣгавшіе какихъ бы то ни было сношеній съ людьми, достаточно хорошо извѣстны и такіе же факты наблюдаются и у дикихъ народовъ. Геккельдеръ говоритъ о сѣвероамериканскихъ индѣйцахъ, что между ними всегда встрѣчаются отдѣльныя личности, не желающія подчиняться существующему общественному порядку и поэтому блуждающія одиноко, а Галль рассказываетъ про новобританцевъ: „Отдѣльныя личности могутъ, полагаясь на самихъ себя, удалиться въ пустыню, избѣгая всякаго общенія съ другими и считая всѣхъ за предѣлами узлаго личнаго круга, за враговъ“. Можно-ли въ такомъ случаѣ разсматривать дѣйствія и помыслы такихъ людей, освободившихся отъ социальныхъ узъ, какъ выраженіе общей народной души? Развѣ не существуетъ, притомъ, многочисленныхъ примѣровъ образованія новыхъ племенъ изъ бѣглецовъ различныхъ расъ и народовъ, каждый отдѣльный членъ которыхъ долженъ былъ постепенно научиться улаживаться другъ съ другомъ? Развѣ такіе случаи не указываютъ на единичныя сознанія какъ на первоначальный элементъ, изъ котораго складывается „социальная душа“? Эти вопросы вполне умѣстны, въ виду односторонности перваго воззрѣнія.

Ничего не можетъ быть поучительнѣе въ данномъ случаѣ, какъ наблюденія надъ обществами животныхъ. Животныя, соединяющіяся въ группы, приобретаютъ въ этомъ соединеніи оружіе въ борьбѣ за существованіе, полезное и необходимое для нихъ; но тѣ изъ нихъ, которымъ подобное группированіе въ стада не приноситъ никакой

выгоды, продолжаютъ жить одиноко и только въ періоды размноженія временно сходятся вмѣстѣ. Нельзя даже сказать, что извѣстныя группы животныхъ всегда безъ исключенія живутъ обществами, другія же должны безусловно жить одиноко. Большіе хищники предпочитаютъ въ одиночку отправляться за добычей, такъ какъ имъ удобнѣе при такихъ условіяхъ подкрадываться къ своей жертвѣ; поэтому они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ собираются въ стада. Дакія же собаки въ Индіи, наоборотъ, охотятся стаями, такъ какъ въ одиночку они не въ состояніи овладѣть ни однимъ животнымъ сколько-нибудь порядочной величины; тутъ они возмѣщаютъ своимъ числомъ недостающія имъ силы. У травоядныхъ животныхъ встрѣчаются самыя различныя виды общества, отъ представляющихъ никакой связности стаи нѣкоторыхъ породъ птицъ, отправляющихся совместно на ночлегъ, до сравнительно хорошо развитыхъ социальныхъ сообществъ извѣстныхъ родовъ обезьянъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что многіе виды животныхъ лишь постепенно привыкли къ совместной жизни и уже потомъ далѣе развили свою общественную жизнь. Точно также и человѣческое общество не можетъ представлять неизмѣнной основы, изъ которой должны исходить всѣ дѣйствія и воззрѣнія отдѣльныхъ индивидовъ.

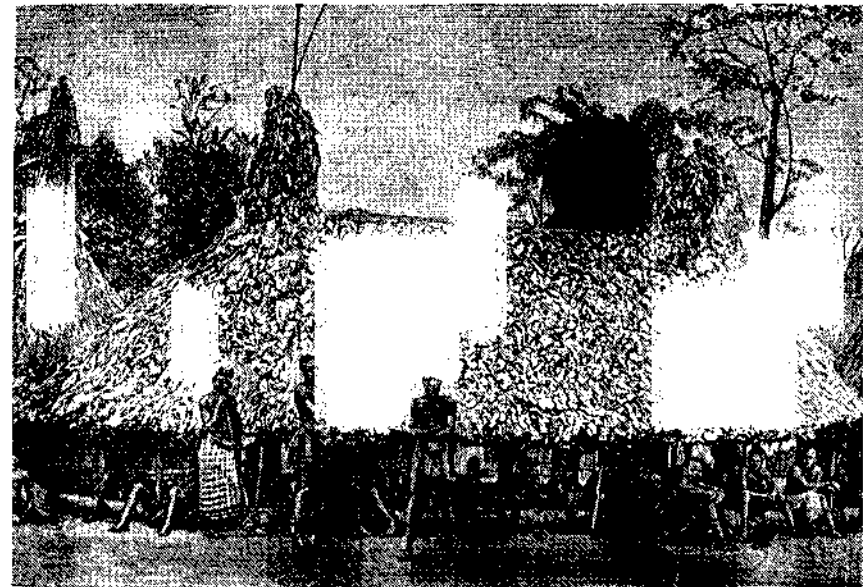
Мы высказали все это, чтобы предупредить преувеличенную оцѣнку общественной психологіи, не отвѣчающую фактамъ. Но зачѣмъ слѣдуетъ признать, что человѣкъ, являющійся продуктомъ очень длинной эволюціи, представляетъ вполне социально существо, которое развивается въ средѣ общественныхъ союзовъ и только внутри этихъ союзовъ находится въ своей настоящей стихіи. Его психическая природа носитъ на себѣ слѣды такого образа жизни, продолжавшагося въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Медленное развитіе человѣческаго потомства скоро привело бы къ уничтоженію рода, если бы защита общества не устраняла препятствій къ безостановочному росту дѣтей. Въ царствѣ животныхъ, какъ и среди людей, лучшія силы развиваются всего медленнѣе, поэтому-то существованіе общества составляетъ неизрѣшимое условіе высшей культуры. На очень давнее существованіе человѣческихъ обществъ указываетъ, между прочимъ и исчезновеніе у людей періодичности полового возбужденія, которая наблюдается у животныхъ. Въ этомъ отношеніи человѣкъ освободился отъ своей зависимости отъ природы, такъ какъ благодаря общей работѣ и попеченіямъ социальныхъ группъ, ребенокъ во всякое время находить необходимый для себя уходъ. Такимъ образомъ уже не ощущается болѣе необходимости въ умноженіи числа рожденій въ извѣстные сроки и періодичность исчезаетъ, но взамѣнъ этого общественная жизнь поощряетъ продолжительные союзы половъ.

Духовныя особенности человѣка еще яснѣе указываютъ на долгую привычку къ общественному существованію. Тѣ самодовлѣющіе

антисоциальные индивиды, о которых мы упоминали выше. Всегда будут составлять лишь исключение среди громаднаго большинства, инстинктивно ищущаго общенія и предпочитающаго, въ случаѣ нужды, самое худшее обществоодиночеству. Потребность постоянно высказываться, представляющая особенное свойство человѣческаго рода, основывается вовсе не на желаніи передать какія нибудь глубокія мысли и понятія, но, главнымъ образомъ, имѣеть цѣлью усилить пріятное чувство, порождаемое дружескимъ сообществомъ и вызвать у присутствующихъ одинаковое настроеніе, въ которомъ впервые обнаруживается то, что называется «общественною душой». Стремленіе къ подражанію, выражающееся у ограниченныхъ натуръ съ непреодолимою силой при извѣстныхъ обстоятельствахъ, также связано своимъ происхожденіемъ общественности. Тамъ, гдѣ въ народѣ образуются стойкія социальныя раздѣленія, у низшихъ легко развивается настоящій инстинктъ послушанія, а у высшихъ — инстинктъ господства. Наконецъ, и та огромная власть, которую имѣютъ обыкновенія и обычаи надъ отдѣльнымъ индивидомъ, можетъ быть объяснена лишь продолжительнымъ социальнымъ воспитаніемъ.

Труднѣе отвѣтить на вопросъ, въ какой мѣрѣ умственная жизнь индивида опредѣляется умственною жизнью окружающаго его среды. Тутъ, безъ сомнѣнія, мы найдемъ весьма различныя степени развитія какъ у отдѣльныхъ личностей, такъ и у различныхъ народовъ. Развитие это, очевидно, совершается въ томъ смыслѣ, что личность становится все болѣе и болѣе самостоятельною, свободной и независимой въ своихъ рѣшеніяхъ. — другими словами, что давленіе общества у высшихъ культурныхъ народовъ и умственно одаренныхъ личностей постепенно терлетъ силу. Это вполне понятно. Какой-нибудь дикарь, не знающій ничего на землѣ кромѣ узкихъ предѣловъ своего маленькаго отечества, и лишь изрѣдка сталкивающийся, да и то болѣею частью враждебнымъ образомъ, съ какимъ-нибудь соседнимъ племенемъ, не встрѣчаетъ въ окружающей средѣ ничего такого, что бы могло возбудить въ немъ мысль о возможности измѣненія его положенія. Такой человѣкъ, выросшій въ тѣсномъ кругу извѣстныхъ представленій, само собою разумѣется, сильнѣе подчиняется влиянію обыкновенія и обычаевъ, нежели культурный человѣкъ, въ окружающей средѣ котораго высказываются самыя разнообразныя воззрѣнія и къ услугамъ котораго находится необъятная литература, посвящающая его во всѣ разногласія, возникающія въ области мысли. Но насколько все-таки отдѣльный индивидъ подчиняется окружающей средѣ, доказываетъ примѣръ европейцевъ, поавшихъ къ дикарямъ. Если такой европеецъ, вынужденный жить среди дикарей, не обладаетъ достаточно прочною культурой, то онъ легко спускается до уровня развитія своихъ сосѣдей. Такъ, напр., многіе живущіе въ Сибири русскіе обнаруживаютъ склонность къ шаманству. Витовскій

рассказываетъ про одного священника, который былъ выдѣленъ шаманомъ и послѣ того поставилъ рядомъ съ образами изображеніе одного идола, которому онъ поклонялся самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Прогрессъ культуры клонится къ образованію самостоятельности личности, поскольку онъ касается отдѣльныхъ индивидовъ. Но независимость отъ социальнаго давленія еще не достигнута ни среди высшихъ культурныхъ народовъ, ни среди самыхъ высоко-развитыхъ умственно личностей. Они также подчиняются, хотя и противъ воли и въ ограниченной степени, влиянію массъ. У нѣко-

Домъ общественныхъ собраній въ деревнѣ Бокула, въ Конго.

торыхъ умовъ замѣчается даже отклоненіе отъ естественныхъ условий, выражающееся презрѣніемъ стаднаго инстинкта. Уже въ древней Греціи можно противопоставить Демосену, мечтающему объ одобреніи толпы, характерную фигуру Фокіона, который, услышавъ сочувственные возгласы своихъ согражданъ, спросилъ: «Развѣ я сказалъ что-нибудь глупое?» Но въ общемъ человѣкъ все-таки не можетъ обойтись безъ одобренія и сочувствія своихъ товарищей, гдѣ бы онъ ни развивалъ своихъ взглядовъ: въ общественномъ ли домѣ въ Конго или въ какомъ-нибудь европейскомъ парламентѣ.

Если когда-нибудь «психология масс» превратится в строго-ограниченную науку, то прежде всего она должна будет считаться с тем фактом, что отдельные личности далеко не в одинаковой степени подлежат «психической заразе» в толпе. Далее, ей придется установить другую бесспорную истину, что идеи вовсе не развиваются в самой массе посредством какого-то таинственного броуновского процесса, но всегда должны быть высказаны предварительно какими-нибудь отдельными личностями и затем уже распространяются дальше. В самом деле, массовой психологии приходится иметь дело в большинстве случаев не с передачей мыслей, а с переносом чувств и настроений. Повидимому, склонность прилагаться к общему настроению составляет полезную в большинстве случаев и приобретенную человеком в борьбе за существование особенность, которой он, однако, обязан значительной частью своих успехов. Само собою разумеется, что общность чувств помогает объединению и порождает всё, отсюда исходящее, преимущества. Благодаря ей масса временно превращается в родъ организма, преследующаго всеми своими частями определенную цель, и в этом заключается залог успеха. Мысли гораздо труднее передаются, нежели ощущения, так как умственные способности бывают слишком различны и трудно поэтому достигнуть полного единодушия во взглядах, тогда как чувства симпатии, ненависти и презрения, хотя и не одинаково легко вызываются у разных индивидуумов, но в своей сущности все-таки одинаковы. Кто хочет вдохновить толпу, тот должен уметь превратить мысли в ощущения и абстрактное и объективное замѣнить личнымъ. Ничто так быстро не вызывает общаго настроения, как музыка, которая исключительно действует на чувственную природу человека и ничто не действует так заразительно, как танецъ, сопровождающийся музыкой.

Общество оказывает еще и другие влияния, которые всего яснее и неожиданнее выступают при статистическом исследовании фактов народной жизни, хотя психологическая сторона этих явлений и не поддается математическому исследованию. Уже первые исследователи, занимавшиеся социологическою статистикой, сделали неожиданное открытие, что действия, повидимому всецело зависящая от случайностей или от произвола отдельных личностей, напр., заключение браковъ, различные роды преступлений и самоубийства, из года в годъ повторяются почти в одинаковомъ числѣ, хотя скорѣе можно было бы ожидать тутъ постоянныхъ и большихъ колебаний. Рождение и смертность также подлежатъ этому удивительному закону, который обнаруживается темъ яснее, чѣмъ съ большими социальными группами мы имѣемъ дело. Однако, тутъ нѣтъ мѣста какимъ-либо таинственнымъ силамъ. Сущность явления заключается в томъ, что

при исчислении всё исключительные случаи взаимно уничтожаютъ другъ друга и въ статистическихъ числахъ выражается лишь чисто-нормальное среднее. На ряду съ такимъ чисто-механическимъ действием большой массы существуетъ еще родъ психического подбора, также благоприятствующаго единообразию и представляющаго, быть можетъ, важнѣйшій признакъ массовой психологии. При общении мнѣний, т. е. которыя слишкомъ сильно уклоняются въ ту или другую сторону, также взаимно уничтожаютъ другъ друга и побѣду одерживаютъ средние взгляды, составляющие то, что у культурныхъ народовъ называется «общественнымъ мнѣниемъ». Не всегда безопасно идти наперекоръ этимъ коллективнымъ взглядамъ. Нормальный, средний человекъ инстинктивно заботится о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ въ той тѣсной группѣ, къ которой онъ принадлежитъ, существовало известное единение взглядовъ, и онъ умѣетъ, въ случаѣ нужды, при помощи разныхъ средствъ, принуждать несогласныхъ съ этими взглядами къ принятию ихъ и запрещать имъ высказывать противоположные взгляды. Такимъ путемъ средний человекъ выполняетъ очень важную социальную задачу. Общественный союзъ основывается главнымъ образомъ, на взаимной симпатии, а симпатии, въ свою очередь, обуславливаются сходствомъ отдельныхъ личностей («равный съ равнымъ охотно сходится»), следовательно, общество должно позаботиться о томъ, чтобы въ его средѣ существовало гармоническое согласие относительно большинства вопросовъ и чтобы никто даже своею внѣшностью и особеннымъ поведениемъ не возбуждалъ къ себѣ недобрѣя и антипатии. Каждая отдельная личность въ обществѣ хорошо знаетъ, что ей грозитъ, въ случаѣ слишкомъ большого отклонения отъ общепринятыхъ взглядовъ, и поэтому приравливается къ нимъ и, такимъ образомъ, уважение ко взглядамъ общества своихъ современниковъ, такъ же какъ и своихъ предковъ, возрѣнія которыхъ прочно утвердились и стали обычаемъ, становится наследственнымъ свойствомъ людей, всего рѣзче выразившимся у древняго культурнаго народа — китайцевъ. Масса, действуя въ этомъ направлении, стремится, следовательно, сгладить всё крайности и уклонения.

Въ своемъ упорномъ сохранении того, что вошло въ обычай, общество напоминаетъ организмъ. Развъ обычаи и обыкновения какого-нибудь народа не могутъ быть поставлены рядомъ съ механическими действиями, «вторичными инстинктами», въ которыхъ выражается опытъ предшествовавшихъ поколѣний? Склонность къ преувеличению творческой силы общества естественнымъ образомъ должна была привести къ тому взгляду, что обычаи образуются внутри самого общества, такъ же, какъ облака и туманы, внезапно появляющіеся въ атмосферѣ. Въ действительности же, толчокъ къ возникновенію какого-нибудь обычая всегда дается отдельною лич-

ностью. Каждый обычай, хотя бы самый нелѣпый, въ свое время оправдывался чѣмъ-нибудь и представляетъ результатъ логическаго вывода, зачастую, впрочемъ, неудачный и невѣрный. Умъ, слѣдовательно, создаетъ обычай, который, по крайней мѣрѣ въ теченіе короткаго времени, находится подъ его контролемъ. Но какъ только этотъ обычай будетъ принятъ обществомъ, то онъ уже освобождается

Танецъ Айносовъ (съ японскаго рисунка).

отъ дальнѣйшаго контроля разсудка. Онъ считается хорошимъ и правильнымъ, потому только, что это старинный обычай и никто не справляется о причинахъ его возникновенія и если какой-нибудь черезчуръ любопытный субъектъ начнетъ слишкомъ пристально разсматривать его въ дупу, то это даже возбуждаетъ неудовольствіе. Какъ часто вопросы любопытнаго ребенка, желающаго непременно знать, къ чему существуетъ тотъ или другой старинный обычай, приводятъ въ замѣшательство и вызываютъ досаду взрослыхъ. Длинный рядъ мучениковъ въ области религіознаго и умственнаго прогресса указываетъ, что общество не шутитъ съ людьми, задающими неудобные вопросы. И въ этомъ случаѣ масса дѣйствуетъ, хотя и безсознательно, но все-таки дѣлособразно. Обычай представляетъ накопленный опытъ прежнихъ поколѣній, результатъ обдуманныхъ ими проблемъ, и тотъ, кто будетъ механически слѣдовать этимъ обычаямъ, не обращаясь за совѣтомъ къ разсудку, избираетъ неправильный путь. Само собою разумѣется, что, поступая такъ, онъ освобождаетъ свой умъ отъ излишняго груза и облегчаетъ себѣ такимъ путемъ борьбу за существованіе. Поэтому-то дѣйствительно хорошіе и покойные на разумныхъ основаніяхъ обычай составляютъ для каждаго народа такое драгоценное достояніе, которое онъ долженъ тщательно охранять. Но, къ несчастью, болѣзненная часть старинныхъ обычаевъ исходитъ изъ совершенно ложныхъ основаній и вы-

водовъ, къ которымъ обыкновенно приходитъ малоопытный умъ, а слѣпое уваженіе къ старинѣ приноситъ дальнѣйшій вредъ, удерживая такіе обычай, которые, быть можетъ, и были полезны въ болѣе ранніе періоды развитія, но теперь, при измѣнившихся условіяхъ, приносятъ только вредъ. «Vernunft wird Unsinn, Wohlthat Plage. Weh'dir, dass du ein Enkel bist». (Умъ становится глупостью, благодѣяніе мученіемъ. Горе тебѣ, что ты потомокъ!)

До сихъ поръ шла рѣчь о развитіи разсудка, но теперь мы коснемся той области, въ которой человечество празднуетъ свою побѣду, т. е. нравственности.

Воистинѣ ясно, что полова любовь и любовь родителей къ своимъ подростящимъ и нуждающимся въ защитѣ и покровительствѣ дѣтямъ, составляетъ необходимую основу каждаго человѣческаго общества, безъ которой оно ни образоваться, ни существовать не можетъ. Но настоящій социальный союзъ поддерживается, хотя и похожими, но все-таки совершенно иными побужденіями, а именно симпатіей, которая связываетъ сходныхъ между собою людей даже безъ всякой дѣли. Вообще, характернымъ признакомъ симпатіи служитъ отсутствіе въ ней эгоизма, т. е., вѣрнѣе, она заставляетъ отступать интересъ отдѣльной личности передъ интересами всѣхъ союзниковъ. Человѣкъ ищетъ людей, и даже тотъ, кто случайно или вслѣдствіе несчастія оцутится одинокимъ, непременно будетъ искать новыхъ сближеній. Не трудно замѣтить, какое огромное вліяніе имѣетъ на умственную и экономическую жизнь человѣка его сообщество съ другими и какъ это сообщество способствуетъ его прогрессу. Въ такой же степени развивается и облагораживается его нравственная жизнь. Человѣкъ вырастаетъ по мѣрѣ расширенія общественнаго круга, къ которому онъ принадлежитъ, и все больше и больше возвышается надъ своею собственною узкою личностью, такъ что, хотя онъ и является индивидуомъ во внѣшнемъ мірѣ, но все же чувствуетъ себя частицею великаго дѣлага. За эту зависимость, въ которой онъ, такимъ образомъ, находится, онъ получаетъ болѣе возвышенное сознаніе жизни. Ненависть и подчиненіе безжалостной природѣ, окружающей его, отступаютъ передъ силою симпатій и въ концѣ-концовъ, передъ нимъ возникаетъ идеаль всеобъемлющей божественной любви.

По мѣрѣ того, какъ горизонтъ нравственныхъ воззрѣній отдѣльной личности расширяется, понятія о страданіи и наслажденіи, добрѣ и злѣ получаютъ новое значеніе. Самыя низшія животныя умѣютъ различать побужденія и слѣдуютъ однимъ, избѣгая другихъ насколько первые проблески сознанія даютъ имъ возможность дѣлать выборъ между пріятными и непріятными раздраженіями. Одинокое существо, будетъ-ли оно стоять на высокой или низкой ступени развитія, всегда ощущаетъ наслажденіе или страданіе только въ области собственнаго «я», за исключеніемъ тѣхъ короткихъ періодовъ,

когда половая любовь и заботы о потомствѣ расширяютъ кругъ его обязанностей. Тигръ, одиноко блуждающій въ лѣсу, или старый упрямый буйволъ, отдѣлившійся отъ стада и одиноко бродящій въ степи, заботится только о своемъ собственномъ благѣ. Но и въ человѣческомъ обществѣ встрѣчаются такія личности, у которыхъ наследственный эгоизмъ заглушилъ всѣ чувства любви къ ближнему. Такіе люди создаютъ для себя весьма нисложную нравственность и въ этомъ заключается ихъ преимущество: все то хорошо, что приноситъ пользу ихъ маленькой личности, и дурно то, что вредитъ ей. Но именно эти исключенія изъ общаго правила и то отношеніе, которое они возбуждаютъ къ себѣ въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ, достаточно ясно указываютъ, что человѣчество, какъ цѣлое, уже не стоитъ болѣе на этой низкой ступени развитія. Симпатія, связывающая между собой членовъ одного и того же общества, развиваетъ въ каждомъ изъ нихъ способность сочувствія, расширяя, такимъ образомъ, и облагораживая въ человѣкѣ ощущенія страданія и наслажденія. Его собственная личность, соединяющая въ себѣ много другихъ, выражается силою симпатіи, подобно тому, какъ развивается умъ, обогащаясь наследіемъ прежнихъ безчисленныхъ поколѣній и работою современныхъ поколѣній. Расширяя область своего участія, человѣкъ нисколько не становится слабѣе или болѣе связаннымъ отъ этого, такъ какъ онъ тѣмъ легче можетъ совладать со своими собственными слѣплыми инстинктами. Именно въ этой удивительной способности человѣка воплощать въ себѣ тысячи другихъ личностей, не измѣняя при этомъ своей собственной, лежитъ путь къ «сверхчеловѣчеству» (Uebersenschtum), а никакъ не въ выдвиганіи необузданнаго примитивнаго инстинкта господства, въ которомъ больной умъ Ницше видѣлъ цѣль развитія.

Нравственные чувства, слѣдовательно, побуждаютъ человѣчество къ болѣе тѣсному союзу между индивидами и ведутъ къ образованію извѣстныхъ общественныхъ инстинктовъ, которые, естественно, должны идти параллельно съ другими природными инстинктами, такъ какъ нравственность основывается на расширеніи человѣческой личности; такимъ образомъ, страданіе отдѣльной личности выражается въ болѣе чистой формѣ состраданія. Но среди всѣхъ врожденныхъ чувствъ, доказавшихъ свою пользу въ борьбѣ за существованіе, страхъ занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ и для многихъ видовъ животныхъ составляетъ единственное оружіе, которое они могутъ противопоставить преслѣдованію своихъ враговъ. Безъ этого вѣчно бодрствующаго чувства страха, къ которому приспособляются всѣ органы чувствъ животного, нѣкоторыя породы животныхъ, напр., несчастные зайцы, давно бы исчезли съ лица земли. Человѣкъ также въ довольно значительной степени обладаетъ этимъ чувствомъ и мы позднѣе увидимъ, въ какой мѣрѣ умственная жизнь дикихъ народовъ находится

подъ роковымъ вліяніемъ этого чувства. Въ нравственной области, гдѣ себялюбіе индивида вступаетъ въ постоянную борьбу съ требованіями высшей нравственности, страхъ выражается въ облагороженной формѣ нечистой совѣсти. Но не одно только опасеніе гнѣва и осужденія общества вызываетъ эти мученія совѣсти; они обуславливаются также расколомъ внутри собственной личности, борьбою между эгоистическими и альтруистическими чувствами, или же, въ случаѣ побѣды эгоизма, страхомъ передъ благородными сторонами своей собственной души. Основанія къ этому «высшему страху» заложены уже въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, но полного развитія это чувство достигаетъ лишь подъ вліяніемъ общества и развивающихся въ немъ нравственныхъ чувствъ.

Когда говорятъ о нравственности, то прежде всего имѣютъ въ виду половую нравственность, которая въ лучшемъ случаѣ составляетъ важный отдѣлъ общаго состоянія нравственности, но замѣчательно, что хотя теоретически и придается огромное значеніе этому роду нравственности, на самомъ дѣлѣ очень часто половая нравственность всего больше находится въ пренебреженіи, и именно въ этой области господствуетъ цѣлая система лицемерія. Причина такого явленія, очевидно, заключается въ томъ, что могущественный самъ по себѣ и необходимый для дальнѣйшаго существованія человѣчества инстинктъ отодвинуть былъ высшими культурными народами въ сторону и поставленъ ими въ извѣстныхъ строгія условія, имѣвшія цѣлью направить его по опредѣленному пути. Однако, цѣль всетаки не была этимъ достигнута. У большинства дикихъ народовъ мы находимъ начало учрежденій, имѣющихъ цѣлью поставить половой инстинктъ въ извѣстныя границы, у другихъ эти учрежденія достигли уже значительнаго развитія. Но о какомъ-нибудь твердомъ законѣ, который бы вездѣ имѣлъ силу, нѣтъ и рѣчи. У одного племени, напр., господствуютъ самыя свободныя отношенія между полами, у другого они преслѣдуются самымъ строгимъ образомъ. Въ одномъ мѣстѣ братъ можетъ взять въ жены сестру, отецъ—дочь, въ другомъ—заключеніе брака обставлено величайшими затрудненіями. Рядомъ со строгими моногамистами мы видимъ народы, допускающіе полигамію и полиандрію, и, наряду съ такими, которые придаютъ величайшее значеніе супружеской вѣрности, встрѣчаются народы съ весьма вольными взглядами въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ какъ въ области симпатіи легко найти такія формулы нравственности, которыя бы удовлетворяли всѣхъ, въ области половой нравственности это оказывается невозможнымъ. Изслѣдуя эту проблему въ ея простѣйшей формѣ, въ мірѣ животныхъ, мы видимъ, что природѣ, побуждающей къ соединенію половъ, нѣтъ никакого дѣла до счастья родителей: она заботится только о сохраненіи вида, ради чего даже, въ случаѣ нужды, приноситъ въ жертву жизнь отдѣльной единицы. У людей,

въ различныхъ формахъ союза мужчины и женщины, благо ребенка составляетъ одно изъ главныхъ нравственныхъ требованій, но, тѣмъ не менѣе, въ такихъ случаяхъ, когда скудость почвы и ограниченность пространства не допускаетъ слишкомъ большого количества жителей и поэтому неограниченное число дѣтей было бы опасно для общины, которой трудно прокормить ихъ и себя, дѣтоубійство становится чѣмъ-то вродѣ нравственного закона. Поэтому надо при-

Мечъ новобри-
танцевъ уса-
женный зубами
акулы.

знать, что половая нравственность относится скорѣе къ области переменяющихся обычаевъ, нежели къ твердо обоснованной и развивающейся вполне опредѣленнымъ образомъ нравственности. Но въ одномъ направленіи, по крайней мѣрѣ, она пускаетъ свои корни гораздо глубже, она развиваетъ извѣстную долю самообузданія и содѣйствуетъ образованію чистоты нравовъ, къ которой непроизвольно стремится всякое человѣческое общество, вступая, такимъ образомъ, въ странное противорѣчіе со всеми врожденными инстинктами и съ самою природою. Удостоверить факты всегда бываетъ легче, нежели изслѣдовать ихъ происхожденіе, но въ данномъ случаѣ можно до нѣкоторой степени измѣрить то громадное количество работы, которое понадобилось для обузданія полового инстинкта и другихъ животныхъ побужденій слѣпой ярости, запальчивости, безчувственного пьянства и т. д. Какая разница, напр., между войскомъ какого-нибудь культурнаго народа, безмолвно и сомкнутою массою отправляющагося въ битву, пренебрегающаго неблагородными средствами борьбы, какъ напр., отравленные стрѣлы и оружіе, безъ нужды усиливающее муки раневыхъ, и воинственною ордою дикарей, которые пляскою и крикомъ приводятъ себя въ состояніе безумнаго бѣшенства и съ яростью бросаются на врага, не зная границъ въ убійствахъ. Съ изысканною жестокостью они истязаютъ врага, который попадется имъ въ руки, тогда какъ культурный народъ смотритъ на плѣннаго безъ всякой ненависти и раненаго врага великодушно шадитъ. Исчезновеніе неблагородныхъ средствъ борьбы изъ арсенала культурныхъ

народовъ представляетъ одно изъ самыхъ удивительныхъ явленій, дѣйствительно возвышающихъ человѣка надъ слѣпыми дѣйствіями всей остальной органической природы. Многія животныя все еще вооружены ядовитыми зубами, а дикари продолжаютъ употреблять отравленные стрѣлы, но культурные народы, всѣ безъ исключенія, давно уже отказались отъ такого рода оружія. Такой же прогрессъ наблюдается и въ другихъ областяхъ. Разгуль и грубость средневѣковыхъ

попоекъ и пировъ исчезли или смягчились подѣ влияніемъ утонченія обычаевъ ѣды и питья; въ этомъ отношеніи требуется извѣстная внѣшняя и внутренняя чистоплотность. На этой чистоплотности основывается также и половая нравственность, такъ какъ ничто такъ не способствуетъ разслабленію и колебанію общественной связи, какъ необузданное господство чувственной страсти. Облагороженіе полового инстинкта, въ извѣстномъ смыслѣ самаго низшаго и животнаго изъ всѣхъ, составляетъ важнѣйшую и необходимѣйшую часть культурной работы, безъ которой семья, служащая основою всѣхъ высшихъ цивилизацій, не могла бы образоваться и существовать.

Такимъ образомъ, человѣчество въ двухъ направленіяхъ стремится возвыситься надъ природою. Внутреннимъ инстинктомъ, дѣйствующимъ слѣпо, но цѣлесообразно при созиданіи тѣла и жизненныхъ функций, человѣчество выдвигаетъ на помощь разсудокъ и, кромѣ того, оно старается обуздать эгоистическіе инстинкты отдѣльной личности, научивъ ее смотрѣть на себя, какъ на часть цѣлаго, а всѣхъ членовъ этого цѣлаго считать частью самого себя. Въ покореніи силъ природы и природныхъ инстинктовъ заключается цѣль всей человѣческой культуры и въ этомъ смыслѣ она наблюдается даже у самыхъ ничтожныхъ народовъ земли.

Допустимъ, что человѣкъ, посредствомъ культурной работы, переросъ свою собственную личность и что цѣли всѣхъ его дѣйствій и мысленія находятся по ту сторону его собственной личности. Если же при этомъ личность не заблуждается на свой собственный счетъ и яснѣе сознаетъ свое значеніе, то старинный вопросъ: приносить ли культура счастье человѣчеству, получаетъ иной смыслъ. Кто видитъ счастье въ наивозможно безпрепятственномъ удовлетвореніи чувственныхъ инстинктовъ, тотъ, конечно, долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательнымъ образомъ. Грубый, чувственный человѣкъ, внезапно перенесенный въ болѣе чистую сферу въ нравственномъ отношеніи, конечно, придетъ въ отчаяніе. Но вмѣстѣ съ культурною работою мѣняются и взгляды на истинное счастье и, наконецъ, начинается зарождающееся сознаніе, что всѣ цѣли развитія выходятъ за предѣлы узкихъ рамокъ личности и это относится также и къ высшему счастью, къ которому стремится человѣчество. Еслибы общество, работая надъ созиданіемъ культуры, ни къ чему другому не стремилось, какъ къ личному счастью каждаго отдѣльнаго индивида, то ему пришлось бы прежде всего постараться объ исключеніи одного изъ важнѣйшихъ факторовъ человѣческой цивилизаціи — страданія. Только тяжелыя и подчасъ жестокія страданія выучили человѣческій родъ обуздывать себя и посредствомъ страданія углубилась и очистилась душа человѣка. Еслибы мы хорошо понимали это, то должны были бы слѣть гимнъ страданію, вмѣсто того, чтобы оплакивать ограниченіе нашихъ чувственныхъ наслажденій, которое

налагает на нас истинная культура. Стрдание, выражаясь въ болѣе разнообразных формахъ, чѣмъ радость, глубже дѣйствуетъ на человѣка и возбуждаетъ въ немъ всѣ силы сопротивленія противъ враждебнаго внѣшняго міра, посредствомъ которыхъ ему удавалось до сихъ поръ выходить побѣдителемъ въ борьбѣ за существованіе.

Но человечество, облагородивъ страданіе, точно также облагородило и одухотворило наслажденіе. Это не простая случайность, что среди всѣхъ живыхъ существъ на землѣ только человѣкъ обладаетъ способностью смѣяться и быть можетъ, ни въ чемъ другомъ такъ ярко не выражается путь, пройденный имъ въ своемъ развитіи отъ самыхъ грубыхъ до болѣе благородныхъ формъ жизни. Начало этого пути, ведущаго къ образованію юмора и насмѣшки, мы можемъ уже замѣтить въ мірѣ животныхъ. Мы видимъ, что рядомъ съ кровавыми битвами взрослыхъ животныхъ между собою, существуетъ игра

Каменный великанъ или людоедъ. Рисунокъ одного ирокеза.

молодыхъ животныхъ, которыя упражняютъ свои силы въ притворной борьбѣ и прикидываются врагами, словно подсмѣиваясь другъ надъ другомъ. Человѣкъ, слѣдуя въ этомъ направленіи дальше по пути развитія, слѣлалъ болѣе утонченными удовольствія, доставляемыя игрой. Но, кромѣ того, онъ облагородилъ еще одну форму грубой радости, придавъ ей духовный характеръ. Въ дикихъ битвахъ, которыми, навѣрное, были наполнены первобытныя времена, безчисленное число разъ долженъ былъ раздаваться пронзительный крикъ торжества, возвѣщавшій о гибели противника его испуганнымъ соплеменникамъ. Такой же точно крикъ, выражающій насмѣшку и презрѣніе, издавался воинами, приближающимися къ врагу и готовыми вступить съ нимъ въ смертный бой. Отъ этихъ дикихъ криковъ до веселаго взрыва смѣха, раздающагося въ салонѣ послѣ какой-нибудь удачной остроты, путь очень великъ. Но если мы вспомнимъ смѣхъ, который часто вызываетъ чье-нибудь неловкое паденіе на грязной

улицѣ, или же веселый радостный хохотъ, раздающійся въ толпѣ дѣтей при видѣ пьянаго или смѣшно одѣтаго иностранца, то первоначальный, неблагородный и жестокій характеръ смѣха ясно выступить передъ нами. Что даже утонченная форма насмѣшки можетъ только причинить страданіе—это подтвердить каждый, чьи слабыя стороны были когда-нибудь осмѣяны добрымъ пріятелемъ, не говоря уже о настоящей сатирѣ. Но въ болѣе чистой и благородной формѣ юмора умъ высмѣиваетъ не только слабости и глупости другихъ, но смѣется и надъ самимъ собой. Юморъ представляетъ доказательство удивительной способности человѣка выходить изъ рамокъ личнаго сознанія и признавать свои собственные несовершенства, побѣду надъ которыми онъ, однако, предвидитъ заранѣе.

Все сказанное нами до сихъ поръ имѣетъ лишь цѣлью выясненіе главнѣйшихъ моментовъ человѣческой культуры, ея двигательныхъ силъ и ея происхожденія, а также ея дѣятельности и цѣлей, но при этомъ намѣренно были оставлены въ сторонѣ философскіе и религиозные вопросы, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло исключительно только съ фактами, въ которыхъ выражается культура. Но, изслѣдуя въ отдѣльности развитіе культуры, мы должны, разумѣется, уяснить себѣ прежде всего, какіе источники распознаванія находятся въ нашемъ распоряженіи.

Сравнительно болѣе надежнымъ основаніемъ для всякаго научнаго изслѣдованія служатъ письменныя преданія, исходящія отъ современниковъ извѣстныхъ лицъ и событий. Историческія изслѣдованія до сихъ поръ воздвигали всѣ свои построенія только на этой основѣ и поэтому то, такъ-называемая, «мировая исторія» изображаетъ лишь частицу міра и его народовъ и еще меньшую часть ихъ дѣйствительнаго развитія. Но если-бъ эта исторія могла, по крайней мѣрѣ, полагаться на свои источники! Однако, наивное довѣріе, съ которымъ старинныя историческія изслѣдованія относились къ разнымъ удивительнымъ рассказамъ о происхожденіи народовъ и основаніи государствъ и городовъ, давно уже подверглось строгой критикѣ и даже когда старинныя повѣствователи рассказываютъ о томъ, что они сами пережили, имъ больше не вѣрятъ на слово и вполне естественно, что тутъ наступаетъ другая крайность и чрезмѣрное довѣріе замѣняется чрезмѣрною критикой.

Но еще болѣе зыбкое основаніе представляетъ область устныхъ преданій. Даже хорошо развитая память культурныхъ людей не можетъ, безъ помощи письменныхъ источниковъ, удержать важнѣйшихъ фактовъ исторіи, память же первобытнаго человѣка, конечно, не въ силахъ была вынести этого безполезнаго для цѣлей его

Каменный топоръ изъ Сѣв. Америки.

существованія бременя. Особенности причины, желаніе подтвердить свои права собственности или свои притязанія на чистоту крови иной разъ содѣйствовали сохраненію преданій во многихъ рядахъ поколѣній и, такимъ образомъ, нѣкоторыя воспоминанія старины были спасены отъ забвенія. Но и въ лучшемъ случаѣ это были лишь скудные и одностороннія свѣдѣнія о прошломъ. Въ большинствѣ дикихъ народовъ можно примѣнить слова Ценкера, сказанныя о аундахъ: «Относительно исторіи народа сообщить нечего.. Въ краткихъ преданіяхъ сохранились только извѣстія, касающіяся краткаго периода времени, о незначительныхъ племенныхъ битвахъ или о томъ, сколько женщинъ и рабовъ было умерщвлено по случаю смерти какого-нибудь вождя. Главы семействъ едва могутъ назвать по имени своихъ самыхъ прямыхъ предковъ». Мѣсто постоянно повторяющейся исторіи племени занимаютъ, какъ у сельскаго населенія культурныхъ народовъ, легенды, саги, мифология, одухотвореніе вѣчныхъ и могущественныхъ силъ природы. Этотъ родъ преданій сохраняется съ изумительною вѣрностью и такъ какъ въ нихъ отражается душа народа, то для исторіи культуры они имѣютъ громадное значеніе, но въ нихъ мы не должны искать какихъ-нибудь не посредственныхъ указаній на то, что было въ дѣйствительности.

Къ счастью, всякая культурная работа, преобразовывая и измѣняя первобытную матерію, оставляетъ слѣды ея въ видѣ бѣглыхъ впечатлѣній въ памяти живущаго или слабыхъ отголосковъ преданій. Рѣдко удается разлагающимъ силамъ природы или потомства совершенно уничтожить эти слѣды и въ нихъ находится путь къ изученію состоянія матеріальной культуры на основаніи до-историческихъ остатковъ, а такъ какъ внѣшнія измѣненія были отраженіемъ внутреннихъ, то мы можемъ сдѣлать довольно вѣрныя заключенія объ умственномъ состояніи прежнихъ поколѣній. Такой родъ изслѣдованія представляетъ во всякомъ случаѣ большія выгоды. Остатки утвари, вооруженія и жилища непосредственно говорятъ намъ объ исторіи прежнихъ временъ и намъ незачѣмъ прибѣгать къ

До историческая японская работа изъ глины.

недостовѣрнымъ показаніямъ какого-нибудь повѣствователя. Однако, мы должны избѣгать слишкомъ успешныхъ заключеній, которыя могутъ помѣшать ясному пониманію вещей. До-историческіе остатки рисуютъ намъ вѣрную картину прошлаго, но въ этой картинѣ заключается много пробѣловъ. Какъ у человѣка, кости котораго могутъ тысячелѣтіями сохраняться въ землѣ, исчезаютъ всѣ мягкія части и всѣ характерныя черты его наружности пропадаютъ, такъ и относительно материала, изъ котораго приготовлялись оружіе и орудія первобытныхъ

временъ, лишь незначительная часть можетъ противостоять разрушенію и остается въ неприкосновенномъ видѣ. Такъ какъ отъ этихъ временъ прежде всего сохранились каменные орудія а все, что сдѣлано было изъ дерева, волоконъ растений, тканей, кожи и т. п., исчезло, то древнѣйшимъ до-историческимъ періодамъ было присвоено названіе «каменнаго вѣка». Но это названіе легко можетъ дать совершенно ложное представленіе о тѣхъ временахъ. Поэтому, когда про какой-нибудь дикій народъ говорятъ, что «онъ живетъ въ каменномъ вѣкѣ», то въ этихъ словахъ заключается большое противорѣчіе, такъ какъ, кромѣ каменной утвари, дикари всегда имѣютъ множество орудій и предметовъ, сдѣланныхъ изъ дерева, кожи, раковинъ, рыбьихъ костей и зубовъ, и т. д. Если даже распознаваніе матеріальной культуры страдаетъ такою неполнотою, то тѣмъ болѣе мы не можемъ рассчитывать на полноту нашего знанія умственной и общественной жизни до-историческихъ временъ.

Однако, дѣятельность и стремленія первобытнаго міра не совершенно потеряны для насъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Необыкновенное упорство, съ которымъ человеческое общество удерживаетъ понятія, принявшія автоматическій характеръ и выражающіяся въ обычаяхъ и обыкновеніяхъ, не подвергая ихъ провѣркѣ, препятствуетъ исчезновенію слѣдовъ дѣятельности первобытныхъ временъ. Правда, образованные классы культурныхъ народовъ иной разъ стараются вымести прочь груду этихъ пережитковъ, но имъ не удается уничтожить даже въ своей собственной средѣ укоренившіеся остатки идей и привычекъ, потерявшихъ свой смыслъ, не говоря уже про народъ, который, лишь послѣ упорнаго сопротивленія соглашается разстаться съ обычаями и правами старины. Нѣкоторые предметы, напр. лукъ и стрѣлы, въ Европѣ сохраняются только въ видѣ игрушекъ но остатки прежнихъ временъ продолжаютъ скрыто существовать въ области суевѣрій. Эти пережитки, какъ ихъ называетъ Тейлоръ, представляютъ для всякаго изслѣдователя культуры весьма богатый, хотя и мутный источникъ знанія, который, однако, въ связи съ другими, приобрѣтаетъ серьезное значеніе. Въ этомъ смыслѣ и языкъ также включаетъ въ себя остатки прошлаго. Изслѣдованіе которыхъ даетъ возможность проникнуть въ культурныя сокровища и умственную жизнь прежнихъ поколѣній.

Но наши познанія высшихъ формъ культурной жизни, безъ которыхъ мы не можемъ понять процессовъ развитія, были бы очень скудны, если бы на землѣ не оставались народы, находящіеся

Доисторическій топоръ изъ раковины. Флориды.

до сихъ поръ еще на такой низкой ступени цивилизаціи, которая вполне можетъ служить параллелью первобытному времени. Состояніе дикихъ народовъ даетъ намъ ключъ къ изслѣдованію тѣхъ условий, которыя должны были существовать въ отдаленныя времена у предковъ теперешнихъ культурныхъ народовъ. Однако, два обстоятельства заставляютъ насъ все-таки не довѣрять слѣпо всѣмъ приобретеннымъ такимъ образомъ познаніямъ прошлаго; во-первыхъ всѣ, даже самыя ничтожныя племена нынѣшнихъ дикарей имѣютъ за собою безконечно длинный періодъ существованія, который не могъ остаться безъ вліянія на нихъ, и, во-вторыхъ, то обстоятельство, что дикіе народы въ данное время не перешли еще извѣстной ступени развитія, рѣзко отличаетъ ихъ отъ предковъ высшихъ культурныхъ народовъ, которые, несомнѣнно, должны были обладать силами и способностью къ безграничному прогрессу.

Деревянная кукла Лондо. Вост. Африк.

Нельзя-ли, впрочемъ, внутри самихъ культурныхъ народовъ найти объясненія прежнихъ условий существованія? Развѣ каждый изъ насъ, вырастая не проходитъ такимъ же точно образомъ всѣхъ фазъ развитія человѣчества? Наше тѣло, до своего рожденія, развѣ оно не должно пройти черезъ всѣ ступени лѣстницы органической жизни? Мы не можемъ не признавать, что мысли и выраженія желаній ребенка очень часто обнаруживаютъ поразительныя аналогіи съ духовною жизнью низшихъ народовъ. Какъ игры дѣтей часто являются отголоскомъ серьезныхъ дѣйствій прежнихъ культурныхъ періодовъ, такъ и ихъ помыслы и чувства напоминаютъ намъ первобытныя психическія состоянія прошлаго. Дѣтская кукла не одною только внѣшностью напоминаетъ шаманскихъ идоловъ и амулеты. Такъ какъ каждый въ своей юности долженъ былъ пройти черезъ этотъ путь развитія духовныхъ силъ и каждый, въ то же время, воплощаетъ въ себѣ результатъ культурной работы всѣхъ своихъ предковъ, то это даетъ ему, въ концѣ-концовъ, возможность, путемъ самонаблюденія ближе подойти въ прошлому. Въ сущности мы можемъ понимать настоящимъ образомъ только то, что сохраняется внутри насъ, хотя бы въ слабыхъ слѣдахъ, и въ нашемъ «я» гнѣздятся корни истиннаго познания культуры.

1. Условія времени и пространства.

Хотя культура и является прежде всего прогрессомъ въ умственной области, но какъ человѣческое сознаніе не можетъ существовать и дѣйствовать безъ органовъ человѣческаго тѣла, такъ точно и культура не можетъ внезапно появиться словно Фата Моргана на земномъ горизонтѣ или же держаться въ воздухѣ, подобно сказочному цвѣтку: ея корни глубоко уходятъ въ землю и, только постепенно и медленно развиваясь, культура поднимаетъ свою голову. Время и пространство играютъ роль въ развитіи человѣческой культуры, но значеніе ихъ не одинаково. Если правда, что человѣчество, какъ это думаетъ большинство изслѣдователей, развилось изъ маленькой группы, находившейся въ извѣстной ограниченной области, и не произошло изъ низшихъ формъ въ различныхъ мѣстахъ земли и въ различные періоды ея существованія, то слѣдовательно всѣ народы и племена нынѣшняго человѣчества имѣли въ своемъ распорядкѣ одинаковое время для развитія своихъ способностей и никто, конечно, не станетъ послѣ этого объяснять различіе культуры тѣмъ, что нѣкоторые народы прошли черезъ болѣе длинный рядъ поколѣній и это отразилось благоприятнымъ образомъ на ихъ развитіи. Однако, относительно пространства дѣло обстоитъ иначе. Условія существованія людей въ различныхъ частяхъ земного шара весьма различны. Надъ плодородными низменностями возвышаются лѣсистыя горы и обнаженныя скалы, зеленныя степи теряются въ пескахъ пустыни, а внутреннія уединенныя земли окаймляются прибрежными областями, изрѣзанными гаванями и изобилующими островами. Еще рѣзче проявляется различіе климатовъ на землѣ, которые проходятъ всю скалу отъ тропическаго зноя до полярной стужи, подвергаясь еще, кромѣ того, разнообразнымъ мѣстнымъ вліяніямъ, обуславливаемымъ большимъ или меньшимъ поднятіемъ той или другой области надъ

уровнем моря. Люди, разсыпавшиеся по землѣ и раздѣлившие ее между собою въ борьбѣ за существованіе, получили при этомъ раздѣлъ не одинаковую долю и лишь немногихъ судьба поставила въ такія условія, что они могли проложить себѣ дорогу къ высшимъ цѣлямъ.

Вопросъ о томъ, на какой почвѣ вырастаютъ различные роды культуры, не только важнѣе вопроса о продолжительности человѣческой исторіи, но на него гораздо легче отвѣтить. Объ извѣстныхъ началахъ человѣческаго развитія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, даже въ томъ случаѣ не могло бы быть рѣчи, если бы всѣ факты прошедшихъ временъ были бы для насъ ясны, такъ какъ и тогда возникли бы самыя противорѣчивыя мнѣнія относительно начала культуры. Одни связывали бы его съ примѣненіемъ первыхъ орудій, другіе — съ самымъ раннимъ появленіемъ словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій, третьи — съ изобрѣтеніемъ огня, четвертые — съ началомъ вертикальнаго хожденія. Но и эти моменты развитія человечества не могутъ быть рѣзко разграничены. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно даже приблизительно указать исходную точку такого развитія и если мы сами ограничимъ свои требованія предѣлами возможности и только захотимъ опредѣлить, въ какой періодъ развитія наступила остановка въ дальнѣйшихъ преобразованіяхъ человѣческаго тѣла, окончательно установившая человѣческій типъ и главнѣйшія расовыя формы, то намъ все-таки придется отказаться отъ возможности получить отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Одно вѣрно: эпоха, когда произошла эта остановка, очень и очень далека отъ насъ. Съ тѣхъ поръ какъ люди обитаютъ на землѣ, они не только измѣнили ея поверхность посредствомъ своей работы, но и сама земля подъ ихъ ногами многократно измѣнялась. Хотя еще не посчастливилось найти несомнѣнныя доказательства существованія въ Европѣ людей въ третичную эпоху, но находки въ Калифорніи и Аргентинѣ подтверждаютъ, повидимому, существованіе человѣка въ этой области въ третичную эпоху. Кромѣ того, мы должны отнести начала человѣческой исторіи къ періоду, непосредственно предшествующему дилювиальной эпохѣ, если мы можемъ доказать, то наши предки въ началѣ этой эпохѣ уже достигли въ Америкѣ и въ Европѣ характерныхъ чертъ своего развитія. Но съ тѣхъ поръ поверхность земли и климатъ потерпѣли значительныя измѣненія. Вслѣдъ за страшными вулканическими изверженіями и образованіями громадныхъ горныхъ хребтовъ въ третичную эпоху произошло такое чрезвычайное охлажденіе климата, что ледяная оболочка сѣвернаго полюса распространилась далеко на югъ, вплоть до среднегерманской возвышенности и послѣ временнаго отступленія, льды сѣвернаго полюса снова проникли къ сѣверной Германіи. Тогдашніе обитатели Европы и Америки повидимому лишь противъ воли отступили передъ

ледяными массами, такъ какъ мы видимъ, что они, отчасти какъ типичные полярные жители, преслѣдовали свою охотничью добычу по самому краю гигантскаго Глетчера и снова двигались далѣе къ сѣверу по мѣрѣ таянія льдовъ. Въ этотъ именно періодъ великой борьбы съ природой, внезапно измѣнившей свой нѣкогда привѣтливый образъ на ледяной листъ Медузы, могли образоваться полныя силъ народы сѣверной Европы, которые впоследствии много разъ вливали свѣжую кровь въ культурную жизнь южной Европы и теперь уже захватили сильною рукой скипетръ всемірнаго владычества. По всей вѣроятности въ ихъ свѣтломъ цвѣтѣ кожи, свѣтлой лазури глазъ и свѣтломъ цвѣтѣ волосъ отражается послѣднее великое приспособленіе человѣка къ зимнему ландшафту и такимъ образомъ слѣды древней героической борьбы человѣка со льдомъ и снѣгомъ сохранились и до настоящаго времени.

Мы должны отказаться отъ отвѣта на вопросъ, какъ давно обитаетъ человечество землю, такъ какъ даже геологія не въ состояніи съ точностью опредѣлить, сколько тысячелѣтій предшествовали началу или концу ледниковаго періода. Однако, намъ можетъ служить утѣшеніемъ въ этомъ незнаніи то соображеніе, что время не служитъ рѣшающимъ факторомъ въ развитіи культуры, а главное значеніе имѣютъ почва, климатъ, взаимныя сношенія и возникающія отсюда благоприятныя условія для развитія ума и характера. Вліяніе же мѣстности и климата опредѣлить гораздо легче, нежели вліяніе времени.

Область земли, обитаемую людьми, принято называть *экуменой*. Само собою разумѣется, что это понятіе подвергалось многимъ измѣненіямъ въ теченіе исторіи человечества, вслѣдствіе постоянныхъ стремленій человѣка расширить предѣлы обитаемой области, а также вслѣдствіе геологическихъ или климатическихъ перемѣнъ, происшедшихъ на землѣ. Ледниковый періодъ временно сильно ограничилъ область экумены. Пониженіе почвы или разрушенія береговъ, производимыя моремъ, также уменьшаютъ область экумены; поднятіе же почвы и наносы рѣкъ увеличиваютъ ее. Въ прежнія времена, — да отчасти еще и теперь, — истинной экуменѣ, т. е. области, дѣйствительно населенной людьми, можно было противопоставить «возможную экумену», обнимающую всѣ области, которыя могли бы быть обитаемы людьми и гдѣ человѣкъ могъ бы существовать, но гдѣ до сихъ поръ еще не образовались стойкія поселенія. Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ культуры и вызываемаго ею увеличенія численности населенія земли, является все большее и большее сліяніе границъ истинной и возможной экумены. Устройство болѣе совершенныхъ жилищъ и распространеніе подвоза съѣстныхъ припасовъ постоянно расширяютъ область возможной экумены. Въ самомъ дѣлѣ, уже первобытные народы умѣли устраивать свои жилища такимъ

образомъ, что въ нихъ получался желаемый климатъ. Они строили ихъ или подъ землей или высоко на сваихъ, надъ водою или почвою, чтобы ея испаренія не могли достигать ихъ. Не слѣдуетъ забывать также, что культурная работа безконечно увеличила производительность почвы и способность человѣка извлекать выгоды изъ окружающей природы. Съ пониженіемъ культурной работы качество почвы снова глубоко падаетъ. Вавилонія, нѣкогда считавшаяся житницею западной Азіи и кормившая миллионы людей въ цвѣтущую эпоху

Землиной домъ наваховъ, въ видѣ палатки; сѣверная Америка.

своего существованія, хотя и принадлежитъ къ области экумены, но ее населяютъ теперь всего лишь нѣсколько тысячъ жалкихъ пастуховъ и земледѣльцевъ и мѣстность эта снова сдѣлалась болатистою и лихорадочною.

Трудно опредѣлить, въ какой части земного шара человѣчество впервые приобрѣло свои тишическія особенности, точно такъ же, какъ невозможно отвѣтить на вопросъ, когда произошло это важное событіе. Сужденія объ этомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ изслѣдованій, стали еще болѣе смутными. Старинное воззрѣніе, частью опирающееся на Библию, частью же на индогерманскія сказанія, что колыбелью человѣчества была азиатская возвышенность и что оттуда, словно потоки, низвергающіяся съ горъ, народы устремились въ долины Азіи и другія мѣста земного шара и наполнили ихъ,—давно уже опровергнуто фактами. Но позднѣе пришлось отказаться и отъ другого воззрѣнія, считавшагося точно установленнымъ, что Америка не можетъ считаться первоначальною родиной человѣчества; именно въ этой части свѣта найдены теперь древнѣйшіе слѣды человѣческаго пребыванія. Но эта проблема, безъ сомнѣнія, значительно приблизится къ своему разрѣшенію тогда, когда удастся найти гдѣ-нибудь

остатки костей тѣхъ существъ, которыя составляютъ непосредственную переходную ступень къ человѣческому роду. Открытіе остатковъ доисторическихъ антропоидныхъ обезьянъ, повидимому стоявшихъ ближе къ человѣку, нежели теперешнія породы этихъ животныхъ, увеличило бы шансы разрѣшенія этой проблемы, но настоящее недостающее «промежуточное звено» между человѣкомъ и этими животными до сихъ поръ еще не найдено.

По мѣрѣ того какъ человѣчество, распространяясь изъ своей гонетической первоначальной родины, захватывало все большія пространства земли, вліянія почвы и климата должны были сказываться сильнѣе. Все увеличивающееся примѣненіе орудій и разныхъ вспомогательныхъ средствъ, при помощи которыхъ человѣкъ борется съ враждебными силами природы и увеличиваетъ ея полезную дѣятельность, помогали ему противостоять ея вліяніямъ, такъ что тѣло-сложеніе его подверглось лишь незначительнымъ измѣненіямъ и главное дифференцированіе произошло въ умственной области. Возможно, конечно, вопросъ, не объясняется ли различіе расъ вліяніемъ климата и почвы? Однако именно эта часть ученія Дарвина, даже по отношенію къ животнымъ, вызвала большія разногласія. Уклоненія въ физическомъ строеніи многихъ породъ животныхъ, дающія возможность, въ особенности же голубятникамъ, разводить все новыя разновидности голубей, бываютъ, повидимому, скорѣе дѣломъ случая или же результатомъ вызваннаго вліяніемъ культуры дифференцированія, нежели приспособленіемъ къ извѣстнымъ естественнымъ условіямъ. Точно такъ же и у людей, извѣстные физическіе признаки, упорно передающіеся изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ, напр., знаменитая габсбургская нижняя губа или другія особенности, не всегда могутъ быть приписаны непосредственнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, но скорѣе заложеной во всѣ живыя существа склонности къ дифференцированію. Даже патологическія особенности передаются далѣе и не только у животныхъ, у которыхъ классическимъ примѣромъ могутъ служить рахитическія ноги такъ. Во французскихъ Пиренеяхъ до сихъ поръ еще можно найти остатки одного народца или касты, члены которой отличаются особеннымъ патологическимъ устройствомъ костей на пальцахъ ногъ и рукъ. Происхожденіе этихъ каготовъ, какъ они себя называютъ, долго оставалось темнымъ. Нѣкоторые изслѣдователи считали этотъ презираемый и избѣгаемый народъ остатками вестготовъ, пока, наконецъ, не удалось выяснитъ недавно, что это потомки прокаженныхъ, нѣкогда изгнанныхъ изъ человѣческаго общества. Эти несчастные, поселившись вмѣстѣ, поженились и отдаленное потомство ихъ до сихъ поръ сохранило слѣды ужасной болѣзни, хотя самая болѣзнь давно уже исчезла въ этой мѣстности. Что такого рода явленія еще чаще наблюдаются въ умственной области—этого никто не будетъ отрицать. Пагубное вліяніе пьянства

родителей на умственную жизнь дѣтей и внуковъ служить лишь однимъ изъ доказательствъ этого.

Вліяніе внѣшняго міра на тѣлосложеніе легче наблюдать, чѣмъ вліяніе его на умъ человѣка. Во всякомъ случаѣ вліяніе почвы и климата на физическое строеніе человѣка, хотя и не такъ важно, но болѣе замѣтно, чѣмъ отраженіе этого вліянія на его внутренней жизни. Однако это еще не значитъ, что можно подыскать для каждаго такого случая простое объясненіе. Почва дѣйствуетъ непосредственно на человѣка и еще сильнѣе, хотя косвенно, дѣйствуетъ она на него при посредствѣ своихъ продуктовъ и создаваемыхъ ею жизненныхъ условий. Въ этихъ косвенныхъ вліяніяхъ, конечно, участвуетъ климатъ. Непосредственное вліяніе на строеніе тѣла оказываетъ почва посредствомъ тѣхъ препятствій, которыя она воздвигаетъ свободному передвиженію человѣка съ одного мѣста на другое, преодоленіе которыхъ требуетъ усилій. По этой причинѣ горныя племена, тамъ, гдѣ они пользуются хорошимъ питаніемъ, зачастую превосходятъ жителей равнинъ крѣпостью и пропорціональностью своего тѣлосложенія. Не такъ ясно приспособленіе обитателей болотистыхъ мѣстностей къ своей родинѣ, но напр. племя Динка въ Африкѣ напоминаетъ длиною и тонкостью своихъ конечностей строеніе нѣкоторыхъ болотныхъ птицъ. Быть можетъ и длинныя худыя фигуры фризовъ объясняются такимъ же приспособленіемъ ихъ къ болотистымъ берегамъ сѣвернаго моря. Непосредственнымъ вліяніемъ мѣстныхъ условий объясняется и то, что у народовъ, вынужденныхъ постоянно находиться на водѣ въ лодкахъ и заниматься рыбною ловлей, наблюдается искривленіе нижнихъ конечностей, а у наѣздническихъ народовъ къ числу постоянныхъ признаковъ принадлежатъ кривыя ноги.

Продукты почвы, другими словами, питаніе, особенно сильно вліяютъ на физическое строеніе человѣка, но повидимому только въ количественномъ отношеніи. У большинства бродячихъ народовъ, которые не занимаются ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ и питаются лишь скудными дарами природы, очень часто встрѣчаются захирѣвшіе типы и далеко еще нельзя считать рѣшеннымъ вопросъ, не являются ли карликовые народы продуктомъ плохого питанія. — по крайней мѣрѣ никто изъ этихъ народовъ не вышелъ изъ зависимости отъ случайныхъ даровъ природы, и ведетъ бродячій образъ жизни, между тѣмъ извѣстно, что недостатокъ питанія задерживаетъ развитіе организма и ростъ тѣла. Тяжелый трудъ, къ которому вынуждаетъ жителей скудная и неплодородная почва, также съ своей стороны вліяетъ неблагоприятнымъ образомъ на тѣлосложеніе. Но за то врядъ ли можно съ достовѣрностью указать на определенное вліяніе пищевыхъ веществъ. Родъ пищи, если только она легко переваривается и вполне достаточна для питанія организма,

повидимому не имѣетъ для него значенія, такъ какъ организмъ все превращаетъ въ одинаковую питательную субстанцію.

Организмъ человѣка вообще хорошо приспособляется къ различнымъ климатическимъ поясамъ, но разумѣется это не обходится все-таки безъ измѣненій въ его функціяхъ, которыя, въ свою очередь, не остаются безъ послѣдствій и вліяютъ на строеніе органовъ. Чѣмъ рѣзче выражены крайности климата, къ которому привыкъ человѣкъ, тѣмъ труднѣе ему конечно привыкать къ другому противоположному климату и по этой то причинѣ обитатели тропическихъ странъ и полюсовъ не могли распространить свою собственную культуру за предѣлы первоначально обитаемой ими области и не въ состояніи были сдѣлаться господствующею культурною расою. Извѣстные внѣшніе признаки, больше всего цвѣтъ кожи, безъ сомнѣнія обязаны своимъ происхожденіемъ климатическимъ вліяніямъ и только постепенно приобрѣли въ культурной жизни народовъ значеніе неизмѣнныхъ расовыхъ признаковъ; напримеръ, въ Сѣверной Америкѣ, никакъ не языкъ и образованіе раздѣляютъ наиболѣе рѣзкимъ образомъ негровъ отъ бѣлыхъ, а именно цвѣтъ ихъ кожи.

Однако, бывають такія климатическія или мѣстныя вліянія, дѣйствующія на строеніе организма, которыя трудно поддаются опредѣленію, несмотря на свое несомнѣнное существованіе. Великія измѣненія человѣческаго типа, вызвавшія образованіе расъ, больше не происходятъ теперь, но небольшія отклоненія отъ первоначальнаго типа все-таки случаются и даютъ намъ возможность уяснить себѣ, какимъ образомъ возникли расы въ тѣ времена, когда начинающаяся культура не задерживала измѣненій, происходящихъ въ тѣлосложеніи человѣка посредствомъ дѣятельности мозга, какъ это наблюдается теперь, а скорѣе она вызывала ихъ. Относительно сѣвероамериканскихъ негровъ утверждаютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что они, независимо отъ смѣшенія съ бѣлыми и индѣйцами, претерпѣли все-таки значительныя измѣненія въ своемъ новомъ отечествѣ. Сказанное еще въ большей степени относится къ бѣлымъ переселенцамъ, типъ которыхъ приближается повидимому къ типу первобытныхъ индѣйскихъ обитателей сѣверной Америки, отличающихся стройностью и сухощавостью своего тѣлосложенія; даже относительно цвѣта кожи и роста волосъ переселенцы болѣе приближа-

Карикатурное изображеніе американца. Uncle Sam (Дядя Самъ).

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ косвенномъ вліяніи климата. Съ точки зрѣнія ученія Дарвина, вліяніе это надо поставить на первое мѣсто. Мы говоримъ о естественномъ подборѣ, уничтоженіи слабого и болѣзненнаго потомства и сохраненіи наиболѣе сильныхъ индивидовъ и наиболѣе приспособленныхъ ко всякаго рода климатамъ. При помощи этого подбора, менѣе стойкіе индивиды погибаютъ большею частью еще въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ и поэтому не могутъ принимать участія въ размноженіи расы. Такимъ образомъ, при благоприятныхъ условіяхъ, дается толчекъ къ образованію особенно крѣпкаго и выносливаго племени. Дѣйствительно такъ нерѣдко бываетъ и вѣроятно на этомъ наблюденіи основывается старинное повѣрье, что дикіе народы очень мало или даже почти совсѣмъ не подвергались болѣзнямъ. Но мы не должны все-таки преувеличивать или слишкомъ обобщать значеніе такого подбора, хотя онъ несомнѣнно еще усиливается искусственнымъ образомъ, благодаря намѣренному умерщвленію слабого или калѣчнаго потомства. Благоприятные результаты такого подбора исчезаютъ у большинства дикихъ народовъ вслѣдствіе плохого питанія и нездоровыхъ привычекъ, культурные же народы сознательно противодействуютъ такому подбору посредствомъ соответствующаго ухода за дѣтьми. У цивилизованнаго человѣчества, наряду съ большимъ вниманіемъ къ человѣческой жизни, все больше укрѣпляется сознаніе, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, недостатокъ сильнаго тѣлосложенія можетъ быть съ избыткомъ возмѣщенъ развитіемъ ума и такіе калѣки, какъ, напр., Лихтенбергъ, могутъ быть безконечно важнѣе для человѣчества, нежели самый великолѣпный солдатъ лейбъ-гвардіи Фридриха Вильгельма I Прусскаго.

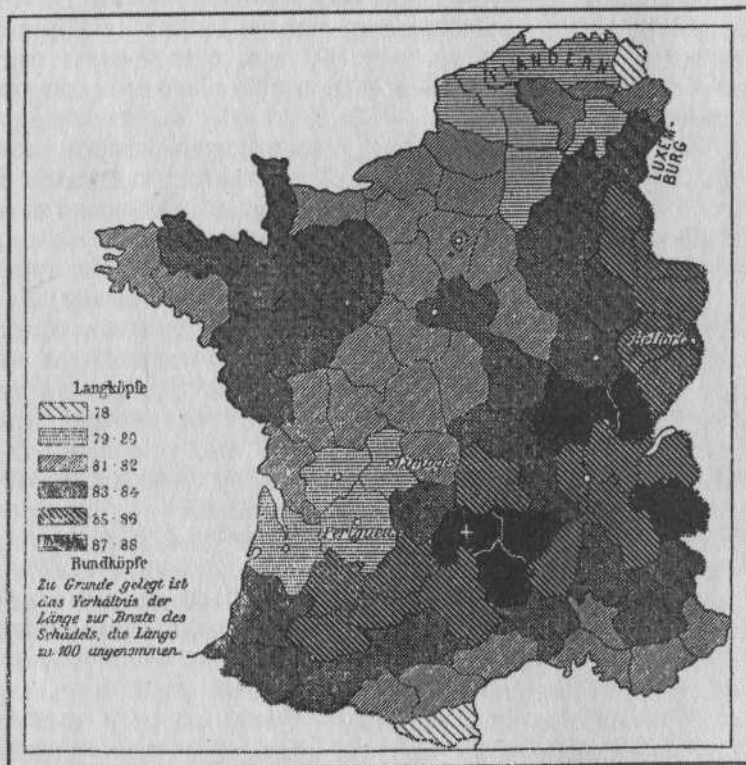
Итакъ, если нельзя отрицать вліянія окружающей природы на тѣлосложеніе, то во всякомъ случаѣ мы должны тутъ поостеречься, какъ бы не смѣшать причину со слѣдствіемъ. Новѣйшей антропологіи удалось доказать, что извѣстные типы расъ часто бываютъ связаны съ извѣстнымъ устройствомъ мѣстности; такъ напр., во Франціи длинноголовые блондины обитаютъ въ плодородныхъ глубочайшихъ долинахъ, а короткоголовые брюнеты (альпійская раса) населяютъ главнымъ образомъ болѣе высоко лежащія и менѣе плодородныя мѣстности. Тутъ казалось бы можно воочию убѣдиться во вліяніи внѣшней природы на образованіе расъ. На самомъ же дѣлѣ эпоха образованія особенныхъ расовыхъ признаковъ уже очень далека отъ насъ. Альпійская раса Франціи образовалась не въ той области, въ которой она обитаетъ теперь, а была вытѣснена въ историческія времена болѣе сильною свѣтлою расой въ менѣе плодородную мѣстность. То, что короткоголовые болѣе слабы въ физическомъ отношеніи, отнюдь не является результатомъ ихъ теперешней жизненной обстановки; наоборотъ, именно вслѣдствіе этой слабости они

вынуждены были уступить болѣе сильнымъ и должны были поселиться въ менѣе благоприятной мѣстности. Мѣстами, напр. въ одной части Бургундіи, альпійцы потомъ снова вернулись и даже застали длинноголовыхъ почти совершенно исчезнуть. Въ другихъ случаяхъ кажущихся измѣненій расы также вполне умѣстенъ вопросъ, не лежатъ ли въ основѣ этого явленія первоначальныя различія расъ? Если въ Австраліи, какъ уже было говорено раньше, постоянно увеличивается число темноволосыхъ, то можно, вмѣстѣ съ Кароллемъ, предположить, что именно темноволосая раса лучше умѣетъ приспособиваться къ климату, нежели свѣтловолосая, которая поэтому и уменьшается въ числѣ.

Но если тѣлосложеніе человѣка, которое предохраняется культурой отъ слишкомъ большихъ измѣненій не можетъ избѣжать вліянія естественныхъ условій окружающей среды, то въ главной области человѣческой дѣятельности, въ умственной дѣятельности, это вліяніе должно выражаться еще рѣзче, но опредѣлить его границы еще труднѣе. Одно, повидимому, несомнѣнно, что нравъ и характеръ каждаго народа соответствуютъ характеру мѣстности, въ которой онъ обитаетъ, и находятся въ гармоническомъ отношеніи къ окружающей средѣ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ духовной области повтореніе тѣхъ же стремленій, которыя наблюдаются у животныхъ, приспособляющихся своимъ внѣшнимъ видомъ къ своему мѣстожителству и принимающихъ покровительственную окраску и форму. Незачѣмъ даже приписывать это духовное приспособленіе къ окружающей природѣ естественному подбору, такъ какъ непосредственное вліяніе природы на душевное состояніе человѣка не подлежитъ сомнѣнію и если это состояніе часто повторяется, то оно становится въ концѣ-концовъ принадлежностью его характера. Каждый могъ наблюдать на себѣ, что въ свѣжее, солнечное весеннее утро человѣкъ думаетъ и чувствуетъ иначе, чѣмъ во время лѣтняго зноя и въ сырой, холодный зимній день и даже самые тупоумные люди замѣчаютъ разницу, наблюдаемъ-ли мы міръ съ покрытой снѣгомъ альпійской вершины или морского берега или же изъ какаго-нибудь уединеннаго пункта среди безконечной пустынной песчаной степи.

Вліяніе окружающей обстановки слагается однако изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ моментовъ, сообща дѣйствующихъ на душу и характеръ человѣка. Это вліяніе опредѣляется характеромъ мѣстности, окружающей человѣка, плоской или возвышенной, богатой или бѣдной водой, обнаженной или покрытой зелеными лѣсами. Далѣе, имѣетъ значеніе облачность и обиліе свѣта, теплота или холодъ, сырость или сухость, слоистость или подвижность воздушныхъ слоевъ и частыя атмосферныя перемены. Преобладающія условія кладутъ свой отпечатокъ на постоянное настроеніе жителей, причемъ, однако, не слѣдуетъ забывать и другихъ условій, вліяющихъ на

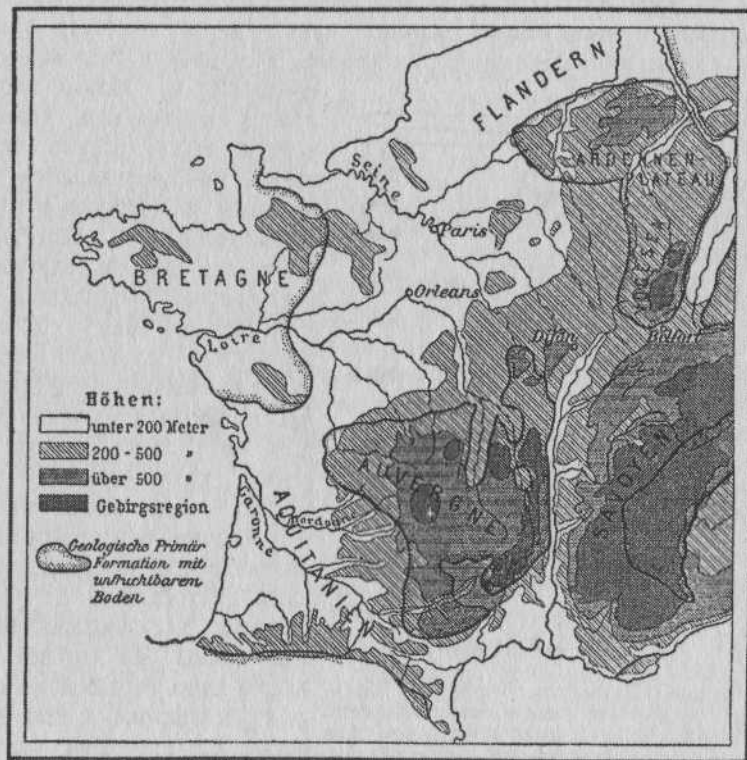
характеръ человѣка, тяжелой работы и количества пищи. При извест-
ныхъ обстоятельствахъ такое же большое вліяніе имѣетъ и политическое
положеніе, напр., продолжительная эксплуатація и порабощеніе. Но
настроеніе и характеръ въ свою очередь отражаются на культурной
работѣ. Разслабляющее дѣйствіе жаркаго и влажнаго тропическаго
климата, вмѣстѣ съ обиліемъ даровъ природы, было безъ сомнѣнія

Карта распространения длинноголовыхъ и короткоголовыхъ во Франціи.

причиною, что изъ тропическихъ низменностей никогда не исходилъ толчокъ къ высшему развитію культуры, между тѣмъ какъ на мексиканской и перуанской возвышенностяхъ образовались цивилизованныя государства. Наоборотъ, умѣренный поясъ закаляетъ характеръ своихъ жителей своими постоянными смѣнами лѣта и зимы, смѣнами обилія и недостатка, пріучаетъ ихъ къ предусмотрительности и заставляетъ ихъ изощрять свои способности, чтобы увеличить скудные дары окружающей природы.

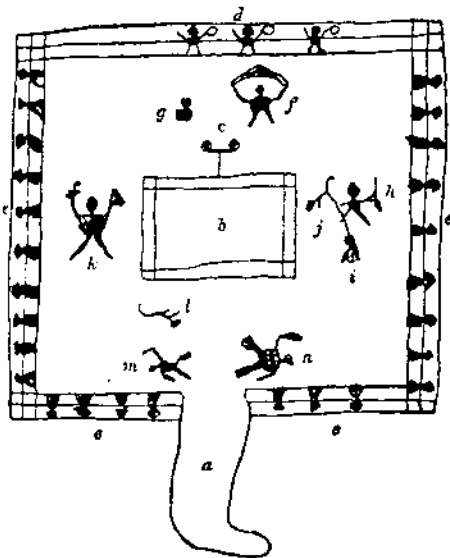
Но существуютъ еще болѣе тонкія духовныя черты, такія особенности, которыя не поддаются опредѣленію, хотя и вытекаютъ непосредственно изъ окружающей человѣка природы. Нѣкоторыя особенности скандинавскихъ народовъ быть можетъ объясняются обиліемъ солнечнаго свѣта въ странѣ во время сѣвернаго лѣта. Это вліяніе ослабляется нѣскольکو долгою зимой, но все же не можетъ быть совершенно уничтожено. Далѣе, къ сѣверу, вліяніе продолжи-

Карта менѣе плодородныхъ областей во Франціи.

тельной темноты и пустынной природы проявляется еще рѣзче, вызывая то странное нервное состояніе, продуктомъ котораго служитъ шаманизмъ. Даже среди нѣмецкихъ племенъ довольно явственно выражается вліяніе окружающей обстановки и климата. Неповоротливый угрюмый крестьянинъ, житель сѣверо-западной Германіи, конечно, показался бы совершенно невозможнымъ среди альпійскаго пейзажа въ Тиролѣ, но онъ не нарушаетъ гармоніи, когда мы видимъ его на его родинѣ, въ однообразной болотистой мѣстности.

Точно также нельзя себя представить добродушного и веселого тюрингенца без зеленых холмов его родины, а жителя рейнской долины без покрытых виноградниками и залитых солнцем берегов рѣки. Никто лучше Виллибальда Алексиса не определял тех черт, которыми обаяно упрямое бранденбургское племя борьбой с бесплодными песчаными равнинами, болотами и трясиными своей родины. В характер русского народа также можно подметить влияние великой восточноевропейской равнины, с ее беспредельными горизонтами и недостатком таких пунктов, на которых глаз мог бы отдохнуть. Душевное настроение, вызываемое окружающей

Изображение Шаманскаго лѣченія больных у западныхъ эскимосовъ. а) Входъ въ хижину; б) очагъ; в) подставка для лампы; д) барабаникъ на высокомъ сидѣнн; е) зрители и друзья больного; ф) шаманъ начинающій свои заклинанія; г) больной; в) шаманъ заклинающій дьявола; ж) нахолящагося въ связи съ головою; з) больного; к) шаманъ выгоняетъ демона (л) изъ хижины; м и п) два помощника шамана, окончательно выгоняющие дьявола за дверь.

философія. «Нашъ миръ острѣе подобно ножу» гласитъ поговорка Глинки-товъ, обитающихъ по берегамъ туманныхъ фюрдовъ Аляски. Рядомъ съ такимъ основнымъ мрачнымъ настроеніемъ можетъ существовать и безпечная веселость, но основное душевное настроеніе все-таки пробивается

наружу. Высшая культура не только непосредственно вліяетъ на эту склонность къ суровости и жестокости, подавляя ее развитіе, но дѣйствуетъ также косвенно, ослабляя слишкомъ грубое сопркосновеніе съ природой и липая борьбу за существованіе ея самаго острѣе жаля, путемъ воспрепятствованія образованію неопредѣленныхъ чувствъ страха и ненависти. Тотъ, кому выпала боже сносная доля въ культурномъ мирѣ, можетъ даже съ удовольствіемъ взирать на снѣжную вьюгу или бурное море, но несчастный, лишившійся поддержки общественнаго союза, долженъ будетъ убѣдиться, что суровость природы ничуть не смягчилась и миръ по-прежнему «острѣе какъ ножъ». Кроме того онъ почувствуетъ также, что ненависть и гнѣвъ снова возникаютъ въ его душѣ и между нимъ и жестокою природой образуются печальная гармонія.

У огромнаго большинства душевное настроеніе выражается или бурнымъ веселіемъ или приступами дикаго гнѣва. У творческихъ натуръ это переходитъ въ дѣйствія и выражается наиболее яркимъ и стойкимъ образомъ въ произведеніяхъ искусства. Гёте нѣсколько разъ высказывалъ это; онъ говорилъ, что его творенія избавляютъ его отъ гнетущихъ настроенія и что въ то время, какъ его «Страданія Вертера» ввергли въ сантиментальное упоеніе всю Германію, онъ самъ освободился отъ того настроенія безпричиннаго отчаянія, отраженіемъ котораго служить его произведеніе. Въ этомъ явленіи лежитъ также оправданіе нѣкоторыхъ извращеній современнаго искусства. Неприятное чувство, порождаемое чрезмѣрно быстрымъ и неравномѣрнымъ развитіемъ современной культуры, должно излиться въ произведеніяхъ искусства и поэзіи, дающихъ исходъ этому чувству, подобно тому какъ даетъ исходъ электрическому напряженію гроза. Поэтъ, которому повидимому нравится изображать отвратительныя стороны жизни, въ сущности дѣлаетъ это не для того, чтобы помочь имъ одержать побѣду, а чтобы бороться съ ними и, воплощая ихъ въ своихъ образахъ, онъ самъ освобождаетъ себя отъ нихъ. Что при этомъ лишь очень немногіе въ состояніи ясно читать въ своей душѣ, — не можетъ служить опроверженіемъ, такъ какъ творческія и въ то же время способныя къ объективной наблюдательности натуры, подобныя Гёте, встрѣчаются крайне рѣдко. Сказанное относится, конечно, и къ другимъ временамъ и народамъ. Къ словамъ Бокля, что „въ Индіи человекъ былъ напуганъ, а въ Греціи онъ почувствовалъ бодрость духа“, слѣдуетъ прибавить, что это отношеніе къ природѣ нигдѣ съ такою ясностью не выражается какъ въ архитектурномъ искусствѣ и скульптурѣ обоихъ народовъ.

Культура вообще содѣйствовала подъему духа и смягченію нравовъ, но нельзя все-таки отрицать, что черезъ-чуръ практическое пользованіе природой закрыло многіе источники силы и наслажденій и не только испортило прекрасные ландшафты, но повліяло неблаго-

приятнымъ образомъ и на атмосферу. что, въ свою очередь, способствуетъ образованію мрачнаго настроенія.

Такое улучшеніе настроенія является, впрочемъ, лишь незначительнымъ побочнымъ слѣдствіемъ великой культурной работы, постоянно пригоняющей и улучшающей почву земли и жизненные условия человѣчества. Какая разница существуетъ, напримѣръ, между двумя народами, въ одной и той же области, изъ которыхъ одинъ принаравливается къ мѣстности, а другой стремится преобразовать ее и приспособить къ себѣ! Классическимъ примѣромъ обоихъ типовъ человѣчества могутъ служить обитатели тропическаго дѣвственнаго лѣса, покрывающаго часть бассейна Конго и склоны африканскихъ горъ, карликовые народы, ведущіе бродячій образъ жизни и земледѣльческія племена Нигриціи (Судана). Карликовое племя Акка, или Обоню не старается измѣнить устройства своей мрачной родины и скорѣе становится ея нераздѣльною частью, пользуясь только тѣми орудіями и средствами, которыя предоставляются ему окружающею природою, и тамъ, гдѣ онъ не вступаетъ въ родъ симбіоза съ земледѣльческими племенами, этотъ карликовый народъ живетъ исключительно только продуктами охоты и плодами и кореньями, которые находятъ въ лѣсу. Мысль повалить великановъ лѣса, подъ густою листвою которыхъ онъ устраиваетъ свое жилище, подстерегаетъ птицъ, перелетающихъ съ вѣтки на вѣтку, а внизу, въ поросляхъ, строить ловушки для дикихъ животныхъ, очень далека отъ этого варода, и примѣръ сосѣднихъ земледѣльческихъ племенъ, начинающихъ расчищать лѣсъ, на него не дѣйствуетъ. Совершенно иной характеръ имѣютъ поселенія земледѣльцевъ, которыя сначала были разбѣяны словно оазисы въ густомъ дѣвственномъ лѣсу, но затѣмъ постепенно сближались, совершенно измѣнивъ характеръ мѣстности; тогда, наоборотъ, группы старыхъ деревьевъ, представляющихъ остатки первобытнаго лѣса, превратились въ оазисы среди воздѣланныхъ полей. Слѣдовательно, тутъ, какъ и вездѣ, гдѣ земледѣлецъ, посредствомъ своей работы, измѣняетъ поверхность почвы, увеличивая ея полезность, мѣняется видъ окружающей природы и ея воздѣйствіе на душу человѣка. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ богатыхъ травою степяхъ, возможность болѣе густаго заселенія мѣстности достигается другимъ путемъ. Стояще на низкой ступени развитія дикіе народы, приспособившіеся къ степи, бродятъ по пустынной мѣстности, какъ жалкіе охотники и собиратели корней, дѣля съ крупными хищниками случайную добычу. Но картина совершенно мѣняется, какъ только въ степи появляются болѣе интеллигентныя племена, извлекающія пользу изъ обширныхъ травяныхъ степей для своихъ безчисленныхъ стадъ или же когда жалкіе степные охотники, научившись пользоваться лошадыю, превращаются въ наѣзниковъ и степныхъ разбойниковъ. Увеличивается ли численность

населенія тѣмъ или инымъ путемъ, характеръ мѣстности при этомъ все-таки совершенно измѣняется по мѣрѣ возрастанія числа поселеній. На человѣка такая перемѣна производитъ пріятное впечатлѣніе, до тѣхъ поръ, пока наступающее у него «утомленіе культурою» (Kulturmüdigkeit) не вызываетъ притупленія восприимчивости. Но даже пресыщенный сношеніями съ людьми человѣкъ, пѣбывъ нѣкоторое время въ одиночествѣ, въ необитаемой мѣстности, съ восторгомъ привѣтствуетъ первые слѣды человеческого пребыванія, какъ только замѣчаетъ ихъ.

«Утомленіе культурою», какъ массовое явленіе, возникло не такъ давно, но его нельзя считать все-таки единственною причиною современнаго стремленія къ природѣ. Не разъ уже указывалось, что лишь въ новѣйшее время развилась способность понимать красоты Альпійскаго міра. Римляне вѣдь съ содроганіемъ приближались къ горнымъ проходкамъ.

Впрочемъ, германцы, вслѣдствіе своей склонности къ уединенію, первые рѣшились преодолѣть опасности пустынныхъ сѣвѣрныхъ вершинъ и эти опасности не помѣшали имъ наслаждаться зрѣлищемъ величественной альпійской природы. Не слѣдуетъ забывать, однако, что область Альпъ въ настоящее время совсѣмъ не такая, какою она была во времена римлянъ. Тогда она была лишь очень скудно заселена неукротенными племенами, а теперь въ отношеніи культуры эта страна не уступаетъ никакой другой области на землѣ и поэтому она производитъ на путешественника совсѣмъ иное впечатлѣніе, нежели въ былыя времена. Но вмѣстѣ съ тѣмъ скученность и чрезмѣрная суетливость, характеризующія современное общество, должны были породить противоположное стремленіе, жажду одиночества, влеченіе къ болѣе тѣсному общенію съ природою, которое навѣрное показалось бы страннымъ и даже признакомъ варварства древнимъ культурнымъ народамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ отношеніи наиболѣе прогрессивный представитель современной эпохи сходится съ наименѣе культурными дикими племенами тропическихъ степей и лѣсовъ. Впрочемъ, это сходство только кажущееся; человѣкъ, принадлежащій къ высшему культурному міру, иначе относится къ природѣ; онъ уже раньше смягчилъ ея характеръ, уменьшилъ опасности, которыми она угрожаетъ человѣку, и сдѣлавъ ее болѣе культурной, въ то же время приспособилъ ее къ себѣ, такъ что душевное состояніе, которое вызываетъ у него природа, конечно, кореннымъ образомъ отличается отъ душевнаго состоянія нетронутыхъ культурою бродячихъ племенъ, вполнѣ приспособившихся къ окружающей природѣ и слившихся съ нею въ одно цѣлое.

Болѣе тѣсное заселеніе поверхности земли становится возможнымъ не только вслѣдствіе развитія земледѣлія и скотоводства, но также вслѣдствіе интенсивнаго пользованія другими вспомогательными

источниками. Море, грозно бушующее у береговъ, вынуждено отдавать прибрежнымъ жителямъ свои сокровища, существованіе цѣлыхъ народовъ и городовъ находится зачастую въ зависимости отъ регулярно появляющихся у береговъ въ извѣстные промежутки времени стады рыбы. Кроме того море доставляетъ важнѣйшую приправу къ пищѣ—соля и поэтому народы всегда стремились получить къ нему доступъ и завладѣть его берегами. Въ области соленыхъ источниковъ внутри материковъ также возникали цвѣтущія поселенія, а Венеція обязана своимъ первымъ расцвѣтомъ именно добычѣ соли. Тутъ мы незамѣтно пришли къ новой области человѣческой дѣятельности. Земледѣлецъ, трудящійся надъ обработкою почвы, скотоводъ, ухаживающій за своими стадами, и рыбакъ, забрасывающій свои сѣти въ море, главнымъ образомъ добываютъ пищевыя средства, необходимыя для существованія человѣка. безъ которыхъ онъ не могъ бы, конечно, поселиться въ большомъ количествѣ въ этой или другой области. Но даже если бы не существовало между ними обмена продуктовъ, земледѣлецъ, пастухъ, рыбакъ могли бы просуществовать, отдѣльно отъ остального міра, питаясь только продуктами своего труда, однако группа людей, занимающихся, напримѣръ, только добычаніемъ соли, не можетъ этого сказать про себя. Все ея трудолюбіе пропадетъ даромъ, если не найдетъ другихъ людей, которые снабдятъ ее жизненными припасами взаменъ соли т. е., другими словами, если не будетъ существовать благопріятныхъ условій для возникновенія торговаго обмена и сношеній.

Для культуры послѣдствія такого новаго положенія вещей неизмѣримы. Прежде всего они вызываютъ расширеніе границъ экюмены, такъ какъ человѣкъ уже не нуждается въ томъ, чтобы мѣстность, въ которой онъ живетъ, доставляла ему все необходимое для его существованія. Достаточно, если земли что-нибудь принесетъ ему, остальное же онъ можетъ получить отъ другихъ. Такимъ образомъ, самыя, повидимому, безотрадныя пустыни заселяются людьми, если только они заключаютъ въ себѣ какія-нибудь сокровища природы, которыя можно эксплуатировать. Такъ, напримѣръ, пустыни Невады привлекли массу переселенцевъ, когда были открыты серебряныя рудники, а ледяная страна золота Клондайкъ, гдѣ прежде даже самыя невзыскательныя индійскія племена съ трудомъ находили возможность существовать, теперь переполнилась хлынувшими въ нее со всѣхъ сторонъ искателями золота. Если бы нѣчто подобное было бы найдено на Шпицбергенѣ или землѣ Франца Иосифа, то и эти страны, лежація теперь внѣ экюмены, навѣрное были бы, хоть временно, включены въ ея предѣлы.

Извлеченіе невозможной пользы изъ естественныхъ преимуществъ, доставляемыхъ окружающею природою, вызываетъ появленіе промышленности. Впрочемъ, промышленность иногда развивается сама собой,

безъ всякаго отношенія къ естественнымъ условіямъ, какъ напримѣръ фабрикація часовъ въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ контонахъ или холотняное производство въ Исполинскихъ горахъ. Но большею частью все-таки развитію промышленности содѣйствуютъ сокровища почвы или же особенности климата, причѣмъ не одно только производство техническихъ продуктовъ или орудій слѣдуетъ называть промышленностью, а также разведеніе такихъ растений, которыя непосредственно не могутъ служить для пропитанія, и требуютъ еще фабричной обработки; сюда причисляются табакъ, хлопчатая бумага и сахарный тростникъ. Разведеніе извѣстныхъ родовъ животныхъ, напр. овецъ, шелковичныхъ червей или пчелъ, также должно быть причислено къ промышленности. Каждая отрасль промышленности, обрабатывающая продукты земли, находится въ извѣстныхъ болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ почвѣ. Нѣкоторыя промышленности перемѣнили свое мѣстопробываніе вслѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ или культурныхъ условій или же завели въ другихъ мѣстахъ свои отдѣлы, которые въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи совершенно отодвинули на задній планъ первоначальную промышленность. Но тамъ, гдѣ существуютъ общія выгодныя условія, водяная сила или залежи угля, всегда-современемъ развивается промышленная дѣятельность.

Раздѣленіе труда также обязано своимъ происхожденіемъ промышленности и частью существовало уже въ самыя ранніе периоды развитія, параллельно съ раздѣленіемъ труда въ тѣсномъ кругу семьи и племени, которое и положило начало извѣстнымъ профессіямъ. Существуютъ цѣлые города и народы, занимающіеся извѣстными ремеслами. Но изъ этого не слѣдуетъ выводиться заключенія, что всѣ члены данной человѣческой группы непрѣменно извлекаютъ средства къ существованію только изъ своихъ занятій извѣстными ремесломъ, хотя процвѣтаніе обществъ и находится въ зависимости отъ такой дѣятельности, которою занимается большинство ея членовъ или наиболѣе вліятельные изъ нихъ въ социальномъ отношеніи. Но бываетъ также, что дѣятельность эта не имѣетъ продуктивнаго характера, а является посредничествомъ въ торговыхъ сношеніяхъ. Такія общины, существующія только торговлей и сношеніями, меньше всего извлекаютъ выгоду изъ почвы, на которой живутъ, такъ какъ больше всего пользы приносятъ имъ не она, а удобство сообщенія и выгодное для торговыхъ сношеній мѣстоположеніе. Во всякомъ случаѣ всѣ эти обстоятельства приводили къ дальнѣйшему расширенію экюмены. На пустынныхъ, необитаемыхъ островахъ внезапно возникали цвѣтущіе города какъ напр. Ормузъ на Персидскомъ заливѣ, служившій посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ между Индіей и странами Евфрата. Надъ болотистыми же лагунами, въ сѣверо-западномъ углу Адриатики, возвысилась Венеція, во всемъ

своимъ сказочномъ великолѣпіи, а городъ Адень, находящійся во почти безводной пустынѣ, превратился въ очень важное складочное мѣсто для товаровъ.

Вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и отношеніе человѣка къ землѣ, на которой онъ живетъ, какъ это доказалъ блестящимъ образомъ и Фридрихъ Ратцель. Культурный народъ умѣетъ извлекать больше пользы изъ земли и поэтому онъ цѣнитъ ее выше, нежели какое нибудь племя дикарей. Но, такъ какъ, кромѣ того, вмѣстѣ съ культурой увеличивается численность людей, а заселенное пространство остается неизмѣннымъ, то и по этой причинѣ цѣнность земли должна постоянно возрастать. Въ цивилизованныхъ странахъ почва заключаетъ въ себѣ культурную работу многихъ поколѣній и продолженіе этой работы является непремѣннымъ условіемъ преемственности. Печальный примѣръ Вавилоніи указываетъ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести перерывъ культурной дѣятельности — страна опустилась на ту ступень, на которой она находилась передъ началомъ всякой культурной работы. Тайна превосходства культурныхъ народовъ надъ низшими расами, которыя казалось должны бы были имѣть преимущество надъ иностранными колонистами, вслѣдствіе

Мѣшочекъ
съ солью
Усукума.
(Вост.
Африки).

Хижина съ защитой отъ вѣтра у племени Арапаго въ Сѣв. Америкѣ.

своего полного приспособленія къ окружающей природѣ, заключается именно въ различномъ отношеніи тѣхъ и другихъ къ своей землѣ. Полукочевой индѣецъ или австралиецъ легко расстаётся со своей землей, къ которой онъ прирѣченъ не больше своихъ подвижныхъ жилищъ. Ратцель, въ своей «Политической Географіи», превосходно изображаетъ эту разницу во взглядахъ: «Европейцы,

преникнувшіе со своими взглядами на значеніе земли въ такія области, гдѣ господствуютъ другія воззрѣнія, могутъ легко удовлетворить свою жажду пріобрѣтенія земли, такъ какъ они попадаютъ въ общество такихъ людей, которые считаютъ совершенно непонятною роскошью обладаніе землей въ большихъ размѣрахъ, нежели это безусловно необходимо для пропитанія. Этимъ объясняются громадные отчужденія земель, которыя неправильно приписывались дѣтской неопытности въ политическомъ отношеніи, тогда какъ въ сущности это былъ только результатъ иныхъ воззрѣній на землю и понятій о границахъ, въ которыхъ, также какъ и въ европейскихъ воззрѣніяхъ, заключалась все-таки извѣстная система и смыслъ. Отсюда постоянныя столкновения между этими противоположными воззрѣніями на землю государства».

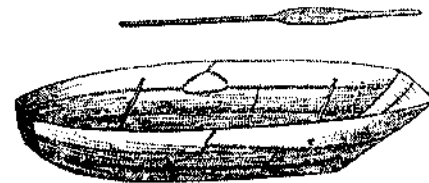
Расширеніе сношеній и лучшее пользованіе землей содѣйствовало умноженію человечества, что послужило новымъ факторомъ, обезпечивавшимъ прогрессъ и стойкость культуры. Можно смѣло сказать, что одною изъ главныхъ причинъ, удерживающихъ низкостоящіе народы на этой ступени, служитъ малочисленность ихъ членовъ, являющаяся, въ свою очередь, результатомъ недостаточнаго пользованія землей, — однако культура и численность населенія не находятся между собою въ такомъ простомъ отношеніи и преимущества большей численности населенія для цивилизаціи выражаются различно и въ различныхъ направленіяхъ. Прежде всего, большее число носителей культуры служитъ ручательствомъ за лучшее сохраненіе и передачу пріобрѣтенныхъ знаній. Маленькій народъ, разсѣянный и истребленный войной, можетъ впоследствии снова сойтись вмѣстѣ, но несомнѣнно, что въ его матеріальномъ и умственномъ культурномъ достоинствѣ окажется невознаградимый ущербъ. Но гигантскій народъ, подобный китайцамъ, можетъ много разъ подвергаться нашествію и сохранить все-таки всѣ свои особенности, такъ какъ нить традицій не прерывается у такого народа. Впрочемъ, и противъ нашествій многочисленный народъ бываетъ всегда лучше обезпеченъ, нежели малочисленный и уже поэтому онъ можетъ спокойнѣе и ровнѣе развиваться. Внутри же самого народа многочисленность индивидовъ допускаетъ болѣе широкое раздѣленіе труда. Это выраженіе — «раздѣленіе труда» слѣдуетъ, однако, примѣнять съ осторожностью, какъ мы увидимъ дальше, такъ какъ оно не вполне обрисовываетъ данный процессъ, но, за неимѣніемъ лучшаго, мы будемъ пользоваться имъ. Параллельно съ раздѣленіемъ труда идетъ образованіе высшихъ общественныхъ слоевъ, которые благодаря своему освобожденію отъ утомительной физической работы, могутъ посвятить себя умственной дѣятельности и одновременно съ этимъ культивируютъ болѣе тонкіе социальные инстинкты, представляя такимъ образомъ въ народѣ группу, наиболѣе способную руководить

и служить образцомъ. Конечно, эта группа сохраняет такое выдающееся положеніе лишь до тѣхъ поръ, пока она сознаетъ обязанности, которыя оно налагаетъ на нее. Съ увеличеніемъ численности измѣняется и общественная организація народа; орда и клановое устройство уступаютъ мѣсто государству, которое образуетъ свои органы изъ имѣющейся у него въ распоряженіи толпы людей. И если большая численность народа является необходимою основою культуры, то постоянный ростъ народа служитъ толчкомъ къ его дальнѣйшему прогрессу. Однако нельзя сказать, чтобы въ народѣ такое положеніе вещей вызывало удовольствіе. Наоборотъ, зачастую у него возникаетъ мысль, что было бы можетъ быть лучше отказаться отъ безпредѣльнаго роста населенія и спокойно наслаждаться достигнутою культурой, вмѣсто того чтобы постоянно заботиться о созданіи новыхъ условій существованія для возрастающаго числа людей. Съ этой точки зрѣнія французскій народъ, напримѣръ, старается ограничить число дѣтей и уменьшить приростъ населенія во Франціи. Но это весьма близорукая политика и народъ, слѣдующій ей, скоро вынужденъ будетъ въ этомъ убѣдиться къ своему собственному ущербу. Культурный міръ неустанно стремится впередъ и народъ, не желающій быть ниспровергнутымъ и растоптаннымъ, долженъ стараться идти съ нимъ нога въ ногу. Германія, населеніе которой постоянно возрастаетъ, находитъ средства прокармливать своихъ дѣтей и, при помощи увеличившейся численности своего населенія, она могла развить свою торговлю и промышленность, оставляющую теперь далеко позади нѣкогда болѣе богатую Францію. Притомъ Германія, научившись лучше пользоваться землей и цѣнить ее, нежели Франція и большинство ея сосѣдей, приобретаетъ, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія высшей культуры, особая права которыя когда нибудь заявятъ о себѣ съ непреодолимою силой. И въ жизни народовъ свирѣпствуетъ борьба за существованіе, поэтому народъ, отказывающійся отъ лучшаго оружія въ этой борьбѣ—многочисленности, ради другихъ выгодъ, поступаетъ въ высшей степени неосмотрительно. Тотъ, кто не стремится къ дѣятельной жизни, а лишь къ тому, что принято называть «счастьемъ»,—все равно будетъ ли то отдѣльный индивидъ или цѣлый народъ,—быть можетъ лучше будетъ наслаждаться настоящимъ, но будущее не будетъ ему принадлежать.

Народъ, желающій мирно наслаждаться своимъ культурнымъ достояніемъ и мечтающій о покоѣ, словно какой нибудь состарившійся купецъ или выслужившій змеритурѣ школьный учитель, забываетъ совершенно о томъ, что человѣчество находится въ постоянномъ движеніи, что каждое пустое или плохо защищенное мѣсто немедленно заселится новыми пришельцами, создающими новыя условія существованія на свой ладъ. Это постоянное движеніе

составляетъ одно изъ главныхъ условій культуры и всего существованія человѣчества.

Человѣкъ первоначально обладалъ ограниченной способностью передвиженія. Въ этомъ отношеніи онъ не принадлежалъ къ особенно одареннымъ природою существамъ, не могъ подниматься въ небеса и даже не умѣлъ плавать. Этому искусству онъ долженъ былъ научиться, когда понялъ его значеніе въ борьбѣ за существованіе. Скорость бѣга и выносливость человѣка также заставляютъ желать многого. Но быть можетъ именно этимъ несовершенствамъ человѣкъ обязанъ многими своими преимуществами. Эпинасъ указывалъ на то, что подвижность воздушныхъ животныхъ дѣйствовала задерживающимъ образомъ на ихъ умственное развитіе; напримѣръ, общины муравьевъ по своему устройству стоятъ гораздо выше пчелиныхъ общинъ, потому что муравьи тѣснѣе связаны съ почвою и вынуждены извлекать пользу изъ небольшого участка земли. Чѣмъ подвижнѣе животное, тѣмъ легче оно можетъ спастись бѣгствомъ и тѣмъ меньше у него потребности устраивать для себя прочныя жилища и защищать ихъ отъ врага. Человѣкъ, не обладавшій большою подвижностью, поневолѣ долженъ былъ держаться земли, не теряя,

Лодка и весло съ озера Альбертъ въ Африкѣ.

впрочемъ, способности производить въ ней перемѣны. Эти черты человѣческой природы укрѣпились раньше, чѣмъ у человѣка явилась возможность восполнить до нѣкоторой степени этотъ недостатокъ своей организаціи при помощи искусственныхъ способовъ передвиженія.

Живой организмъ находится въ постоянномъ движеніи и это правило относится также къ силамъ, создающимъ организмъ каждаго человѣческаго общества. Трудъ и наслажденіе, борьба и игры поддерживаютъ своимъ перемѣннымъ вліяніемъ постоянное возбужденіе, безъ котораго социальный организмъ неминуемо долженъ былъ бы подвергнуться такому же разрушенію, какому подвергается тѣло человѣка, когда въ немъ прекращается движеніе жизни. Безпрестанныя, но небольшія перемѣны мѣста, происходящія при этомъ, можно сравнить съ колебаніями (oscillation), но и массовыя движенія, наблюдающіяся въ низшихъ народныхъ группахъ, а иногда и въ

области высшихъ культурныхъ формъ, принадлежать къ такого же рода явленіямъ.

Племена, которыя не развились ни до разведенія питательныхъ растений, ни до прирученія домашнихъ животныхъ и только пользуются готовыми дарами природы въ извѣстной области, не могутъ сблаться осѣдлыми, такъ какъ для своего пропитанія они нуждаются въ обширныхъ пространствахъ и поэтому вынуждены бродить съ мѣста на мѣсто.

Такой образъ жизни ведутъ австралійскіе негры, бушмены, островитяне Помоту и другіе кочевые народы. На высшихъ ступеняхъ наблюдаются періодическія перемѣны мѣстопребыванія народовъ, имѣющія основаніемъ или климатическія причины или же разыскиваніе различныхъ источниковъ питанія. Настоящій номадизмъ, вызываемый попеременнымъ пользованіемъ различными пастбищами, весьма схожъ однако со скитаніями бродячихъ племенъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно наблюдать образованіе лѣтнихъ и зимнихъ поселеній, представляющихъ аналогію съ дачами большихъ европейскихъ городовъ, но зависящихъ большею частью отъ иныхъ причинъ. Очень наглядно описываетъ это Шренкъ: «Въ области устья Амура,—тамъ, гдѣ мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ благопріятствуетъ поселеніямъ и удовлетворяетъ требованіямъ какъ зимой, такъ и лѣтомъ, встрѣчаются постоянно обитаемая деревня, жители которыхъ, впрочемъ; смотря по времени года, живутъ въ домахъ различнаго устройства и построенныхъ изъ различнаго матеріала. Но если мѣстность представляетъ значительныя преимущества въ теченіе одного какого-нибудь времени года и столь же значительныя недостатки въ теченіе другого, то лѣтніе и зимніе дома строятся въ разныхъ мѣстахъ и такимъ образомъ возникаютъ зимнія и лѣтнія деревни, жители которыхъ два раза въ годъ мѣняютъ свое мѣстопребываніе... Мео, деревня, лежащая на правомъ берегу Амура, является лѣтнимъ мѣстопребываніемъ жителей Куика,—на лѣвомъ берегу рѣки. Всѣ жители Куика переселяются въ Мео лѣтомъ, такъ какъ положеніе этой деревни болѣе благопріятно для рыбной ловли, потому что она находится ближе къ руслу потока, по которому лососи поднимаются по рѣкѣ; кромѣ того правый берегъ выше къ нему и удобнѣе приставать на лодкахъ и т. д. Осенью же жители возвращаются въ свои зимніе дома, находящіеся на другомъ берегу, гдѣ изгибъ рѣки и обширные лѣса служатъ защитой отъ рѣзкихъ холодныхъ сѣверо-западныхъ и западныхъ вѣтровъ и мятелей и въ то же время представляютъ болѣе удобную и выгодную охотничью область, нежели гористые склоны праваго берега».

Мы имѣемъ, слѣдовательно, цѣлый рядъ причинъ, побуждающихъ къ перемѣнѣ мѣста. Кромѣ главныхъ причинъ, климатическаго вліянія и исканія пищи, иногда перемѣна мѣстожительствъ вызывается

другими поводами; напр., обиліе комаровъ вынуждаетъ лапландцевъ въ извѣстное время года удаляться въ горы со своими стадами оленей. Обыкновенно, впрочемъ, не все населеніе перебирается на другое мѣсто, а лишь часть его отправляется въ болѣе отдаленныя мѣстности для ихъ эксплуатаціи, хотя, напр., въ Суданѣ бываетъ, что всѣ обитатели нѣкоторыхъ деревень временно переселяются на фермы, лежащія среди полей, и лишь совершенно дряхлые старики остаются на прежнемъ мѣстѣ. Подобныя условія встрѣчаются главнымъ образомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ частыя войны заставляли людей тѣсниться другъ къ другу съ цѣлью лучшей обороны на небольшомъ пространствѣ земли недостаточномъ для пропитанія всего племени. Въ Меланезіи жилища очень часто строятся на маленькихъ островахъ, лежащихъ у берега, а плантаціи находятся на берегу. На Малайскомъ же архипелагѣ, въ странѣ охотниковъ за головами, деревни помѣщаются на крутыхъ, бесплодныхъ вершинахъ, такъ что во время полевыхъ работъ земледѣльцы не могутъ ежедневно возвращаться въ свои жилища и ночуютъ въ маленькихъ хижинахъ, въ полѣ.

Склонность къ бродяжничеству можетъ превратиться во вторичный инстинктъ, не исчезающій даже подъ вліяніемъ долговременнаго воспитанія въ противоположномъ смыслѣ. Въ Европѣ классическимъ примѣромъ такого инстинкта могутъ служить цыгане, этотъ, происходящій изъ Индіи, народъ паріевъ, постоянныя странствованія которыхъ въ ихъ первоначальномъ отечествѣ перешли въ концѣ-концовъ, подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ причинъ, въ настоящее переселеніе; цыгане продолжаютъ вести и въ Европѣ свой бродячій образъ жизни, являясь до нѣкоторой степени паразитнымъ элементомъ и упорно сохраняя низшія формы существованія среди высокоразвитаго культурнаго міра. Попытки пріучить этотъ народъ къ другимъ условіямъ жизни удавались лишь въ единичныхъ случаяхъ, да и то постепенно. Скитанія цыганъ представляютъ явную аналогію съ безопаснымъ существованіемъ австралійцевъ и бушменъ, собирающихъ сѣмена и корни для своего пропитанія, но у цыганъ, странствующихъ не въ дикой мѣстности, это выражается въ формѣ воровства и обмана, а иногда и въ формѣ вымогательства, что разумѣется навлекаетъ на нихъ ожесточенную ненависть осѣдлыхъ жителей. Побуждаемые необходимостью, цыгане занимаются, кромѣ того, легкими ремеслами, оправдывающимися до нѣкоторой степени ихъ пребываніемъ среди осѣдлаго общества, напр., торговлею лошадьми и подковываніемъ ихъ, музыкой и колдовствомъ,—послѣднимъ цыгане занимаются съ особенною любовью, тѣмъ болѣе, что въ Европѣ, какъ и вездѣ, охотно приписываютъ народамъ, стоящимъ на низкой ступени развитія, разныя таинственныя силы и знанія. Но цыгане не представляютъ единичнаго явленія. Въ области африканской по-

ду культуры встрѣчаются бродячіе народцы, которые хотя и презираются осѣдлыми жителями, но не преслѣдуются ими и даже вынозняютъ известную обязанность въ общественномъ организмѣ господствующаго народа. Наиболее известны гроты въ Сенегамбїи, родъ странствующихъ музыкантовъ, почти обладающихъ монополїей на занятіе музыкой, но употребляющихся также въ качествѣ герольдовъ, пословъ и пѣвцовъ хвалебныхъ гимновъ. Однако ихъ все-таки презираютъ и они женятся только между собой, а послѣ смерти тѣла ихъ не предаются землѣ, а похвщаются въ дуплахъ деревьевъ. Дабатъ еще въ 18-мъ столѣтіи заинтересовался этимъ явленіемъ, но на всѣ вопросы, за что презираютъ этихъ людей, получалъ только одинъ отвѣтъ: «Таковъ обычай!» На восточномъ берегу Африки, среди колевыхъ сомалийцевъ и частью осѣдлыхъ галласовъ, встрѣчаются не мало бродячихъ племенъ. Таковы напр. Вабони, занимающіеся главнымъ образомъ охотою на слоновъ, Мидганы, приносящіе пользу въ качествѣ охотниковъ, хирурговъ и живодеровъ, Усбиры, снискивающіе себѣ пропитаніе въ качествѣ скомороховъ, гадальщикова, кожевниковъ, сѣдельныхъ и ковровыхъ мастеровъ и изготовителей мѣшечковъ для талисмановъ. Въ южной Аравїи и Индіи встрѣчаются такіе же бродячіе народцы. Въ большинствѣ случаевъ можно предположить, что эти народцы представляютъ остатки первобытнаго населенія, продолжавшіе вести свой прежній образъ жизни, насколько это оказалось возможнымъ, и послѣ того, какъ болѣе культурные народы завладѣли ихъ землей. Пороку племени сдѣлавшіяся осѣдлыми, снова возвращаются къ скитальческому образу жизни, подъ давленіемъ необходимости. Что такое явленіе возможно и среди высококультурныхъ народовъ, доказываетъ, между прочимъ, печальными условіями, существующими въ Англіи со временъ Генриха VIII вплоть до современной эпохи гдѣ противозаконное завладѣніе общинною землею крупными земледѣльцами лишило большую часть сельскаго населенія страны его прежней собственности и превратило его въ бродячій нищенскій пролетаріатъ. „Раупег цбіге јасет“ (бѣднякъ встрѣчается вездѣ) жаловалась еще королева Елизавета.

Земледѣліе и промышленность крѣпче привязываютъ человѣка къ землѣ. Однако, и въ нашемъ культурномъ мірѣ происходятъ обширныя періодическія движенія, главнымъ образомъ зависящія отъ того, что въ известныхъ мѣстахъ населеніе не можетъ въ достаточной степени пропитать себя и поэтому переселяется, но изъ любви къ родинѣ или же вслѣдствіе большей дешевизны въ своемъ отечествѣ, не хотѣя покидать его на долго. Въ такихъ случаяхъ работоспособные люди покидаютъ свою родину и переселяются на известный періодъ времени въ такіе мѣста, гдѣ требуются рабочія руки и гдѣ плата за трудъ болѣе высока. Зимой эти временные переселенцы

возвращаются домой, но при известныхъ обстоятельствахъ ихъ пребываніе на чужбинѣ затягивается на нѣсколько лѣтъ. Чешскіе и итальянскіе рабочіе, уходящіе на сѣверъ, китайцы, отправляющіеся искать счастья въ Калифорніи, Полинези и Австрали, но все-таки возвращающіеся потомъ на родину, могутъ служить примѣромъ такого временнаго переселенія.

Однако, болѣе важными для распространенія культуры являются такіе переселенія, которые приводятъ къ постоянному заселенію чужеземныхъ областей и вызываются обыкновенно или перенаселеніемъ или политическими и религіозными причинами. Характернымъ признакомъ такихъ переселеній служитъ то, что не весь народъ приходитъ въ движеніе, а только отсылаетъ часть своихъ членовъ, которые основываютъ вдали поселенія, мало-по-малу вырастающія въ самостоятельныя государства и народы. Такимъ образомъ европейскіе народы превратили въ новѣйшее время почти всѣ области, подходящія въ климатическомъ отношеніи, въ придатки Европы и насадили въ нихъ европейскую культуру. Но и въ монгольскихъ переселеніяхъ, также какъ и въ передвиженіяхъ народовъ, совершающихся на азіатской возвышенности, родина племени не покидается имъ навсегда. Еще теперь можно встрѣтить переносныя кибитки монголовъ и киргизовъ въ степяхъ Средней Азіи, которые были нѣкогда кореннымъ мѣстопребываніемъ этихъ народовъ. Именно монгольскія расы могутъ служить примѣромъ того, какъ народъ, приспособившійся къ особенной климатической области и усвоившій себѣ соответствующія экономическія формы, и въ своихъ переселеніяхъ ищетъ такихъ же условій. Кочующія племена азіатскаго плоскогорья преимущественно направлялись въ такіе мѣста и надолго поселялись тамъ, гдѣ они находили степи и пастбища для своихъ стадъ. Этимъ объясняется, что Восточная Европа такъ легко подвергалась нашествію гунновъ и потомъ монголовъ, а Россія могла свергнуть монгольское иго лишь послѣ столѣтій. Между тѣмъ земледѣльческій Китай, зачастую подчинявшійся господству степныхъ народовъ, остался все-таки непоколебимымъ и сами завоеватели быстро становились подъ вліяніемъ его культуры истыми китайцами. Венгрія, большая, средневропейская степная страна, до сихъ поръ еще заселена азіатскимъ племенемъ, но господство гунновъ въ западныхъ частяхъ Европы скоро исчезло и ни монголы, ни мадьяры не могли тамъ укрѣпиться.

Можно было бы предположить, что въ культурно-историческомъ отношеніи имѣютъ болѣе значенія такіе случаи, когда народъ поднимается со всѣмъ своимъ скарбомъ и домочадцами и покидаетъ свое мѣстожителство, чтобы переселиться въ другія мѣста. Но такіе случаи, хотя и не такъ ужъ рѣдко наблюдаются, все-таки не имѣютъ большого значенія, такъ какъ обыкновенно они бывають

результатомъ упадка культуры у странствующаго народа. Правда, что новая среда вызываетъ наружу и новыя силы. Европейскіе колонизаторы, не разрывающіе своей связи съ культурною жизнью своей родины, могутъ, однако, въ то время, когда они приспособляются къ своему новому мѣстожительству, приобрести новыя взгляды и другой складъ характера. Народы же, совершенно отрывающіеся отъ своей родины, обыкновенно дѣлаютъ это подъ вліяніемъ нужды или притѣсненій враговъ и очень часто ихъ новое мѣстоительство оказывается хуже ихъ прежней родины. Въ Африкѣ очень много такихъ народовъ, которые были загнаны болѣе сильнымъ непріателемъ въ безплодныя области, горы и болота и, блуждая по берегу моря или рѣкъ, влчатъ теперь печальное существованіе. Перемѣна мѣстоительства въ такихъ случаяхъ непремѣнно влечетъ за собой гибель культуры. Несчастный земледѣлецъ, которому, быть можетъ не были чужды многія ремесла, гончарное искусство и т. п., изгнанный изъ своей родины въ безплодную болотистую мѣстность, вынужденъ вернуться къ первобытнымъ условіямъ существованія собираателя травъ и рыбака. Но въ высшей степени рѣдки такія переселенія народовъ, которые имѣютъ цѣлью завоеванія и когда весь народъ приходитъ въ движеніе. Племена восточныхъ германцевъ, окончившихъ съ римскою имперіей, повидимому, совершенно покинули свое прежнее мѣстоительство, тогда какъ западные германцы завладѣли Англіей другимъ путемъ, т. е. устранивъ тамъ свои колоніи. Однако, восточнымъ германцамъ, несмотря на всѣ ихъ побѣды, эти переселенія принесли мало пользы. Всегда бываетъ опасно, для каждаго народа, отрываться окончательно отъ родной почвы и прилаживаться къ новымъ условіямъ жизни.

Для культуры какой-нибудь области несомнѣнно имѣетъ большое значеніе, въ какой степени она открыта для переселеній народовъ и какіе элементы могутъ завладѣть ею. Эти странствующія народныя толпы, которыя одновременно служатъ носителями культуры и свѣжихъ силъ, можно сравнить съ потоками, дѣйствующими подчасъ разрушительно, но все-таки приносящими пользу странѣ, такъ какъ тамъ, гдѣ они совершенно отсутствуютъ, царятъ заустѣніе и упадокъ. Персія и Месопотамія, такъ часто служившія дорогой для переселеній азіатскихъ народовъ и ставовившіяся ихъ добычей, заплатили за это упадкомъ своей нѣкогда высоко стоявшей культуры. Страны же, лежащія по краямъ экмены, какъ напр. сѣверная Сибирь или Огненная земля, доказываютъ низкимъ уровнемъ цивилизаціи своихъ жителей, какъ мало они привлекали къ себѣ другіе народы, въ ихъ мирныхъ или воинственныхъ переселеніяхъ. Особенно наглядно указываютъ Англія и Ирландія на важное значеніе неблагоприятнаго положенія страны для ея культуры. Англія была защищена каналомъ отъ слишкомъ частыхъ нашествій, но все же

не до такой степени, чтобы окончательно воспрепятствовать появленію въ древнія времена многочисленныхъ переселенцевъ, благодаря которымъ населеніе, стоявшее на очень низкой ступени цивилизаціи, подобно теперешнимъ эскимосамъ, поднялось на болѣе высокую степень культуры и освѣжилось приливомъ новой крови. Ирландія же, лежащая нѣсколько вдали отъ древнихъ народныхъ путей, оставалась, поэтому, «всегда нѣсколько позади въ отношеніи культуры», какъ говорятъ Беддо. Переселеніе темноволосой расы альпійскаго племени, принесшей въ Англію знаніе бронзы, не достигло Ирландіи. Позднѣйшія германскія переселенія все-таки гораздо менѣе повліяли на «Зеленый Островъ», нежели на Англію, тѣмъ болѣе, что наиболѣе плодородныя мѣстности Ирландіи лежатъ на востокѣ и чужеземные переселенцы не имѣли поэтому никакого основанія глубже проникать въ страну и достигать ея западной окраины. Результатомъ этого явилась отсталость Ирландіи въ отношеніи культуры, которая и теперь еще очень замѣтна и отражается въ ея политическомъ безмолвіи.

По мѣрѣ того, какъ культура все болѣе прикрѣпляла человека къ землѣ, его способность передвиженія постоянно увеличивалась и этимъ сглаживался вредъ, который могла бы принести чреватѣрная неподвижность. Колебательныя движенія стали совершаться быстрѣе и кровь теперь скорѣе обращается въ жилахъ человечества. Въ настоящее время почти не существуетъ препятствій къ передвиженію человека, за исключеніемъ только ледяныхъ полей обоеихъ полюсовъ, но и они будутъ въ концѣ-концовъ побѣждены тою странною смѣсью жажды знанія и честолюбія, которая составляетъ характерную черту европейскихъ народовъ. Развѣтіе сношеній ведетъ къ развитію чертъ единства въ человѣческомъ родѣ, но съ другой стороны они допускаютъ въ предѣлахъ этого великаго единообразія все большее и большее дифференцированіе, все лучшее пользованіе силами, ростъ человечества и вмѣстѣ съ этимъ ростъ культуры.

2. Прогрессъ культуры.

Въ возрѣніяхъ европейца на свою культуру, которая, по его мнѣнію, только одна заслуживаетъ названія культуры, заключается своего рода высокомеріе. Имѣемъ-ли мы право, въ самомъ дѣлѣ, говорить, что весь трудъ человѣческаго рода, за много тысячелѣтій, былъ направленъ только къ созданію основъ для европейской цивилизаціи и что мы—единственные законные наслѣдники прошедшаго и поэтому будущее намъ принадлежитъ? И если даже,—чего нельзя отрицать,—мы стоимъ въ настоящее время во главѣ культурнаго развитія и составляемъ самый могущественный элементъ прогресса, то можемъ ли мы все-таки съ нѣкоторою достовѣрностью указать происхожденіе нашей культуры? Кому мы обязаны ею и какъ относиться къ ней все остальное человѣчество?

Уже при поверхностномъ наблюденіи можно замѣтить, что понятіе «культура» нельзя примѣнять такъ, безъ всякой критики. Если мы ближе изслѣдуемъ культуру европейскихъ народовъ, то увидимъ, что при всемъ своемъ кажущемся единствѣ, она далеко не одинакова. Каждый изъ большихъ европейскихъ народовъ имѣетъ собственный языкъ, собственную литературу, изъ которой лишь часть переходитъ къ другимъ народамъ; у каждаго народа существуютъ свои нравы, и обычаи, свой характеръ, который выражается наиболее яркимъ образомъ въ его міровозрѣніи. Кроме того, европейскіе народы не принадлежатъ, вѣдь, къ древнѣйшимъ культурнымъ народамъ, которые встрѣчаются только на почвѣ Азии и Африки; они въ разные времена усвоили себѣ высшую культуру и далеко не въ одинаковой степени участвовали въ ея дальнѣйшемъ созиданіи. Такимъ

образомъ каждый изъ европейскихъ народовъ имѣетъ свою собственную культуру, но такъ какъ часть ея все-таки составляетъ общее достояніе, то европейскіе народы могутъ способствовать развитію культуры, обмѣниваясь другъ съ другомъ своими успѣхами.

То же самое относится и ко всему человѣчеству вообще. Каждое отдельное племя и каждый народъ имѣетъ собственную отдѣльную культуру, но все вмѣстѣ они въ то же время обладаютъ знаніями, которые составляютъ ихъ общее культурное достояніе; именно это общее имъ всеѣмъ достояніе и можно назвать культурою человѣчества. Прежде всего надо изслѣдовать эту культуру, и только по разрѣшеніи этой ближайшей задачи мы можемъ приступить къ изученію труднѣйшихъ проблемъ культурнаго развитія.

Изслѣдуя ближе общее культурное достояніе человѣчества мы видимъ, что оно заключается, главнымъ образомъ, въ общихъ способностяхъ и возрѣніяхъ. Такъ, напримѣръ, все человѣчество обладаетъ способностью языка, но языки бываютъ очень различны и нѣкоторые изъ нихъ существуютъ лишь въ предѣлахъ очень маленкой человѣческой группы. Огонь извѣстенъ вездѣ, но способы его добычанія далеко не вездѣ одинаковы. Если мы не будемъ ограничивать очень узкими рамками общее культурное достояніе, то нигдѣ не наткнемся на полное его отсутствіе. Въ этомъ именно смыслъ Фридрихъ Ратцель составилъ свой инвентарь общаго культурнаго достоянія человѣчества: «*Огонь*, добываемый треніемъ кусковъ дерева; *Охота* при помощи метательнаго и ударнаго оружія; *Рыбная ловля*—посредствомъ сѣтей, забрасыванія ихъ въ богатая рыбой мѣста, а также острогъ и копій. Уженіе также распространено вездѣ, какъ и оглушеніе рыбы. Знаніе *дика растущихъ питательныхъ и ядовитыхъ растений*; пользование *естественными продуктами міра животныхъ*; потребление *опьяняющихъ и возбуждающихъ напитковъ*; приготовленіе *пищи* при помощи огня; *украшенія*: татуировка или раскрашивание; введеніе постороннихъ предметовъ въ выдающіяся части лица, какъ-то: уши, носъ, губы. *Браслеты* на рукахъ и ногахъ, ожерелья и прически; *Одежда*—вначалѣ состоящая только изъ прикрытія половыхъ органовъ. *Жилища*, состоящая изъ шалаша, построеннаго изъ вѣтвей или крыши изъ тростника; соединеніе шалашей въ деревни; *Оружіе* изъ дерева: дубинки, метательное дерево и копья, лукъ и стрѣлы, каменные топоры, молотки, наконечники, стрѣлы, пращи. Изъ *ремеслъ* повсюду встрѣчаются: обработка камня посредствомъ ударовъ и обтесыванія дерева—посредствомъ разрубанія и рѣзки; закалываніе въ огонь сгибаніе въ теплѣ; обработка кожи посредствомъ скобленія и тренія, плетеніе, окраска; добыча животнаго жира посредствомъ тѣпла; выдалбливаніе древесныхъ стволовъ для постройки лодокъ; *земледѣліе* посредствомъ заостренной дубинки или мотыки, причемъ способы

обработки земли мѣняются въ разныхъ мѣстностяхъ; *прирученіе* животныхъ, выражающееся, прежде всего, прирученіемъ собаки. Общими слѣдуетъ дальѣ считать извѣстныя общественныя учрежденія и прежде всего бракъ, начала государственной жизни, слѣды религіи и погребеніе мертвыхъ.

Такой перечень въ сущности является лишь компромиссомъ между различными мировоззрѣніями и вслѣдствіе этого легко подлежитъ критическимъ нападкамъ. Дальѣ мы увидимъ, насколько данныя, представляемая Ратцелемъ, требуютъ болѣе точнаго разъясненія или ограниченія. Противъ его упоминанія о земледѣліи можно сдѣлать слѣдующее возраженіе: земледѣліе было совершенно неизвѣстно на австралийскомъ континентѣ; притомъ же культура многихъ народныхъ группъ характеризуется именно полнымъ отсутствіемъ земледѣлія или какой бы то ни было обработки полей. Самое распространенное орудіе земледѣлія — вовсе не плугъ, употребляемый для

Украшеніе для губъ
изъ Талька.

Дубинка у племени
Омага, въ Сѣв. Аме-
рики.

Мотыги изъ Адамауа
Зап. Суданы.

вспахиванія полей, а старинная мотылка. Заостренная же палка австралийцевъ и бушменовъ служить имъ не для обработки земли, а для самаго примитивнаго выкапыванія корней.

Вообще нельзя разсматривать весь общій культурный слой, словно какое-нибудь покрывало, которое повсюду одинаково простирается надъ землей. Культурныя формы такъ разнообразны и такъ переплетаются между собой, что трудно найти рѣзкія границы между ними, и если мы откажемся отъ попытки слишкомъ рѣзкаго разграниченія культурныхъ областей, то можемъ тогда признать существованіе нѣсколькихъ культурныхъ поясовъ, распадающихся, въ свою очередь, на меньшіе участки. Этими культурнымъ поясамъ свойственны нѣкоторые общіе культурные признаки, что и составляетъ ихъ характерную черту. Притомъ они болѣею частью совпадаютъ съ

климатическими поясами. Европейская культура, напримѣръ, охватываетъ землю въ сѣверныхъ умѣренныхъ широтахъ словно поясъ. И такой же поясъ, но только прерываемый въ большей степени водными массами океана, окружаетъ южную половину земного шара. Поясъ высшей американской культуры охватываетъ плоскогорья средней и южной Америки. Однако, даже менѣ развитыя цивилизаціи заключены все-таки въ географическихъ и климатическихъ границахъ, напр.: древняя малайская культура охватываетъ тропическіе острова Азіи, Океаніи и Африки. Сѣверные же полярные народы, состоящіе изъ различныхъ племенъ въ этнографическомъ отношеніи, соединяются въ общую культурную группу гиперборейцевъ. Была даже сдѣлана попытка замѣнить раздѣленіе человечества на расы, отличающіяся антропологическими признаками и языками, дѣленіемъ на культурныя группы. Съ точки зрѣнія экономической науки это уже выполнено Морганомъ, а позднѣе Ратцелемъ. Въ сущности всѣ дѣленія такого рода имѣютъ лишь цѣлью облегчить общій обзоръ, не уясняя, однако, исторіи развитія, но, тѣмъ не менѣе, раздѣленіе на группы или народныя круги, какъ ихъ называетъ Ратцель, представляетъ все-таки нѣкоторыя удобства. Впрочемъ, когда дѣло идетъ о вопросахъ происхожденія, то такое дѣленіе человечества на культурныя группы теряетъ свое значеніе и лингвистика также не можетъ имъ пользоваться для своихъ цѣлей.

Говоря о какомъ-нибудь культурномъ поясѣ или группѣ, мы, разумѣется, имѣемъ всегда въ виду цѣлый рядъ общихъ признаковъ, происхожденіе которыхъ, однако, еще не выяснено. Въ этой группѣ можетъ не существовать даже внутренней связи, общаго сознанія и тѣсныхъ сношеній, такъ какъ иначе намъ пришлось бы составлять культурныя группы лишь изъ высшихъ культурныхъ народовъ, обладающихъ письменностью и вступающихъ другъ съ другомъ въ близкія сношенія. О какой-нибудь тѣсной связи между гиперборейцами, повидимому, не можетъ быть и рѣчи и даже древніе мексиканцы и перуанцы, повидимому, не знали ничего другъ о другѣ. Но на ряду съ этими массовыми появленіями общихъ признаковъ можно замѣтить еще безчисленные единичные случаи сходства, до такой степени рѣзкіе и поразительные, что невольно является подозрѣніе, нѣтъ-ли въ данномъ случаѣ общаго происхожденія группъ, между которыми, повидимому, не существуетъ никакой связи? Наука, тамъ, гдѣ она не спѣшитъ съ преждевременными выводами, избрала по отношенію къ этимъ страннымъ явленіямъ самый вѣрный путь: она собираетъ сначала данныя и затѣмъ уже спокойно изслѣдуетъ ихъ, такъ же какъ и предметы, собранные въ музеѣ. Толчокъ къ такой подготовительной работѣ былъ данъ Адольфомъ Бастіаномъ, который много потрудился надъ сохраненіемъ вещественнаго культурнаго имущества и тѣмъ заслуживаетъ вѣчную благодарность науки. Но, къ

сожалению, ему не удалось, как писателю, преодолеть затруднения, представляемые чрезмерным обилием материала; он тонуть в этом материале, и так как он упорно держался одностороннего взгляда на самостоятельное образование всех культурных богатств, пренебрегая в то же время мелкою монографическою работою, то в этом отношении он не принес особенной пользы науке. Рихард Андрее съ гораздо большим успехом излагает результаты объективного собиранія материала и кладет основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ своей книгѣ «Этнографическія параллели» — названіе очень подходящее для культурнаго сходства. При такомъ изслѣдованіи проблемы сталкиваются двѣ противоположныя точки зрѣнія, при чемъ каждая имѣетъ свое основаніе. Борьба этихъ противоположныхъ взглядовъ возобновляется при каждомъ удобномъ случаѣ. Психологическая точка зрѣнія опирается на всеобщее родство человѣческой духовной жизни и допускаетъ, что въ большинствѣ случаевъ параллельныя явленія развились вполне самостоятельно, такъ какъ люди по необходимости должны были натолкнуться на одиѣ и тѣ же идеи, между тѣмъ, какъ антропогеографія тщательно разыскиваетъ всѣ слѣды бывшихъ переселеній народовъ или древнихъ народныхъ сношеній и разсматриваетъ культурное сходство, насколько это допустимо, какъ такіе слѣды, пользуясь ими для своихъ изслѣдованій. Само собою разумѣется что такіа двѣ противоположныя воззрѣнія исключаютъ другъ друга въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но въ общемъ могутъ существовать рядомъ другъ съ другомъ, хотя борьба между ними разгорается сильнѣе, когда заходитъ рѣчь объ общемъ первоначальномъ культурномъ слобѣ. Но именно въ этомъ отношеніи мы можемъ всего менѣе ожидать опредѣленнаго рѣшенія и должны оставить открытымъ вопросъ относительно самостоятельнаго изобрѣтенія въ разныхъ мѣстахъ искусства добыванія огня или допустить, что человѣчество обладало уже этимъ знаніемъ въ своемъ первоначальномъ отечествѣ и перенесло его съ собою въ свои позднѣйшія мѣстожителства.

Однако, мы поступимъ правильнѣе, если отложимъ, пока, въ сторону теоріи и ближе изслѣдуемъ нѣкоторыя изъ наиболее поразительныхъ параллелей. Всего рѣзче выступаетъ сходство въ орудіяхъ для практическаго употребленія, въ домашней утвари и оружій. Сравнимъ, напр., деревянныя боевыя дубинки меланезійцевъ съ такими же дубинками, остатками первобытныхъ временъ Америки, которыя массами встрѣчаются при раскопкахъ и рисунки которыхъ мы находимъ на древнихъ перуанскихъ сосудахъ! Не можетъ-ли это сходство служить указаніемъ, что тутъ одинъ народъ былъ учителемъ другого? А, между тѣмъ, въ высшей степени невѣроятно, — что, впрочемъ, доказывается и дальнѣйшими американскими изысканіями, — чтобы между культурой американцевъ и другихъ народовъ суще-

ствовало оживленный обмѣнъ, за исключеніемъ лишь сѣверо-западной береговой полосы, гдѣ можно допустить существованіе сношеній. Еще болѣе распространены повсемѣстно метательныя деревянныя орудія, которымъ Шмельцъ недавно посвятилъ небольшую статью. Метательное дерево состоитъ изъ длиннаго, плоскаго, деревяннаго куска, часто имѣющаго форму рыбы, порою разукрашеннаго и размазаннаго, къ одному концу котораго привязана веревка, служащая для того, чтобы приводить его въ быстрое вращеніе. Обыкновенно это дѣлается не просто рукой, а при помощи палочки, къ которой прикрѣпляется свободный конецъ шнура. Въ такомъ видѣ этотъ инструментъ очень напоминаетъ всѣмъ извѣстный волчокъ и когда онъ приходитъ въ движеніе, то издаетъ такой же точно жужжащій и свистящій звукъ. Весьма вѣроятно, что волчокъ представляетъ лишь усовершенствованный первобытный метательный инструментъ, и въ Англіи до сихъ поръ еще употребляются настоящія метательныя деревянныя дощечки въ качествѣ дѣтскихъ игрушекъ.

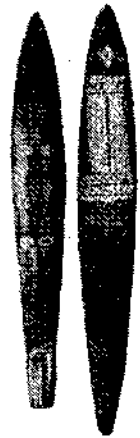
Предметы, нѣкогда имѣвшіе большое значеніе въ жизни взрослыхъ, часто заканчиваютъ свое этнологическое существованіе, какъ дѣтскія игрушки. Такое явленіе весьма обыкновенно и поэтому волчокъ и его прообразъ — метательное дерево, могли играть у нашихъ отдаленныхъ предковъ совсѣмъ другую роль. Вездѣ также, гдѣ этотъ метательный снарядъ находится въ большомъ употребленіи, онъ служитъ не для одной только забавы. Въ его глухомъ жужжаніи слышатся неземныя звуки, словно идущіе изъ царства тѣней, и поэтому-то онъ съ особенною любовью употребляется тайными союзами, на праздникахъ въ честь мертвыхъ и др., на которыя не всѣ имѣютъ доступъ.

Замѣчательно большое распространеніе этого инструмента. На островахъ Малайскаго архипелага онъ встрѣчается лишь въ единичныхъ случаяхъ, и то какъ игрушка, тогда какъ въ западной Гвинее этотъ инструментъ представляетъ важную часть культурнаго имущества, и звуки, издаваемые имъ, составляютъ необходимую принадлежность праздника обрѣзанія и разныхъ другихъ собраній мужчинъ на которыя не допускаются женщины. Въ Океаніи этотъ инструментъ не встрѣчается и только въ Новой Зеландіи онъ прежде служилъ для заклинанія погоды. Но въ Австраліи метательный инструментъ пріобрѣтаетъ большое значеніе, какъ это указываютъ слѣдующія слова Говинета: «Во всей Австраліи метательное дерево представляетъ одно изъ самыхъ священныхъ и самыхъ таинствен-

Метательное дерево у племени Навайо (Сѣв. Амер.).

ныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ церемоніямъ посвященія. Ни женщины, ни дѣти—я бы сказала вообще непосвященные—не должны видѣть церемоній подѣ страхомъ смертной казни. Новопосвященнымъ внушается, что въ случаѣ, если бы дѣти или женщины узнали объ этомъ, то имъ грозитъ смерть или посредствомъ физической силы или посредствомъ колдовства. Весьма характеристична почтительная робость, съ которою посвященные взираютъ, обыкновенно, на такую метательную дощечку, когда она разсылается для объявленія какого-нибудь посланія или же для созыва на какое-нибудь церемониальное собраніе. Священный характеръ метательнаго

Метательное
дерево
(Нов. Гвинея).

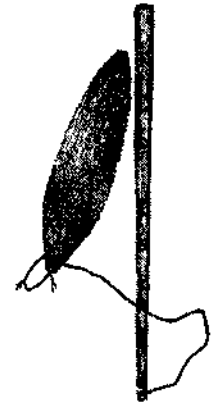
дерева приписывается многимъ причинамъ, но главнымъ образомъ онъ вызывается повѣріемъ, что первый такой инструментъ былъ изготовленъ богомъ, установившимъ и церемоніи посвященій, и поэтому въ шумъ и свистъ, которыми сопровождается вращеніе деревянной дощечки, дикарямъ слышится голосъ этого божества».

Австралія и Меланезія лежатъ сравнительно близко другъ отъ друга. Но метательное дерево встрѣчается и въ Южной Африкѣ, гдѣ оно, повидимому, служитъ, какъ и въ Новой Зеландіи, для заклинанія погоды, а въ Торуа, на западномъ берегу, оно употребляется, какъ сигналъ, тайными союзами, который даетъ знать женщинамъ и непосвященнымъ, что они должны скрыться. Если же мы обратимся теперь къ Южной Америкѣ, то и тамъ найдемъ этотъ инструментъ у племени Бороро, которое употребляетъ его на празднествахъ въ честь мертвыхъ. И тутъ также женщины должны избѣгать глядѣть на священный инструментъ. У Бакари названіе этого инструмента означающее «грозу», указываетъ, что съ нимъ связываются мысли о заклинаніи погоды.

Въ Сѣверной Америкѣ дѣйствительно употребляютъ этотъ инструментъ для привлеченія дождя, необходимаго для жатвы. У эскимосовъ онъ встрѣчается лишь какъ дѣтская игрушка (см. рис. на 66 стр.).

Мы привели одинъ примѣръ изъ сотни. Почти можно сказать, что для каждой отдѣльной частицы культурнаго достоянія, называемаго народомъ своимъ собственнымъ, можно отыскать параллели въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ земнаго шара, представляющія притомъ такое разительное сходство, что является невольное желаніе найти объясненіе такому странному факту. Впрочемъ, въ объясненіяхъ никогда не бывало недостатка, но для всякаго, кто не овладѣлъ до нѣкоторой степени предметомъ, очень трудно бываетъ сохранить равновѣсіе между Сциллой и Харибдой, т. е. избрать

золотую середину между окончательнымъ отказомъ отъ надежды проникнуть въ самую суть вещей и легкомысленнымъ сплетеніемъ всевозможныхъ гипотезъ. Какъ много шума, напримѣръ, надѣлали гипотезы о происхожденіи американскихъ народовъ! Достаточно было нѣсколькихъ параллелей между израэлитами и индѣйцами, для того, чтобы множество знатоковъ Библии увидѣли въ индѣйцахъ десять потерянныхъ племенъ израилевыхъ и понадобилось особенно остроумное изслѣдованіе Гаррика Маллериса, чтобы разрушить эту нелѣпую гипотезу. Но вмѣсто одной отрубленной головы зернейской гидры вырастаетъ дюжина другихъ. Лафито, великія заслуги котораго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не могутъ быть оспариваемы, ставилъ ирокезовъ въ связь съ еракіяцами и ладійцами, затѣмъ американскіе культурные народы считались также потомками финиgianъ, египтянъ или карагенянъ, или же опять-таки въ нихъ желали видѣть переселенцевъ изъ Китая, Японіи или Индіи. Въ новѣйшія времена, однако, одному гениальному нѣмецкому архитектору удалось даже раскрыть тайны греческаго искусства и готическаго стиля посредствомъ изслѣдованія языка нахуатлей и культуры майевъ! Самъ по себѣ довольно незначительный фактъ въ сравненіи съ другими параллельными явленіями, что въ центральной Америкѣ крестъ встрѣчается порою на архитектурныхъ постройкахъ, какъ символъ бога вѣтра, совершенно сблизъ съ толку цѣлый legionъ изслѣдователей; и какихъ только гипотезъ не было придумано по этому случаю! Вообще, ссылки на Библию произвели большую смуту. Распространеніе легендъ о потопѣ, которымъ Андрее посвятилъ свою интересную монографію, и теперь еще считается несомнѣннымъ доказательствомъ истинности библейскихъ разсказовъ; между тѣмъ какъ въ

Метательное
дерево у эскимосовъ.

сущности этотъ разсказъ надо отнести къ одной изъ многочисленныхъ параллелей, и съ точки зрѣнія народовѣдѣнія нѣтъ никакихъ основаній придавать ему болѣе серьезное значеніе, чѣмъ другимъ такимъ же легендамъ. Широко распространенный обычай обрѣзанія и то обстоятельство, что онъ случайно встрѣчается также и у евреевъ и введенъ ими въ ритуальный законъ, послужило поводомъ къ самымъ смѣлымъ гипотезамъ. Запретъ ѣсть свиное мясо, встречающійся у многихъ народовъ, также не ускользнулъ отъ благочестивыхъ и вдумчивыхъ умовъ. Можно сказать, что для всякой гипотезы, какъ бы она ни была нелѣпа, относительно переселеній народовъ и культуры, найдутся всегда какія-нибудь «доказательства», если кто-нибудь захочетъ поискать ихъ.

Такое признание, действительно, могло бы заставить отказаться отъ всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій и поэтому не удивительно, что полнѣйшій скептицизмъ явился, какъ противоположность дѣтскому легковѣрью въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, было бы недостойно науки отступать передъ затрудненіями, такъ какъ никогда не слѣдуетъ отчаиваться въ окончательномъ рѣшеніи проблемы. Возрѣніе, объясняющее всѣ параллели въ жизни народовъ чисто — внутренними причинами надо считать такимъ же одностороннимъ и такъ же противорѣчающимъ общеизвѣстнымъ фактамъ, какъ и теоріи изложеній и заимствованій, страдающія отсутствіемъ всякой критики явленій. Развѣ же не приходится упрямому послѣдователю психологическаго возрѣнія вездѣ признавать самостоятельную изобрѣтательность, встрѣчая повсюду, какъ въ Германіи, такъ и въ Австраліи, въ Англии и Сѣверной Америкѣ, церкви, выстроенныя въ характерномъ готическомъ стилѣ? И развѣ онъ не бываетъ вынужденъ въ такомъ случаѣ, для поддержанія своей теоріи, отвергнуть всѣ вліянія торговли и народныхъ сношеній, которые, однако, существовали въ самыя первобытныя времена? Или, быть можетъ, онъ признаетъ, что полинезійско-малайскіе языки на разныхъ островахъ возникли независимо другъ отъ друга, какъ результатъ одинаковыхъ — первоначально-одинаковыхъ — человѣческихъ учрежденій? Отвѣтъ на эти вопросы вытекаетъ самъ собою. Но если признать извѣстные факты заимствованія, то тогда уже нельзя будетъ отрицать значенія этнографическихъ параллелей для исторіи человѣчества и, хотя съ величайшею осторожностью, но все-таки съ рѣшительностью слѣдуетъ избрать именно этотъ путь научнаго изслѣдованія.

Адольфъ Бастіанъ имѣлъ доброе намѣреніе создать въ этомъ постоянно колеблющемся морѣ гипотезъ родъ искусственнаго фундамента. Онъ отдѣляетъ — насколько объ этомъ можно судить по его послѣднимъ трудамъ — нижній общій слой, соответствующій до нѣкоторой степени тому, что считается Ратцелемъ общимъ достояніемъ и что онъ называетъ «элементарными идеями». Такимъ образомъ, все то, что приобрѣтено далѣе человѣчествомъ въ области познанія и имущества подъ вліяніемъ окружающей среды — географической области — составить уже верхній слой, — «народную мысль». Элементарная и народная мысли соответствуютъ приблизительно первоначальному и вторичному слоямъ, на которые Францъ Хегеръ раздѣляетъ все культурное достояніе. Отдѣльныя видоизмѣненія народной мысли вліяютъ другъ на друга, они уравниваются и приводятся въ порядок и составляютъ — любимое выраженіе Бастіана — «единицы въ логическомъ счисленіи». Къ сожалѣнію, выгоды, извлекаемыя изъ народной мысли научнымъ изслѣдованіемъ, не велики.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ снова возникаетъ вопросъ, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ самостоятельнымъ проявленіемъ на-

роднаго духа или только съ передачей, и простое сопоставленіе фактовъ, къ которому, въ концѣ-концовъ, сводится работа Бастіана, нисколько не восполняетъ недостатка болѣе глубокаго проникновенія въ эту проблему.

Тѣмъ не менѣе идея «географической области», за которую такъ держится Бастіанъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя для дальнѣйшаго развитія. Въ сущности она является лишь другимъ выраженіемъ того факта, что, подъ вліяніемъ мѣстности и климата, развиваются извѣстные народные характеры, обладающіе непреодолимыми склонностями и душевными настроеніями, которые всегда пробиваются наружу не взирая на всякія другія внѣшнія вліянія. Внутри человѣчества, благодаря повсюду встрѣчающемуся сходству человѣческой духовной жизни, развиваются одинаковыя явленія. Бастіанъ также указываетъ на это, говоря: «Кто не распознаетъ съ перваго же взгляда различій между міровозрѣніями древнихъ грековъ съ ихъ свѣтлымъ міромъ боговъ, скандинавовъ — съ ихъ мрачнымъ и суровымъ взглядомъ на природу, индусовъ — въ которомъ отражается фантастическое великолѣпіе тропическаго міра, толтековъ — живущихъ на вулканической почвѣ и т. д., — у того visio mentis страдаетъ цвѣтною слѣпотой и онъ не въ состояніи будетъ также понять индуктивной способности народной мысли». Въ самомъ дѣлѣ, стойкость извѣстныхъ наклонностей, вкуса и обычаевъ, особенно выражающаяся въ искусствѣ, служитъ лишь проявленіемъ народной мысли и въ связи съ этимъ имѣетъ огромное значеніе. Всего опредѣленнѣе высказывается объ этомъ Флиндерсъ Петри: «Каждая группа въ человѣчествѣ, говоритъ онъ, имѣетъ свой собственный стиль и свои любимыя выраженія его, въ особенности въ декоративномъ искусствѣ. Мы можемъ опредѣлить точнымъ образомъ обломки рѣзбы, даже если намъ ничего неизвѣстно о томъ, гдѣ онъ найденъ и насколько онъ древняго происхожденія. Но для этого мы должны быть до нѣкоторой степени знакомы съ тѣмъ искусствомъ, представителемъ котораго служитъ обломокъ... Никакія тѣлесныя свойства не сохраняются такъ упорно, какъ художественный стиль. Замѣтивъ въ работѣ кельтовъ тотъ же самый стиль, что и въ ирландской рѣзбѣ или въ средневѣковыхъ желѣзныхъ издѣліяхъ, мы должны признать, что склонность къ извѣстному стилю глубоко коренится въ народѣ и въ одномъ и томъ же народѣ постоянно замѣчаются одинаковые способы выраженія этого стиля. Напр.: некрасивыя кривыя линіи въ видѣ буквы С, постоянно встрѣчаются и на позднѣйшей кельтической бронзѣ и рѣзбѣ временъ Людовика XIV, а, благодаря подражанію, они попадаютъ даже и на домашней утвари современной эпохи. Такое продолжительное существованіе какого-нибудь стиля, не взирая на всѣ великія историческія перемѣны, не только характерно для кельтской

культуры, но замѣчается также и въ Италіи. Неподвижныя, законченныя лица, обрамленныя прямыми волосами, въ изображеніяхъ временъ Константина, считаются обыкновенно искаженіемъ введеннаго въ страну греческаго искусства; въ дѣйствительности же, въ нихъ отражаются туземныя вліянія и староитальянскіе идеалы снова даютъ себя чувствовать, какъ только исчезаетъ греческое вліяніе. Въ Ватиканѣ находится Молодой Геркулесъ чисто Константиновскаго типа, съ этрусскою надписью, указывающею величайшую древность этого произведенія; далѣе, на востокѣ, долговѣчный художественный стиль египтянъ, вавилонянъ, Индіи и Китая, пережившій всѣ перемѣны правительствъ и исторіи, подтверждаетъ эту жизненную силу искусства. Мы должны на этомъ основаніи признать принципъ существованія «расоваго вкуса», который составляетъ такую же принадлежность народа, какъ и языкъ, и такъ же, какъ языкъ, можетъ быть заимствованъ одною расой у другой, но еще лучше языка переживаетъ всякіе перемѣны и періоды неупотребленія. Этотъ способъ научнаго изслѣдованія заслуживаетъ гораздо болѣе основательнаго изученія, чѣмъ какое выпадало на его долю до сихъ поръ».

Флиндерсъ Петри вовсе не отрицаетъ заимствованія, но настаиваетъ на томъ, что, прежде чѣмъ возбуждать вопросъ о передачѣ, необходимо точнѣе опредѣлять характерныя культурныя признаки отдѣльныхъ народовъ. Другіе изслѣдователи съ еще болѣею рѣшительностью отвергли проблему заимствованія и, быть можетъ, не случайно противоположныя воззрѣнія всего рѣзче выражаются въ Америкѣ, такъ какъ, именно, тамъ находится арена для самыхъ неслѣпыхъ гипотезъ о переселеніяхъ. Даніель Бринтонъ высказываетъ эту точку зрѣнія въ слѣдующихъ словахъ: «Насколько безконечныя различія искусствъ и продуктовъ культуры у различныхъ народовъ и въ различныхъ странахъ, или у одного и того же народа въ различные времена, указываютъ на «перемѣнное» въ антропологической наукѣ, настолько же существованіе независимыхъ параллелей несомнѣнно доказываетъ на вездѣ существующее «постоянное» въ этой проблемѣ, а именно: на единообразіи и неизмѣняемости духовной природы человѣка, охраняемой такимъ же точно разсудкомъ, обуравляемой такими же страстями и волненіями, повинующейся такой же волѣ, увлекающей ее къ такимъ же цѣлямъ, пользующейся для этого одинаковыми же средствами, если цѣли эти достижимы, получающей удовольствіе отъ одинаковыхъ же поступковъ и старающейся усыпить свой страхъ при помощи одинаковыхъ же способовъ». По Бринтону, всякое сходство прежде всего объясняется внутренними причинами и въ этомъ отношеніи онъ вполне соглашается со Штейнмецомъ, который допускаетъ теорію заимствованія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого существуютъ серьезныя и рѣшительныя основанія.

Однако, такимъ образомъ всѣ изслѣдованія, направленные къ отысканію доказательствъ прежнихъ народныхъ сношеній, почти осуждены оставаться безплодными. Вѣдь, если сходство культурныхъ признаковъ только тогда можетъ служить доказательствомъ, когда вопросъ и безъ этого разиѣшается другимъ путемъ, то, пожалуй, будетъ лучше оставить его безъ вниманія. Но если мы исключимъ изъ культурнаго достоянія народовъ все заимствованное и оставимъ имъ только то, что они, всякій разъ, сами изобрѣтали или открывали, то у большинства народовъ останется очень мало. Совершенно невѣрно, что подъ словомъ «передача» всякій разъ подразумѣваются грандіозныя переселенія народовъ или же колоссально развитыя сношенія. На самомъ дѣлѣ тутъ происходитъ болѣею частью постепенное просачиваніе, иногда необыкновенно медленное, иногда же, при извѣстныхъ условіяхъ, неожиданно быстро подвигающееся впередъ, и культурная волна дѣйствительно могла постепенно охватить всю землю, такъ какъ врядъ-ли существуютъ совершенно замкнутыя народы. Примѣромъ медленнаго распространенія можетъ служить развитіе земледѣлія у лѣсныхъ племенъ Бразиліи, которое наблюдалъ Карлъ ф. д. Штейнень. Нѣкоторые изъ этихъ племенъ, хотя и живущія рядомъ съ земледѣльческими племенами, все еще не обучались этому искусству и, очевидно, это происходитъ отъ того, что переходъ отъ охоты и собиранія корней и плодовъ къ воздѣлыванію земли, вслѣдствіе связаннаго съ этимъ соціальнаго переворота, не такъ легко можетъ совершиться у лѣсныхъ народовъ. Совершенно иную картину представляетъ необычайно быстрое распространеніе американскихъ полезныхъ растений, маиса, маниока и табака между неграми Африки. Но тутъ мы имѣемъ племена, давно уже знакомыя съ земледѣліемъ и легко рѣшающіяся, ради опыта, культивировать новое растеніе. Кромѣ того, тутъ существуютъ также весьма оживленныя сношенія, связывающія племена между собою, благодаря которымъ уже въ древнія времена могли распространиться по всей этой части свѣта товары европейскаго происхожденія, напр., венеціанскія стеклянныя бусы. Именно эти древнія стеклянныя бусы, которыя встрѣчаются въ Азіи, въ южномъ океанѣ и другихъ мѣстахъ, служатъ превосходнымъ, но далеко не единственнымъ, доказательствомъ странствованія культурнаго достоянія. Когда Кукъ открылъ отдаленные Сандвичевы острова, то онъ нашелъ тамъ куски желѣза, очевидно, европейскаго или азіатскаго происхожденія. Эти куски явились пионерами нашей культуры, предшествовавшими открытію острововъ. Знанія, искусства и традиціи распространяются иной разъ такъ же легко, какъ и бусы и куски желѣза, но только труднѣе бываетъ отыскать этому доказательства и притомъ въ этихъ доказательствахъ часто существуютъ пробѣлы, что вовсе не облегчаетъ изслѣдованія. Эти пробѣлы, однако, объясняются тѣмъ,

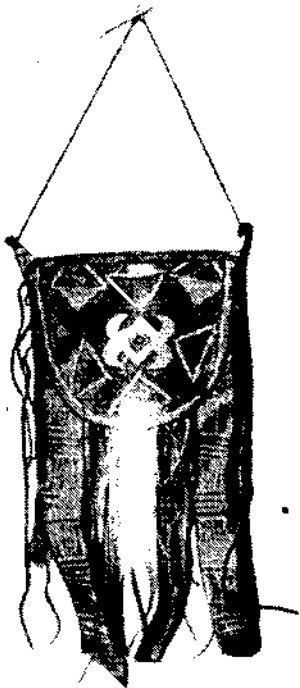
что занесенныя куда-нибудь знанія не всегда пускают прочныя корни во время своихъ странствованій и новыя теченія могутъ совершенно уничтожить первоначальную связь. Тогда лишь слабыя слѣды указываютъ на прежде существовавшее положеніе вещей. То, что мы на Суматрѣ до сихъ поръ еще встрѣчаемъ рѣзбу съ изображеніемъ Будды, сидящаго на Лотосѣ, служитъ доказательствомъ древняго культурнаго вліянія индуизма. теперь уже совсѣмъ исчезнушаго, хотя его и можно прослѣдить историческимъ путемъ. Такъ же точно и кожаныя издѣлія изъ

Кордуана встрѣчаются уже въ Суданѣ какъ продукты туземной промышленности, получившей,

однако, съ сѣвера толчекъ къ своему развитію, между тѣмъ какъ въ лежащей между этими странами Сахарѣ такихъ издѣлій совсѣмъ не существуетъ.

Одною изъ главныхъ заслугъ Фридриха Ратцеля слѣдуетъ считать то, что онъ энергично противодействовалъ всѣмъ попыткамъ предоставить психологической теоріи исключительное господство. Для него, какъ для творца антропогеографіи, занимающагося исключительно отношеніемъ человѣка къ землѣ, очень важно было выяснитъ пользу изслѣдованій культуры для географіи и исторіи человѣчества и не допустить распространенія спиритическаго взгляда на эти изслѣдованія Ратцель указываетъ на то, что духовное „generatio aequivosa“ (Urzeugung — первобытное происхожденіе), въ которомъ такъ твердо убѣждены послѣдователи психологическаго направленія, опирается на „generatio aequivosa“ живыхъ существъ, отъ котораго биологія давно уже отказалась». Такъ же и въ этнографіи, говорить онъ, надо прежде создать ученіе о географическомъ распространеніи и тогда олько

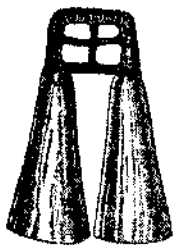
Кожаный мѣшокъ.

станетъ возможнымъ ученіе о развитіи этнографическаго достоянія. Но это не мыслимо, пока умомъ владѣетъ противоположное воззрѣніе, отказывающееся отъ изученія географическаго распространенія. Если коль-

чуга у чукчей, алеутовъ, въ Японіи и Полинезій одинаково является продуктомъ „generatio aequivosa“ человеческого интеллекта, то вполне достаточно будетъ изучить одинъ случай подобнаго рода, чтобы понять всѣ другіе. Этнографія больше интересуется умомъ человѣка, нежели продуктами этого ума, и въ такомъ случаѣ было бы лишне тщательно изслѣдовать распространеніе какого-нибудь географическаго предмета, такъ что народовѣдніе могло бы обходиться безъ землѣвѣднія. Насколько тутъ должна быть поверхностна связь между этнографіей и географіей, доказывается стремленіемъ установить особенныя центры творчества въ случаяхъ большихъ разстояній, откуда исходятъ всѣ изобрѣтенія оружія, утвари, обычаи и нравы, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать вопросъ: какимъ образомъ могло быть превзойдено разстояніе отдѣляющее двѣ части свѣта, гдѣ встрѣчаются одинаковыя разновидности этнографическихъ предметовъ?

Важную поддержку для своихъ взглядовъ Ратцель находитъ въ свудости идеи человѣчества. Въ 99 случаяхъ изъ ста охотнѣе заимствуется какая-нибудь идея или же старая идея приспособляется къ новымъ условіямъ, нежели создается новая одними силами человеческого ума. Если это относится къ культурнымъ народамъ Европы, которые, вотъ уже около ста лѣтъ, не могутъ создать новаго стиля, болѣе соответствующаго своеобразностямъ ихъ культуры, и только теперь, пожалуй, — создадутъ таковой, при помощи... японскихъ образцовъ, — то что же мы можемъ ожидать отъ первобытныхъ народовъ? Правда, что каждая составная часть культурнаго достоянія должна была гдѣ-нибудь и когда-нибудь быть изобрѣтена, но если мы вспомнимъ, какъ безконечно давно гнѣздится человѣчество на землѣ, то должны будемъ признать, что большинство изобрѣтеній имѣли достаточно времени для своего распространенія и что незачѣмъ прибѣгать къ теоріи возникновенія идей, вырастающихъ словно грибы въ разныхъ мѣстахъ, для того, чтобы объяснить многія существующія сходства. Съ этой точки зрѣнія идея всеобщаго умственной „generatio aequivosa“, представляющаяся научно-объективною, кажется еще болѣе рискованною, нежели теорія заимствованія и, во всякомъ случаѣ, не болѣе обоснованною, нежели эта послѣдняя. Разумѣется, одинаковыя вещи могли быть изобрѣтены самостоятельно въ разныхъ мѣстахъ и, вѣроятно, такъ и было во многихъ случаяхъ, но насколько было бы ошибочно исвать всюду заимствованій, настолько же не слѣдуетъ рѣшать всего дѣла однимъ словомъ «умственная параллель», не прибѣгая къ дальнѣйшему изслѣдованію. Когда мы имѣемъ дѣло съ явленіями, происходящими въ болѣе ограниченныхъ областяхъ, то прежде всего, конечно, возникаютъ мысль о заимствованіи; такъ, напр., если мы находимъ странныя двойные желѣзные волокольчики, распространенныя въ западномъ Суданѣ, также и въ сосѣдней центральной Африкѣ, то

относительно происхождения этого сходства у нас уже не может быть никаких сомнений. Далее важно определить при существовании параллелей высоту общего культурного слоя, которая далеко не везде одинакова, так как человечество подвигается вперед лишь маленькими шагами и поэтому самостоятельное возникновение какой-нибудь идеи или культурного достояния у двух различных народов тем вероятнее, чем больше они имеют общего между собой, и тем вероятнее, чем незначительнее величина их общего культурного сокровища. Какъ часто уже указывали на одновременные изобретения в европейском культурном мире и пользовались этими фактами, какъ доказательствомъ въ пользу психологической теории! Но тутъ забывались подготовительныя работы, которыя, однако, были всегдѣ извѣстны и благодаря которымъ, если только умственная работа не прекращала заниматься данною проблемою, изобретение являлось уже естественнымъ и необходимымъ послѣдствиемъ этой

Двойные колокольчики у племени Гаусса.

работы, такъ что ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что различные народы одновременно находили новую идею. Однако, трудно все такъ при помощи такихъ примѣровъ, объяснить болѣе древнюю и гораздо медленнее развивающуюся исторію человечества. Во всякомъ случаѣ мы можемъ придерживаться того взгляда, что чисто-психологическое объясненіе культурнаго сродства нисколько не лучше и не научнее теории заимствованій и оно также требуетъ непристрастной проверки въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Вообще никто не имѣетъ права заграждать дорогу свободному изслѣдо-

ванію или же снабжать ее предостерегающими надписями и указывать другой путь, по которому, однако, до сихъ поръ еще нельзя идти твердыми шагами! Какъ бы то ни было, но если изслѣдованіе перешло уже за предѣлы чисто-механическаго собиранія фактовъ, то передъ нимъ, смотря на положеніе вещей, должны быть открыты оба пути.

Въ сущности мы пришли окольными путями къ такому выводу, который вытекаетъ самъ собою. Но вопросъ не въ томъ, слѣдуетъ ли признавать только самостоятельное происхожденіе или только заимствованіе, а во взаимномъ отношеніи обѣихъ причинъ, и поэтому-то необходимо было привести слова главныхъ представителей противоположныхъ воззрѣній и въ концѣ-концовъ защитить права теории заимствованій. Кто въ состояніи спокойно взвѣсить хотя бы, напр., все, что было самостоятельно изобрѣтено вѣмцами народомъ и чѣмъ онъ обязанъ вавилонянамъ, египтянамъ, грекамъ, римлянамъ, французамъ англичанамъ и т. д., тотъ не станетъ оспаривать правъ указанной теории.

Такимъ образомъ, ясно теперь, что каждый отдѣльный народъ долженъ былъ достигнуть культуры двумя путями: посредствомъ самостоятельнаго изобрѣтенія и посредствомъ заимствованія. Также и представленія о примитивныхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ подверглись сильнымъ колебаніямъ съ теченіемъ времени и преувеличенныя фантазіи въ этомъ отношеніи уступили теперь мѣсто довольно непристрастнымъ сужденіямъ. О хваленномъ «Прометѣе ледниковаго эпохи» Пешеля, напередъ, при помощи простаго усилія мысли въ извѣстномъ направленіи, способъ добыванія огня, нѣкто теперь уже не говоритъ. Ужасныя препятствія, которыя именно въ первобытныя времена стояли на пути прогресса, лучше изучены въ настоящее время и становятся яснымъ, что при медленномъ ходѣ развитія участіе отдѣльныхъ лицъ не могло быть очень велико.

Но, разумѣется, не было недостатка и въ представителяхъ крайнихъ воззрѣній, отрицавшихъ вліяніе всего индивидуальнаго и приписывавшихъ все изобрѣтенія и открытія исключительно только «душѣ народа», таинственная дѣятельность которой проявляется въ отдѣльныхъ личностяхъ. Наблюденіе фактовъ, насколько оно возможно, исполнѣ опровергаетъ эти воззрѣнія. Каждый, даже самый маленькій, шагъ впередъ, всегда долженъ быть сдѣланъ однимъ сначала какимъ-нибудь лицомъ, за которымъ уже слѣдуютъ другіе. Разрѣшеніе всякой проблемы вначалѣ возникаетъ въ какомъ-нибудь извѣстномъ умѣ и затѣмъ уже зажигаетъ свѣтъ познанія и въ другихъ умахъ. Тѣ случаи когда у нѣсколькихъ лицъ (очень рѣдко болѣе, чѣмъ у двухъ!) зарождается одновременно одна и та же новая мысль, ничего не говорятъ въ пользу существованія народной души. Тѣмъ не менѣе настроеніе и способности общины имѣютъ огромное значеніе для судьбы каждаго прогресса, хотя и совершенно въ другомъ отношеніи. Всякое нововведеніе, если оно должно продолжать свое существованіе, непременно должно быть принято и признано обществомъ, подвергаясь, въ извѣстной степени, молчаливому голосованію, если только случайно могущественное вліяніе какой-нибудь отдѣльной личности не заставляетъ принять это нововведеніе, хотя болѣею частью успѣхъ такого принятія бываетъ непродолжителенъ. Какъ мало вліяетъ порою даже слово абсолютнаго властителя на народное настроеніе, доказываетъ, между прочимъ, примѣръ Императора Іосифа II, для котораго оказался роковымъ недостатокъ пониманія упорства народной души. Но горькія испытанія, выпавшія на его долю, были уже тысячу разъ пережиты другими. Народъ, въ цѣломъ, всегда консервативенъ; склонны къ прогрессу бываютъ лишь отдѣльныя личности и поэтому каждый, даже самая маленькая и невинная переживна непременно всегда наталкивается на извѣстное сопротивленіе которое тѣмъ сильнѣе возрастаетъ, чѣмъ болѣе это нововведеніе уклоняется отъ уже существующаго или чѣмъ болѣе оно требуетъ

непривычной затраты умственной работы для своего уразумѣнія. Впрочемъ, изобрѣтатели и новаторы не ставятъ обыкновенно чрезъчуръ большихъ требованій, такъ какъ въ сущности они сами стоятъ на почвѣ общей образованности своего общества и лишь умѣреннo возвышаются надъ нимъ. Но если какой-нибудь, особенно богато одаренной, личности удастся далеко оставить за собою средній уровень и усвоить себѣ какія-нибудь совершенно новыя воззрѣнія, то, — если эта личность принадлежитъ къ письменному народу, — она можетъ довѣрить свои мысли будущему, но ни въ какомъ случаѣ не должна рассчитывать на то, что будетъ понята своимъ поколѣниемъ. Мало того: такая личность должна почитать себя счастливою, если смѣлый полетъ ея мыслей не оказался для нея роковымъ. Все обычное всегда бываетъ окружено колючею оградой религіозной святости, убивающей или ранящей смѣльчака, рѣшающагося черезъ нее перешагнуть.

Итакъ, у примитивныхъ народовъ движеніе прогресса совершается очень медленно; то же самое происходитъ и у представителей высшей культуры, хотя тутъ существуютъ совершенно иные условія. Мы постоянно можемъ наблюдать и среди насъ, съ какимъ ожесточеніемъ преслѣдуется какая-нибудь новая мысль до тѣхъ поръ, пока вдругъ — если только защитники этой мысли не испугались раньше — не измѣнится тонъ и отношеніе къ ней общества. Въ подобномъ случаѣ постоянное повтореніе совершаетъ чудо. Разумѣется, это въ еще большей степени относится къ изобрѣтеніямъ или случайнымъ открытіямъ, не вызывающимъ такого отпора въ обществѣ; они не производятъ продолжительнаго впечатлѣнія, если не будутъ повторяться настолько часто, чтобы привести, наконецъ, въ движеніе тяжеловѣсный мыслительный аппаратъ общества. Какъ часто, напр., люди наблюдали загибаніе кусковъ дерева въ огнѣ, но не скоро, однако, имъ пришло въ голову воспользоваться тепломъ для сгибанія дерева! Точно такъ же, какъ часто люди овладѣвали дикими животными, попадавшими въ естественныя ямы и не могущими выбраться оттуда, прежде чѣмъ у нихъ явилась мысль устраивать эти ямы искусственно для ловли звѣрей.

Очень поучительно наблюдать, къ какимъ приемамъ должны прибѣгать нововведенія, чтобы свискать милость народной души, которой однако приписывались творческія свойства. Всякое нововведеніе должно представиться ей подъ видомъ стараго и давно существующаго и, только такимъ образомъ, при помощи настоящаго маскарада, оно можетъ быть тайно и, не возбуждая особеннаго вниманія, включено въ существующее культурное достояніе и запасъ идей. Пожалуй, иной разъ можно было бы даже говорить объ этнологической мимикріи. Еще Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ высказывалъ взглядъ, что человѣчество всегда держится того, что ему уже извѣстно, но

точнѣе изслѣдовать этотъ вопросъ только Вильгельмъ Вундтъ, открывшій удивительный законъ трансформизма обычая или измѣненія побудительныхъ причинъ, что въ самомъ дѣлѣ представляетъ въ высшей степени важное явленіе развитія. Въ болѣе широкомъ смыслѣ законъ этотъ означаетъ, что человѣчество охотнѣе приспособляется, насколько это возможно, уже существующее для новыхъ цѣлей, нежели прибѣгаетъ для этого къ новымъ же средствамъ, хотя и лучше отвѣчающимъ потребностямъ. Это относится и къ языку: «Очень экономно пользуется онъ своими запасами, говоритъ Вундтъ, и съ трудомъ рѣшается на нововведенія. Скудость и консервативный духъ работаютъ тутъ рука въ руку».

Позднѣе мы снова вернемся къ нѣкоторымъ формамъ трансформизма. Теперь же мы будемъ говорить о менѣ важныхъ, но имѣющихъ тѣмъ не менѣ большое значеніе для пониманія развитія культуры, явленіяхъ, которыя происходятъ при отбѣгнѣ какого-нибудь устарѣвшаго, не отвѣчающаго уже болѣе культурной точкѣ зрѣнія, религіознаго обычая, такъ какъ именно въ этомъ случаѣ необходимъ условіемъ успѣха является величайшая осторожность или, вѣрнѣе, обманъ народной души. Рядомъ съ уже испытаннымъ методомъ постепеннаго забрасыванія какого-нибудь обычая, примѣняется такъ же часто и другая система, состоящая въ томъ, что устарѣвшій обычай замѣняется другимъ, представляющимъ внѣшнее сходство съ нимъ, но отличающимся отъ него по своей сущности. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить постепенная отбѣга человѣческихъ жертвоприношеній и людоедства въ разныхъ мѣстахъ земного шара, которая совершилась именно при помощи такой системы замѣны одного обычая другимъ, представляющимъ съ нимъ внѣшнее сходство. На Таити, такъ же какъ и на сосѣднихъ Маркизскихъ островахъ раньше совершались вѣроятно канибальскія пиршества, матеріаломъ для которыхъ служили человѣческія жертвоприношенія; но когда европейцы посѣтили эти острова, то пиршества эти почти уже прекратились и только одинъ глазъ каждой человѣческой жертвы преподносился начальнику племени, который только дѣлалъ видъ, что проглатываетъ его, на самомъ же дѣлѣ передавалъ его жрецу. Въ античномъ греческомъ мірѣ такая замѣна составляла частое явленіе. У Діонисіевъ повидимому раньше рвали человѣка на куски и пожирали его, позднѣе же, вмѣсто человѣка, разрывали жертвенное животное и сѣдали его сырымъ. Въ Спартѣ человѣческія жертвы были замѣнены животными, обыкновенно собаками. У римлянъ также существуетъ преданіе о томъ, что Нума Помпилій принесъ въ даръ Юпитеру, вмѣсто человѣческихъ головъ, головки лука. Прежніе охотники за головами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣняли человѣческіе черепа, которыми они прежде украшали свои дома, головками маиса и головами быковъ.

Другіе жестокіе обычаи исчезаютъ подобнымъ же образомъ. Кровавыя битвы, которыя всюду сопровождали похищеніе женщинъ, превратились постепенно въ притворную борьбу и этотъ обычай до сихъ поръ упорно сохраняется у многихъ народовъ. Въ древнемъ Римѣ нѣвогда обрасывали престарѣлыхъ людей въ Тибръ съ моста, чтобы избавиться отъ бесполезныхъ ртовъ, но затѣмъ этотъ обычай замѣненъ былъ тѣмъ что въ извѣстный день въ Тибръ обрасывали соломенные куклы. Въ Японіи еще въ историческія времена при погребеніи какаго-нибудь важнаго лица вмѣстѣ съ нимъ отправляли въ могилу и живыхъ людей, но теперь этихъ несчастныхъ замѣняютъ бумажныя куклы. Въ тропической Африкѣ очень распространены суды Божій, заключающійся въ томъ, что обвиняемому даютъ выпить яду, что весьма часто ведетъ за собою его смерть. Но въ области устья Конго ядъ дается рабу, а въ Кассангѣ опасное питье дается собакамъ, принадлежащимъ спорящимъ сторонамъ, и тотъ, чья собака первая выведетъ ядъ изъ своего организма рвотой, будетъ считаться по суду оправданнымъ.

По всей вѣроятности, человѣчество не могло бы далеко двинуться впередъ, если бы между отдѣльными племенами и народами не существовало обмѣна сдѣланныхъ ими небольшихъ успѣховъ и культурныхъ пріобрѣтеній и если бы они не увеличивали путемъ заимствованій своего скуднаго культурнаго достоянія. Неподвижность народной души, боязливо отклоняющей все слишкомъ смѣлое и новое, вполне оправдываетъ предположеніе, что значительная часть культурнаго достоянія и взглядовъ получается народами уже изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ примѣръ цѣлаго сосѣдняго народа дѣйствуетъ, конечно, гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ какіе бы то ни было аргументы и доказательства одного изъ членовъ собственнаго общества. Старинная поговорка: «Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ» вполне вѣрно изображаетъ такое отношеніе. Заимствования были бы, впрочемъ, гораздо многочисленнѣе, если бы не существовало мелкой племенной вражды, изъ которой у высшихъ культурныхъ народовъ развилось національное высокомеріе и національная ненависть, препятствовавшія слишкомъ усердному присвоиванію чужихъ идей.

Но слово «заимствование» не слѣдуетъ примѣнять такъ, безъ дальней критики, какъ и другое выраженіе: «народная мысль». Затрудненія, препятствующія свободному передвиженію культурнаго достоянія, заключаются не въ однихъ только естественныхъ различіяхъ расъ и народовъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эти затрудненія бываютъ различными. Можно выразить это слѣдующею простою формулою, что народъ тѣмъ легче усваиваетъ себѣ извѣстный прогрессъ, чѣмъ онъ ближе подходитъ къ нему въ своемъ развитіи или же чѣмъ безспорнѣе и непосредственнѣе представляется ему польза отъ этого прогресса. Но и при простой передачѣ почва

должна быть болѣе или менѣе подготовлена, чтобы смена прогресса могла пустить на ней ростки. Что высшіе культурные народы легче воспринимаютъ и усваиваютъ даже очень сложныя идеи, объясняется именно тѣмъ, что вслѣдствіе существующаго у нихъ крайняго раздѣленія труда, достаточно бываетъ, чтобы лишь немногіе поняли пользу новыхъ идей и примѣнили бы ихъ. Говоря о томъ, что кака-нибудь важная мысль, высказанная однимъ изъ англійскихъ философовъ, вызвала въ Германіи сочувствіе, и разумѣю подъ словомъ «Германія» отнюдь не нѣмецкій народъ и даже вовсе не всю массу академически образованныхъ людей, а лишь какую-нибудь сотню философовъ и литераторовъ. Но эта группа ученыхъ людей отнеслась бы, конечно, вполне равнодушно къ изобрѣтенію новѣйшаго американскаго электромотора или къ новому открытію французскаго химика. У примитивныхъ же народовъ все общество должно понять и одобрить новую идею, прежде чѣмъ она будетъ включена въ народное культурное достояніе, и поэтому то одни культурныя сокровища съ изумительною быстротою переходятъ отъ одного народа къ другому, другія же не двигаются съ мѣста и должны выжидать общаго подъема культурнаго уровня, прежде чѣмъ попадутъ въ народное сознаніе. Если не произойдетъ такого подъема, то дальнѣйшему странствованію культурнаго сокровища будетъ положенъ предѣлъ.

Но передача также можетъ происходить различными путями, и это надо принимать во вниманіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Переселеніе народовъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, когда кака-нибудь замкнутая группа человѣчества отрывается отъ родной почвы, не имѣетъ, какъ мы уже раньше говорили, такого большого значенія и не составляетъ такого частаго явленія. Если, какъ это обыкновенно бываетъ, какой-нибудь болѣе сильный, но болѣе бѣдный въ культурномъ отношеніи народъ, обрушивается на болѣе слабый, но обладающій старинною культурою, и временно подчиняетъ его себѣ, то господствующая раса не принесетъ ничего съ собою поработенному народу, кромѣ своей духовной особенности и разныхъ мелочей внѣшней культуры, и постепенно будетъ поглощена имъ. Гораздо большее значеніе имѣютъ добровольныя или недобровольныя переселенія маленькихъ группъ въ какую-нибудь страну, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ получается при этомъ притокъ высшихъ культурныхъ элементовъ. Такія исключенія, какъ вторженіе въ Европу бродячаго народа кариевъ-лыганъ или же, въ недавнее время, передвиженіе лапландцевъ далѣе къ югу, не могутъ приниматься во вниманія при настоящей колонизаціи. Въ прежнія времена Европа, очевидно, въ широкихъ размѣрахъ служила цѣлью переселеній народовъ и культуры, когда долихоцефалическое переизбыточное населеніе перемѣшалось съ брахицефалическими пришельцами и частью было вы-

тѣснено ими. Съ этими новыми народными элементами, колебелью которыхъ долженъ былъ быть востокъ, занесены были въ Европу и новыя культурныя сокровища, частью вавилонскаго происхожденія. Въ данномъ случаѣ, повидимому, не столько имѣло мѣсто завоеваніе, сколько вторженіе въ незаселенныя или же слабонаселенныя мѣстности, такъ же какъ это было позднѣе съ опустѣвшею восточною Германиею, куда двинулись славяне.

Колонизація происходитъ также различнымъ образомъ: или народъ посылаетъ себя колонистовъ, чтобы предотвратить перенаселеніе въ своей странѣ, и въ такомъ случаѣ сохраняется тѣсная родственная связь между ними и оставшимися на родинѣ, или же бѣглецы отправляются на поиски новой родины, какъ это было напр. во времена Людовика XIV съ французскими эмигрантами, которымъ Пруссія обязана частью своей культуры. Но бываетъ также сознательная передача, нѣчто вродѣ прививки культуры, когда какое-нибудь отсталое государство привлекаетъ къ себѣ переселеніе болѣе высокостоящихъ культурныхъ элементовъ посредствомъ принужденія или соблазнительныхъ приманокъ. Монгольскіе императоры, послѣ завоеванія Китая, переселили въ свою столицу насильственнымъ образомъ множество китайскихъ рабочихъ. Въ Суданѣ трудолюбивые ремесленники Борну и Багирми часто уводятся въ менѣе культурныя государства Дарфура и Вадаи, чтобы поднять промышленную дѣятельность этихъ послѣднихъ, а то, что нѣмцы призывались въ качествѣ культуртрегеровъ въ Банатъ и Россію и что раньше фламандскіе переселенцы содѣйствовали культурному подъему восточной Германіи — извѣстно уже давно. Никто лучше римлянъ не создалъ, насколько могъ господствующій народъ содѣйствовать распространенію своей культуры и своего языка посредствомъ плѣсообразной колонизаціи и тѣмъ упрочить свою власть и обезпечить побѣду своему міровоззрѣнію. Однако, примѣръ древнихъ римлянъ, какъ это видно изъ постоянныхъ колебаній прусскаго правительства въ польскомъ вопросѣ, до сихъ поръ еще недостаточно понятъ другими народами.

Менѣе дѣйствительнымъ средствомъ культурнаго развитія служить временное пребываніе чужестранцевъ въ какомъ-нибудь государствѣ. Такое пребываніе вызывается различными причинами. Иногда чужестранцы являются въ качествѣ наемнаго войска, какъ напр. тонганцы на островахъ Фиджи, Германцы въ Римѣ, греки въ Египтѣ и Персіи или варяги, англо-саксы, армяне, каталонцы въ Византіи, или же они появляются, какъ посланники вѣры, подобно жрецамъ Заратустры, въ Арменіи, во времена Сассанидовъ, или же подобно европейскимъ миссіонерамъ, отправляющимся и по сіе время въ равныя языческія страны. Большими толпами отправляются рабочіе элементы въ чужія страны на поиски лучшаго вознагражденія, и они не

только служатъ въ такомъ случаѣ носителями культуры, но сами получаютъ взаменъ новыя впечатлѣнія, знанія и потребности и уносятъ ихъ съ собою на свою родину. Но всего скорѣе побуждаетъ людей къ взаимнымъ сношеніямъ ихъ страсть къ обмѣну и торговлѣ. Опасности, которыми подвергается въ чужихъ странахъ купецъ со своими соблазнительными товарами, никого не отпугиваютъ на болѣе или менѣе продолжительное время, и такъ — называемая «нѣмая торговля» указываетъ, что люди повсюду нашли средство обмѣниваться культурными сокровищами безъ личнаго вмѣшательства. Широкія сношенія, какъ это указалъ Пешель, могли развиваться лишь тамъ, гдѣ чужестранный купецъ, въ обмѣнъ на свои товары, находилъ въ достаточномъ количествѣ другія сокровища, которыя онъ жадать имѣть. Но черзчуръ быстрый расцвѣтъ торговли, повидимому, не приноситъ большой пользы

правильному культурному развитію, такъ какъ наиболѣе примитивный изъ обохъ народовъ, находящихся между собою въ сношеніяхъ, скоро лишается возможности удовлетворять поступающимъ требованіямъ и съ пользою для себя отдавать свои культурныя сокровища. Вѣдннее обогащеніе и внутреннее обѣднѣніе составляютъ обычный печальный результатъ

Убіеніе мексиканскихъ купцовъ разбойниками.

счастливой, повидимому, случайности, благодаря которой какая-нибудь область оказывается надѣленной природными богатствами. Совсѣмъ иначе совершается прогрессъ, медленно возрастающій и вызываемый расширеніемъ мелкихъ сношеній между народами и племенами, постепенно распространяющихся и покрывающихъ своею сѣтью обширныя пространства земли. Этотъ процессъ совершается незамѣтно для историковъ, но ни одна обитаемая мѣстность на земномъ шарѣ не можетъ противостоять ему.

Всѣ нововведенія, приходившія извнѣ, встрѣчаютъ въ народной душѣ такое же сопротивленіе, какое вызываетъ въ ней всякій внутренний прогрессъ. Но противодействующія другъ другу силы повинуются тѣмъ же самымъ кореннымъ законамъ, указаннымъ Спенсеромъ, которыми управляется и вся органическая жизнь. Эти силы также обнаруживаютъ ритмическія колебанія и попеременно становятся

побѣдителями. Такимъ образомъ, культура не подвигается равномерно впередъ, подобно потоку, протекающему по хорошо урегулированному ложу; течение ея скорѣе напоминаетъ блескъ молніи, пронизывающей пространство то въ томъ, то въ другомъ направленіи, мѣняя его вслѣдствіе сопротивленія, встрѣчаемаго въ атмосферѣ, но, тѣмъ не менѣе, она всегда стремится къ опредѣленной цѣли. Обыкновенно каждая новая идея, одержавшая побѣду, доводится до самыхъ крайнихъ предѣловъ, пока не начнется реакція и вызванныя ею силы сопротивленія не направятъ теченіе развитія въ противоположную сторону, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока и это новое теченіе мысли не сдѣлается жертвою собственного преувеличенія. Пессимистическому наблюдателю можетъ, пожалуй, показаться, что тутъ повторяется, безконечно и безцѣльно, какая-то нелѣпная игра и что утомительное однообразіе, съ которымъ совершается смѣна консервативнаго и либеральнаго правительствъ въ нѣкоторыхъ парламентахъ Европы, составляетъ лишь небольшой образчикъ исторіи человечества. Но если взглянуть на это съ болѣе широкой точки зрѣнія, то явленіе, кажущееся безцѣльнымъ, однообразнымъ, приобретаетъ смыслъ и значеніе. Тутъ происходитъ борьба созидающей и сохраняющей силъ человечества, которыя постоянно противостоятъ другъ другу, но не могутъ существовать другъ безъ друга, и борьба которыхъ является необходимымъ условіемъ развитія. Если бы духъ созиданія отсутствовалъ въ человечествѣ, то огромная масса людей находила бы свое счастье въ тупомъ прозябаніи, которое въ концѣ-концовъ должно было бы привести къ гибели души и ума. Точно такъ же было бы пагубно для человечества и отсутствіе задерживающихъ силъ, воздвигающихъ ограду вокругъ сокровищъ, которыя надо охранять, и лишь съ трудомъ и постепенно принимающихъ подъ свою защиту новое культурное достояніе, отвергая избытокъ новаго и неиспробованнаго. Не будь этихъ силъ, то культура, ринувшись съ бѣшеною и безумною скоростью впередъ, уклонилась бы съ приспособленнаго для нея пути и разбилась бы въ прахъ. Никакая цивилизація не можетъ развиваться иначе, какъ путемъ перемѣнной и плодотворной борьбы стараго и новаго, созидающаго и охраняющаго принципа; но именно въ этомъ развитіи обнаруживается истинная жизнь человечества, такъ же, какъ и въ постоянномъ движеніи каждого одушевленнаго существа и всего міра.

Однако, такой взглядъ не всегда находитъ сочувствіе. Съ давнихъ временъ уже мудрецы и поэты старались нарисовать картины будущаго или будущихъ идеальныхъ условій человечества. Но особенно странно, что такое идеальное будущее основывается ими не на постоянномъ движеніи человечества впередъ къ высшимъ ступенямъ, а на продолжительномъ, дальнѣйшемъ развитіи спокойнаго и счастливаго состоянія до невозможно болѣе замкнутого въ самомъ себѣ

и образцоваго государства, отказавшагося отъ всякихъ внѣшнихъ побужденій и не нуждающагося въ дальнѣйшемъ развитіи собственными силами, такъ какъ уже пользуется высшею суммой достижимаго счастья. Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ почти совершенно воспрещаетъ путешествія гражданъ и путемъ самаго широкаго коммунизма окончательно уничтожаетъ всякія стремленія единичныхъ личностей къ улучшенію, которыя собственно и служатъ всегда толчкомъ въ прогрессу. Коммунизмъ составляетъ любимое средство всѣхъ реформаторовъ и примѣненіе этого средства должно совершенно уничтожить вѣчную «культурную борьбу» въ обществѣ. Въ «Утопіи» Томаса Мура жители обитываются каждыя десять лѣтъ своими жилищами. Въ «Солнечномъ государствѣ» совершенно отмѣнена всякая частная собственность и даже бракъ. На такихъ же точно основахъ должно покоиться и будущее социаль-демократическое государство, при изображеніи котораго всегда выставляется на видъ наибольшая сумма счастья и справедливое распределеніе богатствъ, но совершенно забывается о принципѣ прогресса, который, подобно свѣжей струѣ крови, разносящей жизнь, долженъ проникать въ жилы общественнаго организма и сохранять его отъ разложенія. Мы видимъ, что тутъ постоянно выдвигается на сцену наивная и погубная мысль, что нѣтъ никакой надобности стремиться къ усовершенствованію и облагороживанію вѣчной борьбы двухъ силъ—созидающей и сохраняющей, а, наоборотъ, надо положить конецъ этой борьбѣ, помогая одержать побѣду новому міросозерцанію и затѣмъ уже навсегда предоставить дѣйствовать консервативнымъ силамъ. Напрасныя усилія! Правда, маленькимъ группамъ удастся отъ времени до времени осуществить отчасти такіе идеалы, но онѣ должны бывать тогда отказаны отъ своего мѣста среди энергичныхъ народовъ, несущихъ культуру въ своемъ побѣдоносномъ шествіи впередъ, и прогрессивное развитіе двигается далѣе, безжалостно перешагнувъ черезъ эту группу образцовыхъ людей, остановившихся на одномъ мѣстѣ.

3. Дикіе и культурные народы.

Разсматривая съ точки зрѣнія культурнаго изслѣдователя современное человѣчество, мы становимся лицомъ къ лицу съ загадкой, которая, раньше чѣмъ намъ удастся разрѣшить ее, въ состояніи уменьшить испытываемое нами чувство удовлетворенія по поводу нашихъ собственныхъ культурныхъ успѣховъ. Съ давнихъ поръ уже человѣчество населяетъ сравнительно ограниченную область; въ теченіе многихъ тысячелѣтій волны культуры распространяются то медленно, то съ бурною скоростью по поверхности земного шара и въ то же самое время проявляетъ свою дѣятельность въ томъ или иномъ направленіи созидательная сила отдѣльныхъ народовъ и людей. Тѣмъ не менѣе, рядомъ со странами съ высокою культурой, мы встрѣчаемъ области, гдѣ обитаютъ жалкія но вполнѣ довольныя своимъ положеніемъ, племена, видимъ цѣлыя части свѣта, которыя почти до новѣйшаго времени были герметически закрыты для цивилизаціи, и даже внутри культурныхъ странъ мы находимъ отдѣльныя группы народовъ, упорно сопротивляющихся всякому прогрессу, какъ, напр., наши цыгане или бадіасы въ Бенгаліи. Пусть изслѣдователь радуется, встрѣчая такіе отсталые элементы, доставляющіе ему богатый матеріалъ для его изысканій, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ не задавать себѣ вопроса: что удерживаетъ эти бѣдные культурой народы на такой низкой ступени? Отчего на нихъ не дѣйствуетъ примѣръ другихъ и не научаетъ ихъ, если сама природа ихъ страны препятствуетъ созданію прогресса собственными силами? Притомъ изслѣдователь не можетъ не видѣть, что всѣ попытки цивилизовать «дикихъ», хороши онѣ или дурны, почти неизмѣнно приносятъ ущербъ тѣмъ, кого хотятъ осчастливить противъ воли. Цѣлыя племена вымираютъ, а другія превращаются въ отвратительную каррикатуру на европейскую цивилизацію. Невольно при этомъ возникаетъ въ душѣ жгучій и непріятный вопросъ, и является со-

мнѣніе, имѣемъ-ли мы право смотрѣть на европейскую культуру, какъ на единственную и лучшую, которая должна одержать побѣду? Быть можетъ, неустанное стремленіе впередъ, это влеченіе и потребность искать счастья въ прогрессивной дѣятельности, вмѣсто того, чтобы находить его въ спокойствіи, составляютъ лишь особенныя свойства нашей расы, въ обладаніи которыми народы другого рода намъ завидовать не могутъ и, пожалуй, даже съ полнымъ правомъ протестуются навязыванію имъ этихъ качествъ? Флиндерсъ Петри говоритъ даже, что «наша культура представляетъ лишь одну изъ безчисленныхъ попытокъ устройства жизни и ни въ какомъ случаѣ ее нельзя считать единственно успѣшной». Дѣйствительное попятіе объ этомъ трудномъ вопросѣ получается тогда, когда будутъ подвергнуты изслѣдованію различія низшей и высшей культуры, какъ это недавно было сдѣлано Альфредомъ Фиркандтомъ въ его превосходномъ трудѣ. Сущность его выводовъ не теряетъ значенія даже и въ томъ случаѣ, если приходится дѣлать ему нѣкоторыя возраженія.

Важнѣйшія изъ этихъ возраженій относятся къ основному взгляду Фиркандта, что дикіе народы, какъ называютъ обыкновенно низшія расы, отличаются отъ культурныхъ народовъ тѣмъ, что у первыхъ дѣйствія вызываются почти исключительно побужденіями или вторичными инстинктами, которыми и обуславливается существованіе нравовъ и обычаевъ, между тѣмъ какъ культурные народы дѣйствуютъ большею частью произвольно и взвѣшиваютъ мотивы своихъ поступковъ. Все это совершенно вѣрно, но мы не должны забывать, что превосходство и сила высшихъ народовъ зависятъ отчасти отъ того, что они располагаютъ необыкновенно большимъ количествомъ дѣйствій, которыя выполняются ими совершенно механически. Наслѣдственное расположеніе къ этому еще болѣе укрѣпляется школьнымъ воспитаніемъ, которое имѣетъ главнымъ образомъ цѣлью увеличить число такихъ полезныхъ представленій и дѣйствій и обогатить и укрѣпить ихъ извѣстнымъ образомъ. Дикаря характеризуетъ, слѣдовательно, не столько количество, сколько сила его вторичныхъ инстинктовъ, которые управляютъ имъ, а отсюда можно сдѣлать выводъ, что именно количество знаній и ширина кругозора спасаетъ культурныхъ людей отъ односторонности мышленія и поведенія, неразрывно связанныхъ съ узкимъ умственнымъ горизонтомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ограниченный умственный кругозоръ и вытекающая отсюда односторонность развитія составляютъ дальнѣйшую характерную особенность низшихъ народовъ. У насъ же, постоянная смѣна силъ, поддерживаемая и возбуждаемая внѣшними влияніями и передачей, препятствуетъ, если не возникновенію, то во всякомъ случаѣ укрѣпленію крайностей. Всякая идея, доведенная до своего крайняго выраженія, непременно, въ концѣ концовъ, вызываетъ насмѣшки и сопротивленіе, и маятникъ, достигнувъ высшей

точки своего размаха, въ силу необходимости, устремляется назадъ. Иначе происходитъ дѣло въ тѣсномъ пространствѣ замкнутого существованія. Подобно растеніямъ, развивающимся въ погребѣ и представляющимъ безформенныя образования, вмѣсто красивыхъ, нѣжныхъ органовъ, дикіе народы проявляютъ также уродства въ своихъ обычаяхъ и идеи, доведенныя до крайности, не вызываютъ у нихъ никакого сопротивленія. Всѣмъ мировымъ реформаторамъ слѣдовало бы посовѣтовать изучать дикіе народы. Врядъ ли существуютъ

Мужчина изъ племени Массай (Вост. Африка).

на свѣтѣ такія крайности, которыя не встрѣчались бы у тѣхъ или другихъ дикихъ народовъ, гдѣ онѣ не подвергаются опасности погибнуть отъ собственной нелѣпости, какъ у культурныхъ народовъ. Крѣпкій коммунизмъ и сосредоточеніе всего имущества въ однѣхъ рукахъ, аскетизмъ и дикая распущенность, демократія, граничащая съ анархизмомъ, и самый суровый деспотизмъ, порабощеніе женщины и ея господство, запутанныя постановленія и запрещенія браковъ и свободная любовь — все это существуетъ рядомъ и переплетается вмѣстѣ, не исправляя и не уничтожая другъ друга. Всего яснѣе и понятнѣе выражаются эти уродливости въ области одежды и украшеній. Но и у культурныхъ народовъ нѣтъ недостатка въ чудовищныхъ

выраженіяхъ моды, и нѣкоторыя изъ этихъ выдумокъ моды сохранялись въ теченіе долгаго времени въ народной одеждѣ какъ окаменѣлыя остатки. Но въ концѣ концовъ мѣняющійся вкусъ изгоняетъ нелѣпую моду, которая можетъ рассчитывать вернуться развѣ только черезъ продолжительное время. Такъ, напр., кринолинное пугало можетъ надѣяться на благосклонный приемъ лишь послѣ того, какъ прекратится царство облегающихъ платьевъ и вызоветъ къ жизни свою противоположность. У дикихъ же народовъ ничто не препятствуетъ довести до крайнихъ предѣловъ возможнаго какую-нибудь нелѣпость: маленькая палочка, продѣваемая для украше-

нія сквозь мочку уха, превращается, мало-по-малу, въ огромные куски дерева или подвѣски, оттягивающія уши до самыхъ плечъ, случайные недостатки зубовъ становятся модой и цѣлыя поколѣнія лишаются хорошихъ зубовъ изъ-за этой моды, безъ того чтобы у кого-нибудь возникъ вопросъ, зачѣмъ это дѣлается? Въ продырявленныя губы вставляются куски, достигающіе иногда поразительной величины. Обычай заботится уже о томъ, чтобы окончательно укрѣпить нелѣпое обыкновеніе, путемъ отысканія для него какихъ-нибудь побочныхъ мотивовъ. У Белла-Белла, въ Ванкуверѣ, губное украшеніе, какъ сообщаетъ Якобсенъ, служитъ одновременно и для обозначенія знатнаго положенія, такъ какъ каждое увеличеніе этого украшения непременно сопровождается дорого стоящимъ пиршествомъ. Кеннингемъ подслушалъ однажды споръ двухъ дамъ этого племени, при чемъ одна изъ нихъ, чтобы окончательно восторжествовать надъ своею соперницей, указала на свое губное украшеніе: «Что ты такое? сказала она. — Развѣ у тебя такая же большая губа, какъ у меня? Развѣ ты давала столько же подарковъ, какъ я? Ступай домой и, если ты вернешься съ такимъ же большимъ кускомъ дерева въ губѣ, какъ у меня, то я тогда буду съ тобою разговаривать». — Въ отвѣтъ на эти слова другая понурила голову и удалилась.

Женщина изъ племени Вавира (Вост. Африка).

Весьма знаменательно, что всѣ эти уродства быстро исчезаютъ, какъ только возникаютъ болѣе оживленныя сношенія съ высшими культурными формами и насмѣшка, словно струя свѣжаго воздуха, врывается въ душное пространство. Нахтигаль наблюдалъ въ Суданѣ одну старуху, которая, послѣ того какъ былъ оставленъ обычай продырявливать губу кускомъ дерева, старалась уничтожить, посредствомъ рубцеванія, дыру въ своей губѣ и смущенно прикрывала мѣсто, гдѣ носила украшеніе, которымъ прежде такъ гордилась. Однако еще важнѣе то, что каннибализмъ, очень распространенный у многихъ дикарей и зачастую проявляющійся въ весьма отвратительной формѣ, при частыхъ сношеніяхъ съ культурными народами исчезалъ самъ собой безъ всякаго непосредственнаго давленія.

Фиркандтъ указывалъ уже на дальнѣйшій контрастъ между дикими и культурными народами, заключающійся въ различіи ихъ работоспособности. У первыхъ энергія расходуется нерасчетливо, ; вторыхъ она организована и соблюдается экономія силъ. Ферреро

замѣчаетъ, что пресловутая «лѣность» нецивилизованныхъ людей происходитъ не отъ того, что мускулы ихъ легко утомляются, а вслѣдствіе недостаточной силы духа, которой не хватаетъ на то, чтобы принудить тѣло къ правильной работѣ. Дикарь, въ своемъ родѣ, также работаетъ и порою даже, принимая во вниманіе недостаточность вспомогательныхъ средствъ, достигаетъ въ этомъ отношеніи удивительныхъ результатовъ, но онъ совершаетъ полезную экономическую работу лишь тогда, когда принуждаетъ его къ тому необходимость, и вообще работа представляетъ для него скорѣе игру, нежели обязанность. Онъ не имѣетъ никакого понятія о бережливомъ употребленіи своихъ силъ, и въ этомъ отношеніи онъ остается на той ступени, которая должна быть пройдена европейскимъ культурнымъ человѣкомъ еще въ дѣтскіе годы, если онъ хочетъ устоять въ борьбѣ за существованіе. То обстоятельство, что дѣти у дикихъ народовъ скорѣе созреваютъ, раньше теряютъ свои дѣтскія свойства, представляетъ въ сущности лишь кажущееся противорѣчіе съ вышесказаннымъ. Продолжительный ростъ европейскихъ дѣтей указываетъ лишь то, что ихъ мозгъ долженъ развиваться для выполнения иныхъ, и болѣе трудныхъ, задачъ и что тутъ, въ новомъ индивидѣ, проявляется наслѣдіе работающихъ поколѣній. Даже негръ очень рано перестаетъ быть ребенкомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; тѣмъ не менѣе, ходячее мнѣніе, что на негровъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на взрослыхъ дѣтей, заключаетъ въ себѣ большую крупницу правды. Въ извѣстномъ возрастѣ европеецъ и негръ находятся почти на одинаковой ступени развитія, затѣмъ умственное развитіе африканца останавливается, между тѣмъ какъ у европейца умственные силы и способность къ правильной работѣ развиваются далѣе. Дикарь, слѣдовательно, не только не хочетъ работать продолжительнымъ и напряженнымъ образомъ, но онъ не можетъ этого. «Индѣецъ никогда не захочетъ и не будетъ работать постоянно; я думаю, они не въ состояніи выполнять это, — говоритъ Гюстъ про первобытныхъ обитателей Гвианы. — Если бы мы стали принуждать его къ регулярной работѣ плетью, то онъ бы умеръ такъ же, какъ кошка, которую мы вздумали бы запрячь въ собачью повозку». Вымираніе антильскихъ индѣйцевъ, которые насильственнымъ образомъ принуждались испанцами къ работѣ, вполне подтверждаетъ этотъ взглядъ. Испанская жестокость, которая также виновна въ этомъ вымираніи, именно и вызвана была пассивнымъ сопротивленіемъ несчастныхъ туземцевъ. Но тотъ же самый сынъ дикой природы, котораго убиваетъ работа, выказываетъ порою удивительную выносливость и можетъ проводить цѣлыя ночи въ пляскахъ и играхъ. Онъ можетъ цѣлыми недѣлями терпѣливо трудиться надъ изготовленіемъ какого-нибудь убора или надъ украшеніемъ оружія и тратить гораздо больше изобрѣтательности на придумываніе разныхъ игръ, нежели на улуч-

шеніе своей хозяйственной обстановки. Тамъ же, гдѣ никакъ нельзя избѣжать регулярной работы, эта работа принимаетъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, характеръ игръ, при чемъ руки, какъ во время танцевъ, поднимаются и опускаются въ ритмическомъ тактѣ и рабочія пѣсни, своими веселыми звуками, заставляютъ забывать о сухомъ серьезномъ трудѣ, такъ что общая работа нерѣдко имѣетъ видъ веселаго праздника, да обыкновенно и заканчивается имъ. Слѣдуетъ

Игра въ ножной мячъ. Эскимосскій рисунокъ

Женщины изъ племени чопи (Сѣв. Америка), размалывающія зерна и приготавлиющія хлѣбъ.

замѣтить, что способность къ регулярному труду прежде всего развивается у женщинъ, безъ сомнѣнія подъ влияніемъ мужчинъ, которые лишь усиливаютъ въ данномъ случаѣ давленіе естественнаго экономическаго развитія.

Различіе въ способахъ работы влечетъ за собою дальнѣйшую болѣе глубокую разницу въ характерѣ дикихъ и культурныхъ народовъ. Сила, которая у культурныхъ народовъ расходуетъ постоянно небольшими количествами, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ накопиться въ такой массѣ, чтобы вызвать нѣчто вродѣ взрыва.

У примитивных же людей, наоборот, избыток энергии, если он не получает временами выхода в играх или работах на подобие игр, скопляясь, порождает чувство безпокойства, и достаточно бывает малѣйшаго раздраженія, чтобы вызвать совершенно несоответствующую бурную реакцію. Капризы нашихъ дѣтей, выражающіеся, повидимому, неповиновенными припадками упрямства, своенравія и страсти къ разрушенію, контрастомъ которыхъ являются порывы бурной нѣжности, находятъ свою аналогію у дикарей, у которыхъ, однако, они ведутъ за собою болѣе опасныя проявленія силы. У взрослыхъ представителей культурныхъ народовъ порою также можно наблюдать такія же выходки, которыя служатъ доказательствомъ дурного воспитанія или необузданнаго характера, но обыкновенно люди, совершающіе такіе антикультурные поступки, или сами погибаютъ отъ нихъ, или же у нихъ происходятъ постоянныя столкновенія съ культурнымъ обществомъ и они попадаютъ въ затруднительное положеніе. Культура вынуждаетъ человѣка регулировать свои силы и соразмѣрять причину со слѣдствіемъ. Въ то же время культура пріучаетъ его реагировать на каждое раздраженіе лишь въ соответствующихъ размѣрахъ и требуетъ отъ него сдержаннаго и равнаго поведенія. Необразованный или только односторонне образованный человѣкъ легко узнается по своимъ чрезмѣрнымъ движеніямъ, слишкомъ громкому голосу и смѣху, шумнымъ привѣтствіямъ и т. п.

Недостатокъ власти надъ своими чувствами, побуждающій человѣка къ излишствамъ, когда къ тому представляется случай, ведетъ также порою къ накопленію недовольства, которое иногда выражается разрушительнымъ образомъ и нарушаетъ гармонію существованія. Повсюду ощущается недостатокъ въ задерживающихъ силахъ, въ тѣхъ невидимыхъ плотинахъ, посредствомъ которыхъ, послѣ долгихъ усилій, культурному человечеству удалось регулировать потокъ своихъ силъ и направить его къ извѣстнымъ цѣлямъ.

Дикіе взрывы страстей виѣшнимъ образомъ противорѣчатъ обычной безопасности дикихъ народовъ, но въ сущности они являются естественнымъ дополненіемъ такого безпечнаго существованія. Какъ много европейскихъ миссіонеровъ, искренно и горячо восхвалявшихъ неисторченность, чистосердечіе и добродушіе оклеветанныхъ дикарей, вскорѣ послѣ отправки своихъ писемъ, заключавшихъ эти восхваленія, подвергались вѣроломному нападенію и бывали умерщвлены самымъ жестокимъ образомъ! Тутъ мы видимъ проявленіе той самой дѣйственной силы, которая, накапливаясь въ теченіе празднаго спокойствія, ищетъ выхода въ дикихъ выходкахъ, совершенно такъ же, какъ у нашихъ уличныхъ мальчишекъ, и не останавливается даже передъ поступками самой вопіющей неблагодарности. Лумгольцъ рассказываетъ слѣдующій характерный случай, бывшій въ Квинслендѣ:

«Новый колонистъ, мистеръ О'Конноръ, поселился въ Лоу Гербертъ и пользовался для нужныхъ работъ помощью чернокожихъ, съ которыми онъ хорошо обращался и которымъ платилъ за это хлѣбомъ и мукой. Онъ былъ настоящимъ «покровителемъ чернокожихъ», но такъ какъ эти послѣдніе не могутъ оцѣнить слишкомъ большой доброты, то они и отплатили ему за это тѣмъ, что сдѣлали на него нападеніе. Вооруженные мечами и щитами, они устремились къ его дому, когда онъ, предчувствуя измѣну, вошелъ туда, чтобы взять свой револьверъ и выстрѣлить въ нихъ. Дикари несколько не испугались его и, сирятавшись за деревья, крикнули ему: «Стрѣляй ты теперь, а потомъ будетъ наша очередь!» Они дѣйствительно набросились на него, убили его своими мечами, надругались надъ его труномъ и ограбили его дощъ. Они захватили съ собою бананы изъ сада и всѣхъ его курицъ, а его несчастную жену потащили въ безчувственномъ состояніи въ лѣсъ и тамъ убили». Это одинъ примѣръ изъ тысячи.

Но и культурные народы не совершенно свободны отъ «звѣря въ человѣкѣ», который въ обыкновенное время не заявляетъ о себѣ; но во времена сильнаго возбужденія, наступающаго болѣею частью послѣ долгой, вынужденной бездѣятельности массъ, накопившіяся силы производятъ взрывъ, звѣрь пробуждается и кровожадно требуетъ жертвъ. Справедливость и благодарность чужды этому звѣрю и у насъ. Многочисленные врачи не разъ подвергались избиенію во время эпидемій, когда въ массѣ просыпалась слѣпая ярость. Гнусное убійство братьевъ де-Виттъ, представляющее печальную страницу голландской исторіи, можетъ служить предостерегающимъ моментомъ для всѣхъ тѣхъ, кто надѣется, что волненія пролетаріата будутъ содѣйствовать прогрессу культуры. Кто апеллируетъ къ звѣрю, тотъ долженъ быть готовъ къ тому, что, рано или поздно, желѣзная рука какого-нибудь властителя задушитъ его и вмѣстѣ съ нимъ кровожадное чудовище, послѣ чего судьбы цѣлаго народа очутятся во власти одного единственнаго человѣка.

На основаніи этого становится понятнымъ, какой смыслъ имѣютъ войны, которыя неизмѣнно возникаютъ, отъ времени до времени, между дикими народами, независимо отъ того, существуетъ или нѣтъ предлогъ къ раздорахъ. Корыстные желанія, безъ сомнѣнія, также играютъ роль въ этихъ раздорахъ, и у выше стоящихъ народовъ обыкновенно споръ изъ-за земли призываетъ къ оружію молодежь мужского рода, но у дикихъ народовъ главною причиною все-таки является потребность дать выходъ энергіи, которую они не хотятъ, да и не умѣютъ использовать въ полезной и правильной дѣятельности и которая не всегда находятъ исходъ въ танцахъ и играхъ. Является потребность хорошенько перебѣситься и дать волю своимъ побужденіямъ, и поэтому употребляются всѣ средства, которыя мо-

гутъ довести возбужденіе до крайней степени, какъ-то: воинственные танцы, устрашающее разрисовываніе лицъ, фантастическіе костюмы, громкая музыка, вой и бряканіе оружія, и слава побѣдителя почти всегда бываетъ запятнана ужасающими проявленіями жестокости.

Впрочемъ, безумное буйствованіе страстей иногда обращается и противъ собственной личности. Посвященіе юношей, достигшихъ зрѣлости, обыкновенно сопровождается невѣроятными истязаніями, такъ же, какъ и погребальные обряды. Печаль по умершемъ, такъ же, какъ избытокъ энергіи, не ищетъ успокоительной и отвлекающей дѣятельности, а находитъ исходъ въ дикой ярости и кровавыхъ безчинствахъ. На Таити, какъ сообщаетъ Вильсонъ, многіе изъ но-

Шлемъ съ маской (Японія).

сящихъ трауръ отрѣзывали себѣ палецъ или наносили себѣ раны острыми зубами акулы. Последній способъ пораненія тѣла вообще служилъ для выраженія различныхъ чувствъ; женщины разрывали себѣ зубами акулы кожу на головѣ не только тогда, когда съ кѣмъ-нибудь изъ ихъ родственниковъ случалось небольшое несчастье, напр., когда падалъ ребенокъ и причинялъ себѣ поврежденіе, но даже въ случаѣ неожиданной радости они прибѣгали къ зубамъ акулы, которыя должны были доставить имъ облегченіе, давая исходъ ихъ чувствамъ. Отрѣзываніе пальца употребляется также и въ другихъ случаяхъ. Женщины у бобровыхъ индѣйцевъ отрѣзываютъ себѣ суставъ

пальца послѣ смерти каждаго близкаго родственника, такъ что у старухъ остается иногда въ цѣлости только одинъ палецъ. Въ Америкѣ и Полинезій этотъ обычай сильно распространенъ, и большею частью онъ сопровождается разными другими кровавыми обрядами. Изъ числа примѣровъ, собранныхъ Прейсомъ, выбираемъ одинъ, заключающій въ себѣ описаніе событій, сопровождавшихъ смерть одного индѣйскаго вождя: «Когда мы прибыли на мѣсто, — рассказываетъ Беквуртъ, — то всѣ хижины были уже сломаны. Мы вѣхали въ селеніе среди всеобщаго шума, воя и визга. Кровь лилась потоками съ поверхности тѣла тѣхъ, кто былъ уже достаточно великъ, чтобъ понимать свою потерю. Сотни пальцевъ были искалѣчены, волосы, вырванные изъ головы, валялись

на дорогѣ. По моему требованію, десять тысячъ крау (вороньихъ индѣйцевъ) собрались въ извѣстномъ мѣстѣ. Никакая фантазія не въ состояніи представить подобной сцены бурныхъ, оглушительныхъ жалобъ. Человѣческое мясо крошилось и рѣзалось, и это превосходило все, что я видѣлъ раньше. Пальцы отрѣзывались такъ же легко, какъ прутья, и кровь лилась, какъ вода. Многіе волны дѣлали у

Барабанъ, украшенный черепами у племени Оквао (Зап. Африка).

себя двойной надрѣзъ почти во всю длину руки, затѣмъ приподнимали кожу съ одного конца и, захвативъ ее другою рукою, отрывали до самаго плеча. Другіе воины вырѣзывали у себя на груди и плечахъ разныя изображенія и также приподнимали и срывали кожу подобнымъ же образомъ».

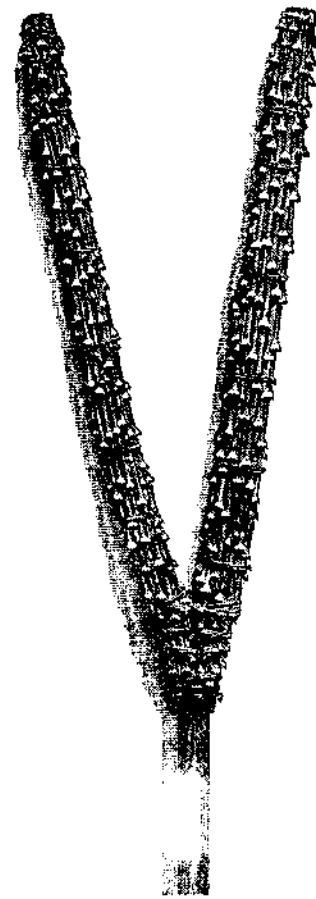
Эти отвратительныя картины дополняются безпечнымъ легкомысліемъ, которое, страннымъ образомъ, бываетъ всегда связано съ подобными взрывами дикой страсти и результатомъ котораго

бывает то, что женщина, производившая над собою ужасныя истязанія, когда умеръ ея супругъ, вскорѣ послѣ того переходить къ другому и бываетъ вполне счастлива и довольна. Впрочемъ, обыкновенно за такимъ взрывомъ слѣпой страсти наступаетъ періодъ равнодушнаго спокойствія. Съ известной точки зрѣнія такіе кровавые взрывы могутъ представляться попытками борьбы съ состояніемъ застоя мысли, и дѣйствительно, Фридрихъ Ницше выразилъ, со свойственнымъ ему блестящимъ образомъ, мысль, что человѣчество только путемъ жестокости создало себѣ память. Къ сожалѣнію, кроваваго стремленія врядъ-ли могутъ быть связаны съ истиннымъ прогрессомъ; скорѣе наоборотъ, они влекутъ за собою обѣднѣніе и потерю культуры. Попытка подчинить правосудію инстинкты жестокости, наказывать ихъ ради исправленія, едва замѣтна у народовъ, которые подвержены оргіямъ жажды крови, и она не можетъ считаться ни единственнымъ, ни даже самымъ важнымъ основаніемъ происхожденія наказанія. Но сюда присоединяется еще другое, удивительное обстоятельство, которое удерживаетъ всякій прогрессъ на этомъ пути.

Должно казаться страннымъ, что во всѣхъ разказахъ о внезапныхъ взрывахъ страстей очень мало говорится объ отдѣльных личностяхъ и особенныхъ выраженіяхъ чувствъ, хотя подобные взрывы непременно носятъ субъективный характеръ и въ своихъ проявленіяхъ не поддаются расчету. Между тѣмъ, мы постоянно слышимъ въ такихъ случаяхъ объ одинаковыхъ проявленіяхъ жестокости и объ одинаковыхъ истязаніяхъ, такъ что получается впечатлѣніе, какъ будто тутъ мы имѣемъ дѣло не съ чисто элементарными и случайными вспышками, а съ твердо установившимися обычаями и обыкновеніями. Тутъ заключается странное противорѣчіе, далеко не единственное среди множества другихъ неизгладимыхъ противорѣчій, наблюдаемыхъ у примитивныхъ народовъ. Но необычное и субъективное, часто повторяясь, превращается въ прочный обычай, который всегда и всюду заступаетъ впослѣдствіи мѣсто свободныхъ дѣйствій и разсужденій и, обращаясь въ преданіе, съ непреодолимою силою подчиняетъ себѣ такіе народы, которые, быть можетъ, дѣйствовали бы совершенно иначе подъ вліяніемъ страстей. Такимъ образомъ возникаютъ, въ видѣ исключенія, такіе обычай, которые не имѣютъ ничего общаго со здравымъ смысломъ и даже находятся въ прямомъ противорѣчій съ нимъ. Мы можемъ пояснить это нѣсколькими примѣрами.

У малайцевъ обычай «амока» настолько сдѣлался распространеннымъ, что явилась необходимость снабдить полицейскихъ особымъ вылообразнымъ инструментомъ для поимки бѣгуновъ, одержимыхъ амокомъ. Между тѣмъ раньше такіе случаи, вѣроятно, наблюдались лишь въ видѣ исключенія у нѣкоторыхъ лицъ, дошедшихъ до край-

ней степени возбужденія. Амокъ въ сущности представляетъ взрывъ слѣпой кроваваго мстительности. «Убийца, повидимому, стремится причинить вредъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, — говоритъ Менгеръ, — но когда его охватитъ слѣпая ярость, то онъ уже не довольствуется тѣмъ, что бросается на людей, намѣренно или случайно преграждающихъ ему дорогу къ его жертвѣ, но продолжаетъ стремиться дальше, даже послѣ того, какъ достигъ своей непосредственной цѣли... Если случайно не послѣдуетъ перваго толчка, который, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ, все-таки долженъ имѣть отношеніе къ дѣлу, то такой вспышки ярости не произойдетъ; но когда страсти разгорѣлись, то никакая сила не можетъ удержать убійцу, и безъ малѣйшаго колебанія онъ бросается на всѣхъ, кто попадаетъ ему на пути, пока у него длится такое состояніе». Такъ напримѣръ одинъ малайскій принцъ, возвращавшійся въ Батавію на свое судно, подвергся подобному припаду слѣпой ярости, послѣ того какъ случайно на него плюнули изъ окна. Онъ убилъ множество прохожихъ и затѣмъ благополучно вернулся на родину. Въ Индонезіи амोकъ представляетъ опасное, но во всякомъ случаѣ не разрѣшаемое законами злодѣяніе, тогда какъ въ Новой Помераніи подобное же явленіе встрѣчается уже какъ установленное право, называющееся «вгатача» или, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ — «viniŋua». «Если у какого-нибудь туземца была похищена жена, что случается весьма часто, — говоритъ Галль, — и если ему не удалось добиться никакой помощи, то онъ схватываетъ свое боевое копьѣ, бѣжитъ въ лѣсъ и убиваетъ перваго встрѣчнаго. Его родственники продолжаютъ далѣе его злодѣянія, и кровь льется до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ наконецъ первоначальный виновникъ злодѣянія и не искупить его своею смертию. Состояніе убитаго виновника идетъ тогда на покрытие общихъ убытковъ».

Орудіе для ловли одержимыхъ амокомъ.

Вспышки ярости наиболее ужасным образом выражаются в человеческих жертвах и избиениях, которые становятся обычаем во время праздников мертвых. Сильное горе нередко находить исход в выражениях разрушительной ярости, и мы уже видели, что она очень часто обращается против собственного тела и причиняемую болью заглушается другая, нравственная боль. Но желание заставить и других испытывать такое же горе ведет к большим несчастьям и вызывает страшные жестокости. Известно уже, как в таких случаях поступали напр. зулусские царьки. Но подобные факты были бы только случайным явлением, если бы с течением времени они не превращались в установленный обычай, дальнейшее развитие которого в том же направлении все увеличивало ужас. Источники того, что подобные обычаи могли возникнуть, надо искать в самом характере диких народов; обуздать посредством доброты их причудливый необузданный нрав невозможно, и на них действует только страх. В глазах дикарей, только тот и есть настоящий властелин, кто сумеет вселить страх своим подданным посредством проявленной свирепой энергии и жестокости. Старинная поговорка права, что каждый народ имеет такого господина, какого он заслуживает. Это оправдывается и на народах с высшею культурой. Французы например, которым так много обязана цивилизация человечества, вследствие своего, частью безличного, частью порывистого нрава, чувствуют инстинктивную потребность в господстве сабли, в застраивании, так как это защищает их самих от последствий их характера и дает выход накопившимся у них силам, достигшим известного напряжения, в воинственных и громких предприятиях, направленных против соседей, которым и приходится за это расплачиваться.

Некоторые странные обычаи объясняются, таким образом, отнюдь не временным или случайным настроением; они произошли под влиянием примѣра, оказываемого рядом бессмысленных поступков, вызванных безумною страстью. Развѣ можно допустить, чтобы многие могли легко освоиться с мыслью лишать себя жизни таким болѣзненным и нецѣлесообразным образом, как это дѣлалось в Японіи, посредством вскрытія живота? Между тѣмъ этотъ знаменитый способъ — «харакири» — въ концѣ концовъ сдѣлался единственнымъ почетнымъ способомъ насильственной смерти, и знатный чиновникъ, которому разрѣшалось вмѣсто казни самому лишать себя жизни, всегда прибѣгалъ къ этому способу и во всякомъ случаѣ раньше дѣлалъ себѣ разрѣзъ на животѣ, а затѣмъ уже слуга отрубалъ ему голову, исполняя заранѣе отданное приказаніе своего господина. Въ сущности, и дуэль европейскихъ культурныхъ народовъ не что иное, какъ уже вошедшее въ обычай и установленное удовлетвореніе

страстного стремленія къ разрушенію. Грубое происхожденіе этого обычая напрасно стараются скрыть всякими изощреніями кодекса чести и торжественностью его выполнения. И у дикарей изъ случайныхъ поединковъ возникъ потомъ твердо установленный обычай дуэли.

Только что описанную группу явленій не мѣшаетъ всегда имѣть въ виду. Превратившіеся въ обычай взрывы страстной энергіи представляются самостоятельными формами, рядомъ съ такими обыкновеніями, которые являются результатомъ логическаго разсужденія или нравственныхъ чувствъ. Обычаи, соответствующіе болѣе низкимъ ступенямъ существованія, должны были исчезнуть въ области

Споръ изъ-за убитаго животнаго. Эскимосскій рисунокъ.

высшей культуры, но они все-таки порою крѣпко держатся, какъ это указываетъ обычай дуэли, хотя, разумѣется, мотивы должны были измѣниться. Среди сельскаго населенія Европы можно собрать не мало такихъ реликвій, вродѣ напр. неизбежныхъ рыданій невесты во время вѣнчанія, которые составляютъ принадлежность брачной церемоніи. Съ какимъ удивительнымъ педантизмомъ выполняются такіе обычаи, указываетъ, между прочимъ, разсказъ Гоачевича, описывающаго цѣлый рядъ свадебныхъ обрядовъ въ Алабани: «Вечеромъ приходятъ отецъ и братья. Дѣвушка должна броситься къ ихъ ногамъ, проливать слезы, рыдать и умолять о прощеніи ей всѣхъ ея проступковъ. Невѣсту приподнимаютъ со словами утѣшенія, при чемъ обычай требуетъ, чтобы вся женская родня подняла при этомъ вой съ обязательнымъ пролитіемъ слезъ, стонами и рыданіями... Эти вопли должны продолжаться, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ. Но какъ только миновалъ этотъ срокъ, то, словно по мановенію волшебнаго жезла, все затихаетъ, присутствующіе вытаскиваютъ изъ кармановъ свои носовые платки, сморкаются и вытираютъ слезы, затѣмъ, безъ всякаго перехода, снова всѣ становятся веселыми и затягиваютъ цѣсни». Все это наблюдается не на одной какой-нибудь свадьбѣ, а повторяется всегда, при всякой свадьбѣ, такъ какъ принадлежитъ къ числу неизбежныхъ обрядовъ.

Поведеніе нашихъ крестьянъ и ихъ закоренѣлая приверженность къ обычаямъ и преданіямъ указываетъ, до какой степени главная масса культурныхъ народовъ въ сущности близко стоитъ къ первобытнымъ условіямъ и только болѣе или менѣе тонкій слой ея дѣйствительно является воплощеніемъ культурной жизни. Городской пролетарій уже болѣею частью освободился отъ ига преданій, но такъ какъ ему не хватаетъ еще зрѣлости ума, то на него нельзя смотрѣть какъ на носителя прогресса; скорѣе даже, скопляясь массами въ городахъ, онъ представляетъ опасность для будущаго культуры. Такой контрастъ между различными слоями въ особенности даетъ себя

чувствовать тамъ, гдѣ общій уровень народнаго образованія не высокъ. «Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, — говоритъ графъ Гобино, — что низшіе слои французскаго народа имѣютъ лишь очень мало точекъ соприкосновенія съ его высшими слоями. Цивилизація виситъ надъ пропастью, и глубокія, неподвижныя воды, дремлющія на днѣ бездны, въ одинъ прекрасный день могутъ подняться и дѣйствовать, какъ непреодолимое всерастворяющее средство». Однако это пророчество болѣе носитъ устрашающій характеръ, нежели объясняетъ что-нибудь. Во всякомъ случаѣ скорѣе можно принять, что низшіе слои, движимые болѣе инстинктивными побужденіями, нежели разсудкомъ, находятся къ организму общества въ такихъ же отношеніяхъ, какъ бессознательныя силы человѣческаго тѣла къ его бодрствующему сознанию.

Однако, массы всегда будутъ представлять опасность, какъ только какія-либо причины заставятъ ихъ выйти изъ состоянія спокойствія. Односторонняя физическая работа, какъ это указываетъ примѣръ дикарей, не препятствуетъ опасному накопленію умственной энергіи, достигающей высокаго напряженія, и какъ только на рушается привычная обыденная дѣятельность, то непремѣнно слѣдуетъ ожидать взрыва.

На основаніи всего сказаннаго можно въ слѣдующихъ словахъ резюмировать главныя различія, существующія между высшею и низшею культурой: у дикарей болѣе управляютъ дѣйствіями масса и преданіе, а у культурныхъ — личность и разумъ. Такъ какъ масса всегда консервативна, отдѣльныя же, одаренныя личности олицетворяютъ собою прогрессъ, то вполнѣ естественно, что дикіе народы остаются на прежней ступени, тогда какъ культурные народы развиваются далѣе. Однако, это нисколько не разрѣшаетъ вопроса о причинахъ такого явленія, между тѣмъ какъ причины эти должны все-таки существовать, потому что вѣдь простая случайность также мало господствуетъ въ развитіи культуры, какъ и въ развитіи всей органической жизни. Но что же препятствуетъ прогрессу въ одномъ случаѣ, тогда какъ въ другомъ поддерживаетъ его постоянное развитіе?

Прежде всего, конечно, является мысль о вліяніи климата и трудностяхъ борьбы за существованіе, создаваемыхъ почвой и условіями мѣстоположенія. Давно уже замѣчено, что только въ умеренныхъ широтахъ, или, во всякомъ случаѣ, на тропическихъ плоскогорьяхъ, развивалась высшая, трудолюбивая культура, тогда какъ на низменностяхъ жаркаго пояса или на ледяныхъ поляхъ по ту сторону полярнаго круга такого развитія не могло произойти. Въ этомъ фактѣ заключается нѣкоторое указаніе, которое можетъ помочь намъ при разрѣшеніи нашей задачи; но что однихъ этихъ условій все-таки недостаточно, на это указываетъ существованіе рядомъ высшихъ

и низшихъ народовъ въ мѣстностяхъ, равноцѣнныхъ въ географическомъ отношеніи. Защитники теоріи передачи культуры будутъ указывать на различныя благоприятствующія условія; такъ напр., что народамъ, обитающимъ по краямъ Экумены, труднѣе передавались сѣмена высшей цивилизаціи, чѣмъ обитателямъ такжѣ мѣстностей, гдѣ уже съ древнихъ временъ легче завязывалась торговля и возникали сношенія. Конечно, такая точка зрѣнія заслуживаетъ вниманія, но она не объясняетъ все-таки того, что, безъ сомнѣнія, существуютъ такія дикія племена, которыя, несмотря на долгое и тѣсное соприкосновеніе съ высшею культурой, все-таки мало поддаются ея вліянію или же погибаютъ отъ дѣйствія на нихъ новыхъ условій, между тѣмъ какъ другія обнаруживаютъ свою восприимчивость къ этому вліянію самымъ разнообразнымъ способомъ. Проще всего было бы, разумѣется, признать существованіе первоначальнаго предрасположенія, благодаря которому одинъ народъ оказывается способнымъ къ прогрессу, а другой заранѣе осужденъ на застою. Между тѣмъ, Вайтцъ рѣшительнымъ образомъ заявляетъ, что «различное состояніе народовъ въ гораздо болѣе значительной степени зависитъ отъ перемѣнъ въ ихъ общемъ строѣ жизни и, вообще, отъ разныхъ другихъ моментовъ, нежели отъ ихъ первоначальной умственной даровитости». Во всякомъ случаѣ, мы хорошо сдѣлаемъ, если будемъ только иногда выдвигать на сцену эти первоначальныя различія, которыя теперь даже нельзя доказать никакими способами, когда всѣ другія наши вспомогательныя средства окажутся неэффективными и не въ состояніи будутъ помочь намъ найти разъясненіе такихъ явленій. Что теперь у дикихъ народовъ существуетъ наклонность къ застою и они совершенно не въ состояніи серьезно принять участіе въ нашемъ прогрессѣ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но такая наклонность, повидимому, представляетъ скорѣе приобретенное ими, нежели первоначальное ихъ свойство, такъ какъ и дикіе народы находятся все-таки на извѣстной высотѣ, которой они должны были достигнуть когда-нибудь.

Но взгляды на общую органическую жизнь земли, быть можетъ, въ состояніи приблизить насъ къ разрѣшенію задачи. Въ царствѣ животныхъ есть такія формы, которыя остались неизмѣнными со времени самыхъ раннихъ періодовъ исторіи земли, и представители этихъ формъ въ силурійской или третичной эпохѣ нисколько не отличались отъ теперешнихъ. Но на ряду съ этими формами встрѣчаются и другія, которыя постоянно развивались и видоизмѣнялись, такъ что теперешніе ихъ представители значительно отличаются отъ ихъ первоначальныхъ предковъ. Приходится признать, что первыя формы, остановившіяся на извѣстной ступени развитія, очень рано приспособились къ условіямъ своего существованія въ такой степени, что въ дальнѣйшихъ дифференцированіяхъ уже не представлялось

болѣе надобности, между тѣмъ какъ другія—все равно, по какимъ причинамъ—вынуждены были улучшать условия своего существованія. Возможно также, что такимъ путемъ вообще укрѣплялась наклонность къ перемѣнѣ формъ. Такимъ образомъ, въ настоящей эпохѣ мы встрѣчаемъ первобытные, но въ своемъ родѣ вполне жизнеспособные организмы, рядомъ съ новообразованными, происшедшими, быть можетъ, только во время послѣднихъ періодовъ исторіи земли. Вообще мы находимъ представителей всѣхъ періодовъ развитія земли, которые въ извѣстное время перестали дагѣе развиваться и теперь, вмѣстѣ со всѣми остальными, живутъ на землѣ.

Не трудно перенести эти сравненія и на отдѣльныя группы человѣчества. И среди народовъ земли мы встрѣчаемъ также, которые находятся еще въ періодѣ допотопной культуры, и, рядомъ съ ними, высокостоящихъ представителей европейской цивилизаціи. Мы видимъ первобытныхъ собирателей корней и охотниковъ рядомъ съ прилежными земледѣльцами, и встрѣчаемъ даже у своихъ современниковъ воззрѣнія первобытныхъ временъ или же средневѣковые взгляды. Произошелъ ли, однако, и въ данномъ случаѣ застой на извѣстной ступени, какъ результатъ полного приспособленія, которое въ концѣ концовъ совершенно уничтожаетъ стремленіе къ прогрессу?

Въ самомъ дѣлѣ, дикіе народы всего рѣзче отличаются отъ безпокойно рвущихся впередъ культурныхъ людей своею безпечною веселостью и чувствомъ спокойнаго довольства, отъ котораго мы такъ далеки и которое намъ представляется до такой степени завиднымъ, что всѣ утопіи рисуютъ намъ такое состояніе. Но откуда же можетъ вытекать такое чувство довольнаго спокойствія, какъ не изъ полной гармоніи съ окружающей обстановкой? Что довольство не совпадаетъ ни съ полнотою знаній, ни съ обладаніемъ достаткомъ—это неоспоримая истина, которую можетъ подтвердить каждый школьникъ множествомъ примѣровъ. Въ дѣйствительности же такое довольство означаетъ лишь добровольное ограниченіе своихъ стремленій существующимъ или легко достижимымъ, суженіе горизонта или, что именно и наблюдается обыкновенно у дикарей, отказъ отъ своего распространенія. Костюмъ, орудія и образъ жизни гиперборейца настолько же приспособлены къ холодному сѣверу, насколько приспособились и тропическіе индѣйцы къ знойному, влажному климату своей родины. Ни тѣ, ни другіе не помышляютъ и не нуждаются въ дальнѣйшемъ прогрессѣ. И среди нашего культурнаго міра мы наталкиваемся на такіе же контрасты между прогрессомъ и самоограниченіемъ: противоположностью настоящаго носителя культуры, постоянно старающагося вскарабкаться на крутыя высоты и создающаго для себя новыя цѣли, является филистеръ, вполне

удовлетворяющійся своимъ положеніемъ и считающій себя счастливымъ, если ему удастся спокойно идти по намѣченному пути, по-выпаясь въ рангѣ и состояніи; онъ какъ можно раньше поставился усвоить себѣ извѣстное мировоззрѣніе и ведетъ вполне гармоничное существованіе въ своемъ узкомъ кругу. Научившись тому необходимому, которое нужно ему для правильного выполненія своихъ обязанностей, филистеръ спокойно проходитъ свой жизненный путь. Приобрѣтенныхъ раньше знаній хватаетъ ему до самаго конца, и онъ не нуждается въ воспріятіи ничего новаго. Дикіе народы находятся совершенно въ такомъ же положеніи. Они давно уже научились всему тому, что было для нихъ нужно, и, въ извѣстномъ отношеніи, достигли покоя, не нуждаясь больше ни въ чемъ, а то новое, что доставляетъ имъ вліяніе европейскихъ культурныхъ народовъ, является для нихъ не ожиданностью, словно незаслуженный лотерейный выигрышъ, и такъ же мало приноситъ имъ пользы, какъ и этотъ послѣдній тому бѣдняку, которому онъ выпалъ, такъ какъ этимъ создается совершенно непривычное положеніе, непременно вызывающее замѣшательство.

Какъ мы уже раньше говорили, масса всегда бываетъ консервативна, а прогрессъ носить индивидуальный характеръ. Можно поэтому сказать, что у дикихъ народовъ вліяніе массы сдѣлалось чрезмерно большимъ и вліяніе отдѣльныхъ личностей не въ состояніи преодолѣть его, за исключеніемъ только совершенно особенныхъ случаевъ. Масса всегда бываетъ склонна примѣняться къ существующимъ условіямъ, такъ какъ она стремится къ состоянію равновѣсія и спокойствію, которое благоприятствуетъ безмятежному теченію жизненнаго процесса. Пролетаріатъ въ фабричныхъ городахъ, стремящійся къ перевороту, не можетъ служить опроверженіемъ только что сказаннаго, такъ какъ онъ самъ по себѣ представляетъ явленіе исключенія и слѣдуетъ особннымъ законамъ. Но въ сущности и онъ только стремится выйти изъ навязаннаго ему состоянія безволея и неустойчивости и достигнуть состоянія равновѣсія; прогрессъ, какъ его понимаетъ пролетаріатъ есть именно переходъ къ состоянію покоя. Въ этомъ смыслѣ совершаются иногда перемѣны и среди дикихъ народовъ, какъ только внѣшнія жизненныя условія измѣняются, но всѣ эти перемѣны преслѣдуютъ только одну цѣль—достиженіе

Кожаныя перчатки самоѣда.

Орудіе эскимоса для разрыванія снѣга.

стойкаго приспособленія къ существующему и не имѣютъ въ виду начинать борьбу съ силами природы; однимъ словомъ, эти перемѣны носятъ пассивный, а не активный характеръ, и на этомъ именно основывается прежнее дѣленіе народовъ на активныхъ и пассивныхъ, которое теперь почти оставлено, хотя въ основѣ его и заключается истина.

Масса создаетъ себѣ свои собственные священные обычаи, свои предрасудки и своихъ боговъ, которые стерегутъ преданія и всегда бываютъ враждебны всему новому и иностранному. Древній обычай приносить въ жертву богамъ каждаго иностранца, существовавшій въ Тавридѣ, отиѣна котораго, подъ вліяніемъ греческой культуры изображена въ древнихъ и новыхъ поэтическихъ произведеніяхъ, съ неподобною ясностью рисуется мировоззрѣніе сознательно замыкающагося отъ постороннихъ вліяній племени. Страніе скрыть свое отвращеніе ко всему непривычному посредствомъ суевѣрій и релігій иногда носить трогательный характеръ, но чаще бываетъ комичнымъ и отвратительнымъ. Такъ напр. обитатели нѣкоторыхъ горныхъ деревень Новой Гвиней ни за что не соглашались итти работать на береговья плантаціи, такъ какъ существуетъ повѣрье, что видъ моря убиваетъ горныхъ жителей. Въ безводныхъ степяхъ азіатскаго плоскогорья трудно соблюдать чистоту, и истому монголу врядъ; ли придется когда-нибудь на умъ выкупаться, но вѣнцомъ этого могутъ служить воззрѣнія нѣкоторыхъ татарскихъ племенъ въ средніе вѣка, опасавшихся купаться, такъ какъ, по монгольскому повѣрью, мытье платья привлекаетъ грозу, да и теперь еще они придерживаются взгляда, что человѣкъ, не имѣющій вшей, не угоденъ Богу.

Такимъ образомъ, въ застоѣ дикихъ народовъ заключается известная система; они крѣпко держатся ея, такъ какъ съ нею связано то чувство довольства, въ которомъ они находятъ свое высшее счастье, предпочитая его всякому прогрессу культуры. Но въ чемъ же въ сущности заключается это счастье? Культурный человѣкъ стремится освободить свой умъ путемъ образованія постоянно новыхъ автоматически протекающихъ процессовъ мышленія и дѣйствій, но не видитъ конца своей работѣ, между тѣмъ какъ «дикарь» гораздо проща достигаетъ той же самой цѣли посредствомъ суженія своего горизонта и, приспособившись къ существующимъ рамкамъ, примѣняется всегда къ уже установившимся формуламъ, безъ всякой дальнѣйшей работы мысли. Избыточные силы находятъ бесполезный выходъ въ войнѣ и игрѣ. Высшее блаженство дикаря, или даже полукультурнаго человѣка, это — состояніе полудремоты, безъ всякихъ мыслей, «кейфъ» турокъ, погруженіе въ небытіе, представляющее высшій идеалъ буддійской нирваны — все это возможно только въ снертномъ воздухѣ ограниченнаго существованія, но со-

вершенно немислиме при рѣзкомъ вѣтрѣ культурнаго прогресса, который надуваетъ паруса смѣльчаковъ, пускающихся въ путь, но не даетъ возможности вести спокойное существованіе.

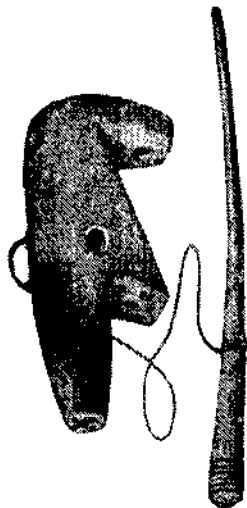
Застой или побѣда задерживающихъ силъ надъ прогрессивными можетъ, разумѣется, произойти на весьма различныхъ ступеняхъ развитія, но прежде всего онъ наступаетъ тамъ, гдѣ природа не

Игра въ бао у племени суга-ели (Вост. Афр.).

имѣть сложнаго характера, но могущественна и не возбуждаетъ и не поощряетъ дальнѣйшихъ стремленій къ лучшему приспособленію, если только достигнута известная гармонія. Карликовые обитатели африканскаго дѣтвеннаго лѣса, лѣсные жители Цейлона и Бразиліи, огнеземельцы и гиперборейцы, бушмены Южной Африки и австралийцы находятся именно въ такомъ положеніи; на бродячихъ же племенахъ паріевъ внутри областей съ высшею культурой лучше всего можно видѣть, что у народовъ, наиболѣе отсталыхъ, или, вѣр-

нѣ, раньше всего достигшихъ застоя, приспособленіе къ существующимъ формамъ быта носить оостенѣлый характеръ. Въ другихъ мѣстахъ застой наступаетъ позднѣе или не въ такой совершенной формѣ и не заключаетъ въ себѣ окончательнаго отреченія отъ всякаго прогресса, такъ что восторженное вліяніе можетъ заставить выйти изъ этого состоянія. Но и культурные народы настоящаго также переживали такіе періоды спокойствія, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ постоянная смѣна прогрессивнаго движенія съ періодами застоя вызывается не столько работою внутреннихъ силъ, сколько внѣшними побужденіями.

Игрушка эскимоса.

Остается изслѣдовать еще: по какимъ причинамъ—не всегда одинаковымъ, конечно!—извѣстные народы бываютъ одержимы стремленіемъ къ прогрессивному развитію. Счастье посланаго приспособленія, ведущее къ безопасному довольству и спокойной дремотѣ, настолько велико и понятно каждому, что нужны очень сильныя двигатели для того, чтобы подавить или ограничить, до невозможной степени, стремленіе къ такому состоянію. Но такое могущественное дѣйствіе оказываютъ не только какія-нибудь важныя, бросающіяся въ глаза причины, а также незначительныя, повидимому, моменты, небольшіе, но постоянно повторяющіеся толчки, которые въ концѣ концовъ достигаютъ огромной силы.

Очевидно, мы и тутъ имѣемъ дѣло съ этими послѣдними, и въ такомъ случаѣ причины постояннаго прогресса должны быть для насъ ясны и вопросъ о нихъ представляется намъ излишнимъ.

Тотъ фактъ, что высшая культура связана, повидимому, съ извѣстными климатическими поясами, служить для насъ яснымъ указаніемъ, гдѣ надо искать основныхъ причинъ прогресса. Если же мы вспомнимъ, что истинная культурная работа выражается взаимодействіемъ движенія впередъ и остановокъ, то намъ невольно придетъ на память смѣна явленій природы въ умеренныхъ поясахъ, гдѣ жара и стужа, времена урожая и недостатка, смѣняются періодически. Народы, которымъ приходится считаться съ подобными условіями, совершенно не могутъ предаваться спокойному созерцанію. У двухъ старѣйшихъ культурныхъ западныхъ народовъ, египтянъ и вавилонянъ, такое же дѣйствіе, повидимому, оказывали періодически спаданія и повышенія водъ въ потокахъ. Такимъ путемъ, по крайней мѣрѣ хотъ временно и насильственнымъ образомъ,

расширяется умственный горизонтъ. Кто хочетъ жить, тотъ долженъ заранее позаботиться о томъ, чтобы предупредить опасности, которыми грозятъ мѣсяцы нужды, и потому предостерегающая мысль о будущемъ постепенно запечатлѣвается и превращается во вторичный инстинктъ, и сама природа, путемъ подбора, заботится уже объ устраненіи неисправимо легкомысленныхъ и безпечныхъ индивидовъ. Работа для культурныхъ народовъ становится, такимъ образомъ, такою же потребностью, какъ состояніе мечтательнаго спокойствія для дикарей. Культурные народы не могутъ поступать иначе и должны подвигаться впередъ; они не могутъ вернуться къ состоянію безопаснаго спокойствія, даже если бы они захотѣли этого, такъ какъ всякое навязанное имъ спокойствіе причиняетъ имъ страданіе и унаслѣдованное ими стремленіе къ дѣятельности пробуждаетъ ихъ, словно голосъ совѣсти, когда застойныя силы хотятъ овладѣть ими. Культурные народы создали себѣ новый идеалъ счастья и прежній, хотя бы его проповѣдывали вдохновеннымъ голосомъ такіе люди, какъ Руссо, навсегда уже для нихъ потеряны!

4. Движеніе назадъ и упадокъ.

Человѣчество, постоянно задерживаемое въ своихъ стремленіяхъ и дѣятельности силами природы, легко поддается мечтамъ «о лучшемъ будущемъ», создаетъ себѣ идеалы, которые или должны быть достигнуты цѣлымъ народомъ, или могутъ быть достигнуты только отдельными личностями на томъ свѣтѣ, лишь послѣ того, какъ онѣ пройдутъ свой жизненный путь. Въ этихъ идеалахъ загробной жизни, которые создаютъ себѣ люди, особенно рѣзко выражается различіе, существующее между дикими и культурными народами или, вѣрнѣе, между остановившимися на мѣстѣ и прогрессирующими группами человѣчества. Народы, находящіеся въ полной гармоніи съ окружающею обстановкой и вполне приспособившіеся къ ней, не могутъ представить себѣ никакихъ другихъ условій и наслажденій кромѣ тѣхъ, которыя имъ извѣстны на землѣ. Такъ наиримѣръ небесныя радости, которыя обѣщаетъ исламъ своимъ вѣрнымъ сынамъ, вполне соответствуютъ мечтаніямъ каждаго довольнаго жителя востока, когда онъ предается «кейфу», т.-е. праздности и созерцанію. Для прогрессивныхъ же народовъ характеристичнымъ является то, что они стремятся укрѣпить господство духа надъ тѣломъ и будущее рисуется имъ какъ торжество духа. Не всегда однако они видятъ это торжество въ будущемъ. Пока историческій горизонтъ остается ограниченнымъ—а препятствія нашему дальновиднію, могутъ быть устранены только путемъ доисторическаго изслѣдованія—до тѣхъ поръ возможно искать желанную лучшую страну по той или по другой сторонѣ, т.-е. въ будущемъ или прошедшемъ. Размышленія же о своемъ собственномъ положеніи, при рѣшеніи такого вопроса, могутъ привести къ различнымъ результатамъ, смотря по обстоятельствамъ и по темпераменту наблюдателя, и, повидимому, у культурныхъ народовъ легко приводятъ къ пессимизму. На это указываютъ, между прочимъ, и обычныя похвалы «доброму старому

времени». Древніе греки, заслуживающіе, болѣе чѣмъ какой-нибудь другой народъ, названіе культурнаго народа, возвели даже въ систему ученіе о прогрессивномъ ухудшеніи міра и, опираясь на дѣйствительное теченіе событій, говорили о вѣкахъ: золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ. Христіанскіе народы заимствовали изъ сокровищницы вѣры древнихъ израильтянъ прошлый идеалъ рая, дополненный картиной будущаго блаженства. Повидимому въ послѣдній разъ, въ концѣ 18-го вѣка было снова выдвинуто на сцену, но уже со всѣми признаками научной теоріи, ученіе объ упадкѣ человѣчества, когда представленныя въ розовомъ свѣтѣ рассказы о народахъ южнаго океана послужили какъ бы доказательствомъ, что дѣйствительно, вдали отъ нашей культуры, находятся лучшіе и болѣе благородные люди, условія жизни которыхъ вытекаютъ изъ прекраснѣйшаго прошлаго. Такимъ образомъ возникли взгляды Руссо и система де Мэстра, стремившіеся возстановитъ древне-греческія воззрѣнія, но въ новой формѣ. Однако такіе взгляды могли возникнуть лишь по той причинѣ, что тогда, при неполномъ знакомствѣ съ дикими народами, совершенно игнорировалась связь между внѣшнимъ и внутреннимъ прогрессомъ, между матеріальною стороною культуры и ея духовными и нравственными стремленіями, и господствовало ребяческое воззрѣніе, что первобытный человѣкъ, тѣснимый безжалостною природою, способенъ такъ же чувствовать и мыслить, какъ и представитель какаго-нибудь культурнаго народа, который наследовалъ, благодаря побѣдамъ своихъ предковъ надъ силами природы, другія духовныя силы и другія обязанности.

Доисторическія изслѣдованія и болѣе основательное знакомство съ характеромъ дикаихъ народовъ отняли почву у мечтаній въ духѣ Руссо. Объ общемъ упадкѣ нравственной культуры не можетъ быть рѣчи, точно также какъ и о добровольномъ «возвращеніи къ природѣ», которое и невозможно и едва ли желательно. Однако эти идеи не совсемъ все-таки лишены основаній и поэтому не мѣшаютъ изслѣдовать причины ихъ возникновенія. Если даже культура въ общемъ и подвинулась впередъ, то это произошло далеко не въ одинаковой степени во всѣхъ ея отрасляхъ, и развитіе древа культуры все-таки обезображивается мѣстами присутствіемъ сухихъ и уродливыхъ вѣтвей. Тамъ, гдѣ некогда въ веселыхъ равнинахъ Вавилонія возвышались богатые и цвѣтушіе города, виднѣются теперь только безформенныя кучи глины, выступающія надъ поверхностью песковъ. Азіатская возвышенность является страной развалинъ городовъ; исторія же Египта, также какъ и китайскаго народа, далеко не представляетъ картины постояннаго прогресса. На этомъ основаніи съ полнымъ правомъ можно допустить предположеніе, что и для народовъ Европы наступитъ когда-нибудь періодъ утомленія. Исторія указываетъ намъ на упадокъ Греціи и распаденіе римскаго

государства, упадокъ Испаніи послѣ Карла V, страшныя культурныя потери Германіи послѣ тридцатилѣтней войны и паденіе нѣкогда столь цвѣтушихъ фландрскихъ городовъ. Для каждаго культурнаго народа наступаетъ, повидимому, такое время, когда онъ видитъ, что его начинаютъ обгонять его болѣе молодые соперники, я онъ, какъ старѣющая красавица, съ тревогою замѣчаетъ въ зеркалѣ появленіе морщинъ, приближающей старости. Ни одинъ народъ не избавленъ отъ такого печальнаго періода упадка, когда рѣчь «о добромъ старомъ времени» принимаетъ серьезное и обидное для него значеніе.

Но такія неискоренимыя рѣчи, не умолкающія даже въ періоды наибольшаго расцвѣта и постоянно повторяющіяся на всѣ лады,

Развалины города Бузандъ (Вост. Туркестанъ).

хотя и въ замаскированномъ видѣ, указываютъ еще на нѣчто другое. Всякій прогрессъ соединенъ въ то же время съ потерей. Культура является не только борьбою съ убожествомъ и ужасами природы, но и постоянною изнурительною войною съ собственнымъ «я», съ темными и могущественными инстинктами человѣческой души. Кто заботливымъ взоромъ смотритъ въ будущее, тотъ долженъ отказываться отъ непосредственнаго удовлетворенія всѣхъ своихъ малѣйшихъ желаній и побужденій, и лишь путемъ такого отказа отъ мгновеннаго наслажденія приобрѣтается сила и безопасность. Но зато, культурнымъ народамъ недостаетъ того счастья, которое создаетъ ограниченность, простая гармонія съ естественными условіями, благодаря которой жизнь такъ легка для первобытнаго человѣка. Само собою разумѣется, что никакъ не положеніе такихъ первобытныхъ народовъ можетъ возбуждать нашу зависть, а лишь отсутствіе потребностей и беззаботность которыя выражаются въ томъ, что дикарь мало думаетъ о будущемъ и не придаетъ большого значенія ни времени, ни своему существованію. Даже варьвы яростнаго возбуж-

денія, прерывающія по временамъ обычное сонное теченіе жизни дикаря, могутъ показаться привлекательными культурному человѣку, вспышки страстей котораго постоянно задерживаются полицейскими правилами въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ. Однако такое государство само по себѣ уже является продуктомъ культуры и доказательствомъ, что прогрессирующее человѣчество добровольно отказалось отъ части той свободы, которая представляется дикарю самымъ необходимымъ условіемъ для счастья. Раздѣленіе труда, превращающее насъ въ части машины, въ то же время все болѣе и болѣе отдаляетъ насъ отъ природы, представляющей основу всего суще-

Аино, стрѣляющія изъ лука. Японскій рисунокъ.

ствующаго. Жалкій бушменъ на своей родинѣ гораздо самостоятельнѣе самаго ученаго европейца, котораго несчастная судьба забросила на какой-нибудь безлюдный берегъ. Опытъ показываетъ, что европейскіе бѣглецы, присоединяющіеся къ какому-нибудь нецивилизованному племени, очень мало или почти ничего не передаютъ изъ своей культуры своимъ новымъ товарищамъ и довольно скоро сами опускаются на одинъ уровень съ ними. Званія такого человѣка, составляющія лишь одну малую часть великаго цѣлага, теряютъ свое значеніе совершенно такъ же, какъ наилучшее оружіе, самой новѣйшей конструкціи, представляется бесполезнымъ кускомъ дерева и металла, когда нельзя достать необходимыхъ для него патроновъ. Культурное же достоинствѣ дикаря такъ же просто, какъ и его оружіе, его копьѣ, топоры и луки, которое, хотя и не всегда бываетъ дѣйствительно, но вездѣ можетъ быть употреблено и легко возобновляется и пополняется. Потеря такой способности всего ощутительнѣе для насъ, и мальчикъ, съ увлеченіемъ зачитывающійся индѣйскими разсказами или исторіей Робинзона, смутно чувствуетъ, что культура

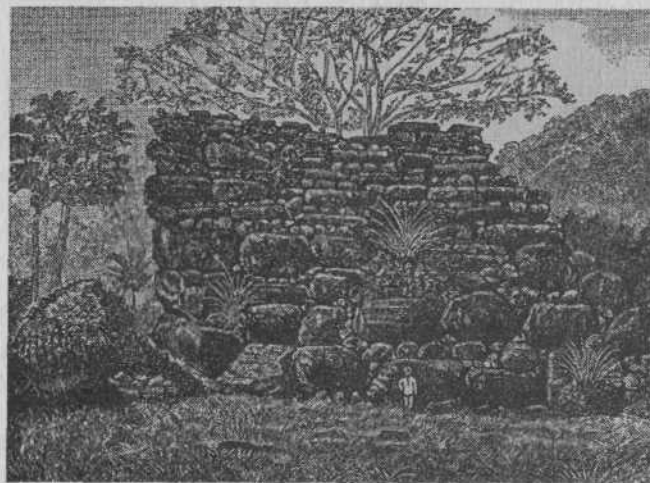
заставляет расплачиваться за свои дары дорогою цѣной и что существует такое счастье, которое, хотя и понятно ему, но уже для него недоступно.

Но тутъ дѣло идетъ не только о потерѣ способности быть счастливымъ; до известной степени теряется также сила. Затрачивая постоянно энергію въ правильной дѣятельности, мы уменьшаемъ возможность выпышекъ, которыя, хотя и опасны, но въ то же время служатъ могущественнымъ средствомъ для человѣка въ борьбѣ за существованіе. Кто въ состояніи отбросить сразу всё опасенія и соображенія, тотъ можетъ достигнуть многого и разрушить всё препятствія, передъ которыми безпомощно отступаетъ разсудительный человѣкъ. Недостатокъ слѣпой страсти, правда, болѣе чѣмъ восполняется въ большинствѣ случаевъ привычною дѣятельною и проникающею энергіей культурныхъ людей, и въ соревновательной борьбѣ награда достанется все-таки культурному человѣчеству; но именно чрезмѣрное развитіе разсудка, заставляющее предусматривать всё возможности, затрудняетъ быстроту выбора, парализуетъ рѣшительность и мѣшаетъ видѣть то, что нужно. Ученые очень рѣдко имѣли большой успѣхъ въ области практической политики, какъ это указываютъ примѣры новѣйшаго времени. Классическимъ образцомъ такого «столкновенія между умомъ и характеромъ» служить шекспировскій Гамлетъ, у котораго—какъ говоритъ Фирландтъ—«постоянное взвѣшиваніе поступковъ совершенно уничтожило волю». Въ такомъ явленіи заключается именно та слабая сторона культуры, которая можетъ и для нея самой имѣть роковыя послѣдствія.

Потери счастья, связанныя съ прогрессирующею культурой, объясняютъ пессимизмъ, который слышится въ ученіи о золотомъ вѣкѣ или о райскихъ садахъ, но онѣ не выясняютъ все-таки тѣхъ условий, которыя ведутъ за собою упадокъ или полное разрушеніе культуры. Если мы обратимъ вниманіе на эти вопросы, то должны будемъ убѣдиться, что они представляютъ далеко не простую проблему. Согласно старинной и вѣрной поговоркѣ, что «остановка есть шагъ назадъ», можно признать нѣкоторое относительное обратное движеніе культуры вездѣ, гдѣ народъ остается стоять на разѣ достигнутой имъ ступени развитія, въ то время какъ его сосѣди продолжаютъ двигаться далѣе впередъ. Почти всегда, впрочемъ, это кажущееся обратное движеніе превращается въ дѣйствительное, такъ какъ настоящая культурная жизнь немыслима безъ прогресса, при чемъ постепенно также исчезаетъ сила сохранения существующаго. Но полное разрушеніе въ настоящемъ смыслѣ этого слова наступаетъ обыкновенно въ двухъ весьма различныхъ формахъ: или народъ, съ которымъ связана известная культура, вымираетъ и она исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ, или же онъ сохраняетъ свою жизнеспособность во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но утрачиваетъ культуру, созданную

имъ, или ту, которую онъ обладалъ, и продолжаетъ свое дальнѣйшее существованіе въ болѣе скромныхъ и жалкихъ условіяхъ. Такая судьба постигаетъ болѣе многочисленныя народы съ высшею цивилизаціей, тогда какъ первый случай наблюдается обыкновенно у настоящихъ дикихъ племенъ.

Вымирание многочисленныхъ дикихъ народовъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ нашею культурой, не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Разумѣется, было бы несправедливо ставить на счетъ нашей цивилизаціи гибель всѣхъ племенъ, исчезнувшихъ съ лица

Развалины построекъ на островѣ Стронгъ въ Тихомъ океанѣ.

земли, такъ какъ уже съ древнихъ временъ цѣлыя роды гибли въ борьбѣ за существованіе или же, въ качествѣ жалкихъ остатковъ, терялись среди другихъ племенъ. Въ Новой Зеландіи, еще до прибытія туда европейцевъ, народъ подвергся сильному истребленію вслѣдствіе кровавыхъ войнъ. Достаточно также бѣгло взгляда на исторію Чернаго континента, чтобы убѣдиться, что въ Африкѣ постоянныя столкновенія отдѣльныхъ племенъ ведутъ за собою уменьшеніе ихъ численности и порою даже полное истребленіе. Въ сѣверной Америкѣ европейцы были свидѣтелями истребительной войны, которую вели ирокезы съ гуронами и другими племенами алгонкиновъ. Далѣе, на югѣ той же самой части свѣта, караобы истребили первобытныхъ обитателей одной части малыхъ Антильскихъ острововъ. Недаромъ большинство дикихъ народовъ обладаетъ цѣлымъ арсеналомъ смертоноснаго оружія, и воинъ служитъ для нихъ идеа-

ломъ челоѣка. Обратное движеніе культуры, причины котораго не такъ-то легко распознаются, наблюдается также на многихъ островахъ Полинезіи. Многочисленныя развалины указываютъ, что тамъ въ прежнія времена господствовала болѣе оживленная культурная дѣятельность, чѣмъ въ настоящее время, и населеніе было также многочисленнѣе, чѣмъ теперь. Но вымираніе въ широкихъ размѣрахъ началось повсюду лишь съ появленіемъ европейцевъ. Это происхо-

Воинъ изъ племени дайяковъ на о. Борнео.

дитъ вездѣ, въ Полинезіи, какъ и въ Сибири, на австралийскомъ материкѣ, въ южной Африкѣ и во всѣхъ частяхъ Америки. Только отдѣльныя группы народовъ выказываютъ большую способность сопротивленія, въ особенности негры и затѣмъ народы, которые на основаніи своей собственной значительной культуры, достигли огромной численности, какъ напримѣръ индусы или китайцы.

Для насъ такія наблюденія въ особенности неприяты и вызываютъ краску стыда, такъ какъ наши колонизаторы и миссіонеры

охотно выступаютъ съ гордыми словами, что они хотятъ доставить несчастнымъ дикарямъ блага культуры. Не было также недостатка въ усиліяхъ отыскать причины зла и найти средства борьбы съ нимъ, при чемъ была найдена такая масса причинъ, которымъ, съ большою или меньшею справедливостью, можно было приписать вымираніе дикихъ народовъ, что это обстоятельство вызвало еще большую смуту, и вопросъ остался не разъясненнымъ. Однако должна же все-таки существовать какая-нибудь общая и главная причина подобнаго явленія, такъ какъ въ самыхъ различныхъ частяхъ свѣта и при самомъ разнообразномъ отношеніи цивилизованныхъ народовъ къ примитивнымъ племенамъ эти послѣднія исчезаютъ или, во всякомъ случаѣ, сильно уменьшаются въ числѣ въ самомъ началѣ, хотя потомъ и могутъ до нѣкоторой степени оправиться. Въ сѣверной Америкѣ вымираніе индѣйцевъ происходитъ уже теперь не такъ быстро, какъ прежде, и мѣстами даже можно констатировать нѣкоторую прибыль индѣйскаго населенія.

Насильственное истребленіе, къ сожалѣнію, тоже не представляетъ рѣднаго явленія. Въ Тасманіи назначена была премія за поимку туземца, что было конечно лишь перифразою, подъ которой скрывалась настоящая истребительная война, увѣнчавшаяся страшнымъ успѣхомъ. Когда же наконецъ рѣшили дать остатку несчастныхъ туземцевъ новую родину, то этотъ жалкій остатокъ исчезъ уже безъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства извнѣ и въ 1876 году умерла послѣдняя тасманка Труганини. Съ еще болѣе жестокою энергіей вели южно-африканскіе буры борьбу съ бушменами, которые навлекали на себя смертельную ненависть колонистовъ, какъ неисправимые похитители стадъ. Колонисты сотнями убивали изъ своихъ ружей почти безоружныхъ бушменовъ, и охота на нихъ была такимъ же дозволеннымъ и полезнымъ видомъ спорта, какъ и охота на газелей и страусовъ. То же самое происходило и въ Австраліи, и то, что въ этомъ участвовала навербованная изъ туземцевъ «черная полиція», нисколько не дѣлаетъ привлекательнѣе эту мрачную картину.

Рядомъ съ такимъ намѣреннымъ истребленіемъ дѣйствовали и тѣ опустошенія, которыя производили въ средѣ дикарей занесенныя къ нимъ болѣзни: оспа, чахотка, сифилисъ и холера. Многія инфекціонныя болѣзни, которыя среди европейцевъ уносятъ лишь очень незначительное число жертвъ, въ тѣхъ областяхъ, гдѣ онѣ до той поры не были извѣстны, зачастую очень принимали очень тяжелую форму, какъ напримѣръ насморкъ въ южной Америкѣ или корь, которая, при первомъ своемъ появленіи на островахъ Фиджи, унесла 40,000 челоѣкъ, а также коклюшъ, инфлюэнца и дизентерія. Подобныя эпидеміи должны имѣть роковыя послѣдствія, принимая во вниманіе малочисленность дикихъ народовъ, такъ что нерѣдко мед-

ленный упадокъ народной силы внезапно заканчивался полною гибелью.

Но ни войны, ни болѣзни не могутъ все-таки объяснить страннаго факта, что достаточно простого соприкосновенія съ носителями европейской культуры для того, чтобы вызвать тотчасъ же уменьшеніе численности дикаго народа, хотя бы счастливая судьба и избавила его отъ опасныхъ столкновеній и осложнений. Причиною такого явленія можетъ быть только то, что тутъ вступаютъ въ соприкосновеніе два совершенно различныхъ міровоззрѣнія, и различныя формы приспособленія дѣйствуютъ другъ на друга, при чемъ, разу-

Танцующія самоанки.

мѣется, слабѣйшая форма должна погибнуть, и такъ какъ все существованіе дикаго народа самымъ тѣснымъ образомъ бываетъ связано съ такимъ гармоническимъ приспособленіемъ къ условіямъ окружающей природы, то понятнo, что нарушеніе этой гармоніи должно глубоко расщипывать жизненныя силы народа. Прежде всего это происходитъ въ духовной области; то, чѣмъ больше всего дорожилъ дикарь, своею праздною свободой, своимъ безпечнымъ существованіемъ, онъ долженъ былъ принести въ жертву, по примѣру европейцевъ, и промѣнить на постоянную и безграничную дѣятельность, цѣлямъ которой онъ не можетъ ни сочувствовать, ни постигнуть ихъ. Ему навязывается, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, «переоцѣнка всѣхъ цѣнностей», и онъ вынуждается цѣнить и экономно тратить свое время и силы, — именно то, что до тѣхъ поръ имѣло лишь малую цѣну въ его глазахъ и ради чего онъ долженъ пожер-

твовать теперь своими главными склонностями. Раньше онъ считалъ лучшимъ времяпрепровожденіемъ, подобно цыганамъ Ленау, куреніе, праздная мечтанія, игру на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ и танцы; теперь же его заставляютъ смотрѣть на свое время, какъ на цѣнное сокровище, которое онъ долженъ употреблять съ пользою и экономною расчетливостью. Земля, по которой онъ прежде безпечно бродилъ какъ охотникъ, вдругъ превратилась въ цѣнную собственность, точно взмѣренную во всѣхъ направленіяхъ, а человѣческая жизнь, которая не имѣла особенной цѣны въ его глазахъ, должна была для него сдѣлаться священной теперь въ лицѣ каждаго чужеземца и даже врага. Если же къ этому присоединяется еще и обученіе, имѣющее благою цѣлью приобщить дикаря къ приобрѣтеніямъ культуры, но его обремененный духъ, не унаслѣдовавшій необходимыхъ для этого силъ и не подготовленный къ этому прежнею работою предковъ, не выдерживаетъ и безпомощно погибаетъ.

Одновременно съ этимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ духовнаго вліянія культуры, происходитъ и уклоненіе экономической жизни дикаихъ народовъ съ обычнаго пути. Важнѣйшимъ признакомъ примитивнаго хозяйства является самоограниченіе. Сношенія съ внѣшнимъ міромъ имѣютъ весьма мало значенія для существованія дикаря, и почва никогда не обрабатывается имъ интенсивно, а лишь соотвѣтственно степени познаній племени въ земледѣліи, такъ какъ численность племени всегда отвѣчаетъ условіямъ пропитанія въ данной мѣстности. Извѣстный коммунизмъ, главнымъ образомъ касающійся средствъ пропитанія, господствуетъ въ жизни дикаихъ народовъ и въ высшей степени облегчаетъ существованіе отдѣльныхъ личностей, хотя и задерживаетъ прогрессъ и соревнованіе. Все это, конечно, можетъ противостоять насильственному вмѣшательству извнѣ, если только оно недостаточно энергично, но когда начинаетъ колебаться весь фундаментъ зданія, какъ это бываетъ, когда въ жизнь дикаря переносятся наши культурные идеалы, тогда все зданіе безпомощно рушится и покрывается своими обломками жителей. Наша культура однако не въ состояніи возстановить разрушеннаго, такъ какъ она частью даетъ слишкомъ много, частью же слишкомъ мало. Вводя свои продукты, наша культура внезапно парализуетъ ту промышленную дѣятельность, къ которой привыкли туземцы и которая соотвѣтствовала ихъ потребностямъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ культура не въ состояніи присоединить дѣйствительнымъ образомъ къ великой общинѣ культурныхъ народовъ дикарей, насильственно вырванныхъ изъ круга своего прежняго гармоническаго существованія. Особенно губительнымъ образомъ дѣйствуетъ уничтоженіе промышленной дѣятельности дикарей; между тѣмъ оно происходитъ неизбѣжно.

Паркинсонъ слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ положеніе

дѣлѣ въ Океаніи: «Въ Микронезіи и Полинезій современная культура въ значительной степени уничтожила прежнюю оригинальность, но, къ сожалѣнію, далеко не всегда старое замѣняется лучшимъ. Населеніе многихъ островныхъ группъ уже не знаетъ теперь тѣхъ инструментовъ, посредствомъ которыхъ предки ихъ вырѣзывали такіе изящные орнаменты на своемъ оружій и своей домашней утвари. Хотя прежнія каменные и раковинныя орудія замѣнены теперь гораздо болѣе совершенными орудіями, но прежняя тщательность въ обработкѣ различныхъ предметовъ исчезла, и поэтому теперешнія произведенія далеко отстали отъ прежнихъ, сдѣланныхъ при помощи несовершенныхъ орудій». — Эти слова кромѣ того указываютъ, что дикари потеряли способность испытывать чувство удовольствія въ своей работѣ. Культура, отнявшая у нихъ эту способность, ничѣмъ не замѣнила этой потери. Въ сущности обитатели тихоокеанскихъ острововъ,

Эскимось и стадо рогатаго скота.

плѣвыми годами работающіе какъ поленщики на сахарныхъ плантаціяхъ Квинслэнда или Самоа, для того чтобы потѣмъ, въ видѣ вознагражденія, привести на свои острова разныя европейскія бездѣлушки, ничего не выиграли покаитѣсь отъ этой замѣны своей прежней безопасной жизни со всѣмъ ея бременемъ кровавыхъ суевѣрій и обычаевъ, тяготѣвшимъ надъ ними, и частыми войнами.

Для того, чтобы дикіе народы вступили на наклонную плоскость, которая неминуемо должна была привести ихъ къ гибели, вполне достаточно было одного только нарушенія примитивнаго хозяйства посредствомъ воз-

Собиратель ягодъ. По рисунку одного эскимоса.

никновенія сношеній и торговли. Но кромѣ того нашествіе европейцевъ обыкновенно приводило къ тому, что дикари, сама того не замѣчая и не понимая, какъ это произошло, лишались почвы подъ своими ногами, чему въ особенности благоприятствовало различное пониманіе цѣнности земли, отличающее европейцевъ отъ туземцевъ. Лѣсная область, доставляющая дикарямъ небольшое количество дичи, кое-какія ягоды и коренья, не имѣетъ въ ихъ глазахъ большой цѣны и можетъ быть отдана ими за какую-нибудь бездѣлицу, тогда какъ европеецъ прозорливымъ окомъ угадываетъ ея будущую цѣнность и видитъ уже, въ своемъ воображеніи, цвѣтушіе города, которые должны возникнуть въ этой области. Между тѣмъ этотъ лѣсной округъ, отданный дикарями европейцамъ, представляетъ область, къ которой вполне приспособилось племя со всѣми своими потреб-

ностями, и поэтому потеря этой области въ концѣ-концовъ сдѣлается очень ощутительной для дикарей, потому что она не можетъ быть вознаграждена интенсивною обработкой оставшейся земли. Такое явленіе можно наблюдать въ Соединенныхъ Штатахъ въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Тамъ, вслѣдствіе увеличивающейся иммиграціи и возрастающей цѣнности земли, индѣйцы оттѣсняются все далѣе и вынуждены теперь ограничиваться такими пространствами земли, которыя съ точки зрѣнія европейцевъ вполнѣ достаточны для небольшого количества людей, но индѣйцамъ, съ ихъ совершенно другими привычками и обычаями, въ отведенныхъ имъ пространствахъ земли становится тѣсно. Говорятъ, что, благодаря введенію лошадей, степи сдѣлались обитаемы для индѣйцевъ, но въ сущности это не такъ, потому что безжалостное истребленіе степной дичи уничтожило и тамъ прежніе источники питанія. Ратцель правъ, говоря: «причины пресловутаго вымиранія дикихъ народовъ скорѣе могли бы быть выяснены, если бы лучше была оцѣнена роль, которую играетъ въ этомъ процессѣ изгнаніе прежнихъ обитателей изъ мѣстности, въ которой они раньше жили». Но даже тамъ, гдѣ жители остаются на своихъ прежнихъ мѣстахъ, происшедшія перемѣны оказываютъ такое же дѣйствіе, какъ это указываетъ напр. истребленіе бизонныхъ и др. животныхъ въ преріяхъ, благодаря чему онѣ потеряли всякую цѣну въ глазахъ своихъ обитателей. Вымираніе карагасовъ въ Сибири приписывается въ значительной степени лѣснымъ пожарамъ, произведеннымъ русскими поселенцами и истребившимъ пушныхъ звѣрей, ловля которыхъ составляла главный промыселъ и доставляла средства къ существованію этому народу. Истребленіе тюленей поколебало самыя основы существованія какъ жителей Аляски, такъ и жителей Огненной земли, и въ южной Африкѣ бессмысленное уничтоженіе нѣкогда очень многочисленной дичи европейскими поселенцами имѣло также весьма печальныя послѣдствія для туземныхъ обитателей.

Экономическому упадку соответствуетъ также и уничтоженіе прежнихъ обычаевъ и обыкновеній, которые нѣкогда служили прочною основой для социальнаго организма. Странный, но неоспоримый фактъ, что обычай, дѣйствующіе почти съ тираннической и непреодолимой силой въ сжмнутомъ обществѣ, беспомощно гибнутъ, какъ только это общество подвергается вліянію болѣе высоко стоящихъ народовъ, съ насмѣшкою относящихся къ обычаямъ дикарей. Только низшія формы суевѣрій обнаруживаютъ большую живучесть и продолжаютъ существовать, подобно неискоренимой сорной травѣ. Однако вмѣсто разрушеннаго социальнаго организма не возникаетъ новаго. Старинные обычаи, разрушаясь, вызываютъ разложеніе въ народномъ организмѣ, и вслѣдствіе этого опасныя и ядовитыя стороны культуры встрѣчаютъ особенно благоприятную почву. Нѣсколько

свободные взгляды на половую нравственность, господствующие у большинства диких народов и не приносящие большого вреда в тесном кругу общины, широко открывают двери для той отвратительной формы проституции, которая составляет теперь один из главных видов наживы у населения некоторых полинезийских островов и у индейцев Ванкувера. Прежний коммунизм легко принимает вид недостойного нищенства от соприкосновения с европейскою жизнью или же превращается в привычное воровство, обман и мошенничество; неумеренное пьянство, поощряемое притом всеми способами европейскими торговцами, заступает место прежних пиров, сопровождавшихся употреблением слабо опьяняющих напитков. Очень вероятно, что влияние водки несколько увеличивается, но несомненно все таки, что во многих областях земного шара дегенерирующее влияние водки отразилось на потомстве и является, в значительной степени, виною гибели туземцев.

Однако быстрое вымирание туземцев должно быть все-таки приписано главным образом тому, что они насильственным образом извлекаются из привычных рамок своей жизни, результатом чего является потеря воли, апатия, влияние которой становится роковым не только для отдельных личностей, но и для целого народа, и приводит или к медленному умиранию или самоубийству. Пешель, со свойственною ему увлекательностью, говорит об этом: «Никак не жестокость или притеснения приводят к гибели каково-нибудь человеческое племя и никак не какая-нибудь новая болезнь, напр. оспа, вызвали истребление народов, и еще менее можно приписать это эпидемии пьянства. Гораздо более редкий ангел смерти появился теперь среди этих, некогда счастливых и жизнерадостных человеческих племен, а именно: усталость жизни. Несчастные обитатели Антильских островов по взаимному уговору убивали друг друга, частью ядом, частью веревкой. Один миссионер из Оаяка рассказывал испанскому историку Цуритъ, что целые племена хонталь и мейсовъ по взаимному уговору отказывались от сношений со своими женами или уничтожали посредством яда еще не рожденный плодъ. Въ этомъ-то и заключается истинная причина вымирания цветущей человеческой расы, такъ какъ она не даетъ болѣе начала новому поколѣнью».

Вымирание диких народов влечет за собою уничтожение мелких отраслей первобытной культуры, которым, повидимому, не суждено далѣе развиваться. Народъ и культуру постигаетъ общая участь, и слѣды прежнихъ условій сохраняются, самое большее, лишь въ мѣстныхъ названіяхъ, сагахъ и малозначащихъ обычаяхъ; остатокъ же бывшаго народа продолжаетъ свое существованіе уже въ образѣ метисовъ, которые, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ напр. канадскіе охотники, представляющіе помѣсь французовъ и

индейцевъ, могутъ сохранить въ извѣстной степени старинную приспособленность къ природѣ своего отечества.

Совѣсьмъ другое зрѣлище представляютъ народы высшей культуры, которые въ теченіе долгаго времени находились во главѣ человечества и лишь впоследствии были превзойдены другими и въ концѣ концовъ, безпомощно спустились со своей высоты. Такъ какъ народъ въ такихъ случаяхъ продолжаетъ существовать и дальше, хотя и въ уменьшенномъ числѣ, то здѣсь не могли дѣйствовать болшинство причинъ, вызывающихъ обыкновенно уничтоженіе первобытныхъ культуръ. Затѣмъ можно наблюдать иногда, что народъ оправляется послѣ своего глубокаго паденія и снова подымается, принимаясь за прежнюю работу, и если онъ уже не можетъ занимать болѣе прежняго мѣсто руководителя, то во всякомъ случаѣ становится въ ряды культурныхъ народовъ, какъ дѣльный работникъ. Все это, повидимому, можетъ оправдать вопросъ относительно того, можно ли считать ту силу, которая двигаетъ народъ къ прогрессу, дѣйствительно постоянной, возрастающей вслѣдствіе употребленія и составляющей его особенность, или же эта сила постепенно израсходуется и затѣмъ снова восстанавливается лишь послѣ періода болѣе или менѣе долгаго споконія и какъ бы лѣченія «грязевыми ваннами некультурности»?

Нельзя также отрицать факта, что народъ иногда самъ останавливается безъ всякихъ внѣшнихъ причинъ и тѣмъ подготавливаетъ свое движеніе назадъ. Правда, отвѣтственность за уничтоженіе вавилонской культуры должна быть возложена на завоевательныя войны, на безконечныя опустошенія, которыя производились въ странѣ персами, римлянами, арабами, монголами и турками, но относительно Египта этого сказать нельзя; тутъ скорѣе наблюдалось вполне добровольное удаленіе отъ участія въ дальнѣйшемъ развитіи культуры, которое привело другіе средиземноморскіе народы, находившіяся въ состояніи грубаго варварства, на такую высоту цивилизаціи, съ которой Египетъ уже не могъ выдержать сравненія. Египтяне ничему не хотѣли учиться извнѣ. Они достигли наконецъ, послѣ тысячелѣтней культурной работы, той цѣли, которую дикіе народы достигаютъ очень быстро, а именно—полной гармоніи съ условіями своей родной почвы и климата; у нихъ исчезла потребность къ дальнѣйшему прогрессу, и они насильственно закрывали свои глаза, чтобы не видѣть завоеванія міра греческими идеалами. Древняя культура имѣютъ аристократическій характеръ, — «всякая же знать всегда держитъ себя обособленно», какъ удачно выразился Гете. Такъ же точно держитъ себя и аристократія среди народа, надъ которымъ она прежде господствовала, такъ какъ превосходила его умомъ и силою воли; но затѣмъ низшіе народныя слои опередили ее въ своемъ умственномъ движеніи и богатствѣ, вслѣдствіе того, что она замкнулась въ своемъ самодовольствѣ и никого не хотѣла знать. Нищие

рѣзко высказывается насчетъ этого: «Власть заставляетъ глупить» (Die Macht verdummt).

Образцомъ добровольнаго замыканія отъ всѣхъ внѣшнихъ влiяній могутъ служить культурныя государства восточной Азiи: Китай, Японiя и Корея, и въ особенности два послѣднихъ, такъ какъ эти государства могли болѣе систематически закрывать свои границы, нежели слишкомъ многолюдный Китай, который не могъ совершенно обходиться безъ внѣшней торговли. Само собою разумѣется, что именно правительства старались повсюду о томъ, чтобы оградить народъ отъ внѣшнихъ влiяній, такъ какъ въ этомъ они видѣли наилучшее

Кореецъ за плетениемъ цыновки.

средство избавить его отъ какихъ бы то ни было возбужденій, но это средство возможно было примѣнять лишь благодаря характеру древнекультурныхъ народовъ, «ихъ успокоительной способности свываться съ культурой, которая считалась ими безпримѣрной» — какъ это говоритъ Ратцель въ своей «Политической географiи». Разъ приобретенныя искусства, какъ напр. плетенье цыновокъ,

изготовление гончарныхъ издѣлiй и т. д., продолжали существовать, но дальше не развивались. Полная гармонiя была уже достигнута, и то, что приносили съ собою чужiе, могло только нарушать ее, но не улучшать. Повидимому, отдѣльныя группы человѣчества дѣйствительно стремились всегда лишь къ тому, чтобы достигнуть гармонiи съ природою своего отечества, и когда цѣль эта была достигнута, то они останавливались; другими словами: каждый народъ извлекаетъ изъ окружающей среды известное количество культурной силы, съ помощью которой онъ двигается впередъ, но затѣмъ, рано или поздно, сила эта иссякаетъ. Остановка и затѣмъ движенiе назадъ составляютъ, повидимому, удѣлъ даже самыхъ богатоодаренныхъ народовъ, если только они стоятъ одиноко или же, вслѣдствiе долговременнаго уединенiя, потеряли способность воспринимать новое. Если же культура Европы не только избѣгла такой участи, но даже могла сохранить обломки вавилонской и египетской мудрости и въ концѣ концовъ ея постепенное движенiе впередъ превратилось въ настоящее стремительное бѣгство, то это произошло вслѣдствiе счастливаго обстоятельства, что Европа распадается на цѣлый рядъ различныхъ областей и въ каждой такой области живетъ особенный народъ, причемъ между этими народами существуетъ соревнованiе и они своею дѣятельностью дополняютъ другъ друга. Европейскiй концертъ въ обла-

сти культуры звучитъ болѣе гармонично, нежели политическiй, хотя въ немъ задаютъ тонъ далеко не всегда одни и тѣ же инструменты, но болѣе сильные звуки одного изъ нихъ обыкновенно покрываютъ собою паузы и невѣрную игру другихъ инструментовъ.

Движенiе назадъ высшихъ культуръ зависитъ однако не только отъ добровольнаго отреченiя отъ дальнѣйшаго движенiя впередъ или возстановленiя чистой гармонiи, а также отъ той опасности, которая вытекаетъ изъ самой культуры и о которой раньше было уже сказано нѣсколько словъ. Чрезмѣрное господство разума, легко наступающее подъ влiяниемъ высшей цивилизацiи, парализуетъ силу воли и, слѣдовательно, наиболѣе глубокую двигательную силу культурнаго прогресса. Однако изъ этого не слѣдуетъ, что сильная, но слѣпая воля, должна непремѣнно содѣйствовать культурному прогрессу; она можетъ быть израсходована на дѣтскiя забавы или дикiя расправы, не принеся никакой пользы человѣчеству, но безъ такой воли прогрессъ все-таки невозможенъ, и духъ остается безсильнымъ, какъ самая лучшая и тонко придуманная машина, когда нѣтъ въ ней огня и пара. Со слабостью воли легко соединяется чрезмѣрное развитiе эстетическихъ и нравственныхъ чувствъ, особенной щепетильности и нѣжной чувствительности, пугливо отстраняющейся ото всего грубаго и забывающей, что мы живемъ въ мiрѣ, наполненномъ бѣдствiями, которыми нельзя управлять посредствомъ нѣжныхъ чувствъ и прекрасныхъ стремленiй. Само собою разумѣется, что, обладающiй столь утонченными и нѣжными чувствами, культурный человѣкъ долженъ замкнуться отъ всего внѣшняго мiра, для того, чтобы имѣть возможность осуществить свой жизненный идеалъ, и такимъ образомъ онъ вступаетъ на опасную тропинку, ведущую назадъ. Среди бюргерства, которое не поддерживается такими искусственными средствами, какъ аристократiя, какъ известно, сравнительно рѣдко встрѣчаются семьи, которыя могутъ представить длинный рядъ высокообразованныхъ или даже ученыхъ предковъ. Даже въ старинныхъ нѣмецкихъ имперскихъ городахъ, гдѣ патрицiанство все еще составляетъ силу, однѣ семьи смѣнили другiя и сохранилось лишь мало такихъ именъ, которыя могутъ похвалиться своимъ древнимъ происхожденiемъ. На мѣсто вымершихъ или перешедшихъ въ ряды пролетариата поступаютъ болѣею частью потомки крестьянъ, происходящие изъ низшихъ слоевъ народа, которые выдвинулись впередъ и посвящаютъ свои силы культурной работѣ. Въ бывшихъ южногерманскихъ имперскихъ городахъ, лежащихъ болѣею частью словно протестантскiе оазисы въ католической странѣ, уменьшенiе протестантскаго населенiя ясно указываетъ, что старые роды вымираютъ и на ихъ мѣсто поступаютъ новыя поколѣнiя изъ сосѣднихъ областей. Не слѣдуетъ однако забывать, что

нездоровая жизнь городов съ своей стороны благоприятствует такому превращению.

Но имѣтъ ли дѣйствительно значеніе одна только высота культуры при такихъ передвиженіяхъ, совершающихся внутри какого-нибудь народа? Если въ Соединенныхъ Штатахъ постепенно всплываетъ на поверхность огромное число потомковъ прежнихъ рабовъ и появляется въ образѣ судей, офицеровъ и чиновниковъ администраціи и пожалуй даже президентовъ, то слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ вполне естественное и желательное стремленіе вверхъ низшихъ слоевъ народа, или же тутъ имѣтъ мѣсто нѣчто другое, болѣе опасное явленіе? Американецъ европейскаго происхожденія склоненъ видѣть въ этомъ именно послѣднее, такъ какъ подобное явленіе означаетъ въ его глазахъ не только побѣду низшихъ классовъ его племени, но и торжество чуждой расы, и вмѣстѣ съ этимъ, какъ это можно допустить, принимая во вниманіе характеръ и способности негровъ, очень осязательное движеніе назадъ культуры. То, что здѣсь является лишь въ формѣ гипотезы, дѣйствительно свершилось уже на островѣ Гаити, гдѣ негритянской элементъ вытѣснилъ всѣхъ другихъ своихъ соперниковъ и гдѣ теперь снова разыгрываются ордіи кровавыхъ суевѣрій. То же самое наблюдается и въ сердцѣ Африки. Однако эта побѣда негра должна быть приписана въ значительной степени тому, что климатъ и внутренніе раздоры уменьшили число европейскихъ поселенцевъ и вмѣстѣ съ этимъ культура, носителями которой они должны были быть, исчезла или же превратилась въ карикатуру. Въ средней и южной Америкѣ угнетенный индѣйскій народъ такимъ же точно образомъ стремится вынырнуть на поверхность, для того, чтобы свернуть страну съ пути европейскаго культурнаго развитія, на которомъ она находится.

Не могутъ ли эти примѣры бросить свѣтъ и на положеніе Европы? Теоретически нельзя отвѣчать отрицательно на этотъ вопросъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что европейскіе народы явились результатомъ интенсивной помѣси, которая поверхностнымъ образомъ замаскирована всеобщимъ распространеніемъ арійскихъ языковъ, но тѣмъ не менѣе въ достаточной степени доказывается физическими различіями. Можно, пожалуй, даже допустить, что не всѣ элементы этой помѣси обладаютъ одинаковою силою воли и ума, одинаковою способностью къ прогрессу и, слѣдовательно, одинаковою культурною дѣятельностью. Но если бы дѣйствительно оказалось, что извѣстные элементы европейской помѣси уменьшаются въ числѣ и вліяніи, то это бы, конечно, не могло оказаться безъ дѣйствія на культурную высоту народа. Противъ логичности такого заключенія возразить ничего нельзя, но провѣрить эти факты посредствомъ научнаго изслѣдованія не очень легко, такъ какъ пока еще научные методы изслѣдованія недостаточны, о сравнительной же статистикѣ

культуры въ широкомъ стилѣ, которая принимала бы въ расчетъ всѣ расовые признаки, до сихъ поръ еще нѣтъ и рѣчи. Извѣстное перемѣщеніе народныхъ элементовъ однако все-таки произошло, на что именно указываетъ тотъ фактъ, что во многихъ областяхъ длинноголовые (долихоцефалы) все болѣе уступаютъ мѣсто короткоголовымъ (брахиоцефаламъ), какъ это замѣчается напр. въ южной Германіи, у западныхъ славянъ и т. д. Такъ какъ настоящихъ арійцевъ не безъ основанія считаютъ долихоцефалами, которые затѣмъ смѣшались съ побѣжденными ими или отбѣсненными въ бесплодныхъ областяхъ брахиоцефалами, то такое преобладаніе въ настоящее время брахиоцефалическаго типа заставляетъ думать, что арійскіе завоеватели уступили теперь мѣсто болѣе древнимъ и по всей вѣроятности менѣе стоящимъ обитателямъ средневропейскихъ странъ. Съ этимъ преобладаніемъ брахиоцефалическаго типа, повидимому, соединено также и преобладаніе темной окраски волосъ и глазъ. Однако на основаніи этихъ явленій нельзя все-таки дѣлать окончательныхъ выводовъ, такъ какъ прежде надо рѣшить вопросъ, не можетъ ли съ теченіемъ времени измѣняться форма черепа безъ всякаго дѣйствія или вліянія помѣсей, хотя это и мало вѣроятно, и затѣмъ устранить другія побочныя проблемы, которыя затрудняютъ изслѣдованіе этихъ явленій.

Мысль, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы происходитъ ухищленіе расы, нигдѣ не была высказана такъ рано и такъ рѣшительно, какъ во Франціи. Два обстоятельства содѣйствовали появленію этихъ идей: во-первыхъ, развитіе антропологическихъ изслѣдованій, вполне отвѣчающихъ французскому гению и впервые примененныхъ именно во Франціи для сравнительнаго изученія расъ, и во-вторыхъ, угнетающая мысль, что французскій народъ приближается въ такому состоянію, когда цѣлью является сохраненіе существующаго и стремленіе въ покою и предоставленію другимъ работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плодовъ культурнаго прогресса. Въ особенности явственно указываетъ на такой отказъ отъ дальнѣйшаго развитія уменьшеніе дѣтороженій. Въ то время какъ въ сосѣднихъ государствахъ численность народонаселенія возрастаетъ, во Франціи она остается на одной высотѣ и, пожалуй, бы даже начала уменьшаться, если бы пробѣлы не пополнялись иммиграціей. Послѣдствія этого выражаются въ невозможности колонизовать новыя области и—что всего чувствительнѣе для французовъ—въ ихъ военной слабости противъ своихъ сосѣдей на востокѣ. Конечно, во Франціи нѣтъ теперь недостатка въ попыткахъ объяснить это опасное явленіе и, насколько возможно, устранить его.

Группа французскихъ антропологовъ, во главѣ которой находится Лапужъ, старается объяснить эту приостановку развитія упомянутыми выше перемѣщеніями расъ, побѣдою темныхъ брахиоцефаловъ

надъ свѣтловолосыми длинноголовыми арийцами, и хотя доказательства такого утверждения еще далеко неполны и вообще вряд ли возможно приписывать это явленіе одной единственной причинѣ, тѣмъ не менѣе взгляды французскихъ ученыхъ и ихъ методы, которые не безъ успѣха примѣнены были Отто Аммономъ въ южной Германіи, заслуживаютъ поднаго вниманія всѣхъ историковъ культуры. Причины отступленія свѣтловолосыхъ долихоцефаловъ Лапужъ видить въ дѣйственной энергіи расы, которая стояла во главѣ во всякой борьбѣ и такимъ путемъ источила себя постепенно. Свѣтловолосые элементы предпочитаютъ, кромѣ того, сосредоточиваться въ городахъ, гдѣ они находятъ болѣе обширное поле для своей дѣятельной силы и своихъ идей, но гдѣ они подвергаются въ то же время разрушительному дѣйствию городской жизни, тогда какъ короткоголовые спокойно воздѣлываютъ землю и, несмотря на малую склонность къ сильному размноженію, все-таки повсюду наступаютъ на мѣсто длинноголовыхъ.

Въ Англіи между тѣмъ одержали побѣду долихоцефалическіе элементы, влѣдствіе чего и произошло различіе между обѣими, нѣкогда чисто-кельтскими странами: «Борьба между длинноголовыми и короткоголовыми представляетъ не только ключъ къ исторіи Франціи, но и къ исторіи всей Европы и даже Индіи. Въ Англіи, гдѣ короткоголовые сильно размножились къ концу до-исторической эпохи, въ настоящее время они почти исчезли, тогда какъ во Франціи они въ концѣ концовъ одержали побѣду, и лишь весьма незначительный слой длинноголовыхъ, происходящихъ отъ первобытныхъ обитателей или иммигрантовъ съ сѣвера, простирается надъ громадною массою короткоголовыхъ. Развитие англійскаго могущества и приостановка въ развитіи Франціи зависятъ именно отъ этого». По мнѣнію Лапужа, побѣда короткоголовыхъ, которая ведетъ за собою остановку въ развитіи, въ сущности является лишь временнымъ торжествомъ: «Пока длинноголовые вели борьбу другъ съ другомъ на полѣ битвы, короткоголовые стали спокойно взирать, какъ они истребляютъ другъ друга. Но въ настоящее время борьба переносится уже на экономическую почву, и поэтому взглядъ на нее измѣняется. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать пораженіе короткоголовыхъ и постепенную замѣну ихъ свѣтловолосыми длинноголовыми. Мирное нашествіе бельгійцевъ или нѣмцевъ, которое будетъ вызвано увеличивающимся запустѣніемъ нашихъ округовъ, явится первымъ эпизодомъ въ этой борьбѣ».

Взгляды французскаго изслѣдователя оправдываются тѣмъ, что въ дѣйствительности въ среднія и южныя страны Европы много разъ въ прежнія времена иммигрировали сѣверные завоеватели, затерявшіеся потомъ среди первобытнаго населенія, пока не произошло новаго прибавленія. Распространеніе арийскаго языка по Европѣ

должно было бы служить явственнымъ доказательствомъ такого процесса въ до-историческія времена. Въ общемъ однако гипотеза Лапужа довольно слаба и бездоказательна. Съ такимъ суммарнымъ раздѣленіемъ европейскаго населенія на короткоголовыхъ и длинноголовыхъ не далеко уйдешь и, кромѣ того, нѣтъ также никакихъ доказательствъ, что короткоголовые являются дѣйствительно представителями застоя, а длинноголовые представителями прогресса. Нельзя примѣнить такой взглядъ ко всѣмъ народамъ земного шара, противъ чего говорить уже слабая склонность длинноголовыхъ негровъ къ настоящей культурной работѣ. Точно также и старѣйшіе длинноголовые обитатели Англіи не были носителями высшей культуры и не могутъ быть отождествляемы съ арийцами, между тѣмъ какъ именно короткоголовые принесли культуру прежняго бронзоваго вѣка въ западную Европу. Разумѣется, во взглядахъ Лапужа и его сотрудниковъ заложается зерно истины, но покаместъ его еще невозможно достать изъ окружающей его твердой скорлупы, и притомъ даже было бы преждевременно примѣнять такіе взгляды къ другимъ культурнымъ народамъ: египтянамъ, вавилонянамъ или китайцамъ. Относительно вавилонянъ, напр. извѣстно что именно первобытный слой народа, насадившій культуру въ Месопотаміи, состоялъ изъ короткоголовыхъ, такъ что въ данномъ случаѣ побѣда длинноголовыхъ элементовъ должна была бы только принести вредъ культурѣ. Тѣмъ не менѣе заслуга Лапужа заключается въ томъ, что онъ воспользовался для своихъ изслѣдованій культуры очень важными антропологическими данными, которыя указываютъ, что помѣси народовъ никогда все-таки не приводятъ къ полному уничтоженію различныхъ типовъ и что рядомъ съ смѣшанными формами снова появляются стойкіе первоначальные элементы, которые оказываются притомъ болѣе плодовитыми и болѣе крѣпкими, нежели помѣси, и съ теченіемъ времени даже скорѣе возрастаютъ, нежели уменьшаются въ числѣ.

Когда Лапужъ говоритъ, что лучшіе и наиболѣе энергичные слои народа всего больше подвергаются истощенію и истребленію, то съ нимъ нельзя не согласиться, не взирая даже на всѣ расовые вопросы. Въ новѣйшее время Испанія можетъ служить примѣромъ того, какъ народъ, влѣдствіе исчезновенія своихъ наиболее способныхъ элементовъ, терлетъ до нѣкоторой степени свои жизненные силы и отстаетъ. Открытіе Америки, заставившее всѣхъ предприимчивыхъ людей устремиться за океанъ, состоявшая война, результатомъ которыхъ является гибельный для страны подборъ, и наконецъ инвазія, истреблявшая наиболѣе энергичныхъ и умственно дѣятельныхъ людей, привели къ тому, что весь народъ до сихъ поръ страдаетъ истощеніемъ силъ и лишь не скоро, вѣроятно, въ состояніи будетъ вернуть свое прежнее значеніе, отвѣчающее его положенію

и богатству почвы. И раньше Испанія представляла уже однажды зрѣлище такого безсилія, но это было по другимъ причинамъ. Тогда ослабленная римская народность въ странѣ, совершенно отжившая свой вѣкъ, не имѣла, во времени переселенія народовъ, даже настолько силы, чтобы запереть Пиренейскіе проходы и не допустить германскія орды проникнуть въ страну. Населеніе или выказывало тупую покорность судьбѣ или же, забываясь въ вихрѣ наслажденій, предоставляло вещи своему теченію. Какъ видно, не всегда одинаковыя причины приводятъ къ упадку.

Обыкновенно, какъ это указываетъ судьба римской Испаніи, за внутреннимъ разложеніемъ слѣдуетъ уже полное разрушеніе, вызываемое условіями, дѣйствующими извнѣ. Народы, сохранившіе еще желаніе господствовать, однимъ ударомъ своего раздробляющаго кулака повергаютъ въ прахъ сгнившее зданіе культуры и на его развалинахъ создаютъ царство грубой силы. Отъ качества завоевателей зависитъ уже, поведетъ ли это событіе къ продолжительному застою культуры, или же къ ея обновленію. Тамъ, гдѣ нѣкогда хозяйничали гунны и монголы, это имѣло лишь преходящія политическіе результаты, тогда какъ германцамъ, завоевавшимъ южную Европу, слѣдуетъ приписать возрожденіе западной культуры, послѣ того какъ усталые народы римской имперіи усвоили себѣ болѣе здоровое пониманіе жизни. Стенные народы, являющіеся повсюду на границахъ своей области въ качествѣ завоевателей и основателей государствъ, приносятъ съ собою земледѣльцамъ, считающимъ склонность къ сильнымъ политическимъ раздробленіямъ, понятіе о большомъ и строго организованномъ государственномъ устройствѣ, въ рамкахъ котораго лучше можетъ развиваться культура, нежели въ маленькихъ обособленныхъ округахъ. Однако, если завоевательный ураганъ, сопровождаемый неизбежными потерями и разрушеніемъ, свирѣпствуетъ слишкомъ часто и вмѣсто дуга въ теченіе продолжительнаго времени царствуетъ сабля, то естественно, что за одной ступенью паденія слѣдуетъ другая, и тѣмъ болѣе культура находится въ зависимости отъ постоянной работы, какъ это мы видимъ въ западной Азій, нуждающейся въ искусственномъ орошеніи, тѣмъ неудержимѣе свершается печальная судьба. Именно въ западной Азій и на Балканскомъ полуостровѣ господство завоевателей турокъ не принесло почти никакой пользы культурѣ. Тамъ, гдѣ нѣкогда звучали безсмертныя строфы какого-нибудь Софокла, народъ теперь забавляется плоскими шутками турецкихъ комедіантовъ, что представляетъ, конечно, мелкій, но достаточно характерный фактъ, иллюстрирующій потери, понесенныя культурой страны.

Совсѣмъ другое явленіе наблюдается, когда представители какого-нибудь цивилизованнаго народа отправляются въ чужую страну и тамъ, вдали отъ своей родины, создаютъ себѣ новое отечество. Тутъ

каже происходитъ потеря культуры, такъ какъ первыя поколѣнія, по крайней мѣрѣ, никогда не стоятъ на высотѣ своихъ современниковъ тамъ, въ родной странѣ, и подчасъ потерянное очень трудно и почти невозможно бываетъ возстановить. Причины такого явленія легко объяснимы. Прежде всего, воздѣлываніе новой страны всегда требуетъ затраты всѣхъ существующихъ въ наличности силъ, такъ что для развитія и сохраненія умственнаго достоянія почти ничего не остается, и даже тамъ, гдѣ существуетъ самое сильное желаніе поддерживать тѣсную связь со своею старою родиной, дальность разстоянія въ высшей степени затрудняетъ и мѣшаетъ постояннымъ сношеніямъ и обмѣну приобретенныхъ знаній. Удивлялись тому, что такъ мало было получено въ Германіи доказательствъ энергичной умственной дѣятельности многочисленныхъ образованныхъ нѣмцевъ, удалившихся послѣ событій 1848 года въ преріи и лѣса Америки, но скорѣе можно было бы удивляться, еслибы было иначе. Даже населеніе Соединенныхъ Штатовъ, говорящее на англійскомъ языкѣ, не сразу начало принимать участіе въ высшей культурной работѣ, да и теперь еще оно отстало во многихъ областяхъ ананія и искусства.

Сцена изъ турецкой игры въ тѣни.

Такого рода временная потеря культуры не представляетъ особеннаго несчастья, такъ какъ зачастую она способствуетъ зарожденію скрытой силы и служитъ лишь преддверіемъ къ болѣе энергичному развитію. Но дѣло бываетъ плохо тогда, когда условія природы мѣшаютъ прогрессу, какъ это мы видимъ въ большинствѣ тропическихъ областей южной Америки. Испанскія и португальскія колоніи погибли вслѣдствіе такого упадка культуры, который касался не только вѣвшихъ признаковъ культурнаго достоянія, но совпадалъ также и съ упадкомъ силы воли и работоспособности. Что тутъ смѣшеніе съ индійскими первобытными обитателями страны только ускорило паденіе народа—объ этомъ было говорено уже раньше.

Во всѣхъ такихъ особенныхъ случаяхъ очень полезно бываетъ опредѣлить главныя причины всякаго движенія культуры народа, если оно вызывается внутренними условіями, тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ эти причины совпадаютъ съ тѣми, которыя продолжительнымъ образомъ препятствовали прогрессу дикихъ народовъ. Если какой-нибудь народъ настолько приспособился къ своей почвѣ и къ своему климату, что можетъ наслаждаться спокойнымъ существованіемъ, и если извнѣ не дѣйствуютъ на него какіе либо могу-

щественные двигатели и не совершается притока свежей крови, то всегда почти, въ силу необходимости, наступает застой, который въ концѣ-концовъ, подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ вліяній, переходитъ въ настоящее разрушеніе.

Постигнетъ-ли такая же участь народы Европы? Нельзя примѣнять къ будущему, безъ дальнихъ разсужденій, уроки проплаго она выставлять на видъ, какъ предостерегающій знакъ, паденіе Вавилона. Всѣ культурные народы страдали отъ рокового вліянія, начала навязанной, а затѣмъ уже добровольной изоляціи. Страны этихъ народовъ лежали словно острова среди бушующаго моря варварства которое все-таки прорвало, въ концѣ-концовъ, плотины и затопило острова. Европейцы же, наоборотъ, овладѣли землей, поверхность которой скоро не будетъ скрывать отъ нихъ никакой тайны и, благодаря своей громадной численности, заселили самыя отдаленныя мѣстности умѣренныхъ поясовъ и создали тамъ опорные пункты, своей культуры. Новая культурная жизнь, какъ это указываетъ исторія, можетъ исходить только изъ умѣренныхъ широтъ, въ различныхъ областяхъ которыхъ постоянно возникаютъ новыя и особенныя группы человѣчества. Остается только «желтая роса», сравниваемая съ европейцами какъ своею численностью, такъ и своею живучестью, которая можетъ вступить теперь съ ними въ соревнованіе, и поэтому возможно, что въ будущемъ восточные азіаты очутятся когда-нибудь временно во главѣ человѣчества и снова затѣмъ освободятся отъ Европы или ея колоній. Негры, наиболее стойкая раса среди тропическихъ дикихъ народовъ и защищенная климатомъ своей родины отъ европейской массовой иммиграціи, по всей вѣроятности сохранятся какъ третья раса среди жалкихъ остатковъ другихъ дикихъ народовъ, но, какъ истые тропическіе обитатели, они не могутъ имѣть значенія въ борьбѣ за прогрессъ культуры. Такимъ образомъ, въ будущемъ маятникъ культуры будетъ колебаться лишь между желтою и бѣлою расой до тѣхъ поръ, пока человѣчество на всемъ обитаемомъ пространствѣ не приспособится окончательно къ своей родной землѣ. Тогда-то наступитъ счастливое время, когда утопіи станутъ дѣйствительностью и когда человѣчеству уже нечего будетъ дѣлать и оно уже не будетъ нуждаться и не будетъ искать новыхъ возбуждителей, а останется спокойно стоять на мѣстѣ, чтобы хорошенько отдохнуть, — тогда-то начнутся, быть можетъ, настоящіе сумерки культуры.

II. Общество.

1. Начало общества.

Культура является результатомъ силъ, дѣйствующихъ въ рамкахъ человеческого общества и подвергающихся многочисленнымъ вліяніямъ извнѣ. Кто хочетъ понять культуру, тотъ долженъ стараться уразумѣть социальныя подраздѣленія человѣчества.

Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ сдѣланныя въ этомъ направленіи работы, общественныя проблемы, особенно тѣ изъ нихъ, которые касаются первыхъ ступеней развитія человѣчества, еще далеко не выяснены, при чемъ именно въ новѣйшее время взгляды на эти проблемы такъ рѣзко расходятся, что трудно притти къ какому-нибудь среднему выводу, примиряющему обѣ стороны, между тѣмъ какъ все-таки невозможно слѣпо присоединяться къ той или другой сторонѣ, высказывающей такіе противоположныя взгляды. Въ особенности затрудняетъ всякое изслѣдованіе безконечное количество фактовъ, допускающихъ самую разнообразную группировку, и затѣмъ невозможность распознать дѣйствительно-первобытную эпоху и ея условія, что могло бы помочь, конечно, изслѣдованію современныхъ культурныхъ народовъ, такъ какъ односторонность этого изслѣдованія всегда бываетъ опасна. Ко всему этому присоединяется еще неточность многихъ разсказовъ, вызываемая тѣмъ, что общественная организація многихъ низшихъ племенъ легко можетъ быть непонята наблюдателями. Тѣмъ не менѣе, благодаря дѣятельности многихъ изслѣдователей, удалось все же собрать большое количество матеріала и съ его помощью выяснитъ социальныя условія большинства дикихъ народовъ. Однако, даже эти факты не легко бываетъ изложить коротко и ясно; социологія (наука объ обществѣ), въ силу особенностей своего матеріала, превратилась отчасти въ сухія таблицы, которыя можно сравнить съ твердою скорлупой, скрывающей драгоценное ядро, и вслѣдствіе этого внушаетъ обыкновенному человѣку такой же свя-

пешный ужасъ, какъ и безконечно длинныя астрономическія таблицы или же сухой остовъ статистическихъ цифръ, метеорологическихъ наблюдений или химическихъ формулъ.

Какъ проста и ясна казалась прежде вся исторія развитія, когда можно было сравнивать съ европейскими обычаями только извѣстные восточные обычаи! Полигамическая семья, во главѣ которой стоялъ отецъ, патриархъ, облеченный неограниченною властью, разсматривалась какъ основа и начало всѣхъ позднѣйшихъ формъ, а чисто моногамическая, но также патриархальная европейская семья, гдѣ, однако, женщина пользовалась нѣсколько-большими правами, признавалась конечнымъ результатомъ развитія. Въ общемъ прогрессъ, какъ будто, стремился къ тому, чтобы повысить достоинство и вліяніе женщины и одновременно съ этимъ содѣйствовать развитію ея умственныхъ и нравственныхъ силъ. На ряду съ этимъ великимъ и несложнымъ ходомъ развитія, разные другіе странные обычаи, яродѣ давно уже сдѣлавшейся извѣстной полиандріи нѣкоторыхъ азиатскихъ народовъ, казались такими пустяжными уклоненіями, которыя врядъ ли заслуживали болѣе подробнаго изслѣдованія.

Первый Бахофенъ въ своемъ обширномъ трудѣ попробовалъ поколебать господствовавшія до тѣхъ поръ воззрѣнія, и ему въ самомъ дѣлѣ удалось открыть цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, хотя въ общемъ его попытки не увѣнчались особенно большимъ успѣхомъ, такъ какъ онъ опирался односторонне только на сообщенія классической древности. Мы обязаны Бахофену открытіемъ матриархата — семьи, основанной на материнскихъ правахъ, центромъ которой, по крайней мѣрѣ въ чисто родственномъ смыслѣ, служитъ не мужчина, а женщина, мать рожденныхъ отъ нея дѣтей. Дальнѣйшими изслѣдованіями эта новая область открытій, въ которую вступилъ также Морганъ, была значительно расширена и обогащена, при чемъ также и нравы и обычаи теперешнихъ дикихъ народовъ подверглись болѣе глубокому изученію, но тутъ произошло разногласіе въ мнѣніяхъ, которое и до сихъ поръ еще не сглазилось относительно многихъ важныхъ пунктовъ. Въ особенности жарыя споры возбуждаетъ и до сихъ поръ вопросъ о томъ, господствовала-ли на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія полная общность половъ въ отдѣльныхъ группахъ (безпорядочное половое обшеніе, гетеризмъ) или же все-таки бракъ, т. е. связь одного мужчины только съ одною женщиной, явился, хотя и въ самой примитивной формѣ, основою общества. Побочные вопросы всякаго рода, разрѣшеніе которыхъ, однако, часто бываетъ очень затруднительно, въ сильной степени усложняютъ эту задачу.

Вмѣсто того чтобы разбираться въ этой путаницѣ, полезнѣе будетъ изслѣдовать тѣ общія черты, которыя характеризуютъ образованіе всякаго человѣческаго общества, тѣ различія, благодаря которымъ даже самая первобытная орда не состоитъ изъ одной только

горсти совершенно одинаковыхъ, равноцѣнныхъ и равноправныхъ индивидуумовъ, но самою природой раздробляется на дальнѣйшія группы, и такимъ образомъ раздѣленіе труда является уже съ самаго начала неизбѣжнымъ условіемъ всякаго культурнаго прогресса. Весьма возможно, что и социальный строй человѣчества слѣдуетъ разсматривать какъ результатъ самыхъ первоначальныхъ различій или, по крайней мѣрѣ, дифференцированій въ этомъ направленіи.

Первое и самое важное различіе, раздѣляющее все человѣчество на двѣ огромныя, неодинаковыя, вслѣдствіе самой природы, группы, это — различіе половъ. Мужчина и женщина выполняютъ въ процесѣ размноженія различныя задачи, и въ этомъ отношеніи бремя, возложенное на нихъ, неодинаково. Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ выводовъ, отрицать которые могутъ только односторонніе мечтатели нашего времени.

Если какому нибудь индивиду предъявляются особенно-тяжелыя требованія въ одномъ опредѣленномъ направленіи, то онъ въ состояніи выполнить ихъ лишь въ томъ случаѣ, если ограничить свою дѣятельность, а также постепенно и свою производительность, въ другихъ направленіяхъ, при чемъ другіе индивиду должны будутъ взять на себя выполненіе задачъ, оставленныхъ имъ въ пренебреженіи. На этомъ принципѣ основывается весь законъ дифференцированія или раздѣленія труда. Въ то время какъ женщина — разумѣется не сознательно, а инстинктивно, — принимаетъ на себя громадную и неопредѣлимую по своему значенію задачу произведенія на свѣтъ и воспитанія дѣтей, то естественно, что на мужскую половину общества выпадаетъ цѣлый рядъ другихъ обязанностей, вытекающихъ изъ такого положенія вещей. Женщина физически слабѣе мужчины и временами совершенно не въ состояніи защищать себя; поэтому не только у людей, но и въ сообществахъ высшихъ животныхъ мужчина беретъ на себя защиту женщинъ и дѣтей, которыми онъ руководитъ и которыхъ онъ охраняетъ. Эта задача выпадаетъ на его долю еще и по другимъ причинамъ: преобладаніе половой жизни у женщины, — слѣдовательно, слѣбыхъ силъ, руководящихъ внутренними процессами, — въ силу необходимости приводитъ къ отсталости въ области чистаго разума и познанія, къ преобладанію чувственнаго міра надъ міромъ мысли, что, хотя и вполне отвѣчаетъ требованіямъ и задачамъ социальной внутренней жизни, тѣмъ не менѣе не можетъ быть желательнымъ явленіемъ во внѣшней борьбѣ за существованіе. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ эти отношенія измѣняются въ обратную сторону, а именно тогда, когда мужчины, пользуясь своимъ превосходствомъ, сваливаютъ на женщинъ весь продуктивный трудъ и сами, вслѣдствіе этого, вырождаются. Но то, что даже и при такихъ условіяхъ мужчины, большею частью, сохраняютъ въ своихъ рукахъ предводительство, доказываетъ, какъ

глубоко запечатлѣнъ въ характерѣ женщины столь необходимымъ для существованія человѣчества инстинктъ подчиненія. Иногда, а именно въ настоящую эпоху, особенныя обстоятельства могутъ вводить въ заблужденіе относительно дѣйствительныхъ фактовъ. Всегда бывали женоподобные мужчины, принадлежащіе къ своему полу только виѣшнимъ, а не внутреннимъ образомъ. У нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, напр. у даяковъ, мужчины, держащіе себя какъ женщины или носящіе женскую одежду, встрѣчаются довольно часто. Въ противоположность этому явленію, не можетъ быть недостатка также и въ женщинахъ, обладающихъ, въ большей или меньшей степени, мужскими инстинктами, разумъ которыхъ преобладаетъ надъ чувствами. Такія исключенія среди женщинъ могутъ, конечно, сдѣлать кое что для прогресса культуры; во всякомъ случаѣ, онѣ болѣе обращаютъ вниманія на себя, чѣмъ миллионы хозяекъ и матерей, не выступающихъ за предѣлы сферы женскихъ обязанностей; однако, если число такихъ исключительныхъ женщинъ увеличится, то можно ожидать скорого вымирания того народа, который будетъ несчастливенъ подобнымъ явленіемъ.

Естественныя отношенія половъ забываются тѣми, кто, на основаніи существованія такъ называемаго матриархата, выводитъ заключение о всеобщемъ господствѣ женщины, существовавшемъ прежде. Въ дѣйствительности мужчина, за исключеніемъ какихъ нибудь особенныхъ случаевъ, всегда былъ вождемъ семьи и другихъ группъ человѣчества. Онъ былъ представителемъ народа во виѣшнихъ отношеніяхъ, тогда какъ на долю женщины выпадали всѣ работы, относящіяся къ области

Женщина, размалывающая зерна. Египетская статуетка за 2800 л. до Р. X.

внутренней домашней жизни, и такъ какъ мужчина слишкомъ часто злоупотреблялъ своею властью, то онъ и сваливалъ на женщину порою непосильное бремя работы. Обряды, которыми сопровождается въ Новой Помераніи нареченіе имени новорожденнымъ, ясно указываютъ на это. Къ дѣвочкѣ обращаются обыкновенно съ такими словами: «Приготовляй посѣвы, рождай дѣтей, откусывай лану для нанизыванія на нее раковенныхъ денегъ, привози хлѣбъ, отправляйся на рынокъ». Мальчику же, наоборотъ, говорятъ: «Показывай чужеземцамъ свое презрѣніе. Дергай свою бороду и скрежещи зубами, украшай свою шею и носи съ собою свою

боевую палицу, даже когда ты пробираешься черезъ чашу; будь воинномъ!» Позднѣе мы еще укажемъ, какимъ образомъ отягощеніе женщины непослѣдней работой вызвано было, по крайней мѣрѣ отчасти, экономическимъ развитіемъ.

Контрастъ между женщиной и мужчиной составляетъ важнѣйшее и самое стойкое явленіе въ человѣческомъ обществѣ, но оно не было единственнымъ, обусловившимъ первоначальныя различія его членовъ. Рядомъ съ ними существовали различія въ возрастѣ отдѣльныхъ членовъ человѣческой группы, что, впрочемъ, не можетъ быть постояннымъ факторомъ, но такъ какъ перемены пути совершаются медленно, то различіе это можетъ въ каждый данный моментъ оказать свое вліяніе. Поэтому, несмотря на то, что индивиды вырастаютъ и старѣются, контрастъ между старыми и молодыми продолжаетъ существовать, и такимъ образомъ общество, въ цѣломъ, остается въ своемъ прежнемъ видѣ, несмотря на перемѣну индивидовъ. Рѣзкія классовыя различія, основанныя на возрастѣ, конечно невозможны, но всегда будутъ существовать все-таки группы маленькихъ дѣтей, вполне зависящихъ отъ своихъ родителей, подростающихъ юношей и тѣхъ, которые находятся въ расцвѣтѣ силъ, наконецъ, стариковъ, число которыхъ у дикихъ народовъ часто бываетъ очень ограничено либо вообще вслѣдствіе недолголѣтія дикарей, либо вслѣдствіе умышленнаго истребленія стариковъ и старухъ. Дѣленіе людей на классы по возрастамъ имѣло, однако, огромное вліяніе на первобытную систему родства и даже вообще на возникновеніе общества.

Независимо отъ возраста и пола существуютъ еще далѣе многочисленные различія, основанныя на физической силѣ и здоровьи, характерѣ и способностяхъ. Правда, эти различія не такъ рѣзко выступаютъ у дикихъ народовъ, какъ въ области высшей культуры, но все же они достаточно явственно вліяютъ на социальное положеніе отдѣльной личности. Почти вездѣ замѣчается стремленіе придать извѣстную прочность этимъ случайнымъ различіямъ, посредствомъ укрѣпленія власти и вліянія родителей на дѣтей даже тогда, когда это не оправдывается ихъ личными дарованіями. Еще въ большей степени это существуетъ на другихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, гдѣ, благодаря образованію собственности, первобытный коммунизмъ уже значительно ослабѣлъ. Богатство является средствомъ къ укрѣпленію могущества, и это средство гораздо легче передается по наслѣдству, нежели личное вліяніе, и обезпечиваетъ извѣстнымъ классамъ такія преимущества, которыхъ трудно было бы достигнуть другими путями. Замѣчательное статистическое изслѣдованіе о происхожденіи «великихъ людей» Франціи, опубликованное Оденомъ, указываетъ, по крайней мѣрѣ, что богато-одареннымъ представителямъ такихъ народныхъ классовъ, которые плохо обставлены въ

материальномъ отношеніи, рѣдко, да и то лишь при особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ, удается достигнуть успѣха въ соревнованіи съ сыновьями болѣе зажиточныхъ классовъ.

Если даже внутри такого общества, составъ котораго болѣе или менѣе однороденъ, возникаютъ сами собой подобныя разнообразныя дифференцированія, то эти контрасты должны выступать еще ярче тамъ, гдѣ одинъ народъ подчиняется другому послѣ войны и побѣды и гдѣ отдѣльные индивиды побѣжденнаго народа вступаютъ въ общественный организмъ, такъ что господствующій классъ возвышается надъ подчиненнымъ. Такого рода отношенія поддерживаются съ величайшимъ упорствомъ, являясь или въ формѣ рабства, крѣпостного состоянія, или, наконецъ, какъ это существуетъ въ Германіи къ востоку отъ Эльбы, въ формѣ преобладанія вліянія одного дворянскаго класса, который во всемъ остальномъ пользуется, однако, равными правами съ народомъ. Въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Индіи, отголоскомъ такихъ отношеній, существовавшихъ въ древности, является кастовое устройство.

Индійскія касты настоящаго времени устанавливаются еще и другими причинами, а именно тѣми различіями, которыя вызываються развитіемъ раздѣленія труда. Истинно - дикому народу всякій сколько либудь напряженный трудъ настолько противенъ, что только крайняя нужда можетъ принудить его къ этому. Отсюда, естественно, должно было возникнуть воззрѣніе, что каждый, кто работаетъ, долженъ быть презрѣннымъ нищимъ. Подобныя воззрѣнія встрѣчаются, однако, и среди культурныхъ народовъ, особенно въ южной Европѣ, гдѣ климатъ не вынуждаетъ человѣка къ интенсивной дѣятельности. Странное предвзѣтіе, что ручной трудъ позоритъ человѣка, а воздержаніе отъ такого труда облагораживаетъ, вызвало отвратительный обычай «благородныхъ людей», слѣды котораго можно замѣтить повсюду на землѣ, отращивать ногти на пальцахъ рукъ, для того, чтобы показать этимъ всему міру, что носящій такое украшеніе не занимается никакой грубою работой. Во многихъ мѣстахъ необыкновенная толщина, прибрѣтенная благодаря систематической дѣлн, также считалась признакомъ знатности, какъ это мы видимъ въ Полинезіи и у кафровъ южной Африки. Мы, впрочемъ, еще вернемся къ этому. Различныя профессіи тоже далеко не пользуются одинаковымъ почетомъ вездѣ, и всякая грязная и отвратительная работа презирается, именно потому, что ею обыкновенно занимаются люди низшаго разряда. Впрочемъ, причины различной оцѣнки труда очень разнообразны и часто носятъ совершенно случайный характеръ.

Естественныя и искусственныя различія вызвали бы, конечно, разложеніе общества, еслибы въ немъ не существовало закона взаимной симпатіи, благодаря которому равный присоединяется къ

равному и отдѣльныя социальныя группы тѣсно связываются другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ половая любовь скрѣпляетъ постоянныя отношенія обѣихъ главныхъ группъ человечества и привязанность между родителями, дѣтьми и родственниками, создавая такимъ образомъ очень смѣшанныя, но все же тѣсно связанныя между собою группы. Въ самомъ дѣлѣ, во взаимномъ влеченіи равныхъ—съ одной стороны, и въ половой и родственной любви—съ другой, мы имѣемъ двѣ главные причины, которыя привели къ образованію болѣе значительныхъ общественныхъ союзовъ, и спрашивается только, которая изъ этихъ причинъ дѣйствовала сильнѣе? Быть можетъ, поэтому, нельзя такъ, безъ всякихъ оговорокъ, присоединиться ко взгляду, усматривающему въ семьѣ,—какъ это встрѣчается, напр., у кочевыхъ народовъ—«зародышевую клѣтку» человеческого общества. Само собою разумѣется, что человечество немислимо безъ союза мужчины и женщины и безъ заботы о воспитаніи дѣтей до известнаго возраста. Но Эспинасъ справедливо замѣтилъ, что среди высшихъ животныхъ именно моногамія мѣшаетъ образованію болѣе многочисленныхъ группъ, такъ какъ ревность самца препятствуетъ всякому тѣсному единенію. Въ самомъ дѣлѣ, одного взгляда на современныя условія, даже у культурныхъ народовъ, достаточно, чтобы доказать, что замкнутая брачная жизнь, находящая удовлетвореніе въ своемъ тѣсномъ кругу, не содѣйствуетъ общественности, тогда какъ настоящія социальныя стремленія всего живаго проявляются между равными; молодежь стремится къ молодежи, мужчины собираются вмѣстѣ въ своихъ ядубахъ или въ своихъ ресторанахъ, профессиональные дѣятели образуютъ союзы и т. д., тогда какъ женщины, у которыхъ вообще половая жизнь преобладаетъ, обыкновенно выказываютъ мало склонности къ союзу съ себѣ подобными. Наблюденіе надъ дикими народами также подтверждаетъ это. У живущихъ разсѣяно народовъ врядъ ли существуетъ, кромѣ семьи, другая связь. О бушменахъ Лихтенштейнъ говоритъ: «Отдѣльныя, маленькія племена бушменовъ всегда образованы одною семьей; половая любовь, инстинктивная любовь къ дѣтямъ или привычная привязанность между родственниками, составляютъ единственныя узы, связывающія вмѣстѣ отдѣльныхъ членовъ племени». Семьи могутъ, конечно, такимъ путемъ достигнуть огромной численности, но высшіе социальные союзы все-таки не возникаютъ подобнымъ способомъ.

Однако, о семьѣ, какъ о началѣ развитія, давно уже не говорится. На основаніи многочисленныхъ слѣдовъ, которые, быть можетъ, слишкомъ поспѣшно готовы были считать пережитками древнѣйшихъ періодовъ, думали вывести заключеніе о такомъ періодѣ человеческого общества, для котораго, казалось, самымъ подходящимъ названіемъ было бы: «Geschlechtsgenossenschaft»

(половое товарищество); согласно этому взгляду, первоначальная группа должна была состоять изъ некотораго числа кровныхъ родственниковъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, половыя отношенія которыхъ не были достаточно урегулированы, если только вообще не существовала между ними, какъ это допускаютъ крайнѣе представители упомянутаго воззрѣнія, полная разнузданность половыхъ отношеній. При такихъ условіяхъ, поворожденный ребенокъ, естественно, могъ находиться въ тѣсномъ родствѣ только съ матерью, а объ отцѣ, съ точки зрѣнія непосредственнаго родства, не могло быть и рѣчи. Защитникомъ матери и ребенка не могъ быть отецъ, личность котораго обыкновенно не могла быть съ точностью установлена, и таковымъ являлся братъ матери. Когда же, вслѣдствіе увеличенія численности малаго полового сообщества, возникали новыя дифференцированія, группы лишь, болѣе тѣсно связанныхъ между собой, то матери явились естественнымъ центромъ такихъ группъ, которыя составляли въ племени отдѣльныя патриархальныя семьи. Бракъ, въ нашемъ смыслѣ этого слова, могъ образоваться лишь постепенно; мужья и отцы заняли мѣсто братьевъ матери, и патриархальная семья явилась конечнымъ результатомъ развитія, какъ при условіяхъ моногаміи, такъ и полигаміи.

Казалось одно время, что эта теорія «полового сообщества въ первобытныя времена» будетъ принята всѣми; однако, недавно критика Вестермарка пошатнула это зданіе и, хотя ничего положительнаго не представила на мѣсто отвергнутаго ею, но тѣмъ не менѣе разрушила мечту Моргана объ одинаковомъ, въ главныхъ своихъ чертахъ, развитіи человѣческаго общества. Послѣ Вестермарка явилась интересная попытка Эрнста Гросса найти доказательства тѣсной связи между общественными формами и хозяйствомъ, что, однако, не удалось ему. Въ данномъ случаѣ одно одностороннее воззрѣніе стремится всегда замѣнить другое, между тѣмъ какъ истина, по всей вѣроятности, находится гдѣ-нибудь посрединѣ.

Гроссу, безъ сомнѣнія, надо поставить въ заслугу, что онъ рѣшительно высказался противъ того, что необходимымъ условіемъ образованія высшихъ общественныхъ формъ были отношенія половъ. Мы уже указали на то, что половыя отношенія хотя и являются неизбѣжнымъ условіемъ соціальной жизни, но врядъ ли могутъ разсматриваться какъ причина ея дальнѣйшаго развитія. Тутъ дѣйствовали такія же причины, какъ и въ сообществахъ животныхъ и у народовъ съ высшею культурой: взаимная симпатія мужчинъ, прежде всего мужчинъ одинаковаго возраста, которая и способствовала образованію болѣе обширныхъ группъ и ихъ тѣсной взаимной соціальной связи. Развѣ у дикихъ народовъ не могло существовать ничто подобное? Станнымъ образомъ до сихъ поръ

не было обращено достаточнаго вниманія на тѣ явленія, которыя подтверждаютъ это. Между тѣмъ первобытное общество тогда только можетъ быть понято — если вообще въ данномъ случаѣ можно говорить о пониманіи — когда будетъ обращено вниманіе на образованіе тѣсныхъ союзовъ между мужчинами и вообще людьми одного возраста одновременно съ системою родственныхъ союзовъ и скрещивающихся, такимъ образомъ, группъ.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти скрещиванія трудно уяснить себѣ, не будучи достаточно знакомымъ съ матриархальной тотемистической семьей. Въ виду этого необходимо сначала изслѣдовать эту высшую форму развитія и затѣмъ уже, отступая назадъ, постараться распутать ту сложную путаницу, которая мѣшаетъ изслѣдованію именно первобытныхъ народовъ. Такъ какъ тотемизмъ всего рѣзче выраженъ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, то мы воспользуемся тѣми классическими примѣрами, которые впервые были изучены Морганомъ, и если ихъ происхожденіе не всегда удается опредѣлить, то, во всякомъ случаѣ, сущность ихъ уже достаточно выяснена.

Народъ прокезовъ, изученный Морганомъ лучше всего, распадался на нѣсколько племенъ, между которыми существовала нѣкоторая связь въ политическомъ отношеніи, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они представляли совершенно самостоятельныя общественныя группы. Племена не состояли, однако, только изъ семействъ, но представляли болѣе обширныя группы, связанныя между собою кровными родственными узами, организоваванныя матриархальнымъ образомъ, при чемъ эти узы кровнаго родства становились еще тѣснѣе, благодаря бракамъ, въ которые вступали члены этихъ группъ. Морганъ называетъ такую группу «Gens» — родъ, т. е. присваиваетъ ей то названіе, которое существовало для такихъ же формъ организаціи у древнихъ римлянъ. «Gens» отвѣчаетъ шотландскому клану, греческому «Геносъ», нѣмецкой «Jippe» (родня) и т. д. Однимъ словомъ, это такое явленіе, которое встрѣчается по всей землѣ и у большинства народовъ существуетъ еще и теперь болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ, тогда какъ у современныхъ культурныхъ народовъ Европы оно уже успѣло совершенно исчезнуть и поэтому то такъ поражаетъ насъ, когда мы наталкиваемся на это явленіе у другихъ народовъ.

Особенности «Gens» (рода) заключаются въ тѣсно связанныхъ съ этимъ учрежденіемъ брачныхъ обрядахъ и брачныхъ запре-

Перуанская глиняная посуда. — Сона, по всей вѣроятности тотемистическій символъ.

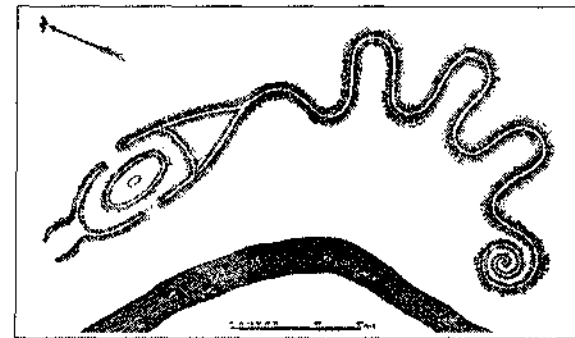
щеняхъ. Возьмемъ самый простой случай. Племя состоитъ изъ двухъ родовъ (Gens), которые мы назовемъ: А и В. Мужчина изъ рода А ни въ какомъ случаѣ не можетъ брать въ жены женщину изъ своего же собственнаго рода и долженъ непременно выбирать дѣвушку изъ рода В, и наоборотъ. Всякое нарушение этого правила рассматривается уже какъ кровосмѣшеніе и наказуется еще строже, нежели нарушение супружеской вѣрности. Такимъ образомъ, отдѣльныя группы родственниковъ постоянно смѣшиваются путемъ кровныхъ союзовъ, и между ними образуется тѣсная неразрывная связь, хотя въ извѣстномъ смыслѣ эти группы очень рѣзко раздѣлены.

Второю особенностью такихъ группъ является ихъ матриархальная организація. Дѣти въ бракѣ остаются въ родѣ матери, а не отца, и родство считается по материнской линіи. Точно также, согласно чисто матриархальному обычаю, ближайшимъ мужскимъ родственникомъ и покровителемъ дѣтей является не отецъ, а дядя съ материнской стороны; если же такового нѣтъ, то кто-нибудь другой изъ мужчинъ, входящихъ въ составъ рода. Такимъ образомъ, если мужчина изъ рода А женится на дѣвушкѣ изъ рода В, то дѣти отъ этого брака принадлежатъ роду В, разрастающемуся, слѣдовательно, черезъ матерей, дѣти которыхъ становятся его членами, тогда какъ отцы ихъ не выходятъ изъ своего рода. Но мало-по-малу индивидуальная семья преодолила вліяніе могущественнаго рода, хотя въ самомъ началѣ, конечно, она не имѣла ни большого значенія, ни правъ въ предѣлахъ своей родственной группы. Насколько тѣсна связь между дѣтьми и ихъ дядей съ материнской стороны, настолько она слаба между дѣтьми и ихъ отцомъ. У матриархально организованныхъ племенъ легко можетъ случиться, что во время враждебнаго столкновенія двухъ родовъ сынъ будетъ сражаться противъ собственнаго отца, между тѣмъ какъ никогда не бываетъ, чтобы члены одного рода поднимали оружіе другъ противъ друга.

Большая часть общественной жизни совершается внутри такихъ родовъ. У ирокезовъ каждый родъ имѣлъ право выбирать своихъ предводителей для мирнаго и военнаго времени, смѣщать ихъ, расходовать имущество умершихъ членовъ, вступаться за свои интересы, совершать кровавую мѣсть, нарекать имена своимъ членамъ, принимать въ свою среду иностранцевъ и въ особенныхъ собраніяхъ обсуждать всѣ дѣла, касающіяся общины. Мѣстомъ погребенія была община для всѣхъ членовъ рода. Но въ особенности въ учрежденіи обычая кровавой мѣсти, слѣды котораго можно найти вездѣ, всего яснѣе выступаетъ тѣсная связь, существовавшая между членами одного и того же рода, при чемъ также можно наблюдать, какъ исчезаютъ въ массѣ отдѣльныя личности. Если бываетъ убитъ кто нибудь изъ членовъ группы, то группа убійцы должна заплатить за это кровью котораго-нибудь изъ входящихъ въ ея составъ мужчинъ, при

чемъ все равно, постигнетъ ли кровавое мщеніе самого убійцу или кого-нибудь изъ его сочленовъ. Послѣ превращенія матриархальныхъ родовъ въ патриархальныя семьи обычай кровавой мѣсти все-таки сохранился и мѣстами еще и теперь остается даже въ Европѣ, но возникъ онъ первоначально въ матриархальной группѣ.

Такия группы родственниковъ представляютъ еще одну особенность, которая съ удивительнымъ постоянствомъ повторяется вездѣ и составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ проблемъ сравнительнаго изученія народовъ: каждая группа имѣетъ свой особенный знакъ, гербъ или символъ, свой *тотемъ*, какъ называютъ его ирокезы. Обыкновенно такимъ тотемомъ бываетъ животное, иногда

Плать, въ видѣ змѣи; кургана тотемистическій символъ.

растеніе, рѣже какое нибудь явленіе природы, созвѣздіе и т. п. или же какое нибудь орудіе или оружіе. Кажется, что тотемы, происходящіе отъ животныхъ, встрѣчаются не только чаще всего, но и имѣютъ самое древнее происхожденіе. тогда какъ другіе тотемы произошли, вѣроятно, уже при дѣленіи первоначальныхъ, болѣе древнихъ группъ.

Наблюденіе подтверждаетъ, что вездѣ, въ условіяхъ первобытнаго существованія, животное, служащее тотемомъ какому нибудь роду, находилось въ какой то таинственной связи съ нимъ и члены его никогда не охотились за такимъ животнымъ и не ѣли его, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ животное это становилось даже священнымъ и ему воздавались особенныя почести. О перуанскихъ индѣйцахъ сообщается, что члены рода ягуара, завидѣвъ животное, которое находилось у нихъ въ гербѣ, спокойно оставались на мѣстѣ и безъ всякаго сопротивленія допускали звѣря растерзать себя, вмѣсто того, чтобы защищаться отъ его нападенія или спастись бѣгствомъ. При болѣе близкомъ изслѣдованіи такое странное поведеніе членовъ группы ягуара легко разъясняется:

звѣрь, служащій тотемомъ—ближайшій родственникъ рода. Волчій родъ, напр., происходитъ отъ волка и члены его послѣ смерти бродятъ подъ видомъ волковъ. Такимъ образомъ, тотемизмъ соединяется съ почитаніемъ предковъ и приобретаетъ непреодолимую власть надъ мыслями и поступками членовъ рода. Большая часть культа животныхъ имѣетъ свое начало именно въ такихъ тотемизмахъ.

Звѣриный фетишъ племени Цуни (Сѣв. Амер.).

стическихъ представленійхъ. Египтяне, напр., первоначально распались на множество тотемистическихъ родовъ, культъ которыхъ слился съ солнечнымъ культомъ и поклоненіемъ разнымъ животнымъ божествамъ, а также выразился въ балъзамированіи труповъ животныхъ, напр., кошекъ, крокодиловъ и т. д. Связность первобытныхъ народовъ изображать животныхъ въ своихъ орнаментахъ или при татуировкѣ тѣла также должна быть отнесена въ значительной степени на счетъ тотемистическихъ воззрѣній.

Ради простоты формы примемъ, что племя состоитъ изъ двухъ родовъ. Вѣроятно, такъ и было первоначально, но среди народовъ, тотемистическія раздѣленія которыхъ мы ближе изучили, лишь очень немногіе сохранили эту простѣйшую форму, и большею частью племя уже составляется изъ многихъ родовъ, какъ это указываютъ слѣдующіе примѣры: прокесское племя Сенека имѣла тотемами: медвѣдя, волка, бобра, черепаху, оленя, бекаса, цаплю, сокола. Племя Тускарара также распалось на роды: медвѣдя, бобра, большой черепахи, угря, сѣраго волка, желтаго волка, маленькой черепахи и бекаса. У Иова встрѣчаются роды, орла, голубя, волка, медвѣдя, бобра, буйвола, змѣи, и члены этихъ родовъ отличались другъ отъ друга своимъ головнымъ уборомъ. У индѣйцевъ Оттава находимъ тотемы: зайца, карпъ и медвѣдь, у Кадо—волкъ, пантера, медвѣдь, буйволъ, бобръ и воронъ. У сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчается тотемъ не изъ животнаго царства, и тотемистическая организація производитъ впечатлѣніе древности и строгаго порядка, между тѣмъ какъ въ средней и южной Америкѣ число тотемовъ гораздо больше и они очень разнообразны. У Моки и другихъ индѣйцевъ Пуэбло находимъ рядомъ съ такими тотемами, какъ лягушка, попугай, медвѣдь, гремучая змѣя и бабочка, такіе, какъ рожъ и солнце. У Ароваковъ, у которыхъ изслѣдовано 47

группъ, находятся среди тотемовъ олень, дерево урали, черная обезьяна, дерево хіама, птица реполовъ, черепаха, крыса, пчела, пересмѣшникъ и т. п.; нѣкоторые роды именуются, повидимому, по мѣсту своего жительства или происхожденія, названія же другихъ указываютъ на ихъ кровное родство съ сосѣдними племенами. У Юрисовъ Мартусъ нашелъ такіе роды, которые своя заимствовали отъ растений, какао, тростниковой пальмы, вѣтра и даже отъ того куска дерева, который они проодѣвали въ губу.

Тотемизмъ, пожалуй, всего лучше и всего явственнѣе сохранился

Татуированные мужчина и женщина изъ племени Гаида (Сѣв. Амер.).

въ Америкѣ, но онъ отнюдь не ограничивается только этою областью. Далѣе мы будемъ говорить объ очень интересныхъ формахъ тотемизма, встрѣчающихся у австралийскихъ негровъ. Первобытные обитатели Индіи, нѣкоторые негритянскія племена южной Африки также придерживаются еще тотемистическихъ воззрѣній, и слѣды этихъ воззрѣній можно замѣтить и въ другихъ мѣстахъ. По всей вѣроятности, и многочисленныя нѣмецкія фамиліи, происходящія отъ названій звѣрей, также должны быть отнесены на счетъ тотемизма.

Но какъ возникли тотемистическія группы со своею матриархальною организаціей и своими брачными законами? Что предше-

ствовало имъ? Произошли ли онѣ изъ группъ кровныхъ родственниковъ такого первоначального сообщества, гдѣ царствовала свободная любовь, какъ это утверждаетъ Морганъ и его сторонники, или же онѣ образовались изъ союза отдѣльныхъ семействъ, какъ это утверждаютъ противники Моргана. Или же ихъ происхождение возможно объяснить какимъ-нибудь другимъ путемъ?

Прежде всего надо рѣшить вопросъ: существовало-ли первоначально значительное число родственныхъ группъ, которыя потомъ постепенно распались на меньшія группы, или же, наоборотъ, небольшое число первоначально-существовавшихъ родовъ подверглось новымъ подраздѣлениямъ, изъ которыхъ образовались потомъ самостоятельныя группы. Во многихъ случаяхъ нельзя вполне определенно отвѣтить на этотъ вопросъ, но повсюду, гдѣ только можно установить процессъ развитія, констатируется распадѣніе большихъ группъ на меньшія, такъ что надо предположить, что такой процессъ составляетъ правило. Тлинкиты въ сѣверной Америкѣ распадаются на два главныхъ рода: медвѣдя и вороны, которые, въ свою очередь, распадаются на подгруппы, при чемъ отрядъ волка раздѣляется на группы: волка, медвѣдя, орла, кита и тупика, а вороны — на группы лягушки, гуся, тюленя, филина и лосося. У Ирокезовъ также встрѣчаются большія группы, которыя Морганъ называетъ «фратріями», присваивая имъ названіе. Данное такимъ группамъ въ Греціи. Вышеупомянутыя тотемистическія группы Сенека распались на двѣ фратріи: при чемъ къ первой причислялись группы медвѣдя, волка, бобра и черепахи, а ко второй — оленя, бекаса, павли и сокола. У каюга первая фратрія состояла изъ родовъ медвѣдя, волка, черепахи, бекаса, угря, а вторая — оленя, бобра и сокола. Такое различіе, наблюдаемое у двухъ племенъ, находящихся въ близкомъ родствѣ другъ съ другомъ, достойно вниманія, но все же оно не можетъ поколебать мнѣнія, что фратріи представляютъ первичную, а роды вторичную форму родственной группировки. Противъ такого взгляда раздѣляемаго Морганомъ, Колеромъ и др., нельзя повидимому представить никакого серьезнаго возраженія, наблюденіе же условій, существующихъ въ другихъ странахъ, въ Австраліи и Меланезіи, напр., даже подтверждаетъ это воззрѣніе. На Банковскихъ островахъ и отчасти на Новогбридскомъ архипелагѣ все населеніе, — разумѣется, помимо политическихъ условій, — распадается на двѣ большія группы (Veve), у которыхъ нѣтъ общаго тотема, но который, тѣмъ не менѣе, мѣстами раздѣляются на маленькія тотемистическія группы. «Veve» означаетъ «раздѣленіе», и члены одной главной группы говорятъ о членахъ другой, какъ о людяхъ, живущихъ «по ту сторону дома». Въ Австраліи фратріи находятся совершенно въ такомъ же отношеніи къ этимъ группамъ, какъ и у Ирокезовъ, и изъ сложныхъ законовъ родства можно за-

ключать съ большою или меньшею достовѣрностью, что фратріи дали начало тотемистическимъ группамъ родственниковъ. Такимъ образомъ многочисленные роды, подраздѣленія которыхъ напоминаютъ наши семьи, оказываются болѣе поздняго происхожденія, нежели матриархальныя группы, и слѣдовательно, сложныя условія должны были появиться позднѣе простыхъ. Однако, этимъ не рѣшается все таки вопросъ, произошли ли эти простые формы изъ распадѣнія первоначальныхъ ордъ кровныхъ родственниковъ или нѣтъ.

При разсмотрѣніи примитивныхъ отношеній между полами невольно возникаетъ новый вопросъ, требующій, во всякомъ случаѣ, внимательнаго обсужденія: какимъ образомъ могъ возникнуть взглядъ, что близкое родство служитъ препятствіемъ къ браку? Какъ бы высоко мы ни ставили силу обычая, вынуждавшаго строго соблюдать странныя правила, касающіяся запрещенія браковъ, но тутъ должны были дѣйствовать еще и другія причины, кромѣ инстинкта подражанія, и, конечно, страхъ передъ божескимъ и человѣческимъ наказаніемъ. Но во всякомъ случаѣ, первымъ толчкомъ къ возникновенію такихъ законовъ должна была служить какая-нибудь важная причина, одинаково сильно дѣйствовавшая вездѣ.

Въ общемъ, всѣ попытки выясненія этого факта приводятъ къ заключенію, что брачныя союзы одной породы вредятъ потомству, тогда какъ помѣсь крови полезна для него, если только въ этой помѣси не участвуютъ слишкомъ различныя расы. Въ недавнее время снова пытались опровергнуть этотъ фактъ, хорошо извѣстный всякому скотоводу и основывающійся на физиологическихъ законахъ, но это доказываетъ лишь чрезмѣрное стремленіе къ критицизму. Нельзя, однако, отрицать, что человѣчество, избѣгая браковъ между близкими родственниками, находится на вѣрномъ пути, за исключеніемъ, разумѣется, случаевъ чрезчуръ односторонняго, дѣтскаго педантизма. Вопросъ заключается въ томъ, были ли брачныя законы результатомъ наблюденія, какъ это утверждаетъ Морганъ, или, какъ думаетъ Вестермаркъ, въ основаніе ихъ заложенъ первобытный инстинктъ, благодаря которому между дѣтьми, воспитанными вмѣстѣ, обыкновенно не возникаетъ половая любовь. Возможно также, что обычай похищенія жень вызвалъ развитіе склонности именно къ чужимъ женщинамъ, которая и превратилась впоследствии въ полезный для рода прибрѣтенный инстинктъ, какъ это думаетъ Спенсеръ. Быть можетъ, тутъ надо принять во вниманіе и общее культурное явленіе, выражающееся въ подавленіи животныхъ инстинктовъ, въ особенности же полового инстинкта, которое и должно было содѣйствовать воздержанію отъ полового общенія между постоянно живущими вмѣстѣ людьми, связанными узами кровнаго родства. Въ настоящее время уклоненіе отъ полового общенія между близкими родственниками имѣетъ силу вторичнаго инстинкта, хотя

порою и наблюдаются въ этомъ отношеніи отвратительныя исключенія.

Вестермаркъ правъ, говоря, что тѣсное сожителство, пробуждая симпатіи между равными, заглушаетъ половыя побужденія. Въ тотемистическомъ обществѣ дѣти, вырастающія въ одномъ какомъ нибудь классѣ, считаются братьями и сестрами и даже часто такъ и называются, и поэтому они не могутъ вступать въ бракъ другъ съ другомъ, тогда какъ дѣти разныхъ классовъ могутъ, хотя бы ихъ связывали гораздо болѣе тѣсныя узы родства. Во всякомъ случаѣ и здѣсь, повидимому, избѣгается самое тѣсное кровное родство, по крайней мѣрѣ въ Меланезіи. Кадрингтонъ говоритъ объ обитателяхъ Банковскихъ острововъ: «Ясно, что строго проведенный законъ экзогаміи допускаетъ бракъ очень близкихъ родственниковъ, такъ какъ мужчина не принадлежитъ къ линіи родства своихъ дѣтей или дѣтей своего брата. Но хотя прежде всего строго запрещаются браки между «согоями», т. е. членами одной и той же группы «Veve», и потомство всегда считается отъ матери, — кровное родство съ отцомъ и его ближайшими родственниками также принимается во вниманіе и поэтому между близкими кровными родственниками, хотя бы они и не были «согоями» и могли по закону вступать между собою въ брачныя союзы, эти послѣдніе заключаются весьма неохотно. У Мота напр., сестры и братья считаются слишкомъ близкими родственниками и не могутъ поэтому вступать въ бракъ... Если они это дѣлаютъ, то про нихъ говорятъ, что они «поступаютъ дурно». Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что матриархальныя брачныя законы вызваны были желаніемъ воспрепятствовать бракамъ между близкими родственниками, но что законы эти получали одностороннее развитіе, и такъ какъ отцовское родство также приходилось принимать во вниманіе, то становится понятнымъ, что у всѣхъ высшихъ культурныхъ народовъ матриархальное общество должно было въ концѣ-концовъ перейти безъ особенныхъ потрясеній въ патриархальное, хотя это послѣднее и рѣзко отличается отъ перваго.

Если матриархальная или тотемистическая группировка основывается на рѣзко выраженномъ отвращеніи къ кровосмѣшенію, то предположеніе, что группировка эта возникла изъ гетеризма, не выдерживаетъ критики. Какъ могло случиться, что инстинктъ, совершенно неизвѣстный въ «первобытной» семьѣ, могъ впоследствии сдѣлаться причиною разобщенія, гораздо рѣче раздѣляющаго первоначальную орду на различныя группы, нежели естественныя различія? Однако, примѣры, собранные Либбокомъ и въ особенности Липпертомъ и считающіеся пережитками первоначальныхъ условій, указываютъ, повидимому, на первоначальную общность половъ, существовавшую въ первобытныхъ общественныхъ группахъ, на свободную любовь,

не признававшую никакихъ ограниченій и повиновавшуюся только личному влеченію. Въ древнія времена, судя по многочисленнымъ сообщеніямъ, часто наблюдались условія, близко граничащія съ безпорядочнымъ половымъ общеніемъ. Свободная любовь до брака наблюдается и теперь еще у многихъ дикихъ народовъ, и многочисленные обычаи указываютъ, повидимому, что мужчины племени пользуются известными правами на всякую женщину, по крайней мѣрѣ до ея замужества, во время же свадьбы невѣста, въ действительности или же только символически, отдается свадебнымъ гостямъ, вождю, жрецу и т. д. (jus primaе noctis). Эти многочисленные примѣры были причислены къ остаткамъ прежней общности женщинъ и на нихъ то основывается идея гетерической первобытной семьи. Но хотя и можно найти основательныя возраженія противъ такого взгляда, тѣмъ не менѣе надо все-таки считаться съ фактами и весьма искусственно устранять ихъ.

Но этого даже и не требуется. Разсмотримъ ближе эти такъ называемыя остатки общности половъ и тогда мы увидимъ, что тутъ сваливается въ одну кучу весьма неодинаковый матеріалъ, который требуетъ тщательнаго пересмотра, прежде чѣмъ могутъ быть допущены какіе либо болѣе или менѣе смѣлые выводы, основывающіеся на этомъ матеріалѣ. Тамъ, гдѣ существуетъ въ патриархальныхъ общественныхъ группахъ свободная любовь до брака, она представляетъ не что иное, какъ пережитокъ матриархальнаго времени, исчезающій по мѣрѣ хода развитія и оставляющій послѣ себя послѣдній слѣдъ въ видѣ особенно циничныхъ свадебныхъ обычаевъ. Кстати замѣтимъ, что свободное половое общеніе до брака встрѣчается еще довольно часто у большинства европейскихъ культурныхъ народовъ, по крайней мѣрѣ среди сельскаго населенія (Probenächte, Fensterln и т. д.). Въ матриархальномъ же обществѣ и эта свободная любовь подчиняется такимъ же законамъ и запрещеніямъ, какъ и бракъ; молодые люди одной и той же родовой группы не вступаютъ между собою въ сношенія, которыя считаются дозволенными только между членами разныхъ группъ, такъ что и въ этомъ случаѣ избѣгается кровосмѣшеніе. Тутъ нѣтъ, слѣдовательно, переходнаго мостика отъ эндогаміи къ экзогаміи, и можно поэтому заключить, что тотемистическое матриархальное общество развилось не непосредственно изъ эндогамическаго «полового товарищества первобытныхъ временъ», а ему должны были предшествовать простѣйшія организационныя формы. Но такимъ путемъ мы снова возвращаемся къ исходной точкѣ нашихъ разсужденій, что «первоначальной ступеню къ матриархальной группировкѣ должна была служить никакъ не лишенная всякой организационной орады, а образованіе обществъ мужской молодежи, основывающихся тоже не на половой любви, а на симпатіи себѣ подобныхъ и возникающее отсюда дѣленіе первоначальной орады на классы по возрастамъ.

По крайней мѣрѣ въ одной части свѣта, въ Австраліи, это явленіе уже доказано, хотя изъ него еще и не сдѣлано никакихъ дальнѣйшихъ заключеній. По тогѣ, кто занимается изслѣдованіемъ организаціи родства у австралійскихъ негровъ, непременно бываетъ удивленъ необыкновенно-сложнымъ устройствомъ этихъ некультурныхъ группъ человечества, изумительною и вначалѣ даже непонятною системою, регулирующей ихъ брачную жизнь, въ сравненіи съ которой возрѣнія на родство и его обозначенія у культурныхъ народовъ кажутся необычайно простыми. Морганъ уже указывалъ на то, что путаница поэтому такъ велика, что тутъ сталкиваются двѣ системы, тотемистическая и дѣленіе на классы по возрастамъ, при чемъ ни та, ни другая система еще не одержала окончательной побѣды; вторая же система болѣе старая и болѣе первобытная, чѣмъ первая. Въ послѣднее время изслѣдованія Кунова нѣсколько разъяснили этотъ вопросъ.

Такъ какъ условія племени Камиларои изучены лучше другихъ, то его организація, о чемъ упоминаетъ также и Морганъ, можетъ выяснитъ нѣкоторые странные факты, которые еще теперь наблюдаются у многихъ, хотя и не у всѣхъ, племенъ австралійскихъ негровъ. Прежде всего племя распадается на отдѣльныя орды, среди которыхъ можно найти представителей всѣхъ тотемистическихъ родовъ и классовъ по возрастамъ, которые, впрочемъ, для системы родства не имѣютъ дальнѣйшаго значенія. Въ матриархальномъ отношеніи Камиларои распадаются на двѣ большія фратріи, изъ которыхъ каждая, какъ у Ирокозовъ, состоитъ изъ родовъ, носящихъ имена звѣрей, и представляетъ слѣдующую схему:

I Фратрія (Dilbi)	{	1) Duli (Легуанъ-Ящерица) 2) Murriira (Радумелон) 3) Mute (Опоссумъ)
II Фратрія (Kurathin)	{	4) Dinoun (Эму) 5) Bilba (Вандикут) 6) Nurai (Черная змѣя)

Вытекающіе изъ такого подраздѣленія брачные законы устанавливаются на основаніи фратрій, т. е. принадлежащіе къ одной фратріи, хотя бы они и принадлежали къ разнымъ родамъ, не могутъ все-таки вступать въ бракъ между собой, а только съ лицами, принадлежащими къ другой фратріи. Тутъ также можно видѣть, что роды происекли изъ фратрій, а не фратріи составились изъ соединенія родовъ.

Этотъ простой и ясный тотемистическій порядокъ тѣсно связанъ съ системою классовъ по возрастамъ, откуда слѣдуетъ еще дальнѣйшее чрезвычайное ограниченіе возможностей заключенія браковъ.

Каждое поколѣніе какого-нибудь рода составляетъ особую группу, члены которой могутъ вступать въ бракъ лишь съ членами соотвѣтствующаго поколѣнія другой фратріи—другими словами, племя распадается на извѣстные классы по возрастамъ, которымъ дозволяется заключать между собою браки, но законы матриархальнаго подраздѣленія ограничиваютъ это право. Обозначенія классовъ повторяются при этомъ въ каждомъ третьемъ поколѣніи, такъ что пра-дѣды (считая, разумѣется, по материнской линіи) принадлежатъ къ тому же классу, какъ и ихъ правнуки. Далѣе, названія классовъ, очевидно подъ вліяніемъ тотемистическаго подраздѣленія, въ первой фратріи не такія, какъ во второй, а именно:

		муж.	жен.
I Фратрія	{	1-й классъ	Kubbi Kubbota
		2-й »	Murri Mata
		1-й »	Kubbi Kubbota и т. д.
		муж.	жен.
II Фратрія	{	1-й классъ	Irrai Irrata
		2-й »	Kumbo uta
		1-й »	Irrai Irrata и т. д.

Было установлено, что первый классъ первой фратріи могъ заключать браки только съ первымъ классомъ второй фратріи, второй со вторымъ и т. п. Дѣти отъ браковъ перваго класса, значить слѣдующее поколѣніе, принадлежали уже ко второму классу, а дѣти второго—опять въ первому. Такимъ образомъ, если «Kubbi» бракъ въ жены «Irrata», то дѣти, согласно матриархальному закону, слѣдовали за матерью и принадлежали ко второму классу второй фратріи; они назывались «Kumbo» и «Buta» и могли, слѣдовательно, искать себѣ супруговъ только среди «Murri» и «Mata». Ясно, что благодаря этой системѣ раздѣленія на классы, половыя сношенія между родственниками, а именно между родителями или ихъ братьями и сестрами и дѣтьми были невозможны, а тотемистическіе законы, съ своей стороны, не допускали ихъ между дѣтьми одной и той же матери, такъ какъ мужчина всегда долженъ былъ выбирать себѣ жену изъ другой фратріи и всѣ его дѣти поступали въ эту фратрію, вслѣдствіе чего бракъ между ними не могъ имѣть мѣста.

Если вѣрно возрѣніе Моргана, что дѣленіе на классы болѣе древняго происхожденія, то въ этомъ дѣленіи мы видимъ первую попытку регулированія половыхъ отношеній внутри орды или первобытной семьи. По мнѣнію Моргана, существованіе такъ называемаго групповаго брака у австралійцевъ, аналогіей котораго служитъ бракъ пуналуа жителей Гавайскихъ острововъ и нѣкоторыя

другія явленія,—подтверждаетъ въ свою очередь взглядъ, что классовый порядокъ возникъ изъ беспорядочнаго полового общенія. Въ послѣднее время Кохлеръ рѣшительнымъ образомъ высказался въ пользу существованія настоящаго групповаго брака, хотя многіе авторитеты и отрицали его, но и онъ признаетъ все-таки, что у австралийцевъ остались только слѣды этого учрежденія. Кохлеръ, впрочемъ, расходится нѣсколько съ Морганомъ во взглядахъ, такъ какъ групповой бракъ онъ считаетъ послѣдствіемъ тотемистическихъ подраздѣленій. Ясно, что тутъ во мнѣніяхъ продолжаетъ царить путаница.

Групповой бракъ, который на самомъ дѣлѣ нигдѣ не встрѣчается въ чистомъ видѣ, долженъ бы заключаться въ томъ, что всѣ мужчины одного тотемистическаго рода или фратріи вступаютъ въ сношенія съ женщинами другого рода или фратріи и становятся въ известномъ отношеніи ихъ мужьями, такъ что настоящій супругъ пользуется правами только какъ *primus inter pares*. Однако, въ Австраліи по крайней мѣрѣ, обычай, по которому мужъ предоставляетъ свою жену своимъ неженатымъ братьямъ или другимъ родичамъ, отчасти зависитъ, повидимому, отъ слишкомъ сложныхъ брачныхъ запрещеній, вслѣдствіе которыхъ мужчины часто бываетъ очень трудно найти себѣ жену. То, что этотъ обычай мѣстами возведенъ въ систему (бракъ *пиррауру*), вполне отвѣчаетъ характеру дикихъ народовъ. Названіе «супруга», которое дается въ Меланезіи всѣмъ свободнымъ дѣвушкамъ и женщинамъ, при чемъ мужчины противоположной фратріи въ свою очередь называются «супругами», не значитъ вовсе, что между тѣми и другими существуютъ половыя сношенія. Это названіе указываетъ развѣ только на «свободную любовь» до брака, а никакъ не на общее владѣніе женщинами. Изъ разныхъ обозначеній родства, существующихъ у дикихъ народовъ, выводили обыкновенно слишкомъ широкія заключенія. У австралийцевъ, напр., наименованія «отецъ» и «мать» распространяются на весь классъ, къ которому принадлежатъ родители, но каждый австралиецъ умѣетъ, разумѣется, выдѣлить своихъ настоящихъ родителей изъ общей массы отцовъ и матерей и, вѣроятно, умѣлъ это и раньше, такъ что врядъ-ли изъ этого общаго наименованія людей, принадлежащихъ къ известному классу, можно вывести какое либо заключеніе о тѣхъ условіяхъ, которыя существовали въ первобытныя времена.

Будутъ или нѣтъ разрѣшены со временемъ всѣ эти сомнительные вопросы, связанные съ учрежденіемъ классовъ по возрастамъ и групповаго брака, но теперь уже, повидимому, можно съ достовѣрностью сказать, что нѣтъ никакихъ непосредственныхъ указаній на то, что всѣ эти условія органически развились изъ первобытнаго полового товарищества съ его предполагаемою общностью женщинъ.

Поэтому дозволительно вернуться къ прежде высказанному предположенію, что толчкомъ къ образованію большихъ общесовѣстныхъ союзовъ послужили отнюдь не половыя отношенія, а взаимная симпатія ровесниковъ, главнымъ образомъ мужской молодежи. Ясно, что слѣдуетъ отличать при этомъ различныя ступени развитія. Древнѣйшія формы: семья со всѣми своими дополненіями, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ еще и теперь у бушменовъ, или

Домъ для мужчинъ въ Керепу на Нов. Гвинее.

орда кровныхъ родственниковъ, которая, по мнѣнію Моргана и его сторонниковъ, существовала въ началѣ чедовѣческой исторіи,—могли только со введеніемъ классовой системы и вытекающаго отсюда матриархальнаго тотемизма получить возможность сплотиться въ отдѣльныя племена; матриархальное же общество, только превратившись въ патриархальное, дало возможность образоваться племеннымъ группамъ и государствамъ. Но всюду, какъ это указываетъ между прочимъ и образованіе классовъ, влияніе и взаимныя симпатіи мужчинъ содѣйствовали прогрессу. Однако, эта теорія оказалась бы висящей въ воздухѣ, еслибы она не находила поддержки въ остаткахъ и слѣдахъ такихъ сообществъ между мужчинами, которыя

послужили основаніемъ для высшей общественной системы. Такія доказательства можно найти, но не только они одни говорятъ въ пользу этой теории, а также и другіе многочисленные факты, на которые до сихъ поръ не обращали вниманія въ пылу спора о половомъ товариществѣ первобытнаго времени. Только Липпертъ указывалъ на эти факты, но не дѣлалъ изъ нихъ никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ.

Въ Австраліи нѣтъ недостатка въ такихъ примѣрахъ. Молодые люди отдѣляются отъ остальной орды; они собираются около отдѣльныхъ островъ и живутъ въ отдѣльныхъ хижинахъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не примутъ въ общество взрослыхъ и они не получаютъ, такимъ образомъ, право жениться. Но бродячая жизнь австралийцевъ мѣшаетъ организаціи такихъ стойкихъ учреждений, какія мы находимъ въ сосѣдней Меланезіи и Микронезіи, а также на Малайскомъ архипелагѣ, въ Индіи, Африкѣ и южной Америкѣ и слѣды которыхъ существуютъ и въ другихъ мѣстахъ, такъ что на эти учреждения мы должны смотрѣть какъ на известную форму жизни, которая у большинства народовъ находится уже въ прошедшемъ, у многихъ же еще сохранилась, а нѣкоторые даже еще не достигли ея, хотя, разумѣется, подъ влияніемъ различныхъ экономическихъ условій эта форма и можетъ являться въ различныхъ видахъ.

Вѣдшимъ признакомъ существованія такихъ сообществъ мужчинъ, бросающимся въ глаза даже самому поверхностному наблюдателю, служатъ широко распространенные и въ высшей степени характерныя учреждения — «дома холостыхъ». Въ такихъ домахъ живутъ всѣ неженатые, или даже вообще всѣ мужчины племени, тогда какъ семьи обитаютъ въ хижинахъ гораздо меньшихъ размѣровъ. Само собою разумѣется, что такой домъ превращается въ центръ мужской жизни, нѣчто вродѣ клуба, и служитъ также мѣстомъ для сообщанія воиновъ, пріема чужеземцевъ и хранения запасовъ или драгоценностей. Такой домъ легко также можетъ превратиться въ мѣсто культа предковъ, что зачастую вводило въ заблужденіе путешественниковъ, считавшихъ такіе дома храмами. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что это убѣжище холостыхъ дѣйствительно превращается иногда въ святилище, и такимъ образомъ его первоначальная цѣль заслоняется. Какъ мало подходитъ названіе святилища для такого дома, доказываетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе Эдельфельта относительно одного изъ такихъ домовъ — «Эламо» и Моту — Моту въ Новой Гвинее, названнаго Чальмерсомъ храмомъ: «Было бы хорошо, еслибъ названіе это сколько-нибудь отвѣчало дѣйствительности, но, къ сожалѣнію, это не такъ. Это просто родъ клуба, предназначеннаго исключительно для мужской половины населенія, и представляетъ вертепъ, гдѣ безчинства и шумъ не прекращаются съ утра до вечера, и многія убійства невинныхъ

мужчинъ, женщинъ и дѣтей были подготовлены именно въ такихъ священныхъ домахъ».

Это очень непривлекательная картина, для которой, повидимому, намѣренно выбраны самыя мрачныя краски. Семонъ нѣсколько лучше отзывается о такихъ домахъ въ Галльзундѣ, въ югозападной области Новой Гвинее. Тамъ, рядомъ съ низенькими прямоугольными домами для семействъ, возвышаются зданія на высокихъ столбахъ: «Они называются «Мареа» и служатъ жилищемъ для холостыхъ мужчинъ и вообще клубомъ и мѣстомъ собранія всѣхъ мужчинъ племени, а также пристанищемъ для постороннихъ посѣтителей.

Общинный домъ и (направо) хижина для добрыхъ духовъ на Палосскихъ остр. (въ Океаніи).

Женщинамъ входъ въ эти дома строго воспрещенъ. Тутъ виситъ и лежитъ оружіе и трофеи, столбы разукрашены тонкою рѣзбой. «Я видѣлъ, говоритъ Семонъ, повсюду рѣзбу, птицъ, ящерицъ и даже человѣческіе образы... Передъ Мареа находятся подмостки, на которыхъ туземцы обѣдаютъ, а во время празднествъ рѣжутъ свиней и собакъ».

Подобныя типическіе дома холостяковъ и общинные дома встрѣчаются повсемѣстно въ остальной Меланезіи, а также въ Микронезіи и во многихъ мѣстахъ индѣйскаго архипелага тамъ, гдѣ они еще не успѣли исчезнуть подъ влияніемъ высшихъ культурныхъ формъ или же подвергнуться какимъ либо превращеніямъ. Иногда они превращаются въ мечети, иногда въ настоящіе ратуши, какъ

напр., на Филиппинахъ, гдѣ такъ называемые «Tribunales», по словамъ Ганса Мейера, служатъ и теперь еще пристанищемъ для проѣзжихъ. Лучшее всего сохранилось это первобытное учреждение у батаковъ на Суматрѣ; тамъ «Bale» или «Joro» — домъ мужчинъ и холостяковъ, служить также для совѣщаній и ночлега для прибѣжающихъ. По Вестербергу, такіе дома служили раньше крѣпостью въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тогда какъ теперь чердаки этихъ домовъ охотно употребляются для просушки риса. На украшенномъ рѣзбою и изображениями фаллуса столбѣ одного такого дома Вестербергъ видѣлъ написанными законы батаковъ. Что это зданіе можетъ служить также для хранения сокровищъ, на это, между прочимъ, указываетъ Модилиани въ своемъ изслѣдованіи Тоба-батаковъ.

Если мы обратимъ теперь свои взоры на азиатскій континентъ, то найдемъ подобныя учрежденія у многочисленныхъ бѣдныхъ культурою племенъ Индіи. Въ Ассамѣ у аборовъ жилищемъ для нежелательныхъ воиновъ и домохъ совѣта служатъ «Mosur». Стѣны этого дома покрыты черепами животныхъ и оружіемъ. Частыя попойки, устраиваемыя тамъ, наполняютъ своимъ шумомъ все зданіе. У племенъ Нага дома мужчинъ находятся у самаго входа въ деревню и служатъ прежде всего сторожевыми постами, что вполне отвѣчаетъ постоянному военному положенію страны. У дравидовъ, по свидѣтельству Дальтона, также сохранилось это учрежденіе.

Разумѣется, и въ другихъ мѣстахъ на Малайскомъ полуостровѣ и Полинезійскихъ островахъ нѣтъ недостатка въ подобнымъ домамъ, хотя въ Полинезій уже произошли разнаго рода измѣненія первоначальнаго обычая, къ тому времени, когда европейцы открыли эти острова. На Нукагивѣ также же, какъ и въ Новой Зеландіи, молодые мужчины спали въ общинныхъ домахъ, служившихъ въ то же время пристанищемъ для чужеземцевъ и выстроенныхъ на общественный счетъ. Какъ видѣлъ на Таити такой домъ въ 200 футъ длиной. Какъ тѣсно связано существованіе этихъ домовъ съ древнею малайскою народною жизнью, доказываетъ тотъ фактъ, что обычай этотъ распространился и на Формозу и существовалъ среди неитайскаго населенія. Кисакъ Таманъ говоритъ, что юноши, съ шестнадцатилѣтняго возраста до своего вступленія въ бракъ, живутъ въ такомъ домѣ, а по словамъ Тейлора, домъ этотъ — «Паланганъ», служить одновременно ратушей, сторожевымъ постомъ и гостиницей.

Но дома мужчинъ вовсе не представляютъ учрежденія, ограниченнаго только областью малайской расы. Уже Марціусъ сдѣлалъ наблюденіе у бразильскихъ индійцевъ Мувдруку, что юноши, способные носить оружіе, обыкновенно собираются на ночь въ отдѣльный домъ, нѣчто вродѣ казармы. Такіе единичные факты могли бы возбудить сомнѣнія, если бы они не были подтверждены наблюденіями Карла фонъ-денъ-Штейнень. Этотъ превосходный изслѣдователь на-

шелъ у бороро учрежденіе домовъ для мужчинъ въ самой типической формѣ. «Центромъ существованія Бороро, говоритъ онъ, служатъ «Baito» — дома для мужчинъ, и рядомъ съ этими учрежденіями, гдѣ господствуетъ необыкновенно-шумная жизнь и днемъ и ночью, семейныя хижины служатъ только мѣстопробываніемъ женщинъ и дѣтей. Мужчины, соединившіеся вмѣстѣ, называются «Арое»; это названіе имѣетъ отношеніе къ общей охотѣ. Въ пѣсняхъ, которыя раздаются въ этихъ домахъ днемъ и ночью, слово «арое» повторяется постоянно. Въ этихъ пѣсняхъ перечисляются разные звѣри и др. предметы и за каждымъ такимъ наименованіемъ слѣдуетъ слово «арое»... Кажется, какъ будто все племя представляетъ не что иное, какъ пѣвческое общество, состоящее изъ охотниковъ, члены котораго обязуются до сорока лѣтъ не жениться и жить вмѣстѣ въ своемъ клубномъ домѣ. Старѣйшіе члены, имѣющіе семьи, занимаютъ почетныя мѣста и должности въ клубѣ и поэтому у себя дома проводятъ мало времени: то они должны принимать участіе въ общей охотѣ, или вообще заниматься чѣмъ-нибудь въ клубѣ, гдѣ они наблюдаютъ за порядкомъ, то они руководятъ пѣніемъ, а въ дни занятій принимаютъ также участіе въ обѣдахъ, которые доставляются женщинами. У каждого есть свое опредѣленное мѣсто: кто живетъ у рѣки, тому отводится мѣсто въ углу, обращенномъ къ рѣкѣ и т. д. — все помѣщается сообразно положенію дома своего ближайшаго родственника. Но тутъ, гдѣ индійцы находились въ своей средѣ, господствовалъ, не взирая на проявленія половой жизни, достаточный порядокъ даже по нашимъ понятіямъ. Кому нечего было дѣлать, тотъ лѣнился и довольно долго, тѣ же, кто занимался выдѣлываніемъ оружія, украшеній, утвари, тотъ работалъ неутомимо».

Среди обитателей Африки учрежденіе домовъ для мужчинъ было вѣроятно, очень распространено прежде, но большею частью оно подверглось измѣненіямъ, по всей вѣроятности вслѣдствіе экономическаго развитія. То, что осталось, однако, вполне достаточно, чтобы доказать существованіе этого удивительнаго учрежденія. Ценкеръ нашелъ у Яунде, въ восточномъ Камерунѣ, большіе дома мужчинъ рядомъ съ маленькими жилищами для женщинъ. Большіе дома были любимымъ мѣстопробываніемъ и, вѣроятно, также отчасти служили и для ночлега мужчинамъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ домовъ можно было найти до тридцати спальныхъ мѣстъ, предназначенныхъ для мужскихъ посѣтителей. Оружіе и черепа украшали стѣны совершенно такъ же, какъ въ Индо-Китаѣ или на Малайскомъ архипелагѣ. По свидѣтельству Кунда, который путешествовалъ по этимъ же мѣстамъ, такіе дома служатъ для собранія совѣта и въ нихъ раскладывается огонь. Подобныя же учрежденія нашелъ также Цинтграфъ у баньянговъ на сѣверѣ Камеруна.

руна. Еще болѣе характернымъ является домъ холостыхъ у Вабандаевъ въ восточной Африкѣ, гдѣ, по свидѣтельству Баумана, мальчиковъ и дѣвочекъ помѣщаютъ въ отдѣльныя хижины, по достиженіи ими двѣнадцатилѣтняго возраста. Домъ дѣвушекъ, повидимому, представляетъ не болѣе какъ подражаніе дому мужчинъ, но встрѣчается гораздо рѣже и поэтому имѣетъ второстепенное значеніе. То же самое находимъ у Вапокомо у оз. Тана. Въ бассейнѣ Конго также существуютъ дома мальчиковъ или холостяковъ. «Въ возрастѣ пяти или шести лѣтъ, говоритъ Бентлей, мальчики покидаютъ свою мать. Маленькіе мальчики, также освобождающіеся отъ родительскаго присмотра, обращаются къ болѣе старшимъ, которые выстроили уже себѣ хижину, и просятъ ихъ, чтобы они приняли ихъ къ себѣ... Такіе дома мальчиковъ называются «Мбонге». Я пришелъ, однажды, поздно ночью въ деревню, послѣ утомительной ходьбы, и такъ какъ я раньше не бывалъ въ этой деревнѣ и мнѣ не хотѣлось тревожить старшину такъ поздно, то я и пошелъ въ Мбонге и спросилъ мальчиковъ, могу ли я переночевать у нихъ вмѣстѣ со своими двумя слугами».

Просьба была исполнена, но путешественникъ не поясняетъ, предназначалась ли вообще домъ мальчиковъ для того, чтобы служить пристанищемъ чужестранцамъ, что было бы вполне согласно съ малайскими обычаями. Въ другихъ частяхъ Африки встрѣчаются дома собраній, шаури или палаверъ, гдѣ происходятъ также попойки мужчинъ и производятся разныя работы; Штульманъ упоминаетъ о многихъ такихъ домахъ въ германской восточной Африкѣ. Они, по всей вѣроятности, также образовались изъ прежнихъ домовъ для холостыхъ, какъ и индокитайскіе общинные дома.

Періодъ существованія такихъ домовъ отошелъ въ Европѣ въ давно прошедшія времена и нельзя рассчитывать найти тамъ нѣчто большее, нежели слѣды такихъ учреждений. Кто желаетъ отыскать ихъ, того отсылаемъ къ рассказамъ древнихъ авторовъ о попойкахъ гомеровскихъ героевъ въ княжескомъ залѣ, общественныхъ обѣдахъ спартанцевъ и разныхъ другихъ обычаяхъ этого наиболѣе консервативнаго изъ всѣхъ греческихъ народовъ. У индійскихъ арийцевъ, которые первоначально принадлежали вѣдь къ европейскому культурному кругу, существовали все-таки во времена Ведъ такъ называемые «Сабха», — мѣста собранія мужчинъ, гдѣ происходили попойки и игра въ кости, горячившая кровь играющихъ.

Если бы тутъ дѣло шло только объ особенныхъ жилищахъ, то, съ точки зрѣнія исторіи культуры, они бы не заслуживали такого подробнаго изслѣдованія. Но такіе дома мужчинъ представляютъ не что иное, какъ виѣшний, легко распознаваемый и очень важный признакъ извѣстнаго соціального состоянія. Въ этомъ учрежденіи

воплощается стремленіе мужчинъ соединяться въ общественные союзы, которые, однако, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ образоваться и безъ такихъ домовъ. Препятствовало ли такое соединеніе молодыхъ неженатыхъ мужчинъ распаденію племенъ, увеличивающихся въ своей численности, на болѣе мелкіе союзы, или же оно раньше вызвало соединеніе раздѣленныхъ между собою мелкихъ племенъ—это сказать трудно; вѣроятно же всего, что было и то и другое. Соединеніе такихъ отдѣльныхъ племенъ объяснило бы возникновеніе фратрій и тотемистическихъ родственныхъ группъ, а также экзогамическіе обычаи, и тотъ, кто обладаетъ фантазіей, можетъ нарисовать себѣ картину, какъ юноши двухъ сосѣднихъ племенъ, побуждаемые усиливающимся отвращеніемъ къ эндогамическимъ половымъ сношеніямъ, похитили для себя дѣвушекъ изъ враждебнаго племени и, во время возникшихъ по этому случаю сраженій, прониклись чѣмъ-то вродѣ рыцарскаго уваженія другъ къ другу и въ концѣ-концовъ вступили между собою въ сообщество, вслѣдствіе чего настоящее похищеніе женщинъ было замѣнено лишь притворною борьбой и на самомъ дѣлѣ происходилъ обмѣнъ дѣвушекъ. Такимъ путемъ можно было бы также объяснить, отчего именно братья являлись въ дикой ордѣ естественными защитниками своихъ сестеръ и не терпели своего вліянія даже тогда, когда сестры, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ свободного сожительства, вступали въ дѣйствительный бракъ, дѣвушки же, не принимая участія въ союзахъ молодыхъ людей, и послѣ брака не покидали своего племени, къ которому принадлежали и ихъ дѣти. Все это возможно, хотя и нельзя доказать этого съ полною достовѣрностью, но ходъ развитія, во всякомъ случаѣ, не вездѣ былъ одинаковъ.

Происхожденіе человеческого общества, безъ сомнѣнія, имѣло также экономическую основу. Если даже развитіе и шло въ нѣкоторыхъ случаяхъ другими путями, то все же въ большинствѣ случаевъ можно ясно видѣть, что именно охотники племени принадлежали къ дому мужчинъ, на женщинъ же возлагалась обязанность изготовленія растительной пищи. Охотники, являющіеся въ то же время и воинами, представляютъ самый безпкойный и воинственный элементъ въ народѣ, и тамъ, гдѣ преобладаетъ ихъ вліяніе, всегда выступаютъ впередъ воинственныя наклонности, такъ что грабежъ и война ставятся выше всякой продуктивной работы.

Происхожденіе классовъ по возрастамъ, представляющихъ въ австралийскомъ общественномъ строѣ древніе остатки матриархальныхъ учреждений, по всей вѣроятности основывается на вліяніи мужскихъ союзовъ. Однако, въ настоящее время трудно составить себѣ вполне ясную картину этого. Правда, въ большинствѣ случаевъ, юноши, съ наступленія возмужалости и до вступленія въ бракъ, обитаютъ

въ отдѣльныхъ домахъ для холостыхъ, но тамъ, гдѣ браки заключаются рано, только мальчики соединяются въ союзы, а въ Новой Гвиней даже доступъ въ общественные дома имѣютъ только женатые люди, холостымъ же онъ воспрещенъ. Подобнаго рода измененія особенно часто встрѣчаются при развитіи народовъ и наступаютъ преимущественно въ такихъ случаяхъ, когда какой-нибудь обычай становится лишнимъ или же въ общественномъ организмѣ происходятъ большія перемѣны. Однако вездѣ, все-таки, въ основѣ заложено естественное раздѣленіе мужчинъ на три или четыре разряда, а именно: мальчиковъ, возмужалыхъ юношей и женатыхъ; къ этимъ тремъ группамъ присоединяется еще иногда и группа стариковъ. Хорошимъ примѣромъ такого строя можетъ служить общественное устройство восточноафриканскаго пастушескаго народа массаевъ, описанное подробно Томсономъ. Молодой массой остается приблизительно до 14 лѣтъ у своихъ родителей, у которыхъ служить пастушескимъ; потомъ онъ получаетъ оружіе и тогда уже присоединяется къ холостымъ юношамъ, которые, въ особенномъ краатѣ, вмѣстѣ съ молодыми дѣвушками, ведутъ разгульную жизнь воиновъ и разбойниковъ и имѣютъ своего военнаго вождя, котораго они сами выбираютъ изъ своей среды. Въ бракъ Массай вступаетъ лишь между 30 и 40 годами, послѣ чего онъ и переселяется въ краатъ женатыхъ людей и совершенно измѣняетъ свои привычки. Тутъ, слѣдовательно, существуетъ рѣзкое раздѣленіе всѣхъ трехъ классовъ.

Ничто не мѣшаетъ, разумѣется, увеличивать число такихъ классовъ родосенниковъ и сглаживать такимъ образомъ первоначальныя рѣзкія раздѣленія. У кафровъ, по свидѣтельству Фрича, мальчики, которымъ одновременно совершенно обрѣзаніе, заключаютъ между собою родъ братства и, если между ними находится случайно сынъ вождя, то они составляютъ его свиту. Точно такъ же и у бечуановъ; подвергшіеся одновременно обрѣзанію держатся вмѣстѣ, и во время войны ими предводительствуетъ сынъ вождя, одинаковаго съ ними возраста. Индійское племя Манданъ распалось на шесть классовъ, организованныхъ обыкновенно по возрастамъ, при чемъ изъ одного класса можно было за плату переходить въ другой, подвигаясь такимъ образомъ впередъ. Это напоминаетъ клубную систему Меланезійцевъ, заслуживающую вниманія особенно потому, что она является переходомъ къ тайнымъ союзамъ.

Лучше всего изученъ и самый типичный изъ всѣхъ такихъ учреждений. — клубъ «Luge» на Банковскихъ островахъ. Этотъ союзъ имѣетъ свои собственные клубные дома, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ домъ холостяковъ и клубный домъ составляютъ одно и то же. Это соединеніе въ одномъ обоихъ учреждений указываетъ все-таки, что клубы произошли изъ обществъ мужчинъ. Союзъ

«Luge» распадается на нѣсколько степеней, которыя первоначально, вѣроятно, соответствовали дѣленію на классы по возрастамъ, теперь же можно покупать себѣ мѣсто въ любомъ разрядѣ, такъ что, очевидно, онъ уже приобрѣлъ значеніе различія ранга и состоянія. «Огромная масса туземцевъ, говоритъ Каддингтонъ, не возвышается выше средняго разряда, а многіе и его не достигаютъ, но почти всѣ, за малыми исключеніями, будучи еще мальчиками, вступаютъ въ это общество. Мужчина не вступившій въ такое общество, получаетъ насмѣшливое прозвище «lusa»,—родъ летающей лисицы, не живу-

Танецъ духовъ у индѣйцевъ Сіуковъ.

щей обществами подобно другимъ. При вступленіи, а также при переходѣ въ высшій разрядъ надо платить деньги членамъ атого разряда, идущія на устройство соответствующаго рангу членовъ болѣе или менѣе дорогого пиршества... При отсутствіи какихъ либо другихъ политическихъ учреждений въ народѣ, такой союзъ имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ онъ объединяетъ мужскую часть населенія черезъ посредство болѣе богатыхъ и старыхъ людей, которые могутъ, по желанію, допускать кандидатовъ въ высшіе разряды или нѣтъ, и получаетъ въ народѣ большую власть». Число разрядовъ въ клубномъ домѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очаговъ, — такъ какъ каждый разрядъ имѣетъ свой собственный очагъ—бываетъ различнымъ на равныхъ островахъ. На о. Мота 18 разрядовъ, но въ совершенно такомъ же клубѣ «Hugpe», на Торресовыхъ островахъ, ихъ только семь. Различные разряды имѣютъ и свои собственные знаки, и обыкновенно какой-нибудь предметъ, считающійся священнымъ, служить

центромъ для мелкихъ подраздѣленій клуба. На Новогбридскихъ островахъ помѣщеніе клуба находится въ общенномъ домѣ (gatal). «Гамаль» — говоритъ Кооте, — «обыкновенно имѣетъ 30 или 40 футъ въ длину и раздѣляется на маленькія отдѣленія, посредствомъ замѣняющихъ настоящія стѣны пальмовыхъ вѣтвей, лежащихъ на полу. Въ каждомъ отдѣленіи находятся три или четыре спальныхъ мѣста. Стрѣлы и луки висятъ надъ постелями и, на стѣнѣ повѣшены одно или два деревянныхъ блюда». Финчъ также описываетъ «клубный домъ» въ Новой Ирландіи, куда женщины не допускались и даже имъ не разрѣшалось проходить мимо него иначе, какъ согнувшись или даже ползкомъ. Однако, все-таки не выяснено можно ли считать эти дома настоящими клубами, такъ какъ они вообще служили для ночлега холостымъ и чужестранцамъ.

Маска для танцевъ у индѣйцевъ-Нутка.

Въ Полинезій встрѣчаются совершенно особенные клубы, далеко ушедшіе впередъ отъ первоначальныхъ мужскихъ обществъ, вслѣдствіе пріема женщинъ. Вторженіе женщинъ въ мужскіе дома и клубы составляетъ вполне естественное явленіе повсюду, гдѣ старинныя общественныя формы начали разрушаться и терять свой смыслъ. Между тѣмъ какъ въ Меланезіи женщинамъ строго воспрещается доступъ въ мужскіе дома, у батаковъ мѣстами женщины вступаютъ въ нихъ для производства промышленныхъ работъ, а на Джилбертовыхъ островахъ, гдѣ женщины вообще достигли выдающагося положенія, общиннымъ домомъ одинаково пользуются оба пола безъ различія. Но вообще строгое исключеніе женщинъ и незамужнихъ дѣвушекъ изъ меланезійскихъ домовъ для холостыхъ представляетъ, вѣроятно, уже вторичную форму, тѣсно связанную съ возникновеніемъ тайныхъ союзовъ. Что же касается полинезійскихъ клубовъ, то изъ нихъ прежде всего заслуживаетъ упоминанія странное общество «Ареои» на Таити. Ареои распались согласно наиболее достовернымъ свѣдѣніямъ, на семь классовъ, при чемъ высшаго класса могли достигать лишь очень немногіе, тогда какъ въ низшіе классы принимались люди всѣхъ сословій. Главною задачей общества было, повидимому, устройство сценическихъ представленій изъ жизни боговъ, что составляетъ какъ бы отбѣнокъ таанда духовъ тайныхъ союзовъ. Однако, на сценѣ выводились также и драматическія событія обыденной жизни, при чемъ имъ часто придавался сатирическій отбѣнокъ или же они имѣли поучительный характеръ, что также напоминаетъ карательную власть тайныхъ сообществъ Меланезіи и Африки. Переходя съ мѣста на мѣсто и останавливаясь въ специально построенныхъ для нихъ клубныхъ домахъ. Ареои практиковали свободную любовь и мужчины вели жизнь холостяковъ.

а женщины продолжали вести жизнь незамужнихъ дѣвушекъ. Ареои, лишь за весьма малыми исключеніями, оставляли въ живыхъ своихъ дѣтей и не умерщвляли ихъ тотчасъ послѣ рожденія, что вполне соответствуетъ ихъ образу жизни, а затѣмъ уже этотъ обычай получалъ поддержку въ возникшемъ вѣрованіи въ особенную святость Ареои.

Этотъ союзъ, являющійся какъ бы отпрыскомъ первобытнаго общества мужчинъ, заключалъ въ себѣ, однако, несмотря на всѣ свои странности, нѣкоторые элементы, содѣйствовавшіе социальному единенію, такъ какъ, по мнѣнію Вильсона, вообще не очень хорошо отзывающагося объ Ареои, надо все таки поставить имъ въ заслугу то, что они, посредствомъ своихъ путешествій въ самыя отдаленныя части острововъ, распространяли повсюду болѣе высокую образованность, болѣе утонченные обычаи и гостепримство. Такіе же союзы находятся и на Разгтонга, на Маркизскихъ островахъ и на Гавайскихъ островахъ, хотя они и не соответствуютъ по своему значенію таитскимъ Ареои. Очень важную аналогію къ нимъ представляютъ «Улитаосъ» на лежащихъ далеко на западѣ океаническаго міра островахъ Лодронахъ. Это общество было разсѣяно по всей островной группѣ и обитало въ особенныхъ хижинахъ, оказывая на населеніе значительное политическое и религіозное вліяніе, которое пришлось насильственно сломить, прежде чѣмъ христіанство сдѣлало въ этой области какіе либо успѣхи. Улитаосы вели холостую жизнь, но между ними и дѣвушками высшихъ классовъ существовала свободная любовь, что, впрочемъ, нисколько не подрывало всеобщаго уваженія къ нимъ и дѣвушкамъ, съ которыми они жили.

Какъ Ареои, такъ и Улитаосы, ведущіе далеко не святой образъ жизни, окружены были все-таки ореоломъ святости въ глазахъ народа, на что, конечно, должны были быть особенныя причины. Исслѣдуя дальше этотъ вопросъ, мы натываемся на новую форму развитія мужскихъ обществъ, на тайные союзы, выдвигающіеся, словно какая нибудь темная, таинственная сила, передъ народною массой и въ особенности передъ женщинами. Расцвѣтъ и упадокъ этихъ союзовъ нигдѣ лучше нельзя прослѣдить, какъ въ Меланезіи и въ западной Африкѣ.

Въ предѣлахъ воинственныхъ мужскихъ союзовъ долженъ былъ по необходимости возникнуть родъ культа предковъ, который при благоприятныхъ обстоятельствахъ развился и за предѣлы этихъ союзовъ. Павшій въ бою воинъ не считается выбывшимъ изъ ряда своихъ товарищей: онъ носится, какъ духъ, въ домѣ мужчинъ, заявляетъ требованіе на свое прежнее мѣсто у огня и принимаетъ участіе въ трапезѣ, какъ прежде. Оставшіеся въ живыхъ товарищи должны уже позаботиться о томъ, чтобы удовлетворить умершаго, сохранить его трупъ или только часть его, преимущественно черепъ, и приготовить вырѣзанныя фигуры, которыя должны служить мѣсто-

пробываніемъ его души; кромѣ того, посредствомъ танцевъ, они должны постараться развлечь опаснаго гостя или же застрашать его. Нужно было прежде всего задобрить души наиболее храбрыхъ и внушавшихъ страхъ людей, и для сношеній съ ними возникла цѣлая система. Нигдѣ такъ не умѣютъ обходиться съ привидѣніями, какъ въ мужскихъ домахъ, но женщинамъ и дѣтямъ не совѣтуется

Разукрашенный черепъ
даяка (о. Борнео).

приближаться къ дому холостяковъ, откуда, со стѣнъ, на нихъ свалятъ зубы черепа умершихъ, а кругомъ стоятъ таинственныя деревянныя изображенія и отъ времени до времени раздастся звукъ барабана, свирѣли или свистъ метательнаго дерева, призывающій обитателей къ выполнению таинственнаго танца дуковъ. Мужскому обществу, однако, нравится эта боязнь болѣе слабого пола, такъ какъ она увеличиваетъ ихъ власть. Когда появляются замаскированные танцоры, исполняющіе танецъ дуковъ, то всѣ непосвященные слѣзутъ

скрываются, одержимые безмысленнымъ ужасомъ. Воля этихъ таинственныхъ существъ составляетъ законъ, и, такимъ образомъ, мужскіе дома распространяютъ родъ терроризма на все населеніе. Постепенно изъ союзовъ мужчинъ исключаются рабы и люди

низшаго класса, пока не образуется настоящее, организованное на манеръ клуба, тайное общество, которое, подобно вемамъ, господствуетъ въ государствѣ и подчиняетъ его своему влиянію. Въ большинствѣ случаевъ ходъ развитія совершался именно подобнымъ образомъ.

Меланезія кишитъ тайными обществами, которыми то существуютъ на ряду съ клубами, то заступаютъ ихъ мѣсто. Они также имѣютъ различныя градации и принимаютъ членовъ за взносъ накованныхъ денегъ и устройства пировъ. «Тамаше» на Банксвыхъ островахъ имѣетъ свой собственный клубный домъ — «Салогоро», который въ обыкновенныя

Маска съ Морглокскихъ остр.

времена служить членамъ для такихъ же цѣлей, какъ и вообще дома холостыхъ мужчинъ. Однако, отъ времени до времени, говоритъ Кюдрингтонъ, члены этого учрежденія проявляютъ особенно кипучую дѣятельность, съ цѣлью возбудить вниманіе и привлечь къ себѣ новыхъ членовъ, а также заставить народъ при-

знать ихъ значеніе и устроить для нихъ пирь. Тогда они начинаютъ готовить въ своей «Дожь» новыя маски на одьянія, и торжественный звонъ «linge tamate» (особенный инструментъ для произведенія шума) возвѣщаетъ всѣмъ непосвященнымъ, что мистеріи начались. Мѣстность тогда считается «закрытой» и никто не осмѣливается выходить изъ опасенія гнѣва «tamate». Эти же послѣдніе присваиваютъ себѣ полнѣйшую свободу, забираютъ все, что хотятъ, грабятъ сады и плодовые деревья для своего пиршества, и горе тому, кто, какимъ нибудь образомъ, не выкажетъ достаточнаго почтенія обществу. Замаскированные дуки тогда устремляются на деревню, изгоняютъ перепуганныхъ женщинъ и дѣтей и бьютъ каждаго, кто только попадается имъ подъ-руку. Тутъ ясно выступаетъ неблагоприятное положеніе тѣхъ, кто не принадлежитъ къ союзу. Меньшіе же тайные союзы дѣйствуютъ, конечно, не съ такою наглостью».

Такимъ же точно учрежденіемъ является и извѣстный «Дукъ-дукъ» въ Нейлауенбургѣ. Это тайное общество также имѣетъ свой отдѣльный домъ, куда не могутъ вступать непосвященные и, отъ времени до времени, устраиваетъ выходы замаскированныхъ плясунновъ. Такъ какъ при этомъ соединяются представители этого общества въ различныхъ округахъ и каждый округъ выставляетъ одного или нѣсколькихъ плясунновъ, то число ихъ бываетъ иногда довольно велико; Клейншмидтъ видѣлъ, однажды, около сорока дукъ-дуковъ. Танцы происходятъ ежедневно, въ продолженіе извѣстнаго времени, при чемъ женщинамъ разрѣшается смотрѣть на нихъ, и во время танцевъ собираются дары въ видѣ раковинныхъ денегъ. По словамъ Гюбнера, праздникъ Дукъ-дукъ устраивается также и въ такихъ случаяхъ, когда бываетъ боленъ кто-нибудь въ семьѣ вождя. Тутъ, разумется, проявляется намѣреніе умиловить или запугать злыхъ духовъ, виновныхъ въ болѣзни. То, что плясуны при этомъ собираютъ черепа умершихъ (изъ мѣстъ погребенія) и приносятъ ихъ въ хижины потомковъ ясно указываетъ на первоначальное происхожденіе этого учрежденія. Въ сосѣдней Новой Помераніи маски

Маска. Восточная Африка.

плясуновъ все еще устраиваются изъ череповъ умершихъ, духи которыхъ, будто бы, выступаютъ, танцуютъ. Въ восточной Меланезіи также нѣтъ недостатка въ такихъ тайныхъ союзахъ, которые занимаются собираніемъ и приготовленіемъ череповъ.

Укажемъ мимоходомъ на то, какимъ подчасъ ужаснымъ извращеніемъ подвергается этотъ культъ череповъ, исходящій изъ мужскихъ обществъ. Обладаніе многочисленными черепами, которые считались весьма цѣнными реликвіями, такъ какъ предполагалось, что въ нихъ заключается часть силы умершаго, придавало мужскому дому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей деревнѣ, особенное значеніе и силу. Почему же было не присоединить къ этому собранію череповъ еще и черепа убитыхъ враговъ, въ видѣ трофеевъ или талисмановъ? Отсюда уже было не далеко до возникновенія охоты за черепами, превратившейся въ особый видъ спорта, которымъ долженъ былъ заниматься каждый, желавшій вступить въ мужской домъ, или взять жену, или вообще совершить какой-нибудь важный шагъ въ общественномъ отношеніи. Что дикая охота за головами индо-китайскихъ и меланезійскихъ племенъ тѣсно связана съ культомъ предковъ, это уже доказано Вилькенсомъ. Но въ то же время эта охота является также продуктомъ персрожденія мужскихъ союзовъ и ихъ обычаевъ и превращенія ихъ въ тайные союзы.

На индо-китайской почвѣ тайные союзы также пустили корни, въ особенности на Молуккскихъ островахъ. Но свою власть они проявляютъ наиболѣе широкимъ образомъ на западномъ берегу Африки, гдѣ отъ Сенегамбіи до Анголы тайныя общества совершаютъ свои темныя дѣла и мѣстами пользуются настоящею террористическою властью. Бастіанъ слѣдующимъ образомъ описываетъ вступленіе духа Оро, посланнаго союзомъ Огбони въ область Юруба: «Городъ Огбомато обыкновенно два раза въ годъ подпадаетъ подъ власть Оро. Въ маленькихъ хижинахъ, находящихся за городской стѣной и доступъ къ которымъ возможенъ только черезъ строеніе, гдѣ помѣщается старшина города, поднимается шумъ послѣ того, какъ женщинамъ было сдѣлано соответствующее предостереженіе. Въ теченіе цѣлой ночи по городу прогуливается тогда духъ предка, вооруженный огромною бамбуковою палкой, въ сопровожденіи масокъ, болѣе или менѣе стереотипнаго характера». У многихъ племенъ Габуна лѣсной чортъ Нда появляется такимъ же точно образомъ, загоняетъ женщинъ въ ихъ хижины и требуетъ подачки отъ жителей деревни. Въ случаѣ смерти какого-нибудь почетнаго лица, онъ похищаетъ козъ и овецъ, которыя потомъ съѣдаются членами союза—однимъ словомъ, онъ насильственнымъ образомъ устраиваетъ поминки, чтобы умилостивить покойника. Для устрашенія же женщинъ въ особенности служитъ Мумбо Джумбо у Мандинговъ, который появляется временами изъ лѣса въ замаскированномъ

видѣ и, потребовавъ къ себѣ провинившихся въ чемъ-нибудь женщинъ, наказываетъ ихъ. Союзъ Эгбо въ Колабарѣ особенно замѣчательнъ своею классовою системою, представляющею аналогію съ меланезійскою клубною системою и австралійскими классами по возрастамъ. Въ этомъ союзѣ можно покупать право перехода изъ низшей степени въ высшую, но даже старшины деревни оказываются безсильными, если только они не занимаютъ соответствующаго ранга въ союзѣ Эгбо. Главною задачею этого союза служитъ выполненіе правосудія и преимущественно взысканіе долговъ посредствомъ замаскированныхъ сыщиковъ. У фульбовъ въ Сьерра Ліоне

Сѣверо-западная Америка. Торжественный танецъ масокъ у билчуловъ.

союзъ Пуррахъ, который первоначально былъ, вѣроятно, похожъ на всѣ остальные тайныя общества, превратился даже въ родъ настоящей судебной коллегіи.

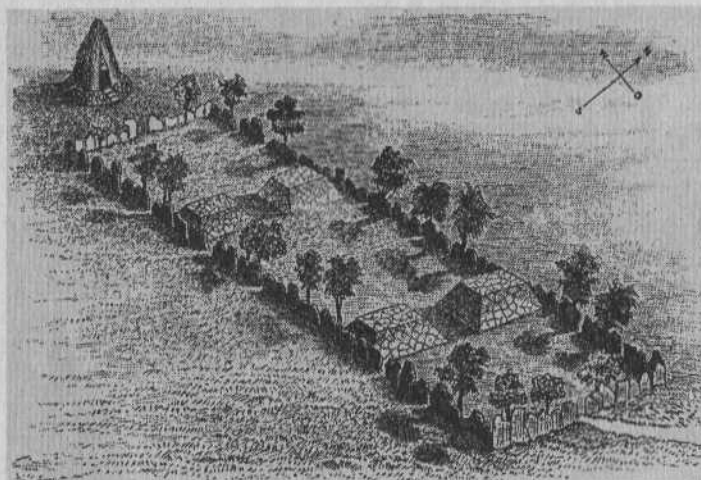
Если мы изъ Африки внезапно перейдемъ къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки, то насъ и тамъ охватитъ такая же социальная атмосфера, и мы увидимъ, что тайныя союзы разрастаются изъ мужскихъ обществъ, словно дикіе побѣги, распространяющіеся во всѣ стороны. Тайныя общества «Квакитль», напр., заключаютъ еще въ себѣ характерныя черты, указывающія на ихъ происхожденіе отъ всеобщаго мужского союза, такъ какъ только члены этого общества могутъ принимать участіе въ собраніяхъ совѣта племени, между гѣмъ обычай, по которому право принадлежать къ этому обществу передается только по наслѣдству или же пріобрѣтается посредствомъ

брака, указывает уже на новыя вліянія, дѣйствующія въ соціальной жизни. Раздѣленіе на ранги встрѣчается и здѣсь, но вообще тутъ уже замѣчается преобладаніе торжественныхъ танцевъ масокъ, такъ какъ судебная власть тайныхъ обществъ вполнѣ удовлетворительно замѣняется собраніемъ совѣта, и, слѣдовательно, нѣтъ надобности въ застраиваніи женщинъ и рабовъ, къ которому прибѣгаетъ Мумбо-Джумбо.

Кому не придетъ въ голову при видѣ этихъ широко распространенныхъ во всемъ мірѣ обычаевъ, что нѣкоторые древніе и новыя обычаи европейскихъ народовъ могутъ быть отнесены сюда же, къ такому же точно культурному слою, напр., греческія мистеріи или же пастушескіе обычаи жителей Верхней Баваріи, выдвигающіеся среди современной культуры словно одинокая скала надъ зеленою равниной. Возможно, что и весеннія игры нѣмецкой сельской молодежи, во время которыхъ юноши приносятъ изъ лѣса на Троицу фантастически-разукрашенный и замаскированный деревянный чурбанъ, также являются отголоскомъ этихъ обычаевъ. Вовсякомъ случай Маннгардтъ, въ своемъ изслѣдованіи культа деревьевъ, приводитъ множество такихъ параллелей, бросающихся въ глаза, и открываетъ для изслѣдованія обширное и богатое поле

Клубы и тайные союзы всегда возникали изъ первоначальныхъ обществъ мужчинъ, и этотъ фактъ нисколько не опровергается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщины также устраивали подобныя же организациі. Тутъ на нихъ дѣйствовалъ просто-напросто примѣръ мужчинъ, а зачастую также желаніе избавиться отъ терроризма мужскихъ союзовъ, противопоставивъ имъ такую же организацию. Слѣдовательно, и здѣсь повторяется старая пѣсня: всякая эмансипація женщинъ исходитъ изъ подражанія мужчинамъ скорѣе, нежели изъ развитія истинно-женскихъ качествъ. Малочисленность и менѣе строгая организациа, а также болѣе слабое вліяніе женскихъ обществъ указываютъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло со вторичными явленіями, которыя съ такою же необходимостью вытекаютъ изъ организациі мужчинъ, какъ и дѣленіе австраійскихъ женщинъ и дѣвушекъ на классы по возрастамъ. У индѣйцевъ Мандановъ, по словамъ принца фонъ Вида, шести мужскимъ классамъ противопоставались только четыре женскихъ. Клубы и тайные союзы женщинъ встрѣчаются въ большомъ числѣ, какъ противоположность мужскимъ обществамъ, въ Меланезіи и западной Африкѣ и, между прочимъ, на Банксовыхъ островахъ. Женщины совершенно исключаются изъ мужского клуба „Juge“, говоритъ Кадрингтонъ, и поэтому онѣ устроили между собою нѣчто подобное этому обществу, хотя оно неправильно называется такимъ же именемъ. Женщины, однако, достигаютъ только одной степени посредствомъ уплаты денегъ и устройства пировъ и, такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ почетное званіе

„tavine motar“. На островахъ Палау женщины устроили такого же рода общества. Общества эти принимаютъ участіе въ празднествахъ, но не могутъ соперничать въ дѣлѣ вліянія съ обитателями мужскихъ домовъ. Женщины на островахъ Джильберта даже имѣютъ отдѣльные дома для своихъ собраній; дома эти, конечно меньше мужскихъ домовъ и женщины собираются въ нихъ для совмѣстнаго производства женскихъ работъ. Настоящіе же женскіе тайные союзы, служащіе противовѣсомъ мужскихъ союзовъ, возникли въ Западной Африкѣ. Въ Габунѣ среди женщинъ Мнонгве и Бакалаи образовался союзъ Нвембе, который, согласно африканскому обычаю, имѣетъ свою хижину фетишей и посредствомъ разнаго рода фокусовъ за-

Мужской домъ „Нанга“ на Фиджи.

путиваетъ своихъ противниковъ, такъ что, благодаря этому обстоятельству, женщины обоихъ племенъ занимаютъ лучшее положеніе, нежели вообще негритянки. Мужчинамъ строго воспрещается входить въ хижину фетишей, и Дюшалью, попытавшійся было зайти въ одну изъ такихъ хижинъ, вскорѣ подвергся преслѣдованію цѣлой толпы женщинъ и долженъ былъ заплатить штрафъ.

Тайные союзы мужчинъ являются только отпрысками настоящихъ мужскихъ обществъ, но зародыши, изъ которыхъ они могутъ развиваться при благоприятныхъ обстоятельствахъ, распространены очень широко, какъ это указываютъ, между прочимъ, церемоніи посвященія мальчиковъ и юношей при наступленіи возмужалости и ихъ пріемъ въ союзъ взрослыхъ или при вступленіи ихъ въ классъ ровесниковъ, юныхъ воиновъ. Часто мужчины племени образуютъ

вмѣстѣ родъ тайнаго союза, обладающаго своимъ собственнымъ клубнымъ помѣщеніемъ или ложей. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ мѣста, Нанга на островахъ Фиджи, гдѣ совершаются церемоніи пріема въ союзъ. Часть этихъ церемоній заключается въ испытаніи мужества и выносливости и часто выражается въ утонченныхъ мучительствахъ, подвергающихъ опасности жизнь и здоровье испытуемыхъ. Цѣль этихъ испытаній, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить вступленіе въ мужской союзъ только сильныхъ и мужественныхъ, а слабыхъ отвергать или же уничтожать. Мы, однако, оставляемъ пока въ сторонѣ всѣ эти испытанія мужества, какъ и обычай обрѣзанія, который, въ своихъ различныхъ формахъ, преслѣдовалъ первоначально только одну цѣль—облегченіе половыхъ сношеній, и только постепенно, въ разныхъ мѣстахъ, какъ, напр., у евреевъ, вслѣдствіе вторичныхъ основаній, сталъ производиться въ дѣтскомъ возрастѣ, въ первые дни жизни ребенка. Также мало можно причислить сюда и странный, въ особенности въ Австраліи распространенный, обычай калѣчить нѣкоторыхъ мальчиковъ для того, чтобы избѣжать нежелательнаго прироста населенія. Однако, тѣ взгляды и обычаи, которые указываютъ на тѣсную связь между посвященіемъ мальчиковъ и культомъ умершихъ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. То болѣе, то менѣе ясно и опредѣленно выступаетъ туя идея, что мальчики умираютъ и потому снова рождаются и что чужой духъ, по всей вѣроятности духъ предка, вселяется въ новичка и снабжаетъ его новыми силами, которыя и дѣлаютъ его достойнымъ быть принятымъ въ общество мужчинъ и безъ всякой опасности для себя принимать участіе въ ихъ танцахъ духовъ и церемоніяхъ. Мы не будемъ касаться здѣсь вопроса, какимъ образомъ могло сложиться подобное воззрѣніе, въ основѣ котораго первоначально находился, вѣроятно, андоканнибализмъ, т. е. пожираніе своихъ собственныхъ одноплеменниковъ. Однако, въ типическихъ примѣрахъ, доказывающихъ существованіе такого взгляда, недостатка нѣтъ.

У туземцевъ Либеріи, какъ рассказываетъ Бюттикоферъ, мальчики воспитываются въ заколдованной рошѣ и называются „belgu“ или „belly“. Мальчиковъ, достигшихъ десятилѣтняго возраста, уводятъ туда и тамъ они остаются около года и въ это время обучаются стариками искусству охоты и войны, а также знакомятся со всѣми правилами и законами племени. Кромѣ того, мальчики въ это время приучаются переносить голодъ и жажду и всякія тѣлесныя страданія. Женщинамъ и непосвященнымъ входъ въ эту рошу строго воспрещенъ; мальчики же, которые сопротивляются и не хотятъ идти туда, насильно уводятся замаскированнымъ «лѣснымъ чортомъ». Все тутъ дѣлается для того, чтобы у мальчиковъ и у народа породить убѣжденіе, что подвергающіеся искусу умираютъ

при вступленіи въ заколдованную рошу и затѣмъ уже возрождаются для новой жизни. Подвергается-ли воспитатель своихъ учениковъ гипнозу посредствомъ какого-нибудь способа и затѣмъ заставляетъ ихъ въ дѣйствительности повѣрять въ свою смерть и возрожденіе или же они даютъ строгій обѣтъ поступать такъ, какъ будто бы они были дѣйствительно умерщвлены и потомъ воскресли—это вопросъ открытый, говоритъ Бюттикоферъ,—но вѣрно то, что какъ мальчики, такъ и дѣвочки, послѣ своего, такъ называемаго, возрожденія, поступаютъ такъ, какъ будто у нихъ исчезло всякое воспоминаніе о своей прошлой жизни. Они не узнаютъ своихъ знакомыхъ и снова должны учиться тому, что имъ было хорошо извѣстно. Южиѣ, на берегу Лоанго и у устья Конго, повидимому, также господствуетъ этотъ обычай и даже иногда—что, вѣроятно, составляетъ извращеніе первоначальнаго обычая, если только не служить воспоминаніемъ о системѣ классовъ по возрастамъ—такой же процедурѣ подвергаются и взрослые, т. е. они «убиваются» и снова возрождаются. Бастіанъ рассказываетъ со словъ туземцевъ: «Тотъ, кого любить фетишь, уводится имъ въ лѣсъ и часто остается тамъ похороненнымъ долгіе годы. Когда же онъ снова возрождается къ жизни, то онъ начинаетъ ѣсть и пить, какъ прежде, но рассудокъ его исчезаетъ и жрецъ долженъ руководить всѣми его движеніями и обучать его, точно маленькаго ребенка. Когда же его воспитаніе кончено, то жрецъ приводитъ его обратно къ родителямъ. Но эти послѣдніе рѣдко сами могли бы узнать свое дитя, если бы ихъ не увѣрилъ въ этомъ жрецъ, напомнившій имъ различныя подробности и обстоятельства, относящіяся къ этому ребенку».

Словно какая-то дикая допристическая драма, рисуется намъ умерщвленіе и возрожденіе мальчиковъ у альфуровъ Серама. Въ густомъ лѣсу находится храмъ, названіе котораго «Марель» напоминающее по созвучію „Magai“ и „Vale“, указываетъ, что это нечто иное, какъ преобразованный домъ мужчинъ прежнихъ временъ. Туда приводятъ родители толпы дрожащихъ отъ страха дѣтей, которыя и уводятся жрецомъ въ самые темные закоулки храма. Вскорѣ раздаются отсюда стоны и испуганные крики и окровавленные копья показываются сквозь плетенныя стѣны зданія, возвѣщая о темныхъ дѣлахъ, которыя тамъ совершаются. Только спустя три мѣсяца возродившіеся мальчики возвращаются въ свою деревню съ бѣлою тросточкой въ рукѣ, но они разучились говорить и потеряли всякое воспоминаніе о прежнихъ временахъ, такъ что только долговременное обученіе можетъ возобновить у нихъ память.

Въ Новой Гвинее, въ гавани Флячъ, Шеллонгъ видѣлъ мальчиковъ, подвергшихся обрѣзанію, поразившихъ его своимъ серьезнымъ и апатичнымъ видомъ, когда они возвращались въ деревню съ закрытыми глазами. Они открыли глаза только тогда, когда какой-то

мужчина, яростно ударивший по землѣ черенкомъ пальмоваго листа, нѣсколько разъ приказалъ имъ сдѣлать это, но и послѣ того на лицахъ ихъ не выражалось никакой радости, никакого признака, что они узнаютъ окружающее. Идея возрожденія тутъ выражена на нихъ не такъ рѣзко, но все-таки ее распознать не трудно. На австралийскомъ материкѣ продолжительное разобщеніе мальчиковъ отъ остальныхъ членовъ племени и отъ женщинъ, фокусы съ метательнымъ деревомъ, на которое женщины и дѣти даже взирать не могутъ, подъ угрозой опасности для жизни, и нѣкоторые древніе обычаи, — все это указываетъ, что и тутъ, въ основѣ этихъ обычаевъ, лежитъ, вѣроятно, идея возрожденія.

На самомъ дѣлѣ всѣ эти идеи и обычаи вытекаютъ изъ желанія разобщить какъ можно строже мужчинъ, соединившихся вмѣстѣ, отъ общества женщинъ и создать имъ господствующее надъ семейною жизнью положеніе, такъ какъ иначе семейная жизнь, въ силу своей обособленности, могла бы помѣшать объединенію человечества въ союзы большихъ размѣровъ. У готтентотовъ, какъ сообщаетъ Петеръ Кольбъ, это выражается довольно наивнымъ образомъ, — въ томъ, что юношѣ, при посвященіи въ разрядъ взрослыхъ мужчинъ, напоминаетъ о томъ, что теперь онъ уже не обязанъ послушаніемъ своей матери и долженъ держаться мужчинъ. То же самое наблюдается и у кафровъ Каза: «свѣже-намазанные жиромъ и красною глиной, обрѣзанные юноши, говоритъ Фричъ, всѣ вмѣстѣ, отправляются въ главный крааль, гдѣ устраивается для нихъ пиршество съ участіемъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ округа. Эти послѣдніе снова напоминаютъ новичкамъ тѣ обязанности, которыя возлагаются теперь на нихъ, какъ на взрослыхъ мужчинъ, и обращаютъ ихъ вниманіе на то, чего они должны избѣгать въ будущемъ и что причисляется только дѣтямъ. Къ первымъ принадлежатъ прежде всего: послушаніе относительно вождя, соблюденіе обычаевъ, заповѣданныхъ предками, храбрость въ бою и щедрость въ отношеніи своихъ соплеменниковъ. Не мужскимъ поведеніемъ будетъ то, если они позволяютъ женщинамъ руководить собою: имъ ставится на видъ, что они не должны преклоняться даже передъ авторитетомъ матери, не должны употреблять сладкаго молока, сосать козъ и вообще продолжать разные другія дѣтскія шалости».

Изъ мужскихъ обществъ происходятъ также и многочисленныя, дѣйствующія въ силу боязни таинственныхъ силъ, запрещенія, изъ числа которыхъ наилучше извѣстны законы Табу въ Полинезій и Меланезіи. Несмотря на измѣнившійся смыслъ этихъ законовъ и на примѣненіе ихъ для различныхъ цѣлей, они все-таки первоначально представляли параллель къ планомѣрному застраиванію женщинъ и непосвященныхъ, къ которому прибѣгали тайные союзы и въ которомъ заключался зародышъ законнаго порядка, устанавливающаго

жизнь племени и дѣйствительнаго, заключеннаго въ опредѣленные формы, правосудія. Впослѣдствіи обычаи Табу содѣйствовали укрѣпленію понятія о личной собственности.

Судьба благоприятствуетъ намъ въ томъ отношеніи, что мы можемъ изучать дѣятельность мужскихъ обществъ какъ въ ихъ простѣйшихъ формахъ, такъ и во всѣхъ ихъ перерожденіяхъ, но это обстоятельство не должно вводить насъ въ заблужденіе и мы все-таки должны видѣть, что мужской домъ есть не что иное, какъ остатокъ исчезающей постепенно формы бытія, которая еще можетъ держаться рядомъ съ матриархальной семьей, послѣ того, какъ организація родства замѣнила первоначальный порядокъ дѣленія классовъ по возрастамъ, но патриархальная семья должна ее разрушить. Экономическая переиѣна, сопровождающая введеніе земледѣлія, точно также наноситъ ущербъ преобладанію мужскихъ союзовъ, такъ какъ она нерѣдко бываетъ связана съ повышеніемъ вліянія женщинъ, потому что въ первоначальныхъ условіяхъ жизни именно женщина культивируетъ питательныя растенія, мужчина же, въ качествѣ охотника и впослѣдствіи скотовода, заботится о мясной пищѣ. Такая переиѣна, повидимому, возникла уже у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ Бразиліи и подорвала значеніе маскарада, къ которому прибѣгали мужчины. Но у большинства живущихъ у Шингу народцевъ Карлъ фонъ-денъ-Штейненъ нашелъ еще сохранившимся почтеніе и благоговѣнный страхъ передъ домомъ мужчинъ и танцами масокъ. Однако, женщины Тапиране въ Гаацѣ, по свидѣтельству Эренрейха, уже давно вышли изъ этого состоянія благоговѣннаго ужаса. По словамъ преданія, такая переиѣна произошла оттого, что однажды собраніе женщинъ случайно, или можетъ быть намѣренно, увидѣло окруженные тайной танцы масокъ, и, такимъ образомъ, тайнѣ и связанному съ нею страху положенъ былъ конецъ, такъ какъ, вѣдь, нельзя же было перебить изъ принципа всѣхъ женщинъ племени, чтобы предотвратить, такимъ образомъ, послѣдствія женскаго любопытства. Въ другихъ мѣстахъ тайные союзы разрушаются подъ вліяніемъ высшей культуры. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что Меланезійскіе клубы первоначально были тайными обществами, вынужденными, въ концѣ-концовъ, отказаться отъ своихъ террористическихъ обрядовъ, въ которые уже больше никто не вѣрдалъ, и прибѣгать къ этимъ обрядамъ развѣ только ради увеселенія народа. Рядомъ съ ними стали нарождаться новые тайные союзы. Особенно же печальная участь постигла союзъ Матамбала во Флоридѣ. «Уже въ теченіе нѣсколькихъ дѣтъ, говоритъ Кадрингтонъ, не устраивалось ни одного праздника Матамбала. Молодежь отлично понимала, въ чемъ тутъ дѣло, но старики продолжали держаться своихъ прежнихъ вѣрованій и полагали, что тутъ происходитъ что-то сверхъ-естественное. Когда же, наконецъ, глава союза обратился въ христіанство, то всѣ безстрашно устремились въ

священное мѣсто, метательное дерево превратилось въ дѣтскую игрушку, а старики сидѣли и оплакивали оскверненіе святыни и потерю своей власти и привилегій». У эскимосовъ также уже нѣтъ больше рѣчи о тайныхъ союзахъ, хотя у нихъ и выступаютъ порою замаскированные плясуны.

Но пусть исчезнутъ классы по возрастамъ и все мужскія общества, со всеми своими развѣтвленіями, слѣды ихъ все-таки останутся, и тутъ невольно возникаетъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли отнести все тѣ обычаи, которые рассматриваются, какъ остатки первобытной общности половъ, на счетъ возрѣвнй, возникающихъ въ группѣ неженатыхъ молодыхъ мужчинъ и въ соответствующемъ возрастномъ классѣ женщинъ, независимо отъ существующей рядомъ семейной жизни болѣе старыхъ людей? Этотъ вопросъ заслуживаетъ обсуждения. Любовь и бракъ очень мало имѣли общаго прежде и скорѣе разные хозяйственные соображенія и забота о дѣтяхъ способствовали образованію прочныхъ узъ, связывающихъ лицъ различнаго пола. Свободная и безпечная любовь молодыхъ людей бываетъ только до брака и только послѣдствія этихъ сношеній приводятъ къ браку. Домъ холостыхъ, если только онъ не дѣлается недоступнымъ для женщинъ посредствомъ различныхъ таинственныхъ фокусовъ, непременно

составляетъ центръ такой свободной любви. Въ Янѣ, напр., дѣвушки могутъ входить въ мужской домъ во всякое время, замужнія же женщины только днемъ. Карлъ фонъ-денъ-Штейнеиъ прекрасно изобразилъ, какъ весело проводятъ время въ такомъ домѣ у Бороро. Дѣвушки, обитающія въ мужскомъ домѣ на Каролинскихъ островахъ, часто переходятъ изъ одного такого дома въ другой, пока не найдутъ себѣ мужа. Въ этихъ обычаяхъ, существующихъ на ряду съ твердо-установленными брачными постановленіями, должна гнѣздиться идея, что каждая молодая дѣвушка принадлежитъ всемъ молодымъ мужчинамъ своего племени, если только тутъ не препятствуютъ брачныя запрещенія, и, прежде чѣмъ вступить въ прочный союзъ съ однимъ мужчиной, дѣвушка должна вознаградить всехъ другихъ за ихъ потерю въ своемъ лицѣ. Такимъ образомъ, устраняются нѣкоторыя односторонніе взгляды на этотъ вопросъ и мы приходимъ

Эскимось въ маскѣ.

къ слѣдующему заключенію: несомнѣнно, что нѣкогда существовала и общность половъ, хотя бы преходящимъ образомъ. Ее можно прослѣдить еще и теперь повсюду, но она распространяется только на болѣе молодыхъ членовъ и вовсе не служитъ ступенью къ браку, а существуетъ независимо отъ него.

Правда, поступки холостыхъ, въ особенности когда ихъ поддерживаютъ организаціи тайныхъ союзовъ, танцы масокъ и т. д., часто не только до извѣстной степени противорѣчатъ браку, но даже дѣйствуютъ на него разлагающимъ образомъ. Товарищество молодыхъ

Танецъ съ масками у жителей о. Тарресса въ Австраліи.

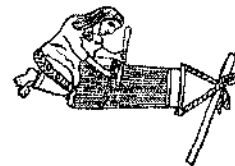
людей крѣпче брачныхъ узъ, заключенныхъ впоследствии, и такъ какъ среди товарищей господствуетъ коммунизмъ, то легко можетъ случиться, что и жена будетъ рассматриваться, какъ родъ имущества, которое можетъ быть на время предоставлено, при желаніи, постороннему человѣку. Очень возможно, что именно тутъ находится источникъ браковъ Пуналуа и Пиррауру! По крайней мѣрѣ, этотъ бракъ производитъ впечатлѣніе нѣкогда свободнаго обычая, который мало-по-малу былъ заключенъ въ извѣстныя формулы, какъ это можно часто наблюдать во многихъ отношеніяхъ. Въ этомъ смыслѣ случайный обменъ жень — не что иное, какъ предвѣстникъ, предоставленіе же жены гостю — перерожденіе первоначальнаго обычая. Въ

Африкѣ уступка жены другу не составляетъ рѣдкаго явленія и именно на нижнемъ Конго, согласно указаніямъ Цуккели, у Мнонтве въ Чабуни, — по Буртоку и Геккарду, такой обычай весьма распространенъ. Въ Сударѣ, по одному показанію, торговцы, отправляющіеся въ путешествіе, отдаютъ своихъ женъ на время своего отсутствія кому нибудь изъ друзей и съ своей стороны ожидаютъ того же отъ нихъ. Это напоминаетъ нѣкоторые спартанскіе обычаи. Шамиссо нашелъ у туземцевъ Маршалльскихъ острововъ слѣды обычая обмѣна женъ, а также и на Каролинскихъ островахъ этотъ обычай былъ давно извѣстенъ и, повидимому, былъ распространенъ во всей Океаніи, хотя и не вездѣ превратился въ стойкое учрежденіе. Естественно, что ближайшимъ другомъ мужа долженъ быть его братъ и поэтому онъ чаще всего бываетъ его сотоварищемъ въ бракѣ, а согласно обычаю такъ называемаго левирата, братъ беретъ себѣ жену своего умершаго брата. На этомъ основаніи можно смѣло отнести происхожденіе полиандріи у нѣкоторыхъ народовъ насчетъ возрѣвнй первобытнаго мужского общества и рассматривать ее, какъ остатокъ прежнихъ условій, удержавшійся, быть можетъ, вслѣдствіе особенныхъ экономическихъ причинъ. Такимъ образомъ, полиандрія уже является не исключеніемъ, а естественнымъ результатомъ извѣстной эволюціи и получается такая картина старинныхъ общественныхъ формъ, которая можетъ, повидимому, прикарить между собою самыя рѣзкія разногласія научныхъ возрѣвнй. Семья со всеми своими естественными придатками могла, конечно, быть первою основою образованія общества, но затѣмъ возникли болѣе значительные союзы путемъ соединенія мужчинъ, и внутри этихъ союзовъ начала развиваться новая организція, слагающаяся изъ раздѣленія по классамъ на основаніи возраста. Свободная любовь или гетеризмъ господствовала въ болѣе молодыхъ, а бракъ въ болѣе старыхъ классахъ, но семья постепенно стала заявлять о своихъ правахъ въ этой организціи и образовалась новая организція — тотемистическо-матріархальная, которая мало-по-малу перешла въ патриархальную систему. Таковъ былъ, въ общемъ, ходъ развитія, но въ частности, конечно, могли быть отклоненія, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣйствовали различныя вліянія, то ускоряя, то задерживая прогрессъ и содѣйствуя образованію всякаго рода наростовъ.

Матріархальное общество противопоставляетъ принципъ кровнаго родства дѣленію на классы по возрастамъ, а безпутной жизни въ домахъ холостыхъ и дѣвушекъ оно противопоставляетъ правильную брачную жизнь и воспитаніе въ предѣлахъ родовой группы. Въ сущности, тутъ снова выдвигается на сцену старѣйшая форма общества, существовавшая до возникновенія мужскихъ союзовъ, съ тою только разницей, что семья теперь сосредоточивается около матери, а не около предводительствующаго ею мужчины. Но изъ этого не

слѣдуетъ заключать, что положеніе женщины становится болѣе почетнымъ. Пока во главѣ остается мужское общество и семья является лишь вынужденнымъ необходимостью заключеніемъ веселой и разгульной боевой жизни мужчины, женщина, несмотря на матріархатъ, все-таки не пользуется ни вліяніемъ, ни властью. Только экономическія причины могутъ доставить женщинѣ возможность улучшить свое положеніе и даже при благоприятныхъ обстоятельствахъ, достигнуть господства, какъ это остроумно доказалъ Юліусъ Липпертъ.

Уже на самыхъ первобытныхъ ступеняхъ человѣческаго хозяйства, какъ мы увидимъ дальше, возникаетъ раздѣленіе труда въ томъ смыслѣ, что мужчина, главнымъ образомъ, заботится о добычѣ животной, а женщина — растительной пищи. Постепенно эта дѣятельность мужчины и женщины развивается независимо другъ отъ друга, хотя, конечно, не вездѣ одинаковымъ образомъ, и переходитъ у женщинъ въ культуру полезныхъ растений, а у мужчинъ — въ скотоводство. Однако, земледѣліе среди женщинъ, хотя оно и не возникло раньше скотоводства, все-таки распространилось болѣе.

Дѣвушка, работающая на ткацкомъ станкѣ.

Поступешкимъ племенамъ и болѣе культурнымъ народамъ, у которыхъ земледѣліе идетъ рука объ руку съ разведеніемъ домашнихъ животныхъ, можно противопоставить множество такихъ племенъ, которые, хотя и занимаются добычей мяса, но разводятъ полезныхъ животныхъ лишь въ очень ограниченномъ количествѣ. Женщины же, достигшія уже такого культурнаго прогресса, который доставляетъ имъ значительное преимущество надъ мужчинами, остающимися на ступени охотничьей жизни, искусно воспользовались этимъ обстоятельствомъ и дѣйствительно увеличили свое значеніе, особенно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже дикость уменьшилась и охота не доставляетъ много добычи. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить промышленную дѣятельность женщинъ, горшечное и ткацкое ремесло и т. п., доставляющую имъ тамъ, гдѣ торговля уже успѣла нѣсколько развиться, личные доходы. Мужчины, однако, умѣютъ ограждать себя. Мы видѣли, какъ они, путемъ тайныхъ союзовъ, сумѣли воспрепятствовать женской организціи. Быть можетъ, и чрезмѣрное развитіе воинственности и каннибализма, какъ это произошло у маори, было полусознательнымъ противобѣсомъ мирной, но дающей власть дѣятельности женщинъ.

Болѣе высокая культура женщины проявляется на этой ступени развитія еще и въ томъ, что женщина сама себя приучаетъ къ прилежной работѣ, тогда какъ мужчина, если только ему удалось установить свой авторитетъ, проводитъ жизнь въ полнѣйшей празд-

ности. Такимъ образомъ, влияние женщины и матриархальной семьи все болѣе возрастаетъ, пока, наконецъ, дѣло не дойдетъ до того, что мужъ, представляетъ уже не болѣе, какъ терпимый придатокъ къ матриархальной семьѣ. Жена въ такой семьѣ имѣетъ свой собственный домъ, ведетъ свое хозяйство, и мужчина является лишь какъ со- товарищъ за трапезой, для которой онъ сдѣлалъ свой вкладъ охотничьей добычи. У многихъ индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки образовались именно такія условія, какъ говоритъ Лоскиель, тѣмъ не менѣе мужчины все таки были организованы и въ племени имъ принадлежала руководящая роль. Настоящее господство женщинъ представляетъ рѣдкое явленіе. У Вабума, въ Конго, Мензе нашель женщинъ-вождей и жриць, влияние которыхъ было достаточно велико, чтобы не допустить полигаміи, тогда какъ онѣ сами имѣли много мужей. У обитателей острова Уулэ, у юго-восточнаго берега Новой Гвиней, женщины, по словамъ д'Альбергота, пользуются такою властью, что можно даже говорить о господствѣ женщинъ. Однако, Бахофенъ все-таки придалъ слишкомъ много значенія легендамъ объ амазонкахъ древности, аналогію которымъ мы находимъ въ Южной Америкѣ и Африкѣ. Женщины-вожди встрѣчаются, однако, нѣрѣдко, но ихъ избраніе вовсе не основывается на матриархальныхъ идеяхъ, такъ какъ и въ патриархальной Европѣ престолъ занимаютъ иногда женщины.

Въ общемъ, мужчина, при самыхъ различныхъ условіяхъ, всегда старается все-таки утвердить свое господство, хотя бы это и вызывалось иногда тѣмъ обстоятельствомъ, что женщина, вслѣдствіе своей слабости и выполнения своихъ естественныхъ обязанностей, нуждается въ защитникѣ. Преобладаніе мужчины выражается ярче всего въ разныхъ свадебныхъ обычаяхъ, которые почти всѣ основываются на томъ, что женщина, сначала являющаяся собственностью своихъ родителей или ихъ замѣстителей, въ будущемъ должна стать собственностью мужа, и поэтому она составляетъ предметъ борьбы, обмѣна и продажи, при чемъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и въ видѣ исключенія, ей удается заставить уважать свою волю, да и то это всегда бываетъ сопряжено для нея съ опасностями и затрудненіями. Взглядъ на нѣкоторые главнѣйшія формы заключенія брака вполне подтверждаетъ это.

На австралийскомъ материкѣ еще процвѣтаютъ старинныя формы похищенія и обмѣна женщинъ. Кто не имѣетъ родственниковъ женскаго пола, которыхъ бы онъ могъ отдать въ обмѣнъ за дѣвушку другого племени, тотъ часто оказывается въ трудномъ положеніи и порою ему не остается другого выбора, какъ похитить дѣвушку изъ сосѣдней орды и вмѣстѣ съ нею укрыться въ чащѣ. Обыкновенно парочка бываетъ скоро открыта и тогда молодой похититель, вооруженный только щитомъ, долженъ отражать нападеніе мужчинъ оби-

женнаго племени, которые бросаютъ въ него свои копья и иногда убиваютъ его; порою возникаетъ настоящее сраженіе между обѣими ордами, если только старикамъ не удастся раньше устроить соглашеніе, и лѣтъ такой дѣвушки, которую можно было бы отдать вза- мѣнъ похищенной. У нѣкоторыхъ племенъ въ Викторіи, какъ сообщаетъ Булмеръ, несчастный любовникъ во всякомъ случаѣ долженъ сражаться съ родственниками своей возлюбленной, хотя бы, въ сущности, никто не имѣлъ ничего противъ ихъ союза, — и переноситъ толчки и удары отъ представляющихся жестоко оскорбленными единоплеменниковъ дѣвушки, пока, наконецъ, не получено будетъ желаемого согласія.

Эти свадебныя битвы имѣютъ въ Австраліи очень серьезную подкладку, хотя урегулированного похищенія женщинъ тамъ уже не существуетъ, такъ какъ учрежденные брачныя законы строго соблюдаются. Но въ разныхъ другихъ мѣстахъ земного шара этотъ обычай сохранился съ удивительною устойчивостью, выражаясь въ притворныхъ битвахъ. Обыкновенно жениха поддерживаетъ его классъ ровесниковъ и помогаетъ ему овладѣть добычей. Невѣста же должна противиться имъ; она прячется, плачетъ, зоветъ на помощь и непременно должна постараться дать понять, что она вовсе не слѣдуетъ добровольно за своимъ женихомъ. Мать дѣвушки играетъ въ большинствѣ свадебныхъ обрядовъ лишь второстепенную роль, и въ будущемъ она болѣею частью не можетъ оказывать никакого влияния на молодыхъ супруговъ, что въ особенности поддерживается благодаря широкораспространенному обычаю, воспрещающему зятю и тещѣ не только разговаривать другъ съ другомъ, но даже видѣть другъ друга. Возникъ ли подобный обычай изъ желанія предотвратить кровосмѣшеніе — что представляется наиболѣе вѣроятнымъ, — или же онъ составляетъ отголосокъ притворнаго похищенія женъ, во всякомъ случаѣ онъ является препятствіемъ для организациі материнской семьи и устанавливаетъ господство мужчины даже внутри такихъ маленькихъ группъ, которыя, въ предѣлахъ родства, естественно сосредоточиваются около матери. Съ какою послѣдовательностью проводится мѣстами этотъ обычай, доказываетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе Кюдингтона: «На Банисовыхъ островахъ ни одинъ мужчина не рѣшится приблизиться къ своей тещѣ. Эта боязнь, впрочемъ, обоюдная: если случайно оба встрѣтятся другъ съ другомъ, то женщина тотчасъ же поворачивается спиной и стоитъ такъ, пока зять ея не пройдетъ мимо; иногда же онъ самъ уходитъ прочь съ дороги. Въ Науау Лава, въ портѣ Патерсонъ, мужчина ни за что не пойдетъ вдоль берега залива, слѣдомъ за своей тещей, и вообще будетъ стараться избѣгать этого берега до тѣхъ поръ, пока приливъ не смоетъ слѣды прошедшей раньше его». Но это не относится къ тестю, котораго не избѣгаютъ ни жена, ни мужъ.

Обычай служить для получения невесты не доказывает вовсе особенного почтения къ женщинамъ Мужчина, просто на просто, покупаетъ себѣ жену своею работою у ея родителей или у родственной группы. Женское вліяніе только косвеннымъ образомъ, повышается, благодаря униженному положенію, въ которомъ пребываетъ искатель невесты. У Имельновъ въ Камчаткѣ, легко прослѣдить это. «Если кто-нибудь изъ нихъ, говоритъ Штельмеръ, захочетъ жениться, то онъ не можетъ иначе добыть себѣ невесту, какъ отработавъ раньше ея отцу. Если онъ замѣчаетъ дѣвушку, которая ему нравится, то, не говоря ни слова, отправляется въ домъ къ ея отцу и начинаетъ, виѣтъ съ другими, исполнять домашнія работы, при чемъ старается превзойти другихъ силой и стараніями облегчить трудъ невесты и ея родителей. Хотя уже съ первыхъ дней какъ родители, такъ и невеста, видятъ въ чемъ тутъ дѣло, такъ какъ молодой человекъ, разумеется, старается всегда быть поближе къ любимой особѣ и ночью онъ также укладывается спать какъ можно ближе къ ней, но тѣмъ не менѣе никого не спрашиваетъ его объ этомъ, пока, наконецъ, черезъ годъ, два или три, четыре такой батрацкой работы онъ не сдѣлается пріятель не только родителямъ дѣвушки, но и ей самой.

Если же онъ не понравится, то вся его работа пропала даромъ и онъ долженъ собирать свои пожитки и уходить, не получивъ никакой платы».

Изъ этихъ обычаевъ, похищенія, обмѣна и отработыванія женщины развились постепенно обычай покупки жены вездѣ, гдѣ только могла быть рѣчь о какой либо частной собственности. Достояно вниманія, что возникновение этого обычая покупки женщины также не имѣетъ никакой связи съ материнскимъ правомъ и совершенно зависитъ отъ побочных обстоятельствъ и того, какъ отражается этотъ обычай на положеніи женщины, т. е. повышаетъ или понижаетъ его. О пониженіи не стоитъ и говорить, но повышение происходитъ въ томъ смыслѣ, что дѣвушки становятся цѣною собственностью въ глазахъ родителей и поэтому дѣвочки уже не умерщвляютъ съ такою легкостью, какъ прежде, тотчасъ послѣ рожденія, и не обращаются съ ними такъ дурно, какъ раньше, въ дѣтствѣ и юности. Объ обычаѣ купли женщины у гилаковъ докъ Шренкъ рассказываетъ слѣдующее: «Пусть этотъ обычай оскорбителенъ, по нашему мнѣнію, для человѣческаго достоинства и личности женщины, которая тутъ представляется товаромъ, тѣмъ не менѣе онъ все-таки служитъ нѣкоторою нравственною уздою для мужчинъ. Прежде всего, онъ вынуждаетъ ихъ, посредствомъ дѣятельности и работы, добиваться средствъ, чтобы имѣть возможность купить себѣ жену и устроить свое собственное хозяйство, при чемъ онъ служитъ также преградой слишкомъ раннимъ бракамъ. Далѣе, затрудняя матеріальнымъ обра-

зомъ многоженство, такой обычай препятствуетъ его распространенію и помогаетъ утвердиться моногаміи. Кроме того, онъ гарантируетъ дѣвушкѣ хорошее обращеніе въ родительскомъ домѣ, такъ какъ дѣвушка хорошо воспитанная и хорошо содержавшаяся въ домѣ родителей, уже находитъ покупателя и можетъ быть продана за болѣе высокую цѣну. Но точно также его гарантируетъ отчасти и отъ дурного обращенія мужа, потому что жена, которая досталась съ трудомъ и за которую пришлось дорого заплатить, цѣнится, по крайней мѣрѣ, у дикарей, гораздо выше, и больше оберегается, нежели та, которая досталась съ меньшимъ трудомъ или даже была получена въ подарокъ. Итакъ, цѣна невесты у дикарей является, нѣкоторымъ образомъ, коррективомъ въ отношеніи занимаемаго ею положенія, и чѣмъ выше цѣна, тѣмъ больше это оказываетъ дѣйствія и позволяетъ сдѣлать лучше предказаніе для условій брачной и семейной жизни даннаго народа».

Покупка женъ была неизбежна и высшимъ культурнымъ народамъ. Семиты и аріицы еще въ историческія времена твердо держались этого обычая. Его исчезновение вовсе не идетъ параллельно съ образованіемъ патріархальной семьи, но представляетъ болѣе или менѣе самостоятельное культурное явленіе, тѣсно связанное съ побѣдою моногаміи, при чемъ не слѣдуетъ забывать, что преобразование формъ родства далеко не вездѣ одинаково, да и то лишь посредствомъ образомъ, могло содѣйствовать повышенію или пониженію женскаго вліянія. Эмансипаціонная борьба происходитъ, главнымъ образомъ, на экономической, а также религіозной почвѣ и вообще въ духовной области. Если, напр., женщинамъ удастся завладѣть должностями жрецовъ и колдуновъ, то у нихъ въ рукахъ оказывается весьма опасное оружіе, которымъ онѣ нѣрѣдко умѣютъ пользоваться съ большимъ искусствомъ, такъ какъ суевѣріе мужчинъ подчасъ бываетъ сильнѣе ихъ стремленія къ господству и подчиняетъ себѣ даже грубую силу. Но тамъ, гдѣ преобладаніе чувственности превращаетъ женщину въ простое орудіе наслажденія, ей очень трудно вырваться изъ своего приниженаго положенія. Пренебрежительное отношеніе къ женщинѣ, существующее въ мѣрѣ Ислама и выражающееся всего яснѣе въ заповѣди, требующей закрытія лица, отчасти было вызвано климатическими условіями, но магометанская религія только усилила это отношеніе.

Если положеніе женщины вообще мало имѣетъ отношенія къ переменамъ общественныхъ формъ, а именно: къ распаденію матриархальной системы родства и образованію патріархальной семьи, то еще менѣе оно могло быть причиною этихъ переменъ. Патріархатъ образовался не ради женщины и не наперекоръ ей: онъ вызванъ совсѣмъ другими мотивами, находящимися въ тѣсной связи съ расширеніемъ политическаго горизонта, съ увеличеніемъ численности на-

родонаселения и стремлениемъ къ образованію болѣе крупныхъ общественныхъ союзовъ, которымъ мѣшала первоначальная система родства.

Припомнимъ еще разъ эту организацію: племя состоитъ изъ нѣсколькихъ родовъ, которые подчасъ соединяются въ родственныя группы (фратріи) или иногда происходятъ изъ нихъ, и посредствомъ взаимныхъ браковъ находятся между собою въ тѣсной связи. Настоящая социальная жизнь происходитъ внутри этихъ родовъ. На войнѣ они образуютъ отдѣльные отряды, подъ командою отдѣльныхъ вождей, и во внѣшнихъ отношеніяхъ группа дѣйствуетъ, какъ цѣлое, при чемъ единичная личность совершенно исчезаетъ въ массѣ.

Арабская женщина съ закрытымъ лицомъ.

Для племени, представляющаго, такимъ образомъ, весьма свободную организацію, рѣшаются предводителями родовъ, пока не лягутъ на сцену союзы мужчинъ, которые служатъ совѣтниками взрослыхъ и воиновъ. Но все это возможно лишь при такихъ условіяхъ, когда численность рода не очень велика или пока социальныя различія, развитіе торговли, накопленіе богатствъ и т. п. не слишкомъ сильно нарушили равновѣсіе между членами рода. Отсюда слѣдуетъ, что организація родства у всѣхъ прогрессирующихъ народовъ непременно будетъ такимъ же преходящимъ явленіемъ, какъ и дѣленіе классовъ по возрастамъ. Родъ слишкомъ сплоченное образованіе, чтобы въ немъ было мѣсто общественному дифференцированію, и въ то же время онъ слишкомъ великъ, чтобы при раздѣленіи труда принимать на

себя опредѣленные мелкія задачи. Съ другой стороны, онъ также слишкомъ малъ и мало доступенъ внѣшнимъ влияніямъ, чтобы служить фундаментомъ для болѣе крупныхъ политическихъ союзовъ, и, какъ на войнѣ, такъ и во время мира, можетъ выполнить лишь скромныя требованія. Шотландскіе кланы ясно указали какъ преимущества, такъ и недостатки организаціи родства. Во время всѣхъ возстаній, которыя устраивались въ пользу Стюартовъ, и послѣ первоначальныхъ блестящихъ успѣховъ, кланы, обыкновенно, должны были уступать натиску сплоченнаго англійскаго войска. Какъ только раздавался призывъ въ оружію, то кланы тотчасъ же являлись въ видѣ превосходныхъ маленькихъ батальоновъ, глубоко преданныхъ своимъ вождямъ, но совершенно невозможно было образовывать изъ нихъ войска въ современномъ смыслѣ этого слова, организовать спеціальныя роды оружія и вести военныя дѣйствія въ широкомъ смыслѣ. Народы-завоеватели охотно вернулись поэтому къ прежнему учрежденію мужскихъ союзовъ, какъ, напр., Германцы время переселенія народовъ, коренныя войска которыхъ составлялись изъ свиты князей и вождей, храбрецовъ, отдѣлившись отъ прочихъ сочленовъ и образовавшихъ прекрасный матеріалъ въ рукахъ полководцевъ. Такимъ образомъ, желаніе отдѣльной личности страхнуть съ себя обременительное иго родственныхъ узъ шло навстрѣчу желаніямъ народныхъ вождей произвольно распоряжаться силами массъ и создавать новыя организаціонныя формы, такъ что родъ, или непомерно увеличившійся вслѣдствіе роста населенія, или же, вслѣдствіе понесенныхъ потерь, превратившійся въ жалкій остатокъ, такъ или иначе долженъ былъ все-таки подвергнуться дѣйствию разрушительныхъ силъ.

Распаденіе чрезмѣрно расширившихся родовъ на болѣе мелкія группы, насколько объ этомъ возможно судить по переходнымъ формамъ, составляетъ наиболѣе частое явленіе. Въ высшей степени характерно, что вездѣ, гдѣ роды были образованы согласно патриархальной системѣ, число мелкихъ группъ всегда бываетъ очень велико, между тѣмъ какъ у народовъ, у которыхъ существуетъ матриархальная система, число родовъ невелико и рѣдко распадается болѣе, чѣмъ на двѣ подгруппы. Сравнительно небольшой афинскій народъ состоялъ изъ четырехъ племенъ, изъ которыхъ каждое распалось на три фратріи, по 30 родовъ въ каждой, такъ что въ Атикѣ, въ общемъ, было не менѣе 360 родовъ. Всѣ роды (gens) были организованы патриархальнымъ образомъ, т. е. дѣти принадлежали отцовскому роду; но множество обычаевъ и правъ, существовавшихъ въ этихъ родахъ, заставляють видѣть въ нихъ полнѣйшую аналогію съ ирокезскими и меланезійскими родами. Но хотя родъ и продолжалъ дѣйствовать сплоченно, вступая за своихъ членовъ, и имѣлъ право самъ выбирать своихъ представителей,—

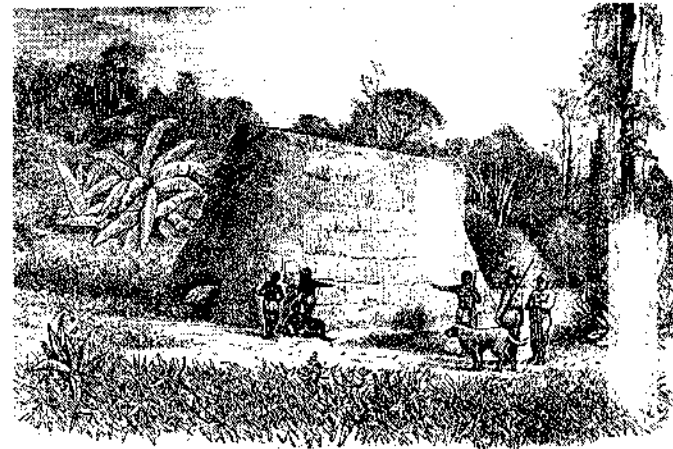
а также имѣлъ общій культъ и общее мѣсто погребенія, продолжая къ тому же держаться, за нѣкоторыми исключеніями, обычая, по дозволявшаго заключать браки внутри рода,—тѣмъ не менѣе власть его уже ослабѣла. Уже одно то, что роды были съ математическою точностью распредѣлены по племенамъ, указываетъ, что законодатели при своихъ попыткахъ не встрѣчали рѣшительнаго сопротивленія въ прежнихъ группахъ родичей и могли ихъ передвигать, словно шахматныя фигуры, съ одного мѣста на другое, а позднѣе, политическое раздѣленіе было, безъ особенныхъ затрудненій, привито къ старинной системѣ родства, пока, наконецъ, вслѣдствіе разрастанія новыхъ формъ, старыя были совершенно заглушены ими, и мелкою государственною единицею явился уже не родъ, а моногамическая семья.

Какъ греческіе, такъ и римскіе роды были очень многочисленны и, что понятно само собой, они были организованы патриархальнымъ образомъ. Согласно легендѣ, Ромулъ собралъ въ Римѣ 100 лативскихъ родовъ, къ которымъ впоследствии присоединилось 100 самнитскихъ и, наконецъ, еще 100 другихъ родовъ сосѣднихъ племенъ, такъ что римскій народъ распался на три главныхъ племени и триста родовъ. Въ позднѣйшія времена и тутъ совершился процессъ преобразованія, который начался со введеніемъ патриархата и затѣмъ продолжался до тѣхъ поръ, пока роды не превратились въ простую группу родственныхъ семействъ, носящихъ одно имя и считавшихъ себя выше иммигрантовъ, образуя старинное римское дворянство, придававшее огромное значеніе своему родословному дереву.

Такія же точно условія существовали, вѣроятно, и въ старомъ Китаѣ. «Сто семействъ» или, вѣрнѣе, родовъ, о которыхъ и теперь еще упоминаетъ преданіе, выросли въ настоящее время до 3,000, но уже цифра «сто» заставляетъ предполагать, что патриархатъ одержалъ побѣду въ Китаѣ въ очень давнія времена. Въ настоящее время роды организованы строго патриархальнымъ образомъ, но экзогамія все таки соблюдается, такъ что лица, носящія одно и то же родовое имя, не могутъ вступать между собою въ бракъ. Съ истинно китайскимъ упорствомъ сохраняется еще и до сихъ поръ остатокъ классового порядка, дѣленія по возрастамъ, со всеми своими брачными запрещеніями, такъ какъ дозволяется вступать въ бракъ только съ родственниками одинаковаго поколѣнія; такъ, напр., можно жениться на кузинѣ съ материнской стороны (съ отцовской стороны вообще браки воспрещаются), но нельзя жениться на ея дочери; женщина, какъ супруга, стоитъ очень низко, но, какъ мать, она пользуется величайшимъ почетомъ и уваженіемъ. Отецъ же—неограниченный властелинъ своего дома и дѣтей, и его власть надъ потомками никогда не прекращается, даже смерть не уничтожаетъ

ее, такъ какъ культъ предковъ еще долго сохраняетъ о немъ память. Нигдѣ еще дѣтское послушаніе по отношенію къ родителямъ не было возведено въ главную народную добродѣтель, какъ въ Китаѣ, и если, съ одной стороны, это слѣдное почитаніе, распространенное и на все достойное старины и преданій, привело къ застою и оцѣпенѣнію, то съ другой—въ немъ заключается главнѣйшая причина той несокрушимости, съ которою китайскій народъ противостоялъ всѣмъ бурямъ многихъ тысячелѣтій.

Но если китайцы, несмотря на переходъ къ патриархату, все таки сохранили въ довольно значительныхъ размѣрахъ законы экзогаміи, то все же индусы превзошли ихъ въ этомъ отношеніи. Хитроумныя измышленія индусовъ, несмотря на патриархатъ, усилили до неслыханной строгости брачныя запрещенія, сначала посред-

„Паленке“, домъ для нѣсколькихъ семей на Костарикѣ, въ Центр. Америкѣ.

ствомъ организаціи вѣсть, о чемъ мы будемъ говорить дальше, а затѣмъ, посредствомъ закона, по которому невѣста не должна быть въ родствѣ, ближе шестой линіи, ни съ семьей отца своего жениха, ни съ семьей его матери. Другою характерною чертой общественной внутренней жизни индусовъ служить то, что всѣ потомки живутъ обыкновенно въ одномъ домѣ, такъ что семьи часто достигаютъ огромной величины и превращаются въ роды, которые, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, даютъ новые отпрыски. Домъ растетъ, по мѣрѣ увеличенія семьи, посредствомъ пристроекъ. Такой обычай, и вообще многосемейные дома, часто можно встрѣтить у многихъ дикихъ народовъ, и старшій въ родѣ, въ дѣйствительности самый старый изъ мужской линіи, служитъ представителемъ семьи и упра-

влететь общимъ имуществомъ. Въ сущности, тутъ мы имѣемъ дѣло съ прежнею системою родства, но только въ нѣсколько измененной формѣ, соответствующей увеличенному числу народонаселенія и сохранившей все свои достоинства и недостатки. И тутъ родъ вступаетъ за одного члена и служитъ для него поддержкою въ несчастія и защитою въ опасности, но индивидъ здѣсь растворяется въ массу и это препятствуетъ свободному развитію его собственныхъ силъ.

Параллелью къ этимъ родовымъ семьямъ индусовъ служатъ семейныя общины южныхъ славянъ, тогда какъ у русскихъ соціальною единицею скорѣе является вся сельская община со своимъ общиннымъ владѣніемъ земель. Первымъ шагомъ къ расширенію южнославянскаго семейнаго товарищества служитъ „bratstvo“ — группа связанныхъ кровнымъ родствомъ семействъ, которыя, большею частью, исключительно населяютъ одну или нѣсколько деревень и первоначально были устроены экзогамически. Такая группа такъ же, сплоченно дѣйствуетъ во внѣшнихъ дѣлахъ, какъ и родъ, и изъ нея потомъ образуются племена.

У культурныхъ народовъ родовая организація повсемѣстно уничтожена или же подверглась упадку по двумъ главнымъ причинамъ индивидъ разрушаетъ слишкомъ тѣсную для него охранительную оболочку, а дифференцирующія и все перерывающія стремленія прогрессирующаго общества раздробляютъ на мелкія части общую грубую и неподатливую массу родовыхъ союзовъ, оставивъ семью только въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова и освободивъ индивида отъ всѣхъ остальныхъ путъ. Эти атомизирующія силы достигли полнаго могущества только съ наступленіемъ вѣка пара и всемірныхъ сношеній. Еще въ прошломъ столѣтіи, въ маленькихъ государствахъ и въ имперскихъ городахъ Германіи родство составляло силу, съ которою приходилось считаться. Даже неспособный человѣкъ могъ рассчитывать получить хорошій постъ, если происходилъ изъ среды могущественной группы, и даже нѣкоторыя профессорскія кафедры сдѣлались почти наследственными въ семьяхъ, а во всѣхъ важныхъ случаяхъ выступали на сцену семейные совѣты, что, впрочемъ, случается и теперь. Съ родовою организаціей тѣсно, повидимому, связана большая сила родительскаго и вообще родственнаго авторитета, которая въ особенности даетъ себя чувствовать достигшимъ брачнаго возраста дѣвушкамъ, и не только затрудняетъ, но подчасъ и совершенно уничтожаетъ свободу выбора, столь важнаго для грядущихъ поколѣній, выдвигая на первый планъ заботу о матеріальномъ благосостояніи.

Освобожденіе отдѣльнаго индивида и прежде всего женщины отъ слишкомъ обременительной опеки является прогрессомъ культуры, который совершается рядомъ съ преобразованиемъ общества, но

частью отъ него независимъ. Что женщина постепенно сумѣла заставить уважать себя, доказывается, въ социальномъ отношеніи, всего непосредственнѣе организаціей моногамическаго брака и отменно купимъ невѣсты, хотя эта прогрессивная эволюція и не совершается вездѣ правильнымъ образомъ, такъ что не у всѣхъ низкихъ народовъ господствуетъ полигамія, а у высшихъ моногамія. Именно, бѣднѣйшія племена всегда придерживаются моногамическаго брака; между прочимъ, многочисленныя индѣйскія племена въ Калифорніи, но эти племена являются самыми жалкими представителями индѣйской расы. Далѣе, моногамическій бракъ существуетъ у народа Веддъ на Цейлонѣ, у обитателей Андаманъ и Никобара и мн. др. Быть можетъ, именно, общая бѣдность, отсутствіе слишкомъ большихъ различій въ рангахъ и состояніяхъ, придаютъ болѣе естественный и сердечный характеръ взаимнымъ отношеніямъ мужчины и женщины, нежели это замѣчается у народовъ, которые распадаются на строго раздѣленные соціальныя слои. Въ самомъ дѣлѣ, вездѣ именно вожди и наиболѣе богатые люди прежде всего позволяютъ себѣ роскошь имѣть много женъ. Но полигамія достигаетъ особенно чудовищныхъ размѣровъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ женщина несетъ на себѣ главную массу производительнаго труда и, поэтому, сама является имуществомъ, приносящимъ проценты, вслѣдствіе чего она и служитъ болѣе выгоднымъ помѣщеніемъ для сбереженій. Тысячи женщинъ, наполнявшихъ въ прежнія времена королевскій дворъ Уганды, въ сущности, не были безсмысленною роскошью, а составляли очень важное имущество, приносящее практическую пользу, поэтому ояѣ и передавались по наследству, отъ отца къ сыну, какъ и всякая другая цѣнность.

Очень часто наблюдается обычай, по которому не всѣ жены пользуются одинаковымъ рангомъ, а лишь котораянибудь одна изъ нихъ считается настоящею женою, другія же стоятъ ниже ея. Этотъ обычай представляетъ частью остатокъ прежней моногаміи, частью же является началомъ перехода къ ней; полная побѣда моногаміи основывается, главнымъ образомъ, на возрастающемъ уваженіи къ личности и идетъ рука объ руку съ нѣкоторымъ внѣшнимъ прогрессомъ. Женщина получаетъ болѣе тщательное воспитаніе и можетъ служить духовнымъ дополненіемъ личности мужчины; ее освобождаютъ отъ чрезмѣрной работы и, такимъ образомъ, она сохраняетъ свою молодость и свѣжесть въ теченіе болѣе долгаго времени, и такъ какъ отъ нея требуется и цѣнится въ ней непорочность передъ бракомъ, то ее и стараются оградить отъ слишкомъ раннихъ половыхъ сношеній, которыя, разумѣется, могли бы дѣйствовать дегенерирующимъ образомъ. Но, какъ это бываетъ со всеми социальными эмансипационными стремленіями, возвышенія общественнаго ранга достигаютъ всегда тѣ, кто стремится впередъ, будь то отдѣльныя личности или

цѣлыя группы человечества, и, доказавъ своими дѣйствіями, что они заслуживаютъ лучшей участи, въ концѣ концовъ, добиваются уваженія и почета.

При отмѣнѣ купли невѣсты, вмѣсто чего на сценѣ появилось приданое, дѣйствовали тѣ же самыя, работающія въ тиши, силы, которыя стремятся поднять значеніе женщины. Вестермаркъ отмѣчаетъ фактъ, что обыкновенно зажиточные и знатные классы первые переходили къ этому обычаю выдачи приданого невѣстѣ, замѣнившему куплю. Въ Индіи, напр., два высшихъ класса первые отмѣнили браки посредствомъ купли, въ низшихъ же классахъ онъ сохранился еще долгое время. Также и въ Римѣ, гдѣ плебеи удерживали въ „*Coesufotio*“, по крайней мѣрѣ, форму купли, перенеся этотъ обычай въ историческія времена, въ противоположность болѣе благородному „*Sofagreatio*“ патриціевъ. Вообще же этотъ обычай держится съ большимъ упорствомъ, хотя и въ видѣ притворной купли, послѣ того какъ давно уже исчезла настоящая купля невѣсты. Обмѣнъ подарковъ между невѣстою и женихомъ или ихъ родителями составляетъ переходъ къ приданому. У народовъ съ высшею культурой вездѣ уже совершился этотъ переходъ, такъ же, какъ и у нѣкоторыхъ ниже стоящихъ племенъ также наблюдается большой прогрессъ въ этомъ отношеніи. Но тутъ уже существуетъ другая опасность: что приданое будетъ играть главную роль при заключеніи брака и прежняя купля невѣсты замѣнится куплей жениха; жалобы Эврипида подтверждаютъ, что уже въ древности это обстоятельство оказывало свое вредное вліяніе и стѣсняло свободу выбора супруговъ.

Возвышеніе женщины въ социальномъ и нравственномъ отношеніяхъ находится въ значительной степени въ связи съ тѣмъ утонченнымъ культурнымъ развитіемъ, благодаря которому частью подавляются, частью же облагораживаются всѣ низшіе животныя инстинкты. Идеаль моногамическаго брака, — вѣрность супруговъ до гроба, — немислимъ безъ смягченія чувственныхъ стремленій, на мѣсто которыхъ выступаетъ симпатія, — то чувство, на которое мы уже раньше указывали, какъ на общественно-образовательную силу, вызывающую и поддерживающую союзъ. Только лишь послѣ того, какъ такая любовь, основанная на симпатіи, одержала побѣду въ брачной и семейной жизни, могла исчезнуть, безъ опасности для культуры, родовая система, и моногамическая семья сдѣлалась социальною единицей у всѣхъ прогрессирующихъ народовъ.

Въ странномъ противорѣчьи съ такимъ ходомъ развитія находится та устойчивость, съ которою у культурныхъ народовъ держится проституція въ самыхъ своихъ низкихъ формахъ. Находятся гуманитарные апостолы, которые вваливаютъ именно на нашу культуру всю отвѣтственность за этотъ промышленный развратъ, не обращая

вниманія на то, какъ широко онъ распространенъ среди нецивилизованныхъ народовъ и какъ далеко уходятъ въ прошлое его корни также и у насъ. Свободная любовь молодежи, существующая у

Танцовщица изъ племени Уладъ Найль (Сѣв. Америка).

многихъ дикихъ народовъ, дѣнящихъ, однако, высоко супружескую вѣрность, является первою ступенью такого процесса развитія, который уже раньше обнаружилъ свои опасныя стороны. Ничего нѣтъ

необычнаго въ томъ, что дѣвушка, при помощи подарковъ, полученныхъ ею отъ любовника, накапливаетъ хорошее приданое, не находя въ этомъ ничего позорнаго для своей чести. Маленькое арабское племя Уладъ Найль, въ сѣверной Сахарѣ, особенно упорно придерживающееся такихъ взглядовъ, поставляетъ танцовщицъ и проституттокъ для значительной части сѣверной Африки. По возвращеніи же къ родному племени эти дѣвушки выходятъ замужъ безъ всякихъ затрудненій. Тамъ, гдѣ придается значеніе непорочности

Актрисы султана Соло на о. Ява.

дѣвушки, возможность до-брачныхъ и внѣ-брачныхъ половыхъ отношеній устраняется, до нѣкоторой степени, ранними браками, но если много остается неженатыхъ мужчинъ, то проституція становится почти неизбежной, такъ какъ невозможно и даже опасно подавлять насильственнымъ образомъ чувственность толпы. Павшія дѣвушки, разведенныя жены и вдовы, женщины изъ презираемыхъ кастъ и т. д. постоянно пополняютъ собою ряды продажныхъ женщинъ, и почти можно сказать, что возвышеніе замужнихъ женщинъ совершается, до нѣкоторой степени, за счетъ этихъ несчастныхъ. И все-таки иной разъ именно въ классѣ проституттокъ появляется свободная умственная жизнь, а не среди замужнихъ женщинъ,

вегетирующихъ въ замкнутой неподвижной средѣ; подтвержденіемъ этого могутъ служить знаменитыя греческія гетеры и веселыя дѣвушки восточной Азіи. Тутъ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ отзвукомъ свободной и наивной любви древнихъ временъ, давно уже исчезнувшей въ Европѣ. Сюда относится также и то, что у полукультурныхъ и дикихъ народовъ женщины, занимающіяся искусствомъ пѣвицы, танцовщицы, актрисы, бывають въ то же время и гетерами. Такое социальное явленіе, какъ проституція, не можетъ быть устранена никакими законами, а только дальнѣйшимъ прогрессомъ культуры, вызывающимъ отвращеніе къ грязному способу удовлетворенія чувственности, а также экономическимъ улучшеніемъ, которое дастъ возможность всѣмъ своевременно вступать въ бракъ и уменьшить такимъ путемъ число дегенератовъ, питающихъ склонность къ разврату.

2. Соціальныя наслоенія.

Всеобщее равенство, которое должно было бы уничтожить борьбу и движение, не свойственно природе. Человѣческое общество, вздумавшее бы написать на своемъ знамени безразличное равенство для всѣхъ, поступило бы въ этомъ случаѣ противъ законовъ природы. Имѣющихъ однако значеніе и для этого общества, представляющаго лишь частицу цѣлесообразнаго цѣлаго, называемаго природой. Если бы даже такое, соблазнительное съ виду, ученіе и одержало побѣду, то вскорѣ масса, сдѣлавшаяся неподвижной, подверглась бы разложению. Однако въ призывѣ къ равенству, раздавшемся во времена великой французской революціи, заключается еще и другой смыслъ. Люди, уже самою природой, раздѣлены на группы, и каждый даровитый человѣкъ, умѣющийъ пользоваться своими способностями, въ сущности, стремится лишь къ тому, чтобы создавать новыя различія, но стремленія эти только тогда полезны человѣчеству, когда искусственныя границы не становятся несокрушимыми барьерами, о которые безсилно разбивается всякое стремленіе. Только до тѣхъ поръ, пока эти перегородки возбуждаютъ къ попыткамъ преодолѣть ихъ посредствомъ энергии и умственной работы, онѣ и могутъ служить необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ культурнаго прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что всѣ прогрессирующіе народы въ исторіи неустанно занимались тѣмъ, что старались разрушить, сдѣлавшіяся для нихъ обременительными, перегородки между различными социальными наслоеніями и воздвигнуть, вмѣсто этого, новыя, на другихъ мѣстахъ.

Болѣе удобно, нежели безусловно справедливо, выставить искусственныя границы, какъ противоположность естественнымъ, такъ какъ въ сущности именно естественныя преимущества всегда служатъ тѣмъ основаніемъ, на которомъ впоследствии воздвигаются искусственныя или—выражаясь точнѣе—вторичныя общественныя различія. Но правда, что эти естественныя качества или недостатки

служатъ только первымъ толчкомъ къ раздѣленію, которое затѣмъ уже поддерживается въ теченіе многихъ поколѣній, независимо отъ наследственности и другихъ первоначальныхъ свойствъ. Если естественныя различія пола, возраста и родства были рѣшающимъ моментомъ при образованіи общества, то впоследствии выступили другія условія, силы и способности, которыя и вызвали образованіе новыхъ социальныхъ союзовъ или же разрушили старый порядокъ. Это выражается весьма различнымъ образомъ: то какой нибудь народъ, на основаніи своего военного преобладанія, возвышается надъ массами покоренныхъ имъ племенъ, образуя высшій социальный слой, то внутри самого народа выдвигается отдѣльный классъ людей, посредствомъ ли своихъ военныхъ качествъ, религиозныхъ или дарований или промышленныхъ способностей; то, наконецъ, раздѣленіе труда приводитъ къ такимъ же результатамъ, подобно тому какъ въ мутномъ потоцѣ, движеніе котораго останавливается, болѣе глубокіе слои начинаютъ осаждаться, отдѣляясь отъ верхнихъ.

Должность вождя или предводителя является, повидимому, результатомъ исполнѣ естественной потребности каждой человѣческой общины, желающей выйти побѣдительницей въ борьбѣ за существованіе, но нигдѣ такъ ясно, какъ въ данномъ случаѣ, не выступаетъ тотъ фактъ, что именно въ простѣйшихъ условіяхъ возникаютъ величайшія крайности путемъ односторонняго развитія однихъ и подавленія другихъ зачатковъ. Уже на основаніи условій, существовавшихъ въ обществахъ животныхъ, можно было заключить, что стадо всегда вуждается въ предводителя. Но не слѣдуетъ забывать, что тутъ, болѣе частью, одновременно играютъ роль и послѣдствія половыхъ различій, такъ какъ самецъ предводительствуетъ самкамъ. Само собою разумѣется, что въ самыхъ маленькихъ человѣческихъ обществахъ, роль руководителя женщинъ и дѣтей естественнымъ образомъ выпадаетъ мужчинамъ, но съ понятіемъ о вождѣ соединяется кромѣ того представленіе о господствѣ надъ цѣлою ордой, которая у многочисленныхъ дикихъ народовъ образуется лишь во времена опасностей, заставляющихъ ихъ соединиться въ одну общую группу. Многія бразильскія лѣсные племена и австраійскіе народы поступаютъ именно такимъ образомъ, и австраійскіе племена у Гербертъ Ривера, говоритъ Лумгольдтъ, оттого не нуждаются въ предводителѣ, что они не ведутъ открытой войны другъ съ другомъ, а нападаютъ только коварнымъ образомъ, исподтишка. Рѣшеніе въ важнѣйшихъ случаяхъ находится обыкновенно въ рукахъ стариковъ. Племена Аквосо, въ Гинтерляндѣ Того, представляютъ уже совершенно иной примѣръ:

«У отдѣльныхъ племенъ и въ отдѣльныхъ деревняхъ, говоритъ Пленъ, нѣтъ никакого главы, и всюду господствуетъ полная анархія. Нѣкоторые же изъ богатыхъ людей и жрецовъ пользуются

кое-какимъ влияніемъ, но въ общемъ все таки каждый дѣлаетъ то, что ему нравится». Однако у всѣхъ дикихъ народовъ все таки часто можно найти вождей, но эта должность носить скорѣе декоративный характеръ, въ чемъ и выражается обыкновенно мирное и прочное положеніе племени. Съ другой стороны именно въ примитивныхъ условіяхъ учрежденіе предводителей можетъ привести къ развитію такой деспотической власти, которая не исчезаетъ и послѣ смерти, такъ какъ могила вождя въ теченіе долгаго времени служитъ предметомъ поклоненія и страха.

Общественныя преобразованія человѣчества конечно не могутъ оставаться безъ влияния на могущество и власть вождей, и поэтому развитіе этой власти не можетъ быть повято, если не будутъ приняты во вниманіе социальныя перестановки.

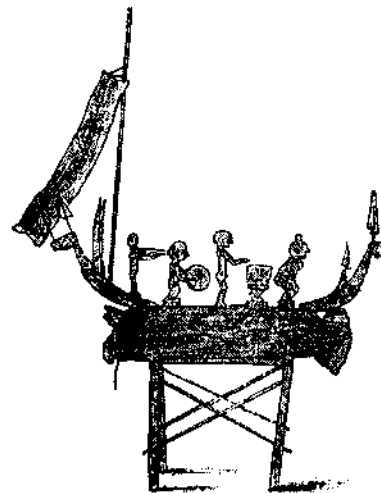
У бродячихъ скитающихся группами народовъ вожди или совершенно отсутствуютъ или имѣютъ переходящее значеніе и не передаютъ своей власти по наследству. Фричъ высказывается именно въ этомъ смыслѣ о бушменахъ:

«Весь строй жизни этого народа препятствуетъ государственной организаціи. Если порою нѣкоторое количество семействъ и собирается въ большія орды, а въ Колахари образуетъ и теперь небольшія деревни, то все же это носитъ характеръ лишь случайной совмѣстной жизни, не урегулированной никакими законами. Быть можетъ, который нибудь изъ обитателей деревни, вслѣдствіе уваженія, которымъ онъ пользуется, и получаетъ титулъ капитана, но это званіе только номинальное, и состоящаго предводительства все таки не замѣчается». Нѣсколько далѣе въ этомъ отношеніи подвинулись нѣкоторыя австраійскія племена, или вѣрнѣе орды. Они выбираютъ себѣ предводителя (Ripulle), главною обязанностью котораго является внѣшнее представительство орды и раздѣленіе охотничьей добычи, но должность котораго не передается по наследству и очень ограничивается «совѣтомъ стариковъ».

Иныя условія наблюдаются тамъ, гдѣ существуютъ рядомъ родственныя группы и мужскія общины напр. въ Меланезіи. Хотя о первобытныхъ условіяхъ тутъ уже не можетъ быть и рѣчи, но одно все-таки можно распознать и теперь, — что группы родственниковъ не имѣли тѣхъ же самыхъ вождей, которые были у мужскихъ союзовъ и что, по всей вѣроятности, между тѣми и другими вождями существовало соперничество, имѣвшее различный исходъ. Оба рода вождей встрѣчаются еще и теперь въ Новой Помераніи, на полуостровѣ Газелей, хотя и тутъ побѣда несомнѣнно склоняется въ пользу предводителей группъ родственниковъ которые называются «a gala na tutana» (великій господа). «A gala—глава семьи (группы родственниковъ)—говоритъ Галь.—Его званіе передается по наследству отъ дяди материнскаго племени къ ближайшему племян-

нику. Ему должны повиноваться члены семьи; онъ можетъ пользоваться ихъ рабочими силами для обработки полей, постройки дома, рыбной ловли, но зато обязанъ заботиться о развлеченіи. Въ особенности же должны работать молодые люди, для того чтобы выслужить купленныхъ для нихъ женщинъ. Онъ покупаетъ этихъ женщинъ и продаетъ дѣвушекъ для брака. Онъ хранитъ имущество (равнинныя деньги) семьи, представляющее табу, и служитъ представителемъ землевладѣнія. Ему принадлежитъ право наказанія и даже смерти. За дурное поведеніе онъ можетъ быть смѣщенъ, и тогда мѣсто его занимаетъ другой, ближайшій наследникъ». Рядомъ съ «A gala» имѣется еще «Luluai» — военный вождь, который очевидно есть вождь союза мужланъ. Свое званіе онъ приобретаетъ посредствомъ военныхъ подвиговъ. Онъ требуетъ послушанія отъ своей свиты и порою, въ случаяхъ распрей, его призываютъ въ качествѣ судьи, но въ общемъ онъ все-таки стоитъ ниже «великаго господина», и даже вошло въ обычай соединеніе его званія съ званіемъ «перваго лулаи», такъ что во время войны онъ становится главнокомандующимъ. И тутъ, слѣдовательно, военный вождь долженъ былъ исчезнуть съ теченіемъ времени и замѣниться главою группы, или же то и другое званіе объединилось въ одномъ лицѣ. Но тамъ, гдѣ процвѣтаетъ клубное устройство, какъ, напр., въ восточной Меланезіи, гораздо чаще торжествуютъ вожди мужскихъ союзовъ, и званіе предводителей группъ родственниковъ становится пустымъ звукомъ. На Санта Аннѣ и Уги удается иногда, по словамъ Гуппи, нѣкоторымъ изъ особенно храбрыхъ воиновъ захватить въ свои руки предводительство надъ цѣлою деревней.

Очень трудно прослѣдить теперь всѣ эти превращенія первобытныхъ обществъ, но все же можно признать, что соперничество между вождями обоого рода существовало во многихъ случаяхъ, и что за побѣдою вождей семейныхъ группъ слѣдовало продолжительное раздробленіе человѣческаго общества, а за побѣдою вождей мужскихъ союзовъ — образованіе болѣе значительныхъ государствен-

Модель гроба одного изъ вождей на Молуккскихъ островахъ.

ныхъ союзовъ. Быть можетъ въ томъ, что домъ мужчинъ превратился современемъ въ жилище вождя, можно усматривать слѣдъ этихъ событій, какъ это наблюдается на Малайскомъ архипелагѣ и Новой Зеландіи. У индѣйцевъ сѣверной Америки вожди мира (сахемы) были представителями группъ родственниковъ, въ противоположность военнымъ вождямъ, служившимъ представителями государственнаго объединенія. Такъ, напр., союзъ прокезовъ не имѣлъ верховнаго вождя мира, но, какъ нѣкогда римляне, послѣ отмены королевской власти, имѣлъ двухъ верховныхъ вождей для войны, въ лицѣ которыхъ воплощалось понятіе о союзѣ. Внутри же отдѣльныхъ племенъ рѣшающее слово принадлежитъ собранію совѣта сахемовъ.

До тѣхъ поръ, пока вожди группъ родственниковъ стояли на первомъ планѣ, государственная жизнь имѣла демократическую окраску и ограниченный характеръ. Только побѣда мужского преобладанія, — основывалась ли она на дальнѣйшемъ образованіи возрастныхъ классовъ мужчинъ или на образованіи патриархата, — могла дать возможность властнымъ натурамъ выказать свою дѣятельную силу, которая, болѣе или менѣе безсознательно, стремилась всегда къ распространенію могущества за предѣлы племени и образованію большихъ государственныхъ союзовъ. Но въ такомъ чистомъ видѣ прогрессъ совершается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и обыкновенно, на ряду съ новымъ, удерживаются съ большимъ упорствомъ слѣды стараго, и только раздѣленіе на степени и ранги указываетъ на различіе дѣйствовавшихъ вліяній. «Каждое племя въ странѣ даяковъ», — говоритъ Грантъ, — имѣетъ главой «Орангъ Кайя» (богатый человекъ). Ниже его стоитъ «Пангара» (старшій), который носитъ бѣлую куртку и «Панглиема» (военный вождь) носящій красную куртку, каждый длинный домъ имѣетъ своего *туака* (старшаго), который живетъ въ центрѣ зданія, улаживаетъ споры и заботится о гостяхъ». Здѣсь не видно какое происхожденіе имѣютъ различныя степени ранговъ, но тѣмъ не менѣе предводители группъ родственниковъ и вожди мужчинъ подчиняются верховному главѣ, опирающемуся на патриархальную организацію.

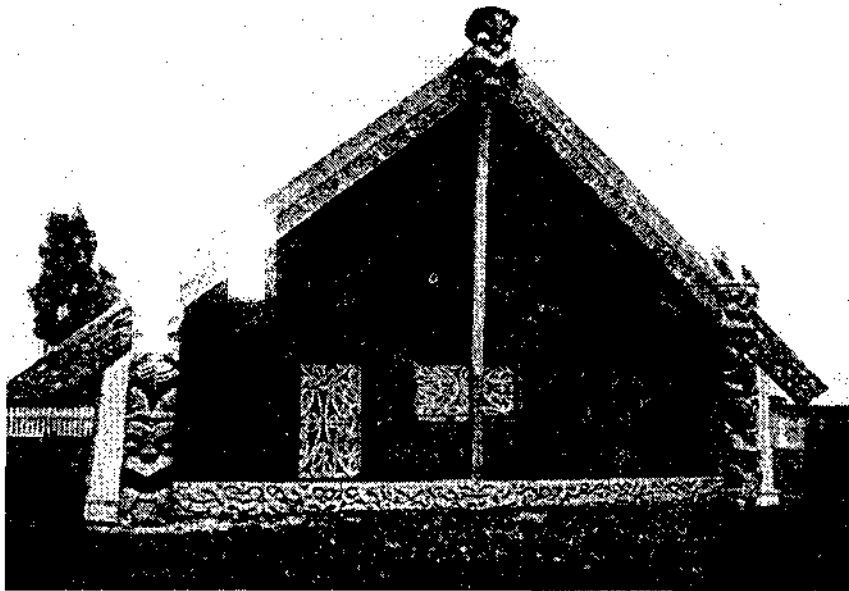
Эти замѣчанія Гранта заслуживаютъ вниманія и въ другомъ отношеніи. Повидимому главное качество, которымъ долженъ обладать вождь племени — это богатство, слѣдовательно тутъ мы имѣемъ дѣло съ новыми средствами социальнаго раздѣленія, которое уже само по себѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ доставить честолюбцу вліяніе среди его общины. Въ самомъ дѣлѣ, власть вождя нуждается въ такого рода подкрѣпленіяхъ, особенно у безопасныхъ дикихъ народовъ, у которыхъ трудно уничтожается чувство всеобщаго равенства и на которые производитъ впечатлѣніе какое-нибудь званіе только тогда, когда носящій его можетъ во всякое время пред-

стать передъ ними въ качествѣ грозной или общающей силы. Конечно, методы усиленія вліянія вождей бываютъ очень разнообразны. Всего излюблѣннѣе методъ устрашенія, дикая жестокость, угрожающая подчиненнымъ и наполняющая ихъ сердце робостью и страхомъ. Эта жестокость довольно часто превращается въ безуміе безарей (Cesären Wahnsinn). Образцомъ такихъ властителей являются два вождя Фиджи, изъ которыхъ одинъ вырѣзывалъ куски мяса изъ тѣла какого-нибудь несчастнаго, жарилъ ихъ на его глазахъ и пожиралъ, а другой заставилъ свою жену принести дрова, сложить печь и затѣмъ убилъ ее и сжарилъ въ этой самой печи Эги геройскіе подвиги, какъ говоритъ Притчардъ, были совершены отчасти для того только, чтобы прославиться и возбудить страхъ. Африканскіе вожди, если не такую утопченною жестокостью, то, во всякомъ случаѣ своею кровожадностью, достаточно часто уподоблялись этимъ двумъ образцамъ, и это очень печальный для человечества признакъ, что воспоминаніе о такихъ чудовищахъ живетъ гораздо дольше, нежели воспоминаніе о лучшихъ правителяхъ. Вѣдь и современные итальянцы гораздо больше могутъ рассказать о Неронѣ и Калигулѣ, нежели о Веспасіанѣ и Маркѣ Авреліѣ!

Тамъ, гдѣ страхъ не принуждаетъ къ послушанію, выдвигается на сцену убѣжденіе, примѣненіе хитрости, ума и ловкости, которые удаются только тому, конечно, кто въ умственномъ отношеніи стоитъ выше толпы. «Власть вождя», — говоритъ Брукъ о сѣверныхъ даякахъ, — основывается на убѣжденіи и находится въ зависимости отъ личной его ловкости, но онъ никакимъ образомъ не можетъ принудить свой народъ къ послушанію».

Умственные дарованія, къ сожалѣнію, не всегда передаются по наслѣдству и поэтому очень не мѣшало найти имъ возмѣщеніе въ чемъ нибудь другомъ, и такимъ возмѣщеніемъ явилось накопленіе богатствъ, которыя разумный отецъ собираетъ и оставляетъ въ наслѣдство своему менѣе способному и одаренному сыну, какъ весьма дѣйствительное средство поддержать къ нему уваженіе среди его современниковъ. Простой титулъ, не подкрѣпляемый богатствомъ, производитъ обыкновенно мало впечатлѣнія. Ниблахъ говоритъ про сѣверо-западныхъ индѣйцевъ Америки: «Званіе вождя до извѣстной степени передается по наслѣдству, но такъ какъ оно опирается на богатство, то каждый свободный человекъ, достаточно разбогатѣвшій, можетъ сдѣлаться второстепеннымъ вождемъ и выдающимся лицомъ въ деревнѣ, если построить для себя домъ и, устроивъ празднество, съ раздачею подарковъ въ честь своихъ предковъ, станетъ представителемъ какой нибудь семейной общины. Рожденіе, богатство и вліятельныя семейныя связи представляютъ необходимое условіе для достиженія высшихъ степеней... Чтобы сохранить къ себѣ уваженіе своихъ односельчанъ, вождь долженъ устраивать отъ времени до

времени празднества и распределять подарки». Последнее замѣчаніе указываетъ, что недостаточно хранить свои сокровища, а необходимо ихъ тратить на то, чтобы приобрести друзей и приверженцевъ, на которыхъ можно было бы опереться въ трудную минуту. Даже вождь бразильскихъ лѣсныхъ племенъ по свидѣтельству Карла фонъ денъ-Штейнень, «не долженъ быть чрезчуръ бережливымъ, если только онъ придастъ значеніе отношеніямъ къ нему его соплеменниковъ и своихъ сосѣдей». У Ябимовъ, въ Новой Гвинее, ску-

Домъ вождя племени Томнари въ Нов. Зеландіи.

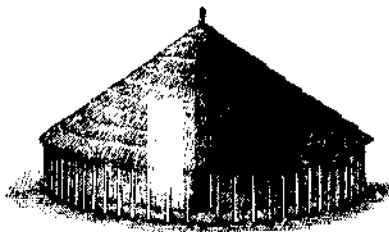
пецъ, — какъ сообщаетъ Феттеръ, — является самымъ сильнымъ ругательнымъ словомъ, какое только можетъ быть сказано по адресу какого нибудь вождя. Подобныя же условія, по Эллису, существуютъ и въ Таити, гдѣ всѣ доходы вназевъ немедленно распределяются между ихъ приверженцами. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, дѣло идетъ объ опредѣленныхъ доходахъ и существуетъ какъ бы начало правильной системы налоговъ, между тѣмъ какъ многочисленные первобытные властители или совѣмъ не получаютъ никакихъ доходовъ со своихъ подданныхъ, или же взимаютъ лишь необходимую подать, такъ что имъ приходится наполнять свою кассу какимъ нибудь другимъ способомъ, если вообще они раньше уже

не достигли своего положенія черезъ богатство. Это — отзвукъ всеобщаго коммунизма, который и можетъ объяснить существованіе подобныхъ условій. Но даже у культурныхъ народовъ здравый взглядъ на дѣль и значеніе системы налоговъ установился не такъ давно. Вѣдь, какъ рассказываетъ Танъ, незадолго до французской революціи находили неслыханнымъ и дерзкимъ взглядъ, высказанный однимъ смѣльчакомъ, что налоги существуютъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ и не могутъ быть отданы въ безконтрольное распоряженіе принцевъ. — Дѣйствительно, въ началѣ налоги носятъ характеръ подарковъ, за которые вожди частью расплачиваются также добровольными дарами.

Въ общемъ, вожди родовыхъ группъ не пользовались правомъ обложенія налогами, но могли произвольно распоряжаться имуществомъ рода. Военные вожди обыкновенно получали большую часть военной и охотничьей добычи, а также добровольные дары, и тамъ, гдѣ въ одномъ лицѣ совмѣщались оба рода господства, встрѣчаются и обѣ формы финансоваго хозяйства, соединенныя вмѣстѣ. Только когда вождь племени возвысился надъ остальными вождями родовыхъ группъ и союзовъ мужчинъ и, въ особенности, когда цѣлое племя подчинилось властвующему народу, было введено правильное обложеніе податями, иногда принимавшее довольно странныя формы. Такъ напр., многія области въ Африкѣ ежегодно подвергаются правильнымъ набѣгамъ, и жители ихъ уводятся въ рабство. Такой обычай существуетъ у многихъ негританскихъ государствъ, грабящихъ наполовину покоренные народы, напр., въ Лундѣ, на югѣ и въ государствахъ центрального Судана. Иногда также, какъ это наблюдается у ашантиевъ и восточно-африканскихъ племенъ и на Таити, предпринимаются грабительскіе походы въ собственной странѣ или же конфискуется имущество произвольно осужденныхъ. Судебные штрафы или плата, вносимая тяжущимися, являются первымъ, если не очень обильнымъ, зато точно установленнымъ источникомъ доходовъ вождей, которые повсюду занимаются улаживаніемъ споровъ, возникающихъ въ общинѣ, и являются въ то же время представителями родовой группы или племени во внѣшнихъ сношеніяхъ. Само собою разумѣется, у нихъ легко могло явиться желаніе отправлять штрафныя деньги въ собственный карманъ, лучше нежели присоединять ихъ къ общему имуществу рода или племени. Вождь такимъ путемъ могъ отыскать для себя еще и другіе источники доходовъ и мало-по-малу все то, что первоначально должно было составлять общую собственность рода или племени, превращалось въ собственность предводителя. Другими источниками доходовъ, которыми, однако, долго не вездѣ пользовались, служатъ обложеніе торговли, превратившееся постепенно въ настоящую торговую монополию вождей, какъ это часто наблюдается въ Африкѣ, и развившееся

собственно из первоначального обычая, состоявшего в том, что торговцы добровольно подносили подарки вождям, и в руках вождей, таким образом, могли накапливаться значительные богатства.

Однако, даже такой предводитель, который уже сумел внушить своей жестокостью страх своим подданным и который не обладает большими доходами, имеет, все-таки, при известных обстоятельствах, в своих руках средство поднять свой авторитет, и притом такое, которое часто действует сильнее, чем оба

Хижина в Уссумб (Вост. Африка).

первый, а в соединении с ними дает в руки вождю непререкаемую власть. Путь к этому следующую. Мы видели, как из общества мужчин развилась должность военно-начальников, которые иногда отодвигали на задний план вождя родовых групп и завладели господством над племенем. Сношения с умершими, происшедшие в домах мужчин и выражавшиеся в погребаль-

ных церемониях и в танцах, часто вели за собою образование тайных обществ, которые имели громадное влияние на народ и порою забирали в свои руки правосудие. Если же власть общества мужчин всецело переносилась на военного вождя, то вместе с нею переходила к нему и таинственная сила заклинать духов, так что он становился одновременно и вождем, и жрецом и, таким образом, удваивал свое влияние, угрожая одновременно телу и духу своих подданных. Конечно, и вождь родовой группы может, таким же точно образом, достигнуть известного ореола святости. На новогбридских островах только такая чудотворительная сила (тана) доставляет почет вождям и делает возможной передачу по наследству этого звания. «Сын — говорит Котрингтонъ, — наследует в действительности не звание своего отца, а его «тана», его волшебные средства, магические песни, камни и орудия, а также все звание и искусство обращения с духами... Если нет собственного сына, то звание может быть передано племяннику. Иногда, если сын еще слишком мал, то вождю наследует его брат, или же, если вообще нет наследника, то какой-нибудь человек объявляет себя вождем или народ выбирает его». Эти замечания уже потому достойны внимания, что они указывают, до некоторой степени, каким образом возникла наследственность звания вождя. Чудотворительная сила, в глазах дикарей, не составляет какого-нибудь духовного свойства, присущего человеку, а соединяется с известными

предметами, с изображениями предков или формулами, которые совершенно так же могут передаваться по наследству, как и накопленные богатства. Впрочем, признается также и действительное переселение души умершего, что подтверждают, между прочим, и похоронные церемонии; это поверие, конечно, является дальнейшим подспорьем наследственной чудотворительной силы. В Ниазе вверяют, что при умирании частица души выходит вместе с дыханием из рта и улетает в воздух. «Если же умирающий — вождь деревни — говорит Модиглиани, — и обладает богатствами и потомством, то он может передать часть своей души своим наследникам. Эта часть находится у него во рту, и сын должен воспринять ее, прикладывая свой собственный рот к рту умирающего. Сын вождя, не воспринявший подобным образом отцовский «cheha», никогда не будет признан его наследником; тот же кто совершил это вместо сына, хотя бы он был совершенно чужой, заступает место вождя, так как существует убеждение, что добродетели и способности отца могут передаваться лишь таким путем».

Изображение предка как украшения корабля (на Соломоновых о.).

Необыкновенное разнообразие в проявлениях инстинктов господства объясняется как происхождением власти вождя из различных источников, так и влиянием различных обстоятельств, поддерживающих ее и обуславливающих передачу этой власти от одного лица другому. Мы можем наблюдать колебание между двумя крайностями, полной анархией и величайшим деспотизмом, а также соперничество вождя различного достоинства, и, наконец, на ряду с этим, самостоятельно развивающееся жрецкое сословие. У одного народа влияние вождя опирается исключительно на личные качества, и о наследовании этого влияния нет и речи, у других же войны склоняются даже перед женщиной или мальчиком, не достигшим совершеннолетия, так как унаследованные богатства и искусство волшебства вполне замещают, в данном случае, недостающие физические силы. Место этих наследственных волшебных средств у более культурных народов занимают разного рода предметы, украшения и оружие, которые также окружены известным ореолом святости, напр., скипетр, встречающийся уже у африканских народов, короны, мантии, аграфы и др. знаки достоинства вождя.

Съ этой точки зрѣнія несправедливо было бы видѣть въ существованіи вождей женскаго пола всегда только остатки матриархальной формы, такъ какъ, вѣдь, тутъ имѣеть значеніе вовсе не родство, а обладаніе извѣстными сокровищами и знаніями, которое можетъ быть получено въ наслѣдство любымъ лицомъ, хотя, разумѣется, предпочтеніе, все-таки, отдается въ такихъ случаяхъ ближайшему родственнику, который и становится наслѣдникомъ силы и богатства умершаго вождя. Конечно, нельзя отвергать также, что матриархальная общественная форма болѣе благоприятствуетъ передачѣ такого наслѣдства лицамъ женскаго пола, нежели патриархальная.

Участіе подданныхъ въ управленіи такъ же, какъ и власть начальниковъ, колеблется между двумя крайностями. Тамъ, гдѣ эта власть развивалась изъ общества мужчинъ и, главнымъ образомъ, воиновъ, рѣшающее слово всегда первоначально принадлежало собранію воиновъ, и домъ мужчинъ служилъ въ то же время и зданіемъ совѣта его родной общины, куда былъ воспрещенъ доступъ дѣтямъ, и женщинамъ. Это не препятствовало, однако, тому, что и возрастные классы женщинъ организовывались подобнымъ же образомъ. Между тѣмъ родовыя группы все-таки оставались подъ началомъ старѣйшаго, такъ какъ въ первобытныхъ условіяхъ обыкновенно только отдѣльными группы орды или племени обнаруживали склонность къ болѣе тѣсному объединенію и подчиненію одному вождю, вообще же связь эта оставалась весьма свободной. Если же какому нибудь вождю родовой группы удавалось стать во главѣ племени, то изъ этого возникала обыкновенно аристократическая форма правленія; тогда уже перевѣсъ былъ не на сторонѣ собранія всѣхъ способныхъ носить оружіе, а на сторонѣ совѣта вождей родовыхъ группъ, которые лишь въ особенно важныхъ случаяхъ обращались къ массѣ. Всего послѣдовательнѣе проведена была эта система у ирокезовъ, различные племена и роды которыхъ выбирали, вмѣстѣ, 50 вождей родовыхъ группъ или сахемовъ, составлявшихъ верховный совѣтъ союза ирокезовъ. У многихъ африканскихъ племенъ этотъ процессъ развитія шагнулъ еще дальше; тамъ вождь уже окружаетъ себя сановниками, должность которыхъ первоначально занимали вожди родовыхъ группъ, но которые потомъ образовали придворный штатъ, то совершенно находящійся въ тѣни, то захватывающій все вліяніе въ свои руки, смотря по тому, обладаетъ ли вождь достаточною энергіей, или же онъ становится безсильною игрушкою въ рукахъ своихъ придворныхъ.

Замѣчательно, что во многихъ случаяхъ то средство, которымъ обуславливается могущество вождя, а именно религіозный ореолъ, окружающій его, весьма часто обращается противъ него же. Въ Полинезій, наприимѣръ, святость вождя часто бываетъ настолько ве-

лика, что онъ не можетъ даже прикоснуться ногою къ землѣ, такъ какъ послѣ него другіе не посмѣютъ вступать на эту землю; поэтому онъ передвигается при помощи своихъ слугъ, которые несутъ его на своихъ плечахъ, и никогда не обращается непосредственно къ народу, а только черезъ одного изъ своихъ придворныхъ. Также и у гликистовъ въ Аляскѣ, по словамъ Боаса, вождь никогда не говоритъ съ обыкновенными людьми, а передаетъ то, что ему нужно было сказать, черезъ своего раба. Въ Африкѣ вождь племени на приѣмахъ сидитъ обыкновенно за занавѣской и, либо совершенно не кланяется чужимъ, либо дѣлаетъ это весьма неохотно. Насколько видъ его опасенъ для другихъ, настолько же и онъ самъ долженъ избѣгать, чтобы на него не смотрѣли, такъ же, какъ всего того, что можетъ грозить профанацией его священной особы.—Еще шагъ далѣе—и получаются уже такія условія, какія существовала въ Японіи, гдѣ Микадо, какъ призранный король, скрывался отъ всѣхъ взоровъ въ своемъ дворцѣ, и только былъ окруженъ своими придворными, которые, въ сущности, держали всю власть въ своихъ рукахъ. Въ Африкѣ такіе призранные власти не составляютъ рѣдкаго явленія и тамъ встрѣчается даже еще большее сходство съ японскими условіями, такъ какъ свѣтскій властитель является представителемъ безсильнаго духовнаго главы. «Король эверовъ, говоритъ Цюндель, въ то же время и верховный жрецъ. Въ этомъ званіи, особенно въ прежнія времена, вождь былъ недоступенъ для народа, который не смѣлъ приближаться къ нему; онъ могъ только по ночамъ покидать свое жилище, и т. д. Только его представитель, такъ называемый «видимый король», да еще трое избранныхъ старшинъ могли вступать съ нимъ въ сношенія, но при этомъ они должны были соблюдать слѣдующее правило: сидѣть на бычачьей шкурѣ и повернувшись спиной къ королю. Король также не долженъ былъ видѣть ни одного европейца, ни лошади, ни моря, и поэтому онъ не смѣлъ никогда покидать свою резиденцію, ни на минуту». Но не зачѣмъ отправляться въ Африку, чтобы наблюдать такія условія. Подобное могущественное средство лишить какого нибудь властителя его силы, превративъ его въ священное существо, къ которому народъ не можетъ приближаться, и лишать его возможности вступить въ сношенія съ народами,—находится у всѣхъ подъ руками, и потому европейскіе министры не могли не воспользоваться имъ для своихъ собственныхъ цѣлей.

Учрежденіе африканскаго придворнаго штата частью можетъ слу-

Разукрашенная дубинка, какъ скипетръ вождя въ Анголѣ (Зап. Афр.)

жить указаніемъ на переходъ къ новымъ организационнымъ формамъ, но что въ данномъ случаѣ произошли остановки въ развитіи этихъ формъ—это, конечно, очень странно. Въ разныхъ мѣстахъ Африки встрѣчаются еще вожди родовыхъ группъ и старшины семействъ, въ качествѣ придворныхъ, окружающихъ короля; къ нимъ присоединяются очень часто и взрослые члены королевской семьи, что, какъ говоритъ Радесъ, наблюдается у ашантиевъ и у большинства кафрскихъ племенъ. Но на мѣсто этихъ первоначальныхъ народныхъ представителей теперь ставится новая придворная аристократія, которая своимъ положеніемъ всецѣло обязана произволу королей. Нерѣдко эта самая аристократія вербуетъ даже среди рабовъ и, слѣдовательно, никоимъ образомъ не можетъ находиться въ тѣсной связи съ массой свободнаго народа и его естественными вождями. Такимъ путемъ прорывается кордонъ родовой системы и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, открывается путь къ правильному раздѣленію труда. Если прежній совѣтъ вождей, въ общемъ, годился для дифференцірованія, то возникали настоящіе придворныя, министерскія должности, и порою прежніе военные вожди снова выдвигались впередъ, но уже въ новомъ званіи главнокомандующаго или военнаго министра. Такъ, напримѣръ, при дворѣ Муата Казембе уже имѣется должность главнокомандующаго и надзирателя дорогъ, а при дворѣ короли Монбуту Мунза есть церемоніймейстеръ, оруженосецъ, метръ д'отель, надзиратель за женщинами и главный переводчикъ. Въ Ашанти къ совѣту вождей принадлежали главный палачъ и носильщикъ гамаковъ, а въ Угандѣ—главный поваръ и пивоваръ. Палачъ, какъ представитель правосудія и устрашающій символъ могущества вождя, очень часто занимаетъ мѣсто среди придворныхъ африканскихъ царьковъ. Въ области Вазиба, на Викторія Ньянца, къ числу придворныхъ сановниковъ принадлежатъ и надсмотрщикъ надъ лодками, представляющій, какъ говоритъ Германъ, нѣчто въ родѣ адмирала, загѣмъ старшій пастухъ, придворный архитекторъ и придворный капельмейстеръ. Въ финансовомъ управленіи служатъ иногда цѣлыя категоріи чиновниковъ, но обыкновенно всегда имѣется на лицо настоящій казначей и министр финансовъ, еще чаще—смотритель торговли и таможи, какъ напр., Мафукъ въ Лоанго, собирающій дань съ европейскихъ торговыхъ поселеній. На эту доходную должность обыкновенно назначается королемъ тотъ, кто даетъ больше; загѣмъ существуютъ еще смотрители охоты, рыбной ловли и ремеслъ, которые должны заботиться о томъ, чтобы часть доходовъ попадала въ королевскую кассу.

Здѣсь, однако, открывается передъ нами новый процессъ развитія, всего яснѣе выражающійся въ Суданѣ. Смотрители отдѣльных профессій, которые вначалѣ должны были взыскивать подати въ интересахъ своихъ королей, мало-по-малу сами превращались въ настоя-

щихъ представителей относящейся къ нимъ народной группы и служили посредниками между нею и королемъ. Такъ, напр., при дворѣ въ Якоба, когда это мѣсто посѣтилъ Рольдосъ, находился «князь исполняющихъ желѣзныя работы» и «султанъ мясниковъ и портныхъ». Въ Дарфурѣ Нахтигаль видѣлъ среди придворныхъ сановниковъ смотрителей надъ барабанщиками, кузнецами, кожевниками и изготовителями панцирей. Въ Катсена среди придворныхъ находится также министр красильщиковъ, слѣдовательно, представитель одной изъ главныхъ отраслей промышленности въ странѣ. Такому процессу развитія способствовалъ обычай назначать одного изъ членовъ совѣта короны представителемъ иноплеменцевъ, поселяющихся въ странѣ, въ качествѣ торговцевъ и ремесленниковъ. Такой представитель защищаетъ ихъ интересы при дворѣ и за это получаетъ отъ нихъ подарки. Даже люди, не принадлежащіе ни къ какому племени, все-таки имѣютъ своего представителя при дворѣ въ Дарфурѣ.

Во всемъ этомъ заключается уже начало словнаго представительства, и тамъ, гдѣ намѣстники отдѣльных провинцій принадлежатъ къ королевскому совѣту, существуетъ уже нѣчто въ родѣ сейма, впрочемъ, болѣе похожего на севать, нежели на палату депутатовъ. Еще рѣзче выражается это тамъ, гдѣ народъ-побѣдитель вводитъ въ побѣжденной странѣ настоящую феодальную систему, которая, по своему, всегда приводитъ къ уменьшенію королевскаго вліянія. Англійскіе бароны, которые очень неохотно, посредствомъ Magna Charta, положили основы современному конституціонному государству, находили и находятъ единомышленниковъ въ Африкѣ и восточной Азіи, и вездѣ надо было сначала разрушить феодализмъ, для того, чтобы ввести, либо деспотическую власть правителей, либо настоящее народное представительство.

Изъ всего сказаннаго ясно, во всякомъ случаѣ, одно, что политическая свобода не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ культурѣ. Идеаль анархистскихъ мечтателей встрѣчается въ самомъ чистомъ видѣ лишь въ самомъ примитивномъ человѣческомъ обществѣ. Но, быть можетъ, именно временная потеря свободы нужна для воспитанія человѣческаго рода, и только, послѣ основательнаго просвѣтленія, общество получаетъ право требовать для себя свободы, какъ это сдѣлалъ нѣкогда греческій народъ, въ счастливыя времена расцвѣта своей юношеской силы.

Мы видимъ, что хрупкое могущество вождей во многихъ случаяхъ приобретаетъ особенную крѣпость, вступая въ сношенія съ

Шиллукская маска.

тайственными силами. Начальник родовой группы, одновременно являющийся представителем культа своих единоплеменников, может, таким образом, значительно повысить свой авторитет; въ особенности же дома мужчинъ, со своими тайственными церемоніями, масками и плясками духовъ, доставляютъ наилучшее орудіе власти для тѣхъ начальниковъ, которые вышли изъ этихъ домовъ. Но тѣсная связь между духовною и свѣтскою властью составляетъ скорѣе исключеніе, нежели правило, и вообще сословіе кудесниковъ и жрецовъ развивается самостоятельно и притомъ въ высшей степени различнымъ образомъ. Распря между церковью и государствомъ, характеризовавшая средніе вѣка, происходитъ съ перемежнымъ успѣхомъ и среди первобытныхъ племенъ.

Маска въ видѣ головы рогатаго скота (Индія).

Но какимъ образомъ вообще могло произойти это отдѣленіе жреческаго сословія и то, что сословіе вождей не постаралось сохранить только для себя всю громадную силу религіознаго вліянія? Если смотрѣть на жреца у дикихъ народовъ, какъ на смѣшного шарлатана, то на этотъ вопросъ не найдется отвѣта. На самомъ же дѣлѣ, вездѣ, гдѣ высшее развитіе еще не вызвало измѣненій въ запросахъ народа, жрецъ долженъ былъ обладать извѣстными способностями, которыя доставляютъ ему довѣріе народа. Эти способности должны быть врожденными и только искусственно увеличиваются посредствомъ соответствующихъ упражненій; такъ напр., онъ долженъ былъ прежде всего обладать способностью произвольно вызывать у себя судорожное состояніе и нѣкоторыя другія патологическія состоянія, о которыхъ рѣчь впереди. Мало вѣроятія, чтобы именно вождь всегда обладалъ такими свойствами, и поэтому онъ, волей неволей, долженъ была взирать на то, что другой бралъ въ руки магическій жезлъ, и этотъ жезлъ иногда даже становился орудіемъ господства надъ племенемъ, въ случаѣ столкновенія обѣихъ властей, свѣтской и духовной. Власть жреца бываетъ обыкновенно больше тамъ, гдѣ онъ является наслѣдникомъ мужского общества и домъ холостыхъ обращаетъ въ храмъ, духи и божества котораго находятся у него въ распоряженіи. Но даже тамъ, гдѣ жреческое сословіе

развивается не такъ правильно, а вырастаетъ, какъ сорная трава въ полѣ, оно все таки можетъ достигнуть значительнаго вліянія, путемъ объединенія и взаимной поддержки.

Отношенія между жречествомъ и властью вождей развиваются очень разнообразно. Иногда должность жрецовъ совпадаетъ съ должностью вождя, какъ это наблюдается у сѣверныхъ даяковъ, которые находятся уже не въ первоначальной формѣ развитія, а скорѣе указываютъ на случайное возвращеніе къ первобытнымъ условіямъ. «Мананги или знахари береговыхъ даяковъ, — говоритъ Брукъ Лоу — пользуются значеніемъ наравнѣ съ Туахъ Румахъ, вождемъ деревни, и нерѣдко случается, что знахарь становится начальникомъ деревни, въ которой онъ живетъ. Если онъ популяренъ, то ему ничто не препятствуетъ занять такое положеніе, но чтобы достигнуть такой популярности, онъ долженъ выказать себя хорошимъ толкователемъ словъ и могущественнымъ заклинателемъ духовъ... Званіе Мананга наслѣдственное и, хотя оно не переходитъ непремѣннымъ образомъ отъ отца къ сыну, но навсегда остается въ семьѣ». Въ другихъ мѣстахъ, однако, родъ вождей и родъ жрецовъ мирно уживаются рядомъ, но въ такихъ случаяхъ преданіе обыкновенно указываетъ на ихъ первоначальное общее происхожденіе. Геллинггаузъ говоритъ про племя Мунда въ средней Индіи, что въ каждой деревнѣ существуютъ два рода: родъ «Паганъ» или жрецовъ и «Мунда» — или деревенскихъ старостъ, изъ которыхъ и выбираются всегда жрецы и начальники общины. «Такъ какъ въ каждой деревнѣ — прибавляетъ Геллинггаузъ — оба рода считаются сродни и принадлежать къ одной и той же племенной общинѣ, нося названіе одного и того же предка, то надо полагать, что, при основаніи деревни, два брата подѣлили между собою эти должности и, такимъ образомъ, положили начало двумъ отдѣльнымъ родамъ, Мунда и Паганъ».

Тамъ, гдѣ между различными классами вождей существуетъ соперничество и зависть жрецъ является очень полезнымъ союзникомъ. Въ сѣверо-западной Америкѣ, какъ говоритъ Ниблахъ, вождь очень часто жертвуетъ половиною своего имущества, чтобы только заручиться содѣйствіемъ знахаря, и обоямъ вмѣстѣ удается совладать съ враждебными интригами какого нибудь серьезнаго соперника. Это напоминаетъ отчасти — если только дозволено провести такое сравненіе — старинныя времена императорской власти въ Германіи, когда епископы были самою прочною опорой императорской власти противъ феодализма. пока борьба съ Римомъ не испортила этихъ, полезныхъ для обѣихъ сторонъ, отношеній.

Въ общемъ, жречество у дикихъ народовъ стоитъ на низкой ступени, но въ немъ, обыкновенно, воплощаются преданія и все культурное достояніе племени. Между тѣмъ, какъ прочіе юноши племени вырастаютъ безъ всякаго обученія, кандидаты на должность

жрецовъ должны бывать, въ большинствѣ случаевъ, выдержать испытаніе и представить доказательства своей чудодѣйственной силы, такъ что имъ приходится пройти подготовительный періодъ, во время котораго они знакомятся съ преданіями своего племени. Жрецъ является въ то же время хранителемъ преданій, таинственныхъ старинныхъ обычаевъ и «добрыхъ нравовъ», которые весьма часто бываютъ дурными нравами; онъ также служитъ признаннымъ представителемъ всѣхъ консервативныхъ силъ и зачастую, поэтому, оказываетъ пагубное вліяніе на прогрессъ культуры. Однако и тутъ все-таки открывается путь къ высшему развитію, а именно жрецъ можетъ сдѣлаться защитникомъ требованій нравственности, и тогда его положеніе приобретаетъ, на ряду съ княжескимъ могуществомъ, еще большую важность. Сознаніе этихъ высшихъ задачъ проглядываетъ уже, до нѣкоторой степени, въ наставленіяхъ, преподаваемыхъ главнымъ жрецомъ галласовъ кандидатамъ на званіе жреца. «Онъ напоминаетъ имъ, — говоритъ Пауличке, — о томъ, что они не должны обрѣзывать волосы, но отпускать ихъ, и должны жить согласно законамъ своей страны, т. е. каждый важный вопросъ разрешать только совмѣстно съ народными представителями и ни въ какомъ случаѣ не стараться захватить въ свои руки абсолютную или же деспотическую власть, противорѣчащую духу учрежденій, установленныхъ предками. Самымъ грандіознымъ образомъ дѣйствовали въ этомъ направленіи жрецы оракула въ дельфахъ, въ древнія времена, оказывавшіе большое нравственно-политическое вліяніе вслѣдствіе того, что они сдѣлались центромъ греческой умственной жизни и съ глубокою принципиальностью руководили тою борьбой за государственное устройство, изъ которой, наконецъ, выросъ греческій республиканизмъ, въ самой своей просвѣщенной формѣ, и сдѣлался побѣдителемъ надъ раздробленіемъ родовъ и господствующей тираніей. И тутъ, слѣдовательно, параллельно съ виѣшнимъ развитіемъ, совершается и замѣчательный процессъ внутренняго развитія, благодаря которому изъ хижины жреца оракула постепенно возникаетъ величественная колотнада храмовъ высшей религіозной формы».

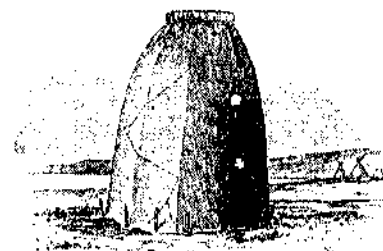
Жрецами, какъ и начальниками, могли быть также женщины. Иногда этимъ послѣднимъ удавалось достигнуть значительнаго вліянія, и это содѣйствовало возвышенію положенія всего женскаго сословія, къ чему стремились и чего достигали порою также и тайные союзы женщинъ въ Африкѣ.

Въ тѣсной связи съ этими тайными союзами находятся также и тѣ союзы, которые имѣютъ извѣстное сходство съ христіанскими монашескими орденами и въ особенности процвѣтаютъ на берегахъ западной Африки. Но жречество, уже само по себѣ, стремится къ объединенію. Герольдъ рассказываетъ про условія, которыя онъ наблюдалъ въ Того: «Между жрецами различныхъ фетишей не су-

ществуетъ ни малѣйшей конкуренціи или нетерпимости, и скорѣе можно замѣтить между ними дружескія, коллегіальныя отношенія, какія обыкновенно бываютъ между товарищами по дѣламъ, такъ что, напр., жрецъ всевѣдущаго Афа отсылаетъ кліента, просящаго о дождѣ, къ жрецу фетиша Багба, такъ какъ Афа не располагаетъ дождемъ или же онъ совѣтуетъ кліенту обратиться къ жрецу какого нибудь другого фетиша, который чѣмъ нибудь разгнѣванъ.» Въ западной Африкѣ можно найти даже настоящее раздѣленіе труда въ религіозной области. Среди знахарей Золотого берега жрецы такихъ божествъ, которыя имѣютъ собственный храмъ, пользуются высшимъ авторитетомъ, такъ какъ они совершаютъ важнѣйшіе обряды культа и служатъ посредниками между народомъ и высшими силами.

Низшій рангъ занимаютъ «Вонги» которыя, подобно сибирскимъ шаманамъ, впадаютъ въ судорожное состояніе подъ вліяніемъ барабаннаго боя и танцевъ и могутъ излѣчивать болѣзни и предсказывать будущее, а также «Отуту», главнымъ образомъ занимающіеся знахарствомъ; «Гбало» занимаются спиритическимъ искусствомъ и могутъ непосредственно вступать въ сношенія съ духами. Наконецъ, существуетъ еще классъ людей, занимающихся изготовленіемъ волшебнаго шнурка и организующихъ весьма прибыльную торговлю этимъ предметомъ. Если же прибавить сюда, что каждый фетишь обладаетъ особенными качествами, то получится такое пестрое разнообразіе религіозной и жреческой жизни, какое и у культурныхъ народовъ встрѣчается не всегда.

Вожди и жрецы представляютъ обыкновенно единичныя явленія и возвышаются надъ массой, хотя, какъ это замѣчается у дикарей и выражается въ монастырскихъ общинахъ буддистскихъ и христіанскихъ народовъ и еще рѣзче выступаетъ въ католической іерархіи, жречество всегда обнаруживало большую склонность соединяться въ замкнутыя группы. Въ тѣсной связи съ должною правителей находятся высшіе народные классы, которые принято называть дворянствомъ, хотя само по себѣ дворянство представляетъ лишь часть новой организаци, находящейся въ извѣстномъ противорѣчьи, какъ съ возрастными классами, такъ и съ системою родовыхъ группъ, и раздѣляющей народъ на слои, смотря по происхожденію и богатству, соответствующіе различнымъ рангамъ и совершенно уничтожающіе прежнее равенство и братство. Нѣкоторыя

Жреческая хижина у индѣйцевъ (Сѣв. Америка).

обстоятельства особенно способствовали такому развитию, как то: образование слишком больших различий въ имущественномъ положеніи, обособленіе касты воиновъ, стремленіе вождей обезпечить себѣ преданную свиту, организація штата придворныхъ чиновниковъ и, наконецъ, принятіе постороннихъ людей, считающихся низшими, въ составъ племени. Однако, можно все-таки различать два главныхъ пути образованія дворянства: либо дворянство образуется внутри какого нибудь опредѣленнаго общества, при чемъ масса, сама собою, распадается на слои, либо оно является результатомъ войны и завоеванія. Во второмъ случаѣ это совершается довольно просто, тогда какъ въ первомъ наблюдаются разнообразныя формы.

Богъ грома Байя,
фетишъ жителей
Невольничьяго
берега.

Пока существуютъ матриархальныя роды въ своемъ первоначальномъ видѣ, до тѣхъ поръ нѣтъ мѣста для социальныхъ наслоеній. Плотнo державшаяся вмѣстѣ масса этихъ родовъ должны раздробиться на болѣе мелкія частицы и перемѣшаться между собой, прежде чѣмъ сдѣлаются возможными новыя дѣленія. Можно конечно разсматривать начальниковъ родовыхъ группъ, окружающихъ вождя или же руководящихъ судбами племени тамъ, гдѣ нѣтъ монархическаго главы, какъ родъ дворянства, но истиннымъ признакомъ такого вторичнаго общественного наслоенія является наследственность этого ранга, о которомъ въ данномъ случаѣ нѣтъ рѣчи, такъ какъ каждый даровитый членъ родовой группы можетъ разсчитывать сдѣлаться ея главой. Но, какъ только родовая группа начинаетъ распадаться на патриархальныя семьи, то возможнымъ становится и образованіе дворянства, которое возникаетъ даже само собою. Это можно, напр., наблюдать прекраснымъ образомъ въ Меланезіи, гдѣ, вслѣдствіе небольшого числа родовъ, легко возникаютъ семейныя группы «Внутри обонхъ родовъ (veve),—говоритъ Кодрингтонъ,—у островитянъ банковыхъ острововъ встрѣчаются семьи, члены которыхъ обладаютъ особеннымъ чувствомъ фамиліальной гордости и стремятся, посредствомъ браковъ между собою, поддержать фамиліальную связь». Тутъ, слѣдовательно, мы видимъ уже стремленіе къ эндогаміи въ строго экзогамическомъ обществѣ,—стремленіе, характеризующее дворянство всего міра. Знатныя семьи, отдѣляющіяся отъ остальной массы рода, стойко сохраняютъ традиціи родовыхъ группъ, приспособивъ ихъ къ своимъ новымъ условіямъ. Вышнимъ образомъ это выражается преимущественно въ томъ, что эти семьи заимствуютъ у родовъ тотемистическіе гербовые знаки или же при-

думываютъ новыя, какъ это можно еще и теперь наблюдать въ различныхъ переходныхъ формахъ, у береговыхъ племенъ сѣверо-западной Америки. Стремленіе къ тщательно установленной генеалогіи, которая первоначально была необходимою при матеріальной системѣ родовъ, точно также повсюду перешло къ дворянству, тогда какъ народъ, въ своихъ низшихъ слояхъ, болѣе не хочетъ знать, сдѣлавшихся для него лишними, фамиліальныхъ регистровъ, и не придаетъ имъ никакого значенія.

Но дворянство можетъ возникнуть также и изъ остатковъ возрастныхъ классовъ, обществъ мужчинъ или союзовъ охотниковъ и воиновъ, если только часть членовъ, вслѣдствіе естественныхъ и приобретенныхъ преимуществъ, обособляется отъ остальныхъ, или же, что бываетъ чаще, въ этой только части сохраняется связность, тогда какъ другія отъ нея отказываются. Ареои на Таити, повидимому, представляли такой классъ дворянства, который, однако, пополнялся изъ народа. Обыкновенно богатство служило источникомъ образованія высшаго народнаго слоя. Въ клубной организаціи меланезійцевъ высшія ступени могутъ быть достигнуты только путемъ большихъ денежныхъ жертвъ, а въ сѣверо-западной Америкѣ только состоятельные люди могутъ достигнуть высшаго общественнаго ранга. Другимъ средствомъ выдвинуться служить военныя доблести, которыя, впрочемъ, обыкновенно ведутъ также и къ богатству. Эти доблести, однако, только тамъ имѣютъ шансы на признаніе, гдѣ власть правителя достигла уже полнаго развитія, и онъ можетъ возвысить своихъ преданныхъ приверженцевъ. Прimitивное государство, развивающееся на военныхъ основаніяхъ, можетъ быть управляемо въ началѣ только въ феодальномъ духѣ, т. е. правитель, не имѣющій возможности самъ управлять своей страной, волей неволей долженъ раздѣлить ее между своею боевою свитою, на силу и вліяніе которой онъ опирается; онъ долженъ превратить своихъ приверженцевъ въ степныхъ владѣльцевъ. Такимъ путемъ образовались низшее и среднее нѣмецкое дворянство въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, причемъ первоначально несвободные люди (milites князей, сдѣлавшіеся ленными вассалами, въ концѣ концовъ превратились въ привилегированный классъ. Рядомъ съ феодальнымъ дворянствомъ развивается также чиновничье и придворное дворянство пока наконецъ оба рода не сливаются вмѣстѣ, что, впрочемъ происходитъ не всегда. Въ Японіи воинственное земельное дворянство «даймио», естественнымъ предводителемъ котораго былъ шогунъ (верховный главнокомандующій), почти до современной эпохи оставалось раздѣленнымъ отъ придворнаго дворянства «куге», группировавшагося около священной личности микадо.

У нѣкоторыхъ сѣверныхъ племенъ галласовъ можно и теперь еще хорошо прослѣдить возникновеніе феодальнаго дворянства, кото-

рое явилось только послѣдствіемъ деспотизма, заступившаго мѣсто республиканской или олигархической формы правленія. Первоначально народъ распадался на десять группъ (вѣроятно родовъ), предводители которыхъ, по двое, управляли по очереди этими группами. Послѣ же возникновенія княжеской власти, на мѣсто этихъ предводителей родовъ, вступило новое, чисто феодальное дворянство, состоящее изъ испытанныхъ княжескихъ приверженцевъ и притомъ получившее даже нѣкоторую историческую поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что бывшіе предводители родовыхъ группъ были зачислены въ число выдающихся ленниковъ. Часть такого дворянства занимаетъ также и извѣстныя придворныя должности и такимъ образомъ представляетъ сходство съ государственнымъ совѣтомъ многихъ негритянскихъ вождей или, въ высшемъ смыслѣ, съ министерствами культурныхъ правителей.

Дворянство, развивающееся путемъ завоеванія, всегда носитъ феодальный характеръ, какъ напр. норманское, въ Нормандіи и Англіи. Въ общемъ, однако, цѣлому народу рѣдко удается безпрепятственно удержаться въ качествѣ верхняго слоя надъ покоренною массою; во всякомъ случаѣ народъ долженъ обладать большимъ запасомъ энергіи и благоразумія, чтобы предупредить или, по крайней мѣрѣ, ограничить, опусканіе въ нижніе слои своихъ собственныхъ менѣе способныхъ членовъ и возвышеніе изъ низшихъ слоевъ въ высшіе даровитыхъ и способныхъ элементовъ. Однако никогда не удается надолго задержать преобразовательныя силы народной жизни и помѣшать образованію новыхъ социальныхъ наслоеній.

Всякое дворянство, не только феодальное, постоянно находится въ опасности потерять свою искусственно поддерживаемую власть, которой угрожаютъ съ двухъ сторонъ: собственное вырожденіе и возвышеніе низшихъ классовъ, причемъ любопытно наблюдать, какъ оно вездѣ, одинаковымъ образомъ старается защитить себя, возвышая перегородки, отдѣляющія его отъ остальной массы.

Уже внѣшнимъ образомъ дворянскіе классы отличаются отъ остального народа болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, болѣе высокимъ ростомъ и физическою ловкостью, что можно объяснить до нѣкоторой степени тѣмъ обстоятельствомъ, что эти классы наследовали физическія качества расы завоевателей. Но главнымъ образомъ тутъ все таки играетъ роль лучшее питаніе, меньшая затрата силъ въ работѣ и склонность къ военной дѣятельности. Кромѣ того дворянство обладаетъ еще и умственнымъ превосходствомъ, которое ему легко получить, благодаря своему освобожденію отъ тяжелаго физическаго труда, и пока оно сохраняетъ это превосходство и обладаетъ достаточно сильною энергіей, то положеніе его не можетъ быть поколеблено такъ легко. Однако оказывается, что нѣкоторое принужденіе къ дѣятельности, болѣе благотворно вліяетъ, нежели пол-

ная свобода въ этомъ отношеніи. Нѣкоторые характерные физическіе признаки, которыми дворянство иногда сознательно гордится, въ сущности представляютъ явные симптомы уже наступившаго вырожденія, какъ напр. необычайная толщина, являющаяся результатомъ праздної жизни и обильнаго питанія. На многихъ островахъ Полинезіи, напр. на Гаваи, вожди и знатные люди были такъ необычайно толсты, что въ опасныя минуты, послѣ какого нибудь проиграннаго сраженія, эта толщина могла оказаться для нихъ роковой. Также и воинственное племя зулусовъ вѣроятно съ гордостью взирало на своихъ упитанныхъ вождей. Часто упоминаемый въ кафрскихъ вѣянахъ Огамъ, который не могъ даже двигаться безъ посторонней помощи, вслѣдствіе своей толщины, должно быть по этой причинѣ пользовался уваженіемъ въ глазахъ своихъ подданныхъ. Въ толщинѣ присоединяется еще и другой некрасивый признакъ знатнаго происхожденія, съ удивительнымъ постоянствомъ повторяющійся вездѣ, гдѣ высшіе народныя слои воздерживаются отъ всякой физической работы и даже отъ непосредственной военной дѣятельности, — это обычай откусывать ногти до длины когтей. Врядъ ли это дѣлается съ какой нибудь ясно определенной цѣлью, но все таки нельзя не согласиться, что нѣтъ лучшаго признака, указывающаго на праздную жизнь, чѣмъ такіе ногти, которые должны были бы сломаться или болѣзненно согнуться при первой же попыткѣ плотно обхватить рукоятку молотка или копья. Какъ сильно распространенъ этотъ нехорошій обычай, доказываютъ, между прочимъ, слѣдующіе факты: между кафрами племени всозы, по Кропфу, признакомъ знатнаго происхожденія служатъ маленькія руки и длинныя ногти, также какъ и у зулусовъ, по свидѣтельству Тоста. Болѣе старинное сообщеніе, касающееся Золотого берега, гласитъ слѣдующее: «Вожди иногда такъ отпускаютъ свои ногти, что они по длинѣ равняются одному суставу пальца, и чѣмъ длинѣ ногти, тѣмъ знатнѣе считаются вожди и тѣмъ болѣе они внушаютъ къ себѣ уваженія. Они пользуются своими ногтями для собиранія золотого песка, когда у нихъ нѣтъ ложки, и каждый такой ноготь можетъ выѣстить полъунца». Тучные гавайскіе вожди также занимаются уходомъ за своими когтеобразными ногтями, такъ какъ свободнаго времени у нихъ очень много, но по всей вѣроятности имъ все таки не удалось достигнуть въ этомъ отношеніи того идеала, котораго достигли маюдарины въ Китаѣ, нуждающіеся даже въ особенныхъ чехлахъ, чтобы защитить свои драгоценныя ногти. Въ Бразиліи, по словамъ фонъ-Марціуса, у многихъ индѣйскихъ племенъ, чудовищныя ногти на большихъ пальцахъ служатъ признакомъ начальнической власти. Интересно въ психологическомъ отношеніи, что этотъ обычай развился самостоятельно и въ Европѣ, въ извѣстныхъ кружкахъ.

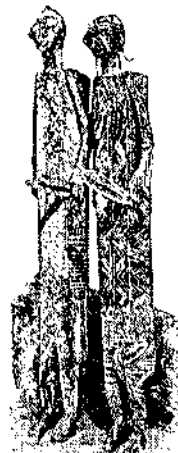
Нѣтъ недостатка и въ другихъ, столь же произвольныхъ, тѣлесныхъ признакахъ дворянскаго достоинства. Нерѣдко такимъ признакомъ служитъ татуировка, по которой знатные узнаются все равно какъ и по своему гербу. Этотъ обычай существовалъ у маори и нѣкоторыхъ сѣверозападныхъ американскихъ племенъ. У чинуконъ искусственное уплощеніе головы, характерное для этого народа, не производится у дѣтей рабовъ. Однако, этому племени приходится довольно комическимъ образомъ расплачиваться за свое высокомеріе, такъ какъ сѣверныя племена на берегахъ Британской Колумбіи и Аляскѣ восполняютъ свою собственную потребность въ рабахъ, уводя въ рабство чинуконъ, и поэтому на сѣверѣ плоская голова считается признакомъ рабскаго состоянія.

Если вождямъ часто удастся окружить себя мистическимъ ореоломъ святости, то и дворянство также можетъ похвалиться этимъ. Иногда возникаетъ настоящая священническая знать, какъ, напр., племя Леви въ древнемъ Израилѣ, или же часть членовъ благородныхъ сословій организуетъ религіозно-военные союзы, каковы: тамилеры, іоанниты и нѣмецкіе рыцарскіе ордена или ордена Сантьяго, Алькантара и Колатрава въ христіанскую эру среднихъ вѣковъ въ Испаніи. Но въ первобытныхъ условіяхъ удовлетворяются болѣе простыми средствами. Въ Полинезійскіе обычаи табу, образовавшіеся изъ культа умершихъ и союзовъ мужчинъ, оказались весьма удобнымъ орудіемъ для обособленія и пораженія въ рукахъ вождей и другихъ высокопоставленныхъ людей, такъ какъ они придавали имъ какую то таинственную силу, которой никто противостоять не могъ. Дворянство очень охотно создаетъ для себя также свою собственную монополию и старается подтвердить свои преимущества даже и на томъ свѣтѣ. Согласно перуанскому преданію въ началѣ съ неба свалились три яйца: золотое, серебряное и мѣдное. Изъ перваго вышли князья, изъ второго—дворянство, а изъ третьяго—простой народъ. У карамбовъ господствовало возрѣніе, что, по смерти, низшія сословія превращаются въ звѣрей и только высшія продолжаютъ далѣе жить въ видѣ человѣкоподобныхъ духовъ. У майевъ дворянство сохраняетъ для себя преимущество превращенія послѣ смерти въ птицъ съ пестрымъ и блестящимъ опереніемъ или въ кручныхъ млекопитающихъ, между тѣмъ какъ остальные массы продолжаютъ далѣе живя уже въ видѣ ласокъ, жуковъ и другихъ низшихъ существъ. Но еще радикальнѣе въ этомъ отношеніи возрѣнія знати въ Тонга, составившей себѣ убѣжденіе, что только души дворянъ продолжаютъ жить на томъ свѣтѣ, между тѣмъ какъ души народа уничтожаются. Конечно, знатымъ людямъ устраиваются на этомъ основаніи особенныя похороны.

Само собою разумѣется, что культъ предковъ у дворянства или высшихъ классовъ вообще имѣетъ другое значеніе, нежели у народ-

ныхъ массъ, такъ какъ обыкновенно дворянство можетъ представить болѣе отдаленную линію предковъ и сохраняетъ болѣе тѣсную связь съ прежними временами уже ради вопросовъ о наслѣдствѣ. Высшіе слои, въ данномъ случаѣ, бессознательно трудятся въ пользу прогресса культуры, расширяя земной горизонтъ и сохраняя для потомства не только имена, но и событія прошлаго. Такимъ образомъ, они создаютъ народу воспоминанія и, такъ сказать, кладутъ основаніе началамъ исторіи. Затѣмъ уже не трудно представить себѣ, что желаніе вышнимъ образомъ поддержать эти воспоминанія могло повести къ дальнѣйшимъ культурнымъ дѣяніямъ.

Мы уже говорили о томъ, что образованіе социальныхъ наслоений сдѣлалось возможнымъ только тогда, когда система родовъ начала распадаться. Понятно, что сословныя различія, дѣйствуя въ этомъ направленіи, должны были преобразовать организацію и ввести новые, часто совершенно противоположные прежнимъ, обычаи. Всего рѣзче это выражается въ области брачныхъ законовъ и запрещеній. Въ періодъ господства матриархальныхъ родовыхъ группъ экзогамія соблюдалась очень строго, и бракъ внутри собственной родовой группы считался очень дерзновеннымъ поступкомъ. Но дворянство, воплотивъ естественно, стремилось установить эндогамію. Иначе и быть не могло: вѣдь, власть дворянства опиралась на извѣстныя свойства, которыя передавались по наслѣдству, на сильно развитыя инстинкты господства и воинственныхъ наклонности,—эти же свойства, само собою разумѣется, скорѣе можно было найти у близкихъ родственниковъ и у членовъ отцовской родовой группы. Когда экзогамическія брачныя запрещенія перестаютъ дѣйствовать, тогда ихъ мѣсто заступаютъ другія, болѣе разумныя, такъ какъ они одинаково принимаютъ во вниманіе какъ материнское, такъ и отцовское родство. Во всякомъ случаѣ безграничная экзогамія не можетъ считаться желательною цѣлью, въ виду незначительности дѣторожденія, какъ это указываютъ, напр., арійско-семитическіе смѣшанные браки. Но попытку сохранить для расы, посредствомъ умѣренной экзогаміи, хорошія свойства и качества, нельзя считать неблагоприятной. «Смѣшеніе народовъ и племенъ,—говоритъ генеалогъ О. Лоренцъ,—служитъ основою великихъ переворотовъ въ общественной и государственной области. Изъ этого слѣдуетъ вывести заключеніе, что существуютъ извѣстныя границы, когда умноженіе предковъ (т. е. насколько болѣе интенсивное смѣшеніе различныхъ группъ человечества) оказываетъ вредное и разлагающее вліяніе на государство

Рѣзные гробы для предводителя и его жены въ Конго.

и общество, и поэтому уменьшение предковъ (т. е. эндогамія) является спасительнымъ моментомъ, содѣйствующимъ улучшенію условій государства и общества». Намекая далѣе на помѣси бѣлыхъ и негровъ, онъ говоритъ: «Многіе думаютъ, что то, что принято называть совершенствованіемъ и прогрессомъ, можетъ быть достигнуто этимъ путемъ. Но если даже для черной расы и создаются, такимъ образомъ, лучшія условія, то все же нельзя утверждать того же самаго и относительно бѣлой расы. За такое увеличеніе предковъ скорѣе приходится расплачиваться культурой, достигнутой въ обществѣ, основанномъ на равенствѣ происхожденія».

Если народъ раздѣляется на социальные слои, или же изъ стороннихъ элементовъ образуются новыя народные классы, то всегда только высшіе и низшіе слои привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе и до нѣкоторой степени дополняютъ другъ друга, между тѣмъ какъ средніе классы, если только они не исчезаютъ окончательно, служатъ настоящимъ резервомъ народной силы, такъ какъ они лучше другихъ обезпечены отъ вырожденія и являются самыми вѣрными хранителями первоначальныхъ и нормальныхъ условій.

Возникновеніе самыхъ низшихъ слоевъ въ народѣ, крѣпостныхъ и рабовъ, находится въ еще болѣе тѣсной зависимости отъ экономического развитія, нежели образованіе высшихъ слоевъ; по крайней мѣрѣ въ широкомъ смыслѣ рабство можетъ процвѣтать лишь въ такихъ областяхъ, гдѣ процвѣтаетъ земледѣліе или же развилась значительная вывозная промышленность.

Но рабство, все-таки, не связано съ земледѣліемъ и встрѣчается также у племенъ, которыя основываютъ свое экономическое существованіе на рыбной ловлѣ и охотѣ, какъ это наблюдается, напр., у береговыхъ жителей на сѣверѣ Тихаго Океана, какъ на американской, такъ и на азіатской сторонѣ. Относительно рабства у гилляковъ Шренкъ рассказываетъ слѣдующее: рабы никогда не бываютъ урожденными гилляками, но происходятъ изъ сосѣднихъ племенъ айносовъ и гольдоровъ, которые имѣютъ дурную привычку продавать часть своихъ дѣтей. Число ихъ невелико, они совершенно безправны, употребляются на всѣ тяжелыя работы и женатся только между собой, такъ какъ гиллякъ считаетъ для себя позоромъ сколько-нибудь близкія сношенія съ рабами. Но только богатые люди могутъ доставлять себѣ такую роскошь,—имѣть рабовъ. Совершенно такія же условія находимъ мы у большинства индѣйскихъ племенъ сѣверозападной Америки, въ особенности же на берегу Аляски; только тамъ, по свидѣтельству Симпсона, почти треть населенія состояла изъ рабовъ, находившихся, если только это возможно, въ еще болѣе печальномъ положеніи, нежели у гилляковъ. Рабовъ приносили въ жертву въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ и вообще съ ихъ жизнью нисколько не церемонились. Одинъ вождь, напр., былъ по-

бить бѣлымъ, съ которымъ онъ поссорился, и ради собственнаго облегченія и доставленія удовольствія своему противнику, онъ тотчасъ же приказалъ застрѣлить одного изъ своихъ рабовъ. Существовали даже особыя каменные топоры, которые употреблялись только для припесенія въ жертву рабовъ. Сѣверныя племена получали своихъ рабовъ черезъ посредство тсимишамовъ, которые скупали военнопленныхъ у южныхъ береговыхъ народовъ.

Итакъ, рабство существуетъ на берегахъ Берингова моря, хотя тамъ и нѣтъ земледѣлія; но тѣмъ не менѣе, въ общемъ, именно земледѣліе создавало всюду болѣе или менѣе сильную потребность въ крѣпостномъ трудѣ. Бродячимъ народамъ рабство неизвѣстно, точно также оно было чуждо первоначально и чистымъ помадамъ, встрѣчаясь у нихъ лишь какъ лишенный всякаго значенія и заимствованный у сосѣднихъ племенъ, находящихся въ иныхъ экономическихъ условіяхъ, обычай. Такъ и въ сѣверовосточной Африкѣ. «Въ домашнемъ хозяйствѣ кочевниковъ сомалисовъ и данакилей,—говоритъ Пауличке,—уже потому не встрѣчается рабство, что области, гдѣ живутъ эти народы, населены очень скудно, земледѣліе очень незначительно, и люди вообще сравнительно легко добываютъ себѣ пропитаніе скотоводствомъ, но оно все таки недостаточно для прокормленія большого количества рабовъ. У сомалисовъ и афаровъ содержаніе рабовъ является роскошью, которую могутъ позволить себѣ только богатые города, гдѣ мусульманская жизнь носитъ болѣе утонченный характеръ». Однако, земледѣліе вовсе не связано непременно съ рабствомъ, такъ какъ оно возникло первоначально, какъ специальное хозяйственное занятіе женщинъ, и не вездѣ перешло въ руки мужчинъ, хотя бы то и были военнопленные или купленные рабы.

Несвободный, низшій классъ народа происходитъ такимъ же двойственнымъ путемъ, какъ и верхній слой, образующійся частью внутри самого племени, частью же вслѣдствіе столкновенія двухъ народовъ, но только, по всей вѣроятности, второе обстоятельство послужило толчкомъ къ тому, что и нѣкоторые изъ членовъ собственнаго же племени превратились въ частное имущество и подверглись такому же обращенію, какъ и военнопленные. Однако мысль сохранить жизнь обезоруженныхъ враговъ или принимать

Топоръ для жертвоприношеній у индѣйцевъ Нутка, съ каменнымъ лезвиемъ. С. Америка.

ихъ, какъ равноправныхъ членовъ, въ свое племя, чему особенно благоприятствовали союзы мужчинъ, не могла возникнуть сразу. Прежде всего стали падать женщинъ, какъ полезныхъ работницъ, и принимать ихъ въ родовыя группы или семьи, гдѣ онѣ, впрочемъ, вслѣдствіе своего безправія, были ничуть не выше рабовъ. Въ концѣ концовъ явилась, конечно, мысль воспользоваться такимъ же точно образомъ и трудомъ мужчинъ, вмѣсто того, чтобы убивать ихъ въ слѣпой ярости. Мы вернемся еще къ экономическому значенію такой перемены.

Среди бразильскихъ дѣнныхъ племенъ, если только вообще они имѣютъ рабовъ, рабство наблюдается еще въ первоначальной стадіи; только военнопленные становятся рабами, да и то они не составляютъ исключительной собственности извѣстныхъ лицъ. «У всѣхъ этихъ народовъ, рабъ,—какъ говоритъ Ф. Марціусъ,—не всегда бываетъ непосредственнымъ слугою только своего господина, и его услугами пользуется безъ различія вся община, главнымъ же образомъ тѣ, кто живетъ съ нимъ въ одной хижинѣ». Единственнымъ слѣдомъ дальнѣйшаго преобразованія въ этомъ направленіи служить право отца семейства продавать женщинъ и дѣтей, но этимъ правомъ пользуются не часто. Военнопленные рабы рѣдко, или даже никогда, не смѣшиваются со своими господами и только размножаются даже между собою, какъ подчиненная каста, не имѣющая права носить оружіе или знамя племени. Большею частью такіе крѣпостные вербуются среди похищенныхъ дѣтей, такъ какъ жизнь взрослыхъ мужчинъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ пощажена во время войны. Слѣдуетъ прибавить, что бразильскія дѣнные племена, о которыхъ идетъ рѣчь, не могутъ быть названы исключительно только охотниками и занимаются также земледѣліемъ и рыболовствомъ.

Примѣръ бразильскихъ племенъ показываетъ, какъ легко рабство военнопленныхъ приводитъ къ мысли обращать, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ рабовъ и своихъ соплеменниковъ, хотя и не для собственного употребленія, а для продажи другимъ народамъ. Во всѣхъ частяхъ свѣта можно натолкнуться на такое убѣжденіе, что мужчина, залутавшійся въ долги, можетъ отдать въ уплату свою семью, и лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, долженъ отслуживать самъ. Число рабовъ, образовавшихся изъ такихъ несостоятельныхъ должниковъ, гораздо больше, чѣмъ число военнопленныхъ, обращенныхъ въ рабство. Замѣчательное исключеніе, въ данномъ случаѣ, представляютъ галласы, у которыхъ рабовъ много, но рабство за долги у нихъ не существуетъ.

Нигдѣ рабство такъ не организовано и не составляетъ такого естественнаго атрибута народной жизни, какъ у большинства негритянскихъ племенъ Африки. Причины, которыя могутъ привести къ

нему, также многочисленны и разнообразны, какъ и подраздѣленія рабовъ, положеніе и цѣнность которыхъ бываютъ поэтому очень различны. Баронъ Ф. Эберштейнъ сообщаетъ чрезвычайно интересныя данныя, касающіяся условій рабства, существующихъ въ восточно-африканскомъ округѣ Кильва, находящемся, во всякомъ случаѣ, подъ вліяніемъ ислама. То, что онъ разсказываетъ, можетъ служить классическимъ примѣромъ африканскихъ условій.

По своему происхожденію рабы распадаются на различныя группы, и въ первую зачисляются военнопленные или вообще похищенные люди. Затѣмъ слѣдуютъ врачи, пациенты которыхъ умерли и которые, вслѣдствіе этого, безъ церемонія, продаются оставшимися родственниками умершаго, какъ вознагражденіе за его смерть. Далѣе идутъ соблазнители замужнихъ женщинъ, которые не въ состояніи, по бѣдности, уплатить наложеннаго на нихъ штрафа, и, наконецъ, люди, которые вслѣдствіе голода, добровольно идутъ въ рабство къ какому-нибудь богачу. Послѣднюю группу составляютъ потомки рабовъ, родившіеся въ странѣ и называющіеся вацалла, въ отличіе отъ ваіоно, рабовъ, происходящихъ изнутри страны.

Независимо отъ этого подраздѣленія, существуетъ другое, основывающееся на занятіяхъ рабовъ. Во главѣ стоятъ «*watama wa shangi*» или «подающие совѣты рабы», которые, своею вѣрностью и умомъ возвысились до степени совѣтниковъ и друзей своихъ господъ и сдѣлались посредниками между ними и другими рабами, а впоследствии назначались на должность надсмотрщиковъ и пословъ. Остальная масса рабовъ распадается на двѣ большія группы: домашнихъ и полевыхъ. Рабыня, если она обладаетъ красотой, можетъ надѣяться на повышение, сдѣлавшись наложницей (*suria*) своего господина, что, впрочемъ, не дѣлаетъ ее свободной, и только рожденіе ребенка можетъ избавить ее отъ рабства.

Положеніе рабовъ, въ общемъ, не плохое. За дѣнь, непослушаніе или другіе проступки, они могутъ подвергнуться тѣлесному наказанію, но господинъ только тогда убиваетъ своего раба, когда онъ окажется виновнымъ въ прелюбодѣяннѣ съ одною изъ его женъ, но чаще съ ними даже и въ такомъ случаѣ поступаютъ болѣе милостиво. Домашніе рабы пользуются отъ своего господина полнымъ содержаніемъ; полевые рабы работаютъ пять дней въ недѣлю для своего господина, и два дня для себя, но за то, въ эти дни, они должны сами прокармливать себя. Нѣкоторые же работаютъ для себя и только уплачиваютъ извѣстную ежегодную дань своему господину, но тѣмъ не менѣе они все-таки считаются его собственностью, со всѣмъ своимъ имуществомъ, къ которому принадлежать также и ихъ собственные рабы. Рабы, недовольные своимъ господиномъ за то, что онъ дурно обращается съ ними и плохо ихъ кормитъ, могутъ обращаться съ жалобой въ совѣтъ старшинъ, и если жалоба ока-

жется основательной, то советъ старшинъ вступаетъ за рабовъ и принуждаетъ ихъ господина либо лучше заботиться о нихъ, либо продать ихъ.

И тутъ можно наблюдать, какъ изъ рабства развивается крѣпостное сословіе, отношенія котораго къ господину сравнительно не такія тѣсныя. Въ другихъ мѣстахъ, въ Африкѣ этотъ процессъ шагнулъ еще дальше впередъ и даже привелъ уже къ довольно серьезному потрясенію социальныхъ условій власти. «Рабство въ Камерунѣ,—говоритъ Конрау,—носитъ довольно мягкій характеръ, особенно вблизи берега, гдѣ господа оказываются совершенно безсильными передъ своими рабами. Эти послѣдніе обитаютъ въ отдельныхъ деревняхъ, отдѣльно отъ свободныхъ людей. Такъ мнѣ пришлось испытать, что рабы Макія въ Моконье, считающагося очень могущественнымъ, не дозволяли своему господину нарубить для меня пальмовыхъ вѣтвей вблизи своей деревни, и означенный строительный матеріалъ пришлось доставать изъ другого округа, къ которому принадлежалъ и самъ Макія. Балунги и бафо признаютъ, что они совершенно безсильны передъ своими рабами и совершенно находятся въ зависимости отъ ихъ доброй воли. Рабы въ этой странѣ, происходящіе изъ горныхъ областей Бали, Бамума и т. д., превосходятъ своихъ господъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Кроме того, они, большею частью, болѣе нравственны; часто случается, поэтому, что какой-нибудь энергичный, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ рабъ, самъ покупаетъ для себя рабовъ и господствуетъ надъ ними въ своей деревнѣ». Племена внутри страны, напр., бали, не держатъ рабовъ и продаютъ своихъ военнопленныхъ береговымъ племенамъ, а землю свою воздѣлываютъ сами.

Однако существуетъ широко распространенный обычай, который ложится мрачною тѣнью на все сословіе рабовъ, это—принесеніе ихъ въ жертву высшимъ силамъ и избіеніе рабовъ на могилѣ умершаго господина. Частью эти обычаи относятся къ привычному избіенію военнопленныхъ и съ этой точки зрѣнія представляютъ даже нѣкоторое смягченіе первоначальнаго обычая, но, главнымъ образомъ, все-таки они развиваются совмѣстно съ идеей похоронныхъ жертвоприношеній и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приводятъ къ ужасающимъ избіеніямъ, какъ это наблюдается, напр., въ негритянскихъ государствахъ Гвинейскаго берега. Въ Дагомеѣ, когда прекратилась торговля невольниками съ европейцами, ежегодные военные походы фактически имѣли только цѣль добыть какъ можно больше человѣческихъ жертвъ для большихъ торжествъ и праздниковъ мертвыхъ. По счастью, то соображеніе, что каждый рабъ олицетворяетъ собою довольно значительную сумму, зачастую удерживаетъ рабовладѣльцевъ отъ слишкомъ жестокихъ поступковъ съ ними, и вообще экономическое значеніе рабства всего раньше и сильнѣе способствовало развитію

взгляда на цѣнность человѣческой жизни и на человѣческое достоинство. Тутъ, слѣдовательно, простирается такой же путь, на которомъ и женскій полъ, пройдя черезъ промежуточные ступени купли женщинъ, могъ достигнуть, наконецъ, большаго уваженія и лучшихъ условій положенія.

Быть можетъ, еще рѣзче, чѣмъ при рабствѣ, выступаетъ такое выдѣленіе, на основаніи происхожденія, паріевъ, которые, во многихъ отношеніяхъ, занимаютъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, мѣсто рабовъ, хотя и не лишаются своей самостоятельности. Такъ какъ и по своей профессіи они стоятъ особнякомъ отъ другихъ, то тутъ уже замѣчается переходъ къ кастовой системѣ. Обыкновенно всѣ такіе моменты, вызывающіе раздѣленіе, дѣйствуютъ совмѣстно, такъ что трудно бываетъ прослѣдить въ отдѣльности ихъ вліяніе въ чистомъ видѣ. Образование социальнихъ слоевъ на основаніи имущества и рѣзкое раздѣленіе между бѣдностью и богатствомъ, въ сущности имѣло мѣсто уже во время возникновенія дворянскаго сословія и рабовъ, и поэтому его трудно наблюдать, какъ совершенно отдѣльное явленіе. Вполнѣ достаточно будетъ, слѣдовательно, если мы ограничимся общими замѣчаніями относительно вліянія богатства на общество и борьбы съ безмѣрнымъ накопленіемъ имущества.

Въ первобытныхъ условіяхъ общества не такъ легко возвыситься надъ толпой посредствомъ накопленія богатства и еще труднѣе передавать по наследству эти богатства. Бродячіе народы, впрочемъ, вообще не могутъ носить съ собою большого имущества, такъ что у нихъ не можетъ существовать большихъ различій въ имущественномъ отношеніи. Но и у осѣдлыхъ народовъ коммунизмъ еще долго преобладаетъ и препятствуетъ всякому неравному распредѣленію собственности, посредствомъ котораго богатство раньше всего начинаетъ проявлять свое разлагающее вліяніе. Земельная собственность только постепенно переходитъ изъ рукъ родовой группы въ руки отдѣльныхъ владѣльцевъ, а на жизненные припасы и вообще на предметы первой необходимости каждый изъ членовъ племени имѣетъ одинаковое право, хотя бы это и было приобретено работою котораго-нибудь одного изъ нихъ. Весьма увлекательно описаны Конрадомъ Феттеромъ такіе условія у якимовъ, въ нѣмецкой Новой Гвинее, причемъ эти условія дѣйствительно оказываются типичными для многихъ первобытныхъ племенъ: «Разницы между богатымъ и бѣднымъ не существуетъ, также какъ и контрастъ между различными сословіями,—говоритъ онъ.—Никогда не бываетъ, чтобы кто-нибудь имѣлъ избытокъ, а сосѣдъ его нуждался. Поэтому у народа нѣтъ даже слова, для обозначенія понятія о богатомъ и бѣдномъ. Однако, все-таки нѣкоторые изъ членовъ племени пользуются большимъ уваженіемъ, слова ихъ имѣютъ больше значенія, и черезъ ихъ руки проходитъ больше цѣнностей. Но тѣмъ не менѣе никто не можетъ обогащаться и одивъ

пользоваться своимъ имуществомъ. Если покупается свинья, то тотъ, кто внесъ за нее большую часть суммы, получаетъ ничуть не больше того, кто внесъ меньше, и даже тотъ, кто ничего не вноситъ за нее, все-таки получаетъ столько же, какъ другіе». Наибольшая слава заключается въ томъ, чтобы подѣлить между всеми свою добычу и самому удовольствоваться малымъ. Точно также и охотникъ не имѣетъ права распоряжаться убитымъ имъ кабаномъ, который съдается всеми вмѣстѣ... Такой коммунизмъ является однако врагомъ всякаго прогресса, всякаго стремленія впередъ. Потому что тотъ, кто имѣетъ что-нибудь или что-нибудь приобрѣлъ, работая на бѣлыхъ, не можетъ все-таки безгранично пользоваться своимъ имуществомъ и, скорѣе, ему даже вмѣняется въ обязанность подѣлиться своимъ имуществомъ, и онъ исполняетъ это, изъ опасенія прослыть скупцомъ или же быть околдованнымъ. Въ этой боязни колдовства проявляется то могущественное средство, которое иногда, у низшихъ народовъ, даже поощряетъ прогрессъ культуры, но чаще, все-таки, мѣшаетъ ему, и которымъ носители высшей культуры сознательно не хотѣли пользоваться и даже старались сдѣлать его не дѣйствительнымъ, совершенно такъ же, какъ они старались вывести изъ употребленія отравленное оружіе.

Коммунистическіе обычаи ябимовъ встрѣчаются у эскимосовъ, которые поэтому, какъ говоритъ Нансенъ, никогда не въ состояніи были достигнуть настоящаго благосостоянія, между тѣмъ какъ поселяющіеся въ ихъ краю европейцы обогащаются. Всего упорнѣе держится повсюду мнѣніе, что пища и питье не могутъ составлять частной собственности, и каждый голодный можетъ присѣсть къ чужой трапезѣ. Последніе слѣды этого первобытнаго коммунизма встрѣчаются на востокъ и въ Испаніи, гдѣ еще и теперь, по крайней мѣрѣ формально, приглашаются къ столу зрители, стоящіе кругомъ, и дѣлается это отчасти изъ суевѣрія, во избѣжаніе «дурного глаза» голодныхъ или враждебныхъ зрителей. Слово «ѣсть» въ большинствѣ языковъ происходитъ отъ такого корня, который обозначаетъ «дѣленіе, распределеніе».

Всего ранѣе человѣкъ призналъ своею собственностью то, что находилось въ тѣсной связи съ его собственнымъ существомъ, и до нѣкоторой степени являлось какъ бы частью его тѣла. Прежде всего это были предметы украшенія, оружіе и утварь, украшенные тонкою рѣзбой, и вообще всякаго рода рѣдкости, собранныя и охраняемыя, какъ чрезвычайно цѣнная собственность, тѣмъ или другимъ лицомъ. Какъ всегда это бываетъ въ первобытныхъ условіяхъ, вѣра въ колдовство и сверхъестественныя силы оказываетъ и тутъ вліяніе, и украшеніе становится талисманомъ, мѣстомъ пребыванія духовъ и фетишомъ. Какъ только имущества начинаютъ накапливаться въ большомъ количествѣ, то возникаетъ извѣстное кругообращеніе цѣнностей

внутри племени, такъ какъ эти цѣнности употребляются на уплату штрафовъ, а затѣмъ уже идутъ на подарки и уплату податей и на жертвенныя дары жрецамъ, пока, наконецъ, не возникаетъ такимъ путемъ понятіе о деньгахъ, которое достигаетъ своего полного развитія лишь подъ вліяніемъ внѣшней торговли. Эта внѣшняя торговля дозволяетъ умнымъ и такимъ, которымъ повезетъ счастье, накопить большія богатства и служить, такимъ образомъ, толчкомъ къ образованію новаго социальнаго слоя.

Однако, это совершается не безъ сопротивленія и большаго или меньшаго противодѣйствія, которое, хотя и бываетъ полусознательнымъ, но все же оказывается вначалѣ очень дѣйствительнымъ. Пока продолжаетъ существовать почти безграничный коммунизмъ во всемъ, что касается средствъ пропитанія, удовольствій и владѣнія землей, до тѣхъ поръ богачъ не можетъ доставить себѣ, съ помощью своихъ накопленныхъ цѣнностей, никакихъ особенныхъ наслажденій, такъ какъ всѣ члены его племени, даже неприглашенные, будутъ являться къ нему, чтобы принимать участіе въ его пирахъ. Такимъ образомъ богачу ничего больше не остается, какъ посредствомъ самой широкой щедрости создать себѣ имя и приобрѣсти сторонниковъ, которые, въ случаѣ какихъ-либо споровъ и пререканій, всегда стоятъ на сторонѣ богача; другими словами: онъ долженъ свое имущество превратить во власть. Этимъ объясняется, почему въ первобытныхъ условіяхъ такъ рѣдко можно встрѣтить социальный слой богатыхъ людей, и богатство почти всегда бываетъ тѣсно связано съ дворянствомъ или положеніемъ главы племени. Такъ, у древнихъ индусовъ понятіе «*maghavan*» означало сначала богатаго человѣка, а впоследствии героя. Въ Арагоніи дворянство, въ первый періодъ среднихъ вѣковъ, извѣстно было подъ названіемъ «*ricos hombres*» — богатыхъ людей; впоследствии же, когда дворянство больше основывало свое значеніе на своемъ происхожденіи, нежели на богатствѣ, названіе это приобрѣло символическій характеръ. Въ сѣверной части Новой Зеландіи, гдѣ, рядомъ съ военными предводителями и вождями родовыхъ группъ, богатые (*uviana*) т. е. тѣ, кто обладаютъ большимъ количествомъ раковинныхъ денегъ, также представляютъ отдѣльную социальную группу. Эта группа все-таки большею частью совпадаетъ съ группою предводителей родовъ.

Но для того, чтобы богатство могло возвыситься надъ остальною массою цѣлую семью на продолжительное время, оно должно передаваться по наследству. Въ самомъ началѣ, однако, это не лежитъ ни въ интересахъ владѣльца, ни въ интересахъ его потомковъ. Той высотѣ культурнаго развитія, которая допускаетъ уже накопленіе

Железные деньги
Фанъ. Западная
Африка.

богатства, соответствует почти всегда известное, довольно определенное, представление об условиях загробной жизни. Это представление, естественным образом, отвечает условиям земной жизни, и поэтому возникает убеждение, что богатый, и после смерти, будет находиться в лучших условиях, если он будет продолжать владеть своими сокровищами. Само собою разумеется, что страх привидений много содействовал той добросовестности, с которою все богатства умершаго отправлялись с ним вместе в могилу, или же намеренно делались негодными к употреблению, чтобы ими не могли воспользоваться оставшиеся в живых. Нечислимые сокровища были таким образом уничтожены, и это воспрепятствовало возникновению наследственного богатства; точно также не могла образоваться и более или менее прочная аристократия на основах богатства, если не сохранялись источники этого богатства, в чем бы они ни заключались, в благоприятных ли торговых сношениях и семейных связях, или во владении землей, или же в правах на руководящее положение среди своего племени. Богатство, само по себе, представляет нечто преходящее, и это вполне соответствует характеру диких народов, которые безбашенно обращаются с ним и предпочитают лучше тратить его самым расточительным образом, хвастаясь этим, нежели употреблять его для вполне ясных и определенных целей. Спенсер Ст. Джонс передает факт, указывающий, что дитское тщеславие дикарей приводит иногда к тому, что они уничтожают даже самые источники богатства. Вот что он рассказывает про кайанов в Саравак, которые, главным образом, добывают себе средства к жизни собираньем съедобных ласточкиных гнезд и продажей их китайским торговцам. «Эти люди так возманили о себе, что считают себя выше всех, за исключением только европейцев, и в своей неумеренной гордости начали убивать ласточек, которые собственно и являлись источником их богатства исходя из того убеждения, что вождю приличествует питаться лишь самыми дорогими вещами, и не помышляя о последствиях этого».

В Европе можно с успехом наблюдать, каким образом богатство, при более высоких культурных условиях, путем наследственного раздѣла, служит толчком к различным смѣлым предприятиямъ. Точно также можно наблюдать в Европе и вырождение, которому имущественная аристократия подвержена еще в большей степени, нежели прежнее дворянство, опирающееся на военные доблести, и содействующее, посредством своих андогамических обычаев, сохранению привилегированной расы, между тем как денежная аристократия неизвестна такая точка зрѣнія, или же она лишь медленно уснаивает ее. По этой причинѣ почти вездѣ богатые купеческія семьи вырождаются въ своемъ потомствѣ, и, какъ

въ Китаѣ, такъ и въ Европѣ, огромныя состоянія лишь рѣдко сохраняются; большею же частью веселые и разгульные наследники быстро проматывают ихъ.

Если мы еще разъ подвергнемъ обзору описанныя нами социальныя наслоенія, то увидимъ, что они сравнительно просты, даже тамъ, гдѣ они противопологаются другъ другу, легко сливаются вмѣстѣ и образуютъ менѣе сложныя формы. Дворянство и богатство соединяются вмѣстѣ, чтобы царить надъ массою народа, а бѣдные и несвободные опускаются внизъ и образуютъ подонки общества, все равно, будутъ ли они называться рабами или нѣтъ. Между теми и другими образуется обыкновенно, хотя и не всегда, промежуточный слой, состоящій изъ свободныхъ, но не особенно привилегированныхъ или богатыхъ людей, составляющихъ ядро народа, причемъ вліяніе именно этого слоя на правительственную форму придаетъ ей болѣе или менѣе демократическую окраску. По мѣрѣ движенія культуры и эта главная масса народа начинаетъ распадаться на слои, которые иногда вызываютъ полное разложене общества и совершенно уничтожаютъ общность чувствъ и помысловъ, но вообще отдѣляются другъ отъ друга лишь не рѣзко очерченными и легко исчезающими линіями. Причиной, вызывающей эти новыя разобщенія, служитъ раздѣленіе труда, захватывающее все большія области. Однако, главная масса работы, которая требуетъ такого раздѣленія, возникаетъ не сразу, а образуется лишь постепенно, по мѣрѣ дифференцированія, такъ что раздѣленіе труда дѣлается не только возможнымъ, но и необходимымъ.

Не въ характерѣ дикихъ народовъ считать постоянный трудъ желательнымъ, а тѣмъ болѣе почетнымъ и благороднымъ. Кому нѣтъ надобности работать, тотъ, конечно, не работаетъ, и вообще работаютъ только бѣдняки, да рабы. Первое и естественное раздѣленіе труда между мужчиною и женщиною, углубляющее уже существующія различія, но не создающее новыхъ, приводитъ все-таки къ презрительному взгляду на продуктивный трудъ. То, что въ концѣ концовъ трудъ женщинъ оказывается недостаточнымъ для удовлетворенія возрастающихъ потребностей, и волей не волей къ нему привлекаются и мужчины, разумеется бѣднѣйшихъ классовъ, и рабы, конечно, не могло способствовать возвышенію престижа труда. Когда же нѣкоторыя, особенно пользующіяся презрѣніемъ, отрасли труда были совершенно предоставлены бѣднымъ культурою племенамъ паріевъ или классу освобожденныхъ рабовъ, представлявшихъ раньше чужеземный элементъ населенія, то началось образованіе кастъ, развитіе которыхъ, напр. въ Индіи, внесло отраву въ свободную жизнь народа. На отдѣльныхъ примѣрахъ можно прослѣдить, какъ это развивалось, такъ какъ и теперь еще можно замѣтить начало такихъ сложныхъ условій.

Вполнѣ естественно, что, даже между самыми некультурными племенами выборъ занятій находится въ зависимости отъ природныхъ способностей, и въ этомъ обстоятельствѣ, во всякомъ случаѣ, заключается, по крайней мѣрѣ, зародышъ раздѣленія по профессіямъ. Австраійскіе негры—говоритъ Лумгольдъ по этому поводу,—имѣютъ очень искусныя руки, но способности у нихъ, разумѣется, далеко неодинаковыя. Одни изъ нихъ, напр., славятся искусствомъ плетенія корзинъ, другіе — плетеніемъ сѣтей и изготовленіемъ оружія. Если профессіи развиваются подобнымъ образомъ постепенно изъ всеобщихъ занятій мужчинъ, то это въ общемъ мало измѣняетъ условія общества; самое большее—что наиболѣе искусные работники приобрѣтаютъ всеобщую любовь и уваженіе. Но положеніе тотчасъ же измѣняется, когда мужчины посвящаютъ себя дѣятельности, которая своимъ развитіемъ обязана женщинамъ.

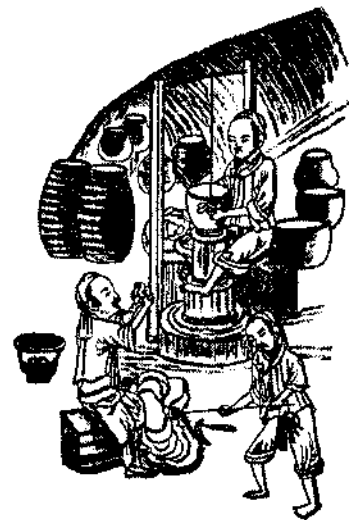
Самая важная изъ всѣхъ этихъ отраслей труда, это—земледѣліе, которое, уже въ силу необходимости, должно было перейти отъ женщинъ къ мужчинамъ, когда сдѣлалось преобладающимъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и исключительнымъ занятіемъ населенія. Однако, когда такой переходъ совершился, то обыкновенно уже большія группы людей обращаются къ новой профессіи, и такимъ образомъ клеймо, лежащее на полевой работѣ, бывшей исключительно удѣломъ женщинъ, быстро исчезаетъ. Однако, все же тяжело работающее и болѣею частью лишенное возможности образованія крестьянское сословіе всегда выказываетъ извѣстную склонность къ образованію низшихъ слоевъ общества и всегда находится въ опасности сдѣлаться жертвою эксплуатаціи и притѣсненій со стороны высшихъ, болѣе подвижныхъ группъ населенія. Препятствіе ко всякой тяжелой работѣ, затрудняющей во всякомъ случаѣ развитіе высшей и болѣе тонкой духовной жизни, сохранилось и до сихъ поръ еще въ высшихъ сословіяхъ и выражается высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ мужику и рабочему. Тамъ, гдѣ существуетъ рабство, полевая работа считается вдвойнѣ недостойнымъ свободнаго человѣка; напр. въ Лоанго, по словамъ Пройяра, достойными мужчины считались только старинныя занятія: охота и рыбная ловля.

Презрительное прозвище «бабьей работы» не долго, впрочемъ, сохраняется за тяжелымъ трудомъ поселанъ, но болѣе легкія профессіи не такъ то скоро отдѣлались отъ такого оскорбительнаго прозвища. Не рѣдко именно въ этомъ заключается исходная точка пренебрежительнаго отношенія къ какой-нибудь профессіи, съ которымъ прогрессирующей культурѣ удается справиться только послѣ долгой борьбы. Презрѣніе къ ремеслу горшечниковъ и ткачей, удерживавшееся въ Германіи до конца среднихъ вѣковъ, по всей вѣроятности находилось въ зависимости отъ того, что это было первоначально женскимъ занятіемъ, такъ какъ другія основанія къ такому отно-

шенію къ обонимъ ремесламъ не существуетъ. Болѣе комическій оборотъ это дѣло приняло у портныхъ, которымъ удалось оградить себя отъ подобнаго презрѣнія, но за то они сдѣлались мишенью для народнаго юмора, преслѣдующаго ихъ своими насмѣшками въ теченіе многихъ вѣковъ и подтрунивающаго надъ отсутствіемъ у нихъ мужественнаго вида и надъ ихъ тѣлесною слабостью.

Если нѣсколько презрительное отношеніе ко всякому, работающему не по доброй волѣ и притомъ усиленно, составляло распространенное явленіе, то тѣмъ болѣе должна была возбуждать отвращеніе всякая работа, особенно неприятная, грязная и противная, или же такая, съ которою соединяется оскверненіе въ религіозномъ отношеніи.

Ремесло живоделовъ и, въ связи съ нимъ, ремесло кожевниковъ принадлежитъ къ числу такихъ профессій, отъ которыхъ высшіе классы всегда воздерживаются, а тамъ, гдѣ примѣшиваются сюда еще религіозныя возрѣнія, воспрепятствующія употребленію мясной пищи, къ этому числу презираемыхъ ремесленниковъ присоединяются еще и мясники, какъ это существуетъ, напр., по словамъ Ровгилла, въ Тибетѣ и вообще въ буддійскихъ странахъ. Въ другихъ мѣстахъ это презрѣніе распространяется и на всѣхъ ремесленниковъ, занимающихся изготовленіемъ кожаныхъ кадѣлій и даже на сѣдельныхъ мастеровъ. Однако отвращеніе къ извѣстнымъ профессіямъ проявляется и въ другихъ направленіяхъ, напр., пока пѣніе и танцы существовали только для собственнаго увеселенія, то никто не находилъ въ этихъ занятіяхъ ничего предосудительнаго, но какъ только явились профессиональные танцоры, пѣвцы и фигляры, то всѣ они, лишь за малыми исключеніями, сдѣлались предметомъ всеобщаго презрѣнія, въ особенности же вслѣдствіе своего распущеннаго образа жизни и полного разобщенія съ родовою группою. Въ Японіи, и вообще въ восточной Азіи, всѣ эти люди принадлежатъ къ самому нижнему соціальному слою. Достаточно хорошо извѣстно всѣмъ, какъ трудно было и въ Европѣ актерамъ бороться съ установившимся презрительнымъ взглядомъ на ихъ профессію, и имъ удалось побѣдить до нѣкоторой степени этотъ предразсудокъ только потому, что лучшіе элементы ихъ со-

Корейскіе горшечники.

словія показали себя достойными занимать болѣе высокое социальное положеніе.

Изъ такихъ презираемыхъ профессій легко могли образоваться наследственные касты, такъ какъ сыновья людей, занимавшихся подобными ремеслами, не могутъ переходить въ высшее сословіе и волей-неволей должны заниматься ремесломъ отца. Въ Германіи, до прошлаго столѣтія, палачи образовывали, въ силу необходимости,

Китайскіе актеры.

особое, строго эндогамическое сословіе, которое пополнялось временами изъ другихъ слоевъ населенія, но члены котораго, лишь крайне рѣдко, могли попадать въ другое, не столь презираемое сословіе. Это было величайшимъ шагомъ впередъ, когда, въ концѣ 18-го вѣка нѣкоторымъ изъ сыновей палачей удалось добиться разрѣшенія изучать медицину, открыто заниматься практикой, какъ «честнымъ» ремесломъ, тогда какъ до этого времени палачи всегда занимались врачеваніемъ, но не допускались въ цехъ врачей.

Однако, часто не бываетъ никакой необходимости въ выдѣленіи особыхъ группъ, которыя бы занимались наиболѣе презрѣнными ремеслами, такъ какъ это непріятное дѣло можно бываетъ возложить

на чужеземцевъ и такимъ образомъ совмѣстить обособленіе расъ съ обособленіемъ ремесла, чѣмъ и пользуются многія племена.

Иногда такіе низшіе классы образуются изъ военнопленныхъ. Съ увѣренностью это можно сказать про іета, которые въ Японіи, составляють, вмѣстѣ съ хининъ (бездомные бродяги, японскаго происхожденія) восьмой классъ, т. е. подонки населенія и, согласно преданію, являются потомками корейскихъ военнопленныхъ. Эти несчастные должны жить внѣ поселеній и не имѣютъ права переступать порога домовъ другихъ, выше стоящихъ слоевъ населенія. Они занимаются ремесломъ живодеровъ и кожевниковъ, и на нихъ, главнымъ образомъ, возлагается обязанность уборки навоза скотины. Наравнѣ съ ними стоятъ только совершенно погибшая часть японскаго населенія, тогда какъ болѣе благопрістойные нищія, комедіанты и гуляющія дѣвушки составляютъ седьмой классъ, и слѣдовательно поставлены выше іета.

Профессиональныя касты, образующіяся изъ чужеземцевъ, состоятъ, обыкновенно, изъ дикихъ племенъ, оставшихся среди болѣе культурныхъ народовъ или выдрившихся въ область культуры. Этимъ племенамъ, если только они не живутъ исключительно воровствомъ и милостыней, волей-неволей пришлось заняться такими ремеслами, которыя имъ съ радостью были предоставлены культурною расой. Въ этомъ смыслѣ народы паріи въ землѣ сомалисовъ замѣняютъ рабовъ, какъ справедливо замѣчаетъ Пауличко. Такъ, племя тумалодъ, какъ сообщаетъ Гаггенмахеръ, занимается главнымъ образомъ кузнечнымъ ремесломъ, которое часто принадлежитъ къ числу презираемыхъ занятій. Уиберы зарабатываютъ свой кусокъ хлѣба, какъ колдуны, плясуны и охотники, а также какъ кожевники сѣдельные мастера и выдѣлыватели ковровъ; мидганы—какъ охотники, живодеры или врачи. Что тутъ даже охота причисляется къ презрѣннымъ занятіямъ, это объясняется возрѣніями сомалисовъ, считающихъ, въ качествѣ истинныхъ номадовъ, только скотоводство достойнымъ занятіемъ для человека. Въ другой части Африки, въ Сенегамбіи, народы паріи также имѣютъ важное значеніе, напр., лаобесы—бродячее племя, изготовляющее, главнымъ образомъ, деревянные издѣлія, но, по свидѣтельству Гекара, занимающееся также кузнечнымъ и башмачнымъ ремеслами. Какъ рассказываетъ де Броцальсъ, который наблюдалъ ихъ, они строятъ себя на опушкѣ лѣса совершенно такіе же шалани изъ вѣтвей, какъ и бродячія охотничьи племена; ихъ презирають, но, вслѣдствіе ихъ промышленной дѣятельности и склонности къ торговлѣ и барышничеству, безъ нихъ не могутъ обойтись. Они женятся только между собой, занимаются, какъ и наши цыгане, гаданіемъ, и повидимому сохранили еще слѣды собственнаго языка и въ высшей степени первобытной религіи. Только въ одномъ единственномъ округѣ небольшая часть этого народа ве-

детъ осѣдлую жизнь. До сихъ поръ еще не рѣшено, можно ли причислить готтовъ въ Сенегамбѣ къ настоящимъ племенамъ на-рѣвъ. Они зарабатываютъ себѣ пропитаніе, какъ музыканты, трубадуры, танцоры и танцмейстеры, но ими пользуются также, какъ посланниками и посредниками, такъ какъ они особенно пригодны для этого, благодаря своему цыганскому образу жизни и своему краснорѣчію. Они всѣми любимы и вездѣ являются желанными гостями, но въ сущности все-таки представляютъ совершенно отдѣльную касту въ общественномъ отношеніи, въ глубинѣ души презираемую. То, что ихъ не хоронятъ въ землѣ, а трупы ихъ прячутъ въ дупла хлѣбныхъ деревьевъ, тоже можетъ служить доказательствомъ ихъ низменнаго положенія, хотя такой способъ погребенія и можно объяснить стариннымъ обычаемъ племени. Лабать, на всѣ свои вопросы насчетъ этого, получалъ только одинъ отвѣтъ: «таковъ обычай!».

Благоприятная почва для развитія такихъ взглядовъ найдена была въ Индіи, гдѣ паріи существуютъ рядомъ съ настоящею системою кастъ. Шлагинтвейтъ превосходно описываетъ, какимъ образомъ бродячіе цыганскіе народы Панджаба превратились въ низшія касты ремесленниковъ. «Странствующие племена и низшія ремесленныя касты, говоритъ онъ, находятся между собою въ тѣсной связи; послѣдніе произошли изъ первыхъ. Такія родовыя группы, которыя бродятъ изъ одной чаши въ другую, изъ одной деревни въ другую, увлекая за собою шакаловъ, лисицъ и всякихъ пресмыкающихся; которыя питаются падалью, попадающеюся на дорогѣ; живутъ въ шалашахъ изъ тростника и въ половомъ отношеніи не обращаютъ вниманія на родственныя связи; за деньги готовы продать каждаго и охотно прибѣгаютъ къ воровству,—такія группы встрѣчаются въ Панджабѣ въ довольно большомъ количествѣ. Слѣдующую ступень представляетъ уже устройство поселеній, жители которыхъ занимаются презрѣнною работою и все-таки питаются падалью. Еще дальнѣйшую ступень общественной лѣстницы составляетъ та группа, которая переходитъ отъ плетенія цыновокъ изъ тростника къ ремеслу живодера; но отъ падали и эта группа не отказывается. Только живодеръ, принимающійся за ткацкое ремесло, признается индусомъ равнымъ и уже перестаетъ употреблять въ пищу падаль и всякихъ гадовъ. Такія превращенія совершаются въ Панджабѣ постоянно на глазахъ живущихъ поколѣній. Но, повидимому настоящія бродячія племена большою частью очень упорно держатся своихъ прежнихъ привычекъ, и лишь небольшія доли этихъ народовъ оказываются способными къ подобному прогрессивному развитію. Напримѣръ бельдары, занимающіеся земляными работами, остаются такими же, какъ и прежде, безродными бродягами, хотя ихъ и помысли въ рангѣ, причисливъ къ кастѣ браминовъ, такъ какъ безъ

нихъ нельзя обойтись при устройствѣ священныхъ прудовъ и мѣсть для купанія. Изъ раскаленнаго Панджаба вышли и наши цыгане, родственники которыхъ еще и теперь кочуютъ многочисленными разсѣянными группами въ области теченія Инда и снискиваютъ себѣ пропитаніе посредствомъ хожденія по канату, гаданія, шарлатанства и т. п. способовъ, но въ общемъ живутъ все-таки, какъ настоящій бродячій народъ, питающійся лѣсными плодами и продуктами охоты на мелкую дичь.

Вполнѣ понятно, что презираемый народъ и низшія ремесла соединяются вмѣстѣ, но гораздо труднѣе объяснить, почему у столькихъ народовъ кузнецъ занимаетъ совершенно обособленное положеніе, и, либо въ качествѣ презрѣннаго парія, занимается своимъ ремесломъ, не сливаясь съ остальнымъ племенемъ, какъ это наблю-

Яванскіе кузнецы.

дается въ значительной части Судана, либо стоитъ впереди всѣхъ остальныхъ ремесленниковъ, какъ это мы видимъ въ Индонезіи, благодаря таинственному ореолу, окружающему его ремесло. Уваженіе къ этому ремеслу легко объясняется у воинственныхъ народовъ, для которыхъ желѣзное оружіе является самымъ драгоценнымъ имуществомъ, и отважному духу арійскихъ первобытныхъ временъ вполнѣ отвѣчаетъ то, что въ древней Элладѣ кузнецъ Гефестъ помѣщенъ среди безсмертныхъ боговъ, и что исполинскій образъ кузнеца Виланда грозно выступаетъ изъ клубящагося тумана нѣмецкой героической саги. Но, съ другой стороны, откуда же взялось то презрѣніе, которое такъ часто давитъ на кузнеца, превращая его въ жалкій придатокъ какого-нибудь народа? Тутъ, конечно, дѣйствуетъ не одна какая-нибудь причина, а многія. Иногда достаточно бываетъ того, что одинъ кузнецъ работаетъ среди прочихъ членовъ племени,

предающихся благородной праздности, чтобы унижить его в глазах остальных. Кроме того, в действительности кузнечным ремеслом занимаются обыкновенно племена париев, которые поэтому в таких мѣстах, гдѣ обработка желѣза еще мало извѣстна, принимаются какъ желанные элементы, хотя в общемъ презрѣніе къ нимъ нисколько не уменьшается отъ этого. Тамъ, гдѣ добываніе желѣза изъ руды, большею частью тѣсно связанное съ кузнечнымъ искусствомъ, производится въ большихъ размѣрахъ, кузнечное ремесло какъ справедливо замѣчаетъ Липпертъ, является дѣятельностью, связанною съ мѣстомъ, и поэтому оно менѣе подвижно, чѣмъ остальной народъ. Такимъ образомъ можетъ случиться, что какой-нибудь чужеземный народъ произведетъ нашествіе и прогнать всѣхъ жителей изъ ихъ родины, но кузнецы останутся и будутъ пощажены побѣдителемъ, какъ полезная каста, но все-таки будутъ низведены на степень плотовъ. Это, повидимому, особенно часто случалось съ прежними обитателями богатыхъ рудой Алтайскихъ горъ. Возможенъ также и противоположный случай: на войнѣ падаютъ взятыхъ въ плѣнъ кузнецовъ, но уводятъ ихъ съ собой и поселяютъ въ другомъ мѣстѣ, для того, чтобы они тамъ ввели свое ремесло. Однако то презрительное отношеніе, которое возбуждаютъ къ себѣ военнопленные и притомъ еще иноплеменники, можетъ держаться долго. И другіе ремесленники въ Суданѣ и Сенегамбіи насильственнымъ образомъ поселились въ странахъ съ незначительно развитою промышленною дѣятельностью, но всего чаще это случалось все-таки съ кузнецами. Что въ сущности главный корень такого презрѣнія кроется именно въ томъ пренебреженіи, которымъ окружена всякая физическая работа, это видно уже изъ географическаго распространенія кузнечнаго ремесла париевъ: оно встрѣчается только тамъ, гдѣ преобладаетъ номадизмъ съ его презрѣніемъ къ работѣ, а никакъ не въ земледѣльческихъ областяхъ, жители которыхъ не видятъ въ работѣ никакого униженія.

Было бы странно, если бы и сюда не примѣшалась вѣра въ сверхъестественныя силы, которую мы уже много разъ наблюдали какъ основу первобытныхъ воззрѣній. Не только народъ готовъ бываетъ видѣть въ дѣятельности кузнеца, въ его безцеремонномъ обращеніи съ враждебною стихіей—огнемъ, въ метаніи искръ и глухихъ ударахъ молота нѣчто таинственное, а и самъ кузнецъ, нисколько не стоящій выше своихъ единоплеменниковъ, готовъ былъ прибѣгать къ разнаго рода чародѣйскимъ средствамъ и страннымъ обрядамъ для предупрежденія несчастныхъ случайностей и помѣхъ, которымъ его ремесло болѣе подвержено, чѣмъ всѣ другія. Въ концѣ концовъ кузнецъ становится специалистомъ во всякаго рода колдовствѣ и шарлатанствѣ, и къ нему прибѣгаютъ жители деревни за совѣтомъ во всѣхъ опасныхъ случаяхъ. Страхъ передъ таинствен-

ною силой кузнеца часто служить ему лучшею защитой, и несмотря на все презрѣніе, которое его окружаетъ, онъ даже можетъ приобрести извѣстный ореолъ святости и выполнять священническія обязанности въ родѣ, напримѣръ, знаменитаго кузнеца изъ Гретна-Гринъ, который былъ прибѣжищемъ и утѣшителемъ всѣхъ несчастныхъ влюбленныхъ въ Англіи и Шотландіи. Но и другіе ремесленники могутъ такимъ же точно образомъ достигнуть выдающагося положенія, какъ напр., цирюльники въ Индіи или же священныя строители лодокъ на нѣкоторыхъ островахъ Полинезіи.

Послѣ того, какъ уже образовались внутри общества новые социальные слои изъ ремесленниковъ разлчнаго рода, то въ этихъ промышленныхъ группахъ легко можетъ возникнуть стремленіе къ болѣе тѣсному объединенію, особенно тамъ, гдѣ родовая система не исключаетъ или не дѣлаетъ ненужными всѣ другія связи. Въ первобытныхъ условіяхъ въ такомъ объединеніи нѣтъ особенной нужды, и должны воздѣйствовать особенныя экономическія и религіозныя причины, для того, чтобы образовалось такое положеніе, какое описываетъ Либрехтсъ въ среднемъ Конго. «Деревни туземцевъ,—говоритъ бельгійскій изслѣдователь— часто расположены группами; онѣ поддерживаютъ и до нѣкоторой степени дополняютъ другъ друга. Каждая группа имѣетъ свою болѣе или менѣе рѣзко выраженную специальность; одна занимается рыбною ловлей, другая собираніемъ корней, третья посвящаетъ себя торговлѣ и посредничеству, такъ какъ черезъ нее ввозятъ въ страну всѣ чужеземныя продукты; затѣмъ слѣдующая превосходно выполняетъ работы изъ желѣза и мѣди и приготавливаетъ разное военное и охотничье оружіе и всевозможную утварь. Но ни одна изъ этихъ группъ не можетъ покинуть своего спеціальнаго занятія, безъ того, чтобы не навлечь на себя презрѣнія. Само собою разумѣется, что самая трудолюбивая группа становится и самою богатой, и такъ какъ богатство находитъ поддержку у властителей, то въ деревняхъ и образуются общества, стремящіяся къ тому, чтобы захватить въ свои руки всѣ продукты труда. Для лучшаго достиженія такой цѣли между вождями, колдунами и наиболее искусными рабочими возникаетъ соглашеніе, и образовавшееся такимъ образомъ общество придаетъ себѣ священный характеръ. Ловкость рабочихъ приписывается сверхъестественнымъ причинамъ, и такое общество заявляетъ, что слишкомъ много людей не могутъ, безъ большой опасности для себя, заниматься подобными работами, и слѣдовательно, масса насильственнымъ образомъ лишается возможности показать на дѣлѣ свою способность къ работѣ».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ форма тайныхъ союзовъ, происходящая изъ совершенно другихъ источниковъ, переносится въ экономическую жизнь, и создаются такія условія, которыя напоминаютъ средневѣковое иго цеховъ. Однако тамъ, гдѣ это могуществен-

ное вспомогательное средство не имется въ распоряженіи, развитіе не сдѣлало большихъ успѣховъ, даже въ культурныхъ областяхъ. Быть можетъ, первымъ толчкомъ къ объединенію промышленниковъ служатъ рынки, которые, въ особенности въ Африкѣ, достигли большого развитія и сами собой принуждаютъ продавцовъ одинаковыхъ товаровъ занимать мѣста рядомъ другъ съ другомъ, для того, чтобы кліенты скорѣе могли ихъ найти. Тамъ, гдѣ существуетъ на рынкѣ извѣстный порядокъ, эти обычаи становятся прочнымъ закономъ, напр. въ Ашанти, по свидѣтельству Кюна и Рамзейерса. Въ Суданѣ же дѣло заходитъ настолько далеко, что ремесленники уже образуютъ общества, во главѣ которыхъ стоятъ надзиратели, выбираемые обыкновенно не изъ членовъ цеха, а назначаемые правителями для взыванія податей съ ремесленниковъ. Въ большихъ городахъ члены одного и того же цеха охотно поселяются вмѣстѣ, какъ, напр., башмачники, ткачи и сѣдельщики въ Катсентъ, по словамъ Барта, и кузнецы въ Као. Штандингеръ говоритъ, что въ Сарія кузнечное ремесло находилось въ рукахъ общества ремесленниковъ, которые платили оброкъ главному мастеру, изготовлявшему, вмѣстѣ со своими сыновьями, родственниками и подмастерьями болѣе тонкія кузнечныя работы. И на базарахъ мусульманскаго міра товарищи по ремеслу обыкновенно сосредоточиваются вмѣстѣ въ извѣстныхъ улицахъ, безъ какого бы то ни было давленія извнѣ.

Извѣстно также, что и въ Германіи ремесленные цехи сначала не имѣли демократической организаціи и лишь постепенно приобрѣли право выбирать самимъ своихъ управляющихъ. Напр. первый цехъ, устроенный епископомъ Базеля въ своемъ городѣ, находился подъ начальствомъ главнаго мастера, назначеннаго епископомъ, въ свою очередь, находящагося подъ начальствомъ одного изъ служащихъ епископа. Всего раньше, повидимому, достигли самостоятельности кузнецы, между тѣмъ, какъ другія ремесла долго еще сохраняли на себѣ слѣды своего несвободнаго и даже унижительнаго положенія. Само собою разумѣется, что образующіеся изъ ремесленниковъ социальные слои могли, главнымъ образомъ, выступать только въ городахъ, какъ элементъ общества, имѣющій значеніе, но значеніе это, конечно, находится въ извѣстной зависимости отъ численности населенія и вліянія самого города.

Уже при изслѣдованіи высшихъ сословій можно было замѣтить, что силы, организующія народъ и придающія ему жизнеспособность, обнаруживаютъ склонность къ объединенію и упрощенію перекрещивающихся между собою социальныхъ слоевъ. То же самое указываютъ и другіе факты, когда чужеземнымъ народнымъ элементамъ было дозволено захватить въ свои руки низшія профессіи, такъ что классовыя и расовыя дѣленія совпали. Но такое упрощеніе имѣетъ извѣстныя границы, такъ какъ человѣческій умъ, вступивъ однажды на

извѣстный путь мышленія, уже продолжаетъ педантически развивать полученные зародыши и создаетъ новыя, далеко не похвальные осложненія, что лучше всего можно наблюдать въ знаменитой индійской расовой системѣ, лишившей, въ концѣ концовъ, высокодаровитый

Индусы-крестьяне.

народъ всякаго пониманія, что составляетъ любовь къ отечеству и политику здраваго смысла.

Арійскій народъ, который, тысячелѣтія тому назадъ, спустился въ Индійскую равнину, какъ завоевательная раса, уже тогда былъ раздѣленъ на три социальныхъ класса, такъ какъ надъ массою свободнаго народа возвышалась жреческая и военная аристократія. Древніе кранцы, ближайшіе родичи арійскихъ индусовъ, тоже раздѣлялись на такіе три класса, къ которымъ впоследствии присоединился четвертый классъ ремесленниковъ, представляющій болѣе глубокой народный

слож. Но арийские индийцы, очутившиеся лицом к лицу с громадным числом весьма различно организованных и стоявших на разных ступенях культуры народов и племен, не могли, конечно, удовлетвориться на долго организацией только одной четвертой касты, к которой можно было бы причислить всех аборигенов страны; поэтому уже очень рано обнаружилось стремление отделить враждебные или же неспособные к высшей культуре туземные элементы от остальной массы и считать их париями. Вследствие недостатка у индусов исторического чувства и отсутствия повсюду сколько-нибудь достоверных исторических описаний, трудно проследить с точностью процесс дальнейшего образования каст, число которых, посредством деления главных каст, возвышения низших слоев и падения высших, возросло до невероятного количества. Часто высказываемый взгляд, что буддизм разрушил сначала кастовую систему, а затем, когда новое учение было изгнано, она снова возникла, но уже в беспорядочном виде, повидимому не выдерживает критики, так как на буддийском Цейлоне кастовая система процветает. Главные причины, вызвавшие такое разрастание социальных племен, которыми можно назвать касты с точки зрения человеческого прогресса, были скорее экономического характера; следовательно, тут действовало разделение труда и влияние педантичного и дико-фантастического мировоззрения и религии, но основной чертой цѣлаго все-таки остается расовая вражда, существующая между светлокожими арийцами и темнокожими аборигенами страны. Все, что могло еще больше разобщать отдельные слои, тщательно разыскивалось и укреплялось; экзогамические и эндогамические законы стремились к одной и той же цели и древняя, тотемическая запрещение известным родом пищи оказали в высшей степени удобным средством воспрепятствовать всяким, более тесным сношениям между различными кастами и их подразделениями. Даже жреческая каста браминов распадается на 35 подкаст, между которыми не допускаются браки, а эти последние распадаются, в свою очередь, на «готра» (роды), следующие уже законам экзогамии.

Однако, было бы несправедливо принимать во внимание только одну дурную сторону кастовой системы. В основе ее все-таки была заложена отчаянная борьба за сохранение более благородных расовых инстинктов и высшей культуры, и мы видим, что арийское племя, пересаженное в тропический климат и среди варварских народов, сохранилось в течение тысячелетий. Воспитательный элемент, заключающийся в этом делении на касты, выступает и теперь довольно ясно, так как, хотя брачные запрещения и другие кастовые перегородки продолжают существовать, — все же от поведения и образа жизни касты зависят, может ли она с течением

временем подняться во всеобщем уважении, или же должна потерять его. Достаточно вспомнить тут слова Шлагинтейта о переходе париев на более высокую ступень общественной лестницы.

Объясняя, существующих на Цейлоне, и могущих служить параллелью к индостанским условиям, Эмиль Шмидт говорить, что высший класс буддистских сингалезов, у которых, конечно, нет браминов, составляют гоиванса, — вероятно чистейшие потомки арийских пришельцев, — каста землевладельцев и воинов. За ними следует каста рыбаков, далее — каста виноделов и затем каста ремесленников, распадающаяся на многочисленные подразделения, к которой, однако, принадлежат не все занимающиеся ремеслами. Некоторые профессии считаются и тут менее благородными или даже презрительными. Так, например, горшечники и цирюльники составляют отдельные касты, которые все-таки принадлежат еще к более уважаемым. Среднюю ступень между высшими и низшими классами образуют занимающиеся прачешным ремеслом, причем они подразделяются на тех, которые моют более высших народных классов и поэтому сами причисляются к ним, тогда как остальные принадлежат к низшему слою. Менее пользуются уважением сборщики корицы, сахаровары, обжигатели известки, ткачи, косари, носильщики паланкинов, железоплавильщики, палачи, могильщики и барабанщики. Еще ниже на ступени социальной лестницы стоят корзинщики, плетельщики цыновки, танцоры и низшая каста прачек, моющая более этих низших классов. Подонки народа составляют родасы, которые соответствуют париям Индостана. «В те времена, пишет Шмидт, когда европейское влияние еще не пошатнуло общественных воззрений и форм, всякое соприкосновение с родасами считалось величайшим социальным осквернением. Если они сами встречали кого-нибудь, хотя бы принадлежащего к низшей касте, то должны были далеко сворачивать с дороги, так как близость их оскверняла даже воздух. Они должны были, во время пути, громко кричать, для того, чтобы каждый, идущий им на встречу, мог остановиться во время, чтобы они могли сделать предписанный им круг в сторону от дороги, хотя бы им пришлось для этого погрузиться в болото рисового поля или же забраться в чащу колючаго кустарника джунглей. Они и думать не смели приближаться к какому-нибудь дому, а тем более входить в него, и если они хотели молиться, то должны были останавливаться в отдалении от храма, а также вдали от здания суда, если их призывали на разбирательство дела, как свидетелей, и задаваемые им вопросы громко выкрикивались судьями.

Индийская система каст представляет самое утонченное применение всех раздѣлительных перегородок внутри народного орга-

низма, но и она не въ состояніи была все-таки оградить чистоту расы и культуры. Среди культурныхъ народовъ Европы и частью восточной Азіи развивающаяся цивилизація разрушила всѣ попытки къ кастовому подраздѣленію, оставивъ лишь послѣднюю и благороднѣйшую форму соціальнаго напластованія, опирающуюся на характеръ и образованіе, слѣдовательно на тѣ качества, которыя въ первобытныхъ условіяхъ имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Китайскіе экзамены, просѣивающіе сквозь все болѣе и болѣе тонкія сита все мужское населеніе страны, могли бы и для насъ служить блестящимъ образцомъ, если бы только вообще можно было вполне опредѣлить способности и умъ человѣка путемъ подобныхъ испытаній. Опытъ доказываетъ, что европейскій свободный образъ жизни скорѣе можетъ доставить возможность достойнымъ элементамъ народа вынырнуть на поверхность, нежели педантическая экзаменаціонная система въ восточной Азіи.

3. Начатки государства.

Государство есть высшая ступень развитія «общественнаго тѣла», какъ обозначаетъ Шеффле органическую связь между обществомъ и собственностью, и не всѣ человѣческія группы достигли этой ступени развитія. Правда, какъ всегда, въ области народо- и обществовѣдѣнія, между простѣйшими формами совместной общественной жизни и государствомъ не существуетъ рѣзкаго разграниченія, но, устанавливая понятіе о государствѣ съ точки зрѣнія историческаго развитія, необходимо хотя-бы приблизительно указать, гдѣ лежатъ эта грань; уже имѣющіяся многочисленные точныя опредѣленія—что такое государство и какова его цѣль,—въ данномъ случаѣ не могутъ намъ пригодиться.

Безъ сомнѣнія, постепенными создателями государства являются роды и родственные союзы, кланы, первоначально связанные между собою дружбой мужчинъ, иными словами *племени*. Но племя само по себѣ еще не государство и не можетъ быть имъ; слово «государство» включаетъ и общее владѣніе племенемъ движимой и недвижимой собственностью. А изъ разныхъ видовъ собственности всѣхъ важнѣе *земля* или *область*, гдѣ живетъ данное племя. Поэтому, если общественная эволюція родовъ въ племена и племенъ въ народы и является важнѣйшимъ факторомъ, подготовляющимъ возникновеніе государства, все же объ руку съ этимъ неизмѣнно идетъ и упроченіе тѣснѣйшей связи съ землей въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, а въ большинствѣ случаевъ и расширеніе владѣній.

Довольно странно, что Фридрихъ Ратцель въ своей «Политической Географіи» первый отдалъ полную справедливость этому факту, послѣ того, какъ столько умныхъ людей, начиная съ Аристотеля, ломали себѣ головы надъ разрѣшеніемъ и обсужденіемъ проблемы государства,—по истинѣ, чудесное довазательство того, какъ молодить и обновляетъ дряхлѣющія науки поставленное на географическую

почву народовѣдѣніе съ его неистощимымъ запасомъ провѣреннаго наблюдениемъ матеріала. «Говоря о государствѣ», пишетъ Ратцель, «точно такъ-же, какъ говоря о городѣ или дорогѣ, мы всегда подразумеваемъ частицу человѣчества, нѣчто, созданное человѣческими руками, и въ то же время кусокъ земли. То и другое нераздѣлимы. Государство должно кормиться отъ земли. Его пріобрѣтенія прочны только тамъ, гдѣ оно крѣпко держитъ въ рукахъ землю. Въ исторіи мы видимъ, какъ всѣ политическія силы стремятся завладѣть землей и, завладѣвъ, становятся созидательницами государства... И государство представляется намъ организмомъ, въ которомъ неотъемлемую часть составляетъ извѣстный участокъ земной поверхности, такъ что свойства государства слагаются изъ свойствъ даннаго народа и данной земли».

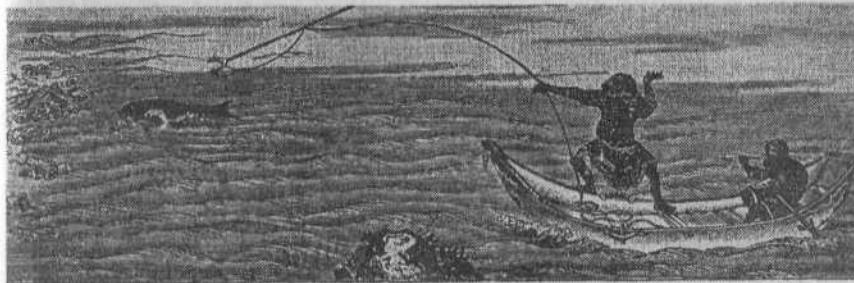
Уже изъ этого краткаго изложенія видно, что государство стоитъ тѣмъ выше, чѣмъ крѣпче его связь съ своей территоріей, и, наоборотъ, существуетъ стадія слабой связи, исключаяющая понятіе государства. Тяготѣніе къ землѣ проявляется и въ самомъ народѣ, какъ стремленіемъ отдѣльныхъ личностей пріобрѣсти опредѣленные права на владѣніе ею, такъ и все участвующимися передѣлами безхозной или общественной земли на отдѣльные, строго ограниченные участки; проявляется оно и въ отношеніи сосѣдей, установленіемъ точныхъ границъ, которыя народъ сообща защищаетъ или расширяетъ, если онъ успѣлъ вырасти въ числѣ и силѣ. На мѣсто растаявшихъ правъ всѣхъ на землю возникаетъ круговая порука цѣлаго народа за права владѣнія отдѣльныхъ единицъ.

Для того, чтобы такой переворотъ сталъ возможнымъ, мѣсто родового и семейнаго чувства общности должно заступитъ политическое сознание, которое возникаетъ только, когда маленькія группы сольются въ болѣе крупныя общественныя организаціи, связанныя уже не столько кровнымъ родствомъ, сколько общностью языка и обычаями. Чѣмъ крѣпче такой племенной или народный союзъ, тѣмъ скорѣй распадается первоначальный эгоистическій родовый укладъ, тѣмъ въ болѣе совершенную форму можетъ вылиться государственная жизнь.

Такимъ образомъ понятіе: государство обусловливаетъ непременно извѣстную численность населенія, да обыкновенно и размѣры территоріи. Объединеніе мелкихъ группъ въ большіе союзы можетъ происходить различнымъ путемъ. Вундтъ указываетъ, что государство возникаетъ или изъ семьи, изъ родового товарищества черезъ умноженіе числа членовъ семьи, или-же путемъ объединенія различныхъ элементовъ, при общей опасности; но, кажется, чаще всего воздѣйствуютъ извѣстнымъ образомъ одновременно обѣ причины, причемъ одна группа раскалывается на новыя мелкія группы, вначалѣ враждебныя, или, по крайней мѣрѣ, не имѣющія между

собою тѣснаго общенія, но постепенно, съ ростомъ культуры, сближающіяся и вслѣдствіе родственности своихъ языковъ сливающимися въ одинъ большій народъ. Такимъ путемъ, поединному, возникъ на почвѣ Аттики аѣинскій народъ. Конечно, объединенію можетъ способствовать и несчастье, крупная убыль въ людяхъ; извѣстно, что сильныя породы муравьевъ ведутъ между собою жестокою войну, слабыя же склонны объединяться; этому можно подыскать аналогію и въ исторіи человѣчества.

Итакъ, возникновеніе государства есть эволюція отношеній человѣка къ землѣ: сначала совместное владѣніе, въ которомъ участвуютъ всѣ члены рода или племени; затѣмъ предъявленіе правъ отдѣльныхъ лицъ на отдѣльные участки земли, причемъ и община, какъ цѣлое, впервые пускаетъ въ землю прочные корни, и, наконецъ, высшія формы организаціи съ ихъ внутренними и внѣшними

Айносы, охотящіеся на тюленя. (Японскій рисунокъ).

отношеніями, обусловленными способомъ заселенія и эксплуатаціи земли, ибо эти послѣднія причины въ данномъ случаѣ играютъ болѣе важную роль, чѣмъ общій культурный уровень народа.

Есть племена и народы, живущіе *симбиотически*, подобно паразитамъ, внутри чуждыхъ имъ народныхъ органиковъ, и не имѣющіе прочной связи съ землей, непосредственнаго къ ней отношенія. Въ осѣдомомъ обществѣ они образуютъ особый общественный слой, почти такъ-же, какъ представители торговыхъ и ремесленныхъ профессій, входящіе въ соприкосновеніе съ землей лишь черезъ посредство землевластцевъ и землевладѣльцевъ. Подобную роль могутъ играть не только племена-паріи низшаго разряда, но и высоко-культурные народы, какъ, напримѣръ, евреи, или, въ послѣднее время, армяне, да, въ сущности, и европейцы, проживающіе въ чужихъ странахъ въ качествѣ купцовъ и спекуляторовъ, находящаяся въ такомъ-же положеніи.

Изъ сказаннаго уже понятно, почему, для образованія государ-

ства, необходимъ известный минимумъ населенія, ниже котораго нельзя спуститься, но нѣтъ опредѣленныхъ требованій относительно размѣровъ территоріи. Государству нужна только земля, чтобы жить на ней, добывать же средства къ жизни оно можетъ и *за пределами своихъ владѣній*. Это наблюдается уже тамъ, гдѣ населеніе вынуждено кормиться главнымъ образомъ ловлей рыбы и морскихъ млекопитающихъ, нерѣдко вдали отъ родныхъ (см. рис. стр. 239). Совершенно паразитно живущіе народы не могутъ, конечно, образовывать государства уже потому, что у нихъ нѣтъ земли, но торговый народъ можетъ на крошечномъ клочкѣ земли основать государство, способное, по крайней мѣрѣ, на время превзойти богатствомъ и могуществомъ болѣе обширныя государства. Финиціе, греки, венеціанцы, обитатели скалистаго Ормуса *) и островковъ Эгини, Родоса, Готланда доказали, что и на узкой полоскѣ земли возможенъ пышный расцвѣтъ государственности, притомъ иногда въ теченіе многихъ столѣтій. Вынужденныя къ постоянному общенію съ

Охота на кита. (Эскимосскій рисунокъ).

нѣшнимъ міромъ, эти маленькія государственныя ячейки лучше въ успѣшнѣе служить дѣлу цивилизаціи, чѣмъ замкнутыя въ своихъ границахъ самодовлѣющія государства.

На первобытныхъ ступеняхъ развитія эти торговыя государства соотвѣтствуютъ нерѣдко встречающимся племенамъ, живущимъ войной и разбоемъ, у которыхъ область постоянного жительства, поскольку таковая имѣется, само собой также не совпадаетъ съ областью пріобрѣтенія. Восточная Африка полстолѣтія была добычей такихъ народовъ; даже мирные пахара, заражаясь дурнымъ примѣромъ, временами надѣвали на себя личину грозныхъ разбойниковъ и, напр. «Зулу», или «обезьяны Вангои», нагоняли страхъ на сосѣдей. Отколовшіеся ради набѣговъ и разбоя отщепенцы осѣдлыхъ народовъ образуютъ новыя группы, какъ, напримѣръ, флибустьеры средней Америки. Страшный народъ Джага, долгое время бывший грозой Центральной Африки, пополнялъ свои ряды главнымъ образомъ не собственнымъ потомствомъ, но дѣтьми побѣжденных и уничтоженныхъ племенъ; такъ что единственной прочной связью между товарищами была связь военно-политическая, и ни наследственность расовыхъ свойствъ, ни владѣніе землей не имѣли для нихъ большого значенія. Тамъ же, гдѣ, какъ это обыкновенно и бываетъ, народъ живетъ тѣмъ, что даетъ ему его земля, рано развивается по-

*) Островъ въ Персидскомъ Заливѣ.

ниманіе цѣнности этой земли, и ее усердно отстаиваютъ противъ внѣшнихъ враговъ. Странное явленіе—иногда съ повышеніемъ культуры эта оцѣнка понижается,—странное, но довольно естественное: не осѣдлый народъ, кормящійся отъ добровольныхъ даровъ природы, успѣваетъ поливъ использовать, въ смыслѣ пространства, область, которую онъ считаетъ своей, чѣмъ народъ земледѣльческій; послѣдній къ тому же обрабатываетъ обыкновенно лишь часть своей земли, а на остальной развѣ что охотится, и то не сплошь, а периодически. Этимъ объясняется, почему австралиецъ лучше понимаетъ и цѣнитъ владѣніе землей и устойчивыя границы, чѣмъ негръ, вообще, охотно окружающій свою территорію пустынями, на которыя никто не предъявляетъ никакихъ притязаній. Можно сказать, что культура у кочевыхъ народовъ покрываетъ землю тонкимъ, но равномернымъ слоемъ; у первобытныхъ земледѣльцевъ культурный слой гуще, но имѣется лишь мѣстами, и, наконецъ, съ ростомъ цивилизаціи культура распространится по всей территоріи.

Разумѣется, кочевые народы чувствуютъ больше общую связь съ землей даннаго племени или рода, чѣмъ болѣе тѣсную связь съ нею отдѣльныхъ единицъ. Но было бы большою ошибкой думать, что, напримѣръ, австралиецъ не имѣетъ понятія о *частной земельной собственности*; это понятіе ему хорошо знакомо, хотя возникнуть оно отчасти инымъ путемъ, чѣмъ можно предположить, съ точки зрѣнія культурнаго человѣка. Здѣсь передъ нами выдвигаются условія, хотя и большой важности, но, къ сожалѣнію, недостаточно изслѣдованныя, такъ какъ источники весьма скудны, а надежная основа для вывода можетъ быть заложена лишь путемъ всесторонняго сравненія матерьяла. Достоиню вниманія отношеніе къ землѣ туземцевъ Викторіи, описываемое Брофъ-Смитомъ. «У многихъ членовъ племени были участки земли, которые они называли своей собственностью; право на такіе земельные участки передавалось по наследству изъ поколѣнія въ поколѣніе; всѣми уважаемое, оно ревниво охранялось владѣльцами». Нерѣдко на такихъ земельныхъ участкахъ охотились, и тогда вся дичь доставалась владѣльцамъ; отцы дѣлили землю между дѣтьми, но, случалось, одна и та же область принадлежала нѣсколькимъ владѣльцамъ заразъ. Смитъ не могъ найти иного объясненія возникновенію частной земельной собственности, кромѣ положительнаго утвержденія Бульмера, что каждый считается собственникомъ того округа, гдѣ случайно находилась его мать во время его рожденія; но какъ разрѣшались разные спорные вопросы, которые должны были возникать въ такихъ случаяхъ, этого и Бульмеръ не можетъ сказать.

Къ счастью, эти неопредѣленные указанія освѣщаются и дополняются тѣмъ, что намъ известно объ обитателяхъ Новой Зеландіи. Колензо, которому мы обязаны наиболѣе точными данными, дѣлитъ

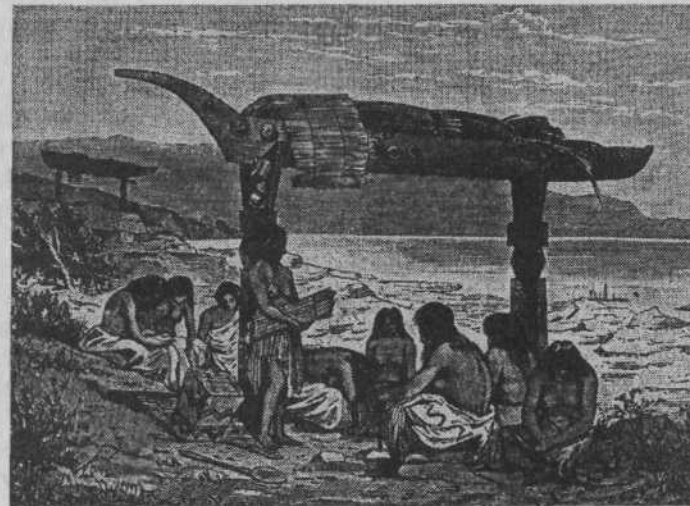
земельныя права отдѣльныхъ личностей на опредѣленные и неопредѣленные. Первые могутъ быть приобретаемы девятью различными способами, не считая перехода по наслѣдству или въ видѣ дара, причемъ уже имѣющіяся права просто передаются новымъ лицамъ. И въ Новой Зеландіи человѣкъ, родившійся на известномъ мѣстѣ, тѣмъ самымъ уже приобретаетъ известныя права на эту землю, въ силу того, что здѣсь, при разрывѣ пуповины, впервые пролилась его кровь; приобретаемое такимъ образомъ право на землю есть лишь одно изъ примѣненій другого общаго закона, гласящаго, что каждый становится собственникомъ земли, на которой пролилась его кровь въ бою или при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Здѣсь опять проявляется склонность къ мистицизму, неизмѣнно наблюдаемая у дикихъ народовъ, и не въ одной этой области: право на землю получаетъ и тотъ, чьи близкіе родственники погребены въ этой землѣ или же были умерщвлены на ней и съѣдены; вообще достаточно, чтобы на кого-нибудь было положено заклятіе въ связи съ землей, — на примѣръ: «пусть ягоды этого лѣса будутъ варить въ твоёмъ черепѣ» — для того, чтобы тотъ, на кого оно положено, получилъ право на данную землю. Точно также принадлежитъ человѣку мѣсто, гдѣ зарытъ его послѣдъ.

Наряду съ мистическими правами на землю, у Маори, какъ народа земледѣльческаго, мы уже наблюдаемъ и экономическія. Такъ, на примѣръ, человѣкъ становится собственникомъ участка земли, если онъ воздѣлалъ ее безъ протестовъ съ чьей бы то ни было стороны, а также земли, на которой онъ построилъ себѣ домъ съ официальнаго разрѣшенія прежняго владѣльца. Неопредѣленные земельныя права на покоренную область имѣетъ каждый участникъ похода съ цѣлью завоеванія этой земли и даже тотъ, кто помогалъ участникамъ похода, снабжая ихъ съѣстными припасами или оружіемъ; имѣетъ право мужъ на землю своей жены, пока дѣти еще не выросли и, въ силу материнскаго права, не потребовали своей собственности. Прочія «неопредѣленные» права, повидимому, не что иное, какъ предъявляемыя въ Новой Зеландіи, какъ и вездѣ, притязанія каждаго индивидуума на общія владѣнія рода или племени. Уже изъ сказаннаго видно, насколько запутаны должны быть права владѣнія, и старое, опытомъ добытое положеніе Аристотеля, что простое и ясное бываетъ обыкновенно не первымъ, а послѣднимъ, и здѣсь оказывается справедливымъ.

Замѣчательно, что здѣсь вездѣ идетъ рѣчь объ участкахъ земли безъ обозначенія ихъ границъ, что однако было бы весьма важно. Приходится допустить, что земля уже раньше была раздѣлена на мелкіе участки, и это предположеніе подтверждается изученіемъ условій жизни многихъ дикихъ народовъ. Въ Южной Африкѣ, на примѣръ, владѣнія различныхъ племенъ распадаются на небольшіе округа

«*Gaue*», которые, пожалуй, лучше всего можно сравнить съ нѣмецкими лѣсными и луговыми округами, носящими особыя названія. Имена этихъ округовъ древнѣе и общеизвестнѣе, чѣмъ имена рѣкъ и горъ, нѣрѣдко заимствующихъ свое названіе отъ мѣстности, гдѣ они находятся.

Тутъ является большой соблазнъ установить постепенность развитія и, на основаніи примѣра австралійцевъ, выдвинуть на первый планъ мистическія притязанія на землю отдѣльныхъ лицъ, связанная главнымъ образомъ съ культомъ умершихъ, оставивъ на вто-

Лодка-гробъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ.

ромъ планъ экономическія, даже, можетъ быть, воздать хвалу мертвымъ, какъ первымъ владѣльцамъ земли. Можно было бы прибавить, что весьма распространенный обычай хоронить умершихъ не въ землѣ, а на деревьяхъ или особыхъ сооруженіяхъ (см. прилагаемый рисунокъ), по всей вѣроятности, имѣлъ цѣлью обойти тягостныя притязанія мертвыхъ. Но для такого утвержденія у насъ недостаточно доказательствъ, да и вообще о равномерной повсемѣстной эволюціи, какую предполагаетъ Морганъ, не можетъ быть и рѣчи. Кромѣ того, значеніе культа мертвыхъ, какъ фактора хозяйственнаго развитія, сильно колебалось, и онъ могъ лишь въ слабой степени вліять на это развитіе.

Какъ бы то ни было, теорія, гласящая, что раздѣлъ земли между отдѣльными лицами начинается лишь съ земледѣліемъ, оказывается несостоятельной и въ томъ случаѣ, если мы совсѣмъ оставимъ въ

сторонѣ мистическія права владѣнія и будемъ имѣть въ виду лишь собственность, возникшую на политико-экономическихъ основаніяхъ. И у народовъ, не вѣдающихъ воздѣлыванія полезныхъ злаковъ, извѣстныя мѣстности или участки земли находятся въ пользованіи отдѣльныхъ лицъ или же небольшихъ группъ, подраздѣлений рода или племени; таковы въ сѣверо-западной Америкѣ мѣста, гдѣ собираютъ птичьи яйца или же гдѣ производится рыбная ловля, причемъ владѣніе ими наследственно. На полинезійскомъ островѣ Науру есть обильное рыбное озеро, составляющее собственность многихъ туземцевъ, строго разграничившихъ свои участки, — и такихъ примѣровъ можно найти много.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ, конечно, не столько о землѣ, какъ таковой, сколько о томъ, что можетъ дать эта земля, и лишь постепенно научаются цѣнить самую землю. Въ Полинезійѣ къ этой оцѣнкѣ приходили самыми разнообразными путями. На только что упомянутомъ, теперь принадлежащемъ Германіи, островѣ Науру какъ разъ теперь наблюдается весьма интересная эволюція права собственности на землю изъ права собственности на фруктовые деревья. «Земля», пишетъ Зенффтъ, «считается *res nullius* (ничья) лишь тамъ, гдѣ извѣстный участокъ засаженъ исключительно деревьями, принадлежащими одному и тому же владѣльцу, при чемъ этотъ послѣдній огороживъ ихъ, чтобы помѣшать другимъ дѣлать тутъ же свои насадки. Въ противномъ случаѣ представляются притязанія лишь на деревья, главнымъ образомъ кокосовыя пальмы, изъ которыхъ каждая имѣетъ на корѣ знакъ владѣльца. Такимъ образомъ имущество одного человѣка можетъ быть разбѣяно по всему острову. Отсюда вытекаетъ много споровъ, которые рѣшать приходится (нѣмецкому) окружному правленію»

Эти еще весьма простыя условія значительно отличаются отъ условій жизни на другихъ полинезійскихъ островахъ, гдѣ уже очень развито понятіе о земельной собственности; но аналогичныя условія находимъ въ оазисахъ Сахары, гдѣ земля и растущія на ней деревья по большей части принадлежатъ совершенно различнымъ владѣльцамъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ земного шара.

Вообще можно сказать, что личное право владѣнія землей вырабатывается двоякимъ образомъ, смотря по тому, какаѣ это земля: находящаяся ли въ общемъ владѣніи племени и раздѣленная, или попавшая въ руки одного человѣка, или же ничья, безхозяйная. Примѣры обоихъ способовъ развитія этого права указать не трудно. Какъ у кочевыхъ народовъ удачливый человѣкъ, нашедшій дерево съ пчелинымъ роемъ въ дуплѣ, или же обильное съѣдобными плодами, и оставившій свой знакъ на корѣ, становится владѣльцемъ этого сокровища, такъ и у земледѣльческихъ владѣть землей обыкновенно тотъ, кто первый обработалъ ее, и общія права, не рѣдко уживающіяся

съ этимъ новымъ способомъ владѣнія, простираются уже только на жатву, приносимую вновь воздѣланной землей. Право собственности сохраняется силу лишь, покуда длится самое пользованіе землей; наследственность земли является уже въ болѣе высокой стадіи осѣдлости и государственнаго порядка; да и то на новыхъ земляхъ, еще не тронутыхъ обработкой, примѣняется первобытный способъ хозяйства, а въ наследство идутъ лишь старыя поля. У племени Галла разрѣшеніе воздѣлать новину даетъ князь, считающійся владѣльцемъ всей необработанной земли, но затѣмъ уже участокъ переходитъ въ наследственное владѣніе земледѣльца; права же князя сохраняются лишь въ формѣ земельной подати. Это примѣръ, какъ уживаются между собой права короля и народа.

Однако и самое право властителя вытекаетъ въ сущности изъ ограниченія стараго общеродового или племенного права владѣнія: по мѣрѣ того, какъ вождь возвышается надъ своими соплеменниками и какъ бы воплощаетъ въ себѣ всѣхъ своихъ подданныхъ, онъ пріобрѣтаетъ и исключительное право распорядиться землей, причемъ, разумѣется, эволюція можетъ быть доведена до крайности или остановиться на самыхъ различныхъ ступеняхъ. Въ большинствѣ случаевъ властитель, завладѣвъ землей, опять-таки раздѣляетъ ее между отдѣльными лицами, получающими такимъ образомъ извѣстныя права на опредѣленные участки земли. Проникающіе отсюда споры и распри, — ограничиваются ли они мелкими тяжбами и народными волненіями, или же доходятъ до «рыцарскихъ схватокъ», на феодальный манеръ, — въ результатъ почти вездѣ приводятъ къ одной и той же естественной развязкѣ, а именно: властитель оставляетъ за собою извѣстныя общія права и прежде всего право обложенія; взаимнѣ этого онъ беретъ на себя защиту земли отъ внутреннихъ и внешнихъ враговъ и владѣть всей нераздѣленной землей, отдѣльныя же лица могутъ безпрепятственно воздѣлывать, продавать и передавать по наследству свои земельныя владѣнія. Такой экономическій компромиссъ обыкновенно предшествуетъ правильному распредѣленію политическаго вліянія; однако въ Полинезійѣ онъ впервые произошелъ на островахъ Гавай, послѣ того, какъ властный по натурѣ Камеамеасъ I, усмиривъ страну, упорядочилъ условія ея жизни.

Если земледѣліе требуетъ непремѣнно постояннаго или временнаго раздѣла земли между отдѣльными лицами, то скотоводство, наоборотъ, требуетъ сохраненія общихъ пастбищъ и выгоновъ. Тамъ, гдѣ общіе экономическія формы уживаются рядомъ, какъ въ большинствѣ случаевъ у крестьянъ средней Европы, тамъ, на ряду съ отдѣльными хуторами, существуетъ общій выгонъ, нѣрѣдко и общій лѣсъ, поставляющій главнымъ образомъ подстилку для скота. Но тамъ, гдѣ дворянству удалось, какъ въ Англіи и Мекленбургѣ, захватить себѣ эти об-

щинныя крестьянскія владѣнія, обыкновенно сильное и свободное крестьянское сословіе совсѣмъ уничтожено или принижено, низведено до жалкаго батрачества. Повсюду проявляется желаніе замѣнить совмѣстныя права многихъ правами отдѣльной личности.

Прикрѣпленіе отдѣльныхъ личностей къ землѣ, являющееся обязательнымъ условіемъ для достиженія высшей формы государственной жизни немислимо безъ прочной осѣдлости, возникновеніе которой опять таки въ значительной степени зависитъ отъ экономическихъ условій. Ни охотникъ, переходящій съ мѣста на мѣсто, ни кочевникъ не имѣютъ постоянного мѣстожительства; первобытному земледѣльцу также приходится время отъ времени покидать уже истощенную землю и искать новыхъ мѣстъ, цѣлины. Въ виду этого въ областяхъ, населенныхъ кочевниками, государственная жизнь была бы немислима, если бы въ мѣстахъ поклоненія святынямъ, какъ въ Меккѣ, или въ оазисахъ особенно благоприятствующихъ земледѣлю, какъ въ Мединѣ, или же, наконецъ, въ узловыхъ пунктахъ сообщенія, какъ напримѣръ въ Пальмирѣ, населеніе не жило бы болѣе сплоченно и не держалась бы крѣпче за землю, доставляющую ему лучшія — городскія условія жизни и защиты. И такъ, и въ городахъ бьется пульсъ государственной жизни. Первая часть исторіи всемірнаго царства ислама разыгрывалась между Меккой и Мединою, вторая между Дамаскомъ и Куфой; собственно же бродячіе пастухи Аравіи лишь мимоходомъ бывали участниками великаго движенія въ пользу образованія государствъ; сказочный же расцвѣтъ Пальмиры, владыки которой заставили служить себѣ бедуиновъ сирийскихъ пустынь, погибъ вмѣстѣ съ разрушеніемъ городовъ.

Отсюда недалеко до предположенія, что прообразомъ прочныхъ поселеній были такъ называемые «деревенскіе дома», въ которыхъ совмѣстно живутъ всѣ члены рода и которые растутъ, увеличиваясь пристройками, по мѣрѣ роста ихъ населенія; но подобныя массовыя жилища встрѣчаются какъ разъ чаще всего въ тѣхъ областяхъ, гдѣ характерной чертой являются мужскіе дома, дома для мужскихъ собраній, и этотъ, обращающій на себя вниманіе, фактъ даетъ основаніе думать, что въ большинствѣ случаевъ именно такіе дома собраній захватывались тѣмъ или другимъ путемъ и обращались въ совмѣстныя жилища. Не осѣдлымъ народамъ такой типъ общаго жилья и вовсе незнакомъ.

Какъ бы то ни было, въ началѣ возникновенія осѣдлости, прежде всего спланиваются именно *роды*, состоящіе изъ людей, связанныхъ кровнымъ родствомъ, и образуютъ деревенскія общины, нерѣдко представляющія собой маленькія самостоятельныя государства, если только можно назвать ихъ такимъ громкимъ именемъ. Въ Новой Помераніи каждый родъ имѣетъ свою деревню и владѣетъ прилегающей къ ней землей, хотя первобытныя условія уже нѣсколько

измѣнились, вслѣдствіе притока чуждыхъ элементовъ, и политическая точка зрѣнія стремится вытѣснить родовую. И на островахъ Палао развитіе государственности дошло только до образованія такихъ родовыхъ или деревенскихъ государствъ, почти независимыхъ другъ отъ друга. У малайцевъ въ древнѣйшее время роды или *зуку* также, повидимому, составляли политическую единицу, съ той разницей, что здѣсь обыкновенно по нѣсколько зуку жили въ одномъ поселкѣ, и у нихъ уже имѣлась общая племенная организація. Вообще, какъ уже было сказано, родовой бытъ не благоприятствуетъ возникновенію высшихъ типовъ государственнаго строя, и потому расцвѣтъ государственной жизни почти вездѣ идетъ рука объ руку съ разрушеніемъ или преобразованіемъ родового уклада и ростомъ патріар-

Деревня Ниома въ Узиндѣ. (Восточная Африка).

хальной семьи. Чисто родовая организація можетъ даже настолько подчинить себѣ политическіе интересы, что вначалѣ тѣсно сплоченные поселки распадаются на враждебные лагеря, которые взаимно сторонятся другъ отъ друга, а порой доходятъ и до кровавыхъ стычекъ. У береговъ сѣверной Африки это явленіе наблюдается довольно постоянно, точно также и у нѣкоторыхъ индійскихъ пограничныхъ племенъ (Бирма).

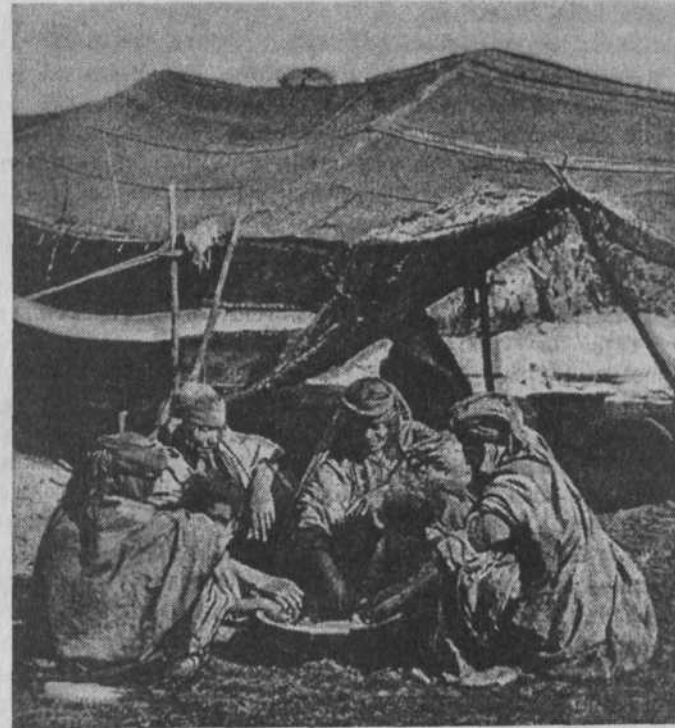
На разложеніе родового быта несомнѣнно мѣстами вліяли примѣры государствъ и племенъ, выросшихъ изъ развалинъ, изъ обломковъ другихъ обществъ, иными словами, первоначально состоявшихъ изъ преступниковъ, изгнанниковъ или бѣглыхъ рабовъ. По преданію, Римъ былъ вначалѣ именно такимъ государствомъ, и возможно, что въ этомъ преданіи есть доля правды. Нельзя сказать,

чтобы и теперь не бывало таких государств. Полагать рассказываетъ объ одномъ новозеландскомъ племени, образовавшемся изъ бывшихъ рабовъ; племя это вначалѣ жило на деревьяхъ, пока не окрѣпло настолько, что уже могло завладѣть участкомъ земли. На того уже въ новѣйшее время выросъ близъ Волты поселокъ Бомбата, населенный почти исключительно бѣглыми рабами различныхъ племенъ. Всего чаще, пожалуй, встрѣчаются подобныя государства въ восточной Африкѣ, во владѣніяхъ племенъ Гада и Сомали. Таково, напримѣръ, Кабюнское царство, по словамъ Чекки, основанное изгнаннымъ претендентомъ на тронъ сосѣдней страны; благодаря притоку рабовъ, преступниковъ и искателей приключеній, это царство скоро стало сильнымъ и грознымъ для сосѣдей, столица-же его, вслѣдствіе своего удобнаго мѣстоположенія, сдѣлалась цвѣтущимъ торговымъ городомъ. Таково царство Гоша при устьѣ Джуба, гдѣ свободные граждане охотно принимаютъ въ свою среду бѣглыхъ рабовъ, не брезгая однакожъ сами покупать себѣ невольниковъ или-же обращать въ рабовъ военноплѣнныхъ и заставлять ихъ обрабатывать землю. А такъ какъ бѣглыми рабами обыкновенно бываютъ мужчины, здѣсь опять на сцену выступаетъ исконная объединяющая сила мужскихъ союзовъ, лишь отчасти парализованная родовымъ бытомъ.

Для всѣхъ государствъ, вообще, важно, какая сторона ихъ существованія, военная или мирная, беретъ перевѣсъ и оказываетъ рѣшающее вліяніе на образование той или иной формы государственнаго строя. Мы уже раньше говорили, что естественный укладъ, требовавший, чтобы главная власть надъ племенемъ предоставлена была вождю, могъ вытекать изъ двухъ источниковъ: изъ родового быта или-же изъ союза воинственныхъ мужей, и соответственно этому главной задачей правителя было: улаженіе внутреннихъ раздоровъ или-же борьба съ внѣшними врагами. Въ этомъ, повидимому, и заключается разница между королевскимъ и герцогскимъ саномъ у древнихъ германцевъ; функции, связанные съ тѣмъ и другимъ, нерѣдко оказываются совершенно противоположными; такая-же противоположность наблюдается и въ исторіи Рима: мѣсто наследственныхъ королей, не отличавшихся чрезмѣрной страстью къ завоеваніямъ, заступили консулы, ежегодно избираемые предводители армій; дѣятельность этихъ послѣднихъ проявляется главнымъ образомъ внѣ предѣловъ государства, во враждебныхъ, вновь завоевываемыхъ странахъ. Подобныя-же условія существовали въ древней Спартѣ.

Ростъ государствъ впервые освѣтилъ съ точки зрѣнія географіи и народовѣдѣнія Фридрихъ Ратцель въ своей «Политической географіи». Онъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что каждому расширенію политическихъ границъ предшествуетъ расширеніе географическихъ предѣловъ, и что вновь приобрѣтенное пространство лишь при

помощи культуры удерживается и сливается въ одно цѣлое съ прежнимъ владѣніемъ; общеніе и распространеніе религиозныхъ идей прокладываетъ дорогу политической власти, культура-же заставляетъ народъ, постоянно умножая его количественно, думать о расширеніи предѣловъ своего жительствова и могущества. Чѣмъ ниже культура народа, тѣмъ менѣе онъ склоненъ закрѣплять за собою новыя земли, которыми нельзя управлять при помощи однихъ только имѣющихся

Бедуины долины Иордава за ѣдой.

въ его распоряженіи средствъ; и тамъ, гдѣ отпрыскъ племени выходитъ за предѣлы его владѣній, онъ образуетъ уже новое маленькое государство, не имѣющее почти никакой связи со своей метрополіей. Только культура даетъ возможность народу захватывать новыя земли, не дробясь на части; но одной культуры недостаточно для образованія большихъ государствъ; нерѣдко только энергія и подвижность жителей степей, будь то бедуины, фульба *) или турки,

*) Fulbe. Tulah, Fellata—негритянское племя въ Суданѣ, живущее между Сенегаломъ и Дарфуромъ, числомъ 6—8 милліоновъ,—магометане.

принуждаютъ къ политическому объединенію болѣе цивилизованныя, но раздробленныя на мелкія государства, земледѣльческія племена. Воинственный духъ вездѣ оказываетъ вліяніе на образованіе государствъ; это мы видимъ въ исторіи большинства европейскихъ государствъ, гдѣ инициатива политическаго объединенія всѣхъ исходитъ обыкновенно отъ наиболее воинственнаго племени, закаленного испытаніями и суровостью климата, какъ, напримѣръ, кастильцы въ Испаніи, пьемонтцы въ Италіи, бранденбуржцы въ Германіи и норманны-варяги въ Россіи.

Стремленіе государствъ къ расширенію своихъ предѣловъ разбирается о сопротивленіе другихъ государствъ; въ результатѣ получается уравненіе владѣній, что, въ концѣ концовъ, приводитъ, какъ въ Европѣ, къ «политическому равновѣсію»; такія огромныя имперіи, какъ Римъ, обязаны своимъ необычайнымъ ростомъ тому обстоятельству, что у нихъ не находилось равнаго имъ силой соперника, который-бы преградилъ имъ путь, и предѣломъ росту была только невозможность включить въ свою политическую организацію еще новыя земельныя пріобрѣтенія. Достойны вниманія при этомъ войны культурныхъ государствъ, населеніе которыхъ вмѣстѣ съ прежней грубостью утратило и часть своей военной силы, съ менте цивилизованными, но отъ природы воинственными народами; почти всегда при этомъ болѣе цивилизованному, обыкновенно и болѣе богатому государству удается привлечь къ себѣ на службу часть противниковъ или-же наемниковъ изъ дальнихъ областей, возложивъ на нихъ заботу о защитѣ и расширеніи своихъ границъ. Торговля государствъ, какъ, напримѣръ, Карфагенъ и Венеція, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій этимъ способомъ поддерживали свою власть; Римъ долгое время съ успѣхомъ боролся съ германцами, направляя на нихъ германцевъ-же. Еще больше умѣнья и ловкости проявила Византія; ея государственный корабль не разъ бывалъ близокъ къ гибели; ему со всѣхъ сторонъ грозила опасность—и отъ персовъ, и отъ болгаръ, и отъ арабовъ, и отъ западныхъ крестоносцевъ, но, несмотря на всѣ ихъ нападенія, она, при помощи своей государственной мудрости и чужой военной силы поддерживала на водѣ свой корабль, пока онъ, наконецъ, не пошелъ ко дну подъ натискомъ османовъ. Новое подтвержденіе стараго опыта, гласящаго, что въ сущности духъ всегда правитъ міромъ, укрощая и направляя къ своей пользѣ враждебныя, буйныя силы.

Вышнему росту государства сопутствуетъ обыкновенно внутренняя борьба и преобразование. Государство слишкомъ сложный и въ то же время слишкомъ крѣпко сплоченный организмъ, чтобы оно могло удовлетворяться полусознательнымъ прозябаніемъ первобытнаго строя; ему нуженъ мозгъ, который бы ясно сознавалъ всѣ потребности организма; ему нужны нервы и органы, которые бы слуша-

лись мозгу. Править въ дѣйствительности всегда немногіе; масса можетъ принимать непосредственное участіе въ управленіи страной развѣ только въ самыхъ крошечныхъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ. Поэтому «борьба за конституцію» въ сущности ведется не изъ-за самоуправления массы, хотя съ виду она и преслѣдуетъ эту цѣль или, по крайней, мѣрѣ, стремится приблизиться къ ней; эта борьба есть результатъ все возрастающей дифференціаціи культуры, и въ то же время роста цивилизаціи, дѣлающихъ невозможнымъ для правителя единолично удовлетворять всѣмъ потребностямъ государства, и, напротивъ, вынуждающимъ его такъ или иначе собирать вокругъ себя представителей этихъ потребностей. Въ области внутренней политики, за всѣми спорами о правахъ между народомъ и правителями, стоятъ вопросы экономическіе и культурно-прогрессивныя; чѣмъ разностороннѣе культура и вмѣстѣ съ тѣмъ интересы отдѣльной личности, чѣмъ болѣе способна эта личность ясно сознать и выразить свои интересы, тѣмъ вѣрнѣе добьется она раньше или позже непосредственнаго участія въ управленіи страной.

Само по себѣ управленіе страной всегда заключается въ томъ, что совѣтъ опытныхъ людей съ монархомъ во главѣ, или безъ него, руководитъ общественными дѣлами, и вопросъ, — какъ составленъ этотъ совѣтъ, отступаетъ на второй планъ въ сравненіи съ вопросомъ—насколько онъ хорошъ и пригоденъ къ своему дѣлу. Тамъ, гдѣ истинно-разумный и предусмотрительный правитель самъ выбираетъ себѣ въ помощь лучшихъ людей страны, предоставляя имъ подобающую власть и вліяніе, результатъ можетъ получиться лучший, чѣмъ тамъ, гдѣ при общемъ, одинаковомъ для всѣхъ правѣ голоса, мало развитое большинство отдаетъ власть въ руки своимъ уполомоченнымъ. Тотъ же фактъ, что во всѣхъ дѣйствительно развивающихся и прогрессирующихъ культурныхъ государствахъ власть фактически переходитъ въ руки народныхъ представителей, объясняется, какъ уже сказано, повышающимся уровнемъ образованности массы, а также усложняющимися потребностями внутренней жизни страны.— настолько сложными, что и самый мудрый правитель уже не можетъ одинъ и даже съ помощью избранныхъ имъ совѣтниковъ охватить ее взглядомъ; для того, чтобы онъ могъ вполнѣ познать ее, нужно чтобы въ лабораторіи общаго органа мышленія непрестанно звучалъ живой откликъ народной жизни, выходящій изъ глубины.

Тамъ, гдѣ культура прогрессируетъ медленно или совсѣмъ не прогрессируетъ, по крайней мѣрѣ въ народной массѣ, тамъ народъ довольствуется простѣйшими видами конституціи; изъ этого само собою вытекаетъ, что всѣ первобытныя формы правленія въ собственныхъ своихъ интересахъ склонны ставить преграды прогрессу культуры и, если не препятствовать, то и не поощрять духовнаго

просвѣщенія народа. Впрочемъ, каждая форма правленія, какъ бы она ни сложилась, можетъ быть дурной и хорошей; при самодержавіи и его болѣе умѣренныхъ разновидностяхъ все зависитъ отъ характера и даровитости правителя; но и демократія, такъ часто выставленная идеаломъ и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣйствительно творящая великія дѣла, не можетъ помѣшать отдѣльнымъ личностямъ хозяйничать въ странѣ по своему усмотрѣнію; кромѣ того, она способствуетъ возвышенію честолюбцевъ, бесплодныхъ критиковъ и смутьяновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ постояннымъ вмешательствомъ мѣшаетъ плодотворному труду.

Итакъ, характеръ конституціи всегда вопросъ второстепенный, и всѣ мечтатели, чающіе всеобщаго спасенія отъ политическихъ принциповъ, основныхъ государственныхъ законовъ и деклараціи правъ человека, до сихъ поръ жестоко обманывались въ своихъ ожиданіяхъ: *конституціи слѣдуютъ за прогрессомъ, но не создаютъ его*. Еще больше выясняется сомнительность всѣхъ одностороннихъ теорій, когда мы всматриваемся въ существующія условія, и видимъ, что всѣ государства въ свою очередь подраздѣляются на меньшія организаціи, управляемыя нѣрѣдко совѣтамъ инымъ способомъ, чѣмъ все государство: есть самодержавно управляемыя государства, гдѣ отдѣльные города и деревни пользуются почти республиканскимъ самоуправленіемъ, и есть республики, какъ, на примѣръ, Франція, гдѣ доведенная до крайности централизація налагаетъ авторитарическую печать на обывательскую жизнь внутри страны.

Вопросы государственнаго устройства, волнующіе болѣе цивилизованные народы, въ зародышѣ возникаютъ и у первобытныхъ племенъ, и пережитки первобытныхъ способовъ разрѣшенія ихъ нѣрѣдко сохраняются и въ цивилизованномъ мірѣ. Въ мелкихъ общественныхъ группахъ совершенно неразвитыхъ народовъ нѣрѣдко почти осуществленъ бываетъ демократическо-коммунистическій идеалъ; можно даже доказать, что при каждой попыткѣ сближенія съ дикими племенами, идеалъ этотъ приобретаетъ новую силу; такъ, на примѣръ, уже въ новѣйшее время идеи Руссо находились въ тѣсной связи съ экспедиціями въ южныя моря и описаніемъ быта тамошнихъ островитянъ. Совѣтъ старѣйшинъ клана, съ ростомъ населенія заступающій мѣсто народнаго собранія, есть преддверіе парламентаризма, поскольку онъ воплощается въ палатѣ пэровъ, въ верхней и нижней палатахъ; правящее собраніе воиновъ напоминаетъ о народномъ представительствѣ. Въ африканскихъ верховныхъ совѣтахъ, состоящихъ по большей части изъ лицъ, избранныхъ вождемъ или королемъ, мы видимъ прообразъ министерствъ и раздѣленіе труда въ средѣ исполнительной власти, которая, такимъ образомъ, можетъ управлять и не спрашиваясь народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣрѣдко и начатки собственно опредѣляющихся профессіями сословій, въ которыхъ

можетъ быть еще вернутся когда-нибудь культурные народы, наскучивъ односторонностью земельной территориальной избирательной системы. Тамъ, гдѣ не было министерствъ, единоличная власть нѣрѣдко прибѣгала къ особому способу децентрализаціи, именуемому феодализмомъ, облегчая себя этимъ путемъ управленіе страной. Такъ бывало въ самыхъ различныхъ странахъ земного шара, какъ только населеніе начинало расти численно и культурно, и вездѣ почти возникала борьба между феодализмомъ и единоличной властью, искавшей опоры въ непосредственной подчиненной ей бюрократіи; борьба эта оканчивалась или дробленіемъ государства на мелкія владѣнія или же побѣдой «просвѣщеннаго деспотизма», за которымъ съ дальнѣйшимъ ростомъ культуры слѣдовало обыкновенно конституціонализмъ.

Ко всѣмъ этимъ переворотамъ нужно прибавить еще вліяніе различныхъ сословій, которыя иногда временно захватываютъ всю власть въ свои руки, иногда же только послѣ долгой и трудной борьбы добиваются права голоса въ политическихъ дѣлахъ. Мистическія преимущества, на которыя такъ любятъ опираться вожди и владыки у неразвитыхъ народовъ, и сейчасъ даютъ себя знать въ «Божію милостію» правящихъ государяхъ, не говоря уже о государствахъ, гдѣ верховная власть принадлежитъ церкви, какъ, на примѣръ, бывшее первонное государство Парагвай, гдѣ всѣмъ заправляли іезуиты, или царство Ислама—Вахабитовъ въ Аравіи и Махди въ Суданѣ. На ряду съ этимъ огромное вліяніе, явное или скрытое, приобретаетъ богатство, и именно въ демократическихъ странахъ проявляется свою власть въ безобразнѣйшихъ формахъ; примѣръ тому—паутократія Соединенныхъ Штатовъ и Капеланда.

Если бы въ борьбѣ за конституцію дѣло шло только объ удовлетвореніи инстинктовъ власти и о простыхъ вопросахъ права, врядъ ли она велась бы съ такимъ ожесточеніемъ, какъ это обыкновенно бываетъ. Дѣло въ томъ, что государство есть въ то же время экономическая центральная власть, и тотъ, кто управляетъ имъ, въ то же время располагаетъ нѣкоторой частью народныхъ богатствъ и опредѣляетъ на какія цѣли должны идти государственные доходы. Правителю нуженъ высокій уровень образованности и справедливости для того, чтобы не злоупотреблять этой властью въ личныхъ своихъ интересахъ, и тамъ, гдѣ нѣтъ такихъ гарантій, никакая форма правленія не помѣшаетъ расхищенію народныхъ богатствъ; больше скажу: при такихъ условіяхъ демократія является наихудшей формой правленія, такъ какъ она только умножаетъ число расточителей и вдобавокъ еще время отъ времени замѣняетъ уже подкормившихся новыми—голодными. Это проклятіе тяготѣетъ надъ судьбой большинства республикъ Южной Америки, и нѣтъ противъ него много лекарства, кромѣ повышенія общаго умственнаго и нравственнаго уровня даннаго народа. И тутъ опять

таким противоположности сталкиваются: какъ вождь вначалѣ тратилъ собираемую имъ дань на общія нужды племени и государства, но раздавалъ дары, чтобы щедростью создать себѣ приверженцевъ и друзей, такъ и выродившійся парламентаризмъ расходуетъ государственныя средства, награждая своихъ единомышленниковъ для того, чтобы партія возростала въ числѣ и могуществѣ. Въ другихъ государствахъ, стоящихъ на болѣе высокомъ уровнѣ развитія, демократія по необходимости совершенствуется, здѣсь же она является лѣсами, которые только и держатъ готовое рухнуть зданіе, и которые тщательно охраняются потому, что чиновничьи мѣста составляютъ не малую долю добычи. Для такого положенія вещей особенно характерно нѣкоторое умноженіе числа такихъ мѣстъ и синекуръ.

Такъ гибнуть государства съ «наилучшими конституціями», возвращаясь опять въ первобытное состояніе, и никакія теоріи, никакіе писанные на бумагѣ законы не могутъ предотвратить упадка, пока самъ народъ, какъ таковой, не отречется отъ варварства. Сама культура только повторяетъ въ болѣе утонченной формѣ положенія былыхъ временъ, ибо государство состоитъ изъ людей, и ни народная воля, ни воля правителя не могутъ превратить живой народъ въ однородную массу, изъ которой потомъ законодатель будетъ лѣпить формы, которыя ему подсказываетъ его фантазія и которыя ему, скуднымъ взоромъ своимъ успѣвшему охватить лишь небольшую часть міроваго цѣлага, представляются высшей цѣлью стремленій, на дѣлѣ же скоро вновь распадаются, рассыпаются въ прахъ, какъ безжизненные игрушки педантической мысли.

4. Нравы и обычаи.

Попытка сравненія общества съ организмомъ можетъ быть проведена лишь отчасти и не всегда полезна, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она все же способствуетъ выясненію запутанныхъ и сбивчивыхъ условій. Если мы попробуемъ представить себѣ человеческое общество какъ организмъ, состоящій изъ клетокъ — индивидуумовъ, какъ живое существо съ своеобразной жизнью, продолжительностью своей несравненно превосходящей мѣру жизни существъ, изъ которыхъ оно состоитъ, мы поймемъ, что этотъ долговѣчный организмъ долженъ и реагировать совершенно особымъ медлительнымъ образомъ на воздѣйствія со стороны внѣшняго міра и самъ стремится работать себѣ въ періодъ своего роста и существованія самостоятельную форму и образъ.

Отчасти этотъ внѣшній образъ уже выяснился для насъ при изученіи общественныхъ формъ и ихъ развитія. Но наружному строенію соответствуетъ и внутреннее. Случайные толчки, нарушающіе ровное теченіе будничной жизни, если только они не исключительно сильны, не оказываютъ вліянія на огромное, медленно измѣняющееся и преобразующееся народное тѣло: для этого оно слишкомъ тяжело и массивно. Отвѣчать сопротивленіемъ на эти маленькія воздѣйствія дѣло отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но крупныя, постоянно и равномерно или, по крайней мѣрѣ, часто дѣйствующія силы вызываютъ наружу существенныя особенности общественнаго тѣла; эти черты, какъ и все, что относится къ области культуры, составляютъ умственный капиталъ, всегда готовый своевременно реагировать на соответствующія событія или вліянія—какъ уши и въ ночной тишинѣ воспринимаютъ шумы, какъ кожные нервы въ каждый данный моментъ готовы передать мозгу прикосновеніе и измѣненіе температуры, какъ пищеварительные органы всегда готовы приступить къ переработкѣ полученныхъ ими питательныхъ веществъ. Эти прочныя, живучія, основныя черты общества мы называемъ *нравами* и *обычаями*, и они измѣняются съ теченіемъ времени, но они долго-

такъ противоположности сталкиваются: какъ вождь вначалѣ тратилъ собираемую имъ дань на общія нужды племени и государства, но раздавалъ дары, чтобы щедростью создать себѣ приверженцевъ и друзей, такъ и выродившійся парламентаризмъ расходуетъ государственныя средства, награждая своихъ единомышленниковъ для того, чтобы партія возростала въ числѣ и могуществѣ. Въ другихъ государствахъ, стоящихъ на болѣе высокомъ уровнѣ развитія, демократія по необходимости совершенствуется, здѣсь же она является лѣсами, которые только и держатъ готовое рухнуть зданіе, и которые тщательно охраняются потому, что чиновничьи мѣста составляютъ не малую долю добычи. Для такого положенія вещей особенно характерно нѣкоторое умноженіе числа такихъ мѣстъ и синекуръ.

Такъ гибнуть государства съ «наилучшими конституціями», возвращаясь опять въ первобытное состояніе, и никакія теоріи, никакіе писанные на бумагѣ законы не могутъ предотвратить упадка, пока самъ народъ, какъ таковой, не отречется отъ варварства. Сама культура только повторяетъ въ болѣе утонченной формѣ положенія былыхъ временъ, ибо государство состоитъ изъ людей, и ни народная воля, ни воля правителя не могутъ превратить живой народъ въ однородную массу, изъ которой потомъ законодатель будетъ лѣпить формы, которыя ему подсказываетъ его фантазія и которыя ему, скуднымъ взоромъ своимъ успѣвшему охватить лишь небольшую часть міроваго цѣлаго, представляются высшей цѣлью стремленій, на дѣлѣ же скоро вновь распадаются, рассыпаются въ прахъ, какъ безжизненные игрушки педагогической мысли.

4. Нравы и обычаи.

Попытка сравненія общества съ организмомъ можетъ быть проведена лишь отчасти и не всегда полезна, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она все же способствуетъ выясненію запутанныхъ и сбивчивыхъ условій. Если мы попробуемъ представить себѣ человѣческое общество какъ организмъ, состоящій изъ ячеекъ — индивидуумовъ, какъ живое существо съ своеобразной жизнью, продолжительностью своей несравненно превосходящей мѣру жизни существъ, изъ которыхъ оно состоитъ, мы поймемъ, что этотъ долговѣчный организмъ долженъ и реагировать совершенно особымъ медлительнымъ образомъ на воздѣйствія со стороны внѣшняго міра и самъ стремится выработать себѣ въ періодъ своего роста и существованія самостоятельную форму и образъ.

Отчасти этотъ внѣшній образъ уже выяснился для насъ при изученіи общественныхъ формъ и ихъ развитія. Но наружному строенію соответствуетъ и внутреннее. Случайные толчки, нарушающіе ровное теченіе будничной жизни, если только они не исключительно сильны, не оказываютъ вліянія на огромное, медленно измѣняющееся и преобразующееся народное тѣло: для этого оно слишкомъ тяжело и массивно. Отвѣчать сопротивленіемъ на эти маленькія воздѣйствія дѣло отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но крупныя, постоянно и равномерно идя, по крайней мѣрѣ, часто дѣйствующія силы вызываютъ наружу существенныя особенности общественнаго тѣла; эти черты, какъ и все, что относится къ области культуры, составляютъ умственный капиталъ, всегда готовый своевременно реагировать на соответствующія событія или вліянія—какъ уши и въ ночной тишинѣ воспринимаютъ шумы, какъ кожные нервы въ каждый данный моментъ готовы передать мозгу прикосновеніе и измѣненіе температуры, какъ пищеварительные органы всегда готовы приступить къ переработкѣ полученныхъ ими питательныхъ веществъ. Эти прочныя, живучія, основныя черты общества мы называемъ *нравами* и *обычаями*; и они измѣняются съ теченіемъ времени, но они долго-

вѣчный отдѣльнаго человѣка; въ нихъ торжествуетъ безсмертный, живой общественный организмъ надъ смертнымъ индивидуумомъ.

Нравы и обычаи составляютъ, такъ сказать, скелетъ общества; еще удачнѣе можно ихъ сравнить съ твердой скорлупой, облегающей тѣло рака и другихъ ракообразныхъ, служа защитой и вмѣстѣ поддержкой мягкимъ частямъ. По мѣрѣ того, какъ тѣло растетъ или стремится принять иной внѣшній видъ, твердая скорлупа становится препятствіемъ къ развитію, и все сильнѣе испытывается чувство бо-лѣзненнаго стѣсненія, пока, наконецъ, упрямая скорлупа не допнетъ подъ натискомъ; но тотчасъ же образуется другая скорлупа, лучше приспособленная. Главная причина застоя дикихъ народовъ — въ томъ, что скорлупа стѣсняетъ ихъ развитіе, а они не умѣютъ разбить ее. Магдональдъ очень мѣтко говоритъ: «Кафръ цѣпляется за старые обычаи, хотя они гнетутъ его хуже цѣпей». И обратно: исторія культурныхъ народовъ большею частью не что иное, какъ исторія борьбы между окаменѣвшими основными чертами народнаго тѣла и носителями умственного прогресса, ищущими создать новыя формы жизни, — то-есть, въ сущности, исторія великой борьбы между сохраняющими силами, составляющей отличительную черту всякой живой и способной къ росту культуры.

Эти то сохраняющія силы и воплощаются въ обычаяхъ; здѣсь онѣ находятъ свое прекраснѣйшее и плодотворнѣйшее выраженіе. Все, что въ старомъ, давно привычномъ для насъ, есть милого, успокоительнаго, почтеннаго, святаго, — все это хранится въ нравахъ и обычаяхъ; внимая въ сущность древнихъ, понемногу исчезающихъ обычаевъ, мы живѣе и глубже чувствуемъ утрату скромнаго счастья и тихаго довольства, которую влечетъ за собой прогрессъ культуры, но эта милая картина омрачается мыслью о кровавыхъ жертвахъ, принесенныхъ ради освобожденія отъ застывшихъ, омертвѣлыхъ обычаевъ, формъ и догматовъ, о мученикахъ прогресса, заплатившихъ жизнью за попытку освободить свой народъ изъ устарѣвшихъ цѣпей, сковывающихъ умственное и нравственное развитіе. Борьба отдѣльной личности съ укоренившимся издревле обычаемъ есть въ сущности борьба карлика съ великаномъ: хрупкій, переходящій индивидуумъ борется съ огромнымъ долговѣчнымъ организмомъ, которому самъ онъ обязанъ своимъ бытіемъ и силой, и много должно пасть бойцовъ, прежде чѣмъ одержана будетъ побѣда.

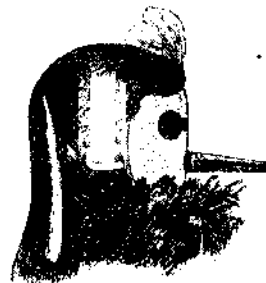
Не всегда, конечно, обязательна борьба; чаще удается обмануть могучій, но слѣпой и тяжелый на подъемъ народъ и, оставивъ ему привычныя и милыя внѣшнія формы быта, заполнить ихъ новымъ содержаніемъ или же подмѣнить усвоенный обычай похожими, но по существу отличными отъ прежнихъ. Такого рода культурный прогрессъ нерѣдко наблюдается въ исторіи.

Борьба противъ привычнаго порядка, ставшаго бесполезнымъ и

вреднымъ, была бы легче, если бы этотъ порядокъ не представлялся такъ часто въ ореолѣ святости и неприкосновенности, запугивающимъ смѣльчаковъ и навлекающимъ на нихъ гнѣвъ народа, который чувствуетъ лично себя оскорбленнымъ въ лицѣ своихъ боговъ и духовъ предковъ. Прочно выработанная форма бытія, — эта безсмертная сторона брэнной человѣческой жизни, кажется человечеству чѣмъ-то божественнымъ. Кто оскорбляетъ нравы и обычаи, тотъ оскорбляетъ святыню, чтимую всеми въ различныхъ видахъ, навлекаетъ на себя гнѣвъ и ненависть современниковъ. Такое противодѣйствіе новшествами, черпающее свою силу въ мистическихъ воззрѣніяхъ, можетъ дойти до терроризма, какъ намъ показали это тайные союзы со своими маскарадными переодѣваніями.

Итакъ, нравы — это реакція общества на внѣшнія вліянія, или внутреннія событія, или, если хотите, готовые схемы, которыми при случаѣ, не задумываясь, пользуется отдѣльная личность или общество. Они относятся къ области упроченныхъ умственно-культурныхъ завоеваній, но въ то же время такъ тѣсно связаны съ самой сущностью общественныхъ формъ, что ихъ лучше всего разсматривать въ связи съ этими послѣдними. Даже общественныя формы сами по себѣ можно не безъ основанія разсматривать, какъ особое подраздѣленіе обширной области нравовъ и обычаевъ. Сюда же собственно относится большая часть религій, искусство и т. д., да и всякая человѣческая дѣятельность выливается въ извѣстныя формы, которыя суть не что иное, какъ обычаи, и подобно имъ упрочиваются или измѣняются. Лучше однакожь ограничить эту область и относить сюда лишь группы обычаевъ, соответствующія постоянно повторяющимся событіямъ и конфликтамъ человѣческаго бытія и при каждомъ такомъ событіи выдвигаемыя, какъ неизбѣжныя формулы. И то ихъ остается такое множество, и такъ они сбиваютъ наблюдателя своимъ однообразіемъ, что тутъ возможенъ лишь общій обзоръ главныхъ формъ.

Исслѣдованіе причинъ, породившихъ тѣ или другіе обычаи, весьма затруднительно, такъ какъ у большинства народовъ сохранилось очень много обычаевъ, давно утратившихъ смыслъ, и теперь, вмѣсто забытыхъ, придумываются новыя вздорныя объясненія. Но черезъ всю исторію человѣческихъ нравовъ и обычаевъ проходитъ важная черта, на которую указываетъ уже производство слова «нравственный» отъ слова «нравъ». Всѣ нравы въ своихъ причинахъ и воздѣйствіяхъ имѣютъ въ виду не интересы переходящей отдѣльной личности, но нѣчто

Маска Цуап. (Сѣверн. Америка).

высшее—благо цѣлаго; слѣдовательно они составляютъ часть нравственной доктрины каждаго народа и, какъ всякая нравственность, расширяютъ кругъ своего дѣйствія вмѣстѣ съ успѣхами культуры. Они возникаютъ первоначально въ узкомъ кругу первобытной общины, которая, въ то же время, по отношенію къ внѣшнему міру находится на военномъ положеніи, не подчиняющемся никакимъ уставамъ; какъ только военныя дѣйствія переходятъ хотя бы во временное мирное общеніе, или же экономическія причины вызываютъ дробленіе орды на части, не вызывая однако полнаго отчужденія между этими частями, тотчасъ же въ основу новыхъ отношеній кладутся уже установившіеся обычаи, придающіе имъ устойчивость и прочность. Обычаи являются какъ-бы общей питательной средой, изъ которой затѣмъ вырастаютъ государственный правовой порядокъ, нравственные законы и религіи.

Выше мы сравнивали нравы и обычаи съ твердой скорлупой, поддерживающей и защищающей подвижное общественное тѣло, какъ панцырь мягкое тѣло рака. Подобный панцырь не только можетъ быть крѣпче или слабѣе въ зависимости отъ питанія и вообще отъ образа жизни животнаго; онъ можетъ быть еще простымъ и отвѣчающимъ непосредственной цѣли, или же причудливо и странно выдѣланнымъ и изукрашеннымъ. Точно также и обычай имѣетъ склонность при благоприятныхъ обстоятельствахъ пышно разрастаться и выгонять уже совсѣмъ ненужные и странные побѣги, въ особенности въ общинахъ, живущихъ обособленной жизнью въ глухихъ и тѣсныхъ углахъ. И, напротивъ, подъ вліяніемъ дѣятельной, сознательной жизни, обычай упрощаются. Какъ только сила, употребляемая для поддержанія угнетающихъ формъ этикета, находитъ себѣ лучшее примѣненіе, эти раздутыя ничтожества сами собой рассыпаются въ прахъ, и остаются лишь краткія формулы, дѣйствительно облегчающія общеніе между людьми. Поэтому широкій и пышный расцвѣтъ обычаевъ мы находимъ не у прогрессирующихъ культурныхъ народовъ, но у дикихъ или же у бывшихъ носителей культуры, которые затѣмъ вступили въ періодъ застоя и, не зная, куда дѣвать избытокъ своей энергіи, изощряются въ изобрѣтеніи все новыхъ и новыхъ формъ, какъ, напримеръ, китайцы.

При раздѣленіи обычаевъ на группы безусловно необходимо и, для упрощенія общаго обзора, рекомендуется постепенно переходить отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Поэтому мы начнемъ съ обычаевъ, соответствующихъ фактамъ обыденной жизни, то есть, прежде всего, съ привѣтствій при встрѣчѣ, порядка ѣды и питья и т. под. Затѣмъ слѣдуетъ важная группа обычаевъ, относящихся къ болѣе рѣдкимъ, но все же постоянно повторяющимся въ жизни событіямъ—какъ напримеръ, рожденіе, совершеннолѣтіе, сватовство, свадьба, смерть и погребеніе—и носящихъ по большей части торжественный характеръ; къ нимъ естественно примыкаютъ другіе обычаи и торжества, относя-

щіеся болѣе къ жизни природы и экономической жизни, какъ, напримеръ, къ повороту зимы на весну, времени сѣва и жатвы, къ рыбной ловлѣ, охотѣ и разведенію скота. И, наконецъ, идутъ обычаи «международнаго общенія», если только можно употребить здѣсь этотъ высокопарный терминъ,—предписанія относительно приѣма пословъ, торговыхъ сношеній, объявленія войны, заключенія мира и т. д., и т. д. Уже этотъ краткій обзоръ показываетъ, что многіе изъ этихъ обычаевъ удобнѣе разсматривать въ связи съ фактами иного порядка, такъ что здѣсь мы ограничимся краткими указаніями.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе формы привѣтствія и,

Форма привѣтствія у японцевъ.

вообще, учтивости, какъ въ будничномъ обиходѣ, такъ и въ общеніи съ высшими. Онѣ подраздѣляются на привѣтственные жесты и позы (см. рис.) и на привѣтственные слова, причемъ, конечно, слѣдуетъ замѣтить, что нерѣдко обѣ формы привѣтствія употребляются одновременно. Есть простыя коротенькія привѣтствія, есть утомительныя и длинныя, составленныя изъ многихъ отдѣльныхъ дѣйствій и формулъ, такъ что чрезмѣрные и бесполезныя нагроможденія обычаевъ лучше всего можно изучить на привѣтствіяхъ. Какая разница между простымъ поклономъ или снятіемъ шляпы европейца и его коротенькимъ «здравствуйте!» и безконечными привѣтственными церемоніями у недовѣрчивыхъ тубу, какія описываетъ Нахтигаль! Лучшимъ доказательствомъ невозможности такъ подробно описывать сложные, запутанные обычаи дикихъ народовъ можетъ служить его описаніе. — Въ кара-

ванъ Нахтигала былъ человекъ изъ племени тубу, по имени Колокеми; къ нему подошелъ другой тубу, и вотъ Нахтигаль описываетъ, какъ поздоровались эти два человека, не особенно близко знающіе другъ друга.

«Такъ какъ онъ (чужой) пришелъ одинъ, Колокеми, успокоенный, сдѣлалъ необходимый для встрѣчи туалетъ, то есть закуталъ свою голову тюрбаномъ, такъ чтобы отъ лица его остались видны только глаза, затѣмъ взялъ копье и дротикъ и пошелъ навстрѣчу чужому. Тотъ, ведя за собой своего верблюда на длинномъ недоузкѣ, точно также натянулъ на носъ свой *митхамъ* (покрывало, закрывающее лицо); на разстояніи шести шаговъ одинъ отъ другого они присѣли на корточки, каждый опираясь одной рукой на воткнутое въ землю копье, а другой держа дротикъ, и приступили къ важному акту многорѣчиваго словеснаго привѣтствія. Колокеми началъ вопросами о здоровьи чужого, выразившимися въ словахъ: «*лахаимен-нахо*», «*лахадинчеда*», «*лахаиникунни*» и «*киллахани*»; а чужой отвѣчалъ на это: «*лаха*» или «*кильха*». Послѣ дюжины такихъ вопросовъ и отвѣтовъ, Колокеми зычнымъ голосомъ крикнулъ: «*Ихилла!*» чужой отвѣтилъ тѣмъ же словомъ, и опять съ дюжину разъ они повторяли, чередуясь, это привѣтствіе, приводя васъ въ отчаяніе продолжительностью этой церемоніи. Изъ громкаго мощнаго крика, это «*ихилла*», постепенно понижаясь, перешло въ глухое, невнятное бормотанье, но все это продолжалось такъ серьезно и съ такимъ достоинствомъ, что непосвященный, конечно, предполагалъ бы тутъ болѣе важную церемонію, чѣмъ простое привѣтствіе. Когда голосъ одного изъ участниковъ ея доходилъ до шепота, другой снова выпускалъ высокое, звонкое «*лаха*», и опять начиналось то же. При этомъ оба тубу, повидимому, нисколько не интересовались другъ другомъ и рѣдко даже взглядывали одинъ на другого, напротивъ, то устремляли взоръ вдаль, то смотрѣли сосредоточенно въ землю. Черезъ нѣкоторое время къ этимъ возгласамъ присоединились многочисленные вариации вопроса: «какъ поживаешь» и отвѣтовъ: «хорошо», или: «съ миромъ». И только въ концѣ привѣтственной церемоніи появились и другіе вопросы — о томъ, откуда и куда идутъ оба, о мѣстныхъ событіяхъ, о положеніи и состояніи ближайшихъ источниковъ. Правда, и потомъ тубу время отъ времени возвращались къ повторенію возгласа «*ихилла*», но такіе промежутки становились все короче, пока, наконецъ, привѣтственные формулы совсѣмъ не прекратились и не перешли въ простой разговоръ».

Къ счастью подобная чудовищно длительная привѣтствія составляютъ исключеніе; но недоумѣніе, обуславливающее собой эту утомительную церемонію, является типичной особенностью привѣтствія вообще у дикихъ народовъ и проявляется не только по отношенію къ чужимъ, но и къ друзьямъ, долгое время бывшимъ въ отсут-

ствіи. Въ послѣднемъ случаѣ оно обуславливается страхомъ привидѣній: какъ легко можетъ злой духъ принять образъ отсутствующаго друга, или самъ этотъ другъ погибнуть и затѣмъ явиться въ видѣ призрака! Для предотвращения опасности обычай повелѣваетъ вновь прибывшему присѣсть въ отдаленіи и нѣкоторое время оставаться безмолвнымъ; лишь постепенно онъ можетъ приблизиться и завязать разговоръ. У дикихъ племенъ Бразиліи гости съ крикомъ и браніемъ оружія врываются въ деревню хозяевъ, которые, въ свою очередь, съ шумомъ и звономъ выдвигаются имъ навстрѣчу, пока наконецъ не убѣдятся, что передъ ними не враждебные духи, пытающіеся проникнуть въ ихъ жилища, но живые люди, приходшіе навѣстить ихъ. Многіе, теперь уже непонятные привѣтственные жесты и формулы могутъ быть объяснены именно этимъ: такъ, напримѣръ, обычай племени Сиуэсъ (Ледереръ) каждый гостя, будь то другъ или врагъ, прежде всего заковызывать въ цѣпи; наоборотъ, другіе обычаи, казалось бы, допускающіе подобное же толкованіе, на самомъ дѣлѣ являются скорѣе остаткомъ первобытнаго взгляда на чужого человека, что онъ свободенъ какъ птица, и что его самое лучшее убить. Сюда относятся замѣчательные «привѣтственные поединки» эскимосовъ, о которыхъ рассказываетъ Боасъ.

«Когда въ деревню приходятъ незнакомцы, чужаки, въ честь его устраиваютъ праздникъ. Жители деревни становятся въ рядъ, а одинъ изъ нихъ впереди, передъ фронтомъ. Чужой медленно подходитъ къ нему со сложенными на крестъ руками и наклоненной къ правому плечу головой. Мѣстный житель изо всей силы ударяетъ его по щекѣ и затѣмъ въ свою очередь наклоняетъ голову, чтобы принять ударъ чужого. Въ это время другіе играютъ въ мячъ и поютъ. Такъ продолжается, пока одинъ изъ бойцовъ не обезсилѣетъ... Такіе поединки иногда бываютъ опасны, такъ какъ побѣдитель имѣетъ право умертвить побѣжденнаго, но обыкновенно они кончаются мирно».

Тэйлоръ и Лингъ Ротъ уже пытались ввести классификацію привѣтственныхъ жестовъ, но она еще нуждается въ дополненіи. Въ сущности, это своего рода языкъ жестовъ, долженствующій наглядно и ярко выражать извѣстныя ощущенія и въ большинствѣ случаевъ подкрѣпляемый устной рѣчью. Въ первую группу могутъ быть отнесены привѣтствія, выражающія симпатію и дружественное единеніе; наиболее извѣстный и распространенный жестъ при этомъ — болѣе или менѣе сильное и продолжительное пожатіе. Въ западной Африкѣ къ пожатію руки присоединяется еще многократное щелканіе пальцами. Символомъ болѣе дѣльной дружбы служатъ объятіе, въ центральной Азіи и въ Австраліи являющееся излюбленной формой привѣтствія. Поцѣлуй, принятый главнымъ образомъ въ европейскихъ культурныхъ кругахъ, выражаетъ даже чисто физическое

удовольствие отъ встречи и находить себѣ аналогію въ треніи носомъ объ носъ у обитателей океаническихъ острововъ; это треніе носами по всей вѣроятности, не что иное, какъ взаимное обнюхиваніе, точно также какъ поцѣлуй—облизываніе въ облагороженной формѣ. На островахъ Фиджи, по словамъ Сентъ-Джонсона, берутъ руку того, съ кѣмъ здороваются и обнюхиваютъ ее. Другой видъ нѣжнаго прикосновенія представляетъ собой поглаживаніе друга, принятое у племени айно наряду съ другими формами привѣтствія. При болѣе далекихъ отношеніяхъ объятія и поцѣлуй замѣняются дружественными кивками, хлопаніемъ въ ладоши и т. п. Мы не рекомендуемъ однако, по примѣру Гаррика Маллера, разбивать всѣ виды привѣтствій на двѣ большія группы,—съ тѣлеснымъ прикосновеніемъ и безъ него.

Тамъ, гдѣ общество распадается на различныя общественныя слои, тамъ уже чисто дружескія привѣтствія оказываются недостаточными: низшій, здороваясь съ высшимъ, желаетъ выразить въ своемъ привѣтѣ уже не дружбу или доброжелательство, а смиреніе, преданность и почтеніе. Простѣйшая и наиболѣе общепринятая форма такого привѣтствія есть умаленіе собственной фигуры; для этого нагибаются, становятся на колѣни, присѣдаютъ или падаютъ ницъ. Весьма употребительны также символическіе жесты, выражающіе беззащитность, бѣдность, слабость и ничтожность. Беззащитнымъ выказываетъ себя житель Востока, сиречьная руки на груди или подымая ихъ кверху, ладонями наружу; униженнымъ и смиреннымъ — накрѣвъ, посылая шелью голову или натирая грязью тѣло. Въ виду того, что роскошь и обиліе одеждъ обозначаютъ знатность, частичная же нагота — бѣдность и низкое происхожденіе, привѣтствія нерѣдко сопровождаются обнаженіемъ нѣкоторыхъ частей тѣла: европейцы обнажаютъ голову, западно-африканскій негръ плечи или всю верхнюю часть туловища; восточный человѣкъ снимаетъ обувь. Порою такой взглядъ сталкивается съ требованіями приличія, предписывающими какъ разъ обратное, и тогда привѣтственному обряду сопутствуетъ именно закрываніе головы, какъ у тубу. Это уже переходъ къ другому рода формамъ привѣтствія; здѣсь привѣтствуемый представляется какимъ-то священнымъ и недоступнымъ существомъ, для котораго даже взглядъ оскорбленіе. Есть, напримѣръ, обычай, при встрѣчѣ съ высшими, сходить съ дороги и закрывать лицо или отворачивать его, пригибая при этомъ тѣло къ землѣ или даже поворачиваясь спиной къ привѣтствуемому. (См. рис. стр. 263).

Наконѣцъ привѣтствіемъ можно выразить готовность и обязательство платить дань, протягивая привѣтствуемому настоящіе или символическіе дары. Въ древней Персіи привѣтствующій царя всегда обязанъ былъ поднести ему что-нибудь въ даръ; Геродотъ рассказываетъ о крестьянинѣ, который, неожиданно встрѣтивъ царя и не имѣя что подарить ему, поднесъ ему пригоршню воды.

Третья группа привѣтствій относится уже къ области мистики: цѣль ея—отгонять злыхъ духовъ, которые могутъ своимъ дурнымъ вліяніемъ отравить радость встрѣчи. Сюда относятся обычай отплеивать или натирать тѣло слюной, которой, въ силу особой ассоціаціи идей, приписываютъ цѣлебное дѣйствіе. Существуетъ также обычай плакать и стонать при радостныхъ встрѣчахъ, но дѣлается ли это для умиротворенія враждебныхъ духовъ, или же имѣетъ чисто физиологическую причину, остается невыясненнымъ; обычай этотъ встрѣчается на Андаманскихъ островахъ, въ Австраліи, Новой Зеландіи и на другихъ островахъ Тихаго океана.

Привѣтственнымъ жестамъ соответствуютъ привѣтственные слова.

Привѣтствіе женщинъ племени фульба, въ Суданѣ.

Они также выражаютъ дружбу, почтеніе или преданность, но чаще всего идутъ параллельно вышеупомянутой третьей группѣ жестовъ и состоятъ изъ добрыхъ пожеланій, на которыя отвѣчаютъ тѣмъ же. Такими, напримѣръ, прощальными привѣтствіями. Благодаря болѣе выразительности устной рѣчи, въ привѣтственныхъ формахъ мы находимъ уже болѣе точно выраженные мысли и чаще всего вопросы о здоровьѣ и самочувствіи вопрошаемаго, который отвѣчаетъ и съ своей стороны задаетъ подобные же вопросы. На привѣтственныхъ жестахъ и рѣчахъ въ особенности легко наблюдать характерную черту всѣхъ формъ и правилъ житейскаго обихода тѣсно связанную съ жизнью и смертью этихъ общественныхъ органовъ, а именно: склонность людей сокращать формы и замѣнять дѣйствія простыми символами, смыслъ которыхъ потомъ часто забывается. Какъ пер-

воначальная немецкая формула: «Ich wünsche dir einen guten Morgen (желаю тебе добраго утра) въ устахъ многихъ превращается въ совершенно бессмысленное «Morgen» (утро), такъ и прежнее посыпаніе головы пылью въ знакъ смиренія замѣняется простымъ поклономъ съ прикосновеніемъ рукой къ землѣ и т. д. Такія сокращенія, конечно, исходятъ свыше, и, когда нѣшіе слои общества начинаютъ перенимать ихъ, это уже признакъ стремленія вверхъ, т. е. важнаго культурнаго движенія.

Отъ прѣвѣтственныхъ формулъ мы легко переходимъ къ благодарственнымъ, такъ какъ тѣ и другія очень сходны, многія прѣвѣтствія заключаютъ въ себѣ только благодарность за полученное доброе пожеланіе. Благодарственные жесты и слова относятся по большей части ко второй и третьей группамъ прѣвѣтствій, выражающихъ преданность и добрыя пожеланія. Этого краткаго опредѣленія было бы достаточно для характеристики ихъ, если бы здѣсь не представлялось прекраснаго случая замѣтить, что благодарность, какъ ясно выраженная форма общенія между людьми, отнюдь не составляетъ общаго достоянія человѣчества, хотя, можетъ быть, и нѣтъ такого уголка на землѣ, гдѣ было бы совершенно неизвѣстно чувство благодарности. Лумгольцъ утверждаетъ, что австралийцы Квинсленда никогда не благодарятъ за оказанную имъ услугу, а у гяляковъ Амурской области Шренкъ не нашелъ не только благодарственныхъ формулъ, но даже слова, которое выражало бы понятіе благодарности. Такихъ примѣровъ можно бы привести множество, но они перестаютъ удивлять, если вспомнить условія жизни племенъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Въ первобытномъ обществѣ, гдѣ все почти составляетъ общее владѣніе, и право всегда взять свою долю изъ добычи другого подразумѣвается само собой, благодарность должна казаться излишней и бессмысленной. Если какая-либо частица скуднаго запаса частной собственности переходитъ къ другому владѣльцу, это значитъ—ее или вымѣняли, или подарили, изъ желаній пустить пыль въ глаза; въ такихъ случаяхъ никакихъ выраженій благодарности не требуется; если же эта благодарность и чувствуется, то проявляется она больше въ общемъ отношеніи къ человѣку, чѣмъ въ опредѣленныхъ жестахъ и формулахъ. И у культурныхъ народовъ въ низшихъ классахъ, наряду съ большой взаимной готовностью услужить и помочь и склонностью къ самопожертвованію, весьма мало приняты формальныя выраженія благодарности. Наоборотъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ у менѣ развитыхъ народовъ, какъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ западно-африканскихъ племенъ, благодарственные формулы очень приняты и даже въ чрезмѣрномъ количествѣ. Даяковъ Лоу также восхваляетъ за сильно развитое въ нихъ чувство благодарности.

Среди обычаевъ житейскаго обихода важное мѣсто занимаютъ еще

правила ѣды и питья. Эти правила вытекаютъ главнымъ образомъ изъ двухъ источниковъ—изъ соціальныхъ условій и изъ страха околдованія или отравленія. Рѣзкое разграниченіе между мужчинами и женщинами, всего ярче выразившееся въ устройствѣ мужскихъ домовъ, требуетъ также, чтобы мужчины ѣли не вмѣстѣ съ женщинами, а отдѣльно или, по крайней мѣрѣ, первые, а затѣмъ уже отдавали остатки женщинамъ и дѣтямъ. Съ другой стороны, страхъ волшебства заставляетъ знатныхъ особъ, напримѣръ въ Африкѣ, ѣсть въ одиночествѣ или же закрывать лицо во время питья; отсюда же вытекаетъ и обычай отпѣивать напитки, до сихъ поръ уплѣвшій въ Европѣ въ смягченной и видоизмѣненной формѣ «здравіцъ».

Весьма распространенъ обычай жертвовать богамъ или духамъ частицу своей трапезы, лучшіе куски совать въ ротъ почетнымъ гостямъ и жестаи или разными дикими звуками извѣщать свою благодарность послѣ ѣды. Изъ первобытныхъ народовъ лишь у очень немногихъ существуютъ опредѣленные часы для ѣды, такъ какъ они ѣдятъ только тогда, когда имъ удастся что-нибудь раздобыть; а вообще въ ѣдѣ соблюдается естественный порядокъ: легкій завтракъ утромъ, затѣмъ ѣдятъ въ серединѣ дня, и въ третій разъ вечеромъ; случается, что въ серединѣ два и не ѣдятъ, а только утромъ и вечеромъ. Нѣтъ числа обычаямъ, правиламъ и запрещеніямъ на всевозможныя мелкія подробности житейскаго обихода; это цѣлая народная философія, весьма своеобразная, составляющая какъ-бы преддверіе къ наукѣ, изслѣдующая причины вещей и пытающаяся изъ познанія ихъ выводить законы.

Первобытный человѣкъ какъ будто чувствуетъ себя окруженнымъ безчисленными смутными опасностями; онъ не смѣетъ итти прямо впередъ, онъ идетъ ощупью шагъ за шагомъ, пугливо вглядываясь во все примѣты, сулящія ему удачу или неудачу, отпѣвая у себя въ памяти все дѣйствительное или кажущееся, что даетъ ему по этой части опытъ, пока не накопится такая гора правилъ и опасеній, что онъ буквально задыхается подъ ними. Въ положеніяхъ исключительныхъ и опасныхъ число такихъ предписаній на всевозможные случаи жизни разрастается до чудовищныхъ размѣровъ; воинамъ, больнымъ, беременнымъ женщинамъ приходится мучительно слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, чтобы какъ-нибудь не нарушить обычая и тѣмъ не навлечь на себя всевозможныхъ золъ. Борьба индивидуума за освобожденіе отъ стѣснительныхъ путъ, налагаемыхъ на него обще-

Горшокъ для варки нищи у бали. (Камерукъ).

ствомъ, въ значительной степени направлена противъ этого запутаннаго кодекса неизбежныхъ, но утратившихъ смыслъ и значеніе правилъ. А какъ живучи эти правила, видно изъ того, что они уцѣлѣли у культурныхъ народовъ и что имъ и теперь добросовѣстно слѣдуютъ; напомнимъ хотя бы о суевѣріяхъ, связанныхъ съ различными фазами прибыванія и убыли луны, объ испугахъ беременныхъ, о рождественскихъ и пасхальныхъ обрядахъ, обо всей этой «теремной философіи», (Rocckenstubephilosophie) какъ она удачно названа.

Вмѣстѣ со значеніемъ событій растутъ и формы: обычай, относящійся къ важнымъ событіямъ жизни — рожденію, достиженію совершеннолѣтія, вступленію въ бракъ и смерти — легко разрастается въ пышные празднества, изъ которыхъ каждое въ свою очередь распадается на отдѣльныя части съ цѣлымъ рядомъ установленныхъ для нихъ правилъ. Погребальные обряды, выросшіе изъ обычая, первоначально вполнѣ отвѣчавшихъ своей цѣли, также легко принимаютъ праздничный характеръ, превращаясь въ тризны на могилѣ умершаго, пляски скорби и раздачу подарковъ. Шумная музыка (см. рис. стр. 267) и танцы составляютъ почти неотъемлемую принадлежность такихъ торжествъ. Подобное празднество является какъ-бы широкимъ и урегулированнымъ массовымъ выраженіемъ извѣстнаго чувства, и форма этого выраженія вполнѣ соответствуетъ неровной, постоянно колеблющейся между тупостью и раздраженіемъ, душевной жизни низшихъ расъ. Вслѣдствіе этой основной черты многія празднества дикихъ носятъ антикультурный, разрушительный характеръ, въ особенности же похоронныя тризны, на которыхъ такъ легко просыпается дремлющая въ каждомъ человѣкѣ потребность разрушать, чтобы забыться, чтобы заглушить боль.

Ложка съ
резной де-
ревянной
ручкой изъ
Валумбо.
(Вост. Афр.).

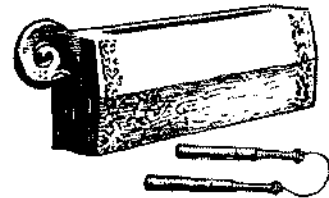
Обычай и предписанія, группирующіеся вокругъ рожденія ребенка, чрезвычайно разнообразны и начинаются по большей части уже съ началомъ беременности. Все они имѣютъ въ виду главнымъ образомъ благо ребенка и представляютъ собой нѣчто въ родѣ первобытной гигиены, по большей части переходящей отъ ложныхъ посылокъ къ ложнымъ заключеніямъ; мы, конечно, оставляемъ въ сторонѣ тѣ, отнюдь не рѣдкіе случаи, когда потомство является не желательнымъ. Обычай велитъ матери воздерживаться отъ извѣстныхъ кушаній, хотя съ другой стороны требуетъ удовлетворенія всѣхъ ея, нерѣдко стравныхъ прихотей по части ѣды; онъ велитъ также исполнять разныя мистическія предписанія, вліяющія на полъ ребенка или же заранѣе обезпечивающія благополучное теченіе родовъ. Нерѣдко и отцу приходится подчиняться установленнымъ правиламъ.

Къ этой группѣ гигиеническихъ предписаній весьма близко под-

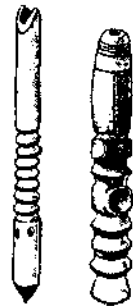
ходить другая, берущая свое начало несомнѣнно въ страхѣ передъ покойниками. Въ моментъ рожденія, жизни матери и ребенка несомнѣнно угрожаетъ опасность, такъ что положеніе ихъ можно приравнять къ положенію тяжело-больнаго. И какъ тяжело-больныхъ выносятъ изъ жилищъ для того, чтобы духъ ихъ послѣ смерти не поселился въ домѣ и не отравлялъ жизни оставшимся, такъ нерѣдко и роженницу стараются увести подальше отъ дому. «Вслѣдствіе суевѣрій», пишетъ Шренкъ, «связывающихся у гилляковъ, какъ и у другихъ народовъ, главнымъ образомъ съ жизнью и смертью человѣка, женщину у нихъ безжалостно выгоняютъ изъ дому въ дождь и вѣтеръ, несмотря ни на какую погоду, какъ разъ въ то время, когда она наиболее нуждается въ уходѣ и заботѣ, т. е. во время родовъ и въ послѣродовой періодъ». Этому безобразному обычаю Шренкъ отчасти приписываетъ, и справедливо, медленное размноженіе гилляковъ. Менѣе опаснымъ по своимъ послѣдствіямъ является онъ у многочисленныхъ народовъ умѣреннаго и тропическаго поясовъ, гдѣ роженницу также уводятъ подальше отъ жилья въ лѣсъ или на морской берегъ.

Родственны этимъ предписаніямъ и въ своемъ воздѣйствіи сходны съ ними другія, исходящія изъ того предположенія, что мать и ребенокъ въ первое время послѣ родовъ нечисты. Этимъ, конечно, объясняется и обычай древнихъ индусовъ устраивать особые родильные дома вдали отъ жилья. Такія особые помѣщенія для роженницъ встрѣчаются у дикихъ народовъ всѣхъ странъ земнаго шара; соответственно этому существуетъ множество обрядовъ, черезъ которые должны пройти мать и ребенокъ, для того, чтобы

вновь получить право на общеніе съ земляками. Изъ этихъ очистительныхъ обрядовъ, въ сущности лишь символически знаменующихъ собою очищеніе тѣла, важнѣйшимъ и самымъ главнымъ является крещеніе новорожденнаго младенца, такъ какъ оно принято у культурныхъ народовъ, знаменуетъ собою вступленіе въ христіанскую общину и соединяется съ нареченіемъ имени. Тѣмъ не менѣе крещеніе въ смыслѣ погруженія въ воду очень распространено и у не христіанскихъ народовъ. Точно также и другіе обряды, первоначально преслѣдующіе чисто гигиеническія цѣли, могутъ получать мистическое значеніе, какъ это доказалъ Плоссъ относительно цѣлаго ряда обычая. Таковы, на примѣръ, натираніе младенца масломъ

Деревянный барабанъ изъ Саравака. (Сѣв. Борнео).

Деревянные свирели Ленду. (Центр. Афр.).

и жиромъ, входящее въ составъ крестильнаго обряда у христіанскихъ сектъ Востока, очищеніе тѣла младенца при помощи соли, окуриваніе табакомъ, принятое какъ всеисцѣляющее средство у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и, наконецъ, помазываніе слюной. Плюссъ изслѣдовалъ и другіе обычай, относящіеся къ рожденію, доискиваясь первоначальной ихъ цѣли. Побудительными причинами, вызвавшими эти обычай, онъ считаетъ радость по поводу рожденія новаго отпрыска племени, торжественное признаніе новорожденнаго членомъ семьи и привлеченіе добрыхъ духовъ, своею силою охраняющихъ младенца отъ всякихъ злополучій и способствующихъ его счастью въ будущемъ. Это основной взглядъ; изъ него могутъ развиваться болѣе или менѣе обширныя группы обычаевъ, смотря по тому, насколько важное значеніе придаетъ народъ своему размноженію, и какое положеніе занимаютъ родители новорожденнаго. Но сдѣлаться членомъ общины не такъ то просто, и къ естественнымъ опасностямъ, угрожающимъ жизни ребенка, присоединяются еще социальныя: такъ на примѣръ, къ близнецамъ относятся съ недовѣріемъ и, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ устраниаютъ; если у ребенка неправильно рѣжутся зубы, онъ тоже считается подозрительнымъ и его убиваютъ: та же участь грозитъ всѣмъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, альбиносамъ и метисамъ.

Быть можетъ и въ высшей степени странный обычай кувады, требующій, чтобы мужъ лежалъ въ постели во время родовъ своей жены, обычай, представляющійся смѣшной и необъяснимой загадкой, на самомъ дѣлѣ есть только причудливый отпрыскъ повсемѣстно распространеннаго взгляда. Только этимъ и можно объяснить, что обычай этотъ, хоть и не во всей своей полнотѣ, встрѣчается во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Даже въ Европѣ у басковъ, тотчасъ послѣ рожденія младенца, мужъ ложится въ постель и принимаетъ поздравленія; а жена въ это время встаетъ какъ ни въ чемъ не бывало и возвращается къ своимъ домашнимъ обязанностямъ.

Этому странному явленію придумывали многое множество объясненій, пытались даже и отрицать самый фактъ.

Именно кувада чудесное доказательство тому, что къ подобнымъ вопросамъ нельзя подходить съ однимъ единственнымъ объясненіемъ которое должно охватывать всѣ имѣющіеся факты. Одного такого объясненія недостаточно. Всегда нужно отличать первопричину отъ второстепенныхъ побудительныхъ причинъ, иногда совершенно вытѣсняющихъ главную и въ свою очередь отдѣлять эти второстепенныя причины отъ позднѣйшихъ, часто нелѣпыхъ объясненій, ставшаго непонятнымъ обычая. Первоначальную причину лежанія въ постели мужа во время родового и послѣродового періодовъ, конечно, слѣдуетъ искать въ возрѣніи, что обоимъ родителямъ во время ожиданія младенца слѣдуетъ беречься, соблюдать извѣстныя правила дѣты

и т. п.; само собой, этотъ обычай имѣлъ главнымъ образомъ въ виду мать, но такъ какъ родильница считается въ то же время нечистой и должна быть изгнана изъ жилья, причемъ ей уже неудобно выполнять всѣ предписанія, то, связавъ вмѣстѣ обѣ эти идеи, мы увидимъ, какимъ путемъ можно было дойти до предписанія одному отцу принимать извѣстныя предосторожности, лежать въ постели и соблюдать дѣту. Возможно, что тутъ была и другая, второстепенная побудительная причина: предполагалось, что подмѣвъ родильницы ея мужемъ можетъ ввезти въ обманъ витающихъ около нея духовъ, невидимыхъ, но враждебныхъ.

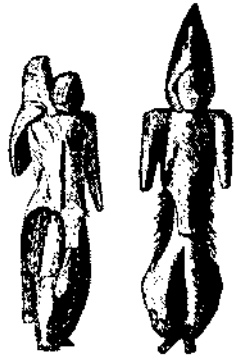
Большое социологическое значеніе, какъ уже указывалъ Бастіанъ, пріобрѣтаетъ обычай кувады въ эпоху перехода патриархата въ патриархатъ, явными словами, когда поднятъ былъ вопросъ, кому должны принадлежать дѣти—семьѣ матери или семьѣ отца. Отецъ своимъ торжественнымъ лежаніемъ въ постели какъ бы доказываетъ, что новорожденный составляетъ часть его самого и слѣдовательно принадлежитъ ему. Разъ укоренившійся обычай можетъ существовать и послѣ того, какъ забыты породившія его причины, постепенно вырождаясь въ привычки, которыми мало по малу перестаютъ дорожить.

Вскорѣ послѣ рожденія ребенку даютъ имя. У культурныхъ народовъ Европы каждый человекъ имѣетъ по крайней мѣрѣ два имени: одно родовое, отцовское, или материнское, если ребенокъ незаконный, во всякомъ случаѣ обязательное; другое же—лично ему принадлежащее, одно или нѣсколько—это имя выбираютъ родители. И у дикахъ народовъ дается иногда по нѣскольку именъ, но, въ общемъ, условія нареченія имени такъ различны, что надо присмотрѣться къ нимъ ближе.

Шагъ впередъ на пути прогресса и культуры, знаменующійся введеніемъ именъ, имѣетъ неизмѣримое значеніе: въ немъ впервые явнѣйшимъ образомъ проявилось сознаніе, что отдѣльный человекъ можетъ быть противопоставленъ цѣлому, какъ единственный въ своемъ родѣ, какъ самостоятельное и сознательное существо, словомъ, какъ индивидуумъ; постоянное же и все болѣе категорическое обособленіе индивидуума отъ народной массы мы признаемъ главной чертой всякаго культурнаго развитія. Шагъ этотъ былъ сдѣланъ давно, такъ какъ теперь уже нѣтъ народовъ, у которыхъ бы не давалось именъ отдѣльнымъ личностямъ; онъ по всей вѣроятности находится въ тѣсной связи съ первыми попытками созданія языка.

Какъ всѣ нововведенія, и это врядъ ли вошло въ жизнь безъ труда и противодѣйствія; личное имя несомнѣнно казалось вначалѣ чѣмъ то подозрительнымъ, свидѣтельствующимъ о большихъ претензіяхъ и въ то же время о мистической силѣ своего обладателя. Да и теперь многіе народы вовсе не смотрятъ на собственное имя, какъ на вполне понятный и въ сущности безразличный атрибутъ

человѣческой личности, но, какъ на частицу его существа, его жизненной силы. Узнавъ имя человѣка, приобретаешь надъ нимъ известную власть. Всего-же опаснѣе знать имена умершихъ, такъ какъ съ помощью ихъ можно вызвать покойниковъ съ того свѣта и внушать имъ желаніе отомстить тому, кто нарушилъ ихъ покой. Да и живому человѣку не годится слишкомъ часто повторять собственное имя, такъ какъ его всегда сторожатъ злыя силы или враги-колдуны, готовые воспользоваться его неосторожностью. Изъ этого міра мистическихъ воззрѣній возникаютъ и соответствующіе обычаи, хотя объ установленномъ принципѣ тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи: что одному дикому народу кажется чрезвычайно важнымъ, съ тѣмъ другой часто совсѣмъ не считается. Съ именами дѣтей дѣло обстоитъ приблизительно такъ же, какъ съ ихъ игрушками: куклы, которыми безобидно играютъ дѣти одного племени (см. рис.), другому представляется чѣмъ то опаснымъ, чего нельзя давать въ руки дѣтямъ. На такихъ фактахъ особенно ярко сказывается односторонность развитія.

Куклы эскимосовъ-акуднирмутовъ.

Самой собой у родителей является понятное желаніе дать своему ребенку красивое, приятно звучащее имя, но страхъ оскорбить боговъ или духовъ нерѣдко беретъ верхъ надъ этимъ естественнымъ желаніемъ, и дѣтямъ даютъ некрасивыя и презрительныя имена, какъ, напримѣръ, въ Сіамѣ: «собака», «свинья», «пьявка», которыя сопутствуютъ имъ, по крайней мѣрѣ, въ первые годы жизни. Подобными же соображеніями можно объяснить весьма распространенный обычай при извѣстныхъ обстоятельствахъ мѣнять имена; такъ, напримѣръ, младенцу при рожденіи даютъ одно имя, временное, а по достиженіи имъ половой зрѣлости другое. Къ унаслѣдованію отцовскаго имени также иногда встрѣчаются препятствія; правда, у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ ребенку всегда даютъ имя дѣда или недавно умершаго родственника; напротивъ, у другихъ, какъ, напримѣръ, у большинства меланезійскихъ племенъ, не только избѣгаютъ давать имена покойниковъ, въ особенности если это были вліятельные люди, но и соответствующія слова выкидываютъ вонъ изъ языка, такъ что составъ словъ этого языка постоянно мѣняется. И при жизни человѣка считается въ высшей степени неприличнымъ спросить у человѣка, какъ его зовутъ. Тамъ, гдѣ дѣтямъ все-таки даютъ имена умершихъ, какъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ, при нареченіи имени разыгрывается цѣлая комедія, съ тѣмъ чтобы напугать покойника и отбить у него охоту вредить новорожденному. У племени мака-

лака, одинъ изъ членовъ семьи, мужчина или женщина, смотря по тому, какого пола ребенокъ, разыгрываютъ духа умершаго—Моцимо. Этого Моцимо съ громкимъ крикомъ ловятъ и ведутъ въ хижину младенца, гдѣ онъ умываетъ себѣ руки, вкушаетъ немного пищи и пьетъ и принимаетъ подарки отъ пляшущихъ вокругъ него женщинъ; затѣмъ, примирившись, псевдо-духъ удаляется, и ребенокъ, уже не подвергаясь опасности, можетъ носить его имя.

Не вездѣ имена составляютъ отдѣльную группу, совершенно обособленную, не вездѣ и даются всѣ тѣ же, разъ навсегда установленныя, повторяющіяся имена; причиной тому отчасти страхъ, внушаемый именами умершихъ. Поэтому у многихъ дикихъ народовъ имена страннымъ образомъ носятъ болѣе индивидуальный и болѣе осмысленный характеръ, чѣмъ у культурныхъ, по крайней мѣрѣ съ виду, такъ какъ смыслъ отдѣльныхъ именъ по большей части не имѣетъ никакого отношенія къ ихъ обладателю, и даются они случайно, по поводу какого-нибудь часто незначительнаго событія при рожденіи; такъ, напримѣръ, у калмыковъ отецъ выходитъ изъ палатки и, смотря по тому, какой предметъ первымъ попадется ему на глаза, такъ онъ и назоветъ своего ребенка. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ являются какъ бы начатками историческаго преданія, такъ какъ въ нихъ увѣковѣчены важнѣйшіе факты жизни: голодъ, война, переселеніе и т. д. У многихъ дикихъ народовъ съ первымъ появленіемъ европейцевъ являются и соответствующія новыя имена. Обычай давать дѣтямъ имена животныхъ или растений имѣетъ въ другомъ смыслѣ большое значеніе, такъ какъ онъ тѣсно связанъ съ возникновеніемъ страха передъ умершими. Порою въ именахъ сказывается полное отсутствіе фантазіи; порою же, наоборотъ, они являются краткими, но очень мѣткими опредѣленіями народнаго идеала. Въ одномъ племени дѣтей просто считаютъ и даютъ имъ имена по порядку счета—и у древнихъ Римлянъ были имена Квинтъ, Секстъ и т. д.; въ западной Африкѣ младенцу часто даютъ имя того дня недѣли, въ который онъ родился; зато въ германскихъ именахъ отражается вся свойственная расѣ радость борьбы и побѣды, а въ женскихъ—склонность къ красивымъ рѣчамъ и веселому времяпрепровожденію.

У дикихъ народовъ ребенку почти всегда даютъ одно только имя, что вполне цѣлесообразно и, принимая новое имя, онъ отбрасываетъ старое; европейскій ребенокъ нерѣдко получаетъ нѣсколько крестныхъ именъ; это въ сущности безобразіе, хотя исторически и вполне объяснимое. Фамиліи у многихъ культурныхъ народовъ появились сравнительно недавно и запутанность ихъ показываетъ, что онѣ явились результатомъ не естественнаго развитія, но внѣшней необходимости. Въ сущности и у дикихъ народовъ каждый ребенокъ имѣетъ свою фамилію или, вѣрнѣе, родовое имя, но только это имя не принято называть вмѣстѣ съ другимъ. Здѣсь не остался безъ

влиянія переходъ отъ матриархата къ патриархату; результатомъ его явился обычай присоединять къ собственному имени отцовское, или же, какъ у семитовъ, имена всѣхъ предковъ, такъ что получается безконечная цѣль.

Съ удивительной ясностью и послѣдовательностью сумѣли римляне воплотить въ своихъ именахъ всѣ родственныя связи новорожденнаго и съ материнской, и съ отцовской стороны. Въ имени Публий Корнелій Сципионъ собственно имя—первое, второе—родовое имя и третье—отцовской семьи,—составляющее подраздѣленіе рода; могутъ быть присоединены и другія имена, указывающія на общественныя заслуги данной личности, такъ что въ концѣ концовъ имя является родовымъ спискомъ и вмѣстѣ историческимъ документомъ въ кратчайшей формѣ. Напротивъ, поразительно мало индивидуальности въ женскихъ римскихъ именахъ, по большей части просто представляющихъ собой женскую форму родового имени, напоминающую о матриархатѣ, какъ напримѣръ Корнелія или Туллія.

На ряду съ принятымъ почти у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ обычаемъ давать ребенку родовое или отцовское имя, существуетъ и другая способъ, переносящій центръ тяжести на молодое поколѣніе, отъ котораго уже заимствуютъ свое имя родители. Обычай называть родителей по имени дѣтей (отецъ и мать такого-то) довольно распространены, въ особенности въ малайско-полинезийской культурной области, и даже у арабовъ мы находимъ слѣды этого обычая.

И такъ, имя настолько важный и даже опасный атрибутъ чело-вѣка, что, какъ можно заранее предполагать, нареченіе его не можетъ не сопровождаться особыми, разъ навсегда установленными, обычаями и обрядами. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Объ обрядахъ крещенія и очищенія, къ которымъ мѣстами присоединяется и обрѣзаніе, хотя оно собственно относится къ другой группѣ обычаевъ, мы уже говорили; они нерѣдко тѣсно связаны съ нареченіемъ имени. Имя нарекаетъ не только одинъ изъ родителей, но нерѣдко даже глава рода или жрецъ, нарочито приглашенный для совершения этой важной церемоніи; при этомъ присутствуютъ и много свидѣтелей, которыхъ, конечно, необходимо за это одарить и угостить. Выборъ имени также нерѣдко представляютъ колдуну, но у нѣкоторыхъ племенъ, какъ, напримѣръ, у коряковъ, чѣндовъ, кафировъ и черемисовъ, ребенокъ самъ выбираетъ себѣ имя; для этого при немъ произносятся рядъ именъ и останавливаются на томъ, на которомъ онъ закричитъ или сдѣлаетъ какое-нибудь движеніе. Нерѣдко ребенка и кормятъ въ первый разъ одновременно съ нареченіемъ имени, при чемъ собравшіеся не упускаютъ случая въ свою очередь попить. На высшемъ уровнѣ культуры нареченіе имени превращается въ религиозное торжество.

Тотчасъ послѣ рожденія, или немного позже, смотря по здоровью

ребенка, на него владутъ тѣлесныя знаки, доказывающіе его принадлежность къ извѣстному племени,—у культурныхъ народовъ эти отличія почти утрачены,—т. е. прокалываютъ ему уши, носъ, губы или щеки для того, чтобы потомъ въ дырочки продѣвать украшенія, татуируютъ (см. рис.) его или вырѣзываютъ у него на тѣлѣ знакъ племени. Это также нерѣдко сопровождается различными церемоніями. Другія операція, способствующія украшенію наружности, какъ напримѣръ выбиваніе или подпиливаніе зубовъ, конечно, могутъ быть произведены только позже; ихъ обыкновенно относятъ къ группѣ торжественныхъ и мистическихъ обрядовъ знаменующихъ собою начало новаго важнаго періода естественнаго развитія чело-вѣка,—періода возмужалости.

Игла для татуировки плем. Бакуба, въ Конго.

Ножъ для татуировки плем. Адаммауа, Западный Суданъ.

О посвященіяхъ, мистически знаменующихъ собою вступленіе мальчика въ рядъ мужей, мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Предполагается, что мальчикъ, ставшій способнымъ къ супружеству и дѣторожденію, какъ-бы проникается новымъ духомъ, какъ-бы умираетъ и воскресаетъ вновь; мысль эта выражается въ долговременномъ заточеніи или изгнаніи, которому подвергаются молодые люди, достигшіе этого періода, въ таинственныхъ и

торжественныхъ обрядахъ. При этомъ всячески, порой очень мучительными и жестокими способами, испытываютъ мужество и стойкость мальчика, надѣляютъ его племенными знаками, нерѣдко уродуютъ половые органы всѣмъ или только нѣкоторымъ дѣтямъ для того, чтобы избѣжать чрезмѣрнаго размноженія племени и т. д. Страшнымъ мученіямъ подвергало юныхъ воиновъ индѣйское племя мандоновъ въ Сѣверной Америкѣ. Посвященіе дѣвушекъ болѣе безобидное; имъ не придается такого значенія, но зато дѣвушекъ у многихъ южно-американскихъ индѣйскихъ племенъ подвергаютъ тягостнымъ испытаніямъ: держать взаперти, иногда по нѣсколько лѣтъ. Это практикуется и въ сѣверо-западной Америкѣ, и въ Новой Англіи. Въ періодъ возмужалости, и нерѣдко только въ этотъ періодъ, подростковъ, юношей и дѣвушекъ впервые начинаютъ правильно обучать навыкамъ, искусствамъ и преданіямъ даннаго племени; этимъ обученіемъ занимаются обыкновенно старики и старики, а также кудесники, и въ немъ можно видѣть первый зародышъ школы.

Къ дѣвочкамъ, въ періодъ достиженія ими половой зрѣлости, относится мягче, но зато съ этого времени и уже до самой старости онѣ должны во время менструаціи подчиняться извѣстнымъ обычаямъ. Менструирующая женщина считается обыкновенно нечистой и ее,

как роженицу, отделяют от других, причем по окончании кровей она должна подвергнуться известному очистительному обряду. Мѣстами, как например на Нукуорѣ (?) существуют даже особые дома, гдѣ женщины проводят этотъ періодъ.

Обряды, сопровождающие рождение и наступление периода возмужалости, являются возвеличеніемъ вполне естественныхъ фактовъ; обряды, сопутствующие заключенію брака, носятъ уже иной, социальными вліяніями обусловливаемый характеръ. Само по себѣ соединеніе двухъ существъ разнаго пола фактъ конечно естественный и въ то же время очень важный для продолженія рода, но стоитъ только вспомнить о первобытныхъ формахъ свободнаго полового общенія и легко распадающагося брака, чтобы признать за брачнымъ союзомъ крупное социальное значеніе. Бракъ, однако, далеко не всегда совпадаетъ съ началомъ полового общенія; напротивъ, введеніе брака мало по-малу способствуетъ устраненію, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, половой распушенности. Эта половая распушенность—необходимая принадлежность родового быта, мѣсто котораго одновременно съ возрастающимъ значеніемъ брака заступаетъ патриархальная семья. Свободное половое общеніе между представителями различныхъ родовъ до тѣхъ поръ не грозитъ опасными послѣдствіями, пока дѣти принадлежатъ материнскому роду и поступаютъ подъ защиту этой прочно-организованной общественной группы, которая воспитываетъ ихъ и безъ помощи отца. Напротивъ, если обязанность охранять и воспитывать дѣтей падаетъ на отцовскую семью, прочный и крѣпкій союзъ родителей является необходимымъ въ интересахъ общества и бракъ — важнымъ договоромъ, добросовѣстное выполнение котораго контролируется цѣлымъ племенемъ. Этимъ объясняется, почему торжественный и праздничный характеръ бракосочетанія не утрачивается съ ростомъ культуры, а напротивъ укрѣпляется, въ противоположность, напримеръ, похоронному обряду.

Здѣсь мы будемъ говорить только о церемоніяхъ, являющихся вѣнчаніемъ выраженіемъ известныхъ общественныхъ фактовъ, но въ то же время отражающихъ въ себѣ всю исторію брака. Въ свадебныхъ обрядахъ несомнѣнно оставили слѣдъ прежде всего старая формы брачнаго союза съ увозомъ или куплей невесты. Настоящее умыканіе невесты и серьезная борьба съ ея родственниками теперь составляютъ уже исключеніе и встрѣчаются развѣ только въ Австраліи, да и тамъ первоначальная разнузданность до известной степени уступила мѣсто выработаннымъ правиламъ. Здѣсь несчастному, не имѣющему родственницъ женскаго пола, которыхъ онъ могъ бы вымѣнять на невесту, не остается ничего иного, какъ прибѣгнуть къ похищенію; но затѣмъ похититель, безъ всякаго иного оружія, кромѣ щига, долженъ выдержать натискъ родственниковъ, которые мечутъ въ него копья и нерѣдко ранятъ и даже убиваютъ его. Въ другихъ

частяхъ Австраліи комедія похищенія является составной частью свадебнаго обряда.

«Лагерь туземцевъ только что хотѣлъ сняться съ мѣста и двинуться въ путь, пишетъ Лумкольцъ изъ сѣвернаго Квинсленда, какъ вдругъ я увидѣлъ: пожилой мужчина быстро подошелъ къ одной изъ женщинъ, схватилъ ее за лѣвую руку въ кисти и воскликнулъ: „jonggul ngeira“ (она принадлежитъ мнѣ)! Женщина вырывалась, кричала, отталкивала его ногами, но онъ, несмотря на ея крикъ и сопротивленіе, тащилъ ее за собою; ея крики и вопли слышны были за цѣлую милю. Шутки ради я спросилъ своихъ людей, отчего они ей не помогутъ, но они, смѣясь, отвѣтили мнѣ, что объ этомъ союзѣ уже давно шелъ разговоръ, а теперь женахъ официально присваталась къ невестѣ, въ этомъ-де и заключается весь свадебный обрядъ». Итакъ, въ большинствѣ случаевъ умыканіе невесты переходитъ въ комедію, которая разыгрывается очень шумно и съ большимъ воодушевленіемъ или же находитъ слабое отраженіе въ теперь уже мало-понятныхъ обычаяхъ, какъ напримеръ, въ обязательномъ плачѣ нѣмецкихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, которымъ специально для этого дается въ руки платочекъ.

Бракъ съ куплей невесты съ самаго начала обставлялся очень торжественно и сопровождался множествомъ церемоній. Получивъ выкупъ, родители при свидѣтеляхъ передаютъ невесту жениху; тамъ, гдѣ имѣются уже болѣе развитыя религіозныя формы, брачный союзъ пріобрѣтаетъ еще болѣе торжественный характеръ, освящаясь присутствіемъ жреца, и заключается уже въ храмѣ или иномъ святилищѣ. Произносимыя при этомъ формулы и символическіе обряды многочисленны и многообразны. Всего чаще, конечно, мы сталкиваемся съ третьей группой символовъ, относящихся исключительно къ будущимъ супругамъ и знаменующей собою ихъ прочный союзъ и долговременную совместную жизнь. Сюда относятся соединеніе рукъ, шиваніе вмѣстѣ платья, ѣда съ одного блюда и питье изъ одной чаши. Кушанье, обыкновенно, приготовляетъ женщина и подаетъ мужчине, символически показывая этимъ, что отнынѣ она будетъ дѣлить съ нимъ свой запасъ пищи и свою рабочую силу.

На высшей стадіи развитія женщину представляютъ домашнимъ богамъ или, если она чужая, также богамъ даннаго рода или селенія, принимая ее такимъ образомъ въ составъ новой семьи. Остатки этого обряда сохранились и у христіанскихъ народовъ: новобрачную обводятъ нѣсколько разъ вокругъ домашняго очага, гдѣ, какъ думали прежде, воссѣдаютъ домашніе боги. При этомъ необходимо замѣтить, что наиболѣе свободный личный выборъ супруга мы находимъ у самыхъ первобытныхъ и у самыхъ культурныхъ народовъ; у остальныхъ же вліяніе рода или семьи легко получаетъ такое преобладающее значеніе, что о свободномъ выборѣ не можетъ быть и рѣчи. Тамъ же, гдѣ

власть семьи подкрепляется еще другими влияниями, как например, влиянием богатства и высокого общественного положения, тамъ и въ европейскомъ культурномъ обществѣ выборъ является далеко не свободнымъ. Но семья, какъ прочное установление, воплощается въ домашнихъ богахъ, поэтому къ нимъ прежде всего и приводятъ невесту.

Хотя бракосочетание и не можетъ сравниться съ рождениемъ по тѣмъ опасностямъ, которыя окружаютъ его, все же первобытнымъ народамъ оно не представляется безобиднымъ. Здѣсь можетъ играть роль соображеніе, что въ семью или родъ вводится новый членъ, и боги могутъ отнестись къ нему неблагоклонно, но еще больше значенія имѣетъ то обстоятельство, что прочный союзъ женщины съ мужчиной наноситъ нѣкоторый ущербъ ихъ соплеменникамъ, такъ какъ прежде, въ пору свободной молодой любви, общеніе между полами не знало преградъ и стѣсненій. Дѣйствительное или символическое возмѣщеніе этого вреда вызвало не мало циничныхъ свадебныхъ обычаевъ; въ то же время принимаются и мѣры съ цѣлью отвратить дурное вліяніе невидимыхъ силъ, неблагоклонно относящихся къ браку. Этимъ объясняется довольно распространенный обычай заставлять жениха съ невестой и новобрачныхъ постыться, и еще больше требованіе, чтобы полное сближеніе между мужемъ и женой происходило не сразу, а черезъ извѣстный промежутокъ времени, когда злые духи и люди успѣютъ уже позабыть о происшедшемъ. Множество второстепенныхъ по значенію свадебныхъ обычаевъ вытекаетъ изъ желанія умиротворить враждебныя силы и отвратить ихъ дурное вліяніе, слѣдовательно должно быть отнесено къ группѣ явленій, которыя лучше всего разсматривать въ связи съ начатками религіи.

Гораздо проще церемоніи развода. Обыкновенно достаточно женѣ убѣжать отъ мужа или мужу выгнать ее, чтобы разводъ уже совершился; и магометанское право удовлетворяется формулой развода, которую мужъ можетъ произнести въ любое время. При бракѣ съ выкупомъ невесты, дѣло обстоитъ не такъ просто, такъ какъ здѣсь мужъ можетъ потребовать цѣликомъ или отчасти выкупную сумму обратно. У болѣе культурныхъ народовъ забота о судьбѣ дѣтей, всецѣло зависящихъ отъ отцовской семьи, вынуждаетъ законодателей по возможности затруднять разводъ и разрѣшать его только на основаніи важныхъ причинъ. Но и здѣсь собственно разводные обычаи и формулы очень просты, такъ какъ нѣтъ повода къ торжественности.

Самой грозной и потрясающей силой врывается въ жизнь чловека смерть и конецъ бытія. Общество, составляя живую собирательную единицу, существующую изъ поколѣнія въ поколѣніе, мало-по-малу пронивается убѣжденіемъ въ своей вѣчности и съ трудомъ мирится съ постепеннымъ исчезновеніемъ отдѣльныхъ частей цѣлага. Какимъ образомъ изъ этого источника вытекаетъ цѣлый рядъ дѣй-

ствій экономическаго, религіознаго и художественнаго характера, вліяющихъ на чловека то бодрящимъ и увѣрляющимъ, то разрушительнымъ образомъ — объ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь мы лишь вскользь упомянемъ объ оплакиваніи мертвыхъ, нерѣдко сопровождающемся нанесеніемъ себѣ ранъ и тѣлесныхъ поврежденій, но также легко вырождающемся въ условныя пустыя причитанія, для которыхъ нанимаются особыя лица (плакальщицы); болѣе важное значеніе имѣютъ собственно погребальныя обряды. Тѣло умершаго, еще недавно весело проводившаго дни въ кругу своихъ, а теперь быстро разлагающагося, становится для однихъ тягостнымъ гостемъ, отъ котораго на разные лады стараются изба-

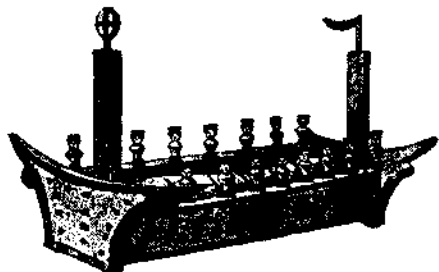
„Вашни молчанія“ парсовъ, въ Индіи.

виться, для другихъ — драгоценной реликвіей, полное разрушеніе которой всячески стараются предотвратить; отъ мертвеца стремятся или избавиться совсѣмъ, или же примирить его съ собой и привязать къ себѣ.

Погребальный обрядъ не находится въ тѣсной связи съ уровнемъ культуры и нерѣдко у одного и того же народа существуютъ самыя разнообразныя обычаи; формы, по нашему мнѣнію, низшія нерѣдко приняты у высоко цивилизованныхъ народовъ и, наоборотъ, у низшихъ расъ мы встрѣчаемъ весьма развитыя формы погребальныхъ обрядовъ. Одно представляется несомнѣннымъ, что для усвоенія себѣ погребальныхъ обычаевъ въ большомъ масштабѣ уже необходимо извѣстный уровеньъ духовнаго и экономическаго развитія; въ остальномъ же въ этой области выборъ обычаевъ самый причудливый; нерѣдко даже очень разнообразныя обычаи уживаются рядомъ. Это вынуждаетъ наблюдателя ограничиться просто обзоромъ отдѣльныхъ формъ, какъ

это сдѣлать, и превосходно, американскій этнологъ Г. С. Ярроу, въ отношеніи обычаевъ индѣйцевъ.

Въ началѣ отъ труповъ отдѣлялись преимущественно хозяйственнымъ способомъ, то есть, попросту говоря, сѣдали ихъ, если не сами родственники, то чужіе, у которыхъ родственники на что-нибудь вымѣнивали трупъ; это самый гнусный, но, какъ увѣряетъ Штейнмецъ, едва-ли не самый распространенный вначалѣ способъ. Во внутренней Африкѣ до сихъ поръ существуетъ этотъ обычай, и возможно, что весьма широко распространенный обычай пожирать павшихъ враговъ не что иное, какъ смягченный пережитокъ прежняго обыкновенія пожирать трупы вообще. Конечно, это не вполне доказано, но если этотъ взглядъ основателенъ, такая утилизация трупа, совершенно чуждая мысли и чувства, несомнѣнно указываетъ на степень развитія, если не самую древнюю, то самую низшую, съ точки зрѣнія нравственно-культурнаго прогресса.

Изображеніе челнока мертвыхъ у Никобаровъ.

Уже нѣсколько высшей формой является выбрасываніе трупа или отдача его на сѣденіе дикимъ звѣрямъ, какъ это дѣлается у восточно-африканскихъ племенъ, на примѣръ, у *Массау*, хотя и такое отношеніе къ мертвымъ также указываетъ на безчувственность, возможную только у очень мало цивилизованныхъ народовъ. Нѣсколько утонченнѣе поступаютъ парсы, приверженцы вдумчиваго и высоконравственнаго культа огня, перенося своихъ покойниковъ въ башню молчанія (см. рис. стр. 277), гдѣ они становятся добычей хищныхъ птицъ. Въ подобной башнѣ, въ сущности больше напоминающей арену римскаго цирка, скопляются, такимъ образомъ, кости нѣсколькихъ поколѣній; съ гигиенической точки зрѣнія этотъ обычай очень похваленъ. Заратустра въ своемъ ученіи запрещаетъ осквернять землю, воду или огонь прикосновеніемъ трупа; въ данномъ случаѣ это понятіе о чистотѣ имѣло очень благотворные результаты. Возможно, впрочемъ, что персидскій способъ погребенія древнѣе культа огнепоклонниковъ, и что огнепоклонники только приспособили его къ своимъ цѣлямъ. Рассказываютъ, что въ старину мертвыхъ просто выносили на поле, гдѣ ихъ пожирали хищные звѣри, а въ Бактрии особо для того воспитываемыя священныя собаки. Последнее бросаетъ интересный свѣтъ на возникновеніе тотемистическихъ воззрѣній. Въ странахъ, исповѣдующихъ буддизмъ, въ Тибетѣ и Бхутанѣ также существуетъ обычай разрѣзывать на части трупъ, за исключеніемъ

головы, и бросать его на сѣденіе хищнымъ птицамъ, или же выносить на вершины горъ. Вмѣстѣ съ тибетской формой буддизма, обычай этотъ распространился по всей Монголіи, гдѣ преже просто хоронили мертвыхъ.

Другой, очень простой, способъ отдѣлаться отъ трупа—это бросить его въ воду; затѣмъ его или уносятъ волны или сѣдаютъ рыбы; особенно охотно продѣлываютъ это съ рабами и вообще людьми низкаго происхожденія, и въ Меланезіи, и въ сѣверо-западной Америкѣ. Культурные народы и при дальнѣйшемъ ростѣ культуры охотно придерживаются этого обычая, облагораживая его весьма характернымъ способомъ: мертвеца кладутъ на плоть или въ лодку, ставятъ возлѣ него пищу и питье, затѣмъ пускаютъ лодку по волѣ волнъ. У германскихъ приморскихъ народовъ лодку при этомъ еще зажигали, соединяя такимъ образомъ уничтоженіе тѣла огнемъ и водой. Съ ростомъ культуры и общенія между сосѣдними народами, обычай бросанія труповъ въ воду исчезаетъ, такъ какъ не особенно удобно посылать такимъ образомъ своихъ покойниковъ другимъ племенамъ. Какъ воспоминаніе объ этомъ древнемъ способѣ погребенія, долгое время держался обычай класть мертвыхъ въ челноки или выдолбленные на манеръ лодки корыта и даже ставить въ храмахъ небольшія модели челна мертвыхъ. (См. рис. стр. 278). Можетъ быть и гробы европейскихъ цивилизованныхъ народовъ, употреблявшіеся еще въ доисторическое время, лишь остатокъ этого обычая.

Всего падежнѣе, конечно, уничтоженіе тѣла огнемъ, т. е. сожиганіе труповъ, наиболѣе желательное и съ гигиенической точки зрѣнія. Само собой, эта точка зрѣнія не имѣетъ ничего общаго съ первоначальными причинами, вызвавшими сожиганіе труповъ; здѣсь, конечно, какъ и въ другихъ способахъ погребенія, главную роль играютъ страхъ привидѣній: желательно было или сдѣлать покойника совершенно безвреднымъ, или же примирить его съ собой и заручиться его дружбе-

Деревянный гробъ.
(Давая).

ственнымъ отношеніемъ. Возможно, что древнѣйшей формой сожиганія труповъ было поджиганіе хижины, гдѣ лежалъ покойникъ.

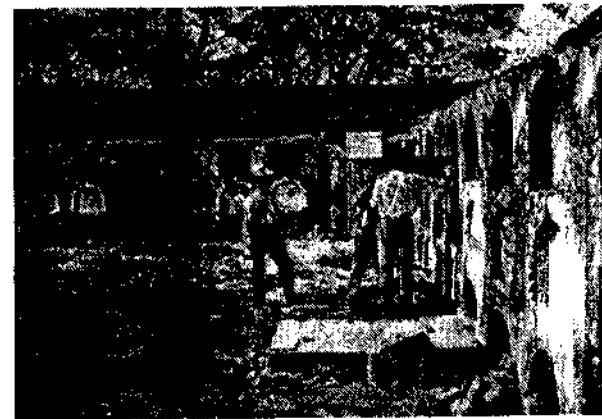
Интересны понятія о цѣли сожиганія труповъ, излагаемыя Адамомъ Джонстономъ при описаніи индѣйскаго племени Бонакъ. «Первыми индѣйцами, гласитъ рассказъ, были коюты (луговые волки). Они вѣрили, что когда одинъ изъ нихъ умираетъ, въ тѣлѣ его поселяются маленькія животныя или духи. Они ползаютъ по трупу и вокругъ него, принимая различный видъ: оленя, антилопы и т. д. У многихъ изъ нихъ вырастаютъ крылья, и они, покружившись нѣкоторое время въ воздухѣ, улетаютъ затѣмъ на луну. Старые коюты или индѣйцы, боясь, какъ бы земля такимъ образомъ не обводѣла, рѣшили положить этому конецъ и поставили впродъ, если кто умретъ, сжигать его тѣло». Эта сказочка очень характерна для образа мыслей первобытныхъ народовъ, и, рисуя недоувѣріе дикарей къ организмамъ, живущимъ въ трутѣ, объясняетъ, почему они такъ старались или совсѣмъ устранить покойника или предохранить его отъ разложенія. Въ червяхъ и насѣкомыхъ перевоплощается часто душа умершаго, точно такъ же, какъ и въ дикихъ звѣряхъ, пожирающихъ трутъ.

Этотъ взглядъ на покойника, какъ на существо опасное — чему, несомнѣнно, способствовали опыты, предѣлывавшіеся съ трупнымъ ядомъ — можетъ нѣсколько смягчиться безъ измѣненія установившихся погребальныхъ обычаевъ. Такъ на примѣръ, житель Тибета, бросающій своего отца на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, сохраняетъ голову его, какъ святыню; народы классической древности также сжигали своихъ мертвецовъ, но тщательно собирали пепелъ и вѣрили, что духи умершихъ предковъ витаютъ вокругъ нихъ, какъ домашніе боги, охраняя семейный очагъ. Поэтому всякое раздѣленіе погребальныхъ обрядовъ на категоріи, соответствующее ихъ вѣрнѣйшей формѣ, хотя для изслѣдователя оно можетъ быть и удобно, остается поверхностнымъ и недостаточнымъ.

Эта истина подтверждается, если мы обратимся въ погребальнымъ обрядамъ, сопровождающимся зарываніемъ тѣла въ землю или погребеніемъ его въ пещерахъ, разсѣлинахъ скалъ и т. д.; эти первобытныя формы погребенія несомнѣнно также имѣютъ въ виду одну только цѣль — устраненіе покойника. Слѣды погребенія въ пещерахъ сохранились и теперь, въ видѣ высѣченныхъ въ скалѣ гробницъ у испанцевъ и выходцевъ изъ Испаніи въ Америкѣ (см. рис. стр. 281.). И наши каменные памятники, которые мы ставимъ теперь на могилахъ, несомнѣнно пережитки прежняго обычая — заваливать могилу камнями для того, чтобы удержать мертваго подъ землею и не дать ему бродить по свѣту, строя козни живымъ. Объ этихъ каменныхъ памятникахъ, чрезвычайно важныхъ для культуры, мы будемъ говорить подробно при описаніи жилищъ. Къ тому же, именно обычай погребенія мертвыхъ въ землѣ несомнѣнно находится въ связи съ

образомъ жизни живыхъ; народы, жившіе совсѣмъ или наполовину подъ землею, и покойниковъ своихъ хоронили въ землѣ, — въ началѣ можетъ быть просто отводили для нихъ какую-нибудь землянку и засыпали входъ.

Весьма распространенъ также обычай хоронить мертвыхъ въ собственной хижинѣ, но и здѣсь мы замѣчаемъ психологически обособленную разницу въ дальнѣйшихъ пріемахъ: родственники покойнаго послѣ похоронъ или покидаютъ хижину, или же остаются жить въ ней, такъ сказать, въ обществѣ мертвеца. Желаніе одновременно съ этимъ передать душу или силу покойнаго его потомкамъ ведетъ

Гробницы-ниши въ Панамѣ.

въ Меланезіи къ весьма некрасивымъ обычаямъ. Такъ, на примѣръ, чаще всего собираютъ вытекающую изъ трупа жидкость и натираются ею или даже пьютъ ее. Нѣкоторые дикіе народы, напротивъ, сами пришли къ убѣжденію, что сосѣдство мертвыхъ не полезно для челоувѣка. На островахъ Таити прежде также хранили въ хижинахъ мертвыхъ, но потомъ оставили этотъ обычай и стали строить для покойниковъ особыя дома, гдѣ помещали ихъ тѣла и время отъ времени носили имъ туда пищу и питье. Это уже погребеніе надъ землею.

Обычай хоронить мертвыхъ высоко надъ землею, на деревьяхъ или особыхъ сооруженіяхъ, весьма характеренъ. Онъ несомнѣнно указываетъ на желаніе предохранить трутъ отъ дикихъ звѣрей и, слѣдовательно, не допустить до полнаго уничтоженія. Поэтому къ надземному погребенію чаще всего присоединяется бальзамированіе тѣла, превращеніе его въ мумію. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда бальзамированіе не производится, и тѣло только сохраняется надъ землею, въ

домъ, шатръ и т. п., какъ на примѣръ, вышеупомянутый обычай въ Таити, усыпальницы стараются сдѣлать похожими на жилище живыхъ. Для того же, чтобы предохранить ихъ отъ разрушенія, ихъ обносятъ стѣной изъ каменныхъ глыбъ, или же засыпаютъ сверху землей; это уже переходъ къ погребенію въ точномъ смыслѣ слова. Несомнѣнно—пере-

Могилы лонгкипута, сѣверн. Борнео. Трупъ завернутый въ цыновку, помѣщенъ на верху колонны.

житокъ древняго обычая—погребеніе труповъ въ дуплахъ деревьевъ, и повинѣ практикуемое гріотами въ Сенегамбїи.

Превращеніе тѣла въ мумію имѣетъ цѣлью предохранить трупъ цѣликомъ или хотя бы частью отъ разложенія; для этого пользуются или тѣми же средствами, какъ въ хозяйствѣ для сохраненія мяса т. е. высушиваютъ его, копятъ и солятъ, или же натираютъ душистыми смолами и вообще ароматическими веществами. Такъ какъ набальзамировать все тѣло очень трудно, удаляютъ, по большей части, кишки, а то и мясо соскребаютъ съ костей, оставляя одну только кожу, которая легко высыхаетъ. Древніе перуанцы (жители побережья)

сохраняли одну только кожу, набивая ее пепломъ. Этотъ же способъ набиванія пепломъ труповъ былъ извѣстенъ и на островахъ Самоа. Такую мумію можно держать и въ домѣ, и гдѣ угодно; въ Перу ихъ хранили въ большихъ глиняныхъ, а то и золотыхъ или серебряныхъ сосудахъ, но еще чаще держали ихъ въ пещерахъ или нарочно для того выстроенныхъ домахъ или же, наконецъ, на высокихъ по-мостахъ и на деревьяхъ.

Существовалъ также обычай сохранять одиѣ кости, очищая ихъ отъ мяса, или же на время зарывая тѣло въ землю, чтобы это сдѣлалось естественнымъ путемъ. Въ области рѣки Габунъ, по словамъ Гюирала, есть племена, которыя кладутъ трупъ въ муравейникъ для того, чтобы превратить его въ скелетъ и затѣмъ хранить, кости въ корзинахъ.

Необычайное разнообразіе погребальныхъ обычаевъ еще увеличивается благодаря двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, у одного и того же народа различнымъ образомъ хоронятъ лицъ различныхъ сословій, половъ и возрастовъ, и, во-вторыхъ, нерѣдко даже къ различнымъ частямъ тѣла относятся различно. Голову, на примѣръ, нерѣдко отдѣляютъ отъ тѣла и бальзамируютъ или же хранятъ въ видѣ черепа, очищеннаго отъ мяса, оче-

Урна въ формѣ человеческой головы. Арканзасъ въ С.-Америкѣ.

видно предполагая, что въ немъ живетъ душа человѣка. Иногда черепъ уничтожаютъ особымъ образомъ; такъ на примѣръ, индѣйское племя *Ахомави*, живущее въ Калифорніи, хоронитъ тѣло безъ головы, затѣмъ складываетъ на могилѣ костеръ, кладетъ на него черепъ и сжигаетъ. Кости умершихъ хранятся какъ реликвиі; изъ нихъ готовятъ сосуды, амулеты и т. п.; изъ череповъ дѣлаютъ чаши, изъ трубчатыхъ костей — флейты, а на островахъ Пасхи самые лучшие крючки для удочекъ готовятъ изъ костей умершихъ старыхъ рыбачковъ. Съ повышеніемъ уровня цивилизаціи возникаютъ обыкновенно сомнѣнія относительно такой профанаціи останковъ родителей и родственниковъ, но съ павшими врагами обыкновенно не церемонятся, продолжаютъ поступать также, причемъ, конечно, можно предположить, что здѣсь уже играетъ нѣкоторую роль неутолимая жажда мести. Слѣдъ этого обычая сохранился также въ придаваніи урнамъ,

гдѣ хранится пепель умершихъ, вида человѣческихъ фигуръ или головъ, какъ бы изображающихъ покойника (см. рис. стр. 283).

Если попытаться установить иную классификацію погребальныхъ обычаевъ, можно раздѣлить ихъ на погребеніе въ одиночныхъ и въ общихъ могилахъ. У нѣкоторыхъ народовъ были особо отведенныя мѣста, гдѣ складывали кости умершихъ, какъ, напримѣръ, пещеры; иногда могилы ставились одна возлѣ другой, быть можетъ съ цѣлью потомъ обнести ихъ оградой и обособить такимъ образомъ это мѣсто погребенія, гдѣ живому человѣку все-таки казалось немного жутко. Это очень естественная, но не вездѣ возникавшая мысль. Въ нѣкоторой связи съ этимъ обычаемъ находится другой, также могущій послужить поводомъ къ особой классификаціи, а именно: нѣкоторые народы одинъ разъ и окончательно хоронятъ своихъ мертвецовъ, другіе же хоронятъ ихъ дважды. Последнее объясняется тѣмъ, что тѣлу даютъ разложиться естественнымъ образомъ, чтобы потомъ взять кости, очистить ихъ и сложить уже въ окончательное мѣсто успокоенія, обыкновенно въ большую общую пещеру—усыпальницу. Отдѣльные случаи такого рода погребенія встрѣчаются въ самыхъ различныхъ странахъ; наибольшее же систематическое примѣненіе оно получило въ малайскихъ и родственныхъ малайскимъ племенамъ, то есть на островахъ Индійскаго архипелага и Тихаго Океана.

На выборъ того или другого способа погребенія несомнѣнно имѣли вліяніе также климатъ и географическое положеніе страны. Въ безводныхъ пустыняхъ, какъ напримѣръ въ Египтѣ или на перуанскомъ берегу, сама природа подсказываетъ балзамированіе трупа; у народовъ, живущихъ по берегамъ морей или рѣкъ, естественно возникаетъ мысль, что наилучшій способъ погребенія—бросить тѣло въ воду; въ мѣстностяхъ, изобилующихъ пещерами, этими пещерами пользуются, какъ усыпальницами, и т. д., и т. д. Съ теченіемъ времени гробницы получаютъ важное общественное значеніе: могилы знаменитыхъ вождей и общія, массовыя могилы становятся сборными пунктами и святилищами цѣлаго народа и ядромъ кристаллизаціи болѣе прочныхъ общественныхъ наслоеній.

Празднества въ честь умершихъ и вообще погребальные обычаи входятъ въ сущности въ составъ культа предковъ, и являясь незамѣтнымъ переходомъ отъ страха передъ умершими къ благоговѣнному почитанію ихъ, отъ кровавыхъ жертвъ къ веселымъ тризнамъ, представляютъ въ то же время рядъ чудесныхъ примѣровъ постепеннаго видоизмѣненія руководящихъ причинъ, нерѣдко съ упорнымъ сохраненіемъ внѣшней формы. То-же можно сказать и одругихъ народныхъ праздникахъ. Почти у всѣхъ земледѣльческихъ народовъ существуетъ праздникъ жатвы, но не у всѣхъ онъ имѣетъ одинаковый смыслъ; бессмысленное пьянство на радостяхъ у совер-

шенно дикихъ народовъ постепенно переходитъ въ торжественную попытку обезпечить за собою и на будущее время благоволеніе невидимыхъ силъ; у народовъ же болѣе цивилизованныхъ въ ликованіи звучитъ уже благодарность божеству за ниспосланныя имъ благодѣянія. Точно также преобразовывались празднованія солнцеворота главнымъ образомъ у народовъ сѣвера; послѣднимъ и благороднѣйшимъ отпрыскомъ этихъ празднествъ является у христіанъ праздникъ Рождества...

Огромное значеніе для цивилизаціи человѣчества получаютъ обычаи съ того момента, какъ ими начинаютъ регулироваться отношенія между отдѣльными общественными группами, племенами и народами.

Случайное дружественное сближеніе двухъ дикихъ ордъ врядъ ли могло бы быть прочнымъ, врядъ ли не погибло бы съ первымъ же столкновеніемъ, безъ котораго, конечно, не обошлось бы, если-бы не склонность первобытнаго человѣка къ формализму и не вѣрность его разъ установленнымъ формамъ, вырабатывающая извѣстную схему, которой люди и пользуются, пока наконецъ, съ болѣе тѣснымъ ихъ сближеніемъ, внѣшній шаблонъ не

отпадетъ, какъ ненужный, и дружба не превратится въ общее правило, а вражда въ исключеніе. Постепенно вліяніе цивилизаціи захватываетъ все болѣе широкіе круги: ужъ не одни только представители дружественныхъ сосѣднихъ народовъ, но и чужестранцы, вступающіе во владѣнія извѣстнаго племени, могутъ надѣяться на защиту и предупредительное къ себѣ отношеніе, тогда какъ по первобытнымъ возрѣніямъ, мѣстами и теперь уцѣлѣвшимъ, чужихъ принято убивать.

Если мы раздѣлимъ «международные» обычаи на двѣ группы—регулирующіе мирное общеніе и устанавливающіе извѣстныя формы для войны—первая группа окажется древнѣе. Мирное общеніе, оче-

Знакъ мира у Сѣверо-Американскихъ индѣйцевъ.

видно, было уже дѣломъ привычнымъ, раньше чѣмъ кому-либо пришло въ голову превратить грубыя нападенія, разбой и убійства въ правильную войну, давъ такимъ образомъ болѣе благородный исходъ народной энергіи.

Весьма просты по своему происхожденію и понятны по смыслу дѣйствія, символически знаменующія собою миръ и дружественное отношеніе, и неудивительно, что они встрѣчаются въ одинаковой формѣ во всѣхъ концахъ земного шара. Къ нимъ относится снятіе съ себя оружія, поднятіе кверху раскрытыхъ рукъ, (см. рис. стр. 285) помахиваніе зеленой вѣткой или бѣлымъ платкомъ, при возможности же устнаго разговора и извѣстныхъ формулы рѣчи. Дружественное соглашеніе скрѣпляется обыкновенно совмѣстной ѣдой, питьемъ или куреньемъ (трубка мира, см. рис.).

Обычай переговариваться черезъ пословъ возникъ очень рано и развивался естественнымъ порядкомъ хся и различными путями. Прежде всего умыканіе женщинъ несетъ съ собою возможность, впоследствии, когда погаснетъ воинственный пылъ, завязать съ сосѣдями

Каменные трубки виргинскихъ индѣйцевъ.

ми дружественныя отношенія при посредствѣ похищенныхъ. Другой, къ сожалѣнію менѣе легко объяснимый путь соглашенія между отдѣльными

группами молодежи различныхъ племенъ, повидимому, охотно завязывавшей новыя знакомства и смѣнявшей воинственные столкновенія мирными празднествами. Съ этимъ тѣсно связаны тотемистическія отношенія, и безъ того сближавшія между собою отдѣльныя племена. Отправляя посольство къ сосѣднему племени, выбираютъ обыкновенно однихъ и тѣхъ же лицъ, и даже тамъ, гдѣ существуютъ болѣе частыя сношенія, они поддерживаются главнымъ образомъ благодаря родственной или дружеской близости между собою отдѣльныхъ представителей данныхъ племенъ.

Ростъ культуры и сопутствующій ему упадокъ общиннаго владѣнія особенно благоприятствуетъ такому положенію вещей. Тамъ, гдѣ еще имѣются особые дома для мужчинъ, путникъ чужестранецъ становится гостемъ всего племени, или по крайней мѣрѣ мужчинъ этого племени; тамъ гдѣ племя уже распалось на отдѣльныя семьи, пришелецъ долженъ найти себя хозяина и друга, который бы приютилъ его и взялъ подъ свою защиту, и это нужно сдѣлать какъ можно скорѣе, иначе ему можетъ грозить весьма печальная участь. И на это есть особый обычай. Если, напримеръ, пришелецъ вошелъ въ домъ или сталъ у очагамѣстнаго жителя, если онъ коснулся его платья и т. д., жизнь его внѣ опасности. Та же цѣль достигается и другимъ путемъ: пришелецъ разбиваетъ какойнибудь сосудъ, что нибудь ломаетъ, вообще причиняетъ

какойнибудь убытокъ туземцу; съ этого момента онъ становится должникомъ пострадавшаго, какъ бы его собственностью, и остальные представители племени не имѣютъ больше надъ нимъ никакихъ правъ. Взаимные подарки, скрѣпляющіе подобныя отношенія, переходятъ у сомалийцевъ въ правильную дань, которую долженъ платить взятый подъ опеку пришелецъ; понятно, что приходи въ какое нибудь селеніе, чужестранецъ всего охотнѣе останавливается у вождя, какъ наиболѣе могущественнаго человѣка среди даннаго племени, пока наконецъ охрана путниковъ не становится исключительнымъ правомъ вождя, а сопровождающіе это подарки, важнымъ источникомъ его дохода. Въ особенности часто это встрѣчается въ Африкѣ.

Уваженіе къ посламъ не исключительное свойство болѣе цивилизованныхъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ достоинъ вниманія церемоніаль пріема пословъ у австралийцевъ, описанный Брофъ Смитомъ. „Разъ племя расположилась гдѣ нибудь лагеремъ, говоритъ Смитъ, никакому другому племени безъ предупрежденія не дозволено приближаться къ этому лагерю... Предполагается ли дружеская встрѣча, или война, — племя, ищущее встрѣчи, должно заявить о своемъ желаніи въ установленной формѣ. Для этого вожди и старѣйшины избираютъ посла (Ве-арр-гарръ), который и отправляется въ лагерь чужого племени извѣстять его о намѣреніяхъ своихъ единоплеменниковъ. Молодымъ людямъ ни подъ какимъ видомъ не дозволяется принимать участіе въ совѣщаніяхъ о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ отправленіе или пріемъ пословъ другого племени. Обыкновенно выбирается одинъ посолъ, въ особо торжественныхъ случаяхъ два. Послу дается особый знакъ, охраняющій его безопасность во владѣніяхъ чужихъ племенъ, черезъ которыя лежитъ его путь. Обыкновенно это кусокъ дерева въ восемь, десять дюймовъ длины, иногда круглый, иногда плоскій, но рѣдко имѣющій болѣе одного дюйма въ діаметрѣ, исписанный іероглифами, изъ которыхъ каждому должна становиться ясноя цѣль посольства. Если оно дружественнаго характера, на палкѣ проводятъ полосы красной охрой, если враждебнаго, если оно имѣетъ цѣлю объявить войну или потребовать удовлетворенія за понесенную несправедливость, палку обмазываютъ бѣлой глиной...“

„Какъ ни неприятна самая вѣсть, личность посла остается священной, его терпѣливо выслушиваютъ до конца и чествуютъ, какъ почетнаго гостя. Если нуженъ отвѣтъ, его передаютъ черезъ того же посла и провожаютъ его до границы данной области“. Въ Австраліи для каждаго случая выбирается новый посолъ; въ сосѣдней же съ нею Полинезіи существуютъ профессиональные послы, являющіеся священными (табу); еще чаще послами являются женщины, обыкновенно старухи, одновременно съ этимъ ведущія и мѣнговую торговлю.

Какъ мирныя сношенія, такъ и война, легко укладываются въ опредѣленные формы... Такъ какъ это ало хроническое, его превратили

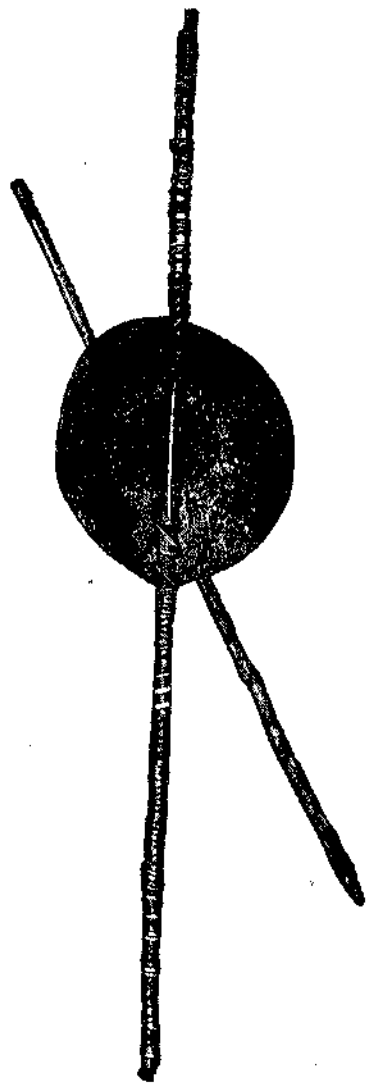
въ неизбежное учрежденіе, " весьма мѣтко говоритъ Ратцель о войнѣ у полинезійцевъ. Войну объявляютъ также чрезъ пословъ или при посредствѣ символическихъ сигналовъ; ночныхъ сраженій избѣгаютъ, по большой части изъ суевѣрнаго страха, и тѣмъ невольнo кладутъ начало регулярнымъ перемиріямъ; соблюдаютъ, наконецъ, извѣстныя формы и при заключеніи мира.

И войнѣ не чуждо постепенное измѣненіе побудительныхъ причинъ, столь характерное для всѣхъ человѣческихъ обычаевъ и учреждений. Быть можетъ древнѣйшая форма войны—простой разбойническій набѣгъ съ цѣлью полакомиться трупами убитыхъ враговъ; затѣмъ идетъ потребность найти выходъ избытку силъ и уже постепенно сюда присоединяются жажда мести, или наказанія за совершенную несправедливость. Тамъ, гдѣ частыя столкновенія, осложняясь, переходятъ въ войну, напримѣръ тамъ, гдѣ существуетъ обычай кровавой мести или охоты за черепами, нерѣдко война становится нормальнымъ явленіемъ, а миръ исключеніемъ. Подобныя условія были бы губительны, если бы при этомъ самая война не принимала иногда сравнительно безобидной формы, путемъ нейтрализаціи извѣстныхъ мѣстъ, дорогъ или дней, создающихъ мирныя оазисы въ военной жизни.

Цѣль нашихъ современныхъ войнъ—возможно скорѣе найти и истребить врага, и обусловливаемая этимъ рѣшающая роль большихъ

рѣшительныхъ битвъ. Но уже кабинетскія войны XVIII вѣка, состоявшія больше изъ передвиженія войскъ и маневровъ, чѣмъ изъ большихъ сраженій, показываютъ намъ, что съ учащеніемъ войнъ и уменьшеніемъ серьезности поводовъ къ нимъ склонность къ рѣшающимъ кровопролитнымъ битвамъ уступаетъ мѣсто желанію утомить, обезсилить противника. У первобытныхъ народовъ это стремленіе еще болѣе замѣтно; у нихъ иногда годами тянутся войны, въ которыхъ погибаетъ сравнительно очень немного людей. При этомъ обыкновенно ведутся переговоры съ другими племенами, съ цѣлью купить ихъ содѣйствіе, или же предотвратить враждебное ихъ вмѣшательство. Основная идея первобытной войны, что цѣль войны составляетъ не уничтоженіе враждебнаго племени, а мѣсть за смерть одного или нѣсколькихъ сородичей, сказывается въ частыхъ поединкахъ, иногда принимающихъ весьма торжественный характеръ. Еще во времена Гомера главное—единоборство вождей, массовыя же схватки не имѣютъ значенія. Когда война затягивается и воюющія стороны въ теченіе ея продолжаютъ свои обычныя занятія, особенно хозяйственныя, мы видимъ случаи нападенія враговъ на полевыхъ рабочихъ, или пастуховъ, избіенія женщинъ, или одинокихъ спутниковъ, покинувшихъ надежное убѣжище—деревню; въ случаяхъ же полной побѣды видимъ безопасное истребленіе врага.

Съ ростомъ культуры, разными окольными путями происходитъ постепенное, но неоспоримое смягченіе военныхъ обычаевъ. Первобытные народы собственно не знаютъ цѣны войнъ и безопасно все опустошаютъ, не смущаясь никакими соображеніями; но тамъ, гдѣ имѣется цѣнное достояніе и гдѣ его умѣютъ цѣнить, тамъ дикая жажда разрушенія скоро уступаетъ мѣсто разумнымъ, обдуманымъ дѣйствіямъ. Номады не рубятъ драгоцѣнныхъ стадъ побѣжденнаго врага; онъ угоняетъ ихъ къ себѣ, и первому все же остается надежда вернуть ихъ съ перемѣной военнаго счастья. Земледѣлецъ надѣется расширить свои владѣнія и, топчя зрѣющую пшеницу своего врага, онъ все же пощадитъ фруктовыя деревья, которыя ему самому могутъ пригодиться; да и самая личность врага, котораго онъ можетъ взять въ плѣнъ и обратить въ раба или же выгодно продать, уже не представляется ему чѣмъ-то не имѣющимъ цѣнности и вреднымъ, что непременно нужно истребить. Индійскія дѣсныя племена до сихъ поръ употребляютъ въ бою отравленныя стрѣлы, но собираясь въ набѣгъ, чтобы добыть рабовъ, они оставляютъ это опасное оружіе дома. Вотъ первый, чисто практическій поводъ, заставившій культурные народы отказаться отъ примѣненія неблагоприятнаго оружія въ бою; онъ исчезъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ рабства, но его замѣнили другіе, лучшіе; война, прежде игравшая видную роль въ жизни народовъ, теперь урегулирована и ограничена извѣстными законами и стала уже чисто государственнымъ

Боевая палица и щитъ у племени Вагатуру. Вост. Африка.

дѣломъ, не непосредственно затрагивающимъ право собственности и хозяйственную жизнь отдѣльныхъ личностей. Но именно здѣсь и сказывается вся власть обычая: побѣдившему культурному народу мѣшаетъ совершенно истребить врага не страхъ передъ отдѣльнымъ истителемъ, но робость передъ огромнымъ цѣлымъ, котораго каждый отдѣльный народъ является лишь частью и котораго сила про-является въ созданномъ имъ народномъ правѣ—передъ человѣ-чествомъ.

III. Хозяйство.

I. Начатки и задачи человѣческаго хозяйства.

Культура жива только до тѣхъ поръ, пока живутъ люди, пред-ставляющіе собой ея духовное воплощеніе. Правда, она можетъ замереть и словно во снѣ существовать вѣка въ формѣ письмен-наго преданія или неразрушимыхъ памятниковъ. Но для того, чтобы снова пробудить ее къ жизни, нужны люди, нужна живая кровь и молодая сила. Эти люди и эта юная жизнь не могутъ быть созданы изъ ничего новой творческой силой; хотя бы носители старой культуры пришли въ упадокъ и вымерли, для того, чтобы самая культура могла сохраниться или воскреснуть съ новой силой, нужно, чтобы гдѣ-нибудь продолжало изъ рода въ родъ существовать челоѣчество, чтобы отъ гаснущихъ огней жизни постоянно загора-лись новые и новые огни. Культура живетъ только съ живыми.

Но жить—значить постоянно обновляться. Жизнь—непрерывная игра, притягиваніе, превращеніе и выбрасываніе веществъ, и пока длится эта игра, длится самое бытіе организма; какъ радуга играетъ на небѣ лишь до тѣхъ поръ, пока изъ небесныхъ хлябей, постоянно вновь наполняющихся, льются на землю потоки дождя, а когда дождь утихаетъ, она блѣднѣетъ и исчезаетъ,—такъ гаснетъ и жизнь съ пріостановкой и превращеніемъ обмѣна веществъ. Все живое должно питаться, чтобы жить, и потому первая естественная и неискорени-мая потребность каждаго организма—стремиться къ пищѣ. Человѣкъ не можетъ выйти изъ-подъ власти этого закона, и какой бы высо-кой ступени онъ ни достигъ въ своей дѣятельности и мышленіи, все же онъ долженъ сознаться, что необходимость поддерживать пламя жизни притокомъ новыхъ веществъ была, есть и останется главнымъ и сильнѣйшимъ стимуломъ всякаго человѣческаго про-гресса.

Область человѣческой дѣятельности, непосредственно вытекаю-щую изъ этой потребности въ пищу и посвященную ея удовле-творенію, мы называемъ простымъ именованъ хозяйства. Но не-

достаточно дать простое название сложному явлению,—прежде всего нужно еще ввести его въ извѣсныя границы и точнѣе опредѣлить.

Прежде всего надо принять въ расчетъ, что для поддержанія жизни на землѣ необходимъ не только обмѣнъ веществъ. Каждое живое существо постоянно окружено опасностями, окружено подстерегающими его врагами, — будь то сила природы, ищущая уничтожить живой организмъ, или же борьба за пропитаніе между существами высшей организациі, вынужденными уничтожить другъ друга, или по крайней мѣрѣ стремиться къ уничтоженію низшихъ формъ жизни,—борьба, сокращающая срокъ жизни отдѣльныхъ существъ. Такимъ образомъ необходимымъ условіемъ бытія является еще *защита противъ этихъ опасностей*. Но и помимо того срокъ жизни индивидуумовъ не безпредѣленъ; сами они не что иное, какъ преходящіе капли дождя или водопада, съ виду остающагося неизмѣннымъ, но въ своихъ частяхъ постоянно мѣняющагося. Какъ въ отдѣльномъ организмѣ происходитъ постоянно трата веществъ и замѣна ихъ новыми, такъ и въ болѣе устойчивыхъ формахъ видовъ, расъ и народовъ индивидуумы гибнутъ, замѣняются новыми для того, чтобы эти формы могли жить въ высшемъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ дальнѣйшимъ важнымъ условіемъ жизни является размноженіе (*Fortpflanzung*). Эти три задачи, то есть: необходимость питаться, защищать себя и обновляться, производя другихъ себѣ подобныхъ существъ, приходится рѣшать каждому отдѣльному члену общества, и онѣ такъ тѣсно сливаются, что ихъ почти невозможно разграничить.

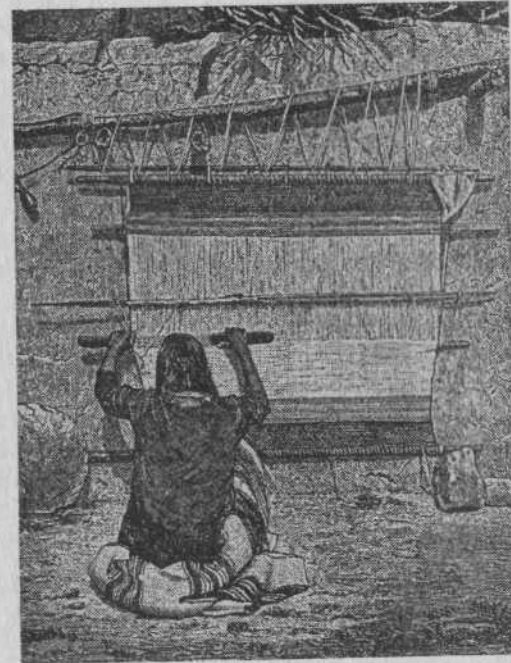
А между тѣмъ разграничить необходимо, если мы хотимъ составить себѣ ясное понятіе объ условіяхъ жизни человѣчества.

Итакъ, можно сказать, что самозащита и размноженіе составляютъ задачи общественныхъ формъ человѣчества или, вѣрнѣе, этими задачами обуславливаются общественныя формы; хозяйство же или экономическая жизнь прямо или косвенно служатъ только питанію. Такое рѣшительное разграниченіе можетъ сначала показаться страннымъ. Насъ могутъ спросить, развѣ ремесло ткача (см. рис. стр. 293) не относится къ области хозяйства, хотя оно служитъ не питанію, а защитѣ отъ непогоды? Развѣ дѣятельность купца, который покупаетъ готовые ткани, везетъ ихъ въ дальніе края и тамъ продаетъ или вымѣниваетъ, не является въ свою очередь хозяйственной, экономической дѣятельностью? Развѣ, наконецъ, чисто умственная работа при извѣстныхъ условіяхъ не служитъ экономическимъ цѣлямъ?

Но на этотъ счетъ легко стовориться: во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ вопросъ не въ самой дѣятельности, но въ ея субъективной цѣли. Лишь въ самыхъ первобытныхъ условіяхъ жизни въ добычаніи пищи фактически участвуетъ каждый работоспособный членъ общества, какъ мы и теперь это видимъ въ жизни кочевниковъ.

На болѣе высокихъ ступеняхъ культуры, наоборотъ, отрасли дѣятельности, вытекающія изъ потребности въ самозащитѣ, поглощаютъ всю рабочую силу извѣстныхъ индивидуумовъ, такъ что они уже не могутъ принимать непосредственнаго участія въ добычаніи пищи. А о томъ, чтобы они не голодали, позаботится уже общество, въ которомъ, наряду съ раздѣленіемъ труда, прививается и раздѣленіе пищи. Только подъ этимъ условіемъ возможны рабочіе, всецѣло посвящающіе себя ремесламъ, но работа ихъ все же остается хозяйственной, ибо она прежде всего направлена къ тому, чтобы косвеннымъ путемъ добыть для себя соответствующую долю изъ всего количества пищи, добываемаго другими. Купецъ, торгующій продуктами ремесленнаго производства, есть вводное лицо, посредникъ, сдѣлавшійся необходимымъ съ расширеніемъ общественныхъ союзовъ, но самъ онъ, въ сущности, заботится лишь о томъ, чтобы обезпечить себѣ свою долю пищи. Въ этомъ смыслѣ и умственная дѣятельность является экономической, если представитель ея кормится отъ продажи своихъ произведеній. Чѣмъ выше уровень культуры, тѣмъ шире разрастается понятіе о «хлѣбѣ насущномъ», о которомъ учить насъ молиться религія, но въ основѣ своей явленіе остается все тѣмъ же.

Итакъ, по существу, хозяйство всегда имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что для жизни безусловно необходимо,—съ питаніемъ. Обыкновенно къ хозяйству относятъ и тѣ отрасли человѣческой дѣятельности, которыя служатъ защитѣ. Это справедливо постольку, поскольку одежда и кровъ, по крайней мѣрѣ въ холодныхъ странахъ, принадлежатъ къ насущ-

Прядильница изъ Навахо (С.-Америка). По Стенсенону.

нымъ потребностямъ жизни. Эти потребности — и дѣйствительныя, и выдуманныя — растутъ вмѣстѣ съ культурой, а съ ними вмѣстѣ расширяются и предѣлы «хозяйства». Культура въ этомъ смыслѣ базируетъ и отдѣльную личность, и общество; для поддержанія и защиты жизни оно постепенно привыкаетъ требовать все болѣе многочисленныхъ и утонченныхъ материаловъ, а, слѣдовательно, новыхъ ресурсовъ и силъ. Кромѣ того, съ каждымъ удовлетвореніемъ естественной потребности связано и наслажденіе, которое для отдѣльныхъ личностей легко можетъ представиться главной и даже самостоятельной цѣлью и можетъ быть доведено до высокой степени утонченности. Въ особенности, это относится къ ѣдѣ; надо ѣсть, какъ древніе спартанцы, чтобъ не избаловать своего вкуса, хотя бы простыми, но хорошо приготовленными кушаньями. Въ этомъ направленіи потребности растутъ необычайно быстро, и тѣло наше скоро привыкаетъ къ новымъ условіямъ, точно такъ же, какъ оно скоро привыкаетъ къ болѣе роскошной одеждѣ и лучшему жилью. Современному представителю зажиточныхъ классовъ было бы очень трудно мириться съ условіями жизни, обычными для Европы начала среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ, съ ростомъ культуры растутъ и потребности, и кругъ экономической, хозяйственной дѣятельности человѣка расширяется до крайнихъ предѣловъ. Но при этомъ упорядоченіе хозяйственнаго быта является главнѣйшимъ и необходимѣйшимъ условіемъ человѣческаго существованія, и все посвященныя ему отрасли дѣятельности человѣка выступаютъ на первый планъ. И гибель, или хотя бы опасность, грозящая экономическому быту, такъ же глубоко волнуетъ отдѣльную личность, какъ цѣлую общественную группу, племя, или народъ.

Но всегда ли сознавала это наиболѣе культурная часть человечества? Исслѣдованіе прошлаго показываетъ какъ разъ обратное. Изучая документы и факты изъ быта культурныхъ народовъ, въ общей сложности составляющіе то, что нѣсколько претенціозно именуется «всемирной исторіей», мы дѣлаемъ замѣчательное открытіе: оказывается, что экономическіе вопросы весьма мало принимаются въ расчетъ, какъ причины историческихъ событій; разстройства, или прогрессъ экономического быта выставляются обыкновенно лишь результатами борьбы, которая велась совсѣмъ изъ-за другого.

Если смотрѣть на событія глазами древнихъ историковъ, земля представляется какъ бы сценой, на которой выступаютъ съ напыщенными жестами и словами и сражаются другъ съ другомъ короли и герои, а народъ только платитъ, да проливаетъ кровь, — хотя, въ сущности, дѣло идетъ именно о его благѣ или несчастьѣ, — и лишь изрѣдка, въ особенно удавшихся мѣстахъ, ему разрѣшается рукоплескать. Даже тамъ, гдѣ руководящимъ мотивомъ является

обыкновеннѣйшій экономическій эгоизмъ, онъ любитъ прикрываться щитомъ идеализма: португальцы искали пути въ богатую Индію и ревниво охраняли свою монополию торговли съ этой страной и ея эксплоатацію, но имъ весьма желательно было увѣрить свѣтъ, что главной цѣлью ихъ была борьба съ невѣрными; и это не единственный примѣръ такого мудраго лицемерія. Лишь въ новѣйшее время историческій изслѣдователь отвращаетъ взоръ отъ этого обманчиваго блеска и старается выяснить экономическую подкладку политической и даже умственной жизни. И всемирная исторія представляется ему совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ: великіе люди, казалось, произвольно повелѣвавшіе народами и управлявшіе ихъ судьбами, отходятъ на задній планъ, или нерѣдко оказываются только выразителями желаній народныхъ массъ, которыхъ все растущія потребности главнымъ образомъ и обуславливаютъ ходъ событій, между тѣмъ какъ случайное вмѣшательство отдѣльныхъ единицъ вызываетъ лишь небольшія отклоненія или промедленія. Карлъ Лампрехтъ первый въ своихъ трудахъ выдвинулъ на первый планъ изученіе культурнаго и экономического быта предпочтительно передъ чисто-политической исторіей народовъ.

Новая историческая школа — большой шагъ впередъ въ самопознаніи человечества. Но вѣдь не одни только историки, а и правители народовъ, и сами народы обнаруживали явное стремленіе затѣять, затуманить экономическія основныя причины, выдвигая на мѣсто ихъ вопросы права и даже религіи. Откуда же это стремленіе? Не кажется ли, что люди какъ будто стыдились поднимать мечъ изъ-за чисто экономическихъ соображеній? И если такъ, откуда взялось это чувство стыда и чѣмъ можно оправдать его?

Здѣсь мы, очевидно, вступаемъ въ область самовоспитанія человечества — подавленія чисто чувственныхъ, инстинктивныхъ потребностей и противопоставленія имъ руководящихъ мотивовъ нравственнаго, эстетическаго и духовнаго характера. Самовоспитаніе человечества идетъ по тому же пути, какъ и вообще человѣческой прогрессъ. Всего энергичнѣй велась эта борьба, какъ уже было сказано, въ сферѣ половой жизни; въ итогѣ, — одна изъ самыхъ сильныхъ, неустранимыхъ и по конечной цѣли своей отнюдь не заслуживающихъ порицанія потребностей человѣка не смѣетъ проявляться въ культурномъ обществѣ въ своихъ грубѣйшихъ и естественныхъ формахъ, а лишь въ прикровенномъ, облагороженномъ видѣ можетъ рассчитывать быть терпимой. Но осторожность наша и рѣшимость подавлять въ себѣ чувственность, не давать ей пробиться наружу, вытекаетъ изъ того обстоятельства, что само по себѣ чистое и благородное стремленіе къ продолженію рода вызывается соблазнами и удовлетворяется наслажденіями низшаго порядка, которыя легко могутъ стать изъ средства цѣлью, отвлекая индивидуума отъ испол-

нения его обязанностей передъ обществомъ и отъ культурной работы. Культурный человѣкъ уже не можетъ съ наивной чистотой отдаться физическому наслажденію, ибо его не покидаетъ сознание болѣе благородныхъ цѣлей жизни, и когда онъ на время поддается болѣе низменнымъ побужденіямъ, ему становится стыдно; наши лучшія блага мы покупаемъ горькой болью этого душевнаго раздвоенія.

Сказанное нами объ инстинктѣ размноженія въ болѣе мягкой формѣ можетъ быть отнесено и къ питанію. Здѣсь мы опять-таки имѣемъ дѣло съ естественной потребностью, удовлетвореніе которой связано съ ощущеніемъ удовольствія; для животныхъ и простодушнаго человѣка это пріятное ощущеніе и есть самое главное, а между тѣмъ оно можетъ быть вреднымъ, какъ и безудержное удовлетвореніе полового инстинкта; печальная фигура мота и кутялы—среди стремящихся и работающихъ людей, гоняющагося лишь за возможностью сладко поѣсть и попить,—лучшій примѣръ опасностей такого міровоззрѣнія и его вреднаго вліянія на культуру, возможную лишь при постоянномъ прогрессѣ. Быть бесполезнымъ бражникомъ считается за честь лишь тамъ, гдѣ угасла радость истинно культурнаго труда. И, согласно такому взгляду, каждый отдѣльный человѣкъ стремится прикрыть и приукрасить свои чисто экономическіе интересы, сводящіеся въ концѣ концовъ къ пропитанію. Такъ, браковъ по разсудку, т. е. на основаніи экономическихъ, или, вѣрнѣе, чисто денежныхъ разсчетовъ, заключается очень много, но рѣдко сравнительно человѣкъ открыто сознается, что онъ женился только на деньгахъ, точно такъ же, какъ рѣдко выставляютъ единственной причиной брака чисто чувственное влеченіе.

То же и относительно народовъ; кто борется, или, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ, что онъ борется за идеалы, считаетъ себя болѣе правымъ, чѣмъ тотъ, кѣмъ руководятъ исключительно матеріальные разсчеты. Даже къ войнѣ исключительно съ цѣлью завоеванія, какъ, на примѣръ, войны Александра Великаго или Наполеона I относятся снисходительнѣе, чѣмъ къ борьбѣ экономическихъ интересовъ, ибо въ первыхъ играютъ роль иныя и болѣе благородныя страсти, чѣмъ въ борьбѣ изъ-за хлѣба насущнаго и наживы. Ни въ одномъ почти изъ многочисленныхъ воззваній, съ которыми правители обращаются къ выступающимъ арміямъ, мы не встрѣчаемъ признанія, что начинаемая война будетъ вестись лишь изъ-за благъ земныхъ; какъ бы призраченъ ни былъ идеальнѣйшій предлогъ, за него хватаются, его усиленно выдвигаютъ впередъ, заглушевывая руководящіе мотивы экономическаго характера,—словомъ, предпочитаютъ, чтобы въ нихъ видѣли карателей и забывателей, но только не грабителей. Если же сквозь культурную оболочку слишкомъ ясно проглядываетъ голая жадность, какъ, на примѣръ, въ войнѣ англичанъ съ Китаемъ изъ-за опиума или въ ихъ же войнѣ съ южно-африканскими бурами,

это вызываетъ общее возмущеніе зрителей. Быть можетъ, инстинктивное отвращеніе народовъ къ торговымъ государствамъ, отъ котораго страдаетъ Англія, какъ нѣкогда страдалъ Карфагенъ, отчасти объясняется тѣмъ, что торговыя государства менѣе, чѣмъ другія страны желаютъ и могутъ скрыть свои экономическія побужденія. И все же устраненіе этой блестящей обманчивой оболочки, прикрывающей матеріальныя побужденія, разрушеніе такого нежелательнаго лицемерія есть несомнѣнный прогрессъ и прогрессъ двойной. Каждое новое познаніе само по себѣ есть чистый барышъ, а въ данномъ случаѣ сама культура разоблаченіемъ матеріальной подкладки мнимо-идеальныхъ стремленій сводится съ ложнаго пути, и народы, быть можетъ, постепенно научатся спокойно, сдержанно и разумно относиться къ экономическимъ вопросамъ, не прикрывая ихъ лицемерными фразами, но въ то же время не упуская изъ виду идеальныхъ цѣлей и служа имъ тѣмъ чистосердечнѣе, чѣмъ меньше примѣшивается борьба за пропитаніе къ болѣе благородной борьбѣ духовныхъ силъ.

Не слѣдуетъ, однако, свойственное человѣчеству чувство стыда по отношенію къ экономическимъ вопросамъ само по себѣ разсматривать, какъ заблужденіе и вести съ нимъ беспощадную борьбу; чувство это хорошее и справедливое; въ немъ есть здоровое зерно, оттого оно и сохранилось живымъ и дѣятельнымъ, несмотря на всѣ злоупотребленія.

Съ другой стороны, если вспомнить, что питаніе есть фундаментъ всей народной жизни и культуры, нельзя не признать огромной важности экономическихъ вопросовъ; каждый экономическій фактъ имѣетъ свои послѣдствія въ сферѣ духовной жизни. Народъ воплощаетъ въ себѣ несчетное количество частью одному ему принадлежащихъ и составляющихъ его личную собственность матеріальныхъ, нравственныхъ и умственныхъ благъ, и каждая опасность, угрожающая экономической жизни народа, угрожаетъ и этимъ благамъ. Экономическая борьба становится народной и расовой борьбой. Въ такихъ случаяхъ совершенно невозможно бываетъ разграничить духовные и матеріальные руководящіе мотивы; можетъ быть лучшій примѣръ тому враждебное отношеніе многихъ народовъ,—а въ наше время и части нѣмецкаго народа—къ евреямъ, живущимъ въ одной съ ними странѣ. Разумѣется, здѣсь на первомъ планѣ стоитъ экономическій вопросъ,—противодѣйствіе безспорно присущимъ еврейскому племени паразитарнымъ наклонностямъ съ ихъ опасными экономическими послѣдствіями; но наряду съ этимъ и особенности еврейскаго характера и міросозерцанія, склонность къ развѣдающему анализу, своеобразное понятіе о правѣ и нравственности и т. д. вызываютъ и поддерживаютъ отвращеніе къ евреямъ.

Можно пойти еще дальше, признавъ возможной и борьбу изъ-за чисто духовныхъ интересовъ, захватывающую область народнаго хозяйства лишь своими послѣдствіями, но не причинами. Здѣсь на первый планъ выступаетъ Германія, завоевавшая себѣ при помощи тридцатилѣтней войны, цѣною несказанныхъ бѣдствій духовную и религіозную свободу. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы и въ религіозныхъ идеяхъ нельзя было найти экономической подкладки, — есть ли такое духовное благо, которое бы не находилось въ известной связи съ народнымъ хозяйствомъ? Само собою и здѣсь почва, климатъ и образъ жизни германскихъ племенъ сыграли известную роль, выработавъ въ нихъ черты характера, побуждавшія ихъ стремиться къ свободѣ духа. Но въ данномъ случаѣ рѣчь вѣдь не объ этой косвенной связи.

Еще рѣзче и опредѣленнѣе выступаютъ экономическіе вопросы тамъ, гдѣ враждуютъ между собой отдѣльныя группы одного и того же народа. Вѣдь всѣ онѣ составляютъ известную народность, благо которой всѣмъ имъ дорого, хотя въ мнѣніяхъ относительно наилучшаго пути къ достиженію этого блага онѣ могутъ и расходиться; раздоръ между отдѣльными группами общества или народа почти всегда вытекаетъ изъ различія взглядовъ на справедливое распределение благъ. Борьба низшихъ слоевъ народа за политическія права также имѣетъ въ дѣйствительности экономическую подкладку — желаніе оставленныхъ за флагомъ имѣть право голоса въ распределеніи народныхъ богатствъ и завѣдываніи общими достояніемъ. Однако, и тутъ обыкновенно стѣсняются открыто признать эту экономическую подкладку; это довольно естественно, но въ виду суженной арены борьбы ведетъ къ еще болѣе опасному лицемѣрью, чѣмъ то, которое проявляется въ междоусобныхъ распряхъ народовъ, и порой это лицемѣріе такъ велико, что трудно даже распознать истинную причину борьбы. Такъ, на примѣръ, можно хорошо знать англійскую исторію, не зная, что партія тори представляетъ собою крупное землевладѣніе, партія же виговъ — торговое и ремесленное сословіе. и что борьба этихъ партій знаменуетъ собою постепенное превращеніе Англии изъ земледѣльческаго государства въ торгово-промышленное. Даже когда партія открыто преслѣдуетъ экономическія цѣли, она любитъ драпироваться въ идеально-политическій плащикъ; такъ, на примѣръ, нѣмецкая социалистическая рабочая партія охотно именуетъ себя демократической, хотя социализмъ и демократія не имѣютъ между собой ничего или почти ничего общаго. Ужь, конечно, почтеннѣе и достойнѣе открыто признать свои экономическія стремленія, какъ это недавно сдѣлали аграріи, заставивъ тѣмъ и противника сбросить маску; не нужно, однако, забывать о томъ, что хотя устоємъ культуры и является народное хозяйство, истинно культурная работа, въ которой всѣ безъ различія должны принимать

участіе, ведется въ области духа и должна оставаться совершенно чуждой партійнымъ распрямъ.

Въ общемъ и въ описываемой нами эволюціи наблюдаются ритмическія колебанія, столь характерныя для культурнаго прогресса вообще: противовѣсомъ чрезмѣрному подчеркиванію значенія идеальныхъ и духовныхъ благъ является побѣда реализма, снова оздоравливающая почву жизни; когда же реализмъ начинаетъ вырождаться въ пошлую жажду наслажденій, его снова вытѣсняетъ новый натискъ духовныхъ силъ. И эта игра незамѣтно, но вѣрно поднимаетъ общій уровень культуры.

Но и оставивъ въ сторонѣ эти чередующіяся перемены, мы должны признать, что значеніе экономическаго быта для народнои жизни мѣняется въ зависимости отъ уровня культуры; въ первобытной стадіи оно ничтожно, съ повышеніемъ уровня культуры оно растетъ, но на высшей ступени, гдѣ ему приходится соперничать съ духовными стремленіями, оно снова отступаетъ на задній планъ. Первобытные народы земли придавали такъ мало значенія экономическимъ условіямъ, что даже выдающіеся исследователи экономическаго быта народовъ совершенно отказываютъ имъ въ экономическомъ сознаниі; по мнѣнію Карла Бюхера, всѣ они не идутъ дальше индивидуальнаго добыванія пищи, то есть заботы каждаго о собственномъ пропитаніи, а никакъ не о нуждахъ и благахъ своихъ товарищей, и первобытныя человѣческія группы связаны не экономическими, но чисто общественными интересами. Въ сущности, это сводится къ старому взгляду, что эволюція народнаго хозяйства начинается съ одиночнаго хозяйства, и какъ зданіе складывается изъ отдѣльныхъ кирпичей, такъ и экономическій бытъ народа постепенно складывается изъ экономическихъ условій жизни отдѣльныхъ его представителей.

Каждый, кто взвѣситъ связь отдѣльной личности съ ея сородичами и одноплеменниками, не только животными, но и умершими предками и еще не народившимися потомками, усомнится въ справедливости этого взгляда. Уже давно сравнивали человѣческое общество и каждую изъ группъ, на которыя оно естественно распадается, съ водопадомъ или бьющимъ изъ земли источникомъ, съ виду представляющимъ собою нѣчто неизмѣнное, на дѣлѣ же состоящимъ изъ постоянно мѣняющихся, взлетающихъ вверху и затѣмъ исчезающихъ водяныхъ частицъ. Такъ отдѣльный человѣкъ есть лишь крошечная мимолетная и переходящая частица долговѣчной формы организаци, одно изъ звеньевъ безконечной цѣпи, отъ которой онъ зависитъ столько же, если не больше, сколько отъ своихъ живущихъ въ одну съ нимъ эпоху единоплеменниковъ: вѣдь все, что онъ приноситъ съ собою на свѣтъ, есть наслѣдіе исчезнувшихъ формы! Замѣчательно, что на человѣческомъ языкѣ нѣтъ наименованія, которое бы охваты-

вало не только живыхъ, но и ихъ умершихъ предковъ. Я предложилъ бы за недостаткомъ лучшаго и болѣе удачнаго термина «длительная группа» или «длительное общество», въ надеждѣ, что со временемъ будетъ найдено болѣе подходящее слово. Итакъ, краткою резюмирующею сказанное: отдѣльная личность и съ экономической точки зрѣнія нигдѣ и никогда не является самостоятельнымъ существомъ, но лишь членомъ длительной группы. Даже тотъ, кто совершенно ушелъ отъ человѣческаго общества и живетъ Робинзономъ или отшельникомъ, устраиваетъ свое хозяйство съ помощью наслѣдія предковъ, сказывающагося во всемъ—его тѣлѣ, познаніяхъ, склонностяхъ; кто же остается вѣрнымъ обитателемъ, гдѣ онъ выросъ, или же присоединяется къ новой общинѣ, получаетъ свою долю во всей суммѣ экономическихъ знаній, накопленныхъ его соплеменниками, хотя бы познанія эти и были въ глазахъ культурнаго человѣка до смѣшного ничтожными и отчасти даже сомнительнаго характера. Итакъ, экономическая общность интересовъ существуетъ и на низшей ступени развитія: отдѣльный человѣкъ добываетъ себѣ пищу при помощи знаній, составляющихъ общее достояніе, а затѣмъ—оставляетъ ли онъ добытую пищу себѣ, дѣлится ли ею съ другими или же вымѣниваетъ ее на что-нибудь,—это уже не важно въ сравненіи съ главнымъ. Разумѣется, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о сознательномъ отношеніи первобытнаго человѣка къ обязанностямъ, налагаемымъ на него принадлежностью къ извѣстной длительной группѣ, но все же вложенный въ него природой инстинктъ заставляеть его стремиться къ продленію рода и къ тому, чтобы доставить своему потомству необходимую долю пищи, заботы, защиты и знаній. Не будь этого—человѣчество давно бы исчезло съ лица земли.

Главная цѣль всякаго хозяйства—питаніе, представляется понятнѣе сравнительно простымъ лишь на низшихъ ступеняхъ развитія, да и то оно лишь съ виду просто. Обратимся къ животному міру. Стадо антилопъ, пасущееся на покрытой роскошной травой степи,—чудесный примѣръ такого простаго способа пропитанія: каждое животное непосредственно принимаетъ пищу, поднесенную ему природой, не прилагая къ тому никакого труда, кромѣ необходимыхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, срыванія, жеванія и проглатыванія стеблей. Дикіе народы, стоящіе на первобытной ступени развитія, въ этомъ отношеніи немного выше антилопъ, такъ что дѣйствительно кажется рискованнымъ называть хозяйствомъ удовлетвореніе ими своихъ насущныхъ потребностей.

А между тѣмъ работа, выпадающая на стадо антилопъ, вовсе не простая, напротивъ, очень сложная. Она есть результатъ безконечно долгой эволюціи, представляющей намъ чѣмъ-то живымъ и само собой понятнымъ. Тѣло антилопы вполне приспособлено къ кормленію той пищей, которую она находитъ въ степи; оно снабжено

наилучшими приспособленіями для принятія этой пищи, ея измельченія и перевариванія. Далѣе, каждое отдѣльное животное одарено вѣрнымъ инстинктомъ, подсказывающимъ ему, какія пищевыя вещества полезны ему и какія вредны; стадо изъ поколѣнія въ поколѣніе передаетъ свѣдѣнія о томъ, гдѣ въ степи можно найти кормъ, гдѣ воду, даже, можетъ быть, свѣдѣнія о тѣхъ излюбленныхъ мѣстечкахъ, гдѣ въ почвѣ имѣется примѣсь соли. Все это вовсе не просто и само собой понятно. Довольно сравнить хозяйственный бытъ такого стада антилопъ съ бытомъ львиной семьи, бытъ можетъ, живущей въ этой же самой степи, чтобы убѣдиться, какъ многообразны возможности развитія.

Мы давно уже знаемъ, что у человѣка мѣсто физической приспособляемости заступаетъ духовная. Если мы примѣнимъ это къ области питанія, мы увидимъ, что человѣческій организмъ лишь въ незначительной степени можетъ измѣниться подъ вліяніемъ пищи, и, наоборотъ, своей умственной силой человѣкъ можетъ измѣнить пищевыя вещества и сдѣлать ихъ усвояемыми для своего организма (см прил. рис.). И здѣсь человѣкъ не приспособляется къ материалу, но приспособляетъ къ себѣ материалъ. Между тѣмъ какъ у животныхъ, вынужденныхъ переимѣнить родъ пищи, постепенно мѣняется строеніе тѣла; приспособляясь къ новымъ условіямъ, человѣкъ расширяетъ область своихъ источниковъ питанія, превращая неудобоваримыя вещества въ удобоваримыя и добывая новые виды пищи, прежде ему недоступныя, путемъ изобрѣтенія новыхъ орудій и оружія. Безсознательный прогрессъ организма онъ замѣняетъ здѣсь сознательнымъ прогрессомъ общества, организуя въ видахъ борьбы за существованіе не тѣло свое, но предметы, находящіеся внѣ его. Эту-то отрасль его дѣятельности, поскольку она относится къ питанію, мы и называемъ *хозяйствомъ*.

Поэтому мы не должны считать несложнымъ и ничтожнымъ хозяйство хотя бы самой первобытной человѣческой группы. Надо разъ навсегда выяснитъ себѣ главные направленія, по которымъ развивается экономическая дѣятельность человѣка. И здѣсь, не давая особыхъ указаній въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мы видимъ въ общемъ подтвержденіе той давно извѣстной истины, что человѣческія стремленія параллельны усиліямъ природы, въ своей смутной, но цѣлесообразной работѣ стремящейся къ сохраненію и питанію живыхъ организмовъ или же владывающей въ нихъ неотразимыя потребности, побуждающія эти организмы къ таковой же самостоятельной работѣ.

Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что въ области хозяйства нѣтъ рѣзкаго разграниченія между человѣкомъ и животными. И между

Котелокъ
племени
Касса въ
Зап. Суданѣ.
По Пассаргу.

животными есть много хозяйственных, какъ, напримеръ, пчелы и муравьи или же хомякъ, собирающій запасы на зиму. Самостоятельная хозяйственная дѣятельность некоторыхъ первобытныхъ человѣческихъ группъ является весьма скудной въ сравненіи съ хозяйственными заботами иныхъ животныхъ, и вся выгодная для чловѣка разница здѣсь только въ томъ, что онъ дѣйствуетъ не только инстинктивно, но сознательно и цѣлесообразно, и потому, при соотвѣствующихъ стимулахъ, способенъ къ болѣе быстрому и высшему развитію.

Хозяйство немислимо безъ заботы о настоящемъ и будущемъ. Пасущееся стадо не ведетъ въ этомъ смыслѣ никакого хозяйства, но тѣло каждаго отдѣльнаго животнаго въ своей безсознательной хозяйственной дѣятельности, переработавъ полученный пищевой матеріалъ и отдѣливъ годное отъ негоднаго, оставляетъ еще часть про запасъ. Такъ и человѣкъ; если онъ только беретъ и съѣдаетъ случайно найденную пищу, это не есть хозяйственная дѣятельность въ настоящемъ смыслѣ этого слова; но если онъ производитъ извѣстныя манипуляціи надъ добытымъ пищевымъ матеріаломъ, если онъ хотя бы только разбиваетъ намнемъ скорлупу кокосоваго орѣха или мозговую кость; если онъ часть пищи откладываетъ про запасъ или несетъ ее домой и отдаетъ своимъ дѣтямъ—это уже хозяйственная дѣятельность. Все, что человѣкъ дѣлаетъ не ради удовлетворенія минутной прихоти, но въ интересахъ будущаго, мы называемъ работой; если онъ чего-нибудь не дѣлаетъ также въ видахъ будущихъ благъ, мы называемъ это воздержаніемъ. Въ этихъ двухъ направленіяхъ—труда и воздержанности—и развивается хозяйство; такимъ образомъ оно само собой распадается на двѣ обширныя группы.

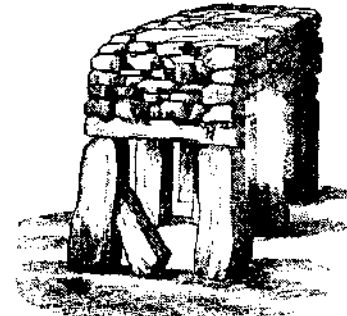
Трудъ необходимъ для удовлетворенія жизненныхъ нуждъ семьи или племени, ибо тутъ всегда имѣются отдѣльныя лица, о которыхъ нужно заботиться, такъ какъ сами они работать не въ состояніи; отчасти трудъ этотъ заключается въ борьбѣ съ двуногими и четвероногими врагами, или непосредственно опасными для общества, или оспаривающими у него источники питанія. Если борьба становится главнымъ занятіемъ извѣстной группы и ведется активно, возникаетъ хищническое хозяйство, весьма обычное у многихъ человѣческихъ группъ. Но трудъ и борьба требуютъ силъ и знаній, въ свою очередь требующихъ развитія и упражненія. Умножая силы изобрѣтеніемъ новыхъ орудій, оружія и машинъ, съ одной стороны, съ другой — научаясь бережно и цѣлесообразно расходовать эти силы, люди открываютъ себѣ путь къ безпредѣльному совершенству. Одновременно съ этимъ достигается самая важная по значенію экономія силъ передачею изъ поколѣнія въ поколѣніе уже накопленныхъ знаній и способностей.

Вторая важная сторона экономической жизни основана на воздержанности, проявляющейся въ различныхъ видахъ; въ сущности, она сводится къ тому, что отдѣльная личность отказывается отъ исключительнаго и немедленнаго пользованія чѣмъ-либо, перенося это на будущее и расширяя тѣмъ границы настоящаго и собственнаго я. Изъ желанія скопить на будущее время запасъ пищи вытекаетъ весьма важная роль отрасли хозяйства, посвященной приготовленію въ прокъ различныхъ продуктовъ (см. прил. рис.). Но прежде всего съ повышеніемъ культуры выясняется необходимость урегулированія потребленія, разумнаго и справедливаго удовлетворенія имѣющихся жизненныхъ потребностей, съ одной стороны, и ограниченія неразумнаго потребленія—съ другой. Но и помимо небрежливаго расходовавія запасовъ пищи можетъ стать, что население растетъ быстро, чѣмъ ресурсы его питанія; здѣсь горю можетъ помочь только ограниченіе роста населенія, то есть совершенно особый видъ воздержанія. И дѣйствительно, различные способы достиженія одной цѣли составляютъ весьма обширную и не послѣдней важности главу въ экономической наукѣ.

Чтобы ясно представить себѣ общую картину условій, необходимо развить въ частностяхъ этотъ схематическій взглядъ.

Всякая дѣятельность, прямо или косвенно служащая экономическимъ цѣлямъ, называется трудомъ. Но всѣ съ виду такія явленія и процессы понятія культурнаго міра, когда мы начинаемъ изслѣдовать ихъ возникновеніе и развитіе, какъ-то странно искажаются и мѣняются и чѣмъ дальше мы углубляемся въ прошлое, тѣмъ больше сбиваемся въ опредѣленіи ихъ истинной сущности; такъ и трудъ въ своихъ первобытныхъ, первоначальныхъ формахъ является какой-то причудливой помѣсью, весьма близкой къ дѣйствіямъ, которыя на высшихъ ступеняхъ развитія почти противопоставляются труду. Геніальному Карлу Бюхеру удалось пролить свѣтъ на это запутанное условіе. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ пользоваться добытыми имъ выводами, частью суживая ихъ, частью расширяя.

Итакъ, у первобытныхъ народовъ трудъ, какъ его понимаютъ народы культурные, то есть въ смыслѣ упорядоченной и цѣлесообразной работы, встрѣчается рѣдко или же только въ формѣ произвольнаго и часто по произволу прерываемаго усилія. У многихъ животныхъ не можетъ быть и рѣчи о трудѣ въ настоящемъ смыслѣ

этого слова. И все же и здѣсь должно быть что-нибудь, изъ чего развились высшія формы дѣятельности.

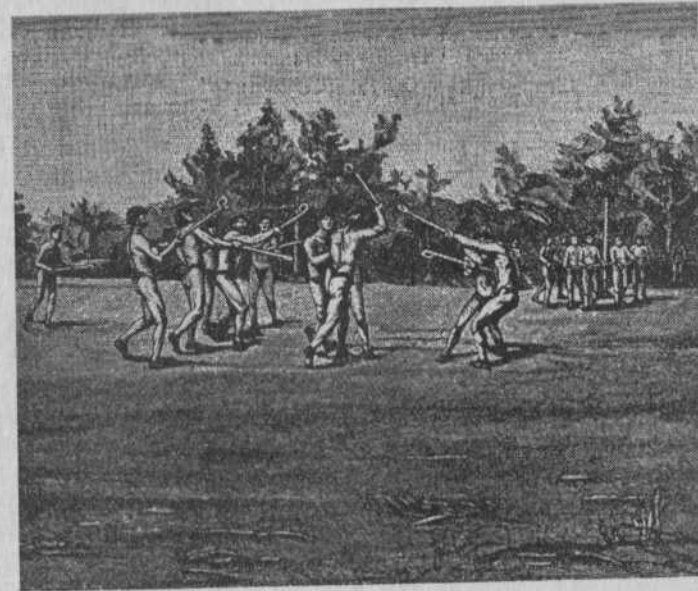
Въ сущности, нѣтъ и не можетъ быть ни одного живого существа, которое бы оставалось въ полномъ бездѣйствіи. Жизнь обуславливается обмѣномъ веществъ и, слѣдовательно, она по необходимости есть движеніе; то существо, которое не обнаруживаетъ активнаго движенія ни во внутреннихъ своихъ органахъ, ни по отношенію къ вѣшнему міру, мертво. Въ мірѣ растений всѣ проявленія жизни совершаются почти исключительно внутри организма; наоборотъ, животное, вынужденное добывать себѣ пищу, реагируетъ на вѣшнія раздраженія движеніями, направленными кнаружи. Эта направленная кнаружи дѣятельность, независимо отъ цѣлей и результатовъ ея, является необходимой для существованія: животное, привыкшее добывать себѣ пищу при помощи частыхъ и быстрыхъ движеній, если его посадить въ узкую клетку, умретъ, хотя бы его и хорошо кормили. Здѣсь не мѣсто распространяться о физиологическихъ причинахъ этого явленія, но самого факта нельзя отрицать.

Изъ этого обязательнаго для всѣхъ движенія несомнѣнно и вырастаетъ трудъ. Но развѣ необходимо, чтобы уже возникшая потребность движенія проявлялась всегда цѣлесообразными дѣйствіями? Подъ вліяніемъ голода или опасности, разумѣется, животное или человѣкъ напрягаетъ всѣ свои силы ради достиженія извѣстной цѣли; когда принужденіе исчезаетъ, онѣ проявляются свободно и необузданно и потребность движенія проявляется уже не въ трудѣ, а въ *игрѣ*. Для тѣхъ, кому еще нужно накопить силъ и развить ихъ невянными упражненіями, игра совершенно замѣняетъ цѣлесообразную дѣятельность. Почти всѣ молоденькія животныя точно такъ же, какъ и дѣти развиваютъ свои силы, играя и если на первобытныхъ народовъ часто смотрятъ, какъ на взрослыхъ дѣтей, причина въ этомъ главнымъ образомъ—ихъ любовь къ играмъ и отвращеніе къ правильному труду (см. рис. стр. 305). Въ особенности любятъ дикари пляску и отдаютъ ей столько силъ, сколько никогда не отдали бы правильному труду,—фактъ, особенно выдвигаемый и подчеркиваемый Ферреро. Пляска же, что очень важно, состоитъ изъ ритмическаго повторенія несложныхъ тѣлесныхъ движеній.

Страсть къ упомянутымъ пляскамъ ясно показываетъ, что боящійся работы дикарь избѣгаетъ не физическаго, а умственнаго усилія. Всякая цѣлесообразная работа требуетъ извѣстной доли вниманія и умственнаго напряженія, быстро утомляющаго непривычнаго человѣка; точно также и дѣтей культурныхъ народовъ приходится учить всякимъ работамъ, между тѣмъ какъ игры они затѣваютъ по своей охотѣ и часто играютъ подолгу. Танецъ, пляска съ ея разнообразными безцѣльными движеніями вовсе не требуютъ такого напряженія или же требуютъ его въ очень незначительной степени.

Боязнь работы превозмогается голосомъ пужды и надеждой на наслажденіе; способность имѣть въ виду это наслажденіе и ради него трудиться и ограничивать себя—большое преимущество культурныхъ народовъ передъ дикими. Это усиліе надъ собой облегчается, однако, своеобразнымъ явленіемъ, отмѣченнымъ главнымъ образомъ тѣмъ же Бюхеромъ: въ началѣ трудъ перѣдко принимаетъ форму игры или, иными словами, превращается въ своего рода ритмическую игру и этимъ настолько облегчается умственное усиліе, что такую работу можетъ дѣлать и совершенно неразвитой человѣкъ.

О значеніи ритма мы будемъ говорить, когда пойдетъ рѣчь объ

Индѣйцы Меноминн, играющіе въ мячъ (Сѣв. Америка).

искусствѣ. Здѣсь достаточно будетъ указать на факты и въ то же время привести взглядъ Бюхера, что ритмическая работа уже потому менѣе утомительна, что здѣсь расходование силъ происходитъ въ упорядоченной и размѣренной формѣ. Сущность и значеніе рабочаго ритма Бюхеръ изображаетъ очень красиво и мѣтко: «Что строго размѣренный ходъ работъ, требующихъ равномерности движеній, дѣйствительно обнаруживаетъ наклонность становиться ритмичнымъ, это лучше всего выясняется для насъ на тѣхъ работахъ, при которыхъ сопряженіе орудія съ матеріаломъ даетъ звукъ; здѣсь по громкимъ, черезъ ровные промежутки времени повторяющимся, ударамъ

или толчкамъ, мы заключаемъ какъ о равномерности усилій производящей ихъ силы, такъ и размѣренности (во времени или пространствѣ) движеній, сопровождающихъ эти усилія. Кузнецъ, слесарь, жестяникъ, котельщикъ равномерно, въ тактъ ударяютъ молотомъ по металлу; столяръ также равномерно работаетъ рубанкомъ, пилой, рошпилемъ и гладилкой; кто не знаетъ своеобразнаго звука сложнаго молотка, трепалки, мшущей лопы, ткацкаго челнока, плотничьяго топора, трамбовки, стеки каменотесовъ? Затѣмъ Бюхеръ говоритъ о работахъ, которыя дифференцируются въ отношеніи силы и продолжительности, порождая звуковой ритмъ, нѣчто вродѣ мелодіи. «Разумѣется, — продолжаетъ онъ, — звуковой ритмъ въ такихъ случаяхъ не есть что-нибудь самостоятельное, — онъ обуславливается ритмомъ работы. Онъ не только помогаетъ поддерживать равномерность движеній, въ силу присущей ему музыкальности, онъ еще подбадриваетъ рабочаго и подчиняетъ самую работу контролю каждаго, кто слышитъ ея звукъ. Можно сказать, следовательно, что звуковой ритмъ двигаетъ работу и облегчаетъ ее».

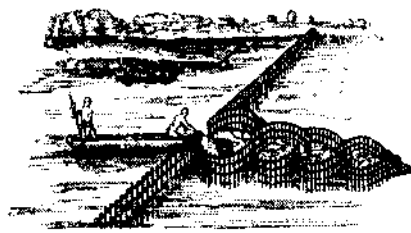
Возбуждающія силы музыки, о которой говоритъ здѣсь Бюхеръ, сила, испытанная на себѣ каждымъ, у кого сами ноги ходятъ при звукѣ вальса, точно также заключается въ ритмѣ, черезъ посредства уха легче и вѣрнѣ всего доходящаго до сознанія; такимъ же образомъ — только менѣе сильно — можетъ дѣйствовать видъ ритмическихъ тѣлесныхъ движеній, побуждая къ подражанію. Въ этомъ еще одно важное преимущество звукового ритма, выгода его, которую легко распознать; а, сознавъ это, стараются сопровождать ритмическими звуками даже и такія работы, которыя не производятъ никакого или почти никакого шума, чтобы по этимъ звукамъ размѣрять время и силу. Такъ возникли рабочія пѣсни. Конечно, было бы большою ошибкой сейчасъ же выводить изъ этого заключеніе, что стихосложеніе (Dichtung) вышло изъ труда и возникло вмѣстѣ съ нимъ; стихосложеніе, какъ мы увидимъ дальше, есть ритмическая игра и если эта игра присоединяется къ работѣ для облегченія ея, она раздѣляетъ эту участь съ родственными ей искусствами — музыкой и танцами. Дѣйствительно, не только существуютъ рабочія пѣсни, но и рабочія пляски: тамъ гдѣ позволяетъ характеръ работы, дикіе народы охотно прибѣгаютъ при выполненіи ея къ движеніямъ, напоминающимъ пляску, по большей части въ сопровожденіи музыки, регулирующей тактъ. Шаденбергъ замѣтилъ, что въ южномъ Мивдао туземцы даже при вснахиваніи поля стараются соблюдать плясовую ритмъ.

Рабочія пѣсни въ особенности употребительны тамъ, гдѣ работой заняты одновременно нѣсколько человѣкъ и работа эта требуетъ размѣрныхъ движеній. Всего чаще, пожалуй, встрѣчаются пѣсни гребцовъ, хотя онѣ составляютъ лишь незначительную часть всего огром-

наго количества пѣсенъ. Содержаніе въ нихъ не играетъ большой роли, перѣдко оно бываетъ очень скудно или же состоитъ только изъ ряда неимѣющихъ смысла восклицаній и словъ. Штульманъ пишетъ о жителяхъ страны Букоба, лежащихъ на берегахъ озера Викторіи, что «они безъ протяжныхъ звуковъ не могутъ выполнить почти никакой работы. Одинъ поетъ, а другіе отвѣчаютъ, перѣдко однимъ только протяжнымъ звукомъ». Иногда солистъ импровизируетъ, а хоръ отвѣчаетъ ему обычнымъ припѣвомъ; но чаще встрѣчаются рабочія пѣсни и мелодіи, которыми и поются въ извѣстныхъ случаяхъ всегда одинаково. На островахъ Товарищества, рассказываетъ Эллисъ, есть особая пѣсня для рыбаковъ, особая — для строителей лодокъ; есть пѣсня, которая поется, когда рубятъ дерево, спускаютъ на воду челнокъ и т. д., и т. д. У нильскихъ рыбаковъ есть для всякой работы свои пѣсни, которыя притомъ мѣняются соответственно времени дня. У нѣмецкихъ моряковъ и рыбаковъ тоже были свои пѣсни для всякой работы, о чемъ свидѣлствуетъ пѣсня чешскихъ и дунайскихъ бечевичковъ (такъ называемыхъ Ногенауег или Ногенауег), приводимая Бюхеромъ изъ стараго баварскаго источника.

Разумѣется, не одна только власть ритма побуждаетъ облачать работу въ форму игры; по крайней мѣрѣ такую же роль играетъ здѣсь внѣшній обликъ свободы и беззаботности, который имѣетъ работа, напоминающая игру; а затѣмъ развивается привычка къ правильной работѣ, и потребность въ игрѣ исчезаетъ. Рабочія пѣсни — важные документы, свидѣлствующие о полубезсознательномъ самовоспитаніи человѣчества.

Переходъ отъ дѣятельности, какъ ее понимаетъ дикарь, къ суровому профессиональному труду культурнаго человѣка дѣйствительно очень труденъ и можетъ быть выполненъ только постепенно въ широкихъ рамкахъ длительной группы; срокъ жизни одного человѣка слишкомъ коротокъ для такого чудовищно-труднаго приспособленія къ новымъ условіямъ. И все-таки несправедливо было бы считать дикарей бездѣльниками, такъ какъ и они часть своихъ силъ и перѣдко значительную часть превращаютъ въ дѣятельность, но только дѣятельность эта направлена на забаву, напримѣръ, на изготовленіе украшеній или же проявляется неравномерно, неупорядоченно, такъ какъ продолжительное напряженіе вниманія дикарей невозможно. «Даякъ, — пишетъ Макъ Дугаль объ обитателяхъ Борнео, — не лѣнивъ.

Гариунъ для битья рыбы виргинскихъ индѣйцевъ (С. Америка).

Правда, онъ не работаетъ такъ, какъ намъ приходится работать, по онъ всегда чѣмъ-нибудь занятъ: то вырѣзываетъ орудія, то домашнюю утварь. Женщины и полавно работаютъ очень усиленно». Только культурные народы воспитали въ себѣ потребность необходимая для нихъ движенія облекать въ форму труда и даже находить въ немъ радость и успокоеніе (Евангелие труда).

Силокъ для ловли птицъ у эскимосовъ.

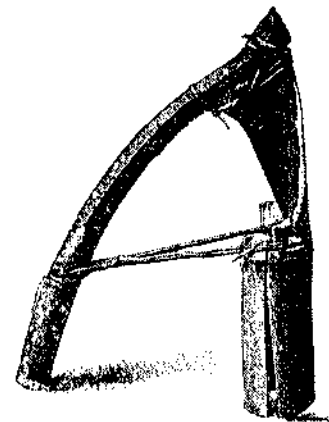
Всякій экономическій трудъ, въ сущности, имѣетъ цѣлью расширить базисъ существованія. У первобытнаго человѣка, въ особенности, если земля, на которой онъ живетъ, не очень плодородна, этотъ базисъ довольно узокъ. Мы не станемъ поднимать здѣсь вѣчно неразрѣшимого спорнаго вопроса, питался ли человѣкъ въ началѣ растительной пищей или же онъ съ самаго начала былъ всеяднымъ. Но ни строеніе зубовъ человѣка, ни его первобытное оружіе не давали ему возможности нападать на большихъ теплокровныхъ животныхъ, разрывать ихъ на части и пожирать. Лишь послѣ изобрѣтенія оружія и открытія огня первобытный человѣкъ могъ сдѣлаться охотникомъ въ широкомъ смыслѣ слова. Итакъ, изъ первоначальнаго хозяйства, состоявшаго просто въ смѣнѣ мѣста ради поисковъ новаго корма, очень скоро развились высшія формы хозяйства. Даже и самая смѣна мѣста не есть безцѣльное, простое блужданіе, но совершается по плану, подсказанному опытомъ и традиціей, и планъ этотъ способенъ къ расширенію въ томъ смыслѣ, что признаются съѣдобными новыя вещества, до тѣхъ поръ не употреблявшіяся въ пищу, находятся новыя мѣста для кормежки, подлежащія отнынѣ регулярному пользованію.

Выработка оружія и методовъ ловли (см. прил. рис. и рис. стр. 307), точно также, какъ и приспособленія для выкапыванія корней и лазанья на деревья, помогаютъ увеличить количество пищи. Воздѣлываніе употребляемыхъ въ пищу растений, разведеніе молочнаго и убойнаго скота суть только дальнѣйшіе шаги на этомъ пути, ведущемъ къ возможно болѣе интенсивной эксплуатаціи имѣющейся земли, къ которой въ этомъ случаѣ надо причислить и море, и обильныя рыбы воды.

Другая отрасль экономической дѣятельности, нацѣленная противъ, имѣетъ цѣлью улучшить качество пищи, лучше использовать продукты, сдѣлать ихъ болѣе приятными на вкусъ и болѣе удобоваримыми. Это дѣлается путемъ механическаго разбиванія, размѣшиванія (см. рис. стр. 309) и растиранія или же при помощи химическихъ процес-

совъ, вызываемыхъ гніеніемъ, броженіемъ и, прежде всего, нагреваніемъ. Значеніе огня для человѣческой культуры неизмѣримо; но прежде всего имъ воспользовались для растворенія несъѣдобныхъ или трудно варимыхъ питательныхъ веществъ и для приданія имъ пріятнаго вкуса.

Рѣзкою противоположностью къ расширенію основъ существованія, составляющему задачу продуктивнаго труда, является хищническое хозяйство, стремящееся упожить ресурсы за счетъ продуктивныхъ элементовъ. Оно достигаетъ своей цѣли путемъ войны и насилия, но неправильно было бы считать войну простымъ внѣшнимъ проявленіемъ хищническихъ тенденцій въ хозяйствѣ. Она есть средство къ достиженію цѣли, примѣняемое, однако, лишь тамъ, гдѣ ограбленные сопротивляются. Почти съ такимъ же правомъ можно назвать воинственную дѣятельность вспомогательнымъ ресурсомъ продуктивнаго хозяйства, такъ какъ и самымъ мирнымъ племенамъ приходится вести борьбу за существованіе съ животными и людьми. Этими двумя видами борьбы отвѣчаютъ и два вида оружія, употребляемаго для нападенія и для защиты (см. рис. стр. 310, 311). Лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются человѣческія группы, явущіяся однимъ грабежемъ. Чаще всего въ хозяйствѣ идетъ раздѣленіе труда между полами, причемъ женщины посвящаютъ себя продуктивной работѣ, а мужчины войнѣ. При этомъ хищническое хозяйство, какъ и всѣ прочіе виды его, проходятъ черезъ различныя фазы и каждой экономической ступени соответствуетъ особая система войны и грабежа, причемъ мѣняется и методъ, и добыча. Первобытный воинъ изъ племени каннибаловъ, убивающій врага просто для того, чтобы съѣсть его, представляетъ собою совѣтъ иную фигуру, чѣмъ вооруженный пастухъ, уголяющій скотъ у пастуховъ сосѣдняго племени, чѣмъ земледѣлецъ, войной добывающій рабовъ для обработки своихъ полей, или же воинственный купецъ, который стремится монополизировать торговые барыши и ставить въ экономическую зависимость отъ себя цѣлыя народы. Само собой хищническое хозяйство возможно и безъ насилия. Цыгане, напримѣръ, наполовину живутъ воровствомъ; хищническимъ хозяйствомъ мѣстами можетъ быть названъ паразитизмъ евреевъ, армянъ и т. д.; утонченнѣйшимъ

Молотокъ для разбиванія саговыхъ зеренъ у Хальмахера (на Молуккскихъ о-вахъ).

цвѣтомъ этой системы является у высоко развитыхъ народовъ биржевой маляръ. Какъ рядомъ съ народными производителями всегда бывали народы съ хищнической организаціей, такъ и въ каждой общественной группѣ всегда находятся отдѣльные хищники, хотя они и рѣдко ведутъ свое дѣло открыто.

Въ общемъ хищническое хозяйство всегда играло лишь побочную роль въ развитіи человѣчества уже потому, что оно по необходимости предполагаетъ предварительное существованіе продуктивныхъ видовъ хозяйства, но оно въ то же время является показателемъ того, что расширеніе экономическихъ устоевъ у народовъ-производителей не могло совершаться безпрепятственно, такъ какъ рядомъ всегда оказывалось не мало сосѣдей, жадныхъ до добычи. И, однако, препятствія экономическому прогрессу и основательной эксплуатаціи естественныхъ преимуществъ, встречающіяся внутри отдѣльныхъ человѣческихъ группъ, нерѣдко оказываются еще значительнѣе и опаснѣе, чѣмъ хищническія вторженія извнѣ.

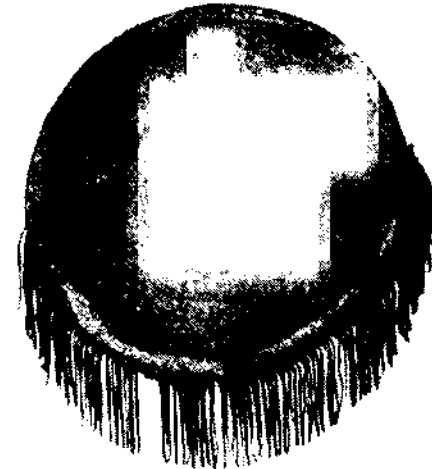
Ни одинъ народъ на землѣ не умѣетъ такъ использовать всѣ пригодныя къ пользованію матеріалы, имѣющіеся въ его распоряженіи, какъ то подсказываютъ ему чисто хозяйственныя соображенія; но странно, что даже у высоко развитыхъ народовъ самыя крупныя жертвы трудомъ и пищевыми матеріалами приносятся мертвымъ, что они накладываютъ руки на важнѣйшія условія существованія и получаютъ требуемое. Экономическое вліяніе культа умершихъ и страха передъ ними въ первобытныхъ условіяхъ существованія чрезвычайно велико и въ особенности велико тамъ, гдѣ культурныя завоеванія уже велики, очищеніе же и одухотвореніе вѣры въ безсмертіе еще не вполне достигнуто. Здѣсь невозможно изложить бесчисленные отдѣльные факты во всей ихъ полнотѣ; мы можемъ только въ главныхъ чертахъ указать, какимъ образомъ культъ умершихъ гибельно отзывается на благосостояніи оставшихся въ живыхъ.

Могильный посохъ бушменовъ.

Страхъ передъ умершими оказываетъ двойное вредное дѣйствіе: съ одной стороны, онъ ставитъ преграду экономическому труду и уничтожаетъ рабочія силы, съ другой стороны, по милости его пронадеетъ даромъ пища и различныя матеріи. Уже безконечный плачь по мертвымъ, уродованіе себя въ знакъ печали и т. д. неблагоприятно отзываются на хозяйственномъ трудѣ; еще ужаснѣе жертвы человѣческими жизнями въ честь мертвыхъ. И такія массовыя жертвоприношенія обычны не на первобытныхъ ступеняхъ развитія, напротивъ, онѣ совпадаютъ уже съ извѣст-

ными выработанными взглядами на загробную жизнь и міръ боговъ. Зато малоразвитые народы съ ихъ вѣрой въ колдовство не склонны объяснять смерть естественными причинами; напротивъ, они всегда объясняютъ ее преднымъ вліяніемъ какого-нибудь чловѣка изъ своего или чужого племени, который и долженъ быть за это наказанъ смертью. Но и сами умершіе все-таки еще могутъ вредить, такъ какъ разложившіеся трупы нерѣдко зарываютъ въ жилыхъ хижинахъ или вообще держатъ въ опасной близости.

Другое важное послѣдствіе, вытекающее изъ страха передъ мертвыми, — это желаніе устроить ихъ мѣсто успокоенія по возможности красиво и пріятно для нихъ, для того, чтобы они во гнѣвѣ не вернулись къ своимъ прежнимъ жилищамъ; отсюда странное явленіе: жилища мертвыхъ оказываются гораздо больше и богаче, чѣмъ дома живыхъ. У древнихъ германцевъ цѣлыя племена трудились надъ тѣмъ, чтобы соединенными силами воздвигнуть великолѣпную гробницу изъ гигантскихъ каменныхъ глыбъ, какъ усопшему вождю, который при жизни отличнѣйшимъ образомъ доволствовався простой деревянной хижиной.

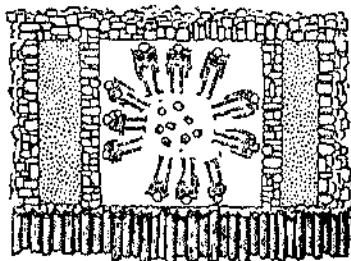
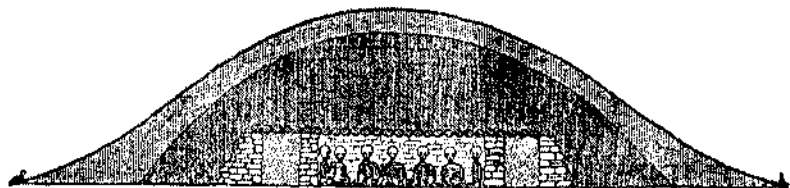

Кожаный щитъ у Апахъ (Мексика).

Американскіе курганы (Mounds, см. рис. стр. 312) долго считали памятниками культуры погибшихъ народовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это, очевидно, памятники, воздвигнутые предкамъ теперешнихъ индійскихъ племенъ; а на берегахъ Нила выше всѣхъ королевскихъ дворцовъ высятся пирамиды, гдѣ въ потайныхъ внутреннихъ комнатахъ спятъ вѣчнымъ сномъ усопшіе фараоны.

Еще вреднѣе напраснаго расходованья рабочей силы другое экономическое послѣдствіе страха мертвыхъ — уничтоженіе оставшагося послѣ нихъ имущества. Культурный чловѣкъ находитъ вполне естественнымъ, чтобы имущество умершаго переходило къ его потомкамъ, а живой отчасти черпалъ силы для работы въ желаніи скопить что-нибудь для своихъ дѣтей, чтобы облегчить имъ борьбу за существованіе. Но къ такому взгляду чловѣчество пришло не сразу.

Дикимъ народамъ, напротивъ, кажется вполне естественнымъ, что умершій, сдѣлавшись призракомъ, не оставляетъ, однако, притязаній на свое бывшее имущество и мстить каждому, кто осмѣлится завладѣть имъ. Поэтому благоразумный человекъ или не станетъ пользоваться наслѣдствомъ мертвеца или же отправитъ его вслѣдъ за хозяиномъ путемъ зарытія въ землю или сожженія. Но помимо этого мертвецъ сохраняетъ за собой и другія права на участіе въ общественной жизни; онъ попрежнему требуетъ своей доли пищи и участія въ наслажденіи другихъ или же препятствуетъ живымъ пользоваться плодами деревьевъ, молокомъ коровъ и т. д., принадлежавшихъ ему. Тамъ, гдѣ экономическіе ресурсы племени или семьи и безъ того сграничены, такіа требованія не могутъ не быть тягост-

Разрѣзъ могильной насыпи (Mounds) въ Иллинойсѣ (Сѣв. Америка).
Внизу—внутренность могилы, если смотрѣть на нее сверху.

ными и вредными. Въ иныхъ мѣстахъ, напримѣръ на островахъ Малайскаго архипелага, въ честь и ради умилостивленія мертвыхъ даются пышные празднества, стоящіа такъ дорого, что послѣ нихъ иной разъ цѣлая семья идетъ по миру.

Экономическій вредъ культа мертвыхъ, но уже въ связи съ другими взглядами, сказывается еще въ запрещеніи употреблять въ пищу нѣкоторыхъ животныхъ и растений; именно, у дикихъ народовъ такіа запреты совершенно произвольно ограничиваютъ количество питательныхъ веществъ и сильно тормазятъ экономическій прогрессъ. Множество такихъ запретовъ находятся въ тѣсной связи съ боязнью мертвыхъ и вытекающими изъ нея общественными фор-

мами, уже подробно описанными подъ именемъ тотемизма: мысль, что душа прадѣда или вообще кого-либо изъ умершихъ сородичей поселилась въ тѣлѣ какого-нибудь животнаго или, въ видѣ исключенія, въ растеніи, не допускаетъ экономическаго пользованія этимъ животнымъ или растеніемъ. Дикари южной Африки считаютъ не только змѣй, но и рыбу, похожихъ на змѣй, вмѣстителей душъ умершихъ и потому не ѣдятъ ихъ. Разумѣется, есть исключенія; такъ, напримѣръ, Аино и племена, живущія по рѣкѣ Амуру, видятъ въ медвѣдѣ чуть не божество и въ то же время очень охотно ѣдятъ его мясо, которое считается у нихъ большимъ лакомствомъ (см. прил. рис. и на отдѣльномъ листѣ—«медвѣжій праздникъ у гилаковъ»).

Другая группа запретныхъ яствъ уже не находится въ связи съ культомъ умершихъ, но вводитъ насъ въ новую область экономическихъ ограниченій. У многихъ болѣе цивилизованныхъ народовъ вошь, на которомъ пашутъ, уже исключается изъ числа убойнаго скота на томъ основаніи, что онъ—другъ и помощникъ человека и нельзя платить ему за трудъ такой черной неблагодарностью. Здѣсь уже ограниченіе пищевыхъ ресурсов вытекаетъ изъ нравственныхъ

Деревянная чашечка съ амулетомъ въ видѣ медвѣдя (Сибирь).

мотивовъ. Сюда относится, конечно, и страхъ большинства цивилизованныхъ народовъ передъ употребленіемъ въ пищу собачьяго мяса и конины, хотя причина этого страха и не ясна. Величайшимъ торжествомъ этическихъ законовъ относительно пищи было, конечно, прекращеніе людоедства. Проблема людоедства до сихъ поръ еще не разрѣшена вполнѣ ни въ этическомъ, ни въ экономическомъ смыслѣ. Странное, конечно, и неприятное чувство вызываетъ мысль, что у высшихъ породъ животныхъ потребленіе себѣ подобныхъ наблюдается лишь въ видѣ исключенія, тогда какъ у нѣкоторыхъ человеческихъ группъ однимъ изъ устоевъ экономическаго быта является людоедство, и еще больше такихъ, которыя не прочь хоть изрѣдка полакомиться человеческимъ мясомъ. Большинство изслѣдователей, занимавшихся этимъ вопросомъ, склонны думать, что каннибализмъ есть уже позднѣйшее приобрѣтеніе, результатъ грубо вырождающаго чувства мести, требовавшаго полного уничтоженія побѣжденнаго врага. Штейнлицъ въ позднѣйшее время послѣ тщательныхъ изслѣдованій пришелъ къ другому результату, который многимъ можетъ показаться сомнительнымъ, но все же заслуживаетъ большого вни-

манія. Онъ указываетъ на чрезвычайно широко распространенный между дикими народами обычай андоканнибализма, т. е. пожирания собственныхъ умершихъ или погибшихъ отъ болѣзни, старости или руки убійцы единоплеменниковъ, и считаетъ его весьма древнимъ обычаемъ, свойственнымъ всему человечеству. Такимъ образомъ пожирание тѣлъ убитыхъ враговъ представляетъ собой уже нѣсколько облагороженную форму этого обычая, у культурныхъ же народовъ онъ совершенно выводится въ силу этическихъ причинъ.

Но и помимо этой теоріи, человеческое мясо несомнѣнно мѣстами является важнымъ пищевымъ ресурсомъ; такимъ образомъ съ уничтоженіемъ людодѣства ограничивается и область питания. Лумгольцъ рассказываетъ объ обитателяхъ Квинслэнда: «Племена, живущія на рѣкѣ Гербертъ, иной разъ устраиваютъ набѣги специально для добычя человеческого мяса. Въ такихъ случаяхъ собирается обыкновенно небольшой отрядъ отважнѣйшихъ удалцовъ, прославившихся своимъ мужествомъ. Ихъ не много, потому что нападаютъ обыкновенно на небольшія семьи изъ четырехъ—шести человекъ, не болѣе... Судя по этому, жителей сѣвернаго Квинслэнда надо признать людодѣлами и мои люди ничуть не скрываютъ этого, напротивъ, по вечерамъ охотнѣ всего заводятъ рѣчь на эту тему, такіе разговоры и возмущаютъ меня, и возбуждаютъ во мнѣ глубокое отвращеніе».

Въ бассейнѣ Конго людодѣство развито чрезвычайно въ самыхъ отвратительныхъ формахъ. Наряду съ племенами, покупающими себѣ рабовъ въ качествѣ убойнаго скота, находятся другія, вымѣнивающие другъ у друга своихъ покойниковъ, очевидно, для того, чтобы не быть вынужденными погнать своихъ близкихъ родственниковъ и не лишиться въ то же время высокоцѣнной и излюбленной пищи. Здѣсь уже проскальзываютъ намеки на известное нравственное ограниченіе. Одно племя, живущее по рѣкѣ Огове, по свѣдѣтельству Пайера Дидело, скупаетъ у сосѣднихъ племенъ трупы умершихъ и пожираетъ ихъ. Этимъ племенамъ съ ихъ своеобразными хозяйственными воззрѣніями наши кладбища, вѣроятно, показались бы памятникомъ удивительной антихозяйственной расточительности.

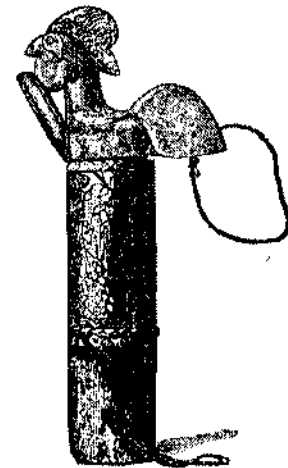
Культурнымъ народамъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ пришлось ограничить первоначальный свой пищевой режимъ подъ вліяніемъ развившагося въ нихъ чувства красоты и опрятности, а также и гигиеническихъ соображеній. Пристрастіе къ сгнившему мясу, берущее свое начало, быть можетъ, еще во времена, предшествовавшія открытію огня, у культурныхъ расъ совершенно исчезло; выводится и употребленіе въ пищу нѣкоторыхъ видовъ земли, прежде очень распространенное; насекомыхъ и червей всякаго рода большинство уже не ѣсть, брезгуя ими.

Правда, этимъ путемъ можно дойти до самыхъ бессмысленныхъ крайностей, какъ только въ экономическіе факторы замішается идея

религіозной чистоты. Примѣрами такого заблужденія, самого по себѣ благороднаго и обусловливаемого известнымъ нравственнымъ прогрессомъ, является индусъ, разсыпавшій свой рисъ, или ортодоксальный польскій еврей, считающій свою сплошь и рядомъ нечистую пищу болѣе чистой, чѣмъ ѣда христіанина.

Эти отдѣльные исключенія не мѣняютъ того факта, что съ повышеніемъ уровня культуры умножается количество пищевыхъ ресурсовъ человѣка и онъ научается лучше пользоваться уже имѣющимися питательными матеріалами. Это относится не только къ пищевымъ продуктамъ, но и ко всемъ полезнымъ для человѣка растеніямъ, животнымъ и минераламъ, вообще ко всемъ силамъ природы, которая человѣку заставляетъ такъ или иначе служить себѣ, своимъ экономическимъ интересамъ. Всесторонняя эксплуатация имѣющихся ресурсовъ встрѣчается уже на первобытныхъ ступеняхъ развитія, но только въ одностороннемъ видѣ. Такъ, напримѣръ, есть уголки земли, гдѣ почти всѣ хозяйственныя проблемы разрѣшаются съ помощью бамбука: молодые побѣги его употребляютъ въ пищу; изъ тонкихъ вѣточекъ дѣлаютъ копья, луки и прочее; изъ ствола—сосуды (см. прил. рис.); изъ бамбука же строятъ дома и обсыпаютъ ихъ изгородью. Въ полярныхъ странахъ вся сила народного ума идетъ на эксплуатацію тѣла животнаго; изъ его костей, жилъ, зубовъ (см. рис. стр. 316), шкуры и роговъ изготовляютъ почти всю необходимую одежду и утварь, а мясо и жиръ его употребляются въ пищу.

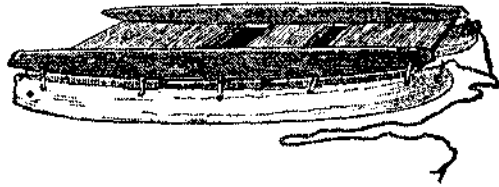
Но экономическій прогрессъ расширяетъ и въ другомъ смыслѣ основы человеческого бытія. Для народной жизни и культуры чрезвычайно важно *регулированіе потребленія*; но естественныя условія сами по себѣ не способствуютъ такому регулированію. Лишь въ определенные періоды времени созрѣваютъ плоды на деревьяхъ и овощи на поляхъ, прилетаютъ птицы, и рыбы ходятъ стаями и мечутъ икру; измѣнчивость погоды, въ связи со многими другими обстоятельствами, еще увеличиваетъ эту неравномѣрность питания, у первобытныхъ народовъ проявляющуюся необычайно ярко: за періодами избытка, честуемыми дикарями разгуломъ, слѣдуютъ періоды голода и отчаянія. Подняться выше этой печальной ступени первобытному человѣку не легко отчасти влѣдствіе различныхъ слабо-

Бамбуковый ящикъ племени Вали (Зондскій архипелагъ).

стей характера; но и нравственный прогресс не помог бы горю, если бы одновременно съ нимъ не были открыты средства предохранять питательныя вещества отъ порчи и уничтоженія звѣрями и такимъ образомъ до известной степени устранять хотя бы отдѣльныя періодическія голодовки.

Здѣсь опять таки надо различать чисто механическія и химическія средства. Нерѣдко для достиженія цѣли оказывается достаточнымъ построить особыя кладовыя, недоступныя мышамъ и другимъ вреднымъ звѣрькамъ, оберегать припасы отъ сырости, время отъ времени провѣтривать ихъ, или, наоборотъ, держать запакованными и т. д., и т. д. Уже простое засушиваніе долѣе сохраняетъ мясо и плоды; при попыткѣ сушить мясо на очагѣ люди узнали консервирующую силу жаренія и копченія; по мнѣнію Карла фонъ-деиъ Штейненъ, быть можетъ, и огонь впервые былъ примененъ для этой цѣли. Народы полярныхъ странъ, конечно, скоро замѣтили, что въ замороженномъ видѣ пищевые продукты долго сохраняются свѣжими; другіе, поставленные въ этомъ отношеніи въ особо благоприятныя условия, обратили вниманіе на полезное дѣйствіе соли. Затѣмъ культурные народы открыли еще много консервирующихъ веществъ, и искусство сохраненія пищевыхъ продуктовъ получило высокое развитіе. До известной степени сюда же относится обычай придавать легко портящимся матеріаламъ болѣе прочную форму—напримѣръ, изъ молока дѣлать сыр.

Маленькія сани эскимосовъ съ полозьями изъ моржевыхъ клыковъ.

Многія африканскія племена только потому упиваются дивомъ, что во время жатвы у нихъ остается масса хлѣба, который они не умѣютъ сохранять и, чтобы не выбрасывать излишка, варятъ изъ него пиво; впрочемъ, это пиво такъ богато питательными веществами, что для иныхъ временно замѣняетъ всякую пищу.

Но что толку въ наилучшихъ методахъ сохраненія, пока человѣкъ не научился побѣждать въ себѣ приступы жадности, пока *забота о будущемъ* не пересиливаетъ радости отъ неумѣреннаго потребленія, расточительности и мотовства? Умѣнье преодолевать себя, постепенно выработанное предками цивилизованныхъ культурныхъ народовъ,—одна изъ величайшихъ побѣдъ человечества, подвигъ, который смѣло можетъ быть поставленъ наряду съ мифическими подвигами Геракла.

Большія человеческія группы пока сдѣлали только первый шагъ въ этомъ направленіи, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя племена австра-

лійскихъ негровъ, запасающіяся нищей развѣ только передъ большими праздниками, чтобы потомъ предаться самому необузданному обжорству,—характерное доказательство того, что и здѣсь игры и праздники имѣютъ гораздо большее побудительное вліяніе, чѣмъ разумныя экономическія взгляды, лишь постепенно берущіе перевѣсъ надъ другими. Вѣдь и у культурныхъ народовъ такъ укоренилась склонность къ расточенію и разрушенію, что воспитаніе усвѣщаетъ справиться съ нею лишь у известной части подрастающей молодежи, между тѣмъ какъ громадный процентъ людей никогда не выучиваются управлять своими желаніями. И не только кочевыя племена, живущія что называется только что изъ рукъ да въ ротъ, вредятъ своимъ экономическимъ интересамъ неразумной невоздержностью, но и племена земледѣльческія. О народѣ Бари, обитающемъ въ верхней долигѣ Нила, Вита Гассанъ говоритъ: «Когда Бари соберетъ жатву, онъ уплываетъ подать правительству, а остальное съѣдаетъ въ короткое время—въ два-три мѣсяца; затѣмъ кормится рыбной ловлей, охотой и собираемъ дикихъ плодовъ... За расточительность и безпечность арабы этой провинціи сравниваютъ его съ ворономъ, который три мѣсяца въ году питается финиками, а остальные девять—падалью». Голодовки и невоздержность обуславливаютъ другъ друга: изголодавшійся человѣкъ, неожиданно раздобывъ пищу, накидывается на нее безъ всякаго удержу и тѣмъ самымъ готовитъ себѣ новую недостатку. Изъ этого заколдованнаго круга, повидимому, нѣтъ выхода, и дѣйствительно, многіе народы до сихъ поръ не сумѣли найти его.

Прослѣдить въ подробностяхъ, какъ дошли современные культурные народы до своего теперешняго состоянія, врядъ ли возможно. Къ счастью, у насъ имѣется классическій примѣръ, показывающій, какими окольными путями идетъ экономическое развитіе и какъ при известныхъ обстоятельствахъ средства, берущія свое начало совсѣмъ въ другой области, заставляютъ болѣе или менѣе сознательно служить экономическимъ цѣлямъ, пока не выработается самодовлѣющій нравственный устой. Рѣчь идетъ о знаменитыхъ законахъ *табу*, нерѣдко ошибочно рассматриваемыхъ, какъ чисто экономическія мѣры, тогда какъ они выросли совсѣмъ на другой почвѣ.

На островахъ Полинезіи и Меланезіи распространенъ слѣдующій обычай: въ виду угрожающаго голода или передъ праздниками, требующими большого количества припасовъ, вожди и старѣйшины налагаютъ запретъ—*табу* (*тапу*, *табунъ*) на нѣкоторые виды пищи, временно изъемающій ихъ изъ употребленія; ни одинъ туземецъ не коснется ѣды, если она *табу*—запретная. Родинальдъ Гизъ приводитъ въ примѣръ обитателей полуострова Гуда, на югѣ Новой Гвинее. Здѣсь передъ большимъ праздникомъ *Кена табу* полагается почти на всѣ продукты, употребляемые въ пищу,—а главное на молодые кокосовыя орѣхи, обыкновенно уничтожаемые еще

не созрѣвшими, и, за нѣсколько недѣль до праздника, на бананы. Съ началомъ торжества запретъ снимается. Передъ угрожающей голодовкой собираются старѣйшины племени и, по желанію ихъ, вождь объявляетъ *табу* на молодые кокосовые орѣхи, оставляя такимъ образомъ часть пищи про запасъ. О другой мѣстности южной Новой Гвиней Колландъ Рингъ рассказываетъ, что здѣсь женщины «табуируютъ засѣянные ими поля», объявляя о томъ особыми знаками и черезъ деревенскихъ глашатаевъ, и тогда мужнины не смѣютъ ограбить ихъ жатву. Въ Новой Зеландіи наиболѣе употребительный корнеплодный овощъ (*Kumera*) вообще считается *табу*, пока не придетъ время жатвы. Знаками *табу* отмѣчаютъ также личную собственность — фруктовые деревья, поля и т. д.; есть основаніе предполагать, что и часть орнаментовъ, которыми первобытные народы любятъ украшать свое оружіе и домашнюю утварь, объясняется тѣми же побудительными причинами.

Все это — чисто экономическіе и вдобавокъ частно-правовые результаты ирригивенія законовъ *табу*. Но какимъ же образомъ достигается безпрекословное повиновеніе этимъ законамъ, столь добросовѣстное, что оно могло бы возбудить зависть любого европейскаго законодателя? Кары, въ обычномъ смыслѣ этого слова, за нарушение *табу* налагаются рѣдко, и врядъ ли онѣ могли бы такъ безусловно оградить запретные предметы отъ хищенія и грабежа, какъ это наблюдается въ дѣйствительности. Очевидно, здѣсь должны дѣйствовать необычайно сильныя вліянія, разъ имъ удается выполнить гигантскую задачу — совершенно заглушить экономическую безопасность.

Какія это силы — мы поймемъ, бросивъ взглядъ на развитіе и побочныя формы *табу*, уцѣлѣвшія и въ наше время. *Табу* первоначально лежитъ не на предметахъ, а на личностяхъ, которыя уже переносятъ его съ себя на другихъ людей, или на любой предметъ, хотя бы случайнымъ прикосновеніемъ. На многихъ полинезийскихъ островахъ *табу* вождей имѣетъ такую силу и такъ прилипчивъ, что если вождь ступилъ на землю, она уже дѣлается запретной, и пользоваться ею нельзя; поэтому вождямъ не даютъ ходить по землѣ, а носятъ ихъ на носилкахъ. Но самое могущественное *табу* лежитъ на лицахъ и вещахъ, соприкасающихся съ трупами и вообще имѣющихъ какое бы то ни было отношеніе къ мертвымъ; въ этомъ и коренится начало всего обычая, хотя это начало уже совсѣмъ почти не сживотитъ въ позднѣйшихъ формахъ развитія: страхъ передъ мертвыми сдерживаетъ самыхъ легкомысленныхъ и не даетъ нарушить *табу*. Поэтому вожди, у которыхъ духи предковъ могущественнѣе, чѣмъ духи предковъ людей изъ народа — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самихъ вождей считаютъ духами, живущими на землѣ (*atuas*) — могутъ по произволу налагать *табу*,

встрѣчая слѣбое повиновеніе. Но этимъ имъ дается возможность пользоваться могущественнымъ оружіемъ и для чисто хозяйственныхъ цѣлей и однимъ жестомъ достигать того, чего никогда не достигли бы доводами разума и наказаніями. Выѣстъ съ тѣмъ *табу* налагаемое отдѣльными лицами для охраны своего имущества, сильно содѣйствовало укрѣпленію понятія о частной собственности въ первобытную эпоху почти безграницаго коммунизма. То же дѣйствіе оказываетъ въ Африкѣ фетишизмъ. Въ Камерунской области, гдѣ вѣра въ фетишей слаба, по словамъ Конрауса, сильно развито воровство.

Къ *табу* стоило присмотрѣться ближе, ибо это — наглядный примѣръ того, какъ нѣкоторые обычаи, оставаясь прежними по внѣшности, совершенно мѣняютъ свой внутренній смыслъ и какъ сравнительно быстро совершается прогрессъ именно въ этой области. Само собой, даже и въ первобытныхъ условіяхъ жизни къ цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ можетъ непосредственно привести и *сознаніе экономической пользы*. По крайней мѣрѣ, это, повидимому, можетъ быть отнесено къ австраійскимъ неграмъ, хотя я слышущимъ вообще крайне безпечными и небережливими. «У нихъ существовали обычаи, — говоритъ Броръ Смитъ, — сжигать въ лѣсахъ прошлогоднюю траву, листь упавшій, вѣтки и сучья, чтобы лучше росла новая трава, которой кормятся травоядные макопитающія; они щадили отчасти дѣтенышей животныхъ, чтобы оградить естественное размноженіе и, если не занимались земледѣліемъ въ прямомъ значеніи этого слова, то все же заботились о томъ, чтобы не причинять вреда растеніямъ, приносящимъ плоды».

Въ описанныхъ до сихъ поръ стремленіяхъ шло дѣло о разумномъ пользованіи пищевыми ресурсами и правильномъ *временномъ* распредѣленіи благъ. Но съ ростомъ культуры выдвигается еще другой вопросъ, мало обращающій на себя вниманіе на первобытныхъ ступеняхъ развитія, — вопросъ о справедливомъ и цѣлесообразномъ распредѣленіи экономическихъ благъ *между отдѣльными членами общины*. Современная политическая экономія выказываетъ такое пристрастіе къ этому вопросу, что съ трудомъ вѣрится, что онъ почти не существуетъ для большихъ человѣческихъ группъ.

А между тѣмъ это такъ. *Коммунизмъ*, многимъ представляющійся высшей формой, вѣнцомъ и предѣломъ культурнаго развитія, уже давно пережитъ прогрессирующими человѣческими группами, у другихъ же существуетъ и понынѣ. Экономическій коммунизмъ, т. е. прежде всего общее участіе въ потребленіи имѣющагося запаса пищи, — характерная особенность большинства первобытныхъ народовъ, и понятіе «богатство», нѣрѣдко встрѣчающееся и у нихъ, означаетъ не право захватить себѣ большую или лучшую долю пищи и питья, но обладаніе большимъ количествомъ оружія, украшеній, домашней

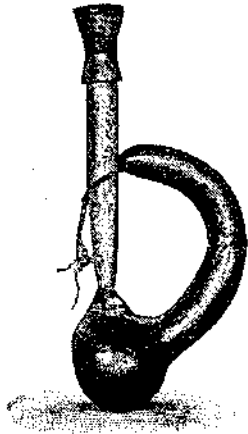
утвари, женъ и т. д. и даетъ больше политическаго вліянія, чѣмъ экономическихъ выгодъ. Въ отдѣлѣ «Общество» мы уже говорили объ этомъ и еще вернемся къ этому, когда будемъ говорить о деньгахъ.

Нельзя не признать крупныхъ выгодъ первобытнаго коммунизма для здоровья народовъ, въ особенности, когда при этомъ понятіе о частномъ владѣніи уже достаточно развито для того, чтобы вызвать необходимое условіе всякаго прогресса—соціальное соревнованіе. Но съ ростомъ культуры различныя неотразимыя вліянія все энергичнѣе работаютъ надъ уничтоженіемъ круговой поруки общаго питанія. Могущественнѣйшій рычагъ при этомъ—раздѣленіе труда, помогающее распознать различную цѣнность силъ и работы и соответственно

этому устанавливающее различную высоту заработной платы; съ этимъ тѣсно связано введеніе денегъ, какъ всеобщаго мѣрила цѣнности, но оно затушевываетъ именно мѣру естественныхъ притязаній на главныя потребности. Съ культурой увеличивается также количество и разнообразіе возможныхъ наслажденій, и состоятельные люди начинаютъ употреблять свой избытокъ на присвоеніе себѣ монополіи болѣе утонченныхъ наслажденій. Тамъ, гдѣ господинъ и слуга живутъ подъ однимъ кровомъ и ѣдятъ одну и ту же пищу, въ сущности, еще сохранилась доля первобытнаго коммунизма; онъ совершенно уничтоженъ лишь въ большихъ культурныхъ центрахъ. Положеніе становится нездоровымъ, когда повышенныя притязанія одной части населенія лишаютъ другую необходимаго. Практическое народное хозяйство всегда будетъ стремиться къ тому, чтобы удовлетворять экономическія потреб-

ности всѣхъ членовъ общества въ минимальномъ размѣрѣ и, можетъ быть, даже немного больше того; все же, что сверхъ этого—оставить неравномерно распределенною приманкой труда и прогресса. Замѣчательно, что даже мелкія приманки такого рода, какъ напримѣръ, всѣмъ любезный табакъ (см. прил. рис.), могутъ до известной степени искусственно вызывать желаніе трудиться и у первобытныхъ народовъ.

Необходимость бережливаго расходованія пищевыхъ ресурсовъ и вообще полезныхъ вещей относится также и къ *силламъ*. Ничто такъ не характеризуетъ первобытнаго хозяйства, какъ безпечная трата силъ и рядомъ—долгій изнурительный трудъ ради ничтожной цѣли, напримѣръ, чтобы выдолбить челнокъ изъ ствола дерева или отточить каменный то-

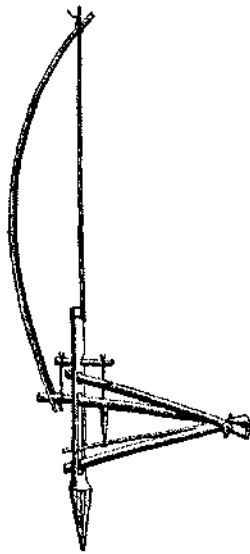
Водяная курительная трубка изъ Исанги въ Конго (Центральная Африка).

поръ. Такъ какъ равномерно распределенной дѣятельности соответствуетъ и основательный отдыхъ, то даже и сонъ культурныхъ народовъ отличается отъ сна первобытныхъ племенъ. Миссіонеры жалуются, какъ видно изъ одного донесенія Макъ Грегора, что дикари Новой Гвиней пляшутъ всю ночь напролетъ, а потомъ не въ состояніи прийти рапо утромъ въ школу. И у негровъ такъ развиты ночныя пляски, что Ридъ восклицаетъ: «Спать ли негры вообще, за исключеніемъ дождливыхъ дней, это вопросъ, заслуживающій серьезнаго изслѣдованія». Очень типично у Имъ Турна описаніе ночной жизни индѣйцевъ Гвианы: «Когда, наконецъ, день пройдетъ и женщины наберутъ довольно хворосту для ночныхъ костровъ, они укладываются въ свои гамаки, и тутъ начинается общій разговоръ. До глубокой ночи мужчины рассказываютъ безконечныя исторіи, порой производящія впечатлѣніе однообразнаго пѣвучаго гудѣнья, порой же рассказываемыя въ лицахъ, съ большимъ пафосомъ и краснорѣчивыми жестами. Мальчики и юноши съ своей стороны прибавляютъ шуму: они бродятъ вокругъ хижины и дуютъ въ рога или флейты: неспокойно ночью въ деревнѣ индѣйцевъ. Эти люди засыпаютъ легко, какъ собаки, и спать недолго, зато часто, все равно—днемъ или ночью, какъ вздумается. Мужчины, успѣвшіе выспаться днемъ въ пѣскошко пріемовъ, не нуждаются въ ночномъ отдыхѣ, а на женщинъ никто не обращаетъ вниманія». Изъ этого видно, что непрерывное бодрствованіе днемъ и крѣпкій въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сонъ ночью относятся уже къ числу культурныхъ завоеваній.

Однако, и урегулированіе труда не много помогло бы прогрессу, еслибъ человечество не научилось *умножать* свою силу нарочито приспособленными машинами и приборами, а главное, утилизировать чужія силы, будь то силы животныхъ, или же несравненно болѣе могущественныя силы природы. Каждое умноженіе силы есть въ то же время сбереженіе силъ, которыя, освободившись, могутъ быть посвящены умственному труду; изобрѣтеніе машинъ еще болѣе способствуетъ этому, замѣняя сознательную дѣятельность механической и создавая такимъ образомъ избытокъ свободныхъ умственныхъ силъ. Другія машинообразныя приспособленія, прообразомъ которыхъ являются силки и капканы для ловли звѣрей (см. рис. стр. 322, 323), опять-таки приносятъ облегченіе человѣку, позволяя ему проявлять свою силу и въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ самъ онъ не присутствуетъ. Нельзя при этомъ не напомнить и о другомъ крупномъ сбереженіи силъ, получающемся отъ передачи изъ рода въ родъ уже приобретеннаго хозяйственнаго опыта; каждое поколѣніе наслаждается отъ предыдущаго запасъ свѣдѣній и знаній, которыя ему самому уже не нужно приобретать.

Но никакой прогрессъ не можетъ часто помѣшать численности

данного народа расти быстрее количества и обилия источников питания. Быть может, когда-нибудь все человечество станет лицом к лицу с этой проблемой, но это будет уже тогда, когда вся земля станет одной экономической областью, и разрушительные факторы — война, эпидемии, несчастные случаи, нефлесообразный образ жизни и пр.—будут сведены к *минимуму*. Европейская культура успела уже достигнуть значительной степени процветания, прежде чем вопрос о *перенаселенности* обратился на себя внимание науки; постоянная война, периодически повторяющиеся, эпи-

Запядня для звѣрей изъ Саравакъ (сѣв. Борнео).

демии чумы и другихъ болѣзней препятствовали скопленію большихъ человѣческихъ массъ, и частыя голодовки обуславливались скорее закрытіемъ границъ и недостаткомъ дешевыхъ перевозочныхъ средствъ, т. е. дурнымъ распределеніемъ общаго количества пищи, чемъ дѣйствительнымъ недостаткомъ пищевыхъ матеріаловъ въ сравненіи съ количествомъ населенія Европы. Раньше всего грозящая опасность замѣчена была въ сравнительно мало страдавшей отъ войнъ вольной Англіи, гдѣ Мальтусъ и его послѣдователи впервые, наконецъ, серьезно занялись этой проблемой.

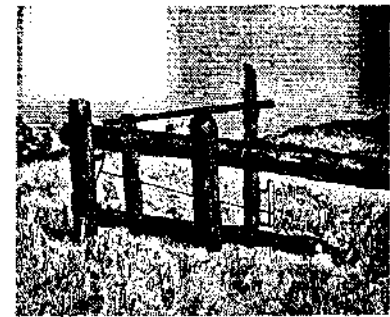
Однако, было бы большой ошибкой думать, что вопросъ этотъ выяснился только для уже развитыхъ духовно, культурныхъ народовъ Европы: мѣръ только теперь начинаютъ назаться нѣсколько тѣсными; многимъ первобытнымъ народамъ стало тѣсно въ немъ уже давно. Въ своемъ питаніи каждый первобытный народъ почти исключительно зависитъ отъ земли, которую онъ населяетъ, — это само собой понятно; сосѣди или враждебны,

или сами имѣютъ только необходимое для жизни, — не болѣе; торговля же, начатки которой имѣются почти вездѣ, является больше обмѣномъ украшеній, оружія и т. п., чемъ питательныхъ веществъ. Племя, обитающее на материкѣ, можетъ хотя войной расширить свои предѣлы и свои пищевые ресурсы, обитатели же острововъ или оазисовъ пустыни скоро доходятъ до предѣла плотности населенія, допустимой при данныхъ условіяхъ. И нужда тотчасъ вызываетъ противодействие, укладывающееся въ формы обычая, которые впоследствии нерѣдко находятъ себѣ невѣрное объясненіе и толкованіе.

У кочевыхъ народовъ къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что кормиться они могутъ, только постоянно передвигаясь

съ мѣста на мѣсто, причемъ всѣ члены племени, не обладающіе большой подвижностью: дѣти, старики и больные становятся бременемъ, которое можетъ быть терпимо только въ известномъ размѣрѣ. Все лишнее безопасно устраняется; стариковъ и больныхъ убиваютъ или изгоняютъ, такъ что изъ этихъ жалкихъ отверженныхъ образуются порою цѣлыя селенія; весьма распространены также обычай убивать лишнихъ дѣтей. Практикуются не только дѣтубійство и абортъ, но и предупредительныя мѣры совершенно въ Мальтусовскомъ духѣ, съ цѣлью предотвратить оплодотвореніе. Особенно характерную группу составляютъ обычай уродованія мужскихъ половыхъ органовъ — которыхъ, впрочемъ, не надо смѣшивать съ обрѣзаніемъ, преслѣдующимъ совсѣмъ иныя цѣли, — въ видахъ пониженія производительности мужчинъ и у нѣкоторыхъ — полного уничтоженія ея. Трудно сказать, берутъ ли начало нѣкоторые противоестественные пороки, развитые, напримеръ у гиперборейцевъ Сѣверо-Восточной Азіи, изъ такихъ же побудительныхъ причинъ, ибо здѣсь дѣло осложняется разными другими вопросами. У культурныхъ народовъ нерѣдко наблюдается склонность къ ограниченію числа дѣтей, но — характерно — не у бѣдныхъ классовъ, а у зажиточныхъ; не дѣйствительная нужда, а повышенныя потребности вызываютъ здѣсь явленіе, всегда соответствующее періоду застоя въ развитіи, такъ какъ оно стремится къ гармоніи, а не къ прогрессу.

Такимъ образомъ въ хозяйствѣ дѣйствуетъ несчетное число силъ, постепенно утилизируется для цѣлесообразнаго пользованія безконечное количество матеріаловъ; при всемъ томъ главныя черты картины просты и ясны. Въ этомъ смыслѣ можетъ быть употреблено простое выраженіе: *человѣческое хозяйство*. Но человечество распадается на всевозможныя народы и племена, обитающіе въ самыхъ различныхъ мѣстахъ земного шара, и если мы присмотримся ближе къ отдѣльнымъ формамъ бытія, вмѣсто крупныхъ общихъ чертъ мы увидимъ самое пестрое разнообразіе смѣшеній: каждому народу, каждой странѣ, каждой ступени культурнаго развитія свойственны свои особыя экономическія формы, и великая цѣль — поддерживать жизнь — достигается самыми различными способами.

Капканъ для дичи у индѣйцевъ Меномини (Сѣв. Америка).

2. Хозяйственные формы.

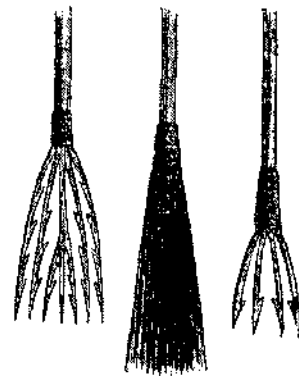
Изучить *первобытную форму* человеческого хозяйства, поскольку о ней может быть речь в постоянном ходе развития, и вместе с тем исходную точку всех дальнейших образований было бы чрезвычайно ценно, но об этой первобытной форме трудно получить достоверные сведения. Сравнить древнейшие известные нам формы теперешнего человеческого хозяйства с многочисленными уцелевшими следами хозяйства доисторического и получить картину, хотя бы приближающуюся к истинной, само по себе не представляется трудным, но при этом весьма рекомендуется не спешить с выводами.

Вопрос о первобытной форме человеческого хозяйства неразрывно связан с вопросом о родине человека вообще. И пока не разрешен этот последний вопрос, и первый останется загадкой. При этом недостаточно знать, где находилась эта родина; нужно еще иметь сведения о географических и климатических условиях того отдаленного времени, ибо с конца третичного периода, в котором мы впервые находим несомненные следы человека, расположение воды и суши, равнин и горь, а, главное, климат неоднократно резко менялись. Было бы противно здравому смыслу принять доисторического обитателя полуболезневшей Европы или же современного жителя тропических лесов и прерий за тип, по которому можно изучать древнейшую форму человеческого хозяйства.

Еще более усложняет эту задачу вопрос, чем питался первобытный человек: растительной пищей или мясной, или смешанной, хотя и есть вероятность, что человек в уже очень ранние периоды развития употреблял в пищу то и другое и потому именно мог приспособиться к самым разнообразным условиям; ведь и теперь есть виды хозяйства, построенного почти исключительно на употреблении в пищу растений, и другие — на употреблении мяса, но может быть, ни один из них не соответствует вполне первобытной форме.

Большой соблазн — видеть живых свидетелей первобытной эпохи в наиболее отсталых племенах, живущих на земле, и, конечно, такая попытка имеет свое оправдание. Но не следует при этом забывать одного: что эти первобытные племена живут не в плодороднейших, наиболее приспособленных для человеческой жизни, местностях, которыми, по всей вероятности, давно уже завладела более цивилизованная народы, а в самых бедных и скудных, куда их отгнали, или же где нечему позавидовать; в сравнении с доисторическими обитателями благословенных стран они представляются жалкими нищими и в этом отношении стоят значительно ниже их, хотя бы по умственной культуре своей стояли и на одном уровне. Притом же и среди этих наиболее близких к первобытному человеку людей наблюдаются большие различия в формах хозяйства, в зависимости от того, какого рода пищу они главным образом употребляют.

И так как попытки составить себе ясное представление о первобытном хозяйстве не обещают успеха, будет правильнее, если мы попробуем охарактеризовать главные формы человеческого хозяйства, какими мы их видим теперь. Первым шагом к такому ясному представлению всегда является *расширение материала*, но и это не так легко, как кажется тому, кто помнит обычное разделение людей на охотников, земледельцев и кочевников.

Рыболовные колья съ Никобаровъ.

Карль Бюхеръ весьма справедливо указывает на то, что «слывущие типическими приметы народов, занимающихся охотой, рыбной ловлей и кочевничеством, встречаются только при особых географических и климатических условиях, почти исключая других виды питания». В степи, не поддающейся возделыванию, конечно, может жить только охотник или скотоводъ, в полярной области только охотник, на берегах Огненной Земли — рыболовъ. Но и тот и другой, конечно, не пренебрегают небольшим количеством предоставленной в их распоряжение растительной пищи, и там, где страна дает различные источники питания, как бы ни была бедна культура населения, тотчас теряется однородность хозяйства. И потому, хотя старая классификация и сохраняет известную ценность, для разделения человечества на большие группы она не годится.

Слово «культура» само по себе указывает нам лучший способ классификации, ибо, в сущности, оно обозначает благоразумную

эксплоатацию природы, выражающуюся въ воздѣлываніи идущихъ въ пищу растений и разведеніи домашнихъ животныхъ, но еще и до сихъ поръ не являющуюся общимъ достояніемъ современнаго человечества. И вотъ по степени культурности человѣческое население земли безъ труда можно раздѣлить на двѣ большія экономическія группы, изъ которыхъ одна охватываетъ тѣхъ, кто живетъ исключительно добровольными щедротами природы, просто *присваивая* себѣ ея дары, къ другой же принадлежатъ всѣ народы, занимающіеся *земледѣліемъ* и *скотоводствомъ*. Обработка матеріала, торговля и сношенія между народами не идутъ въ счетъ, такъ какъ нѣтъ народа, которому были бы совершенно чужды такого рода знанія и отношенія.

Дѣленіе на *присваивающіе* и *обрабатывающіе* народы не очень рѣзко, но достаточно обособляетъ эти двѣ группы одну отъ другой; при этомъ надо имѣть въ виду, что первоначальная хозяйственная форма—присвоеніе—не теряется окончательно и на высшихъ ступеняхъ развитія; она только отступаетъ на второй планъ.

У стоящихъ на очень низкой ступени развитія жителей Никобарскихъ острововъ главный источникъ питанія — рыбная ловля (см. рис. стр. 325); но и берлинецъ, вечеромъ въ воскресенье выудившій изъ Шпаре пару окушей или голецовъ, занимаясь въ эти часы первобытнѣйшимъ видомъ хозяйства — присвоеніемъ — даромъ, что онъ житель большого города.

Аино, выкапывающіе
коренья.

Этимъ не исчерпываются возможности группировки Рѣзкую черту можно провести и въ другомъ направленіи — между *мужскимъ* и *женскимъ* хозяйствомъ. причѣмъ черта эта то представляется зяющей трещиной, то суживается до едва замѣтной линіи раздѣла. Всего яснѣе и раннѣе сказывается эта разница въ томъ, что мужчина занимается добываніемъ животной, а женщина — растительной пищи не потому, чтобы каждый изъ нихъ оказывалъ особое предпочтеніе той или другой, а потому, что охота требуетъ большей отваги и напряженія силъ, чѣмъ собираніе съѣдобныхъ растений. Потому здѣсь нѣтъ рѣзкаго разграниченія: какъ женщина, собирая плоды, не брезгуетъ и мелкими животными, червяками, ракушками и т. п., дающими ей безъ особеннаго труда, — такъ и мужчина, если ему попадется во время охоты фруктовое дерево, конечно, не преминетъ обобрать плоды. А между тѣмъ изъ этого постепенно развиваются болѣе устойчивыя формы хозяйства и устанавливается связь между ними и условіями общественной жизни. Мужчины, объединившись въ группу, монополизируютъ охоту и добычу лова;

женщины на опытѣ научаются расширять источники питанія, вкуснѣе готовить пищу, для того, чтобы и мужчина охотнѣе отдавалъ женщинѣ свою добычу и за это дѣлился съ нею ѣдой. Это кладетъ начало объединенію обѣихъ хозяйственныхъ формъ, и въ то время, какъ очаги въ мужскомъ домѣ пустыютъ, вокругъ домашнего очага женщины собираются роды и затѣмъ семьи, въ основѣ которыхъ лежитъ брачный союзъ между женщиной и женщиной.

Разумѣется, подобное схематическое изображеніе можетъ только въ общемъ намѣтить ходъ событій, и было бы большимъ преувеличеніемъ объяснять возникновеніе брака исключительно экономическими условіями; полярные народы, напримѣръ, совершенно не знаютъ спеціальнаго женскаго хозяйства съ употребленіемъ преимущественно растительной пищи, а бракъ у нихъ существуетъ.

Между народами, присваивающими себѣ естественные дары природы, также имѣются большія различія соотвѣтственно характеру и плодородію *обитаемыхъ или мѣстностей*; отъ рода и обилія пищи въ значительной степени зависитъ сила и внутренняя крѣпость народа и даже его общественный строй. Равнобѣрнаго, гармоническаго пользованія важнѣйшими источниками питанія мы не встрѣчаемъ нигдѣ; верѣдко хозяйство почти исключительно держится охотой на нѣкоторыхъ звѣрей, ловлей рыбы, собираніемъ раковинъ или нѣкоторыхъ дикихъ растений. Какъ чуждая запасливости, тѣсно примыкающая къ жизни природы форма существованія, присвоительное хозяйство больше всякаго другого зависитъ отъ смѣны временъ года. Мѣсяцы обильнаго лова звѣря или рыбы смѣняются другими, когда приходится питаться значительно хуже — растениями, червями и т. п., съ трудомъ поддерживая жизнь до новаго періода изобилія; чаще всего въ такіе періоды нужды перебиваются выкапываніемъ съѣдобныхъ корней (см. рис. стр. 326). Такимъ образомъ описанный нами въ другомъ мѣстѣ неровный, переходящій отъ одной крайности къ другой, характеръ первобытнаго человѣка сказывается и въ его хозяйствѣ и одно обуславливаетъ другое.

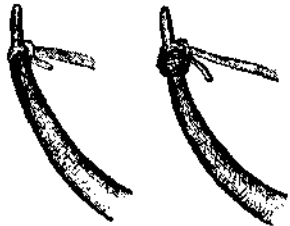
Культура народа связана съ его питаніемъ и въ другомъ смыслѣ. Постоянная забота о добываніи пищи, напримѣръ, битой дичины, ведетъ къ тому, что человѣкъ постепенно научается пользоваться и *отбросами* этой пищи, какъ, напримѣръ, кожей, костями и жилами, а у растений — жесткими волокнами, скорлупой, листьями, шилами и зернами, дѣлая изъ нихъ домашнюю утварь и украшенія. Такимъ образомъ, пища вліяетъ на всю культуру народа и направляетъ ее въ известную сторону, какъ въ смыслѣ выбора матеріала, такъ и въ смыслѣ стили.

Какъ на представителей чисто *примитивнаго, присвоительнаго (aneignende) хозяйства* мы можемъ указать на двѣ группы африканскихъ народовъ, обѣ состоящія изъ малолетнихъ, свѣтло-окра-

шенихъ обитателей этой части свѣта, такъ называемыхъ карликовъ антропологически, очевидно, родственныхъ другъ другу, но поставленныхъ въ очень различныя условія мѣстности: это малорослые жители лѣсовъ Центральной Африки и бушмены южно африканскихъ степей. И у нихъ хозяйство, конечно, уже не первобытное; но они типичны, какъ образчики полного приспособленія одной и той же расы къ двумъ совершенно различнымъ условіямъ жизни, и по своей культурѣ они несомнѣнно принадлежать къ наиболее отсталымъ народамъ земли. Замѣчательно, что благодаря именно низкому уровню культурнаго развитія, они оказываются болѣе похожими другъ на друга, чѣмъ этого можно было ожидать.

Объ экономической жизни лѣсныхъ пигмеевъ Штульманъ говоритъ: «Уровень культуры африканскихъ пигмеевъ — это уровень культуры кочующихъ охотниковъ. Они нигдѣ не имѣютъ постоянного мѣстожительства, не занимаются земледѣліемъ, но кочуютъ съ мѣста на мѣсто вслѣдъ за дичью. На хорошихъ мѣстахъ они остаются нѣсколько недѣль, иногда даже мѣсяцевъ, потомъ снимаются, какъ только дичь становится рѣже. Живутъ они главнымъ образомъ добычей своей охоты. Но такъ какъ исключительно мясной пищи не хватаетъ для прокорма, то они вынуждены собирать въ лѣсу грибы и плоды». Здѣсь мы видимъ главную характерную черту низшаго типа присвоительнаго хозяйства, его неустойчивость, объясняющуюся скудостью питательныхъ ресурсовъ. Такой народной группѣ, если даже она не многочисленна по составу, нужно, чтобы кормиться, имѣть большія владѣнія, такъ какъ она живетъ не осѣдло, но постоянно кочуетъ съ мѣста на мѣсто. Разумѣется, эти кочевки также имѣютъ свои опредѣленныя границы и представляютъ собою скорѣе ритмическое движеніе взадъ и впередъ въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Штульманъ, говоря о пигмеевѣ, называетъ ихъ «номадизирующими охотниками». Это не совсѣмъ удачное выраженіе. Слово «номады» больше подходитъ къ бродячимъ скотоводамъ, съ которыми хозяйство африканскихъ карликовъ ничего не имѣетъ общаго. Ихъ лучше называть «собирающими» (Sammler), какъ Эдуардъ Ханъ, или же «скитальческими» народами (unstete Völker). Его слова о томъ, что карлики вынуждены собирать плоды и корни въ лѣсу, также легко могутъ повести къ недоразумѣнію; здѣсь рѣчь идетъ просто о двойственномъ хозяйствѣ, какое имѣется вездѣ, ибо только въ полярной области человѣкъ обходится совсѣмъ безъ растительной пищи. Орудіями охоты для карликовъ служатъ лукъ и стрѣлы, но

Натягиваніе средне-африканскаго лѣснаго лука.

кромѣ того также петли и капканы (см. рис. стр. 328); единственное домашнее животное у нихъ — собака. Несмотря на все убожество своего существованія, карлики уже многимъ позаимствовались отъ своихъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей и живутъ съ ними по большей части въ симбиотической связи, къ которой мы еще вернемся.

Если въ первобытныхъ лѣсахъ Центральной Африки пигмеевъ вынуждаетъ кочевать съ мѣста на мѣсто скудость дичи, то въ южно-африканскихъ степяхъ, помимо присвоительнаго хозяйства, главной причиной несѣдой жизни является недостатокъ воды. Дичи здѣсь, по крайней мѣрѣ раньше, было достаточно, растеній же, по крайней мѣрѣ съѣдобныхъ, мало; этимъ объясняется преобладаніе мясной пищи «Бушмены готовы пить всякую жидкость, если только это не ядъ, точно такъ же они неразборчивы и въ пищу, въ особенности мясной; эти дѣти пустыни не пренебрегаютъ ничѣмъ, что только можно разжевать; за отсутствіемъ крупной дичи, они пожираютъ ящерицъ, змѣй, саранчу и термитовъ; въ особенности последние считаются лакомымъ блюдомъ; они не прочь есть и гнилое или протухшее мясо и вообще совершенно не считаются со своими вкусовыми ощущеніями. Бушмены по большей части лишь слегка поджариваютъ мясо и ѣдятъ его полусырымъ; потрошить убитаго звѣря и очищать кишки считается совершенно излишней работой». Само собой всѣ охотничьи качества у бушменовъ развиты превосходно. Со своими отравленными стрѣлами, силками и ловушками они отлично умѣютъ пользоваться дарами лѣса. Благодаря такому преобладанію охоты надъ всѣми прочими занятіями, у нихъ почти не развито обособленное женское хозяйство, но все же на обязанности женщины лежитъ добывать воду, хворостъ для костра и собирать растенія, поскольку они имѣются; поэтому женщина всегда носитъ съ собою мѣшокъ.

Чтобы изучить болѣе наглядные образцы первобытнаго двойственнаго хозяйства, мы должны обратиться къ австраійскому материку. Исслѣдованіе тамошнихъ условій жизни потому такъ цѣнно для сравнительной этнографіи, что здѣсь большая страна, въ общемъ хоть и скудно одаренная природой, но все же заключающая въ себѣ очень различныя по плодородію мѣстности, до появленія тамъ европейцевъ имѣла почти одинаковое населеніе, очень мало различающееся между собою по уровню культуры. Австраійцы не были вынуждены, какъ бушмены, занимать лишь самые неплодородныя участки земли; напротивъ, среди нихъ есть племена, имѣющія въ своемъ распоряженіи очень обильные пищевые ресурсы главнымъ образомъ растительной пищи. И у такихъ племенъ на первый планъ выступаетъ хозяйственная дѣятельность женщины.

«У австраійскихъ негровъ, — говоритъ Лумгольцъ о жителяхъ сѣвернаго Квинслэнда, — о дневномъ пропитаніи семьи заботятся глав-

нымъ образомъ женщины. И съ этой цѣлью имъ нерѣдко приходится предпринимать дальнія экскурсіи. Въ общемъ положеніе женщины, какъ у всѣхъ дикихъ народовъ, очень подчиненное. На ней лежитъ вся тяжелая, черная работа, она бродитъ съ корзиной и палкой, собираетъ плоды, выкапываетъ корни, вырубаетъ личинки изъ деревьевъ и пр. Плоды она находитъ частью на полѣ, а частью на деревьяхъ, на которыя она умѣетъ карабкаться, хотя и не такъ ловко, какъ мужчина. Вышеупомянутая палка—единственное орудіе женщины—крайне необходима ей въ ея походахъ. Эта палка дѣлается изъ крѣпкаго, твердаго дерева, имѣетъ отъ 1½ до 2 метровъ длины и заострена на концѣ. Даже на празднества и на пляску замужняя женщина беретъ съ собою палку, какъ знакъ своего достоинства работницы на семью. Нерѣдко она по цѣлымъ днямъ таскаетъ за плечами ребенка и кладетъ его на землю только тогда, когда ей нужно копать или же лѣзть на дерево. А вернется домой—и тутъ дѣла достаточно: надо приготовить собранные плоды, хорошенько промыть и вымочить ядовитые. Мужчина приноситъ домой обыкновенно медъ, но иногда также лицъ, дичь, ящерицъ и т. д. Животную пищу онъ обыкновенно оставляетъ для себя, а жена его ѣстъ сама и кормитъ дѣтей собранными ею кореньями и плодами. Мужчина охотится больше для удовольствія, чѣмъ для пользы семьи, о которой онъ вообще не очень заботится, и отнюдь не считаетъ, что на немъ лежатъ обязанности отца и кормильца. Онъ заботится только о собственныхъ удобствахъ, на охоту идетъ не раньше, чѣмъ высохнетъ роса на травѣ, и нерѣдко приходитъ домой съ пустыми руками, съѣвъ пойманное тамъ же на мѣстѣ». Къ этому можно прибавить, что многіе мужчины пользуются славой и почетомъ за свое умѣнье добывать порой и человѣческое мясо; этой черты, т. е. людоедства, нѣтъ, насколько извѣстно, ни у бушменовъ, ни у пигмеевъ.

Экономическая жизнь австралийцевъ регулируется соответственно *временамъ года*, какъ это наблюдалъ Бульверъ у жителей Викторіи. Весной и лѣтомъ негры Джипеленда питаются главнымъ образомъ растительной пищей, кромѣ того, весной бываетъ много перелетной птицы, а лѣтомъ они цѣлыми ордами перекочевываютъ къ устьямъ рѣкъ и на берега озеръ для ловли рыбы и особой породы угрей, которые въ это время года имѣются въ извѣстныхъ мѣстахъ въ большомъ изобиліи. А для разнообразія они время отъ времени охотятся на валлаби (изъ породы кенгуру). Зимой, когда приходится строить болѣе прочныя шалаши и предпринимать дальнія охотничьи экспедиціи, преобладаетъ мясная пища, наконецъ, осенью, когда жизнь легка, благодаря изобилію зрѣлыхъ плодовъ, наступаетъ время взаимныхъ посѣщеній, танцевъ и праздниковъ. Какъ бы то ни было, но и оби-

тателей самыхъ плодородныхъ участковъ земли въ Австраліи нельзя назвать осѣдыми.

Эта неустойчивость жизни замѣчается у всѣхъ представителей присвоительнаго хозяйства, хотя и въ различной степени. Въ богато-одаренныхъ мѣстностяхъ она ограничивается пользованіемъ двумя резиденціями: одной лѣтней, другой зимней, или же временнымъ выседеленіемъ на короткій срокъ на особыя кочевья, устроенныя въ мѣстахъ обычной охоты или рыбной ловли. Безъ сомнѣнія, такая перемѣчивая, непостоянная жизнь является главнѣйшей помѣхой къ культурному прогрессу, какъ бы онъ ни складывался—самобытно или подъ постороннимъ вліаніемъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе укрѣплявшаяся склонность къ бродячей жизни становится неизгладимой чертой характера. «Привычка постоянно мѣнять свое мѣсто жительства,—говоритъ Вильгельми объ австралийцахъ,—такъ велика, что они не могутъ долго жить даже на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ могутъ быть съ избыткомъ удовлетворяемы всѣ ихъ потребности. Они овладѣваютъ непреодолимая потребность увидѣть то или другое мѣсто, которое имъ пришлось особенно по душѣ, и никакими уговорами не удержать ихъ на мѣстѣ; эта привычка къ кочевой жизни ослабѣваетъ лишь постепенно, съ теченіемъ времени».

Итакъ, въ результатѣ присвоительнаго хозяйства на малоплодородной землѣ является кочевая жизнь, и привычка къ ней часто надолго переживаетъ измѣненіе внѣшнихъ условій. Это даетъ намъ ключъ къ пониманію загадочной склонности къ бродячей жизни нѣкоторыхъ мелкихъ народовъ, какъ, напримѣръ, цыганъ и другихъ *бродячихъ племенъ*.

Эти народы—не что иное, какъ представители перемѣчиваго собирательнаго хозяйства, которые, и живя среди племенъ, болѣе культурныхъ, сохраняютъ главныя особенности своей природы и своего образа жизни. Характерно, что они по большей части живутъ въ степяхъ или около степей, какъ напримѣръ въ земляхъ Галла и Сомали, въ Сенегамбіи и въ сѣверо-западной Индіи, но кромѣ того ихъ безпокойный нравъ толкаетъ ихъ въ далекія странствія. Такъ напримѣръ, часть индійскихъ цыганъ уже въ концѣ среднихъ вѣковъ черезъ Персію, Малую Азію и Балканскій полуостровъ перекочевала въ Европу. Ихъ первобытное хозяйство, почти неспособное къ болѣе высокому развитію, ихъ непостоянство и боязнь продолжительной, регулярной работы—всѣ эти характерныя особенности цыганскаго типа сохраняются и тогда, когда сказанные народы вынуждены дополнять свои ресурсы гаданіемъ, леченіемъ животныхъ, вообще всякимъ шарлатанствомъ, а также музыкой, танцами, мелкимъ воровствомъ, живодерствомъ и сводничествомъ, наконецъ, кое-какими нетрудными ремеслами и торговлей.

Уже дѣсныя карлики Центральной Африки живутъ въ постоянномъ

общении съ земледѣльческими племенами Судана, пропикшими въ эту глушь въ качествѣ носителей культуры, обвиняютъ свою охотничью добычу на овощи и плоды и въ то же время, какъ полезные союзники, охраняютъ поселки.

Неискоренима у большинства народовъ цыганскаго типа *наклонность къ ооровству* — именно потому неискоренима, что она вытекаетъ изъ ихъ способа веденія хозяйства; она не смотритъ на воровство, какъ на преступленіе: она такъ привыкла ловить, собирать все, что подъ руку попадется съѣдобнаго, что и домашнія животныя, и плоды земли кажутся имъ законною добычею. Ничто такъ не способствовало вырожденію бушменовъ во многихъ мѣстностяхъ Южной Африки, какъ ихъ неискоренимая привычка охотиться на домашній скотъ бѣлыхъ поселенцевъ. Однако, помимо этой опасности, именно не имѣющія постоянного жительства племена-парии обнаруживаютъ замѣчательную выносливость — въ то время, какъ болѣе благородныя расы вымираютъ, эти племена живутъ себѣ, какъ воробы, прелюбополучно среди культуры, отъ опасности которой ихъ хранить первобытный укладъ ихъ жизни.

Этимъ представителямъ неустойчиваго хозяйства мы должны противопоставить группу народовъ, которые въ своемъ хозяйствѣ также пользуются только готовыми дарами природы, но живутъ въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ и погому склоняются уже къ *полуосѣдлому образу жизни*. Изъ народовъ этого типа и образовывались постепенно типы болѣе высокой культуры, между тѣмъ какъ обитатели менѣе щедро одаренныхъ мѣстностей обнаруживаютъ наклонность оставаться на прежней низкой ступени развитія или же, попадая изъ болѣе плодороднаго уголка въ менѣе плодородный, быстро теряютъ уже пріобрѣтенную культуру; поэтому полуосѣдлые «собиратели» для изученія культурнаго развитія гораздо важнѣе, чѣмъ не осѣдлыя племена. У первыхъ мы видимъ уже рабовъ въ качествѣ рабочихъ; вторые не нуждаются въ рабахъ и потому не имѣютъ ихъ; точно также вмѣстѣ съ привычкою къ осѣдлости растутъ и бережливость — забота о будущемъ.

Образцовъ болѣе высокаго типа собирательнаго хозяйства могутъ служить обитатели Сѣверо-Зап. побережья Америки. «Рыба и ягоды, — говоритъ Ниблакъ, — составляютъ главную пищу индѣйцевъ этой мѣстности. Вокругъ лѣтнаго ихъ становища вы всегда увидите подвѣшенные куски камбалы или лосося, коптившіеся въ дыму, или развѣшенные на кольяхъ для сушки. Лѣтомъ всегда у нихъ всякой пищи имѣется въ изобиліи и въ это время они усердно запасаются на зиму». Кромѣ копченой и вяленой рыбы, индѣйцы запасаются также и рыбьей икрой, сушеными ягодами, кореньями и травами, морской травой, которая въ прессованномъ видѣ долго остается годной въ пищу, и внутренней горой нѣкоторыхъ деревьевъ. Въ охотѣ

на сушѣ эти индѣйцы гораздо менѣе искусны, чѣмъ въ рыбной ловлѣ, но все же они умѣютъ ставить капканы и зимой; когда всѣ припасы подходятъ къ концу, они питаются главнымъ образомъ оленьиной. Но, разумеется, излюбленная добыча ихъ это — морскія млекопитающія, тюлени, морскіе львы и киты. И здѣсь охотой и рыбной ловлей занимаются мужчины, а женщины собираютъ коренья и травы.

Замѣчательно, что единственный примѣръ культуры растений, который мы встрѣчаемъ у индѣйцевъ Сѣв.-Зап. Америки, есть культура не какого-нибудь хлѣбнаго злака, а *наркотическаго растения*, похожаго на табакъ, которое не курятъ, а жуютъ. Единственное домашнее животное у нихъ — собака, довольно бесполезное и мало пригодное къ охотѣ, но индѣйцы имъ очень дорожатъ. Уже это даетъ намъ нѣкоторое понятіе о ходѣ экономическаго прогресса. Съ одной теоріей пользы въ чистомъ видѣ далеко не уйдешь. А между тѣмъ во всемъ укладѣ жизни индѣйцевъ Сѣв.-Зап. Америки уже была наклонность къ переходу къ высшимъ формамъ хозяйства; это обнаружилось, когда европейцы ввели сюда картофель — культура его привилась очень быстро среди туземцевъ.

Племена, живущія непосредственно дарами природы, тамъ, гдѣ можно, употребляютъ смѣшанную пищу уже просто потому, что они не брезгаютъ ничѣмъ съѣдобнымъ; но вообще они приспособляются къ данной мѣстности, и тамъ, гдѣ односторонняя сама природа, и пища у нихъ однообразна. Изъ этого ясно, что только немногія первобытныя племена живутъ почти исключительно *растительною пищею*, ибо тамъ, гдѣ земля въ изобиліи производитъ растенія, обыкновенно нѣтъ недостатка во всякаго рода звѣрьѣ. Обыкновенно растительная пища преобладаетъ только въ извѣстныя времена года, какъ, на примѣръ, въ періоды созрѣванія дикаго риса у сѣв. американскихъ индѣйцевъ, или ягодъ въ Сибири, или иныхъ дикихъ плодовъ. Обитатели древней Европы большую часть зимы кормились запасенными съ лѣта буковыми и дубовыми желудями.

Преимущественно растительную пищу употребляли, повидимому, сѣверо-африканскіе лотофаги (питающіеся лотосомъ), о которыхъ рассказываетъ Геродотъ; и въ наши дни корни и плоды лотоса играютъ видную роль въ питаніи народовъ, живущихъ по верховьямъ Нила, какъ прежде у большинства обитателей Индіи и Египта. А такъ какъ по берегамъ озеръ и болотъ лотосъ растетъ въ изобиліи, между тѣмъ какъ вообще мѣстности эти были бѣдны растеніями, а, съѣдовательно, и животными, то лотофаги, дѣйствительно, являются представителями почти исключительно растительнаго питанія.

Гораздо многочисленнѣе племена, питающіяся почти исключительно *мясомъ*; наиболѣе типичныхъ представителей ихъ мы находимъ въ полярныхъ областяхъ. Растительность здѣсь такъ бѣдна,

что жить здѣсь и находить себѣ кормъ умѣютъ лишь нѣкоторыя породы животныхъ, какъ, напримѣръ, сѣверный олень и аргали (дивій баранъ); человекъ же, какъ ни старается, можетъ добыть себѣ развѣ лишь лакомую приправу къ мясной пищѣ. Зато въ полярныхъ странахъ водятся въ изобиліи крупныя водяныя млекопитающія, и все хозяйство полярныхъ народовъ, типичнѣйшими представителями которыхъ могутъ служить эскимосы, держится охотой на этихъ животныхъ. Разумѣется, и здѣсь есть различія: гдѣ мѣстность богаче, тамъ и культура выше, и обитатели ведутъ жизнь полуосѣдлую; жители же болѣе бѣдныхъ странъ вынуждены часто и не черезъ равныя промежутки времени мѣнять свое мѣстожительство.

Скребокъ эскимосовъ для приманки тюленей.

Эскимосъ круглый годъ охотится на тюленей, мѣняя только методы охоты. Зимой онъ подстерегаетъ ихъ у отверстій, продѣланныхъ ими во льду для воздуха, и выманиваетъ ихъ на поверхность, царапая ледъ особымъ скребкомъ (см. прил. рис.); лѣтомъ онъ бьетъ тюленей на берегу во время ихъ сна, или же гарпунуемъ въ водѣ со своей легкой кожаной лодки. Лѣтомъ эскимосы охотятся и на млекопитающихъ, живущихъ на сушѣ, главнымъ образомъ, на оленей и мускусныхъ быковъ, пользуясь для этого главнымъ образомъ моментомъ, когда эти животные переплываютъ ручьи и рѣчки, или же просто загоняютъ ихъ съ берега въ воду и тамъ убиваютъ. Кромѣ того, у эскимосовъ имѣются весьма остроумныя приспособленія для ловли водяныхъ птицъ.

Растительной пищи почти не имѣется; Мурдокъ упоминаетъ только объ эскимосахъ у мыса Баррова, что они ѣдятъ иногда ивовыя почки. Неаппетитный обычай поѣдать содержимое желудка и даже кишекъ оленей даетъ поводъ заключить о склонности къ растительной пищѣ. Нѣтъ и рѣчи, конечно, объ отдѣльной вегетарианской кухнѣ женщинъ, но раздѣленіе труда проведено въ томъ смыслѣ, что на обязанности мужчины лежитъ охота, женщины — приготовленіе пищи и содержаніе дома.

Обозрѣвая различныя формы первобытнаго хозяйства, мы понемногу составляемъ себѣ понятіе и о первобытныхъ доисторическихъ условіяхъ жизни Европы. Народы дилювіального періода, жившіе вблизи ледяного края огромныхъ глетчеровъ, по своему образу жизни и хозяйству были несомнѣнно очень близки къ теперешнимъ эскимосамъ, какъ это показываютъ находки, сдѣланныя въ Вюртембергѣ, возлѣ Schussenquelle. Древніе обитатели этой мѣстности кормились охотой, какъ эскимосы, только они охотились больше на сухопутныхъ млекопитающихъ и главнымъ образомъ на оленей, доставляв-

шихъ ихъ въ то же время и основные матеріалы ихъ культуры. Въ болѣе мягкомъ климатѣ къ мясной пищѣ присоединялась и растительная, какъ это показываютъ находки дубовыхъ и буковыхъ желудей, ягодъ терна и пр. О хозяйствѣ первобытныхъ народовъ повѣствуютъ намъ также кучи отбросовъ, чаще всего встрѣчающіяся въ Даниі. Кучи эти, скопляющіяся изъ остатковъ пищи цѣлыхъ поколѣній, состоятъ, прежде всего, изъ скорлупы стѣдобныхъ раковинъ, рыбныхъ костей и остововъ водяныхъ птицъ, но также изъ костей оленя, косули, дикаго кабана и др.; слѣдовательно, и первобытные люди успѣли использовать всѣ возможности добыванія пищи. На питаніе рыбой указываютъ и крючки отъ удочекъ, нерѣдко находимые въ доисторическихъ могълахъ (см. прил. рис.). Растенія, судя по крайней мѣрѣ, по находкамъ, шли въ пищу лишь въ ограниченномъ количествѣ. Возлѣ Schussenquelle не найдено остатковъ собаки, но на берегахъ Даниі, несомнѣнно, водилось это животное, и мясо его, повидимому, считалось лакомымъ у жителей побережья. Есть полное основаніе предполагать, что первымъ домашнимъ животнымъ, извѣстнымъ человеку, была собака, и что она является типичнымъ въ этомъ отношеніи животнымъ для всѣхъ народовъ, стоящихъ на нижней ступени развитія чисто-усвоительнаго хозяйства.

Крючокъ для удочки изъ раковины; лѣвый неоконченъ. Раскопки въ Калифорніи.

На высшихъ ступеняхъ развитія этой хозяйственной формы уже достигнута общественная гармонія, которая затѣмъ снова нарушается у прогрессирующихъ народовъ, именно подъ влияніемъ завоеваній культуры: у всѣхъ представителей первобытнаго хозяйства мы находимъ широко развитую общность пользованія пищевыми продуктами, препятствующую рѣзкому проявленію общественныхъ различій и дающую существованію сравнительно надежную основу. Въ особенности благоприятно въ этомъ смыслѣ справедливое и цѣлесообразное *распределеніе труда* между обоими полами: мужчинѣ болѣе тяжелое и опасное — охота и рыбная ловля; женщинѣ болѣе легкое и болѣе отвѣчающее ея характеру — собраніе плодовъ и работа по дому. Въ суровомъ климатѣ и при скудной природѣ, закаляющей характеръ мужчины, положеніе женщины бываетъ иногда очень приниженное какъ, напримѣръ, въ Австраліи. Но въ общемъ она пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ, чѣмъ у многихъ земледѣльческихъ племенъ, превратившихъ ее исключительно въ рабочую машину, предметъ купли и продажи; достойно вниманія, что даже у жалкихъ бушменовъ сватовство и любовныя отношенія вылились

въ болѣе благородныя формы, чѣмъ у кафровъ или земледѣльческихъ племенъ средней Африки.

Какъ ни плохо поставлена эксплуатація земли у представителей «собирабельнаго хозяйства», все же она — основа бытія, и владѣніе ею цѣнно. Вотъ почему именно на этой низкой ступени развитія *война*, поскольку она вызвана экономическими причинами, стремится къ захвату угодьевъ для охоты или водъ для рыбной ловли, между тѣмъ какъ хищническіе набѣги болѣе культурныхъ народовъ имѣютъ цѣлю, кромѣ того, и захватъ уже накопленнаго врагомъ достоянія или же политическаго господства. И въ этомъ смыслѣ условія существованія челоука при первобытномъ хозяйствѣ въ общемъ легко понятны, разумно обоснованы. Впрочемъ, при благоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ здѣсь возможенъ и прогрессъ умственной и нравственной культуры; такъ, напримѣръ, многія племена на этой ступени развитія самостоятельно стремились, цѣликомъ или частью, отъ людоедства и даже создали себѣ интересныя религіозныя вѣрованія. Тамъ, гдѣ обстоятельства позволяютъ, возможно также значительное развитіе ремесла и торговли.

Изъ вышесказаннаго видно, что народы, у которыхъ хозяйство основано исключительно на пользованіи готовымъ, въ общемъ стоятъ на *низшей ступени* развитія современнаго челоучества; но въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются занимающіяся земледѣлемъ и скотоводствомъ племена, по своей духовной культурѣ значительно уступающія лучшимъ представителямъ собирательнаго хозяйства; къ тому же нерѣдко бываетъ, что то или другое племя, уже достигнувъ известной высоты экономической культуры, снова затѣмъ спускается до разряда первобытныхъ собирателей, степныхъ и лѣсныхъ кочевниковъ.

Съ давнихъ поръ существуетъ мнѣніе, что охотничій періодъ смѣнился кочевымъ, а послѣдній развился въ земледѣльческій, такъ что будто бы всегда наблюдается *правильное восхожденіе* отъ низшей къ высшей формѣ. Не опровергая подробно этого мнѣнія, можно прежде всего задать вопросъ, какъ могло оно вообще возникнуть, такъ какъ находится въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣми данными народовѣдѣнія? Во-первыхъ, *номадъ-скотоводъ* есть представитель такой хозяйственной формы, которую столь же мало можно себѣ представить повсемѣстно, какъ и повсемѣстную обработку полезныхъ растений; кочевой пастухъ со своими стадами преимущественно используетъ богатая травомъ степи, которыхъ по неволѣ избѣгаетъ земледѣлецъ, а послѣдній охотно распаиваетъ лѣсъ, неудобный для скотоводства, и удаляется какъ изъ слишкомъ сухихъ и жаркихъ, такъ и изъ чрезчуръ холодныхъ странъ. Существуютъ, правда, области, гдѣ оба находятъ свою выгоду, но онѣ занимаютъ очень ограниченное пространство населенной земли. Но прежде всего

одинъ взглядъ на положеніе вещей въ *Америкѣ* могъ бы моментально уничтожить старинное воззрѣніе. До прибытія европейцевъ тамъ не существовало нигдѣ скотоводства въ большихъ размѣрахъ, не говоря уже о настоящихъ номадахъ но воздѣлываніе полезныхъ растений было широко распространено, между прочимъ, у племенъ, которыя, безъ сомнѣнія, перешли къ нему непосредственно отъ собирательнаго хозяйства. Слѣдовательно, здѣсь землѣдѣліе безспорно древнѣе скотоводства. Можно было бы идти еще дальше и заключить, что разведеніе домашнихъ животныхъ вообще было прежде всего обусловлено болѣею осядлостью, которую вело за собой земледѣліе, такъ какъ только тогда можно было помышлять о болѣе пространныхъ загородахъ для пойманныхъ животныхъ. Однако, удовольствуемся сознаніемъ, что не можетъ быть и рѣчи о возникновеніи земледѣлія изъ кочевой жизни; а рѣшить вопросъ, которая изъ этихъ хозяйственныхъ формъ древнѣе, можно лишь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; пока же оставимъ вопросъ, какъ онъ есть.

Прежнее распредѣленіе имѣетъ за себя во всякомъ случаѣ преимущество простоты; въ дѣйствительности же картина очень разнообразна, и хотя основанія вышеупомянутой группировки легко понятны, тѣмъ не менѣе число группъ, вслѣдствіе переходныхъ формъ и сдвигенія, очень велико. Прежде всего нужно принять во вниманіе, что различныя формы усвоительнаго хозяйства не исчезаютъ, но сначала перевѣшиваютъ и лишь постепенно отодвигаются; далѣе, что онѣ могутъ существовать или въ связи съ земледѣлемъ, или со скотоводствомъ, или съ обоими въ одно время, и наконецъ, что разведеніе полезныхъ растений и скота можетъ идти рядомъ при очень различныхъ обстоятельствахъ. Появленіе ремесла и торговли, возможно при всѣхъ группахъ, дѣлаетъ картину еще болѣе пестрой и неясной; по поводу этого можно повторить слова: *каждый народъ имѣетъ свои собственныя смѣшанныя хозяйственныя формы*. Невозможно разсматривать разныя группы отдѣльно въ рамкѣ общаго обзора; достаточно и здѣсь сдѣлать указаніе на главныя черты. Изъ нихъ первымъ заслуживаетъ вниманія разведеніе растений.

Но раньше еще представляется вопросъ: кому обязано челоучество могущественнымъ культурнымъ прогрессомъ, который заключается въ переходѣ отъ собиранія къ разведенію, отъ усвоительнаго къ производительному хозяйству?

Понятно, является мысль о тѣхъ, на которыхъ въ первобытное время лежала обязанность собиранія растительныхъ пищевыхъ средствъ, — о *женщинахъ*, и предположеніе переходитъ почти въ увѣренность, когда мы убѣдимся, что женщина и послѣдствіемъ обрабатывала землю, а мужчина лишь постепенно начиналъ посвящать себя этой дѣятельности, которую сначала презиралъ. *Леннертъ*

первый, кажется, ясно понял это. Въ новѣйшее время Карль-фонъ-денъ Штейнень, наблюдая индѣйцевъ Шингу, пришелъ къ тѣмъ же выводамъ; мужчины у нихъ рыболовы, рядомъ съ этимъ и охотники, а женщины—земледѣльцы. «Мужчина и женщина,—пишетъ ф.-д. Штейнень,—представляютъ оба отдѣльное сословіе, или известную сумму специальныхъ знаній... Относительная осѣдлость, связанная съ жизнью рыбака, только тогда могла увѣриваться, когда женщины научились разводить растенія, лѣпить горшки и приготавливать муку. Хотя земледѣліе достигло уже у Шингу известнаго совершенства, но по отдѣльнымъ признакамъ можно угадать, изъ чего оно возникло, по крайней мѣрѣ здѣсь. Сажали встрѣчающіяся по сосѣдству полезныя растенія, каждое племя пріобрѣтало опытъ на собственномъ клочкѣ, а женщины, приходившія во время мира или войны къ другимъ племенамъ, расширяли этотъ опытъ». Последнее замѣчаніе указываетъ въ то же время, какимъ образомъ разъ достигнутый культурный прогрессъ можетъ вскорѣ описывать болѣе широкіе круги.

Ничего опредѣленнаго, конечно, нельзя сказать, какимъ образомъ произошелъ этотъ прогрессъ. Одно лишь можно замѣтить, что самая трудная задача въ этомъ случаѣ не тамъ, гдѣ ее могли бы прежде всего искать, т. е., что главное здѣсь не начало разведенія. Что растенія вырастаютъ изъ сѣмянъ, и что такимъ образомъ возможно и гораздо удобнѣе выращивать ихъ по близости деревни или стана,—слишкомъ легко догадаться, чтобъ эта мысль не пришла первобытному племени, которое день за днемъ бродитъ по пустоши и привыкло видѣть произрастаніе сѣмянъ и молодыя растенія на всѣхъ стадіяхъ ихъ роста. По крайней мѣрѣ Грей рассказываетъ объ австралійцахъ, что они особенно берегли полезныя растенія; имѣются даже свѣдѣнія о началахъ дѣйствительнаго разведенія. Гораздо труднѣе *самовоспитаніе*, которое можно разсматривать, какъ предварительное условіе новой хозяйственной формы,—слѣдовательно, и здѣсь существуетъ духовное основаніе, повидимому, чисто матеріальнымъ явленіямъ. При попыткахъ желающихъ добра европейцевъ ввести у первобытныхъ племенъ земледѣліе всегда выяснялось, что худшими врагами новой культуры были сами ошастливленные. Въмѣсто того, чтобы идти въ землю, сѣмена и корни попадали кратчайшимъ путемъ въ желудокъ; если же поле было обработано подъ руководствомъ понимающихъ дѣло, молодыя растенія срывались и пожирались недозрѣвшими и не оставалось ни малѣйшаго запаса для слѣдующаго посѣва. Какъ можетъ слабая женщина векультурнаго племени защитить нѣсколько растеньицъ, которыя она особенно хочетъ взрастить, отъ аппетита мужчинъ и шалости дѣтей? Вѣроятно, дѣлалось тысячу попытокъ, прежде чѣмъ получились длительные результаты.

Можно подозревать, что и въ этомъ случаѣ были примѣнены мистическія идеи, такъ сильно проявляющіяся въ законахъ *о табу*, а потомъ, за ненадобностью, онѣ снова болѣею частью исчезли. Еще теперь и у насъ господствуетъ глубокое уваженіе къ главному питательному средству, производимому земледѣліемъ, къ хлѣбу, и тому, кто обходится съ нимъ непочтительно или насмѣшливо, грозитъ опасныя послѣдствія. Быть можетъ, мертвые, на могилахъ которыхъ сажали фруктовыхъ деревья, были первыми собственниками разведенныхъ полезныхъ растеній, какъ они были, быть можетъ, первыми обитателями каменныхъ домовъ. Другимъ средствомъ защиты былъ, вѣроятно, обычай разводить плантаціи далеко отъ поселка, среди лѣса, какъ и теперь еще дѣлаютъ многіе первобытные народы.

Переходъ отъ чисто собирательнаго къ отчасти производительному хозяйству всюду, гдѣ онъ происходитъ среди самаго народа безъ внѣшнихъ вліяній, имѣетъ прежде всего не характеръ великаго событія, а совершается постепенно и по мелочамъ. И здѣсь нѣтъ рѣчи о рѣзкихъ границахъ. Еще нѣчто другое способствуетъ медленному развитію собственно социальныхъ результатовъ производительнаго хозяйства — осѣдлости и частной собственности на землю. Разведеніе растеній сначала имѣетъ характеръ чистаго захвата; на вновь вспаханномъ полѣ, очищенномъ огнемъ и удобренномъ золой растеній, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ полезныя растенія даютъ прекрасныи урожай, но затѣмъ всѣ соки изъ земли вытянуты, и требуются новыя выжиганія. На бесплодной землѣ это можетъ повести къ переселеніямъ, которыя, хотя и повторяются черезъ большіе промежутки времени, но все же придаютъ жизни характеръ неосѣдлости. Но и тамъ, гдѣ поселокъ остался на прежнемъ мѣстѣ, для его преуспѣванія необходимо, чтобы большая часть земли, занимаемой племенемъ, представляла изъ себя пустошь, или, по кратковременномъ использованіи отдѣльныхъ частей, вновь превращалась въ пустошь. Невоздѣланная земля, конечно, составляетъ общее владѣніе; ничто, положимъ, не мѣшаетъ отдѣльной личности пріобрѣсти себѣ кусокъ поля посредствомъ выжиганія, и онъ становится на время ея собственностью, но навсегда она не можетъ его изъять изъ общей земли, такъ какъ почва довольно быстро истощается. Если такимъ образомъ, съ одной стороны, возникаютъ препятствія для образованія частной земельной собственности, то съ другой, благодаря обширнымъ прострѣствамъ невоздѣланныхъ пустошей, охотничье и собирательное хозяйство остается важнымъ, даже иногда преобладающимъ, источникомъ народнаго питанія.

Такое положеніе преобладало еще въ началѣ среднихъ вѣковъ

Заступъ
Госсовъ
(Суданъ).

въ Германіи; еще теперь многія сельскія общества обладают лѣсными участками, какъ остаткомъ древняго „Allmend“а. Въ русскихъ сельскихъ обществахъ и теперь существуетъ сельскій коммунизмъ, который несовмѣстимъ съ интенсивной обработкой земли. Есть, правда, также первобытные народы, у которыхъ уже раздѣлено все земельное имущество между отдѣльными семьями, какъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ въ Новой Гвинее; это—примѣры тѣхъ единичныхъ крайностей развитія, по которымъ трудно представить себѣ общую картину.

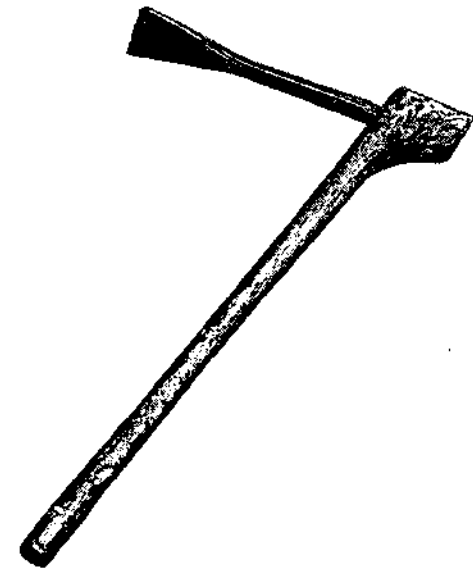

Грабли паз Усайдауи (Восточн. Африка).

Дальнѣйшій шагъ впередъ возможенъ, если не допускается истощенія земли. Въ этомъ смыслѣ введеніе удобрения и плодосмѣнности кажется мнѣ важнѣе, чѣмъ улучшение земледѣльческихъ орудій. (см. рис. стр. 339, 340 и 342), которое въ последнее время преувеличенно разсматривается, какъ главный признакъ болѣе высокой культуры. Но удобреніе въ широкихъ размѣрахъ возможно только тогда, если къ разведенію полезныхъ растений присоединяется и разведеніе скота. Тогда, при обработкѣ земли, имѣя налицо рабочей скотъ, и кирка (рис. стр. 341) уступаетъ мѣсто плугу, при которомъ возможно болѣе основательное и обширное использование земли, и такимъ образомъ является цѣлый рядъ тѣсно связанныхъ признаковъ болѣе высокой культуры земли, а вслѣдствіе того и возможно большее число обозначеній. Если Эдуардъ Ганъ низшую форму называетъ вскапываніемъ земли (Nachtbau), а высшую хлѣбопашествомъ (Ackerbau) онъ, конечно, придерживается болѣе вышнихъ признаковъ; но можно примириться съ этими выраженіями, если только не выискивать изъ виду и другихъ признаковъ.

Вскапываніе земли, служащее въ своихъ древнѣйшихъ формахъ, повидимому, болѣе для возвращенія плодовыхъ клубней, чѣмъ зернового хлѣба, изобрѣтено, какъ уже сказано, женщинами и долгое время остается ихъ монополіей, между тѣмъ какъ мужчина съ своей стороны придерживается усойительнаго хозяйства. Результаты этого отношенія очень различны,—то благоприятны для социальнаго положенія женщины, то—и гораздо чаще—очень неблагоприятны. Всего выгоднѣе оно, повидимому, тогда, если прибыль отъ мужского хозяйства достаточно велика, чтобы быть равнодѣльной прибылью отъ обработки земли вскапываніемъ; тогда образуется дѣйствительно двойное хозяйство, которое, въ связи съ матриархальнымъ общественнымъ стро-

емъ, дѣлаетъ положеніе женщины очень самостоятельнымъ. Тогда мужчина отдаетъ женщинѣ свою добычу охоты и получаетъ отъ нея приготовленную смѣшанную пищу, изъ которой она, конечно, имѣетъ право взять свою долю; онъ живетъ, какъ гость въ ея хижинѣ, а неженатые распоряжаются, какъ хотятъ, въ домѣ для холостыхъ. Потому-то мы такъ часто встрѣчаемъ, что каждая женщина племени имѣетъ свой отдѣльный домъ, въ которомъ она составляетъ центръ маленькаго хозяйства, равнодушная къ тому, имѣетъ ли ея мужъ еще другихъ женъ. Такимъ образомъ можетъ случиться, что мужчина является простымъ придаткомъ, или по крайней мѣрѣ не имѣетъ части въ имуществѣ жены, какъ, напримѣръ, у Сакалавовъ на Мадагаскарѣ. «Между супругами у Сакалавовъ,—говоритъ Нильсенъ-Лундъ,—господствуетъ раздѣленіе имущества въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Все, чѣмъ обладала раньше женщина,—рабы, скотъ, другіе хозяйственные предметы—остается за нею и послѣ замужества, и она обыкновенно тщательно слѣдитъ, чтобы ея собственность не уменьшалась... Мужчина, съ своей стороны, считаетъ своей обязанностью вносить свою долю для пропитанія своей супруги и время отъ времени спокойно переноситъ ея брань, когда не исполнитъ ея требованій». Швейнфуртъ,

Кирка изъ Тибета.

при повукѣ этнографическихъ предметовъ у Монбуту, также слышалъ ежеминутно замѣчанія: «Спроси мою жену—это ей принадлежитъ». Но Гутлеу, у обитателей Угуа даже всѣ домашнія хозяйственные принадлежности находятся въ двойномъ количествѣ, для мужа и для жены.

Подобное выгодное положеніе женщины составляетъ, въ общемъ, исключеніе. Разведеніе полезныхъ растений увеличиваетъ источники питанія, но дѣйствуетъ разрушительно на собирательное хозяйство, очищая пустоши, уменьшая количество дичи и въ то же время способствуя увеличенію народонаселенія, такъ что количество дичи къ числу охотниковъ становится все въ большее несоотвѣтствіе. Очень часто

дичь истребляется почти без остатка, и тѣмъ уничтожается хозяйство мужчинъ. Если бы мужчины были слабѣйшими, это имѣло бы дурныя послѣдствія для нихъ самихъ, но въ дѣйствительности происходитъ обратное: вся тяжесть хозяйства падаетъ тогда на женщинъ, и въ то время, какъ мужчины веселятся или, самое большее, производятъ легкія ремесленные работы и ведутъ ненужныя войны, женщины спускаются до степени рабочаго скота и рабынь. Слабѣйшій полъ, главной задачей котораго должна была бы быть забота о продолженіи и поддержаніи расы, изнемогаетъ подъ тяжестью чрезмѣрной и слишкомъ тяжелой работы. Быть можетъ, индѣйцы Салони вспоминали объ источникѣ развитія этого положенія, когда утверждали, что трудъ явился на свѣтъ за грѣхъ женщинъ и поэтому совершенно справедливо предоставленъ имъ однимъ.

Какъ это ни странно, но именно *хищническое хозяйство мужчинъ* прокладываетъ путь къ устраненію этого ненормальнаго положенія. Хотя мужчина и считаетъ для себя очень недостойнымъ взять въ руки кирку и сообщать съ женою обрабатывать поле, онъ все же не станетъ колебаться дать ей въ помощники рабовъ изъ чужого племени, приведенныхъ имъ домой въ качествѣ военной добычи. Но при перемѣнѣ счастья войны то же можетъ случиться и съ нимъ самимъ, пока, наконецъ, свободный мужчина не возьметъ когда-нибудь, въ случаѣ крайности, нерѣшительно кирку въ руки.

Такимъ образомъ совершается переворотъ, который, наконецъ, ведетъ къ тому, что вся тяжелая полевая работа переходитъ къ мужчинамъ, а женщина снова посвящаетъ себя преимущественно домашнему хозяйству и воспитанію дѣтей. Къ преобразованію вскапыванія земли въ распаханіе эти факты, впрочемъ, не имѣютъ никакого, по крайней мѣрѣ непосредственнаго, отношенія; работа рабовъ и мужчинъ встрѣчается и у племенъ, придерживающихся вскапыванья, хотя, конечно, начало разведенія скота и введеніе плуговъ надолго прекращаетъ тяжелую работу женщинъ. Мѣстами могутъ быть и другія причины, способствующія перемѣнѣ. Такъ, напримѣръ, всюду мужчины имѣютъ сильное влеченіе къ наркотикамъ и такимъ усладительнымъ средствамъ, какъ табакъ, бешель, орѣхи коза и т. под., которыя всѣ почти принадлежатъ къ растительному царству и, понятно, могутъ быть добыты такимъ же правильнымъ разведеніемъ, какъ и полевныя растенія. Вращиваніе этихъ-то растеній, повидимому, съ самаго начала производили мужчины по примѣру женщинъ, такъ какъ

Сварядъ для сбиванія банановъ и другихъ фруктовъ у племени Вакинга (Америка).

оня, очевидно, считали неудобнымъ, чтобъ женщины занимались кое-какъ этими драгоценными, а мѣстами и священными, растеніями.

Все сказанное отъ сихъ поръ можетъ быть пояснено нѣсколькими примѣрами, изъ которыхъ ясно виденъ способъ первобытнаго воздѣлыванья. Инъ Турнъ, говоря объ индѣйцахъ Гвианы, даетъ картину того періода, когда охотничье хозяйство мужчинъ существовало на равныхъ правахъ со вскапываньемъ земли женщинами. „Охота, — говоритъ онъ, — важнѣйшее занятіе въ жизни индѣйца. При томъ очень просомъ образѣ жизни, котораго они придерживаются, пищевыя средства можно назвать самымъ важнымъ, къ чему они должны напрягать свои силы. Необходимая для нихъ одежда и кровь легко достать, — только о пищѣ нужно постоянно заботиться. Женщины, которымъ очень мало помогаютъ въ этомъ мужчины, добываютъ часть ея, воздѣлывая известныя растенія, въ особенности кассаву, а мужчины вносятъ свою долю охотой. Последняя такъ важна для нихъ, что положеніе индѣйца въ селѣ опредѣляется степенью его ловкости на охотѣ“. Самое воздѣлываніе существуетъ въ очень примитивной формѣ. «Мѣсто, гдѣ индѣйцы воздѣлываютъ свои плантаціи, можно назвать полемъ только за неимѣніемъ лучшаго слова. Кто въ первый разъ увидитъ поле индѣйцевъ среди пустоши, можетъ принять его скорѣе за давно прежде обработанное мѣсто, которое опять заросло сорными травами. Кассавы и другія растенія теряются среди кустовъ, выросшихъ вокругъ пней срубленныхъ деревьевъ, которыя лежатъ тутъ же съ своими стволами и вѣтвями, гдѣ упали среди высохшихъ кустарниковъ... Часто почти невозможно при этомъ найти узкую тропинку, извивающуюся черезъ поле между упавшими деревьями и кассавой“. Просѣки въ лѣсу посредствомъ огня дѣлаютъ мужчины, вся остальная работа лежитъ на женщинахъ; нужно при этомъ помнить, что сжиганіе лѣса для охоты — обычный приемъ мужчинъ, который здѣсь только примѣняется съ другою цѣлью.

О тягости труда, падающаго у восточно-африканскихъ негровъ на женщину, и Макдональдъ говоритъ вкратцѣ: «Въ африканской де-

Орнаментъ (женщины, мелющія муку) на бамбуковой коробкѣ у племени Вапиндо (Вост. Африка).

ревиѣ работа производится главнымъ образомъ женщинами; онѣ вскапываютъ поле, сѣютъ сѣмена и собираютъ жатву (см. рис. стр. 343). Кроме того, на нихъ лежитъ вся работа по постройкѣ жилища, помолѣ зерна, варкѣ пива, приготовленіи кушанья и стиркѣ, вообще вся работа о матеріальныхъ интересахъ общины. Мужчины стерегутъ скотъ, охотятся, ведутъ войну и, какъ это ни странно, шьютъ все платье для себя и для своихъ женъ.»

У папуасовъ при заливѣ Гельфинва (въ Западной Новой Гвинее) мужчины принимаютъ уже больше участія въ полевыхъ работахъ, крайне примитивный характеръ которыхъ описываетъ ванъ-Гассельтъ. «Если папуасъ,—пишетъ онъ,—хочетъ развести плантацію, онъ выбираетъ себѣ кусокъ земли, подходящій, по его мнѣнію, для этого; находящіяся на немъ деревья срубаетъ, самые толстые стволы и вѣтви сжигаются, но пни и корни оставляются на мѣстѣ. Остается только сдѣлать крѣпкую загородь, и обработка можетъ быть начата, мужчины идутъ впередъ съ острыми палками и пробиваютъ въ землѣ ямки на равномъ разстояніи другъ отъ друга; за ними слѣдуютъ женщины, бросаютъ въ ямки сѣмена и надавливаютъ снова на нихъ землю,—этимъ и кончается разведеніе плантаціи. Когда посѣвъ взошелъ, плантація очищается отъ сорныхъ травъ и ее стерегутъ отъ нападенія птицъ и дикихъ свиней нока, наконецъ, можно будетъ срѣзать спѣлые плоды. Иногда извлекаютъ изъ плантаціи вторую жатву, большею частью тотъ или другой корнеплодъ; но затѣмъ почва уже истощена, плантація опять превращается въ лѣсистую мѣстность, и другой кусокъ земли готовятъ подъ плантацію. О перекапываніи и удобреніи нѣтъ, конечно, и рѣчи; опавшіе листья и вѣтви образуютъ слой перегноя, въ который и бросаютъ сѣмена, и можно только удивляться богатству жатвы при такой примитивной обработкѣ земли.

Въ сущности, сожженіе стволовъ и сучьевъ есть уже начало улучшенія почвы. И въ другихъ отношеніяхъ замѣчается прогрессъ: вводится плодосмѣнность, искусственное орошеніе и устройство террасъ; послѣднія встрѣчаются въ областяхъ, гдѣ производится культура риса. Сильное хозяйство японцевъ поднялось на значительную высоту даже безъ спеціальнаго разведенія скота, такъ какъ тамъ умѣютъ наилучшимъ образомъ использовать растительныя удобрения и даже очень разумно умѣли примѣнять тѣ растительныя удобрения, которыя приняты въ Европѣ только въ послѣднее время.

Съ какимъ трудомъ должны были подготовлять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полинезіи неплодную почву для обработки, видно изъ сообщеній Паркинсона объ Онтонгъ-Явѣ. «Очень хлопотливо,—пишетъ онъ,—воздѣлываніе одного вида таро. Если нужно устроить мѣсто для посадки, внутри острова выламываютъ коралловую почву, обыкновенно на 4 метра глубины. Длина подобной ямы колеблется между

20 и 30 м. при 10—15 м. ширины. Выломанный матеріалъ насыпается вокругъ, и тѣмъ почва повышается еще на одинъ метръ. На днѣ ямы, посредствомъ сбрасыванія туда кокосовыхъ листьевъ и другихъ растительныхъ отбросовъ, образуется современемъ слой перегноя, который обогащается изъ года въ годъ новымъ матеріаломъ. Этотъ слой перегноя, перемеженный съ пескомъ, образуетъ поле для посадки таро, которая даетъ клубни величиною не болѣе кулака. Въ этомъ случаѣ чрезвычайный трудъ и терпѣніе потрачены для очень небольшихъ результатовъ. Понятно, конечно, что земледѣліе въ широкихъ размѣрахъ должно было впервые развиваться въ благоприятныхъ для того мѣстностяхъ, гдѣ сама природа беретъ на себя удобреніе земли, какъ, напримѣръ, на берегахъ Нила или Евфрата.

Перемена условій сильно влияетъ на хищническое хозяйство первобытныхъ земледѣльцевъ. На войнѣ уже не только убиваютъ и жгутъ,—тамъ можно еще паграбить что-нибудь цѣнное; прежде всего—самыхъ людей, главное женщинъ, представляющихъ живую капиталъ; затѣмъ запасы послѣжатвы и, наконецъ, разное другое имущество, накопленное въ хижинахъ племени, ставшаго осѣдлымъ. Вообще склонность воевать ни съ того, ни съ сего уменьшается съ ростомъ культуры, такъ какъ возможныя потери больше возможной прибыли. Сама земля вѣдь уже цѣнится выше и можетъ вся или частью перейти въ добычу побѣдителю. Представляется также выгоднымъ поработить цѣлый народъ и заставить его продуктивно работать на побѣдителей, но обыкновенно это иго накладываютъ не другіе земледѣльцы, а пастухи племени. У земледѣльцевъ берутъ верхъ добродѣтели женщины—бережливость, прилежаніе, терпѣніе и опредѣляютъ постепенно характеръ народа; у пастуховъ, напротивъ того, рѣзко развиваются качества мужчины—дѣятельность, отвага и властолюбіе; потому что, если женщина и изобрѣла обработку земли, то мужчина увротитель царства животныхъ, и первые пастухи были мужчины, какъ первые земледѣльцы были женщины.

Путь, которымъ разведеніе домашнихъ животныхъ дошло до современнаго его развитія у культурныхъ народовъ, былъ, безъ сомнѣнія, труднѣе и измѣнчивѣе, чѣмъ путь, которымъ дошла женщина до культуры растений. Если бы достаточно было теоріи, дѣло объяснялось бы легко: охотящіяся мужчины въ тѣ періоды, когда дичь была въ избыткѣ, могли придти къ мысли не убивать всей дичи, а огородить часть участка для охоты и тамъ сохранять часть животныхъ, пока наступитъ недостатокъ въ мясѣ. Это было бы нечто вроде улучшеннаго метода консервированія. Затѣмъ современемъ

Колотушка для выкапыванія зерна (Вост. Африка).

узнали, какіе виды животныхъ болѣе подходили для загона, увидѣли, что животные въ загородкѣ размножались и молодые уже свыкались со своимъ положеніемъ, такъ что достаточно было только наблюдать за ними; наконецъ, пришли къ разведенію стадъ скота и такимъ образомъ воссоздали использованные растительныя питательныя вещества, не съдобныя для человѣка.

Можно, пожалуй, согласиться, что ходъ развитія былъ дѣйствительно отчасти таковъ; но онъ имѣлъ по мѣвшею мѣрѣ свои прелюди, которыя можно наблюдать еще теперь у первобытныхъ народовъ. И при разведеніи домашнихъ животныхъ имѣетъ силу старый законъ, что человѣкъ прежде всего стремится не къ полезному, а къ

Аино съ ручными совами, какъ домашними животными.

пріятному: гораздо равнѣе полезныхъ животныхъ стали приручать такихъ, которыя служили только игрушкой, или самое большее—имѣли извѣстное мистическое значеніе (см. прил. рис.); и даже пригодныя качества и способности полезныхъ животныхъ признали лишь мало-помалу. Сама собою является мысль—и въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ подтвержденіе,—что «полезныя» животныя сначала потому только стали спутниками человѣка, что они были способны на это по своему характеру и что лишь потомъ подумали извлечь изъ нихъ практическую пользу. Но не слѣдуетъ всѣхъ стричь подъ одну гребенку, такъ какъ укрощеніе каждаго отдѣльнаго животнаго вида представляетъ изъ себя проблему, и—по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, когда уже было извѣстное число домашнихъ животныхъ,—цѣлесообразное разведеніе новыхъ породъ могло легко придти на умъ.

Но здѣсь, когда идетъ рѣчь о хозяйственной сторогѣ скотоводства, эти вопросы можно пока отложить. Какъ мало основательно и неполно использованіе имѣющагося налицо скота даже у настоящихъ пастушьихъ племенъ, ясно изъ отдѣльныхъ примѣровъ, которые въ то же время могутъ считаться опытами первобытнаго скотоводнаго хозяйства.

Всегда преобладаетъ склонность цѣнить животныхъ, въ томъ числѣ быковъ, не какъ полезныхъ животныхъ, а какъ цѣнное имущество, которое убавляютъ неохотно и лишь въ крайней нуждѣ. Какъ у арійскихъ индусовъ древнихъ временъ всѣ дѣйствія и мысли, вся борьба и радость вертѣлись около обладанія коровами,—то же

происходитъ еще и теперь у многочисленныхъ первобытныхъ народовъ. Такимъ образомъ слѣдствіемъ обладанія стадами является не предпочтеніе къ мясной пищѣ, а перевѣсъ молочнаго хозяйства; но въ то же время развивается почти дружеское отношеніе къ животнымъ, не остающееся безъ вліянія на характеръ. Древнимъ охотничьимъ народамъ чужды подобныя побужденія; у индѣйцевъ Ств. Америки часто царитъ обыкновеніе употреблять данный имъ государствомъ скотъ не для размноженія или просто для убой, а для охоты, причемъ нѣтъ недостатка въ отталкивающихъ сценахъ.

Добываніе молока—вовсе не неизбѣжная принадлежность скотоводства, а съ трудомъ завоеванный результатъ культуры, который во всѣхъ отношеніяхъ распространенъ неполно. Весь восточно-азиатскій культурный міръ вообще не знакомъ съ молочнымъ хозяйствомъ,—ни китайцы, ни японцы, употребляющіе коровъ въ видѣ тяглаго скота, не извлекаютъ пользы изъ молока этихъ животныхъ. На Азиатскомъ плоскогорьѣ кобылье молоко составляетъ главную пищу, а въ Европѣ доить кобылъ не принято. Съ другой стороны, въ области верховьевъ Нила племя Динка обладаетъ громадными стадами крупнаго рогатаго скота и употребляетъ въ пищу ихъ молоко, но пренебрегаетъ молокомъ козъ, которыхъ у него также очень много; поэтому богатаго дохода отъ молочнаго хозяйства можно ожидать только тамъ, гдѣ постояннымъ доеніемъ животныхъ вызывается въ нихъ болѣе сильное выдѣленіе молока, и уже изъ этого видно, что все развитіе этой хозяйственной формы вовсе не было такъ просто. И дальнѣйшее извлеченіе пользы изъ молока не вездѣ извѣстно; рядомъ съ многочисленными пастушьими племенами, приготовляющими масло (см. прил. рис.), существуютъ многія, не знающія подобнаго употребленія молока, а умѣнье готовить сыръ распространено еще менѣе.

Зато мѣстами стадныя животныя идутъ на пользу такимъ способомъ, который незнакомъ европейскимъ культурнымъ народамъ; въ Африкѣ кровь, пускаемая время отъ времени изъ живыхъ коровъ, составляетъ лакомое блюдо; мочу коровъ употребляютъ для чистки сосудовъ, навозъ—какъ связывающій матеріалъ при постройкѣ хижинъ, и если у насъ привыкли видѣть быковъ, запряженныхъ въ телѣгу, то въ Южной Африкѣ и въ другихъ мѣстахъ ихъ такъ охотно употребляютъ для верховой ѣзды, что даже нѣмецкіе конвойные отряды въ Юго-Западной Африкѣ пользуются верховыми быками на службѣ. Кое-гдѣ, напримѣръ у кафровъ, рогатый скотъ служитъ вьючнымъ животнымъ. Ничто не говоритъ такъ ясно за случайное и капризное, составляющее подпочву всякаго хозяйства съ сознатель-

Сосудъ для масла племени Вассиндья (Вост. Африка).

ной, повидимому, цѣлью, какъ то обстоятельство, что нигдѣ на землѣ, даже у высоко стоящихъ культурныхъ народовъ силы и качества такого издавна прирученнаго животнаго, какъ быкъ и корова, не использованы вполнѣ.

Скотоводство не встрѣчается нигдѣ, какъ исключительный источникъ питанія; всегда съ нимъ связаны по меньшей мѣрѣ нѣкоторыя формы усваивающаго хозяйства, чаще всего обработка земли, которая тогда, конечно, главнымъ образомъ лежитъ на женщинахъ. Что скотоводство введено мужчинами, видно уже изъ ревности, съ корою они отстраняютъ женщинъ отъ всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ дѣлъ, пока не побѣдитъ, наконецъ, благоразуміе, и болѣе справедливое раздѣленіе труда возлагаетъ на мужчинъ самыя трудныя работы по земледѣлю, а на женщинъ—болѣе легкія по разведенію скота, какъ доение, вслаиваніе и т. д. Въ Африкѣ до сихъ поръ разведеніе скота составляетъ строгую монополію мужчинъ; аріицы, напротивъ, давно перешагнули эту ступень, какъ доказываетъ древнее слово Tochter—дочь (duhitar—доильница).

Въ древнія времена многія аріискія и семитическія племена представляли, вѣроятно, примѣры глубокаго вліянія, оказываемаго разведеніемъ рогатаго скота на *жизнь и міровоззрѣніе* народа. Въ настоящее время самыя рѣзкіе типы находятся въ Африкѣ. «Разведеніе рогатаго скота,—говоритъ Кроперъ о хозакафрахъ,—высшая страсть и священнодѣйствіе у кафровъ, и въ то же время главное препятствіе къ улучшенію сельскаго хозяйства. Они не могутъ налюбоваться своимъ скотомъ, и ихъ фантазія занята имъ день и ночь. Они восхваляютъ и восхваляютъ его качества, сравниваютъ его съ высшими идеями разумнаго человѣка и даже еще съ высшими силами. Они считаютъ, что между ними и ихъ скотомъ существуетъ особая симпатія не только на землѣ, но и послѣ смерти. Ревъ и крикъ скотины, ея воинственность и сила, ея побѣды и пораженія въ борьбѣ—для нихъ хорошія и дурныя примѣты. Быкъ, волъ и корова—почетныя названія для сильныхъ, щедрыхъ людей. Быкъ прежде составлялъ собственностью лишь вождя и символизировалъ его силу и могущество, корова есть символъ богатства, счастья и щедрости. Каждое племя имѣетъ племеннаго быка, по имени котораго, изъ чести, и называется; точно также каждый знатный мужчина имѣетъ такого быка, которому онъ даетъ всякіе почетные титулы; его шадятъ во время войны и не смѣютъ убить, а непременно возвращаютъ обратно. Болѣзнь и смерть любимаго быка часто вызываютъ такіе же вопли и крики, какъ и болѣзнь и смерть человѣка... И, какъ послѣ смерти человѣка, кафры часто переселяются изъ того мѣста, гдѣ кончалъ свои дни большой любимый быкъ. Чтобы добыть себѣ скотъ, кафръ сдѣлаетъ все. Если же у него его нѣтъ, онъ бѣгаетъ по цѣлымъ мѣ-

сяцамъ усталый и изнуренный, чтобы выпросить скотину у болѣе богатыхъ, или старается ее украсть.

По поводу всѣхъ этихъ крайностей слѣдуетъ замѣтить, что большую часть пищи кафровъ даютъ не стада, а добываютъ земледѣлемъ, слѣдовательно, хозяйственная польза скота стоитъ въ большомъ противорѣчій къ оказываемому ему почитанію. Тѣмъ не менѣе, иногда кафръ еще рѣшается заколоть одного изъ воловъ; но есть африканскія пастушья племена, которыя не могутъ рѣшиться на это, и ихъ страсть къ обладанію рогатымъ скотомъ выражается въ еще болѣе уродливыхъ формахъ, чѣмъ у кафровъ. «Всѣ помыслы и желанія Динка,—пишетъ Швейнфуртъ,—вращаются около обладанія и приобрѣтенія рогатаго скота; этимъ животнымъ даже посвящается въ известномъ отношеніи настоящій культъ, и все, что идетъ отъ нихъ, считается чистымъ и благороднымъ—навозъ, сожженный въ золу, чтобы спать на ней или побѣлять себя, моча для умыванія и какъ замѣна недостающей неграмъ во всѣхъ этихъ частяхъ Африки поваренной соли составляютъ ихъ ежедневныя потребности. Скотину никогда не убиваютъ; за большимъ скотомъ ухаживаютъ въ специально для того устроенныхъ большихъ хижинахъ; только павшія и погибшія животныя сѣдаются. Неописуема скорбь и глубокая печаль того, у кого смерть или жестокосердный чужеземецъ похитить скотину. Въ такомъ положеніи Динка готовъ на самыя тяжелыя жертвы, чтобы вернуть потерянное, потому что корова для него дороже жены и дѣтей. Но павшая скотина не закапывается напрасно, для этого негръ не достаточно сентименталенъ; такой случай пріивѣтствуется непричастными къ потерѣ, какъ радостное событіе, и сосѣди устраиваютъ пиръ, составляющій эпоху однообразной жизни Динка, но только сосѣди,—тотъ, котораго постигло несчастье, слишкомъ потрясенъ потерей, чтобы рѣшиться поднять руку на дорогіе останки животнаго. Нерѣдко можно видѣть, что такіе люди, молчаливые и разстроенные, проводятъ много дней въ своей скорби; такое несчастье кажется имъ едва переносимымъ.»

Наконецъ, племя Тода (въ Индіи) заслуживаетъ въ этомъ отношеніи премію, потому что живетъ только молокомъ своихъ коровъ, не ѣстъ никогда мяса и держитъ нѣсколько особенно красивыхъ быковъ, въ качествѣ священныхъ животныхъ, въ отдѣльныхъ загорадахъ. Это—характерныя черты, присущія вошмъ пастушьимъ народамъ, хотя рѣдко въ такой преувеличенной мѣрѣ. Пржевальскій увѣряетъ, что и у монголовъ все вниманіе обращено на благосостояніе стадъ, собственное же благо и благо ихъ семьи должно отступить на задній планъ.

Скотоводство даетъ возможность *использовать тѣ области, которыя неудобны для земледѣлія*; такимъ путемъ и пастушья народы имѣютъ большую долю въ культурной работѣ человечества.

Но въ высшемъ развитіи отказано номадамъ, такъ какъ они по необходимости должны быть неосёдлыми и не могутъ думать о безграничномъ накопленіи культурныхъ богатствъ; кромѣ того, ихъ образъ жизни приучаетъ скорѣе къ воинственнымъ поступкамъ, чѣмъ къ труду. Поэтому отличительнымъ ихъ свойствомъ служить то, что хищническое хозяйство составляетъ любимѣйшее ихъ добавочное занятіе, и въ этомъ отношеніи они представляютъ великій ферментъ народной жизни; постоянно царствуетъ между пастухами война и грабежъ, такъ какъ стада сосѣднаго племени служатъ заманчивой добычей, но не разъ также набѣги арабскихъ, тюркскихъ и монгольскихъ кочевыхъ ордъ потрясали до самыхъ основаній культуру Зап. Азіи и Европы, Индіи и Китая.

Слѣдующей характерной чертой пастушьихъ народовъ можно назвать то, что земледѣліе, которымъ часто занимаются у нихъ между прочимъ женщины, а можетъ быть, отчасти уже и мужчины, большею частью не имѣетъ никакого отношенія къ скотоводству. Кафръ не думаетъ о томъ, чтобы примѣнить силу своихъ быковъ къ обработыванію земли и стараясь удобрить поле золой, онъ даетъ безъ пользы гнить цѣлымъ кучамъ навоза, которыя скопляются въ загорахъ для скота. Только изобрѣтеніе плуга и пользованіе животнымъ удобреніемъ ведутъ къ *гармонической хозяйственной формѣ*, лежащей въ основаніи высшихъ культуръ Старого Свѣта, и потому легко можетъ намъ казаться единственнымъ возможнымъ идеаломъ. Во всякомъ случаѣ эта форма очень стара. Въроятность говорить за то, что она возникла въ той области, гдѣ встрѣтились туранское вскапываніе земли и семитское пастушье хозяйство, — въ вавилонской низменности; и, быть можетъ, правъ Эдуардъ Ганъ, который полагаетъ, что при разведеніи и пользованіи рогатымъ скотомъ вліяли различныя мистическія представленія; безъ разсужденія отрицать такія предположенія можетъ только наивный культурный человекъ, который разсудительно ставитъ всегда въ начало всѣхъ вещей одно лишь полезное, потому что ему самому кажется это правильнымъ и естественнымъ.

Смѣшанная хозяйственная форма, соединяющая въ себѣ земледѣліе и разведеніе скота, должна поэтому считаться важнѣйшимъ основаніемъ нашей культуры, потому что она прежде всего дѣлаетъ возможной *полнѣйшую осѣдлость*. Съ этого момента опредѣленный кусокъ земли долгое время кормитъ своего владѣльца и его потомковъ, пустошь не составляетъ уже необходимую часть имущества общины или племени, и самое это имущество распределяется между отдѣльными семьями; тогда вмѣсто рода (*sippe*) единицей становится семья и изъ такихъ единицъ составляется каждый народъ. А все же старыя отношенія не разрушаются вполне, только на мѣсто рода (*sippe*) выступаетъ община; часть коммунальнаго имущества остается

обыкновенно общей, служить пастбищемъ для скота, даетъ необходимыя дрова для топлива и соломѣ, даже предоставляетъ возможность, для оѣдѣйшихъ, своими ягодами, грибами и часто дичью продолжать прежнее собирательное хозяйство. Необходимымъ условіемъ новой культурной формы не будетъ, конечно, это общинное владѣніе, такъ какъ теперь возможно все, нужное для хозяйства, — лугъ, ниву, лѣсъ — раздѣлить по небольшимъ кускамъ каждому отдѣльно.

Къ сожалѣнію, именно общинная земля часто бывала причиной хозяйственныхъ бѣдъ. Во времена феодализма деревни во многихъ государствахъ Европы получали тѣмъ или инымъ путемъ своихъ «господъ», которые, какъ хозяева, требовали своей части изъ общиннаго имущества, но постепенно умѣли провидѣть взглядъ, что имъ, какъ естественнымъ представителямъ и властителямъ общины, принадлежитъ по праву эта еще нераздѣленная земля. Съ грубой рѣшительностью вошелъ въ дѣйствіе этотъ взглядъ прежде всего въ Англіи; общинная земля была огорожена лордами и большею частью превращена въ пастбища для овецъ. Тогда разведеніе скота стало невозможнымъ для крестьянъ. Съ другой стороны, безъ скота земля крестьянъ не могла продолжать давать дохода: довольные своимъ положеніемъ и крѣпкіе когда-то сельскіе жители, — которые еще при Кромвеллѣ рѣшались борьбу въ парламентѣ, хотя и тогда уже ихъ число было значительно уменьшено, — совершенно обдѣли, и Англія наполнилась тѣмъ несмѣтнымъ количествомъ нищихъ и бродягъ, противъ которыхъ не могли ничего придумать, кромѣ драконовскихъ законовъ о бѣдныхъ. Въ Германіи этому грустному примѣру послѣдовало въ особенности мекленбургское дворянство, и дѣйствительно, Мекленбургъ со своимъ крупнымъ землевладѣніемъ, несчастными сельскими поденщиками и чрезмѣрной эмиграціей можетъ служить примѣромъ регрессивнаго развитія, которое необдуманно уничтожило большую часть стараго культурнаго завоеванія ради немногихъ отдѣльных личностей. Въ другихъ мѣстахъ чрезмѣрное дѣленіе сельскаго земельного владѣнія, послѣдовавшее вслѣдствіе роста населенія, уменьшило ниже необходимой нормы доходы крестьянскаго хозяйства; въ этомъ случаѣ помогаютъ бѣдѣ инымъ примѣненіемъ рабочихъ силъ — домашней промышленностью, торговлей или временнымъ отбѣздомъ отдѣльныхъ членовъ семьи въ мѣстности, гдѣ имѣется выгодная работа.

Земледѣліе при помощи плуга, соединенное съ разведеніемъ скота, не есть самая интенсивная форма сельскаго хозяйства; наибольшее использованіе земли достигается *садоводствомъ*, т. е. высшей степенью развитія вскапыванія, какъ, на примѣръ, во многихъ частяхъ Китая. Количество рогатаго скота здѣсь не имѣетъ значенія, его кормить потребовалъ бы слишкомъ много плодородной земли; здѣсь

служать для удобрения земли продукты обмена веществ самого человека въ соединеніи съ другими отбросами, такъ что именно громадная цифра населенія Китая обуславливаетъ и дѣлаетъ возможнымъ здѣсь садоводство на почвѣ, уже истощаемой въ продолженіе тысячелѣтій. Здѣсь достигнута наиболѣе возможная гармонія между тратой и пополненіемъ и крайняя бережливость. Европейская культура могла достигнуть еще большаго успѣха только научнымъ изслѣдованіемъ растительныхъ питательныхъ веществъ, которое повело къ введенію минеральнаго удобрения. Чрезвычайно густое население Европы обязано своимъ процваніемъ,—кромя международного сообщенія, доставляющаго избытокъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ мѣстности, преимущественно промышленныя,—интенсивному земледѣлію, которое для удобрения истощенной почвы получаетъ матеріалъ изъ очень отдаленныхъ часто рудниковъ, или пользуется старыми залежами гуано на берегахъ тропическихъ морей. Впрочемъ, примѣръ пользованія этими залежами дала уже обработка земли перуанцами, которые употребляли для удобрения своего побережья гуано и, рядомъ съ этимъ, пользовались также отбросами отъ массы наловленной рыбы; навозъ же отъ своихъ домашнихъ животныхъ главнымъ образомъ, повидимому, цѣнили, какъ матеріалъ для топлива.

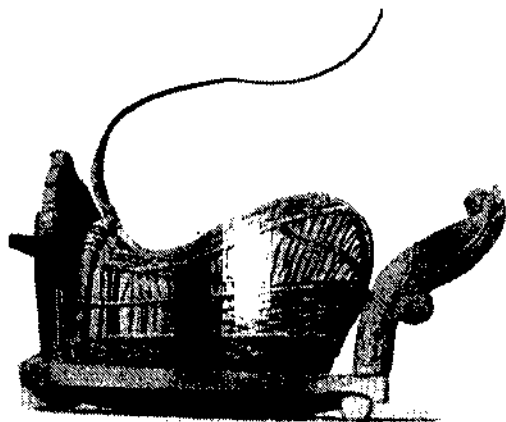
3. Культурныя растенія и домашнія животныя.

Тому, кто бросить взглядъ на нужду и бѣдствія человечества въ его черные дни, оно можетъ показаться загнанной дичью, старающейся уйти отъ своихъ преслѣдователей посредствомъ силы и хитрости, а вся культурная работа—лишь переминойной игрой борьбы, военной хитрости и бѣгства. Но эта мрачная картина составляетъ лишь часть истины. Гдѣ *нужда* должна бы явиться болѣе жестокимъ и грубымъ учителемъ, какъ не въ хозяйствѣ, удовлетворяющемъ ближайшія, постоянно настоятельныя, потребности жизни? Но мы видимъ съ изумленіемъ, что оно бываетъ часто игрой отъ нечего дѣлать, ведущей къ полезнымъ открытіямъ; что избытокъ силъ посвящается не продуктивной работѣ, а украшенію жизни, и лишь постепенно становится слугой сознательнаго прогресса. Тогда человѣческій геній представляется скорѣе могуществомъ, которое произвольно захватываетъ въ свою власть дары и силы природы, играетъ ими, преобразовываетъ ихъ и, наконецъ, научаетъ ими пользоваться. Правда, и это картина односторонняя, но она—необходимое дополненіе той другой, показывающей лишь темныя стороны бытія.

Растенія и животныя, которыхъ человекъ собираетъ около себя и по своей волѣ, на нихъ вліяетъ, размножаетъ, сохраняетъ и воспитываетъ, на первый взглядъ принадлежатъ какъ будто къ области чисто-хозяйственной культуры; ихъ разведеніе возникаетъ, повидимому, изъ практическихъ побужденій; ихъ цѣна опредѣляется ихъ пользой. Правда, одинъ взглядъ на пеструю клумбу цвѣтовъ или на одну изъ тѣхъ клѣтокъ, въ которой канарка-нибудь доверчивая, красивая птичка выдѣлываетъ трели своей мелодіи, можетъ предостеречь отъ слишкомъ быстраго заключенія, но эти исключенія какъ будто принадлежатъ къ тѣмъ забавамъ, которыя себѣ позволяетъ высшая культура, чувствуя свое могущество властелина; кто научился разводить полезныхъ животныхъ и растенія, тотъ захочетъ иногда примѣнить свое искусство въ часы досуга просто изъ удовольствія. И, дѣйствительно, настоящая причина такихъ безполезныхъ въ хозяйственномъ смыслѣ попытокъ разведенія есть, повидимому,

болѣ высокая культура: человечество, намѣренно измѣняя и искажая природу, все же не можетъ уничтожить въ себѣ такъ скоро очень старое наслажденіе зеленью лѣса и веселой охотой на дичь и стремится вновь создать хотя нѣчто подобное утраченному. Частичка этого чувства, навѣрно, таится въ жителѣ большого города, когда онъ передъ своимъ окномъ, выходящимъ на пустой колодезеообразный дворъ наемной казармы, разводитъ жалкіе цвѣты и подвѣшиваетъ клѣтку съ канарейкой.

Но если мы попытаемся опредѣлить ту границу культуры, съ которой *начинаются* эти забавы, тогда мы должны будемъ спуститься все ниже и ниже и все же не найдемъ ихъ. Прежде всего

Клѣтка для птицъ у Ваттаковъ (Суматра).

это касается прирученія животныхъ: многочисленные народы съ усвоительнымъ хозяйствомъ не воспитываютъ полезныхъ животныхъ, но любятъ имѣть въ своихъ жилищахъ или около нихъ ручныхъ животныхъ, не извлекаая изъ нихъ никакой существенной пользы. Что касается растений, то разведеніе декоративныхъ кустовъ и цвѣтовъ — вещь, правда, исключительная у малокультурныхъ народовъ, но зато у нихъ выдвигается на первый планъ группа растений, хозяйственная польза которыхъ по меньшей мѣрѣ сомнительна: это растения, дающія наркотическія или ошняющія вещества. Необыкновенному значенію табака, кофе, чая, какао, вина и опиума (см. рис. стр. 355) для торговли европейскихъ и азіатскихъ культурныхъ народовъ соответствуетъ важность орѣха бетела (см. рис. стр. 356) въ малайо-полинезийской области, орѣха кола въ Суданѣ, кавы въ Полинези и табаку у большинства первобытныхъ народовъ. На разведеніе этихъ средствъ наслажденія тратится масса труда, котораго часто нехватаетъ въ такой же мѣрѣ на разведеніе дѣйствительно полезныхъ растений, и благоразумныя чисто-хозяйственныя соображенія не имѣютъ рѣшающаго значенія ни при работѣ, ни при потребленіи.

Тѣмъ не менѣе, разведеніе растений съ самаго начала главнымъ образомъ принадлежитъ вполне къ области хозяйства, особенно по-

тому, вѣроятно, что человекъ не такъ скоро и легко чувствуетъ симпатію къ растениямъ, какъ къ животнымъ, а *эстетическое удовольствие* въ этой области есть уже обыкновенно результатъ болѣе высокаго развитія; вѣдь характерно уже то, что въ искусствѣ первобытныхъ народовъ растительныя формы выступаютъ гораздо рѣже, чѣмъ изображенія животныхъ и человека. Поэтому, если дикарь начинаетъ воздѣлывать растение, оно должно быть ему полезно въ какомъ бы то ни было смыслѣ — будь то для питанія, ради наслажденія, или для добыванія матеріала въ ремесленныхъ цѣляхъ. Религиозно-мистическія основанія сначала рѣдко принимаются во вниманіе, но крайней мѣрѣ непосредственно.

Переходъ отъ простаго пользованія растениями къ *правильному ихъ разведенію* совершается, конечно, не сразу, и въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ оставаться на различныхъ ступеняхъ. За простымъ охраненіемъ плодоносныхъ растений и случайнаго посѣва выброшенныхъ сѣмянъ слѣдуетъ сознательное насажденіе на подходящей для того почвѣ; слѣдующимъ шагомъ

будетъ подготовленіе этой почвы; еще дальше — способствованіе по насажденію преуспѣванію растений вырваніемъ сорной травы, поливкой, подрѣзаніемъ и т. д., пока, наконецъ, научатся умышленно добиваться улучшенія растений. Въ сущности, все идетъ къ тому, чтобы облегчить растенію борьбу за существованіе и доставить ему возможно болѣе благоприятныя условія для преуспѣванія. Этимъ путемъ становится возможнымъ расширить естественную область распространенія культурныхъ растений. Дико растущее растение должно имѣть силу противостоятъ холоду зимы или засухѣ лѣта, смотря по условіямъ своей родины, и быть достаточно приспособленнымъ къ этимъ условіямъ, чтобы не пасть жертвой соревнованія другихъ, растущихъ на той же почвѣ; дажѣ оно должно разсыпать свои сѣмена въ большомъ количествѣ, чтобы способствовать продолженію своего вида, — культурное растение уже не связано этими данными условіями и можетъ произрастать даже въ странахъ,

Китайскій курильщикъ опиума.

Китайскій курильщикъ опиума.

будетъ подготовленіе этой почвы; еще дальше — способствованіе по насажденію преуспѣванію растений вырваніемъ сорной травы, поливкой, подрѣзаніемъ и т. д., пока, наконецъ, научатся умышленно добиваться улучшенія растений. Въ сущности, все идетъ къ тому, чтобы облегчить растенію борьбу за существованіе и доставить ему возможно болѣе благоприятныя условія для преуспѣванія. Этимъ путемъ становится возможнымъ расширить естественную область распространенія культурныхъ растений. Дико растущее растение должно имѣть силу противостоятъ холоду зимы или засухѣ лѣта, смотря по условіямъ своей родины, и быть достаточно приспособленнымъ къ этимъ условіямъ, чтобы не пасть жертвой соревнованія другихъ, растущихъ на той же почвѣ; дажѣ оно должно разсыпать свои сѣмена въ большомъ количествѣ, чтобы способствовать продолженію своего вида, — культурное растение уже не связано этими данными условіями и можетъ произрастать даже въ странахъ,

недоступных для его дикорастущих братьевъ. Съмена и клубни, которые померзли бы зимой, довѣряютъ землѣ только по прошествіи холоднаго періода; мѣстные сорныя травы, охотно задушившія чужеземца, уничтожаются киркой; сухая земля поливается водой; топкая земля дѣлается плодородной удобреніемъ. Прежде всего въ умѣренномъ поясѣ имѣютъ тогда возможность произрастать растенія болѣе теплыхъ странъ, и въ этомъ заключается часть тѣхъ преимуществъ, которыя перемѣщаютъ въ умѣренныя страны главное мѣсто человѣческой культуры.

Но при всей этой увеличенной возможности распространенія выступаетъ впередъ опять-таки консервативный духъ человѣка. Каждое культурное растеніе требуетъ своей особенной обработки, которая достигается лишь долгимъ опытомъ и сохраняется въ памяти упражненіемъ, а у первобытнаго человечества граница, по ту сторону которой всѣ новые опыты дѣйствуютъ болѣе во вредъ, чѣмъ на пользу, очень тѣсна. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ скорѣе стремленіе до крайности использовать уже знакомыя культурныя растенія, чѣмъ желаніе вводить новые виды. Это извлеченіе возможной пользы очень затрудняетъ точную классификацію на питательныя, волокнистыя, красильныя растенія и т. д. Такъ, на примѣръ, кокосовая пальма доставляетъ, кромѣ питательныхъ веществъ, и жилы для веревокъ, цы-
 новокъ и щетокъ, скорлупа ея орѣховъ служитъ сосудами (см. рис. стр. 357), листья—матеріаломъ для крышъ, а дерево ствола опять-таки употребляется на самыя различныя цѣли. Бамбукъ разрабатывается быть можетъ, еще основательнѣе. Даже отъ банановъ пользуются, кромѣ плодовъ, еще волокнистымъ веществомъ. Такимъ образомъ полезныя растенія находятся во взаимномъ отношеніи съ культурой цѣлыхъ народовъ и странъ и придаютъ ей свою печать. Культура, въ свою очередь, не остается безъ вліянія на растенія, которыя воздѣлываніемъ и уходомъ все лучше отвѣчаютъ своимъ задачамъ. Плоды садовыхъ фруктовыхъ деревьевъ очень отличаются отъ плодовъ ихъ дикихъ братьевъ; нѣкоторые даже не имѣютъ сѣмянъ и жертвуютъ, какъ кастрированныя животныя, навязаннымъ имъ цѣлямъ способностью продолженія рода, по крайней мѣрѣ поскольку оно происходитъ посредствомъ сѣмянъ; почти всѣ растенія, втянутыя въ культурную жизнь, терпятъ болѣе или менѣе важныя измѣненія. Такимъ образомъ въ обработанной культурной странѣ проявляется до самыхъ мелочей вліяніе человѣческаго гения, такъ какъ онъ измѣнилъ по своей волѣ не только время и мѣсто насажденій, но даже и самую

Ящикъ для бетеля Горамовъ (Молукка).

Ящикъ для бетеля Горамовъ (Молукка).
 вляетъ, кромѣ питательныхъ веществъ, и жилы для веревокъ, цыновокъ и щетокъ, скорлупа ея орѣховъ служитъ сосудами (см. рис. стр. 357), листья—матеріаломъ для крышъ, а дерево ствола опять-таки употребляется на самыя различныя цѣли. Бамбукъ разрабатывается быть можетъ, еще основательнѣе. Даже отъ банановъ пользуются, кромѣ плодовъ, еще волокнистымъ веществомъ. Такимъ образомъ полезныя растенія находятся во взаимномъ отношеніи съ культурой цѣлыхъ народовъ и странъ и придаютъ ей свою печать. Культура, въ свою очередь, не остается безъ вліянія на растенія, которыя воздѣлываніемъ и уходомъ все лучше отвѣчаютъ своимъ задачамъ. Плоды садовыхъ фруктовыхъ деревьевъ очень отличаются отъ плодовъ ихъ дикихъ братьевъ; нѣкоторые даже не имѣютъ сѣмянъ и жертвуютъ, какъ кастрированныя животныя, навязаннымъ имъ цѣлямъ способностью продолженія рода, по крайней мѣрѣ поскольку оно происходитъ посредствомъ сѣмянъ; почти всѣ растенія, втянутыя въ культурную жизнь, терпятъ болѣе или менѣе важныя измѣненія. Такимъ образомъ въ обработанной культурной странѣ проявляется до самыхъ мелочей вліяніе человѣческаго гения, такъ какъ онъ измѣнилъ по своей волѣ не только время и мѣсто насажденій, но даже и самую

сущность растеній—они потеряли самостоятельность и безъ него не могутъ преусиживать.

Можно съ разныхъ точекъ зрѣнія попытаться сдѣлать обзоръ культурныхъ растеній. На этотъ разъ не можетъ быть рѣчи ставить на первый планъ вопросы ботаническіе, географической флоры, или историческаго развитія, но, соответственно всему направленію книги, слѣдуетъ поставить вопросы культурно-историческіе. Далѣе, невозможно и излишне называть всѣ растенія; вѣрнѣе будетъ привести и кратко упомянуть о полезныхъ растеніяхъ, самыхъ важнѣйшихъ и самыхъ характерныхъ для культуры большихъ группъ человечества.

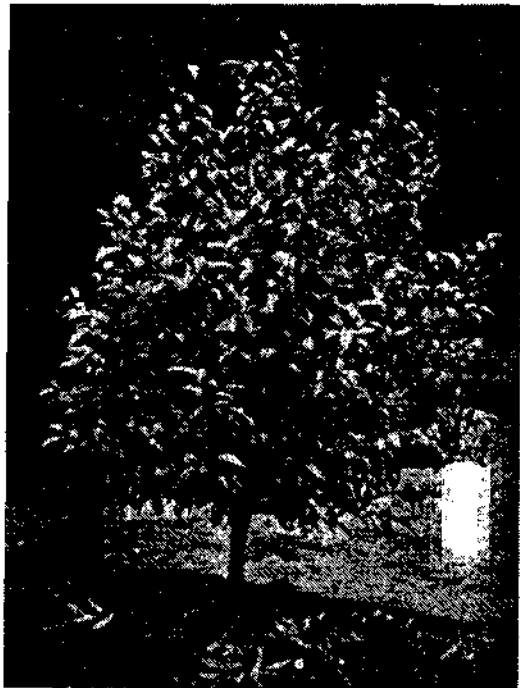
Во-первыхъ, не всѣ населенныя и годныя для обработки части земного шара внесли и свою долю на увеличеніе числа полезныхъ растеній, во-вторыхъ, не вездѣ, гдѣ имѣются дикія формы культурнаго растенія, была дѣйствительно сдѣлана попытка улучшить ихъ; скорѣе есть опредѣленныя области, изъ которыхъ какъ бы изливается цѣлый рядъ культурныхъ растеній, а многія другія принимали только данное, но едва ли способствовали чему-нибудь новому. И это вполне естественно: тамъ, гдѣ съ древнихъ временъ извѣстно разведеніе растеній, легко дѣлаются новые опыты и часто съ успѣхомъ, такъ какъ здѣсь уже не нужно преодолевать психическихъ препятствій; тамъ же, гдѣ нѣтъ этихъ предварительныхъ условій, опытъ удается съ большимъ трудомъ. Слѣдовательно, обитатели только отдѣльныхъ частей земного шара могутъ считаться передовыми борцами въ великомъ походѣ покоренія и укрощенія растительнаго царства; правда, что обменъ завоеваній происходилъ уже такъ рано, что почти невозможно назвать настоящую родину многихъ растеній.

Изъ областей Стараго Свѣта—*восточно-азиатское культурное царство* развилось всего самостоятельнѣе. Огнѣзанное отъ Запада пустынными полосами земли, населенными безпокойными номадами, прижыкая съ сѣвера къ малокультурнымъ туземцамъ Сибири, имѣя съ востока мало оживленное море,—Китай, ядро Восточной Азіи, завоевало сравнительно поздно южную часть своихъ перешейныхъ владѣній и тѣмъ получило связь съ индійской, а позднѣе и съ европейской культурами. Только *однимъ* общимъ древнимъ имуществомъ владѣютъ Восточная Азія и Западный Свѣтъ—пшеницей. Когда нѣкогда китайцы вторглись изъ оазисовъ Азіатскаго плоскогорья въ ихъ теперешнія владѣнія, можно предполагать, что они привезли съ собою зерна пшеницы, какъ драгоценное имущество. Еще сегодня сѣверный Китай—по преимуществу страна пшеницы, а на югѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ рисъ. Если пшеница указываетъ на старинную связь

Сосудъ изъ кокосовыхъ скорлупъ съ Малабарскаго берега.

съ западно-азиатской культурой, то рисъ указываетъ на связь съ культурой индѣйской, хотя нельзя рѣшить окончательно, гдѣ происходило первое его воздѣлыванье. Такъ какъ центр тяжести китайской культуры долгое время находился на сѣверѣ, гдѣ рисъ, какъ сказано, воздѣлывается очень мало, многое говорить за Индію, которая еще во времена арійскаго водворенія была, повидимому, знакома съ

Чайный кустъ.

культурой риса, но китайскія преданія даютъ возможность заключить также о большой древности его воздѣлыванья, такъ что этой связи, можетъ быть, способствовало очень древнее культурное теченіе, о которомъ пока ничего опредѣленнаго сказать нельзя.

Хозяйственная особенность Китая выступаетъ всего ярче въ его плодовыхъ деревьяхъ, которыя сравнительно поздно стали извѣстны остальному міру; всего раньше—персикъ: уже вначалѣ нашей эры счисленія онъ проникъ че-

резъ Персію въ Италію почти одновременно съ абрикосомъ; позже всего — апельсинъ, пересаженный во всѣ теплыя страны въ концѣ XVII столѣтія. Изъ типичныхъ стручковыхъ плодовъ восточные азіаты разводили бобы соя (Soja), изъ предметовъ наслажденія—чай (см. прил. рис.), который, какъ и большинство веществъ для услажденія жизни, накладываетъ на всю культуру еще болѣе характерную печать, чѣмъ особенности питанія.

Восточная Азія принадлежитъ главнымъ образомъ умѣренному поясу, а близлежащая культурная страна, *Передняя Индія*—тропическому. Древнѣйшая исторія культуры этой страны еще очень темна, но очень вѣроятно, что доарійское населеніе Индіи уже занималось

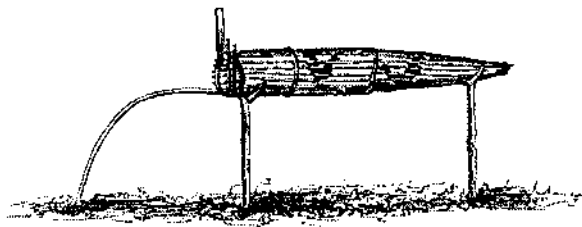
разведеніемъ полезныхъ растений, когда туда ворвались кочевые арійцы съ сѣверо-запада. Тогда часть полезныхъ растений Индіи была перенесена въ Западную Азію и въ Европу, какъ, напримѣръ, дыня, огурецъ и сахарный тростникъ. Рисъ, какъ мы уже упоминали, есть, вѣроятно, древнее индѣйское культурное растеніе, и рядомъ съ нимъ выступаютъ нѣкоторые виды зерновыхъ хлѣбовъ, напримѣръ, Eleusina и Ambrantus, далѣе—многіе виды бобовъ, затѣмъ прежде всего бананъ, который въ своихъ культивированныхъ формахъ сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ полезныхъ растеній обширныхъ тропическихъ областей. Воздѣлываніе хлопна есть индѣйское приобрѣтеніе, но и американскіе культурные народы предприняли самостоятельное воздѣлываніе этого прядильнаго растенія. Наконецъ, нѣкоторыя плодовые деревья, повидимому, сначала разводились въ Индіи, а бутылочная тыква, громадное употребленіе которой придаетъ особенный характеръ имуществу многихъ тропическихъ племенъ, происходитъ, говорить, изъ той же страны.

Положеніе передней Индіи по отношенію къ сосѣдней съ ней культурной области, къ *Зондскимъ островамъ*, не вполне ясно. Если взвѣсить многовѣковое вліяніе индѣйской культуры и религіи на самыя западныя и главнѣйшія изъ этихъ острововъ, можно счесть Индонезію просто хозяйственнымъ придаткомъ полуострова передней Индіи. Но этому противорѣчитъ многое. Самыя Зондскія острова составляютъ исходный пунктъ культуры, которая уже въ давнія времена распространилась на всѣ океанскіе острова до Гаваяи и Новой Зеландіи и очень мало походила на индѣйскую. Мы встрѣчаемъ тамъ, какъ питательныя растенія—таро (Arum esculentum), главный продуктъ полинезийскаго земледѣлія, затѣмъ коренья (Dioscorea), хлѣбное дерево (Artocarpus incisa); изъ масляныхъ растеній—кунжутъ, который, очень вѣроятно, прежде всего воздѣлывали на Зондскихъ островахъ; изъ растеній для возбужденія—орѣхъ бетеля, очень любимый, правда, и въ Индіи, но его болѣе страстными и древнѣйшими почитателями можно считать обитателей Индонезіи. Быть можетъ, къ этому перечню слѣдуетъ еще прибавить кокосовую пальму, которая также имѣетъ громадное значеніе для малайо-полинезийской расы и ею использована болѣе основательно. Бамбукъ и саговая пальма менѣе принадлежатъ къ собственно культурнымъ, чѣмъ къ полезнымъ растеніямъ области. Итакъ, Индонезія обладаетъ вполне самобытными видами полезныхъ растеній, которые, при большой подвижности малайской расы, рано уже распространились въ болѣе отдаленныхъ областяхъ; это—новое прибавленіе къ остаткамъ очень древней, хотя и не очень развитой, но достойной вниманія культуры Зондскаго архипелага.

Метрополия западной культуры Азіи и Европы, *вавилонская низменность съ прилегающими къ ней гористыми странами*,

представляет, естественно, и исходную точку многочисленных полезных растений, между которыми пшеница, вследствие своего очень древняго появленія въ Китаѣ, заслуживаетъ особеннаго мѣста. Ячмень также, повидимому, родомъ изъ западно-азиатской культурной страны, а горы на сѣверѣ этой области, плоскогорья Арменіи, Курдистана и т. д.—родина многочисленныхъ плодовыхъ деревьевъ, прежде всего винограда, опьяняющіе и много разъ вослѣдствіе дары котораго даютъ отпечатокъ западной культурѣ въ той же мѣрѣ, какъ чай—восточно-азиатской. Финиковая пальма также, вѣроятно,—древнее вавилонское культурное растеніе, затѣмъ миндальное дерево, гранатовое, а изъ полевыхъ плодовъ, вѣроятно, еще чечевица и полевой бобъ.

Европа получила большую часть своихъ питательныхъ растений изъ Западной Азии, но сѣверъ, вслѣдствіе суроваго климата, развился самостоятельно. Болѣе вѣжные звыки юга онъ замѣнилъ рожью и

Курятникъ въ Ашанти (Вост. Африка).

овсомъ, которые оба, вѣроятно, европейскаго происхожденія; яблоки и груши выступили вмѣсто гранатъ и финиковъ, изъ масличныхъ плодовъ взращивалась известная народа—рѣпа, да и вообще разведеніе многочисленныхъ разновидностей капусты, кажется, европейскаго происхожденія.

Удивительно мало полезныхъ растений далъ, повидимому, Египетъ. Подлежитъ сомнѣнію, здѣсь или въ Вавилоніи былъ сначала разводимъ ленъ; масляное дерево, вѣроятно, сѣверо-африканскаго происхожденія, но оно не имѣло большаго значенія въ Египтѣ, а папирусъ не былъ собственно культурнымъ растеніемъ. Можно считать только просо вполне принадлежащимъ Египту; это питательное растеніе когда-то и въ хозяйствѣ европейскихъ народовъ было гораздо важнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Что касается тѣхъ видовъ проса, которые встрѣчаются во внутренней Африкѣ, опять-таки очень сомнительно, чтобы ихъ родиной былъ Египетъ. Причину этой поразительной бѣдности можно, пожалуй, искать въ томъ, что долина Нила давала лишь небольшое количество дикихъ растений, годныхъ для воздѣлыванія, и поэтому Египетъ долженъ былъ получить толчокъ извнѣ. Возможно, что мы обязаны еще Египту окулированіемъ

смоквы, но вѣроятно, что культурѣ этого растенія данъ толчокъ съ Запада.

Въ противоположность Старому Свѣту Америка представляетъ совершенно самостоятельную область. Отдѣленные отъ остальнаго человѣчества, культурные народы Америки вырастили множество своеобразныхъ, частью очень цѣнныхъ, полезныхъ растений, которыя, послѣ открытія новой части свѣта, распространились съ изумительной быстротой на громадныя пространства и основательно измѣнили ихъ хозяйственныя формы. Поразительно, напримѣръ, съ какой быстротой проникли питательныя растенія съ западно-американскаго побережья страны и какъ они окончательно вытѣснили прежніе виды плодовъ. «Главные питательныя средства туземцевъ теперь почти всѣ американскаго происхожденія», говоритъ Г. Вардъ о неграхъ нижняго Конго. Но прежде всего типическое возбуждающее средство американскаго культурнаго міра, *табакъ*, совершилъ буквально побѣдное шествіе черезъ всю землю и много разъ за короткое время такъ твердо основывался, что его готовы были признать туземнымъ растеніемъ Африки и Меланезіи. Изъ даровъ Америки *картофель* получилъ громадное значеніе въ умѣренныхъ странахъ Стараго Свѣта; еще, можетъ быть, для болѣе обширной области имѣетъ значеніе *маисъ*, не созрѣвающій въ сѣверной Европѣ, но зато въ большомъ количествѣ воздѣлываемый до самыхъ тропиковъ; маниокъ быстро распространился по всей Средней Африкѣ, бататъ разводится теперь въ большей части тропическихъ странъ; а изъ плодовыхъ деревьевъ в растеній далеко переселились дынеплодникъ, ананасъ, индійская смоковница, томатъ и *какао*. Мы уже упоминали, что хлопковъ разводится усердно также въ Мексикѣ и Перу. Возможно, что родина *жожобової пальмы*—также Америка, чему недавно А. Оппель привелъ опять новыя вѣсныя доказательства.

Въ области европейской и частью также восточно-азиатской культуры достигли того, что всѣ насажденія страны находятся подъ наблюдениемъ и обуславливаются пользой или эстетическимъ наслажденіемъ. Лѣсъ составляется уже почти исключительно изъ определенныхъ древесныхъ породъ, луга засѣваются надлежащими видами травъ, а вблизи жилищъ, въ садахъ и паркахъ, посажены для украшенія растенія, родина которыхъ находится въ очень отдаленныхъ мѣстностяхъ. Только маленькіе мѣстные виды растений, прекрасно приспособленные къ почвѣ и климату, еще борются, какъ «сорныя травы», за свое давнишнее право на землю и солнце.

Побѣдѣ надъ растительнымъ міромъ достойно сопоставляетъ побѣда надъ міромъ животныхъ; она была даже больше и рѣшительнѣе. Цѣлые роды животныхъ погибли отъ оружія человѣка и исчезли съ лица земли, другіе принуждены были свлонить шею подъ ярмо, или терпятся, какъ безвредныя и пріятныя. Но если относи-

тельно растений значительно пошатнулась теория, что вся борьба и приобретение зависят от стремления к пользе, то при исследовании разведения животных она делается совершенно негодной. Именно ручные животные, встречаемые нами у примитивных племен, не полезные животные; у более развитых народов часто также очень недостаточно утилизируются качества и продукты домашних животных, так что иногда является вопрос, к чему собственно берут на себя труд их вскармливания. Несколько примеров могут скорее всего объяснить это обстоятельство.

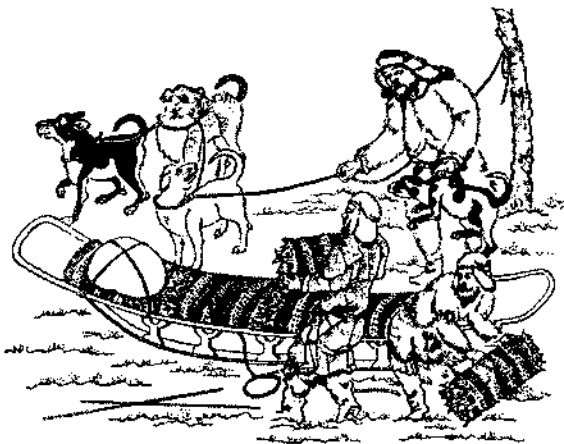
«Домашних животных в нашем смысле, — пишет Карл фон-ден-Штейнен об индийцах Шингу, — не было, собак туземец не знал. Он находил удовольствие в пестрых птицах, которым при случае вырывал перья, а именно в болтающих попугаях и каркающих арасах; пускал прогуливаться по селу, чтобы ни поймал из молодых — будь то дятель, цапля, курица-гого, а для забавы общины держал в исполинской клетке из прутьев влекочущего орла (*Harpyia destructor*) или какую-нибудь другую хищную птицу; он подвешивал на подвязанной цыновке хвостатых ящериц, чтобы они немного разогнали надоедливых сверчков, — далее этого не пошли в пользование животными. Насаживали дикія растения ради колы около села, и не думали вскармливать животных для пищи». То же можно сказать о большинстве бразильских индейцев, хотя кое-где уже является склонность несколько лучше использовать прирученных животных; но в размножению животных в неволе никогда не стремятся и они главным образом служат для забавы. «Часто встречается, — рассказывает Марциус, — в хижине индеец столько же ручных обезьян, как и людей. Меньшие виды, словно любимые собачки, сидят в холодные ночи поближе к у индейца, мурлыча, как молодые кошечки... Арасы и перцефды, многие породы попугаев и пернатых, сидя в хижине на шестах или свободно лазая и летая кругом, доказывают склонность индейцев к общению с животными. Каждый член семьи имеет между этими обезьянами и красиво оперенными птицами, общество которых иногда увеличивается живым принесенным домой тихоходом или маленьким муравьедом, своего любимца, со которым различными образом заботится. Неразговорчивый отец молча любит с смешными выходками своего зятца. Болтливая мать и старшие дети по долгим часам учат попугая болтать. Маленькие возятся вокруг в разнообразных играх с теми из животных, которое им попадет на пути». Не удивительно поэтому, что и полезные животные европейского происхождения, распространившиеся между индейцами, служат лишь забавой, или во всяком случае ценной вещью, стоимость которой не соответствует действительной пользе. Это касается

в особенности кур: их дают в обмен, как рассказывает Эренрейхт, бывшим поселенцам, употребляя их таким образом вместо денег, но не брать ни их, ни их яйца. Именно домашняя птица (см. рис. стр. 360) чаще, по видимому, разводится без главной полезной цели; к туземцам Хайнана, например, куры перешли от витайцев и они их разводят в очень большом количестве, но едва ли употребляют в пищу и пренебрегают яйцами, а у Вакамба, в Восточной Африке, Гильдебрандт нашел предубеждение, что куры — нечистые животные и поэтому несъедобны, яйца же считаются экскрементами и также не употребляются в пищу. И далее внутри страны Кольманн наблюдал, что куры часто употребляются только для целей предсказания. Голубь особенно часто встречается в этом числе; православный русский не ест их, так же, как и персианцы, и часто в определенных местах голуби неприкосновенны, как, например в Каабе, в Мекке, или стаи голубей на площади св. Марка в Венеции. Более мрачный характер принимает эта идея в древнем индогерманском воззрении, указанном Шрадером, что голубь — птица мертвых.

Склонность окружать себя прирученными животными существует не только в Южной Америке. Можно еще указать на жителей островов Науру, в Океании, описанных Зенфтом. «Поразительно, — пишет он, — любовь канаков Науру к птице фрегат, — одному виду куликов, которых, прирученные, содержатся в большом количестве у жилищ на специально для того устроенных жердях. Ручные кулики сидят на известном расстоянии друг от друга и имеют особенность никогда не менять места и не допускать, чтобы другой к нему подвинулся хотя бы на дюйм ближе. На всем острове я не заметил ни одной хижины без этих птиц, они принадлежат еще более к обстановке дома, чем у нас канарейки, или красношейки». С развитием культуры не уменьшается склонность к животным, хотя делается известный выбор и начинают несколько считаться с пользой и приятностью; так, в средние века в Германии употребляли ручных аистов и журавлей, как сторожей домашней птицы, — должность, перешедшая к ним также, вероятно, лишь потом. Всегда, по видимому, забава предшествует серьезной цели; всего явнее это видно из истории самого распространенного, самого древнего и верного из домашних животных — собаки.

Много было уже споров о том, почему человек с самого начала избрал собаку в свои спутники, — ради ли ее мяса, или как помощника на охоте, как сторожа двора, или духовидца, который прогоняет духов своим лаем, как упряжное животное, или истребителя отбросов и всякой дряни. Кто рассмотрит все приведенные примеры бездельного воспитания животных, тот не

приметь участія въ этихъ спорахъ и признаетъ всё вышеуказанныя цѣли вторичными. Собака, очевидно, попала къ человѣку, какъ всё «домашнія животныя» индѣйцевъ и жителей Огненной Земли, поиманнымъ щенкомъ, служившимъ сначала только для забавы; ея удивительная плодовитость сдѣлала возможнымъ размноженіе въ неволѣ; вѣроятно даже, что породы собакъ настоящаго времени суть плоды уже воспитанія, между тѣмъ какъ первоначальными предками собаки были въ действительности волкъ и шакалъ. Извлекать пользу изъ неваго домашняго животнаго научились лишь мало-по-малу и болѣею частью въ очень неудовлетворительной формѣ. Многие на-

Сани, запряженные собаками, у Аяновъ.

они почти не приносятъ въ этомъ отношеніи никакой пользы. Существованіе эскимосовъ и другихъ полярныхъ народовъ (см. прил. рис.) во многомъ зависитъ отъ работы ихъ упряжныхъ собакъ; на Амурѣ собаки служатъ также вьючными животными; полудикія собаки Востока, наоборотъ, несутъ развѣ только обязанность очищать улицы. Каждой фазѣ человѣческаго развитія соответствуетъ новая дѣятельность собаки: осѣдлому земледѣльцу она сторожитъ домъ и запасы жатвы, пастуху помогаетъ держать вмѣстѣ стадо, плантаторъ умѣлъ находить бѣглецовъ изъ своего людскаго стада, негровъ невольниковъ, посредствомъ своихъ свирѣлыхъ собакъ, и, въ противоположность этому, опять-таки собаки разыскиваютъ въ засыпанныхъ снѣгомъ альпійскихъ ущельяхъ заблудившихся или даютъ знать о находкѣ раненыхъ послѣ сраженія. Лай—качество, которое собака приобрѣла только на службѣ у человѣка; одичавшія собаки часто очень скоро теряютъ эту особенность, не имѣющую для нихъ цѣны.

роды вѣдятъ мясо собаки, одно африканское племя вскармливало даже собакъ вмѣсто украденныхъ у него зудусами быковъ; другіе совершенно пренебрегаютъ этой пищей; у многихъ охотничьихъ племенъ собаки стали очень полезными спутниками на охотѣ, у другихъ

Слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи, чтобы собаку съ самаго начала воспитывали съ опредѣленной цѣлью, не говоря уже, чтобы при этомъ преслѣдовали хозяйственныя задачи въ болѣе узкомъ смыслѣ. И выраженіе, что молодыя животныя служили «игрушками», употребляется также только за неизбѣжимъ лучшаго. Въ действительности здѣсь имѣетъ мѣсто то же чувство, которому человѣческое общество обязано своимъ существованіемъ и ростомъ и которое съ самаго начала жило въ душѣ человѣка,—чувство симпатіи, или, если хотите, влеченіе къ общительности. Стремленіе разбудить эго нашего бытія въ живущихъ съ нами существахъ прирождено всѣмъ намъ, и мы ищемъ его не только у близкихъ людей,—и у культурныхъ народовъ одинокой или огорченный охотно обращаетъ свое расположеніе на какое-нибудь животное, въ довѣрчивости котораго онъ находитъ извѣстное утѣшеніе. Болѣе примитивныя расы, кромѣ того, не чувствуютъ такого рѣзкаго различія между человѣкомъ и животнымъ, онѣ даже считаютъ часто животное совершенно равнымъ себѣ, вѣрятъ, что послѣ смерти сами примутъ образъ животнаго, или думаютъ, что происходятъ отъ предка—животнаго. Такимъ образомъ сюда легко примѣшиваются мистическія отношенія и легко можетъ придти въ голову придать имъ большое значеніе при воспитаніи домашнихъ животныхъ, какъ, напримеръ, Эдуардъ Ганъ старается объяснить въ особенности разведеніе рогатаго скота очень древними обычаями культа. Быть можетъ, оно такъ и бываетъ иногда, но вообще всё наблюденія надъ современными дикарями не говорятъ за то, чтобы воспитывали прежде всего «священныхъ животныхъ»; этихъ призрачныхъ существъ шадить, но избѣгаютъ болѣе близкихъ сношеній съ ними. Имѣющіяся налицо ручныя животныя всё почти пойманныя молодыми и выросшія товарищами въ играхъ и друзьями дѣтей, и главной причиной явленія есть и остается симпатія.

Эта симпатія къ домашнимъ животнымъ соответственно ограничивается и подавляется, когда начинаютъ разводить бывшихъ до сихъ поръ друзей и товарищей стадами въ качествѣ бойнаго скота. Но она все же прорывается съ поразительной силой, какъ только это позволяютъ обстоятельства. Мы уже упоминали, что есть пастушья народы, никогда не убивающіе своего скота, и пусть тутъ влечетъ жадность, но нѣтъ сомнѣнія, что въ то же время состраданіе и привязанность отклоняютъ ножъ отъ дорогихъ сердцу четвероногихъ. У культурныхъ народовъ Европы и части Азии мясо благороднѣйшаго домашняго животнаго, лошади, считается почти проклятой пищей, употребляемой только бѣднѣйшими классами населенія. Въ Германію запретъ этой пищи явился вмѣстѣ съ христіанствомъ, и папскія буллы воспретили употребленіе въ пищу лошадиного мяса, хотя христіанское ученіе не знаетъ запретовъ въ пищу; но мнѣніе,

что этимъ хотѣли уничтожить языческій обычай жертвоприношеній, только условно справедливо. Скорѣе здѣсь рѣчь шла о перенесеніи съ юга на сѣверъ уже давно укоренившагося обычая.

Еще характернѣе отношеніе многочисленныхъ совершенно другъ отъ друга независимыхъ народовъ къ *рогатому скоту*, рабочая сила котораго служитъ для таганія плуга: всюду выражается мысль, что несправедливо убивать и сѣдлатъ этихъ товарищей человѣка въ награду за ихъ трудъ. Изреченіе Писагора: «Не накладывай руки на ярменнаго вола!» лишь ярко выражаетъ распространенный взглядъ народа. Въ древней Италиі существовали даже законныя постановленія, которыми запрещался, подѣ страхомъ смерти или ссылки, убой ярменнаго вола, *socius hominum in rustico opere et Cereris minister* (товарища человѣка въ сельской работѣ и слугу Цереры), какъ его называетъ Варро. По словамъ Эліана, во Фригіи существовали подобныя же законы, а въ Атикѣ не должны были приносить по крайней мѣрѣ ярменнаго вола въ жертву. Такимъ же образомъ онъ защищенъ въ восточно-азіатскомъ культурномъ мірѣ, а въ Бирманіи, по свидѣтельству Бастіа, есть насчетъ этого прямой законъ, нарушителю котораго грозитъ смерть. Въ Китаѣ того же придерживаются въ силу обычая; здѣсь поэтомъ и масниви, ремеслу которыхъ не очень симпатизируютъ, по большей части—татарскаго происхожденія.

Обычай вычеркивать изъ числа убойнаго скота дойную корову родствененъ предыдущему воззрѣнію. Порфирій увѣряетъ, не говоря о другихъ многочисленныхъ источникахъ, что египтяне и финиціане приносили въ жертву и сѣдали воловъ, но скорѣе стали бы вѣсть человѣческое, чѣмъ коровье мясо. У аріискихъ индійцевъ почитаніе и береженіе коровы развито до смѣшного и доводится до крайности, что вполне отвѣчаетъ полуфантастичному, полупедантичному духу индійскаго народа; въ царствѣ Сикъ назначалась смертная казнь за убой коровы; и частыя свирѣпыя возстанія научили какъ магометанскихъ, такъ и европейскихъ завоевателей, что въ этомъ отношеніи съ индусомъ шутить нельзя. Отвѣчая другому направленію той же мысли, киргизы и многіе русскіе не ѣдятъ телятины, чтобъ не губить подрастающее поколѣніе; на подобномъ же воззрѣніи основанъ, вѣроятно, также обычай обитателей Молекулы (на Нов. Гебридахъ) не употреблять въ пищу ни мяса самокъ животныхъ, ни яицъ, какъ сообщаетъ Сомервиль.

Относительно лошадей и рогатаго скота вполне ясно, что ихъ береженіе происходитъ изъ почитанія и симпатіи, но послѣднія не вполне отсутствуютъ по отношенію и къ другимъ животнымъ. Домашній пѣтухъ, напримѣръ, часто, въ особенности у иранцевъ, считался запрещенной пищей за свои заслуги въ качествѣ будильника и прорицателя погоды; кошка, мясо которой, говорятъ, очень вкусно,

защищена у насъ неписанымъ запретомъ, а кролики часто разводятся въ Германіи безъ всякаго намѣренія употребить ихъ въ пищу. Что нежеланіе употреблять всѣхъ этихъ животныхъ въ пищу выражается брезгливостью, и настоящую причину часто совершенно не сознаетъ отдѣльная личность,—очень интересная, но въ данномъ случаѣ побочная черта.

Съ началомъ пользованія домашними животными тѣсно связано разведеніе опредѣленныхъ видовъ, которые получаютъ частью покровительствомъ естественнымъ варіаціямъ. Богатое отдѣленіе молока у домашней коровы есть слѣдствіе постояннаго доенія; склонность къ чрезмѣрному отложенію жира также воспитана во многихъ домашнихъ животныхъ, прежде всего въ свиньѣ; понятливость собаки безъ всякаго сомнѣнія—результатъ долгаго воспитанія. При контролѣ размноженія животныхъ удается фиксировать случайный видъ и выработать, напримѣръ, изъ первоначальной формы лошади тяжелаго зомовика или легкаго рысака. Сами животныя, повидимому, подѣ влияніемъ прирученія, получаютъ склонность къ варіаціи, что всего виднѣе на окраскѣ шерсти или перьевъ. Дикіе виды имѣютъ болѣею частью одинаковую, соответствующую мѣстности, окраску, такъ что ихъ покровъ служитъ имъ въ то же время защитой; ручныя животныя, одичавшія, почти всѣ возвращаются къ тому же образу окраски; напротивъ того, домашнія животныя склонны къ пестротѣ окраски или становятся совсѣмъ бѣлыми, что подтверждается сравненіемъ домашняго гуся съ дикимъ, или капризной окраской собакъ и лошадей. Причиной этого явленія, очевидно, можно считать то обстоятельство, что домашнія животныя не нуждаются уже въ точномъ приспособленіи по окраскѣ къ почвѣ и къ пищѣ; похоже на то, что въ тѣлѣ животнаго, какъ въ человѣческой жизни, освободившіяся силы тратятъ свою энергію на забавы и капризы.

И въ другомъ отношеніи бываютъ варіаціи—укороченіе лицевыхъ костей (голова мопса), курчавость волосъ и т. д., которыя частью закрѣпляются воспитаніемъ. Всего болѣе склоннымъ къ подобнымъ измѣненіямъ оказался домашній голубь. Можно сказать, что животное только тогда становится вполне домашнимъ, если на немъ замѣтно влияние новыхъ обстоятельствъ по измѣненіямъ въ тѣлѣ. Многія прирученныя породы животныхъ очень мало склонны къ этому, напримѣръ, олень; съ другой стороны не можетъ быть и рѣчи о сознательномъ подборѣ у тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыя вообще не размножаются въ неволѣ, какъ, напримѣръ, слонъ: прирученіе его, однако, благодаря его уму превосходно удается (см. рис. стр. 368). Но человѣкъ влияетъ и другимъ образомъ на размноженіе домашнихъ животныхъ, ограничивая массу способныхъ къ дѣторожденію самцовъ вастраціей излишнихъ. Начальная причина этого неприятнаго обычая еще темна; врядъ ли его примѣняли сначала, потому что охолощенные

самцы склонны къ чрезмѣрной толщинѣ и потому цѣнны только, какъ убойный скотъ. Скорѣе можно принять, что желали заранѣе предупредить одичаніе молодыхъ животныхъ при пробужденіи полового инстинкта, которое грозило уничтожить результатъ прирученія. Во всякомъ случаѣ обычай очень старъ.

Если при обзорѣ культурныхъ растений было полезно навести справку объ отдѣльныхъ культурныхъ областяхъ земли, какими дарами онѣ снабдили человѣчество, по отношенію домашнихъ живот-

Работающіе индійскіе слоны.

ныхъ эта форма обозрѣнія менѣе подходяща, потому что гораздо труднѣе опредѣлить, какимъ древнѣйшимъ культурнымъ странамъ можно приписать начало ихъ разведенія. Впрочемъ, это имѣетъ свое основаніе: какъ доказываетъ примѣръ бразильскихъ индѣйцевъ, не всегда именно болѣе передовыя племена преимущественно посвящаютъ себя прирученію животныхъ, но какъ разъ низко стоящія съ усвоительнымъ хозяйствомъ, которыя въ чемъ другомъ оставляютъ послѣ себя мало историческихъ слѣдовъ. Поэтому удовольствуемся тѣмъ, что перечислимъ отдѣльныхъ домашнихъ животныхъ и скажемъ самое необходимое для ихъ характеристики.

Между животными, которыя навсегда подчинились сильнѣйшему уму человѣка и размножились въ прирученномъ состояніи, первымъ

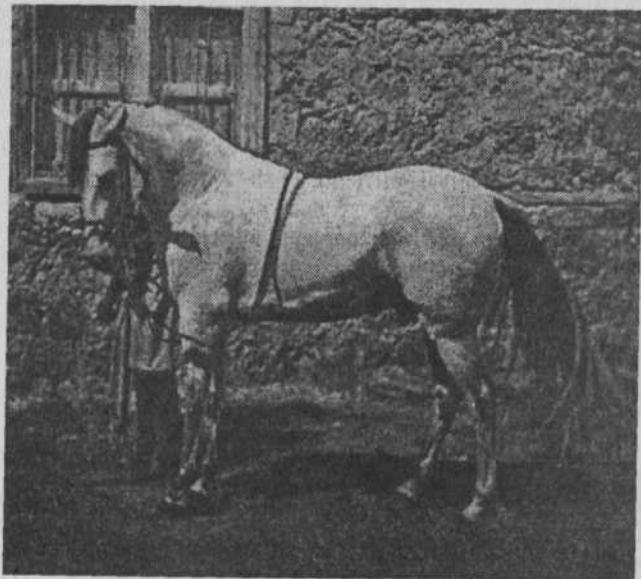
была, безъ сомнѣнія, *собака*; характерно, что она въ то же время въ большинствѣ случаевъ сохранила то дружеское положеніе къ своему господину, которое можетъ считаться первой фазой прирученія, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ спустилась до степени чисто полезнаго животного, убойнаго или рабочаго скота. Вѣроятно, прирученіе собаки или, вѣрнѣе, ея дикихъ предковъ, идетъ не изъ одного опредѣленнаго пункта земли, потому что американская собака, по крайней мѣрѣ повидимому, получилась самостоятельно. Европейскія и другія породы, вѣроятно, и позже были произвольно скрещены съ волкомъ или лисицей. Теперь это животное можно причислить къ общему культурному владѣнію человѣчества; немногія племена Африки и Бразиліи, не разводящія собакъ, составляютъ незначительное, вѣроятно, чисто случайное исключеніе. Собаки слѣдовали за человѣкомъ какъ въ ледяныя поля сѣвера, такъ и на Полинезійскіе острова и въ Австралію, и на каждой ступени культуры должны были принять на себя новый трудъ, не измѣняя вполне когда бы то ни было своему главному назначенію—быть другомъ и товарищемъ человѣка. вмѣстѣ со своимъ господиномъ они приспособились ко всемъ климатамъ и всякимъ жизненнымъ условіямъ и потомки волковъ и шакаловъ стали даже, при случаѣ, чистыми вегетеріанцами. Болѣе высокое хозяйственное значеніе получили онѣ только тамъ, гдѣ служатъ для упряжки, т. е. въ полярныхъ странахъ; въ качествѣ помощникомъ на охотѣ или сторожей стадъ онѣ не такъ незамѣнимы и общеупотребительны, какъ можно думать.

Совсѣмъ другое положеніе *вола* и *коровы*. Хотя и по отношенію къ нимъ, какъ мы видѣли, нельзя отрицать симпатіи, но они вездѣ въ то же время полезныя животныя въ полномъ смыслѣ слова, хотя употребляются различнымъ образомъ и рѣдко или никогда не используются вполне. Пользуются ими преимущественно, какъ физической силой, обращая ихъ въ упряжныхъ, верховыхъ или вьючныхъ животныхъ, или ихъ молокомъ, или, наконецъ, мясомъ и шкурой.

Рогатый скотъ разводится только въ Старомъ Свѣтѣ, но зато очень давно, какъ культивированный видъ *Bos primigenius* Rojanus; возможно, что онъ, какъ и пшеница, есть древнее общее культурное владѣніе Западной и Восточной Азіи; во всякомъ случаѣ—это первое прирученное полезное животное, подготовившее путь къ умѣнному приручать и другихъ домашнихъ животныхъ. «Оно составляетъ,—говоритъ Эдуардъ Ганъ,—настоящую прототицу и основаніе всей нашей экономической культуры, что другія хозяйственные домашнія животныя, въ сущности, представляютъ только свиту, присоединившуюся къ нему». Въ то время, какъ быкъ сталъ вполне домашнимъ животнымъ, онъ выигралъ въ вѣсѣ и величинѣ и получилъ склонность къ разнообразію окраски и строенія черепа, которое опять дало поводъ къ разведенію различныхъ породъ. Въ Европѣ разли-

чаютъ три древнихъ породы, очевидно, происшедшія въ зависимости отъ географическихъ вліяній: степной скотъ, скотъ низменностей или сѣверный, и альпійскій. Такимъ образомъ, въ сущности, всякая обширная область земли, гдѣ вообще съ давнихъ поръ идетъ разведение рогатаго скота, имѣетъ свою особенную породу.

Исходный пунктъ прирученія могъ находиться въ Западной Азіи. Отсюда рогатый скотъ распространился въ Египетъ и далѣе до южной оконечности Африки, въ Европу и, съ арійскими кочевыми пастиухами, также въ Индію. Новидимому, древней доарійской культурѣ Индіи и Индонезіи онъ не былъ извѣстенъ, въ Океанію онъ не

Арабская лошадь изъ Шоа (Абиссинія).

проникъ, а въ Америку попалъ только съ европейцами. Можно бы думать, что въ Индонезіи мѣсто вола занялъ съ самаго начала столь значительный теперь *буйволъ*, но, кажется, его прирученіе наступило позднѣе и представляетъ лишь подражаніе разведению рогатаго скота. То же, вѣроятно, можно сказать объ одомашненіи другихъ, родственныхъ быку, породъ, на примѣръ о *бантенгъ*, который распространенъ въ Индонезіи и задней Индіи, *гайалъ*, встрѣчающемся, какъ домашнее животное, въ Ассамѣ, и *якъ*, занимающемъ то же положеніе въ Тибетѣ и сосѣднихъ съ нимъ странахъ.

Какъ послѣдній представитель прежде очень распространенной и на американской почвѣ породы животныхъ, которая имѣетъ своихъ

дикихъ, или, быть можетъ, лишь одичавшихъ товарищей только на Азіатскомъ плоскогорьѣ, лошадь вполне подпала вліянію человѣка и при этомъ образовала различныя породы (см. рис. стр. 370). Удивительное свойство животныхъ на маленькихъ островахъ пріобрѣтаетъ склонность къ карликовому росту, является у лошади въ поразительной степени; многочисленныя пони и карликовыя лошади почти исключительно островного происхожденія. Повидимому, первой мѣстностью разведенія лошадей было Азіатское плоскогорье, гдѣ и теперь еще онѣ являются настоящими стадными животными, дающими молоко и мясо. Обычай употреблять лошадь для верховой ѣзды, появился, вѣроятно, много времени спустя послѣ прирученія и, повидимому, опять-таки у номадовъ Азіатскаго плоскогорья, которые затѣмъ, при своихъ набѣгахъ на плодородныя страны Западной и Восточной Азіи, стали учителями тамошнихъ культурныхъ народовъ. Въ культурныхъ областяхъ лошадь всюду сначала служитъ въ качествѣ упряжнаго животного, которое везетъ военную колесницу съ передовымъ бойцомъ у грековъ Гомера, у египтянъ и ассириянъ, у китайцевъ и у древнихъ индусовъ. Затѣмъ она стала любимымъ животнымъ западно-азиатско-европейской культуры, причемъ пользуются почти исключительно ея физической силой, между тѣмъ какъ молоко употребляется только мѣстами, на примѣръ, въ римской Кампаньѣ, и мясо ѣдятъ только затѣмъ, чтобъ не пропадало даромъ драгоценное питательное вещество. Въ тропической Африкѣ лошадь не получила значенія, такъ какъ тамошній климатъ ей, очевидно, неблагоприятенъ; напротивъ того, появленіе лошади въ американской степной области привело къ изумительному этнологическому преобразованію: изъ неосѣдлыхъ степныхъ народовъ образовались подвижныя племена всадниковъ, проявляющія иногда опасную склонность къ хищническому хозяйству. Въ нихъ принадлежатъ жители Патагоніи, которые въ то же время расчетливо пользуются лошадинымъ мясомъ, и часть сѣверо-американскихъ индѣйскихъ племенъ, какъ кэовей, апахи и каманчи.

Разведеніе *ословъ*, пожалуй, даже древнѣе, чѣмъ лошади, и, вѣроятно, имѣетъ свое начало въ западно-азиатскомъ культурномъ округѣ. Убойнымъ скотомъ, въ большомъ количествѣ, оселъ, повидимому, нигдѣ и никогда не служилъ; всегда, гдѣ имъ вообще пользовались, онъ исполнялъ обязанность упряжнаго и вьючнаго животного, и есть много мѣстностей, гдѣ онъ въ этомъ смыслѣ играетъ очень важную роль. Въ Египтѣ онъ появился гораздо ранѣе лошади; его можно уже найти на рисункахъ, относящихся къ 6-ой династіи, а лошадь выступаетъ лишь при 18-ой династіи. На сѣверѣ Европы оселъ не получилъ большого значенія, важнѣе онъ, повидимому, для Восточной Африки. Скрещиваніемъ лошади и осла получается мулъ и лошаки, которые соединяютъ въ себѣ до извѣстной степени благоприятныя качества обоихъ видовъ, но стали необходимы только

для опредѣленныхъ культурныхъ областей, напримѣръ, для Южной Европы.

Степнымъ животнымъ является *верблюдъ*; поэтому онъ, вѣроятно, впервые сталъ разводиться степными народами. Такъ какъ на Азиатскомъ плоскогорьѣ онъ встрѣчается еще въ дикомъ видѣ, вѣроятно, здѣсь находится и его родина. Это животное раздѣляется, какъ извѣстно, на два подвида: двугорбый (бактрійскій) верблюдъ и одногорбый (дромадеръ). Изъ верхней Азіи онъ могъ быть распространенъ въ Персію, Сирію и Аравію; сравнительно поздно, около начала нашей эры достигъ онъ, черезъ Египетъ, Сахары и страны, окаймляющія ее, и въ самое недавнее время надъ его разведеніемъ произвели удачные опыты въ австралийскомъ степномъ округѣ. При-

Вьючные верблюды изъ Бруссы (Малая Азія).

способленность верблюда къ степи ведетъ къ тому, что это животное именно для высшихъ культурныхъ народовъ имѣетъ непосредственно мало значенія, но косвенно, какъ единственная почти возможность для караванныхъ сношеній черезъ пустынные страны, оно стало необходимымъ помощникомъ мировой торговли (см. прил. рис.). Для большинства племенъ, владѣющихъ имъ, онъ составляетъ основаніе всего ихъ существованія, способствуя ихъ подвижности, какъ вьючное животное, доставляя имъ свою шерстью главный матеріалъ для одежды, шкуру—для производства различной домашней утвари, и мясо, какъ высоко цѣнимую пищу.

Изъ меньшихъ четвероногихъ всего ближе стоятъ къ человѣку *козы* и *овцы*; и тѣ и другія по происхожденію горныя животныя, родина которыхъ находится, вѣроятно, въ Зап. Азіи. По мнѣнію Ганса, коза—болѣе древнее домашнее животное. Хотя въ Западной Азіи козья шерсть перерабатывается искони для одежды, а мясо

цѣнится многими народами, у европейскихъ культурныхъ народовъ коза преимущественно разводится для молока; овца же является руноноснымъ и убойнымъ животнымъ и въ обоихъ этихъ отношеніяхъ сильно усовершенствована культурой. Руно овцы явилось одною изъ вышеупомянутыхъ вариаций лишь послѣ прирученія и въ то же время получило бѣлую окраску; въ другихъ мѣстахъ появились овцы съ курдюками, доставляющія все сало, необходимое для хозяйства многихъ номадовъ Азиатскаго плоскогорья. Употребленіе овечьей шерсти имѣетъ большое вліяніе на внѣшній характеръ сѣверныхъ культуръ, такъ какъ ею почти вытѣснены мѣховыя издѣлія и тѣмъ произведенъ глубокой переворотъ въ одеждѣ.

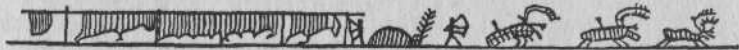
Быть можетъ, и *свинья* есть подарокъ Западной Азіи, встрѣчающаяся также, впрочемъ, очень рано въ Китаѣ и всюду служащая лишь для убоа, не говоря, однако, о щетинѣ и свиной кожѣ, которыя идутъ въ дѣло, конечно, также при убоѣ. Тѣмъ не менѣе въ древѣйшія времена Вавилона, она, повидимому, не была извѣстна, не упоминается о ней также въ Ведахъ и Авеста. Мѣсто свиньи среди домашнихъ животныхъ потому очень своеобразно, что изъ обширныхъ мѣстностей ея прежняго распространенія она вытѣснена религиозными запретами въ пищу, о начальной причинѣ которыхъ можно сказать мало достовѣрнаго. Во всякомъ случаѣ нечистоплотность свиньи и прожорливость, съ какою она проглатываетъ омерзительную пищу, могли всего болѣе способствовать возникновенію законовъ о пищѣ; или, по крайней мѣрѣ, они благоприятствовали примѣненію къ животному, дающему щетинку, первоначальныхъ запретовъ, бывшихъ, быть можетъ, тотемистическаго происхожденія, какъ только они, наконецъ, развились въ формальный кодексъ. Въ другихъ мѣстахъ свинья, сопутствовавшая человѣку до Полинезіи и теперь встрѣчающаяся даже въ одной части Африки, представляетъ главную часть мясной пищи туземцевъ; результаты прирученія проявляются въ исчезновеніи щетины, въ болѣе свѣтлой окраскѣ и склонности къ отложенію жира.

Если до сихъ поръ упомянутыя животныя распространены на обширномъ пространствѣ, *олень* является домашнимъ или, вѣрнѣе, стаднымъ животнымъ только у извѣстныхъ народовъ полярныхъ странъ и, несмотря на прирученіе, едва отличается отъ своихъ товарищей, живущихъ въ дикомъ состояніи. Разведеніе его началось, повидимому, не очень давно, чѣмъ и объясняется вышеуказанное обстоятельство; эскимосы только охотятся за нимъ (см. рис. стр. 374). Оленя употребляютъ для запряжки и переноски тяжестей, даже для верховой ѣзды и рядомъ съ этимъ, какъ молочное и убойное животное; это придаетъ ему большое значеніе для полярныхъ кочевниковъ, пользующихся имъ, но принужденныхъ всѣмъ своимъ бытіемъ прижнаться къ привычкамъ животного. Въ Исландіи, гдѣ старались

его ввести, какъ домашнее животное, онъ одичалъ, зато во внутренней Норвегии онъ проникаетъ теперь вмѣстѣ съ лалландцами далеко на югъ.

Мѣстопребываніе единственныхъ крупныхъ домашнихъ животныхъ Америки, *ламы* и *пако* (альпака), ограничивается первоначальной областью, а именно странами у перуанскихъ Кордильероу, гдѣ и теперь можно еще найти ихъ въ дикомъ состояніи. То, что они по открытіи Америки не распространились дальше, можно приписать ихъ малой полезности а также слишкомъ узкому приспособленію въ гористымъ мѣстностямъ; какъ выючныхъ и рунныхъ животныхъ, ихъ сильно превосходятъ домашнія животныя Старога Свѣта; молока у нихъ мало, а мясо считается невкуснымъ.

Изъ другихъ четвероногихъ, имѣющихъ извѣстное значеніе для культуры, можно еще во всякомъ случаѣ назвать *домашнюю кошку*, которую, повидимому, впервые приручили въ Египтѣ и при этомъ сначала не ради ея небольшой пользы по уничтоженію грызуновъ,

Охота на оленей и просушка шкуръ.

а изъ симпатіи и по религиознымъ побужденіямъ. Она завоевала себѣ извѣстное положеніе въ хозяйствѣ европейскихъ народовъ своей борьбой съ мышами, но часто бываетъ, какъ и собака, только игрушкой и симпатичнымъ товарищемъ дома.

Не мало есть и ручныхъ *птицъ*. Изъ нихъ большинство служитъ также не для пищи, а многія и съ самаго начала держатся только, какъ пріятная и дорогая забава. Какъ многія четвероногія даютъ въ видѣ удоя молока правильный доходъ, такъ и со многихъ птицъ берется дань яйцами, совершая тѣмъ нѣчто вродѣ натуральной химіи, т. е. превращая питательныя вещества, сами по себѣ неудобоваримыя и непріятныя для человѣка, въ высокой степени питательныя и удобоваримыя кушанья. Но мы уже упоминали, какъ широко распространены предрассудокъ относительно яицъ. Большое значеніе для народнаго хозяйства имѣютъ лишь немногія ручныя птицы—курица, гусь, утка, голубь и во всякомъ случаѣ индюкъ, котораго разводили еще древніе мексиканцы. Прирученіе страуса, перья котораго составляютъ важный предметъ торговли, получило лишь недавно значеніе, а употребленіе соколовъ и т. под. для охоты на птицъ у большинства культурныхъ народовъ было переходяще и больше имѣло характеръ спорта, хотя у номадовъ Азіатскаго плоскогорья оно имѣло большое значеніе (см. рис. стр. 375); нѣкоторое

значеніе имѣетъ корморанъ въ китайскихъ водахъ, какъ помощникъ при рыбной ловлѣ.

Курица, должно быть, родомъ изъ Индіи. Какъ у многихъ домашнихъ животныхъ, вѣроятно, и здѣсь не хозяйственное значеніе ея мяса и яицъ способствовало сначала ея дальнѣйшему распространенію, но цѣнили больше всего особенныя качества пѣтуха—его любовь къ дракѣ и обыкновеніе возвѣщать наступленіе утра. Еще и въ настоящее время пѣтушныя бои—самое любимое и страстно наблюдаемое зрѣлище въ Индонезіи; въ древности ихъ знали и въ Греціи, какъ теперь еще въ Испаніи. Крикъ пѣтуха въ опредѣленные часы ночи привелъ не только къ тому, что его употребляли вмѣсто «часовъ», но его свойство возвѣщать солнце дало ему также мистическое освященіе, даже извѣстную святость. Лишь мало-по-малу прозаическое домашнее хозяйство завладѣло курицей, которая теперь своими яйцами вносятъ важную долю въ пропитаніе европейскихъ культурныхъ народовъ.

Гусь, вѣроятно,—культурное приобрѣтеніе Европы, хотя этого нельзя утверждать съ полной увѣренностью; родственныи ему видъ—китайскій гусь (гусь-шипунъ).

Также и *утка*, повидимому, самостоятельно разводилась въ Европѣ и Китаѣ. Китайская утка очень важна для хозяйства народа ради своего мяса и яицъ и замѣняетъ отчасти курицу; характерно, что въ перенаселенной, но многоводной странѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ именно разведеніе водяной птицы.

Чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ породъ животныхъ, тѣмъ меньше становится число домашнихъ животныхъ и тѣмъ слабѣе вліяніе человѣка на тѣхъ немногихъ, которыхъ все же слѣдуетъ называть; недостаетъ узъ симпатіи, дѣлающей возможнымъ соединеніе.

Киргизъ съ охотничьимъ соколомъ.
(По Верещагину).

Полуручныя змѣи, какъ заботливо охраняемые и вскармливаемые обитатели жилища, встрѣчаются часто, но сюда примѣшиваются, конечно, всегда мистическія воззрѣнія. О *разведеніи рыбъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова можетъ быть рѣчь только у культурныхъ народовъ, и мастерами этого дѣла можно назвать китайцевъ, которые достигли торжества добиться у нѣкоторыхъ породъ карповъ тѣхъ видоизмѣненій въ окраскѣ и формѣ, которыя такъ характерны для домашнихъ животныхъ: золотая рыба съ золотистой чешуей и многочисленныя видоизмѣненія этой рыбы съ приплюснутой головой, или выпученными глазами, или чрезмѣрно развитыми плавниками—результаты терпѣливаго витайскаго разведенія.

Какъ послѣднихъ представителей домашнихъ животныхъ, слѣдуетъ назвать двухъ насѣкомыхъ: *пчелу* и *шелкопряда*, оба громадной экономической важности. Почти нельзя вычислить, что значила пчела для Европы прежде, когда сахаръ былъ дорогъ и рѣдокъ; прибавимъ, что одинъ изъ древнѣйшихъ хмѣльных напитковъ, медъ, готовится изъ пчелинаго меду. Разведеніе пчелъ, состоявшее до новѣйшаго времени собственно только въ томъ, что имъ устраивали подходящее помѣщеніе и по мѣрѣ надобности кормили, безъ сомнѣнія, очень древне и, навѣрно, возникло самостоятельно въ различныхъ мѣстахъ. Шелкопрядъ, разведеніе котораго есть заслуга китайцевъ, по видимому, былъ болѣе подъ вліяніемъ, чѣмъ пчела, такъ какъ уходъ за нимъ болѣе постоянный. Производство шелка еще и теперь одна изъ основъ китайскаго хозяйства, хотя удалось съ успѣхомъ пересадить личинку и необходимое для ея преусушанія шелковичное дерево въ другія мѣстности.

Сомнительно, чтобы число домашнихъ животныхъ сильно увеличилось; съ теченіемъ времени во всея уголки земли проникаетъ теперь европеецъ, измѣняетъ видъ природы сообразно своимъ интересамъ и приводитъ съ собою тѣхъ животныхъ, которыя ему кажутся по опыту хозяйственнѣе и полезнѣе; такимъ образомъ гибнутъ часто мѣстныя животныя, прежде чѣмъ сдѣлана болѣе серьезная попытка ихъ прирученія. Съ другой стороны, правда, теперь сознательно и съ пониманіемъ дѣла предпринимаются опыты прирученія, которые обѣщаютъ лучшіе результаты, чѣмъ многіе прежніе.

Самая большая опасность грозитъ, правда, тѣмъ домашнимъ животнымъ, сила которыхъ замѣняется машинами, и прежде всего лошади; можно сказать, что это великолѣпное животное живетъ уже только милостью человека и исчезнетъ, какъ только могущественнѣйшее существо на земномъ шарѣ лишитъ его своего покровительства.

4. Ремесла и торговля.

Въ примитивномъ состояніи потребность пищи—не только самая настоятельная, но часто и единственная, вызывающая извѣстную правильную дѣятельность. То, что лежитъ внѣ ея, совершается при случаѣ отдѣльной личностью или когда предстоитъ болѣе крупная задача—постройка дома, судна, очищеніе лѣсного участка—на этотъ разъ соединяется вся общественная группа и совершаетъ требуемое совмѣстной работой, «помочью» (работой по просьбѣ, какъ ее предлагаетъ назвать Бюхеръ), которая болѣею частью совпадаетъ съ праздникомъ и пиршествомъ. Такія выполненія работъ нельзя назвать ремеслами; понятіе о ремеслѣ немыслимо безъ понятія о *раздѣленіи труда*, которое влится къ тому, что отдѣльныя личности берутся удовлетворить извѣстныя потребности цѣлой группы, за что получаютъ отъ членовъ этой группы продовольствіе и другіе необходимые предметы. Когда этотъ обмѣнъ принимаетъ болѣе прочныя формы, онъ становится *торговлей*. Ремесла и торговля не обуславливаютъ, правда, другъ друга непосредственно, но такъ тѣсно связаны, что лучше всего ихъ разсматривать съ общей точки зрѣнія.

Выраженіе «раздѣленіе труда» очень удачно, но его слѣдуетъ употреблять съ оговоркой,—оно можетъ легко навести на мысль, что работа есть нѣчто данное, совершаемое съ самаго начала и постепенно раздѣляемое между отдѣльными личностями; въ дѣйствительности же, съ прогрессомъ культуры, становятся необходимы все новыя дѣятельности, за которыя берутся отдѣльныя группы, причемъ никогда не бываетъ, чтобы все вообще занимались ими. Это выраженіе не рисуетъ правильно хода развитія даже въ томъ смыслѣ, что въ древнія времена каждый долженъ былъ совершать все, для себя необходимое. По крайней мѣрѣ мы находимъ уже на самыхъ примитивныхъ культурныхъ ступеняхъ,—насколько мы ихъ вообще можемъ прослѣдить при настоящихъ средствахъ изслѣдованія,—рѣзко выраженное хозяйственное раздѣленіе труда между *мужчиной* и *женщиной*, и развитіе ремесленной дѣятельности опредѣляется часто въ своихъ зачаткахъ этими данными отношеніями; когда изъ свободной и лишь капризу подчиненной работы начинаетъ развиваться ремесло, мы видимъ, что оно исключительно производится однимъ

изъ половъ, и часто задачей культуры бываетъ не укрѣплять еще болѣе подобное раздѣленіе труда, а разрушать его въ цѣляхъ дальнѣйшаго прогресса. Такое преобразование, какъ мы видѣли, совершилось въ земледѣліи, причемъ тяжелая работа обработки поля мало-по-малу была отнята у женщинъ и перенесена на болѣе къ тому приспособленныхъ мужчинъ.

Слѣдующей ступенью развитія бываетъ обыкновенно не возникновеніе особенныхъ ремесленныхъ производствъ внутри какого-нибудь племени или сельской общины; человѣческая группа, о которой идетъ

Горшечники сандеевъ (Центральная Африка).

рѣчь, болѣею частью слишкомъ мала, чтобъ было возможно большое раздѣленіе, и слишкомъ сплочена, чтобъ это благоприятствовало раздѣленію на занятія по сословіямъ. Гораздо чаще случается, что вся группа занимается извѣстнымъ ремесломъ и вступаетъ въ обмѣнъ съ другими группами. Этому покровительствуютъ и внѣшнія обстоятельства: цѣлый рядъ ремеслъ можетъ процвѣтать только тамъ, гдѣ имѣются нужные для того сырые матеріалы, такъ, напримѣръ, гончарное ремесло въ обширныхъ размѣрахъ (см. прил. рис.)—только вблизи подходящихъ пластовъ глины; желѣзная промышленность—тамъ, гдѣ легко добывается руда и древесный уголь; кораблестроеніе—только въ мѣстахъ, гдѣ подходящія деревья растутъ вблизи су-

доходныхъ водъ. Такимъ образомъ часто бываетъ, что большія страны, въ которыхъ населеніе политически и, быть можетъ, также по языку распадается на рѣзко ограниченныя группы, въ хозяйственномъ отношеніи составляютъ одно цѣлое, такъ какъ работа отдѣльныхъ группъ дополняетъ одна другую; это есть примитивный примѣръ ученію, что хозяйственныя сношенія идутъ навстрѣчу политическому единенію. Но самыя группы могутъ вѣдь быть, смотря по состоянію общественнаго развитія, родами (Sippe), семьями или племенами; поэтому выраженіе—*ремесло племени* неудовлетворительно и, быть можетъ, лучше его замѣнить выраженіемъ—*групповое ремесло*.

Ремесленное *раздѣленіе труда половъ*, которое прежде всего заслуживаетъ краткаго обзорѣнія, имѣетъ своимъ непосредственнымъ

началомъ трудъ по добыванію и приготовленію питательныхъ веществъ. Всюду мы видимъ, что кулинарное искусство женщинъ, если можно употребить для краткости это неопредѣленное выраженіе, развивается въ особенную и высоко цѣнимую ловкость, между тѣмъ какъ мужчина при приготовленіи въ пищу своей добычи на охотѣ довольствуется простымъ жареньемъ на вертелѣ или въ горячей золѣ. Изъ растительныхъ веществъ, съ которыми всего болѣе имѣетъ дѣло

Женщины, занимающіяся горшечнымъ ремесломъ, съ Золотого Берега (Западн. Африка).

женщина, только немногія могутъ быть сдѣланы такимъ способомъ съѣдобными, но требуютъ употребленія горячей воды или пара. Изъ жаренья съ помощью раскаленныхъ камней, закапываемыхъ вмѣстѣ съ пищей въ землю, развивается самая ранняя форма приготовления пищи: раскаленные камни бросаются въ деревянные или плетеные, наполненные водой, сосуды, пока жидкость не начинаетъ кипѣть; такимъ же способомъ варятъ мясо или корни и плоды даже въ шкурахъ убитыхъ животныхъ. Этимъ искусствомъ всегда занимается преимущественно женщина; наконецъ, ей разрѣшается приго-

товлять въ пищу добычу охоты мужа и такимъ образомъ ея очагъ становится центромъ домашняго существованія. Тогда ей легко приходитъ на мысль получить съ помощью своей ловкости и другія выгоды, и дѣйствительно мы видимъ въ Америкѣ часто женщинъ, идущихъ на рынокъ съ приготовленными кушаньями или ожидающихъ покупателя на торговыхъ улицахъ. Пивовареніе здѣсь также лежитъ на женщинахъ и нерѣдко мы находимъ тамъ, гдѣ этому благоприятствуетъ случай, маленькіе зачатки мелочной продажи напитковъ.

Великое изобрѣтеніе женщинъ, которое имѣетъ нѣкоторое право стать рядомъ со вскапываніемъ земли, — *гончарное искусство* — есть потомокъ поваренаго искусства. Рѣдко можно такъ легко прослѣдить ясное развитіе ремесленнаго навыка, какъ въ данномъ случаѣ. Намъ здѣсь приходится на помощь не какое-нибудь историческое преданіе культурной страны, изъ которой вышло открытіе, напротивъ, — очень первобытные народы были первыми гончарами и нельзя говорить о какомъ-нибудь центрѣ, изъ котораго бы исходили лучи этого искусства. Мы здѣсь имѣемъ форму развитія, которая почти по необходимости должна была произойти изъ предыдущихъ данныхъ и поэтому совершилась самостоятельно въ разныхъ пунктахъ земного шара. Здѣсь нечего обсуждать дѣло съ технической стороны; но не можетъ быть сомнѣнія, что женщины всюду при кулинарной дѣятельности пришли къ мысли умышленно ставить на огонь свои корзины и чашки, обмазанныя глиной, чтобъ ихъ закалить, и что онѣ отсюда перешли къ настоящему гончарному искусству: у всѣхъ первобытныхъ народовъ мы видимъ керамику въ рукахъ женщинъ (см. рис. стр. 379 и 381), и только подъ вліяніемъ высшихъ культурныхъ формъ она становится ремесломъ, которымъ занимаются мужчины.

Прежде всего рассмотримъ положеніе дѣла въ *Африкѣ*. Здѣсь вездѣ дѣлаютъ горшки женщины; только тамъ, гдѣ оказала свое вліяніе азиатская культура, у гамитскихъ племенъ, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, а также въ провинціяхъ вахумовъ, находящихся подъ вліяніемъ гамитовъ, имѣются гончары-мужчины. Приятно видѣть, что и въ негритской Африкѣ мужчины кое-гдѣ начинаютъ относиться дружелюбнѣе къ керамикѣ, изготовляя табачныя трубки изъ глины, — опять примѣръ тому, какъ при случаѣ не настоящая хозяйственная надобность, а склонность къ какому-нибудь одуряющему средству пересиливаетъ первоначальное пренебреженіе къ женской работѣ. Естественно, что гончарное ремесло развивалось только мѣстами, хотя оно и присуще женщинамъ: вѣдь не вездѣ существуютъ подходящіе пласты глины; часто не всѣ женщины мѣстечка занимаются имъ, но лишь самыя искусныя.

По всей *Меланезіи* приготовленіе горшковъ — работа женщинъ и принимаетъ чисто ремесленный характеръ, потому что нерѣдко

процвѣтаетъ горшечная торговля съ тѣми мѣстами, которыя менѣе богаты глиной. На Фиджи этимъ ремесломъ занимаются жены рыбаковъ; по одному маловѣроятному преданію, обитательницы Малакки изготовили будто бы первые горшки по примѣру пчель-каменщиковъ. Въ *Америкѣ* горшечниками являются опять-таки женщины, такъ, напримѣръ, у гуроновъ, гдѣ мужчины также готовятъ только трубки для куренья, и у индѣйцевъ — пуэбло. Особенно поучительно по своей простотѣ положеніе, которое Карлъ фонъ-денъ Штейненъ засталъ у индѣйцевъ области Шингу. Здѣсь были тогда еще племена, приготовлявшія только сосуды изъ тыквъ и обмѣнивавшія ихъ на глиняные сосуды у племенъ, занимавшихся гончарнымъ ремесломъ; горшки, приготовляемые всегда женщинами, отличаются своей формой, похожей на тыквы. И въ Гвіанѣ процвѣтаетъ горшечное ремесло, которымъ занимаются исключительно женщины. Небезъ основанія указывали на то, что простыя, ничтожныя формы многихъ глиняныхъ сосудовъ первобытныхъ народовъ обуславливаются бѣдностью фантазіи у женщинъ. Поразительно, напримѣръ, различіе между богатыми по орнаментикѣ рѣзными изъ дерева вещами меланезійскихъ мужчинъ и гладкими горшками, изготовляемыми ихъ женами. Тѣмъ же менѣе это не вездѣ такъ; доказательствомъ служатъ только-что упомянутыя керамическія произведенія индѣянокъ Гвіаны, показывающія не малую долю художественнаго смысла и фантазіи.

Изъ гончарнаго ремесла возникаетъ другая дѣятельность, что можно особенно наблюдать въ Африкѣ. Какъ утолщаютъ корзины глиной, такъ же поступаютъ съ плетеными хижинами, имѣющими форму улья; мѣстами ихъ совсѣмъ не плетутъ, а прямо дѣлаютъ изъ глины. Такъ какъ женщины привыкли обращаться съ этимъ матеріаломъ, имъ принадлежитъ важная роль при постройкѣ жилищъ; но настоящаго ремесла не развивается изъ этой дѣятельности.

Мужчины приходятъ другими путями къ специальнымъ занятіямъ, и едва ли стоитъ говорить, что ихъ первыя ремесленныя

Сглаживаніе горшковъ у племени Цуни
(Сѣв. Америка).

работы находятся въ зависимости отъ *охоты* и *войны*. Производство оружія изъ дерева и камня никогда не предоставляется женщинамъ, но всякій дѣльный мужчина умѣетъ ихъ самъ приготовить, пока постепенно выдѣляются своею ловкостью отдѣльные лица. Рѣзба оружія изъ дерева приводитъ къ деревянной работѣ вообще, которая почти вездѣ производится мужчинами и нѣкоторымъ образомъ противопоставляется гончарной работѣ женщинъ; въ рѣзбѣ начинаютъ проявляться и первыя художественныя побужденія, такъ какъ охотно украшаютъ рѣзбой по крайней мѣрѣ любимое оружіе и отличаютъ его отъ другихъ особенными знаками. Тамъ, гдѣ готовятъ изъ деревянныхъ стволовъ лодки, это дѣлаютъ, конечно, мужчины, выдалбливающие лѣсныхъ гигантовъ топоромъ и огнемъ.

Крупная дичь даетъ, кромѣ мяса для пищи, еще свою *шкуру*, выдѣлку которой (см. прил. рис.) сначала беретъ на себя мужчина. По-видимому, въ параллель мѣховой одеждѣ, женщины изобрѣли производство матеріи изъ *древесной коры*, хотя съ увѣренностью утверждать этого нельзя; въ Полинезійской матерію изъ коры готовятъ женщины. Она употребляется тамъ, за недостаткомъ крупной дичи, также и для одежды мужчинъ, а въ другихъ мѣстностяхъ ничто не противорѣчитъ по крайней мѣрѣ возможности, что и здѣсь эта дѣятельность первоначально принадлежала женщинамъ. Изъ обработки шкуръ развиваются мало-по-малу особенныя ремесла, какъ, на примѣръ, коженое, сѣдельное, башмачное мѣстами и портняжье; во всей Восточной Африкѣ, по увѣренію Макдональда, портняжничаютъ мужчины, а въ Южной Африкѣ можно удостовѣрить, что эта, не

вполнѣ достойная мужчины, дѣятельность, которая и у насъ дала поводъ къ безчисленнымъ народнымъ остроумамъ относительно почтеннаго портняжнаго ремесла, начинается со шпиванія маленькихъ шкуръ въ плащи (кароссы); затѣмъ, конечно, когда появляются европейскіе матеріалы для одежды, мужчина примѣняетъ свое портняжье искусство и къ нимъ. Во всякомъ случаѣ этимъ занимаются большею частью старыя мужчины—это очень знаменательная черта! Много разъ повторяется явленіе, что болѣе старыя люди, негодные уже для охоты и войны, покупаютъ занятіемъ ремеслами свое дальнѣйшее право на существованіе и тѣмъ вліяютъ

на мѣстные социальныя понятія и обычаи. Въ Сѣверной Африкѣ, на примѣръ, приготовленіе корзинъ и соломенныхъ перевязей составляетъ всюду занятіе бѣднѣйшихъ старцевъ.

Нѣкоторыя ремесла производятся обоими полами; такъ, на примѣръ, *плетеніе* и вытекающее изъ него *тканье*; но всегда оказывается, что по крайней мѣрѣ въ определенной группѣ человечества этимъ искусствамъ посвящаютъ себя или мужчины, или женщины; иногда бываетъ, что болѣе тонкое плетеніе (у кафровъ) выполняется мужчинами, а болѣе грубое — женщинами. Пряденіе (см. на отдѣльн. листѣ рис. «Алжирская пряха-негритянка») и тканье—дѣло женщинъ во всей Индонезіи; въ Западной же Африкѣ, наоборотъ, хотя прядутъ женщины, т. е. другими словами, готовятъ воздушный кми хлопокъ для дальнѣйшей обработки, но тканье большею частью — работа мужчинъ. Часто женщины плетутъ корзины, а мужчины цыновки, и тогда изъ послѣдняго занятія возникаетъ настоящее ремесло, какъ, на примѣръ, во многихъ мѣстностяхъ Суланы; простое плетеніе цыновокъ, требующее очень небольшого основнаго капитала, часто бываетъ ремесломъ бѣдняковъ, которые не имѣютъ другихъ способовъ перебиваться, и потому, конечно, не пользуется особеннымъ уваженіемъ. Ремесло плетенія можетъ при случаѣ еще болѣе дифференцироваться, такъ что ремесломъ становится даже плетеніе фальшивыхъ косъ, какъ, на примѣръ, въ Корей (см. прил. рис.).

Только-что приведенный примѣръ показываетъ, какъ внутри какой-нибудь общины раздѣленіе труда развивается постепенно въ настоящее ремесленное производство; но при примитивныхъ условіяхъ это преобразованіе идетъ впередъ очень медленно; зато другой родъ производства—*мѣстные и групповыя ремесла*—вырастаетъ до громаднаго значенія. Цѣлыя общины и народныя группы основываютъ свое существованіе частью,—а иногда почти цѣлкомъ,—на одной ремесленной работѣ и вступаютъ въ тѣсное мѣновое сношеніе съ сосѣдями, которые имъ доставляютъ или другія ремесленныя издѣлія, или сырой матеріалъ. Пояснимъ это нѣсколькими примѣрами изъ различныхъ мѣстностей земли.

Какъ сообщаетъ Имъ Турнъ, въ Гвианѣ приблизительно каждое племя имѣетъ свое отдѣльное ремесло. «Изъ береговыхъ племенъ Варау готовятъ наилучшія лодки и снабжаютъ ими сосѣдніе

Скребло для кожъ у Вакала (Восточная Африка).

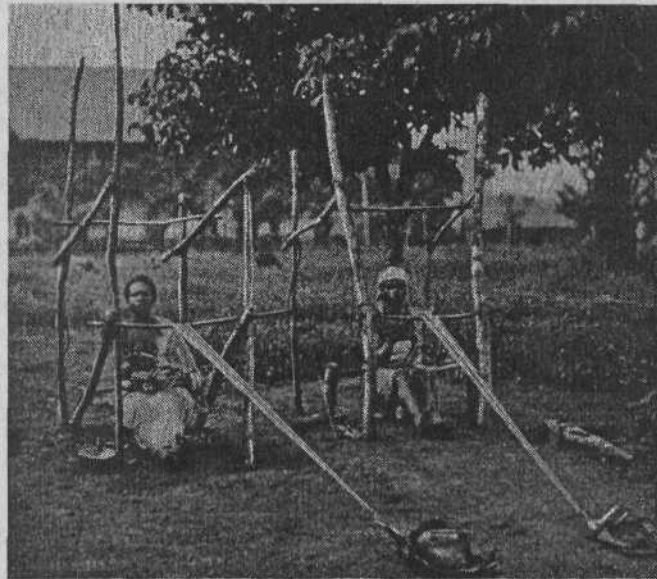
Корейскія женщины, плетущія фальшивыя косы.

народы... Такимъ же образомъ, далеко внутри страны, племя Вапиана строят лодки для всѣхъ племенъ области. Макузи имѣютъ два производства, очень важныя для всѣхъ племенъ; первое—приготовление урала для отравления стрѣлъ и самострѣльного болта, другое—громадный запасъ хлопчатобумажныхъ подвѣсныхъ кооекъ, такъ какъ, хотя послѣднія теперь изготовляются и Вапианами и настоящими Карибами, по Макузи все же остаются главными поставщиками. Племя Акеруна разводитъ, прядетъ и продаетъ большую часть хлопчатой бумаги, которая перерабатывается племенемъ Макузи въ гамаки и другія вещи. Арекина поставляютъ также всѣ самострѣлы (духовыя трубки)... Тарума и Войвой захватили полную монополию по производству деревянныхъ терокъ, на которыхъ индѣйцы всѣхъ племенъ трутъ кассаву; эти два отдаленныхъ племени въ то же время—самые искусные дрессировщики охотничьихъ собакъ... Только племя Аковаи, насколько намъ извѣстно, не имѣетъ особенныхъ издѣлій для обмѣна съ сосѣдями; эти индѣйцы особенно страшны другимъ племенамъ и съ ними неохотно встрѣчаются». Совершенно также, но менѣе систематично, обстоятъ дѣла у австралийцевъ. Племена у Муррая обмѣниваютъ съ однимъ изъ племенъ дюритъ (зеленый камень) на копыя; другія получаютъ отъ своихъ сосѣдей, взаменъ избытка угрей, съѣдобные корни; по свидѣтельству Говита, племена у залива Купера обмѣниваютъ копыя и дубины на цыновки, сѣти и одѣяла, щиты на пояса, а племена у сѣвернаго мыса полуострова Гюрка получаютъ отъ жителей острова Тарресъ луки, стрѣлы и барабаны. Одинъ народецъ внутри Австралии даже занялся ремесломъ выбивать за плату передніе зубы, слѣдовательно, обращаетъ «личныя услуги» въ ремесло.

Во многихъ частяхъ Африки, въ особенности между осѣдыми племенами Запада, раздѣленіе труда проведено подобнымъ же образомъ, но здѣсь занимаются различными ремеслами отдѣльныя деревни. На первомъ мѣстѣ стоитъ желѣзопромышленность, которая имѣетъ свои центры производства; повсюду—кузнецы-мужчины, только къ промыскѣ песка, содержащаго желѣзо, привлекаются женщины, которыя часто также занимаются промывкой золота въ богатыхъ золотомъ мѣстностяхъ. Въ Западной Африкѣ часто встрѣчаются деревни, гдѣ процвѣтаетъ ткачество (см. рис. стр. 385). Очень характерны для Африки тѣ мѣста, гдѣ производится добычаніе соли. При преимущественно растительной пищѣ у негровъ потребность въ соли очень велика, и всѣ женщины умѣютъ щелочить изъ золы извѣстныхъ растений солистыя субстанція, которая, по необходимости, замѣняютъ поваренную соль; тамъ же, гдѣ соль находится въ землѣ или въ водѣ, слѣдовательно, само собою разумѣется, и на морскомъ берегу, солевареніе развивается въ выгодное ремесло, находящееся преимущественно въ рукахъ мужчинъ. Подобныя же обстоятельства

могли существовать въ доисторической Европѣ; въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ Богеміи, гдѣ можно добыть немного соли, постоянно встрѣчаются остатки древнихъ солеваренъ; Гальштатъ (въ Зальцкаммергутѣ) былъ, повидимому, настоящимъ культурнымъ центромъ, а за соляныя источники отчаянно боролись, по свидѣтельству Тацита, гермундуры и хатены.

Рядомъ съ мѣстными и племенными ремеслами, которыя предполагаютъ довольно развитыя торговыя сношенія и потому всего лучше про-

Ткачи съ Золотого Берега (Зап. Африка).

цвѣтаютъ на континентахъ, гдѣ возможны сношенія со всѣхъ сторонъ, развиваются также внутри отдѣльныхъ племенныхъ группъ опредѣленные занятія, которыя можно разсматривать, какъ зачатки ремесла. Впрочемъ, обѣ формы развитія не представляютъ рѣзкой противоположности другъ другу; и при мѣстныхъ промышленностяхъ случается, что одна часть общины, болѣею частью извѣстное число женщинъ, занимается ремесломъ, а большинство, быть можетъ, — земледѣліемъ или охотой, или ремесленныя занятія идутъ только въ извѣстныя времена года.

Обыкновенно прежде всего специально занимаются ремесломъ старика или калѣки, т. е. мужчины, негодные къ войнѣ и охотѣ, и, передавая потомкамъ свое искусство, даютъ начало *сословию ремес-*

ленниковъ. Нужно замѣтить, что первымъ занятіемъ отдѣльныхъ лицъ является приготовленіе оружія; до открытія металловъ, цѣнилась, какъ особенное искусство, обработка камней, позже—ковка желѣза и она производилась въ видѣ ремесла опредѣленными лицами. До прибытія европейцевъ это часто бывало у индѣйцевъ Сѣверной Америки.

«Воинъ или охотникъ,—пишетъ объ этомъ Шолькрафтъ,—приготавливалъ, правда, большею частью самъ свое оружіе и снаряды, но обработка кремня и рогового камня для наконечниковъ копій и стрѣлъ требуетъ слишкомъ большого навыка и механической ловкости, чтобъ ихъ могло дѣлать большинство индѣйцевъ. Какъ сообщаютъ Одшибва, до введенія огнестрѣльнаго оружія среди сѣверныхъ племенъ существовалъ классъ людей, которые носили имя «мастеровъ наконечниковъ стрѣлъ». Они умѣли выбирать подходящіе камни и вполне посвящали себя этому занятію, обмѣнивая свои произведенія на шкуру и мясо животныхъ». Еще опредѣленнѣе сообщенія Юнеса о Георгіи. Тамъ была, между горными индѣйцами, извѣстный классъ мужчинъ, которые занимались исключительно приготовленіемъ каменныхъ наконечниковъ для копій.

Какъ только у нихъ накоплялся извѣстный запасъ, они отправлялись на береговую равнину, странствовали тамъ изъ мѣстечка въ мѣстечко и обмѣнивали свой товаръ на другіе предметы, которыхъ нельзя было достать въ горахъ. Они никогда не принимали участія въ воинственныхъ предпріятіяхъ и даже имѣли свободный доступъ къ племенамъ, съ которыми состояло во враждѣ ихъ племя; ихъ занятіе считалось почетнымъ, слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ, какъ исключеніе, благоприятное положеніе ремесленниковъ. Рядомъ съ этимъ часто выступаетъ цеховое обособленіе, подврѣвленное мелочной тайнственностью. Катлинъ описываетъ приготовленіе у Апаховъ наконечниковъ стрѣлъ (см. рис. стр. 387), которые куются молотомъ двумя работниками, и прибавляетъ: «Оба поютъ при этомъ и удары молота падаютъ въ тактъ музыки съ рѣзкимъ «отбоемъ», въ которомъ, какъ говорятъ индѣйцы, и заключается великая медицина или секретъ работы. Каждое племя имѣетъ свою мастерскую, въ которой приготовляются эти наконечники, и можетъ въ нее посылать только извѣстныхъ лицъ, посвященныхъ въ секретъ». Кромѣ этихъ искусниковъ, имѣлись еще у многихъ индѣйскихъ племенъ особенные мастера трубокъ. Коль познакомился съ однимъ изъ нихъ у племени одшибва; онъ украшалъ трубки вставными камышками, работая очень медленно, но и требовалъ за нихъ непомерныя цѣны.

Иногда раздѣленіе труда уже сдѣлало большой шагъ впередъ у племени. У индѣйцевъ мыса Флатери (штата Вашингтонъ) Сванъ встрѣчалъ ремесленниковъ, приготовлявшихъ снаряды для ловли китовъ, другихъ—дѣлавшихъ канаты, третьихъ—строившихъ лодки;

вообще здѣсь всякій развивалъ отдѣльное искусство,—будь то рыболовство или охота на кита, или какая-нибудь болѣе ремесленная дѣятельность. Далѣе на сѣверъ мы встрѣчаемъ такое же положеніе. «Многіе мужчины и женщины, — говоритъ объ этомъ Ниблакъ, — вырабатываютъ въ себѣ ловкость въ извѣстныхъ ремеслахъ и обмѣниваютъ результаты ея въ свободные часы. Нѣкоторые мужчины—опытные строители жилищъ и лодокъ, корзинщики, кожевники, дровосѣки, работники по металлу, рѣзчики по дереву, камню, рогу, костямъ и аспиду, изготовители металлической посуды, украшеній, домашней утвари и т. д. И ихъ услуги правильно оплачиваются. Особнао это касается рѣзчиковъ по дереву, занимающихся изготовленіемъ и раскрашиваніемъ гербовыхъ и могильныхъ столбовъ. Другіе славятся, какъ удачные охотники на извѣстныхъ звѣрей, или какъ опытные рыболовы. Нѣкоторыя изъ женщинъ—искусныя корзинщицы или вырѣзываютъ хозяйственную утварь, ткутъ одежду и цыновки изъ коры кедръ и шерсти, или изготовляютъ уборки для танцевъ и церемоніаловъ. Вообще же мужчины—рѣзчики, а женщины—ткачихи». Слѣдовательно, и здѣсь женская работа специализируется, и въ результатѣ—женскій полъ наслаждается необыкновенно уважаемымъ и независимымъ положеніемъ. Это очень интересная противоположность тому униженію, которое бываетъ обыкновенно результатомъ полевыхъ работъ женщинъ; объясненіе этого различія лежитъ, вѣроятно, въ томъ, что ремесленная работа женщинъ всегда носитъ характеръ полудобровольный, между тѣмъ какъ обработка поля, отъ которой должно получиться необходимое основаніе пропитанія, во всякомъ случаѣ должна быть произведена.

На многихъ островахъ Полинезіи, гдѣ локализациа ремесла могла быть возможна только въ очень ограниченной мѣрѣ, образовались формальныя *касты ремесленниковъ*, очень напоминающія своими различіями по рангамъ и наслѣдственностью положеніе дѣлъ въ Индіи; рядомъ съ этимъ существовали занятія, которыми занимались всѣ члены того или другого пола. На островахъ Тонга, по свидѣтельству Маринера, женщины приготовляли матерію изъ древесной коры (гнату), цыновки, корзины, гребни, нитки и т. д., а мужчины—канаты и оружіе. Кромѣ того, были ремесла, которыя производились исключительно мужчинами: постройка лодокъ и въ то же время работы изъ китоваго уса, постройка каменныхъ склеповъ, приготовленіе сѣтей, постройка домовъ, татуировка, рѣзба дубинъ, приготовленіе канатовъ, циркульное и поварское ремесла. Порядку наименованія этихъ ремеселъ соответствовало и уваженіе къ нимъ, слѣдовательно, первыя изъ названныхъ искусствъ цѣнились выше другихъ. Впрочемъ,

Каменный наконечникъ стрѣлы у апаховъ (Сѣверн. Америка).

и между женскими работами существовало различіе: болѣе знатныя женщины охотно занимались приготовленіемъ гребенковъ, а изготовленіе нитокъ было болѣею частью занятіемъ низшихъ классовъ народа.

Какъ сказано, въ Африкѣ ремесленники добиваются уваженія частью своимъ положеніемъ въ числѣ лицъ, окружающихъ вождя, частью искусственной организаціей, причемъ ихъ ставятъ подъ надзоръ придворныхъ; мы упоминали также объ оригинальномъ явленіи, что неосѣдлыя кочевыя племена охотно начинаютъ заниматься какимъ-нибудь легкимъ ремесломъ и такимъ образомъ вступаютъ въ нѣкоторое жизненное общеніе съ осѣдлыми жителями страны, но зато самое ремесло ихъ начинаетъ возбуждать презрѣніе. Характерно, что въ Африкѣ ремесленники-пари находятъ преимущественно въ округахъ, принадлежащихъ пустыннымъ полосамъ сѣвера и востока или непосредственно по сосѣдству съ ними, такъ какъ именно тутъ встрѣчаются всего чаще неосѣдлыя кочевники, и кромѣ того, какъ также уже упомянуто, гамитскіе и семитскіе народы, играющіе здѣсь главную роль, —прирожденные ненавистники кропотливой ручной работы. Настоящіе негры только въ видѣ исключенія выражаютъ это презрѣніе; кузнецы, занимающіе очень незавидное положеніе въ областяхъ кочевничества, пользуются у негровъ большимъ уваженіемъ, которое умѣютъ еще сильно увеличить различными мистическими обычаями. «Чужаку не изъ рода кузнецовъ, — пишетъ Шписъ о неграхъ эвхенахъ въ странѣ Того, — не позволено учиться этому ремеслу». Если оно не наследственно въ какой-нибудь семьѣ, и членъ ея все же началъ устраивать кузнечную мастерскую, ему плохо придется; онъ, по убѣжденію эвхеновъ, найдетъ въ этой работѣ смерть. Почему? Молотъ кузнеца — божество (Тро), а оно не можетъ спокойно терпѣть такой пачкотни. Божество накажетъ его болѣзнию и принесетъ ему смерть. Если кто изъ дѣтей кузнеца хорошо пойметъ кузнечное ремесло, и работа его пойдетъ на ладъ, говорятъ, что молотъ его околдовалъ. Этимъ ему выдается какъ бы свидѣтельство, и онъ можетъ идти по слѣдамъ отца, который, состарѣвшись, спокойно передаетъ дѣло своему сыну.

Всюду, гдѣ живутъ ремесленники одной спеціальности, легко приходятъ къ мысли болѣе тѣснаго союза. Развитію его благоприятствуетъ то обстоятельство, что даже у сравнительно подвинувшихся впередъ народовъ существуютъ остатки семейнаго или родового ремесла, такъ что люди, берущіеся за какую-нибудь спеціальность, всегда одного происхожденія; не менѣе благоприятствуютъ соединенію ярмарочныя и торговыя сношенія, такъ какъ всюду укореняется обычай, чтобъ люди одной спеціальности предлагали въ продажу свои произведенія въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ ярмарки, чтобъ ихъ легче нашли покупатели. Если же, наконецъ, изъ періодиче-

скихъ ярмарокъ развиваются постоянныя мѣста продажи, какъ базары Востока и Сѣверной Африки (см. рис. прил.), тогда ремесленники болѣею частью и живутъ вмѣстѣ. Тогда назначаются надъ ними надсмотрщики, задача которыхъ, конечно, — прежде всего собирать ремесленную подать, но въ то же время они — представители торговли при дворѣ. Такимъ же образомъ была первоначально органи-

Базаръ въ Кайруанѣ (Тунисъ).

зована торговля и въ Германіи, пока она постепенно не окрѣпла настолько, что въ главныхъ чертахъ управлялась сама собою.

Но Китай — классическая страна цеховъ и гильдій. Возможно, что и здѣсь толчокъ къ организаціи былъ данъ сверху; во всякомъ случаѣ теперь склонность къ союзу всѣхъ имѣющихъ мало-мальски общіе интересы настолько основательно вошла въ плоть и кровь китайцевъ, что большая часть государственнаго единенія основана на этихъ свободныхъ союзахъ, безъ которыхъ нельзя себѣ представить существованія Китая и его народа. Всѣ соединяются въ союзы: купцы,

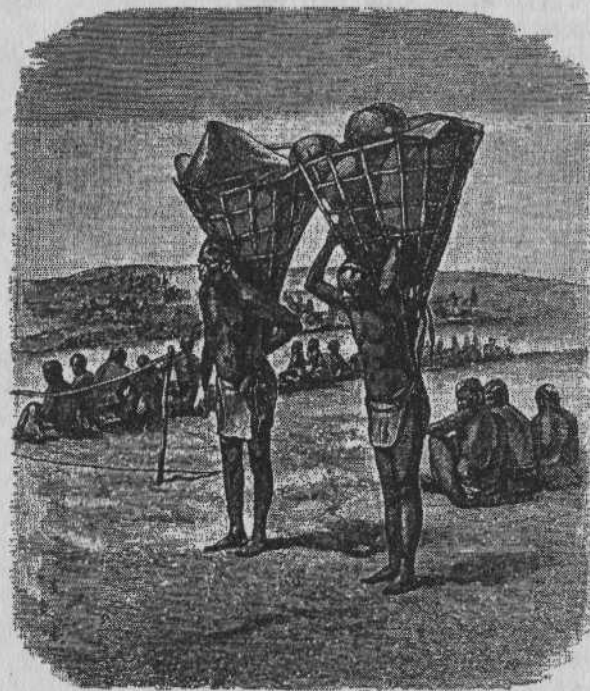
ремесленники, поденщики; но и мошенники и нищие также организуются и умѣютъ во всѣхъ отношеніяхъ извлечь пользу изъ увеличенія силъ, которое имъ даетъ ихъ объединеніе; и политическое недобольство находить свое первое выраженіе въ возникновеніи тайныхъ обществъ, которыя даже недавно—подъ названіемъ «секта водяной лиліи», «боксеры», «общество большихъ ножей»—вызвали очень серьезные волненія. Внутри союзовъ царствуетъ строгая дисциплина, которая поддерживается штрафами, бойкотомъ и т. д.; ею устраняются споры, устанавливаются цѣны, побѣждаются опасности конкуренціи, поддерживаются обѣднѣвшіе и оольные, устрашаются общимъ протестомъ алчные чиновники. Что злополучное хозяйничанье чиновниковъ въ Китаѣ давно не погубило страны, можно приписать только этому своеобразному и совершенно несокрушимоу самоуправленію народа, центръ тяжести котораго лежитъ въ тѣсныхъ союзахъ людей различныхъ специальностей.

Сбытъ ремесленныхъ и хозяйственныхъ произведеній, торговля есть главнымъ образомъ послѣдовательное явленіе человѣческой продуктивности, и не можетъ избѣгать тѣхъ естественныхъ законовъ, которые сначала привели къ раздѣленію труда, а затѣмъ къ возникновенію специальныхъ занятій; и торговля идетъ сначала двумя путями, какъ мужская и женская торговля, пока, наконецъ, не вырабатывается настоящее купеческое сословіе. Та промежуточная ступень, когда цѣлыя замкнутыя группы посвящаютъ себя опредѣленному занятію, проявляется и въ торговлѣ, такъ какъ довольно часто какое-нибудь племя захватываетъ монополию выгодной экспедиціонной торговли, такъ что эта дѣятельность становится основой его хозяйственного существованія.

Торговля мужчинъ не настолько рѣзко противостоитъ торговлѣ женщинъ, чтобы не могло быть переходныхъ формъ, но вообще оба рода торговли довольно ярко характеризуются; торговля мужчины имѣетъ всегда болѣе широкій размахъ и воинственную окраску: онѣ дѣлаютъ далекія экспедиціи въ отдаленныя мѣстности и племена; женская же торговля, напротивъ, остается въ болѣе узкихъ границахъ и развивается въ формѣ *рыночныхъ сношеній*. Образованіе обѣихъ формъ можно еще очень ясно прослѣдить. Дальняя торговля мужчинъ имѣетъ характерную предварительную ступень. Есть природныя богатства, пріобрѣтенія которыхъ страстно добиваются и первобытныя народы, причѣмъ дѣло идетъ, какъ постоянно наблюдается, не о пищѣ или другихъ необходимыхъ предметахъ, но главнымъ образомъ о возбуждающихъ веществахъ, украшеніяхъ и т. под. Гдѣ можно найти эти вещи, знаютъ очень хорошо племена обширныхъ областей, такъ какъ слава подобныхъ мѣстъ распространяется далеко вокругъ, и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ является желаніе имѣть свою долю въ сокровищахъ. Но на этомъ основаніи не сейчасъ возникаютъ

настояція торговля сношенія, безъ всякихъ другихъ предварительныхъ условій; обыкновенно бываетъ такъ, что отдаленныя племена посылаютъ къ мѣстамъ нахождения вооруженныя экспедиціи, добываютъ и приготавливаютъ тамъ собственнымъ трудомъ желаемыя вещества, и затѣмъ, нагруженные этими сокровищами, прокладываютъ себѣ, если нужно, силой дорогу обратно на родину.

Австралія представляетъ превосходные примѣры этой подготовительной ступени торговли. Прежде всего здѣсь важны тѣ мѣста, гдѣ

Продавцы горшечнаго товара въ Нангы (Конго).

находится высокоцѣнная красная глина, которою окрашиваютъ тѣло въ торжественныхъ случаяхъ. Одно изъ такихъ мѣстъ лежало у горъ Гайварда и находилось во владѣніи племени, дававшего туда доступъ и другимъ; но, какъ рассказываетъ Эсонъ, въ экспедиціи имѣли право участвовать только два-три человека, и возвращаться они должны были черезъ извѣстный промежутокъ времени. Но не вездѣ дѣло обстоитъ такъ мирно. Экспедиціи, посылаемыя ежегодно изъ одной части Діэри къ извѣстному мѣсту нахождения красной глины, состояли изъ 70—80 хорошо вооруженныхъ людей, которые силой

добивались прохода, если имъ препятствовали другіе. Экспедиція за глиной племени янтрувикта (у залива Купера) должна была пробхать 300 англ. миль туда и обратно через земли враговъ и сама добывать себѣ необходимую пищу въ дорогѣ; въ то же время посѣщалась и разрабатывалась мѣстность, богатая песчаниковъ, откуда вывозились плитняки для растиранія травяныхъ сѣмянъ. Еще важнѣе, конечно, было путешествіе въ мѣстность, гдѣ находилось растение питхери, листья и стебли котораго жевали, какъ наркотикъ; здѣсь экспедиціи приходилось пробхать около 200 миль и при возвращеніи она встрѣчалась съ большимъ торжествомъ.

О подобныхъ же обстоятельствахъ у эскимосовъ Баффиновой Земли сообщает Боасъ. Его данныя тѣмъ важнѣе, что даютъ въ то же время свѣдѣнія о началахъ настоящей торговли, какъ она должна развиваться этимъ путемъ. «Двѣ потребности,—пишетъ онъ,—даютъ главный поводъ къ далекимъ путешествіямъ, которыя длятся иногда цѣлые годы,—дерево и мыльный камень. Берега Давидова пролива и Кумберландскихъ болотъ почти не имѣютъ славяного лѣса, поэтому туземцы должны были искать отдаленныхъ мѣстностей, чтобъ получить этотъ необходимый матеріалъ. Цѣлью ихъ поѣздки былъ въ особенности Тудиакиуйякъ. Они отправлялись на своихъ лодкахъ по направленію къ югу и, собравъ дерево, тутъ же перерабатывали часть его въ ребра для лодокъ и полозья для саней, которые захватывали съ собою на обратномъ пути; другую часть употребляли на выдѣлку луковъ, хотя послѣдніе очень искусно дѣлались также изъ оленьихъ роговъ. Часть торговли деревомъ находилась, повидимому, въ рукахъ нугумутовъ, собиравшихъ дерево въ Тудиакиуйякъ и отправлявшихъ его на сѣверъ. Изъ другого необходимаго и важнаго предмета торговли—мыльного камня—дѣлаются лампы и горшки. Его находятъ лишь въ немногихъ мѣстахъ и очень рѣдко въ такихъ рускахъ, которые достаточно велики для производства вышеупомянутыхъ предметовъ. Изъ мѣстъ, посѣщаемыхъ туземцами для его добыванія, можно назвать: Котакъ (на востокъ отъ Науателинга), Квармакдиуйякъ (заливъ Экзетеръ) и заливъ Комита. За ними прѣзжаютъ изъ всѣхъ частей страны, и мыльный камень выкапываютъ изъ скалъ или «покупаютъ» въ обмѣнъ на какія-нибудь бездѣлушки». Послѣднее свѣдѣніе не совсѣмъ ясно, но, вѣроятно, должно означать, что платятъ выкупъ владѣльцамъ каменоломнѣ. Такимъ же образомъ разрабатываются золотыя копи въ Западной Африкѣ всѣми околочивущими неграми, а владѣльцы получаютъ только небольшое вознагражденіе, напримѣръ, владѣльцы копей Кокомбо, по свѣдѣтельству Побекина. Въ другихъ странахъ такія мѣста считаются общимъ достояніемъ и нейтральной областью, какъ, напримѣръ, раньше трубочная каменоломня у источниковъ Мяссури, которую могли безпрепятственно посѣщать экспедиціи далеко живущихъ индѣйскихъ племенъ.

Если же племя владѣтъ драгоценнымъ мѣстонахожденіемъ и не расположено прямо дать другимъ пользоваться своимъ богатствомъ, сосѣдямъ остается только два пути: или они пробуютъ захватить желаемое силой, какъ, напримѣръ, въ Сѣверо-Западной Америкѣ, по свѣдѣтельству Эрмана, за мѣста находенія вивіанита, желѣзной охры и т. д. велись кровавыя битвы; или они предлагаютъ что-нибудь въ обмѣнъ, нужное для владѣющаго племени; если ихъ страна не даетъ подходящихъ произведеній, остается только усердно заняться какимъ-нибудь ремесломъ, чтобъ накопился избытокъ предметовъ, за которые и получаютъ тогда желаемое добро. Правда, сначала нѣтъ и рѣчи объ обмѣнѣ въ торговомъ смыслѣ слова, который немислимъ безъ точной мѣры цѣнности, а предметы обмѣна предлагаются и принимаются, какъ *подарокъ*; да вѣдь дѣло идетъ и въ самомъ дѣлѣ не о настоящемъ обмѣнѣ товаровъ, а о покупкѣ разрѣшенія добывать естественные продукты на землѣ чужого племени. Слѣдовательно, зачаткамъ торговли придаютъ свой характеръ или истинныя грабежа, или побужденія симпатіи—такъ какъ подарокъ есть слѣдствіе симпатіи; еще древніе финикійскіе купцы-мореплаватели, которые то приплывали въ качествѣ желанныхъ гостей въ дружественную гавань, то грабили имущество и рабовъ, какъ дерзкіе пираты, могутъ служить хорошимъ примѣромъ этого рода сношеній и имѣли послѣдователями много родственныхъ имъ душъ. На нихъ и имъ подобныхъ намекаютъ слова Гейне:

Krieg, Handel und Piraterie
Dreieinig sind sie, nicht zu trennen ¹⁾.

Торговля сношенія начинаются такъ недѣловито—съ обмѣна подарками—потому, что обоюдныя дружескія посѣщенія тамъ, гдѣ не господствуетъ именно боевое напряженіе, всегда бывають любимѣйшими развлеченіями. Но посѣщенія и подарки стоятъ въ такомъ тѣсномъ и естественномъ отношеніи другъ къ другу, что встрѣчаются вмѣстѣ, хотя и въ малыхъ размѣрахъ еще и у культурныхъ народовъ; кто ѣдетъ къ далеко живущимъ друзьямъ или роднымъ и рассчитываетъ на ихъ гостепріимство, охотно привозитъ съ родины маленькое пріятное припопненіе или выражаетъ свою благодарность вдобавокъ еще подаркомъ.

Есть много свѣдѣтельствъ о склонности первобытныхъ народовъ къ поѣздкамъ въ гости. «Такъ какъ всѣ,—сообщаетъ Штеллеръ о камчадалахъ,—считали другъ друга родственниками, они проводили всю зиму въ общихъ пирушкахъ, чтобъ поѣсть накопленные припасы. Въ началѣ зимы отправлялись по гостямъ живущіе при устьѣ

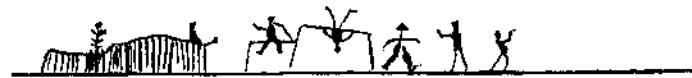
¹⁾ Война, торговля и пиратство
Суть триединны, нераздѣльны.

рѣки вверхъ; начиналъ съ марта, живущіе у источниковъ ѣхали въ гости внизъ по рѣкѣ, и черезъ два мѣсяца, чтобъ никого не миновать, по дорогѣ заходили, наконецъ, къ морю, когда рыба начинала подниматься вверхъ по теченію». Эскимосы также находятся въ усиленномъ движеніи зимою, какъ только окрѣпнетъ ледъ, и не проходитъ почти дня, чтобъ гости не явились въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ, причѣмъ ихъ радушно угощаютъ, пришли ли они просто, какъ посѣтители, или съ цѣлью торговли. Эти зимнія посѣщенія обыкновенно коротки, но весной и лѣтомъ семьи гостятъ другъ у друга цѣлыми мѣсяцами и не боятся при этомъ большихъ разстояній. Общія игры, гимнастическія упражненія (см. рис. стр. 395) и др. развлечения дѣлаютъ жизнь вмѣстѣ очень веселой. Подобную же любовь къ путешествіямъ наблюдалъ Сомервилль у обитателей Новыхъ Гебридовъ. «Туземцы, — пишетъ онъ, — имѣютъ удивительное пристрастіе къ путешествіямъ на сравнительно далекія разстоянія (20—30 миль), чтобъ посѣтить сосѣднія дружественныя племена на своемъ или на другихъ островахъ. Часто они говорятъ другимъ языкомъ, чѣмъ эти племена. Иногда они бываютъ въ отсутствіи болѣе мѣсяца, вѣроятно, вслѣдствіе вѣтровъ. О возвращеніи лодки, или о прибытіи дальнихъ друзей извѣщаютъ трубы въ трубы изъ раковинъ».

Какимъ образомъ могутъ основываться настоящія торговыя сношенія на этой системѣ поѣздокъ по гостямъ, объясняютъ лучше всего обстоятельства, господствующія у Ангами-Нагасъ, въ горахъ Ассама, у народа, который вслѣдствіе своего политическаго раскола на отдѣльныя общины, благодаря своимъ постояннымъ распрямъ и склонности къ охотѣ за черепами, особенно, повидимому, неспособенъ поддерживать живыя торговыя сношенія. Но, несмотря на все это, мужчины этого народа — усердные и успѣшные торговцы. «Трудности сношеній, — говоритъ по этому поводу Пайнтъ, — преодолеваются очень развитой системой гостепримства. Ангами любой деревушки найдутъ въ каждой другой по крайней мѣрѣ одинъ домъ, гдѣ получить кровъ, пищу и безопасность отъ внезапныхъ желаній убить его. Между его деревушкой и этимъ домомъ какъ бы заключенъ договоръ гостепримства... Самая жгучая распря не дозволяетъ полнаго нарушенія этого договора. Въ своихъ торговыхъ дѣлахъ они никогда не барышничаютъ и не торгуются; цѣна, отвѣчающая обыкновенной цѣнности предмета, назначается ими, какъ таковая, какую они желаютъ взять или дать, и продажа сейчасъ же совершается или совсѣмъ оставляется».

Кому не напомнить эта простая система торговли то же положеніе въ древней Греціи? Этимъ ярко освѣщается величайшая, почти непомятая для современныхъ культурныхъ народовъ, важность гостепримства у эллиновъ; по справедливости, такой торговый народъ, какъ греки, предоставляютъ защиту обычая гостепримства своему

вышему богу, громовержцу Зевесу. Но всегда къ поѣздкамъ въ гости прежде всего влекутъ родственныя чувства и симпатіи, какъ я настаиваю въ возраженіи Шрадеру, и взаимное отдариваніе есть вначалѣ не что иное, какъ доказательство симпатіи, которой чуждъ холодный расчетъ. Такъ было главнымъ образомъ еще во времена Гомера. Но уже начинающійся духъ дѣловитости проявляется въ наивномъ замѣчаніи поэта, когда онъ рисуетъ встрѣчу друзей — Диомеда и Главка — во время битвы и затѣмъ рассказываетъ, какъ они обмѣнялись въ знакъ дружбы своими неравнопѣнными оружіями: одно стоило сто быковъ, другое — девять, восклицаетъ онъ, наполовину съ удивленіемъ, наполовину съ ироніемъ. Гость платилъ, кромѣ того, за угощеніе не только товарами или другими подарками. И безъ нихъ онъ былъ бы хорошо принятъ — вѣдь онъ приносилъ съ собою наиболѣе пріятные дары въ то время медленныхъ сообщеній и недостатка извѣстій — онъ сообщалъ новости издалека, передавалъ

Эскимосы-гимнасты.

новыя пѣсни и рассказы и будилъ въ хозяевахъ массу пріятныхъ воспоминаній. Одна изъ самыхъ невозвратимыхъ потерь, которою мы купили нашу культуру, есть замѣна такихъ человѣчно-прекрасныхъ сношеній дѣловитыми сношеніями купеческаго сословія и существованіемъ гостиницъ.

Еще въ наше время въ некультуривованныхъ мѣстностяхъ земного шара торговля имѣетъ видъ обмѣна подарками или этимъ начинается. Каждый африканскій царекъ, прежде чѣмъ дать разрѣшеніе на дальнѣйшее пребываніе чужестранца-купца, ждетъ себѣ подарка; даже отдѣльная купля начинается и кончается охотно подарками, чтобъ дѣловой сдѣлкѣ придать хотя видъ доказательства симпатіи; такъ было прежде въ обычаѣ, напр., въ Габуни, по свидѣтельству Босмана. Какимъ образомъ даже торговля въ большомъ размѣрѣ можетъ сохранить форму обмѣна подарками, показываютъ сообщенія Эмина о началѣ торговли арабовъ съ государствомъ Вахума, въ Центральной Африкѣ. «Въ Униорѣ, какъ и въ Угавдѣ, господствуетъ обычай, — пишетъ онъ, — чтобъ каждый купецъ, по приѣздѣ, приносилъ въ даръ властителю приблизительно половину привезеннаго товара, въ особенности пороку, свинца, дрови и оружія; за это властитель предоставлялъ въ пользованіе чужеземца домъ, садъ и дары въ видѣ скота и плодовъ, а при отъѣздѣ, который долженъ же, наконецъ, наступить, отдаривалъ его слоновой костью, цѣнность которой превосходила втрое, даже вшестеро, цѣну перваго

подарка. Обѣ стороны при этомъ не были въ убыткѣ—арабъ, получившій прибыль на свой капиталъ, и царекъ, которому слоновая кость ничего не стоитъ, такъ какъ ее добываютъ его вѣрные подданные».

Индѣйцы Сѣверной Америки также отчасти сохранили формы торговли, которая можно назвать обмѣномъ подарками; напримѣръ, племена на юго-востокъ отъ нижняго Миссисипи, о которыхъ Бракенриджа пишетъ: «Ихъ торговля носитъ совершенно примитивный характеръ. Не торгуются и не спорятъ о цѣнѣ. Народецъ или племя подходитъ къ деревнѣ, располагается около нея лагеремъ и, послѣ тысячи варварскихъ знаковъ вѣжливости съ обѣихъ сторонъ, которые такъ же искренни, какъ и въ болѣе утонченной культурѣ, одна изъ партій передаетъ весь товаръ, отъ котораго можетъ отказаться, въ видѣ общаго подарка. Другая вскорѣ отвѣчаетъ подобнымъ же подаркомъ. Затѣмъ торгъ заканчивается играми, борьбой обѣ закладъ и танцами. Способъ веденія торговли обѣими ими глубоко презирается. Възвѣшивать и считать всякую мелочь доказываетъ, по ихъ мнѣнью, бездушный и низменный характеръ. Цѣна обыкновенно назначается вождемъ, и племя такъ же, какъ и торговецъ, должно этому подчиниться». Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ взаимное отдариваніе племенъ совершенно подобно тому, какъ пишетъ Тацитъ о германцахъ. Еще гораздо позднѣе въ Европѣ существовалъ обычай осыпать подарками по крайней мѣрѣ посланниковъ другихъ народовъ, такъ, напримѣръ, въ Россіи, по свидѣтельству Брикнера, подобные подарки составляли главную статью государственныхъ расходовъ.

Такъ какъ при первобытныхъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о точномъ опредѣленіи цѣны, то при торговыхъ подаркахъ рассчитываются и другими способами, кромѣ отдариванія. Напримѣръ, тонганеры, которые вели торговлю съ Фиджи, хотя и давали въ обмѣнъ за товары фиджійцевъ матерію, оружіе, китовый усъ и т. под., но бывало, что, вмѣсто этого, они оказывали помощь послѣднимъ на войнѣ или приводили съ собою известное число женщинъ, которыхъ предоставляли въ распоряженіе своихъ гостеприимныхъ хозяевъ на время своего пребыванія.

Торговля въ видѣ подарковъ очень способна къ дальнѣйшему развитію. Совсе не нужно, чтобъ племя мѣняло этимъ путемъ только свои продукты,—оно можетъ и полученные подарки перепродавать дальше, причѣмъ вовсе не уничтожается форма путешествій въ гости и сношеній подарками. У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ была и продолжаетъ быть очень развита эта система. Ежегодно посѣщаютъ, напримѣръ, индѣйцы-вороны сосѣдняя племена—макданъ, миннетара и амаххаме, отъ которыхъ, въ обмѣнъ за лошадей, кожаные платки и т. под. получаютъ европейскіе товары, прежде всего припасы для стрѣльбы; затѣмъ ихъ посѣщаютъ, съ своей сто-

роны, индѣйцы-амѣи и др. племена, которымъ они отдаютъ часть полученныхъ товаровъ за лошадей и муловъ, такимъ образомъ они становятся фактическими посредниками торговли между далеко удаленными другъ отъ друга народами. Торговля въ видѣ обмѣна подарками не можетъ, конечно, быть долговѣчной, такъ какъ она слишкомъ вызываетъ на злоупотребленія и дѣйствительно весьма некрасиво употреблялась въ свою пользу хитрыми торговцами. Хозяйственный регрессъ тунгузовъ частью зависитъ отъ того, что ихъ постоянно посѣщаютъ торгоши-якуты, прекрасно и весело живутъ на счетъ своихъ хозяевъ и затѣмъ, при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ, безсовѣстно ихъ обманываютъ.

Кто внимательно рассмотритъ приведенные до сихъ поръ примѣры, легко увидитъ, что первобытная торговля въ видѣ обмѣна подарками происходитъ двоякимъ образомъ: или цѣлыя племена снимаются съ мѣста и посѣщаютъ другъ друга, чтобъ во время пировъ и танцевъ, которые, вѣроятно, первоначально были главною цѣлью, вести торговлю; или отдѣльныя лица посѣщаютъ своихъ гостеприимныхъ друзей изъ чужихъ племенъ и, воспользовавшись этимъ случаемъ, ведутъ торговлю. Въ обоихъ случаяхъ посѣтителю долженъ быть обезпеченъ *миръ и безопасность*, что достигается не всегда одинаковыми путями. Иногда продавецъ каждаго любого племени защищенъ общимъ обычаемъ отъ враждебной встрѣчи и можетъ даже безбоязненно посѣщать деревни тѣхъ племенъ, съ которыми его деревня находится во враждѣ. Такъ обстоятъ дѣла въ Гвианѣ. «Каждое племя,—пишетъ Имъ Турнъ,—имѣетъ свое специальное ремесло, и его члены постоянно посѣщаютъ другія племена, даже враждебныя, чтобъ обмѣнивать свои произведенія на такія, которые изготовляются только другими племенами. Эти торгующіе индѣйцы могутъ безъ стѣсненія проѣзжать черезъ непріятельскую страну. Когда я жилъ у Макузи, я часто со смѣхомъ наблюдалъ, какъ нѣсколько человекъ этихъ индѣйцевъ вбѣгали въ мою хижину, въ стѣнѣ которой мы пробили окно, и, затаявъ дыханіе, полуспуганно-полурадостно указывали въ окно на группу своихъ враговъ, арекуна, прибывшихъ для торговли съ тюками хлопка и духовыми трубами. Эти самые торговцы разносятъ повсюду новости».

Не вездѣ, правда, торговецъ пользуется такой неприкосновенностью. Бываетъ, что не только не потухаетъ относительно него племенная ненависть, но онъ со своими товарами становится даже заманчивой добычей. Поэтому особенно привѣтствуютъ торговцевъ изъ совершенно незнакомыхъ племенъ, не имѣющихъ ничего общаго съ мѣстными распрями. Многіе европейскіе купцы обязаны своимъ успѣхомъ именно этому обстоятельству, такъ, напримѣръ, Кабеца де Вака, который въ 1528 году, какъ торговецъ, явился къ индѣйцамъ херуко, въ продолженіи шести лѣтъ разъѣзжалъ отъ одного пле-

мени къ другому, какъ желанный гость и посредникъ въ торговлѣ. Тамъ, гдѣ нѣтъ подобнаго посредничества и не существуетъ такой развитой системы гостеприимства, какъ мы уже упоминали, напримѣръ, о племени нага, обыкновенно опредѣленные лица имѣютъ, въ качествѣ пословъ и торговцевъ, свободный доступъ къ враждебнымъ племенамъ; въ этой роли являются какъ мужчины, такъ и женщины. «Путешествія и досѣщенія,—пишетъ Ковальдъ о жителяхъ южнаго берега Новой Гвиней.—постоянно происходятъ между разными племенами, если послѣднія стоятъ между собою на дружеской ногѣ, но онѣ неохотно уѣзжаютъ далеко и, повидимому, ни честолюбіе, ни любопытство не побуждаютъ ихъ завести знакомство съ новыми племенами; но въ каждой деревнѣ имѣются обыкновенно нѣсколько человекъ, которые ѣздятъ дальше, чѣмъ другіе, и находятся постоянно въ дорогѣ. Эти люди не имѣютъ болѣею частью постоянного жилья и могутъ посѣщать деревни, находящіяся во враждѣ съ ихъ собственнымъ племенемъ». Женщины, имѣющія родню въ обоихъ лагеряхъ и защищенныя этимъ родствомъ, бывають посредницами сношеній на случай войны, хотя, впрочемъ, онѣ не защищены отъ всякой опасности.

На австралийскомъ материкѣ, напримѣръ у племени нариньери, устанавливается оригинальнымъ образомъ нѣчто родства, или гостеприимства между опредѣленными лицами, которыхъ затѣмъ служатъ посредниками въ торговлѣ. «Мужчина, у котораго родился ребенокъ,—сообщаетъ Таплинъ,—сохраняетъ пуповину, заворачивая ее въ пухъ перьевъ. Это называютъ калдуке. Затѣмъ онъ отдаетъ это отцу одного или многихъ дѣтей, принадлежащему къ другому племени, и эти дѣти становятся теперь нгіа-нгіампе ребенку, отъ котораго произошла калдуке, а ребенокъ—нгіа-нгіампе по отношенію къ нимъ (это слово напоминаетъ слово нгане на языкѣ Фиджи, которое означаетъ братьевъ, сестеръ и близкихъ родственниковъ, которые должны избѣгать половыхъ сношеній). Съ этихъ поръ ни одинъ изъ дѣтей, получившихъ калдуке, не смѣетъ ни разговаривать, ни дотрагиваться, ни приближаться къ своему нгіа-нгіампе, а послѣдній также не долженъ съ ними говорить... Когда лица, стояща другъ къ другу въ такихъ отношеніяхъ, вырастутъ, онѣ дѣлаются торговыми агентами своихъ племенъ. Такъ, напримѣръ, одинъ негръ изъ племени мунду, имѣвшій нгіа-нгіампе у одного племени выше по Муррею, былъ, говорятъ, снабженъ специальными произведениями племени мунду, чтобъ ихъ передать своему нгіа-нгіампе, а тотъ посылая ему въ обмѣнъ предметы, приготовленные его племенемъ». Эта система во всякомъ случаѣ не особенно удобна, такъ какъ агенты не могутъ имѣть непосредственныхъ сношеній. Впрочемъ, подобныя отношенія могутъ быть, кажется, заключены и между взрослыми на извѣстное время.

Кстати упомянемъ здѣсь объ одной оригинальной формѣ торговли въ видѣ обмѣна подарками. «Когда негръ уходитъ на извѣстное разстояніе,—разсказываетъ Ховиттъ о діари (въ Австраліи),—будь это къ одной изъ ордъ или болѣе мелкихъ группъ, кто-нибудь изъ его поселка дѣлается его «іутшиномъ». Это происходитъ такъ: вокругъ его шеи вѣшаютъ веревку изъ человѣческаго волоса или мѣстнаго льна, чтобъ напомнить ему привезти съ собою подарки. Тогда становится его обязанностью при возвращеніи привезти подарки своему іутшину, а этотъ послѣдній, когда уѣзжаетъ, въ свою очередь собираетъ подарки для него... Этимъ пользуются для обмѣна. Если, напримѣръ, кто увидитъ рѣзной бумерангъ, который ему очень хочется имѣть, онъ говоритъ его владѣльцу: «Я дамъ тебѣ за него то или другое, если ты хочешь быть моимъ іутшиномъ». Согласятся они между собою, тогда становятся іутшинами, и одинъ изъ нихъ возвращается послѣ поѣздки въ лагерь чужого племени или откуда-нибудь съ вещами, которыми уговорились торговать, и обмѣнъ совершается». Это производитъ впечатлѣніе, что здѣсь форма дальней торговли перенесена на внутреннія сношенія, чтобы сдѣлать вообще возможной правильную мѣновую торговлю между членами племени или поселка, которымъ извѣстенъ только коммунизмъ или простое отдариваніе.

Противоположностью внѣшней (дальней) торговли можно назвать торговлю внутри меньшей социальной группы, племени, рода (sippe) или общины; и если поѣздамъ мужчинъ въ гости и для обмѣна, какъ сейчасъ упомянуто, противостоитъ мелочная торговля женщинъ, какъ особенное явленіе, то слѣдуетъ искать его начала въ этомъ, болѣе узкомъ внутреннемъ общеніи; вѣдь женщина какъ будто особенно склонна извлекать доходы продажей избытка продуктовъ ея небольшой домашней промышленности—пряденья (см. рис. прил.).

Прядущая женщина племени навайо
(Сѣверн. Америка).

тканья, горшечного промысла и т. д. Но въ действительности внутри небольшихъ группъ, связанныхъ симпатіей, дѣловой обмѣнъ возникаетъ всего позже или даже совсѣмъ отсутствуетъ; и женская торговля начинается между отдѣльными группами, только держится въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Поэтому невозможно рѣзкое раздѣленіе между мужской и женской торговлей, какъ бы ни различались ихъ выдающіяся формы.

Тѣмъ не менѣе можетъ быть полезно здѣсь бросить взглядъ прежде всего на немногіе примѣры первобытной внутренней торговли, которые, впрочемъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи едва ли заслуживаютъ названія торговли, но, вѣроятно, основаны на совершенно другихъ, а не чисто хозяйственныхъ воззрѣніяхъ. Какъ они могутъ возникнуть, показывается, быть можетъ, положеніе вещей на островѣ Нору, въ Океаніи; здѣсь, по сообщеніямъ Зенерта, каждый поѣдаетъ всѣ питательныя средства, которыя онъ добываетъ, только пойманная рыба идетъ обыкновенно въ обмѣнъ. Мѣновой *торговлей* назвать это удивительное явленіе, конечно, нельзя, — оно скорѣе основано на очень распространенномъ воззрѣніи, что въ рыбахъ воплощаются души умершихъ, которые могутъ возымѣть желаніе отмстить болѣзнью тому, кто ихъ съѣстъ, вырвавъ изъ родной стихіи; слѣдовательно, здѣсь обмѣнъ не что иное, какъ примѣръ той часто встрѣчающейся дѣтской логики, а именно попытки обмануть разсерженныхъ духовъ и обратить ихъ мечь на ложный путь. Быть можетъ, внутренняя торговля на островахъ Полау имѣетъ подобное же основаніе, съ тою разницей, что теперь она представляетъ часть удивительной социальной системы, основанной на денежныхъ сношеніяхъ и на приобрѣтеніи денегъ. «Накопленіе денегъ, — пишетъ Кубари, — обходившемъ обычно установленной денежной платы, которое возможно лишь при полномъ выходѣ изъ товарищества общественной жизни, становится невозможнымъ потому, что никто не смѣетъ жить самостоятельно и быть исключительно производителемъ на себя. Вещи, имъ изготовляемыя, онъ не имѣетъ права употреблять самъ, но долженъ ихъ продать, а предметы для собственнаго употребленія покупать и оплачивать. Здѣсь опять-таки во избѣжаніе грабежа и обмана цѣны и платы установлены, т. е. опредѣлены заранѣе, неизмѣнны и извѣстны каждому». Слѣдовательно, вся эта внутренняя торговля тѣсно связана съ денежными отношеніями.

Женская торговля въ большинствѣ случаевъ есть *рыночная торговля*, которая даже у культурныхъ народовъ (стоитъ лишь взглянуть на еженедѣльный базаръ маленькаго нѣмецкаго городка) болѣею частью находится еще въ рукахъ женщинъ, и онѣ даже имѣютъ и умѣютъ сохранить на нее настоящую монополію. Въ древнемъ Никарагуа мужчины не могли торговать на базарѣ подъ страхомъ наказанія плетью; у дшаго (при Климанджеро) рынокъ, по сви-

дѣтельствамъ Денена и Фильвена, также посѣщается только женщинами, мужчинамъ доступъ туда запрещенъ; точно также и въ южной Нов. Гвиней рынки, на которыхъ береговые и лѣсные жители обмѣниваютъ свои произведенія, содержатся исключительно женщинами. Даже тамъ, куда допускаются продавцы-мужчины, число продавщицъ сильно ихъ превышаетъ.

Вторая характерная черта базарныхъ сношеній есть та, что при нихъ на первомъ планѣ идетъ обмѣнъ *пищевыми продуктами*, а дальняя торговля мужчинъ относится прежде и болѣе всего къ доставкѣ возбуждающихъ веществъ, украшеній и т. под. Женщины вѣдь — первыя воздѣлыватели поля и сообразно съ этимъ очень склонны обмѣнивать избытки своей — болѣею частью не особенно привлекательной пищи — на другія питательныя средства. Характерно, что всего легче возникаетъ базарная торговля тамъ, гдѣ земледѣльческія племена живутъ по сосѣдству съ рыбацкими: односторонность и временнаго избыточности ихъ продуктовъ само собою ведетъ къ стремленію обоюднаго восполненія. Это стремленіе бываетъ такъ сильно, что даже между племенами, ведущими войну или относящимися другъ къ другу съ большимъ недоверіемъ, можетъ возникнуть нѣчто вродѣ рыночной торговли, которая часто принимаетъ тогда форму *нѣмой торговли*. Нѣмая торговля нарѣдко также служитъ первымъ началомъ сношеній, но врядъ ли ее можно вообще назвать первоначальной формой рыночной торговли. Тѣмъ не менѣе, она встрѣчается такъ часто и въ столь различныхъ мѣстностяхъ, что достойна самаго большого вниманія; тутъ дѣло идетъ, очевидно, объ обстоятельстве, возникающемъ всюду одинаково изъ однихъ и тѣхъ же психологическихъ предварительныхъ условий.

По древнимъ, но не лишеннымъ довѣрія показаніямъ, нѣмую торговлю вели уже финикійцы на африканскомъ побережьѣ, и еще въ наше время можно наблюдать совершенно сходныя формы сношеній въ Африкѣ. Эта торговля происходитъ такимъ образомъ, что одна сторона складываетъ свои товары въ опредѣленномъ мѣстѣ и затѣмъ удаляется; послѣ этого приходитъ другая, забираетъ товары и кладетъ на ихъ мѣсто другіе предметы, и, наконецъ, первая возвращается и беретъ себѣ вымѣненныя произведенія. Такимъ образомъ, личное сношеніе и устные переговоры исключены. Тѣмъ не менѣе возможенъ торгъ о цѣнѣ: та сторона, которая недовольна обмѣномъ, не трогаетъ сложенныхъ вещей, снова удаляется и ждетъ, не будетъ ли прибавки. Нѣмая торговля выступаетъ, повидимому, все чаще тамъ, гдѣ болѣе культурный народъ желаетъ вступить въ мѣновыя сношенія съ первобытнымъ и пугливымъ племенемъ, но возможенъ и обратный случай; такъ, по сообщенію Казатиса, карлуквыя племена средне-африканскаго дѣвственнаго лѣса, живущія

по близости негритскихъ земледѣльцевъ, уносятъ ночью съ плантацій гроздыя банановъ и взаменъ ихъ вѣшаютъ куски мяса.

Очень сомнительно, какъ мы уже упоминали, чтобъ всѣ рыночныя сношенія начались съ этой нерѣшительной формы; вѣдь нужно принять во вниманіе, при разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ, что хотя часто жители одной области раздѣлены на многочисленныя и нерѣдко враждебныя другъ къ другу племена, но это разобщеніе совершилось лишь вслѣдствіе раздѣленія общихъ сначала группъ, и послѣ сохранившихъ извѣстную связь, которая должна была благоприятствовать возникновенію рыночныхъ сношеній.

Африка—классическая страна рынковъ. Лишь единично встрѣчаются здѣсь племена, которымъ чуждъ рыночный способъ торговли; для большинства остальныхъ онъ составляетъ болѣе, чѣмъ неизбѣжность въ хозяйственной жизни и есть одно изъ необходимѣйшихъ дѣйствій и радостей существованія вообще. Въ Конго всѣ не имѣющіе даже никакихъ дѣлъ, по свидѣтельству Варда, посѣщаютъ добросовѣстно ярмарки, которыя здѣсь бываютъ обыкновенно на томъ же самомъ мѣстѣ, каждые четыре, восемь дней; такъ какъ ежедневно гдѣ-нибудь ярмарка, все населеніе находится въ постоянномъ движеніи. Несмотря на участіе мужчинъ, женщины составляютъ главный контингентъ посѣтителей и если вообще имѣются налицо продавцы мужчины, они вносятъ на продажу болѣею частью лишь извѣстные товары.

Рыночная площадь, соответственно происхожденію этой формы сношенія, находится первоначально не внутри поселка,—его обитателямъ нечѣмъ обмѣниваться другъ съ другомъ, а чужихъ неохотно видятъ внутри своего укрѣпленнаго мѣстожительства,—а на пограничной окраинѣ мѣстечка или племенной области. Еще въ настоящее время рынки въ Конго находятся на открытой мѣстности, на холмахъ или подъ деревьями; то же самое мы видимъ въ Южномъ Китаѣ и Тонкинѣ, гдѣ ярмарки съ ихъ лавками находятся на главнѣйшихъ дорогахъ, но оживляются только въ извѣстные дни, а въ другое время тамъ живетъ развѣ только всякій сбродъ. Города тамъ служатъ лишь крѣпостью и убѣжищемъ во время опасности, весь же народъ живетъ въ деревушкахъ. И у галла рыночныя площади находятся между поселками. Даже тамъ, гдѣ отказались отъ этого порядка и перевели ярмарки въ поселки, или тамъ (что бываетъ чаще), гдѣ изъ рыночной площади выросъ городъ, большія ярмарки предпочитаютъ устраивать внѣ городскихъ стѣнъ, и лишь ежедневныя маленькіе рынки, съ незначительными сношеніями, могутъ находиться въ самомъ городѣ.

Рыночная торговля можетъ, конечно, процвѣтать лишь тогда, если посѣтители обезпечены отъ всякихъ враждебныхъ нападеній и во время самыхъ торговъ существуетъ *порядокъ*. Въ Центральной

Африкѣ главный надзоръ беретъ на себя болѣею частью начальникъ мѣстечка, на землѣ котораго происходитъ ярмарка, или его мѣсто заступаетъ старый колдунъ, умѣющій добиться иногда еще большаго почтенія. Обыкновенно запрещается приносить съ собою оружіе. Вооружены только рыночныя сторожа, поддерживающіе власть надсмотрщика, и, если нужно, они дѣйствуютъ беспощадно. Въ нижнемъ Конго рыночныя преступники закапываются среди площади по горло въ землю и затѣмъ имъ раздробляютъ черепъ; въ другихъ мѣстахъ этой области, по свидѣтельству Нипердэя, закапываютъ ружья приговоренныхъ на разрушителей покоя въ землю на рыночной площади, причемъ дула торчатъ вверхъ въ видѣ предостереженія. Въ Суданѣ, гдѣ государственная жизнь болѣе урегулирована, имѣются всюду официально назначенные надсмотрщики рынка, которые болѣею частью живутъ въ отдѣльномъ домѣ на рыночной площади и должны исполнять обязанность мировыхъ судей въ спорахъ. Андерсонъ

Арабскій кондитеръ (Тунисъ).

былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ изъ городовъ внутренней Либеріи надсмотрщикъ передъ началомъ ярмарки держалъ рѣчь къ 6—7000 посѣтителей, въ которой онъ ихъ уговаривалъ поддерживать миръ и порядокъ, при этомъ запрещено было продавать на рынкѣ пальмовое вино, чтобъ избѣжать буйства пьяныхъ. Часто, правда, забота надсмотрщиковъ о порядкѣ бываетъ вещью второстепенной, а главной ихъ обязанностью является требованіе рыночныхъ пошлинъ. И начальники въ Конго давно поняли, что могутъ требовать вознагражденія за свою дѣятельность по защитѣ и порядку, и, напримѣръ, въ

области Арувими повысили пошлину до $\frac{1}{20}$ всех привезенных товаров, а в Навгве даже до $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{10}$ всех цѣнностей.

Въ Суданѣ есть рынки, зданія и лавки которыхъ постоянно остаются на мѣстѣ и въ каждый рыночный день наполняются продавцами. Этимъ уже совершается переходъ къ постояннымъ ярмаркамъ, базарамъ или *сумамъ*, которые носятъ еще достаточно слѣдовъ своего происхожденія изъ временныхъ рынковъ. Тамъ, рядомъ съ ремесленниками и купцами, живущими въ лавкахъ, всегда есть полу-или вполне кочевые (см. рис. стр. 403). Постоянные рынки легко становятся тогда центрами поселковъ, которые при благоприятныхъ обстоятельствахъ могутъ развиваться въ могущественные торговые города. Примѣромъ такого рода служитъ Тимбукту, бывший первоначально лишь временно посѣщаемымъ мѣстомъ торгова между жителями пустыни и неграми-земледѣльцами; въ извѣстномъ смыслѣ то же можно сказать о Меккѣ, которая, какъ религіозная святыня, стала важнымъ торговымъ мѣстомъ и, наконецъ, значительнымъ для арабовъ городомъ.

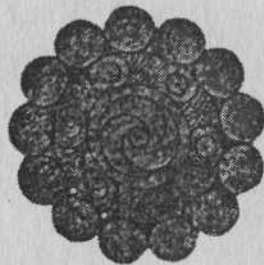
Смѣшеніемъ дальней и ближней торговли обыкновенно можно считать *экспедиционную торговлю*, которая даетъ возможность дальней отправки товаровъ безъ непремѣннаго сопутствія отдѣльныхъ торговцевъ; перепроданные отъ одного племени другому, товары достигаютъ, наконецъ, самыхъ дальнихъ мѣстностей, какъ, напримѣръ, въ древности жемчужный корень доходилъ изъ Индѣйскаго въ Восточный океанъ, а морскія раковины проникали далеко въ глубь Сѣв. Америки (см. рис. стр. 405). Въ примитивныхъ обстоятельствахъ, впрочемъ, экспедиционная торговля имѣетъ какую угодно цѣль, кромѣ стремленія облегчить товарныя сношенія. Получая монополию на торговлю извѣстными товарами или въ опредѣленной мѣстности, народъ можетъ самъ назначить имъ цѣну и получать большую выгоду; тамъ, гдѣ сношенія оживлены, какъ бываетъ часто въ Западной Африкѣ, многія береговья племена бросили всякую производительную работу и живутъ исключительно экспедиционной торговлей, которая въ другихъ отношеніяхъ хозяйственно излишня и даже вредна.

Возникновеніе экспедиционной торговли очень понятно, и она не чужда даже самымъ примитивнымъ народамъ. Вѣтки питчири, которыхъ дѣри, какъ выше упомянуто, добываютъ сами далекой экспедиціей, продаются ими дальше другимъ племенамъ; отсюда—одинъ шагъ до перепродажи дальше товаровъ, которые они сами получили въ обмѣнъ отъ другихъ. Въ Гвианѣ очень употребительна эта простая форма экспедиционной торговли; мы уже указывали, что въ Западныхъ Соединенныхъ Штатахъ индѣйцы-вороны служатъ торговыми посредниками, а на западѣ челкаты держала всѣ племена той мѣстности вдали отъ берега, чтобъ обезпечить себѣ монополию привозной торговли. При всемъ этомъ экспедиционная тор-

говля можетъ или болѣе соответствовать бродячимъ сношеніямъ, или имѣть болѣе рыночный характеръ; а именно племя, берущее на себя посредничество, или становится подвижнымъ, разъѣзжающимъ во всѣ стороны, народомъ, который черезъ правильные промежутки времени посѣщаетъ своихъ клиентовъ и беретъ въ свои руки транспортировку товаровъ, или оно пользуется удобствами мѣстечка, просто запирая торговую дорогу и устраивая у себя рынокъ, который посѣщается поочередно обѣими сторонами. Последняя форма, которая провѣтвуетъ особенно въ Африкѣ, въ хозяйственномъ смыслѣ менѣе полезна и болѣе рискована для производителей, чѣмъ первая. Примѣромъ перваго рода служили тшинуки (въ Сѣверо-Западной Африкѣ), которые предпринимали далекія путешествія на сѣверъ и югъ въ качествѣ посредниковъ въ торговлѣ; въ Африкѣ можно назвать госсовъ, неугоминыхъ путешественниковъ, которые во время поѣздокъ занимаютъ и ремеслами; далѣе, многія племена, живущія по теченію большихъ рѣкъ, какъ, напримѣръ, каканда, совершающія плаванія по Нигеру, баянзи—въ среднемъ Конго и бассомбо—на Кванго.

Рядомъ съ монополями племенъ могутъ существовать и монополии отдѣльныхъ лицъ или меньшихъ группъ. Такъ, напримѣръ, у гуруновъ существовалъ повсемѣстный обычай, что та семья, которая открыла торговлю въ какомъ-нибудь направленіи, имѣла исключительное на нее право; вѣроятно, этотъ обычай тѣсно связанъ съ возникновеніемъ торговли изъ поѣздокъ въ гости, которыя могъ, конечно, предпринимать только тотъ, кто имѣлъ въ конечной цѣли поѣздки друзей или родныхъ.

Лишь въ исключительныхъ случаяхъ монополия на экспедиционную торговлю можетъ долго продолжаться. Мало-по-малу вырабатывается сословіе купцовъ, которые развиваютъ дальше внѣшнюю торговлю и создаютъ регулярныя денежные и кредитныя сношенія. Въ неспокойныхъ мѣстностяхъ торговцы путешествуютъ группами въ караванахъ, которые нерѣдко приходятъ и уходятъ съ извѣстной правильностью; что и на этой ступени развитія руководствомъ служатъ не исключительно хозяйственныя соображенія, видно изъ значенія каравановъ пилигримовъ, которые имѣютъ самые крупныя значенія въ области ислама и, повидимому, часто сначала открываютъ дорогу торговлѣ или сами, между прочимъ, посредничаютъ въ торговыхъ сношеніяхъ. Осѣдлые народы и города, черезъ землѣ которыхъ происходитъ торговое движеніе, оставляютъ тогда безцѣль-

Пластинка для метанія изъ раковины, изъ доисторической могилы въ Насхвиле (Сѣв. Америка).

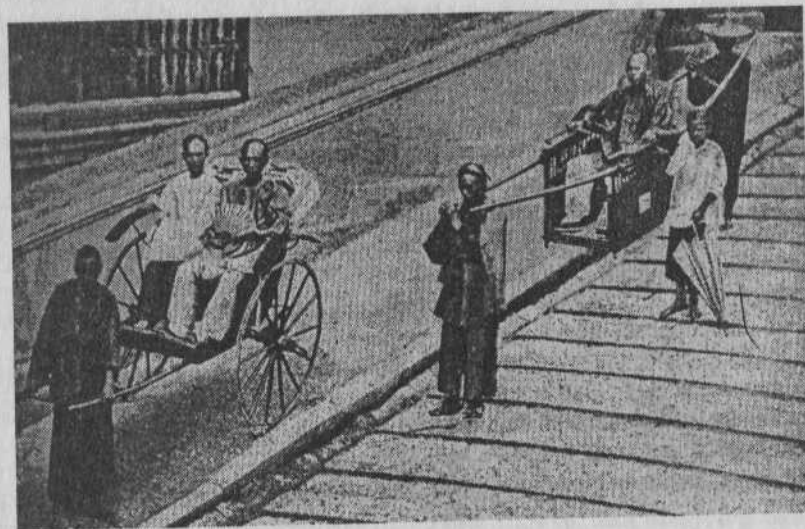
ную попытку завладѣть экспедиционной торговлей и вознаграждаютъ себя повышеніемъ пошлинъ, дорожныхъ и мостовыхъ сборовъ и другими налогами. Эти налоги вовсе не должны непременно заключаться въ товарахъ или деньгахъ; караваны, двигавшіеся черезъ Угого въ Восточную Африку, должны были, за позволеніе проѣзда, при случаѣ помогать въ постройкѣ крѣпостей или участвовать, какъ союзники, въ небольшомъ военномъ походѣ.

Неприкосновенность странствующихъ торговцевъ есть также одно изъ тѣхъ первобытныхъ благъ, которыя исчезаютъ сначала при ростѣ культуры; купецъ становится любимой жертвой всякаго разбойничьяго сброда на водѣ и землѣ, обезпеченіе дорогъ—главной задачей всѣхъ правящихъ властей. И самое званіе купца сохраняетъ, правда, полувоинственный-полуразбойничій характеръ, стремленіе взять силой барышъ тамъ, гдѣ обмѣна и переговоровъ недостаточно; это особенно ясно выступаетъ въ политикѣ торговыхъ государствъ, которыя, въ сущности, не что иное, какъ великолѣпно организованныя купеческія гильдіи. Въ древней Мексикѣ купеческое сословіе было наполовину политическимъ учрежденіемъ; купцы, которые, повидимому, рекрутировались большею частью изъ неимущаго дворянства, служили въ то же время лазутчиками и, хорошо ознакомившись со страной, выступали туда въ качествѣ воиновъ, чтобъ завоевать ее и колонизировать.

Какъ странствія первобытныхъ племенъ направляются туда, гдѣ можно добыть важныя хозяйственныя потребности ихъ несложной жизни, такъ и торговля культурныхъ народовъ выискиваетъ области, обладающія и производящія желаемые предметы. «Мы научаемся,—говоритъ Пешель,—уважать, какъ средство распространенія человѣческой цивилизаціи и какъ средство привлеченія къ передвиженію народовъ, рѣдкости и драгоцѣнности всѣхъ трехъ царствъ природы и мы убѣждаемся, что тѣ мѣстности, которыя имѣютъ счастье обладать такими сокровищами, ранѣ другихъ были втянуты въ кругъ высшей цивилизаціи, такъ что часто мѣстному движенію культуры тѣмъ намѣчался путь». Культурные народы отчасти даютъ взаимно природныя богатства почвы или климата произведенія своего высшаго интеллекта и правильной работы, а именно ремесленные продукты, которые, благодаря высоко развитому раздѣленію труда, они могутъ поставлять фабричнымъ образомъ и очень дешево. Развитие ремесла изъ домашней и наемной работы въ настоящую индустрію находится вѣдь въ тѣсной связи съ прогрессомъ торговли, потому что оба обуславливаютъ и дополняютъ другъ друга. Гдѣ нѣтъ ни естественныхъ богатствъ, ни культурной работы, перерабатывающей сырой матеріалъ, тамъ нѣтъ и торговли.

Сухопутная торговля немыслима безъ дорогъ, и даже въ степяхъ, гдѣ не нужно «искусственно сравнивать» почву, должны су-

ществовать по крайней мѣрѣ вѣхи для сношеній, пока постоянное движеніе не создастъ прочныхъ слѣдовъ. Состояніе дорогъ стоитъ въ непосредственномъ соотношеніи къ средствамъ транспорта при сношеніяхъ: тамъ, гдѣ человѣкъ самъ несетъ ношу, какъ въ большей части Африки, достаточно узкихъ тропинокъ, выступленіе же на сцену экипажа обуславливаетъ широкія и сравнительно гладкія дороги (см. рис. прил.). Не одна торговля, правда, способствуетъ прогрессу въ этомъ отношеніи; какъ чисто социальныя чувства симпатіи и родства создали въ большей мѣрѣ начало сношеній, такъ они же

Китайскій паланкинъ и джирикша.

влияютъ въ облагороженной формѣ и далѣе, какъ ускоряющія силы, требуя лучшихъ и болѣе быстрыхъ сношеній между группами человечества.

Но эту двойственность имѣютъ всѣ учреждения, развивающіяся въ одно время со сношеніями. То, что мы называемъ теперь почтой, служитъ одинаково какъ интересамъ торговли, такъ и чисто общественнымъ надобностямъ; и то, и другое имѣетъ свою долю въ развитіи почтового дѣла. Всѣ первобытные народы умѣютъ понимать другъ друга посредствомъ сигналовъ; въ сравнительно безвѣтренныхъ степяхъ Австрали употребляютъ сигналы дымомъ, въ другихъ мѣстахъ переговариваются ударами въ барабанъ (см. рис. стр. 409) или выставленными знаками. Это—начало телеграфа. Но въ то же время посылаютъ вѣсти черезъ своихъ посланныхъ; затѣмъ при возникно-

веніи правильныхъ торговыхъ сношеній купцы становятся и посланниками, и доставщиками писемъ; наконецъ, при вышемъ культурномъ состояніи, государство, какъ болѣе сильная социальная власть, беретъ на себя письменныя сношенія. На мѣсто посла или путешественника, который долженъ проѣхать все пространство между отправителемъ и получателемъ, становится система связанныхъ между собою мѣстъ посредничества. Кажется, персы первые провели эти учрежденія въ большомъ размѣрѣ, но во всякомъ случаѣ только для интересовъ правительства, слѣдовательно, для чисто социальныхъ цѣлей.

Затѣмъ и война можетъ увеличить число возможностей сношеній; это великолѣпно доказали постройки дорогъ Наполеономъ I, которыя въ Сѣверо-Западной Германіи были первыми большими путями сообщенія.

Ето ясно понявъ слияніе социальныхъ и коммерческихъ учреждений во всѣхъ обстоятельствахъ сношеній, тотъ не удивится, узнавъ, что и важнѣйшее вспомогательное средство торговли—деньги—развились изъ двухъ различныхъ корней. То, что называется деньгами у современныхъ культурныхъ народовъ, служитъ какъ общественнымъ задачамъ, такъ и торговымъ цѣлямъ. У первобытныхъ народовъ, напротивъ, можно различить формы, предназначенныя исключительно той или другой задачѣ.

Изъ общаго имущества орды или племени прежде всего выдѣляются предметы, которые стоятъ въ особенно тѣсномъ отношеніи къ коренной собственности отдѣльнаго лица, къ его тѣлу; но въ то же время каждый человекъ создаетъ вокругъ себя зону личнаго вліянія, перерабатывая по своей фантазіи произведенія природы и тѣмъ придавая имъ печать своего существа, такъ что они нѣкоторымъ образомъ становятся къ нему принадлежащими, индивидуальными и изъятыми изъ общаго употребленія. Оба условія прежде всего встрѣчаются при украшеніи тѣла. Можно сказать, что предметы украшенія суть первое частное имущество людей, и что они дали толчокъ къ дальнѣйшему накопленію личнаго имущества. Но какъ бы ни было, украшеніе, въ этомъ смыслѣ, тѣсно связано съ отдѣльнымъ лицомъ, оно въ то же время подвижно; другія лица могутъ сдѣлать такое же, и оно потеряетъ черезъ то свой индивидуальный характеръ, оно можетъ перейти въ видѣ подарка, посредствомъ обмана или грабежа въ собственность другихъ людей, которымъ понравилось. Въ этомъ двойственномъ качествѣ украшенія лежитъ зародышъ древнѣйшаго социального вида денегъ.

Легко можетъ придти въ голову предложить въ подарокъ украшеніе или какое-нибудь подобное ему частное имущество лицу, гнѣвъ котораго желаютъ смягчить, или отъ котораго ждутъ одолженія или услуги, переходящей обычныя размѣры взаимной помощи.

Такимъ образомъ возникаетъ важный обычай купли невѣсть и еще болѣе важное обыкновеніе искупать проступки и преступленія принесеніемъ подарковъ. Когда сила обычая и привычки начинаетъ проявляться по-своему въ томъ, что штрафами и т. п. могутъ служить только опредѣленные, всѣми любимыя украшенія или другое цѣнное имущество, тогда создается средство платежа, которое мы можемъ назвать деньгами для общественныхъ цѣлей или мѣстными деньгами, такъ какъ оно циркулируетъ лишь внутри племени и не имѣетъ никакого отношенія къ внѣшней торговлѣ. Обыкновенно такія деньги приготавливаются самими членами племени (см. рис. стр. 410), но сырой матеріалъ для нихъ и даже готовые деньги могутъ быть взяты и извнѣ, отчего вовсе не измѣняется существенный характеръ мѣстныхъ денегъ (обращеніе лишь внутри племени). Такъ, напри-

Сигнальный барабанъ съ устья Наму (Нов. Гвинея).

мѣръ, деньги-бусы на островахъ Палау были ввезены туда, безъ сомнѣнія, въ древнія времена, въ видѣ товара, но теперь они стали типичными мѣстными деньгами, имѣющими цѣну только на этихъ островахъ и на которыя нельзя купить ни въ какой другой части земного шара.

Появленіе мѣстныхъ денегъ мало-по-малу начинаетъ сильно вліять и преобразовывать социальное строеніе общества. Создается понятіе о богатствѣ; деньги являются новой силой рядомъ съ бывшими до тѣхъ поръ источниками вліянія—происхожденіемъ и личнымъ достоинствомъ,—то раздувая ихъ до непреодолимой силы своимъ присоединеніемъ, то нанося имъ ущербъ и уменьшая ихъ. Накопленіе денегъ не имѣетъ границъ, хотя вначалѣ нѣтъ недостатка въ разныхъ полусознательныхъ противодѣйствіяхъ, такъ какъ наследіе богатства долгое время было невозможно въ силу обычая уничтожать или раздаривать все цѣнное имущество умершаго; точно также и первобытный коммунизмъ часто упрямо противостоитъ стремленію къ чрезмѣрному богатству.

Изъ штрафовъ возникаютъ подати и вмѣстѣ съ тѣмъ финансо-

вое хозяйство общества, какъ такового, или по крайней мѣрѣ его вождей. Первоначально вожди, въ какому бы классу они ни принадлежали, не получали дани, самое большее—подарки и немного большую долю военной добычи; еще въ наше время во многихъ частяхъ Африки начальникъ не получаетъ правильныхъ налоговъ, но предпринимаетъ буквально поѣздки за подаваніемъ или, пожалуй, грабить своихъ подданныхъ. Всюду штрафы деньгами—первое и любимое средство увеличить доходы, и эта возможность обуславливается опять-таки наличностью денегъ, которыя позволяютъ въ то же время болѣе точно опредѣлять мѣру наказанія.

Изъ вышеуказаннаго ясно, что мѣстные деньги возникаютъ преимущественно изъ украшеній, и дѣйствительно, классическіе типы мѣстныхъ денегъ—первоначально предметы украшеній. Прежде всего,

Железные деньги племени банца (Центральная Африка).

слѣдуетъ назвать деньги-раковины, являющіяся въ различныхъ очень интересныхъ видахъ; мѣстами цѣнность ихъ не ограничивается предѣлами отдѣльнаго племени и поэтому они стали деньгами для торговли, слѣдовательно, могутъ быть разсматриваемы, какъ полная параллель европейскимъ видамъ денегъ. Такое высокое значеніе приобрѣла на обширномъ пространствѣ раковина каури (Surgaea moneta). Эта раковина, вывозимая почти только съ однихъ Маледивскихъ острововъ, съ давнихъ поръ широко распространилась, какъ украшеніе, и, быть можетъ, уже очень рано, какъ деньги, до самаго берега Восточнаго Океана, что доказываютъ многочисленныя находки въ гробницахъ. Въ Бенгаліи, задней Индіи, Китаѣ и на Филиппинахъ каури была долгое время любимымъ видомъ денегъ, пока въ Китаѣ шкурки съ раковинами были замѣнены точно такъ же нанизанными мѣдными монетами (касхи, сапеки). Зато каури получила широкое распространеніе въ Африкѣ, между прочимъ, въ Гвиней и Западномъ Суданѣ, куда раковины доставлялись массами, сначала арабами, поздѣе европейскими торговцами. Рядомъ съ раковинами маледивскаго происхожденія, въ Гвинею ввели съ восточно-африканскаго берега родственныи имъ видъ, Surgaea annulus. Раковины или нанизываются на шкуры, сообразно съ ихъ первоначальнымъ назначеніемъ быть украшениями, или отмѣриваются корзинами. Во многихъ мѣстахъ Африки каури и теперь служатъ исключительно украшеніемъ и не обращается въ видѣ денегъ.

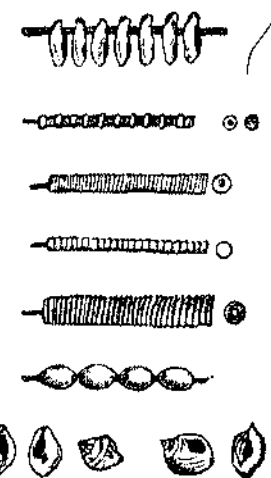
Въ Нов. Помераніи и сосѣднихъ съ нею островахъ находятся въ обращеніи удивительныя, употребляемыя такъ же, какъ украшеніе, виды раковинныхъ денегъ; это маленькія, искусственно шлифованныя, нанизанныя на нитку пластинки (см. рис. стр. 411), приготовленіе которыхъ довольно трудно. Эти деньги, называемыя въ Нейлауенбургѣ диварра, служатъ преимущественно общественнымъ цѣлямъ, но и куплѣ

и продажѣ внутри племени, за предѣлами же его не употребляются. Меланезія вообще классическая страна украшеній: браслеты, согнутые кабаньи клыки, собачьи зубы и т. д. служатъ здѣсь мѣстными деньгами и въ то же время любимыми украшениями. Но и здѣсь не всякое украшеніе играетъ роль денегъ.

Въ Африкѣ обращались когда-то мѣстные раковинныя деньги Анголы и Фернандо-По, а еще многочисленнѣе были виды американскихъ раковинъ-денегъ. Знаменитый вампумъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ были деньги изъ раковинъ, которыя, впрочемъ, рядомъ съ этимъ служили и многимъ другимъ цѣлямъ; вашивая, напримѣръ, маленькія пластинки изъ раковинъ въ видѣ украшенія на поясъ, достигали нѣчто вродѣ образнаго письма, и пояса-вампума становились документами исторіи племени или носителями важныхъ посланій, которыя, однако, могли разбирать только посвященные. Въ Сѣверо-Западной Америкѣ были деньги изъ раковинъ dentalium и geliotis, которыхъ вылавливали у морскаго берега (см. рис. стр. 412); другія раковинныя деньги были у калифорнскихъ племенъ, встрѣчались они единично также въ Юкатанѣ и въ Венецуэллѣ.

При торговыхъ сношеніяхъ съ культурными народами мѣсто раковинныхъ украшеній занимаютъ стекляныя бусы; если ввозъ ихъ не слишкомъ великъ и мода не слишкомъ быстро мѣняется, онѣ нерѣдко принимаютъ на себя роль денегъ. Особенно любопытны тѣ виды денегъ-бусъ, которые очень древняго происхожденія и указываютъ на старинныя торговыя сношенія, теперь же служатъ исключительно, какъ мѣстные деньги. На островахъ Палау находятся въ обращеніи старинныя бусы, повидимому, частью венеціанскаго происхожденія, а въ прежнихъ золотоносныхъ областяхъ Африки, на западномъ берегу и на юго-восточномъ, встрѣчаются почтенныя деньги-бусы, появившія въ эти мѣста въ прошлыя столѣтія, очевидно, при торговлѣ золотомъ (бусы-агри).

Независимо отъ общественныхъ или мѣстныхъ денегъ, коммерскія или внѣшнія деньги развивались, прежде всего, какъ естественное средство облегченія при обмѣнѣ товарами. Пока торговля охватываетъ лишь небольшое количество предметовъ, потребность въ деньгахъ не ощущается, такъ какъ цѣна товаровъ легко опредѣляется и узнается безъ мѣрилы цѣнности. Если, напримѣръ, одно

Различные виды меланезійскихъ раковинныхъ денегъ.

племя приносить на рынок зерновой хлебъ, а другое — рыбу, совершенно достаточно простого обмена; если налицо мало рыбы, а много хлеба, должно дать соответственно больше зерна за одну рыбу и наоборот. Но когда количество и родъ товаровъ растетъ,

Копье-видный снарядъ для ловли раковинъ и денгелей (Сѣверо-Западная Америка).

сношения становятся все затруднительнѣе и все больше берутъ времени, такъ какъ потребности продавцовъ и покупателей рѣдко будутъ согласоваться. Вотъ, на примѣръ, продавецъ зернового хлеба, которому нуженъ именно хлопокъ, вотъ другой, который хотѣлъ бы купить зерно, но самъ принесъ на рынокъ лукъ; если они хотятъ сговориться, собственникъ лука долженъ сначала найти кого-нибудь, который ему дастъ хлопокъ за его лукъ, что въ свою очередь быть можетъ возможно лишь длинными овольными путями. Подобное положеніе на суданскихъ рынкахъ подробно описалъ Бартъ. Ясно, что этому неудобству можно помочь тѣмъ, что одинъ опредѣленный товаръ назначается общимъ средствомъ обмена, который каждый безъ труда принимаетъ и выдаетъ. Предположимъ, что этимъ средствомъ обмена будетъ въ данномъ случаѣ соль; тогда торговцу лукомъ стоитъ лишь промѣнять свой лукъ на соль и тогда за соль, которая во всякомъ случаѣ принимается въ уплату, вымѣнять зерно, и онъ можетъ это сдѣлать, не спрашивая о личныхъ желаніяхъ продавца зерна. Настоящіе деньги въ нашемъ смыслѣ такимъ путемъ, конечно, не создаются, такъ какъ торговымъ или вѣнскимъ деньгамъ слишкомъ еще явно присущъ характеръ товара, чтобъ они могли при всѣхъ обстоятельствахъ оставаться вѣрнымъ мѣриломъ цѣнности и, вромѣ того, выполнять внутри общественныхъ группъ задачи социальныхъ денегъ. Поэтому мы видимъ всюду, что общія деньги культурныхъ народовъ развиваются изъ мѣстныхъ денегъ, которыхъ заставляютъ служить цѣлямъ вѣншей торговли: уже въ раковинахъ каури мы видѣли деньги-украшенія, которыя стали настоящими, годными для всякой цѣли, деньгами; золото и серебро также обязаны первоначально признаніемъ своей цѣнности только тому обстоятельству, что они особенно подходящи для украшеній и роскошной утвари.

Торговые или вѣншія деньги имѣются въ безчисленныхъ видахъ у различныхъ народовъ, такъ какъ каждый товаръ, годный для болѣе длинныхъ экспедицій, можетъ играть роль мѣрило цѣнности и средствъ обмена. Предметы, скоропортящіеся или мало спрашиваемые, негодны,

конечно, для этого, а такіе, которые обращаются лишь большими

недѣлимыми кусками, могутъ быть употреблены только при оптовой торговлѣ. И, дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ Африкѣ оптовые (крупные) деньги (напримѣръ, слоновую кость, оружіе, золото, рабовъ) рядомъ съ мелкими деньгами. Торговыми деньгами бываютъ всего чаще соль, бумажныя матеріи, желѣзные брусья или крючки, мѣдь, зерновой хлебъ, финики, табакъ, также латунная проволока, ромъ и порохъ въ странахъ, гдѣ существуетъ ввозъ европейскихъ товаровъ. Иногда товаръ обращается уже вовсе не какъ деньги, но продолжаетъ служить мѣриломъ цѣнности, какъ, на примѣръ, на западно-африканскомъ побережьи мѣстами желѣзные брусья и куски бумажной матеріи. Въ другихъ мѣстахъ деньги сохраняютъ характеръ первоначальныхъ товаровъ, какъ, на примѣръ, старинныя китайскія бронзовыя монеты, имѣющія еще форму ножей.

Китайскія фарфоровыя монеты.

Эти мнимыя мѣрила цѣнности приводятъ насъ въ денежные знакамъ, которые готовы были бы противопоставить первобытнымъ видамъ денегъ, какъ высшій расцвѣтъ культуры. Въ дѣйствительности денежные знаки являются уже очень рано однимъ изъ видоизмѣненій мѣстныхъ денегъ; вѣдь послѣднія сами по себѣ вытекаютъ изъ украшеній и бездѣлушекъ, имѣютъ полувоображаемую или условную цѣну, которой не соответствуетъ никакая практическая пригодность. За зерновой хлебъ можно всегда получить взаимъ настоящихъ цѣнности, но отдача подобныхъ цѣнностей за раковинныя каури или даже за золото основана все же на соглашеніи и вовсе не разумѣется само собой. Нѣкоторые виды мѣстныхъ денегъ имѣютъ также мистическое значеніе и потому цѣну для обладателя, которую не понимаютъ и не признаютъ постороннія лица. Попытки замѣнить наличныя деньги денежными знаками возможны во всякомъ случаѣ

Китайскія свинцовыя монеты.

только на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры. Такъ, на примѣръ, въ средневѣковой Россіи шкуры пушныхъ звѣрей, служившія прежде деньгами, были конфискованы и свезены на царскій дворъ, а взаимъ ихъ въ обращеніе пущены заштемпелеванные кусочки кожи (уши). Самую большую попытку этого рода сдѣлали властители исполнскаго монгольскаго государства, выдавшіе вѣето золотыхъ и серебряныхъ денегъ, которыя въ громадномъ количествѣ были собраны

въ столицѣ монгольскаго императора, по китайскому примѣру, бумажныя деньги, но, впрочемъ, безъ длительного успѣха. Чисто денежными знаками можно назвать китайскія монеты изъ камеди или фарфора и свинцовыя монеты принадлежать сюда же (см. рис. стр. 413).

Особую группу составляютъ живыя деньги — скоть и рабы, которые во многихъ случаяхъ употребляются, какъ мѣрило цѣнности и цѣнное имущество; такъ какъ народы классической древности перешли отъ оцѣнки скотомъ къ металлическимъ деньгамъ, возникло заблужденіе, возможное при очень еще, къ сожалѣнію, распространенныхъ одностороннихъ взглядахъ на это положеніе, что всюду скоть служилъ самой древней и естественной замѣной денегъ. Въ дѣйствительности скоть можетъ выполнять эту задачу только тамъ, гдѣ онъ находится въ большомъ количествѣ и гдѣ есть достаточныя пастбища, но и тогда онъ можетъ быть только оптовыми деньгами, рядомъ съ которыми должна обращаться мелкая монета. Въ древней Элладѣ, дѣйствительно, были желѣзныя деньги, которые сохранились всего дольше въ Спартѣ, гдѣ они сознательно были превращены въ чисто мѣстныя деньги и денежные знаки; въ Италіи существовала рядомъ съ оцѣнкой скотомъ и оцѣнка мѣдью. Рабы получаютъ цѣну, конечно, только у народовъ, у которыхъ есть спросъ на рабовъ. Но скоть и рабы отличаются отъ всѣхъ другихъ родовъ денегъ тѣмъ, что они приносятъ непосредственный барышъ; молоко, шерсть и приплодъ, рабочая сила животныхъ и людей даютъ доходъ, превышающій затраты по содержанию, и, слѣдовательно, дѣйствительный процентъ на затраченный капиталъ.

Но этимъ мы не хотимъ сказать, что лишь живое имущество дало толчокъ къ уплатѣ и полученію процентовъ; въ кругѣ дѣйствія настоящихъ мѣстныхъ денегъ мы встрѣчаемъ вовсе не рѣдко идею, что за размѣнъ и заемъ денегъ, какъ и за всякую экстренную услугу, должно быть заплачено. На островахъ Палау тотъ, кто желаетъ размѣнять крупную монету, долженъ платить добавку, и во всей Меланезіи извѣстна и обычна отдача денегъ въ долгъ за большіе проценты.

Въ общемъ, вліяніе денегъ на социальное положеніе сильнѣе, чѣмъ на сношенія и, прежде всего, на торговлю оптомъ, которая можетъ прекрасно обходиться безъ денегъ. Именно торговые народы древности, финикійяне и карагеняне, не развили большой денежной системы, а придерживались мѣновой торговли; римляне также находили выгоднѣе не чеканить по крайней мѣрѣ золота, а обращаться съ нимъ, какъ съ товаромъ. Даже выработанныя кредитныя сношенія мыслимы безъ денежныхъ знаковъ, а въ международномъ обмѣнѣ товарами и монеты становятся товаромъ. Монета получаетъ свое настоящее значеніе всегда только *внутри* общества; другими словами, она всегда

обладаетъ болѣе свойствомъ денегъ внутренняго, чѣмъ внѣшняго, обращенія. Умышленно даже предупреждаютъ обращеніе мелкой монеты во внѣшней торговлѣ, чеканя ее не въ полной стоимости.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что стадіи натурального, денежнаго и кредитнаго хозяйства, которыя человечество, по обычному мнѣнію, впервые высказанному Бруно Гильдебрандомъ, должно послѣдовательно пройти, имѣютъ лишь очень условное значеніе. Есть дикари, какъ, напр., жители остр. Палау или обитатели Нов. Помераніи, которые имѣютъ очень развитое въ своемъ родѣ денежное хозяйство, а во многихъ европейскихъ колоніяхъ, за недостаткомъ чеканной монеты, часто долгое время господствуетъ чисто натуральное хозяйство, и это вовсе не имѣетъ слѣдствіемъ сильнаго обратнаго теченія культуры. Но и о многихъ примитивныхъ народахъ можно утвердительно сказать, что они вообще не ведутъ народнаго хозяйства въ нашемъ смыслѣ. Сравнительно съ дѣленіемъ Гильдебранда, или даже болѣе раннимъ — Листа, по которому культурное человечество должно послѣдовательно пройти стадіи охотничьей, пастушеской, земледѣльческой, земледѣльческо-промышленной и земледѣльческо-промышленно-торговой жизни, большой шагъ впередъ представляетъ предложенное Карломъ Бюхеромъ дѣленіе: ступень замкнутаго домашняго хозяйства (производство продуктовъ для чисто-личнаго употребленія, хозяйство безъ обмѣна), ступень городского хозяйства (производство продуктовъ для постоянныхъ заказчиковъ, или ступень прямого обмѣна) и ступень народнаго хозяйства (производство товаровъ, ступень имущественнаго оборота). Но и это распределеніе неудовлетворительно въ виду разнообразія существующаго. Какъ во всѣхъ областяхъ человѣческаго существованія, такъ и у дикарей, въ особенности у изолированныхъ, мало вліяемыхъ извнѣ, господствуетъ склонность къ *односторонности*. Часто зародышъ дарованія или побужденія развивается въ такой могучій побѣгъ, подобнаго которому даже трудно найти у культурныхъ народовъ; зато другіе зародыши слабы и готовы погибнуть; культурное человечество стоитъ высоко надъ первобытными племенами не своимъ абсолютнымъ совершенствомъ въ каждой области, а, слѣдовательно, и въ каждой отрасли хозяйства, но гармоническимъ развитіемъ всѣхъ силъ и знаній. Безчисленнымъ видамъ хозяйства первобытныхъ народовъ оно противопоставляетъ свое, какъ понятіе относительно общее, охватывающее и сообразующееся со всякими случайностями.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Социология

- Осипов Г. В. Социология.
 Осипов Г. В. (ред.) Рабочая книга социолога.
 Гидденс Э. Социология. Пер. с англ. Новое 2-е издание.
 Бабосов Е. М. Социология: Энциклопедический словарь.
 Молевич Е. Ф. Общая социология. Курс лекций.
 Зомбарт В. Социология.
 Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования.
 Гуц А. К., Паутова Л. А. Глобальная этносоциология.
 Гуц А. К., Фролова Ю. В. Математические методы в социологии.
 Коломийцев В. Ф. Социология и политика: Очерки.
 Латин Н. И. (ред.) Социальная информатика: основания, методы, перспективы.
 Гайденко Н. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера.
 Михайлов В. В. Социальные ограничения: структура и механика подавления человека.
 Давыдов А. А. Системная социология. Кн. 1, 2.
 Ильин В. Н. Негуманитарная социология. Новый взгляд на обществоведение.
 Ильин В. Н. Термодинамика и социология.
 Немировский В. Г., Невирко Л. Л. Социология человека.
 Немировский В. Г. Российский кризис в зеркале постклассической социологии.
 Немцов А. В. Алкогольная история России: Новейший период.
 Здравомыслова О. М. (ред.) Обыкновенное зло: исследования насилия в семье.
 Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российск. трансформации.
 Римашевская Н. М. (ред.) Разорвать круг молчания... О насилии в отношении женщин.
 Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 1, 2.
 Дороговцев М. Ф. (ред.) Социологи России и СНГ XIX—XX вв.
 Фриче В. М. Социология искусства.
 Светлов В. А. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов.
 Степанов Е. И. Современная конфликтология.
 Степанов Е. И. (ред.) Конфликты в современной России.
 Серия «Из наследия мировой социологии»
 Эгелль Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
 Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности.
 Ковалевский М. М. Современные социологи.
 Тард Г. Происхождение семьи и собственности.
 Тард Г. Социальные законы.
 Кареев Н. И. Общие основы социологии.
 Уорд Л. Ф. Очерки социологии.
 Летурно Ш. Прогресс нравственности.
 Летурно Ш. Социология по данным этнографии.
 Спенсер Г. Многомужество и многоженство.
 Мюллер-Лиер Ф. Социология страданий.
 Мюллер-Лиер Ф. Фазы любви.
 Гойю Ж. М. Воспитание и наследственность. Социологическое исследование.

Другие книги нашего издательства:

URSS

История культуры

- Липперт Ю. История культуры.
 Кон-Винер Э. История стилей изобразительных искусств.
 Шестаков В. П. История истории искусства: От Плиния до наших дней.
 Шестаков В. П. История эстетических учений.
 Шестаков В. П. Шекспир и итальянский гуманизм.
 Шестаков В. П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры.
 Шестаков В. П. США: псевдокультура или завтрашний день Европы?
 Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века.
 Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность.
 Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада.
 Федосов Д. Г. Андские страны в колониальную эпоху.
 Карпова Т. Л. (ред.) Искусство «золотой середины»: Русская версия.
 Даркевич В. П. Пути средневековых мастеров.
 Даркевич В. П. Путешествие в древнюю Рязань.
 Даркевич В. П. Народная культура Средневековья.
 Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв.
 Даркевич В. П. Художественное ремесло средневекового Запада (X—XIV вв.).
 Чекалова А. А., Даркевич В. П. Культура Византии. IV—XII вв.
 Ржевлянская И. В. Русское народное творчество в становлении нравственной культуры Древней Руси.
 Симон К. Р. История иностранной библиографии.
 Хачатуров С. В. Искусство книги в России 1910—1930-х годов. Мастера левых течений.
 Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями.
 Шукуров Ш. М. Образ человека в искусстве ислама.
 Чегодаев М. А. Папирусная графика Древнего Египта.
 Мурнин И. Ф. Китайская раннебуддийская скульптура IV—VIII вв.
 Ганевская Э. В., Дубовин А. Ф., Огнева Е. Д. Пять семей Будды.
 Ольденбург С. Ф. Культура Индии.
 Майданов А. С. Тайны великой «Ригведы».
 Серебряков И. Д., Вашина Е. Ю. (ред.) Голоса индийского средневековья.
 Костяев А. И. Ароматы и запахи в истории культуры: знаки и символы.
 Костяев А. И. Вкусовые метафоры и образы в культуре.
 Костяев А. И. Проекция температурной чувствительности Человека культурного.
 Классическое искусство от Древности до XX века. Сборник статей.
 Сальникова Е. В. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х: Визуальные образы, герои, сюжеты.
 Мазеев А. И. Искусство и большевизм (1920—1930-е гг.).
 Манин В. С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917—1941 гг.
 Стигнеев В. Т. Век фотографии. Очерки истории отечественной фотографии.
 Стигнеев В. Т. (ред.) Фотография: Проблемы поэтики.
 Бодэ А. Б. Поэзия Русского Севера.
 Бодэ А. Б. Архитектурная сокровищница Поонежья.
 Анисимов А. В. Венеция. Архитектурный путешественник.
 Хан-Магомедов С. О. 100 шедевров советского архитектурного авангарда.